

Генераль А. И. Деникинъ

Очерки Русской Смуты

Томъ четвертый

1 9 2 5

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО», БЕРЛИНЪ

Генераль А. И. Деникинъ

Очерки Русской Смуты

Томъ четвертый

Вооруженныя силы Юга Россіи

1 9 2 5

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО», БЕРЛИНЪ

При составленіи послѣднихъ томовъ «Очерковъ Русской Смуты», я получилъ возможность пользоваться многими официальными и частными матеріалами — зачастую такими, которые въ свое время мнѣ не были извѣстны. Это обстоятельство расширяетъ освѣдомленность мою, какъ составителя «Очерковъ», по сравненію съ той, которою я обладалъ въ качествѣ главнокомандующаго.

Читатель приметъ это во вниманіе въ тѣхъ случаяхъ, когда въ книгахъ грань между элементами прошлаго и настоящаго проведена не достаточно ясно.

А. Деникинъ.

ГЛАВА I.

Крушение Германіи и ея ближайшія послѣдствія для Россіи.

Эпизодъ міровой войны вызвалъ глубокіе сдвиги въ ходѣ русской смуты.

Паденіе центральныхъ державъ — неизбежное, намѣчавшееся давно уже иль-лымъ рядомъ зловѣщихъ признаковъ, явилось все же неожиданнымъ по своей стремительности и катастрофическимъ размѣрамъ. Не только реальные послѣдствія его, но и сама грандіозность событія ошеломили и побѣдителей, и побѣжденныхъ, и тѣхъ, что стояли уже за сценой міровой трагедіи, но были еще связаны прочными цѣнями съ одной изъ сторонъ. Въ ближайшіе мѣсяцы послѣ окончанія войны мы станемъ, поэтому, свидѣтелями крайней неустойчивости и испонятыныхъ на первый взглядъ противорѣчій къ политикѣ державъ-побѣдительницъ. Мы увидимъ также, что тѣ скрѣпы, которыя въ 1914 году искусственно связали міръ въ два взаимно враждебныхъ лагера, начинаютъ понемногу рушиться, и пути народонъ расходятся вновь. Что, наконецъ, въ нравственный обликъ чело-вѣчества конецъ борьбы не внесъ умиротворяющаго начала, но углубилъ еще болѣе послѣдствія войны и революціи: безбрежную непамясть, разлившуюся по всему свѣту, и бездонный эгонзмъ — государственный, классовый и личный.

Намѣнились «театры», средства и способы, но сама борьба не стихла.

Наиболѣе разительныя противорѣчія въ этотъ періодъ являютъ собою жизнь Россійскаго государства.

Въ теченіе 6—8 мѣсяцевъ отъ Балтійскаго моря до Азовскаго стояла сплошная стѣна нѣмецкихъ штыковъ, отдѣлявшая 19 губерній¹⁾ отъ совѣтскихъ владѣній. По одной сторонѣ этого рубежа пло неприкрытое расхищеніе или балшавизація російской территоріи и тяжелая экономическая эксплуатація ея. По другую жизнь и достояніе населенія находились тамъ подъ защитой чужеземной власти, поскольку впрочемъ... полевая юстиція и широкая реквизиція не копирали права.

По другой сторонѣ бушевала анархія...

Нѣмецкій кордонъ, создавая тѣсную блокаду совѣтской Россіи, отрѣзал ея отъ морей, житницъ и угля, ставилъ въ весьма тяжелое положеніе всю политико-экономическую жизнь страны. Но онъ имѣлъ и нѣкоторыя положительныя стороны для совѣтовъ: присутствіе нѣмцевъ и договорныя отношенія съ ними обезпечивали совѣтскіе предѣлы отъ вторженія съ запада какой-либо иной враждебной внѣшней силы²⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ районѣ оккупаціи не допускали сколько-нибудь серьезной организаціи противобольшевистскихъ элементовъ. Ав-

¹⁾ Не считая Польши и Финляндіи.

²⁾ На Западномъ фронтѣ для наблюденія большевики держали не болѣе 15 тысячъ шт., отъ Пскова до Минска.

стро-нѣмецкая оккупация давала совѣтамъ «передышку», столь необходимую, въ виду надвигавшейся съ Востока и Юга опасности.

Пораженіе центральныхъ державъ должно было въ корнѣ измѣнить это положеніе.

И по одну, и по другую сторону «стѣны» возникла продиктованная, гдѣ надеждой, гдѣ страхомъ, увѣренность въ томъ, что измѣнятся лишь внѣшнія декорации; что австро-германцевъ смѣнятъ союзники, и военно-экономическая блокада совѣтской Россіи приметъ отнынѣ характеръ активной интервенціи. Русская общественность видѣла въ такой постановкѣ вопроса естественное продолженіе борьбы и морально связывающихъ союзническихъ отношеній, видѣла и существенные интересы самихъ державъ Согласія, для которыхъ распространеніе большевизма представляло прямую и явную угрозу. Такъ же думали и большевики: «опасность велика — говорилъ Троцкій — (тѣмъ болѣе), что у союзниковъ руки развязаны... Вся исторія сейчасъ, какъ въ одномъ комѣ, сгустилась для насъ въ атомъ вопросѣ...»¹⁾. Но не только мотивы чисто умозрительные поддерживали это убѣжденіе: оно основывалось на письменныхъ актахъ державъ Согласія и, какъ увидимъ ниже, на официальныхъ заявленіяхъ ответственныхъ ихъ представителей.

29 октября Германія приняла условія перемирія, продиктованныя ей побѣдителями. Въ части, касающейся Россіи, Согласіе потребовало: отхода австро-германскихъ войскъ Восточнаго фронта на государственную границу 1914 года, не опредѣляя, однако, срока; эвакуаціи портовъ Чернаго моря, съ выдачей союзникамъ всѣхъ судовъ и портовыхъ матеріаловъ — германскихъ, нейтральныхъ и русскихъ; аннулюванія Брестъ-Литовскаго договора; возвращенія русскаго золотого запаса²⁾; обезпеченія свободнаго прохода союзнаго флота черезъ Категать въ Балтійское море. Черезъ два дня общія условія перемирія были нѣсколько измѣнены въ пользу Германіи, причемъ очищеніе областей, «принадлежавшихъ передъ войной Россіи», было отложено до того момента, когда союзники признаютъ его возможнымъ, сообразно внутреннему положенію этихъ областей. Нѣмцы обязывались лишь прекратить реквизиціи и нынѣ принудительныя мѣры, имѣвшія цѣлью «добыть всеногательныя средства въ Россіи», и открыть свободный доступъ союзникамъ на востокъ черезъ Данцигъ и Вислу «для обезпеченія населенія продовольствіемъ и поддержанія порядка».

Несколько серьезны были первоначальныя намѣренія союзниковъ въ этомъ отношеніи, русская общественность не отдавала себѣ ленаго отчета. Но отовсюду — изъ западныхъ областей, съ Украины, съ Юга и изъ Крыма отъ правительственныхъ круговъ, общественныхъ и политическихъ группъ, всѣмъ доступнымъ путями текли просьбы къ союзникамъ объ интервенціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объ оставленіи въ оккупированныхъ областяхъ германскихъ войскъ впредь «до смѣны». Эти пожеланія раздѣлялись отчасти и германскимъ командованіемъ на Востокѣ, хотя бы по техническимъ соображеніямъ: оно стояло передъ стихійнымъ напоромъ солдатской массы, стремившейся вернуться домой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ полнымъ разстройствомъ — временами парализомъ — транспорта: на Востокѣ — отъ общаго неустройства, социальной и экономической распри, повстанчества и бандитизма; въ Германіи — отъ первыхъ потрясеній революціи и хлынувшей съ фронта трех-милліонной арміи, затопившей всю желѣзнодорожную сѣть страны. Въ результатѣ, главная нѣмецкая квартира въ Киевѣ давала успокоительныя завѣренія делегатамъ кіевскаго населенія, что германская армія «не покинетъ края, такъ какъ явилась она сюда не для завоеванія, а по приглашенію украинскаго народа для его защиты...» И въ то же

¹⁾ Докладъ въ Воронежѣ 5/18 ноября 1918 г.

²⁾ 27 ноября 1918 г. 320 милліоновъ рус. золотого запаса поступило въ Banque de France. Вислѣдствіи это золото раздѣлено и удержано англичанами и французами «въ обезпеченіе русскаго долга».

время въ приказѣ войскамъ опредѣлялся порядокъ начавшейся уже эвакуаціи — первоначально Крыма — съ требованіемъ сохраненія войсками дисциплины и порядка, безъ чего невозможно благополучное возвращеніе ихъ на родину... А злополучное украинское правительство, для котораго уходъ нѣмецкихъ войскъ знаменовалъ приближеніе конца, чтобы успокоить возбуденіе нѣмецкихъ солдатъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сплестъ расположенію союзниковъ, вынуждено было говорить, скрывая свое тяжелое положеніе: «слухи, будто правительство предумышленно задерживаетъ отставку германскихъ войскъ на родину... настолько бессмысленны, что только злопамѣтенность могла ихъ придумать. Украинская держава ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть заинтересована въ удержаніи на своей территоріи германскихъ войскъ...»¹⁾.

Отношенія совѣтской власти съ официальной Германіей долго оставались неопредѣленными. Въ октябрѣ берлинская полиція обнаружила въ багажѣ прибывшаго совѣтскаго представителя тюки прокламацій, призывавшихъ нѣмцевъ къ убійствамъ и террору. Только тогда нѣмецкое правительство рѣшилось, наконецъ, принять мѣры въ отношеніи «русскаго посольства», гдѣ подъ защитой экстерриториальности велъ разрушительную работу тѣсныи комплотъ русскихъ большевиковъ, нѣмецкихъ спартаковцевъ и «независимыхъ». «Большевическій ядъ — говоритъ Гольферихъ — черезъ русское посольство былъ причтъ нѣмецкому народному организму. Въ благодарности за спасительную помощь, оказанную нашимъ правительствомъ большевизму, онъ отблагодарилъ организаціей революціи въ Германіи, несомнѣнно способствовавшей нашей катастрофѣ». Это довольно распространеное мнѣніе страдаетъ, конечно, большой односторонностью: какъ весной 1917 года и с о д н о только нѣмецкое золото послужило причиной распространенія въ Россіи большевизма, такъ и въ концѣ 1918 года и с о д н а только агитація Юлфе и его сподвижниковъ вызвала возстаніе спартаковцевъ...

Отношенія съ совѣтами были порваны. Германское правительство потребовало отъѣзда изъ Германіи въ 24 часа всѣхъ находящихся въ Берлинѣ «русскихъ официальныхъ лицъ» и одновременно отзывало своихъ представителей изъ Москвы. Это выступленіе побужденной уже Германіи все же произвело въ Москвѣ известное впечатлѣніе, и Чичеринъ предостерегалъ «всѣхъ военкомовъ, командировъ и совѣты»²⁾, что «хотя нѣтъ признаковъ, заставляющихъ ожидать воснаго выступленія германцевъ, но слѣдуетъ быть наготовѣ, на случай всякихъ неожиданностей со стороны Германіи... Въ то же время изъ Москвы по всѣмъ направленіямъ передалались призывы къ «нѣмецкимъ товарищамъ» — свергнуть «правительство прицелъ (Максъ Ваделский), капиталистовъ и предателей... Шейдемановцы съ Эрихбергеромъ продадутъ васъ... Они договорятся съ англійскимъ и французскимъ капиталистамъ о разоруженіи... и тогда обратятъ васъ въ рабовъ. Только съ оружіемъ въ рукахъ вы захватите власть въ свои руки и образуете рабоче-солдатско-матросское правительство съ Либкнехтомъ во главѣ...»³⁾.

27 октября разразилась въ Берлинѣ революція, и власть въ Германіи перешла къ директоріи (по 3 члена отъ соц.-демократ. большинства и независимыхъ), во главѣ съ Эбертомъ. По образцамъ, выработаннымъ русской революціей, повсюду въ странѣ — въ городахъ, гарнизонахъ, на фронтѣ — возникли совѣты солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Въ Берлинѣ образовался главный совѣтъ, видѣвший изъ своего состава центральный исполнительный комитетъ изъ 27 членовъ. Совѣтъ и комитетъ дѣлали попытки ирравотворчества и декларированія

¹⁾ Официальное сообщеніе 26. XI. 18.

²⁾ Радиограмма 24 октября № 1090.

³⁾ Радиограмма отъ 28 окт.

максималистских принципов, но, темъ не менѣе, признала исполнительную власть директоріи.

Нѣмецкая революція возбудила въ совѣтскомъ станѣ безграничныя надежды. Волны радія несли изъ Москвы «восторженные привѣтствія», «оплакивали жертвы, павшія въ священной борьбѣ» и были полны такой плакатной пошлости и такого неупреждающаго агонистическаго ликования, что произвелъ, вѣроятно, гнетущее впечатлѣніе въ поверженной странѣ, переживавшей свой національный трауръ. Откликнулся берлинскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, но съ нимъ невозможно было технически установить прочную связь. Правительство же Эберта-Гаазе, «стоя на основахъ нормальныхъ правовыхъ взаимоотношеній», явно уклонялось отъ близкаго общенія съ московской властью, подъ предлогомъ оскорбленія германскихъ консуловъ Москвы и Петрограда, съ которыми совѣтъ комиссаровъ, «какъ съ представителями Гогенцоллерновъ», отказался продолжать сношенія. А главное — германское правительство подчеркивало, что оно «не въ состояніи устранить тѣ препятствія, которыя могло бы встрѣтить на пути своего возвращенія русское посольство...»¹⁾.

Изъ московское радіо начало мало-по-малу мѣнять изгибающій тонъ своихъ сообщеній. Посылались жалобы «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ», что «русское правительство стремится вступить въ связь съ товарищами новаго германскаго государства, но тщетно, несмотря на искренне выраженное желаніе берлинскаго рабочаго народа...» Просьбы, встрѣчаемыя съ недоверіемъ, «установить прямой проводъ Кювню — Берлинъ, по лѣзжанію кровавыхъ столкновеній въ оккупированныхъ областяхъ... Щедрые посулы — въ уплату за возобновленіе дипломатическихъ отношеній: «... Два поѣзда съ зерновыми продуктами стоятъ наготовѣ для трудового нѣмецкаго народа... И это только лишь начало...»²⁾. Пресловутые «два поѣзда» въ совѣтской политикѣ считались, очевидно, золотымъ ключомъ къ сердцу германскаго народа, такъ какъ о нихъ говорится въ нѣсколькихъ телеграммахъ Чичерина, наряду съ предложеніемъ другого важнаго предмета экспорта: «Ичиринъ проситъ также о пропускѣ въ Берлинъ «всѣхъ представителей московскаго совѣта нѣмецкихъ солдатскихъ депутатовъ», и безпріятельскаго распространія въ странѣ «документовъ, изготовленныхъ въ Москвѣ... нѣмецкимъ революціоннымъ солдатствомъ...» Неприятнѣе совѣтскаго правительства было такъ велико, что уже на 9-й день германской революціи московское радіо не могло побороть его: «Скорбь, раздраженіе усиливаются отъ доходящихъ до насъ свѣдѣній, что нѣмецкіе революціонные рабочіе и революціонные солдаты не пытаются вовсе проявить свою солидарность передъ лицомъ этой опасности...»³⁾. Правительство обращается съ призывомъ къ революціоннымъ массамъ въ Германіи...»

Въ это время германскій народъ самъ, безъ содѣйствія московскихъ правителей, вѣрнѣе, вопреки ему, разрѣшалъ вопросъ своего бытія. Группа Либкнехта (спартаконцы), поддерживаемая большевниками золотомъ, въ концѣ декабря произвела возстаніе, кроваво подавленное войсками, вѣрными правительству; вожди независимыхъ — Либкнехтъ и Роза Люксембургъ были убиты; созванное на 6 января 1919 г. Національное Собраніе установило новую конституцію германской республики. Первому правительству ея пришлось скоро (въ февралѣ) напяркъ большія усилія къ подавленію новаго возстанія спартаконцевъ, охватившаго Баварію, но это была уже послѣдняя серьезная вѣпшка воинственнаго коммунизма.

Революція охватила только страны побѣжденныхъ. Психологія побѣдителей оказалась не воспримчивой къ проповѣди крушенія современнаго государственнаго строя. Но и тамъ, въ странѣ побѣжденныхъ событія протекали иначе, чѣмъ въ Россіи: Германія, за ней Венгрія, въ силу индивидуальныхъ чертъ народнаго

¹⁾ Радиограмма отъ 1 ноября.

²⁾ Радиограмма отъ 12 ноября.

³⁾ Начавшіяся столкновенія между герм. солдатами и русскими большевиками оккупационной зонѣ.

характера, особенностей социально-экономического строя и не без влияния наглядных результатов русского опыта, избѣгли участи, предначертанной судьбою русскому народу.

Это обстоятельство похоронило надолго надежды московских коммунистов на близкую возможность мирового пожара.

Не достигнув желательных результатов в сношениях с центральной германской властью, советское правительство обрушилось всеми средствами агитации и пропаганды на войска Восточного австро-германского фронта. Делегации, воззвания, телеграммы внушали фронту идеологию и практику русского большевизма, в том числе необходимость «расправиться со своими офицерами и генералами, так как только вступление во власть солдат и рабочих вызовет доверие в пролетариат Англии и Франции, и они заставят свои правительства заключить почетный мир...» Ставились общія задачи и болѣе активныя:

«Въ Россіи, на Украинѣ, на Дону и въ Кубанской области есть хлѣбъ для насъ и для всѣхъ. Поэтому - то англичане спѣшатъ, чтобы помочь генераламъ Скоропадскому, Краснову и Деникину вырвать хлѣбъ у рабочихъ. Если вы хотите хлѣба, то спѣшите дѣйствовать. Германскіе рабочіе и солдатскіе и матросскіе совѣты должны немедленно по радиотелеграфу приказать находящимся на Украинѣ частямъ напасть на красновскія банды, въ то время, какъ Красная армія атакуетъ (ихъ) съ сѣвера... Совмѣстно мы можемъ въ двѣ недѣли раздавить ихъ...»

Всѣ эти призывы, влияя на ускореніе общаго развала австро-германскаго фронта, безсильны были, однако, побудить къ дѣйствіямъ людей, всѣ помыслы которыхъ были направлены къ возвращенію на родину, объятую пожаромъ, къ своимъ очагамъ, затеряннымъ въ его пламени и дымѣ. Этотъ моментъ въ психологич. оккупационныхъ войскахъ на западѣ Россіи сыграла такую же рѣшающую роль, какъ и въ чехо-словацкомъ движеніи на Востокѣ.

Не достигнувъ результата въ привлеченіи на свою сторону германскихъ войска, советская власть скорѣй измѣнила тактику: московское радио стало разносить по свѣту воззванія новоявленныхъ «рабочихъ и крестьянскихъ правительствъ Эстоніи, Латвіи, Литвы, Бѣлоруссіи» и проч., возникшихъ на стогнахъ Москвы и требовавшихъ скорѣйшаго ухода оккупационныхъ войска.

Развалъ разноязычной, разноплеменной австрийской арміи, съ потерей идеи общей государственности, проявился немедленно и окончателно. На пространствахъ отъ Елисаветграда до Одессы и до Новоселицъ, распушенные банды австрийцевъ, при содѣйствіи темныхъ элементовъ русскаго населенія, иногда при участіи крестьянъ сѣлыхъ деревень, сткавшихся къ городамъ и станціямъ, жгли, грабили магазины, базисные сады, запасы спирта и въ пьяномъ угарѣ учиняли погромы. Австрийскіе офицеры, бросивъ свой походный скарбъ, бѣжали сотнями въ зону германской оккупации. Командующій австрийскими войсками въ Одессѣ покончилъ съ собой, не вынеся картины развала. Австрийскія оккупационныя войска сразу перестали играть роль вѣшнего военно-политического фактора въ «русскомъ вопроеѣ», увеличивъ лишь собою ряды разбойной вольницы, поддерживавшей въ краѣ анархію.

Германскія войска не избѣжали общей участи, воспринявъ всѣ вѣшнія формы русской «революціонной арміи». Съ разныхъ сторонъ шли вѣсти о разложеніи вѣмецкихъ частей, о волненіяхъ, митингахъ, оскорбленіяхъ, убійствахъ офицеровъ, самовольномъ уходѣ частей изъ занятыхъ районовъ и повальномъ дезертирствѣ солдатъ, торопящихся на родину. Одновременно шла широкая спекуляція и распродажа военного имущества, лошадей, оружія и даже пушекъ.

Все это было.

Но было и другое: в мятущейся солдатской массе пла внутренняя борьба анархического мятежного начала с врожденной дисциплиной ибменкаго ума и духа, но позволившей переступить ту последнюю грань, за которой начинается самоубийство армий и наций. Германская армия перестала существовать, но осталась все же вооруженная сила, хотя и не желавшая больше воевать, но достаточно еще крепкая и организованная, чтобы в минуту отчаяния проложить себе путь на родину. Правительство Эберта-Гаазе-Шейдемана требовало от армий, чтобы, «несмотря на все обстоятельства, военная дисциплина и уголовный кодекс сохранялись в неприкосновенности». Изъ Ковно, Киева и других военных центров, изъ высших советов солдатских депутатов раздавался трезвый голос о поддержании порядка. «Мы твердо рѣшили удалить изъ своей среды все элементы, могущие вредить социалистической идее солдатских депутатов, но... энергично протестуемъ противъ великаго большевицкаго движенія въ нашей средѣ... Мы не допустимъ надъ собой насилія никакаго террористическаго меньшинства» — писалъ въ воззваніи-приказѣ Ковенскій советъ. Словно по внушенію, почти все солдатскіе комитеты выносили резолюціи, сводившіяся къ тремъ основнымъ положеніямъ: 1) сохранить организацію планомернаго очищенія оккупированной территоріи и правильной отправкы войскъ въ Германію; 2) до своего ухода оказывать противодѣйствіе наступленію советскихъ войскъ; 3) въ случаѣ внутреннихъ возстаній держать нейтралитетъ.

Въ полбѣе начался исходъ.

Даже въ техническомъ только отношеніи это была задача огромной трудности. Ибо на территоріи пылающей Россіи отъ Балтійскаго до Чернаго морей стояла еще полумилліонная армія — 36 австро-германскихъ дивизій, удаленныхъ отъ своихъ государственныхъ границъ отъ 600¹⁾ до 3½²⁾ тысячъ верстъ.

ГЛАВА II.

Внутреннее и военно-политическое положеніе советской Россіи къ концу 1918 года.

Къ 1919 году положеніе советской Россіи во мнѣніи не только враговъ коммунистической власти, но и правителей ея, представлялось глубоко безотраднымъ. Въ странѣ не было свободной печати, но и казенная, и подпольная³⁾ изо дня въ день рисовала картину полнаго и безнадежнаго развала всѣхъ сторонъ народной жизни. Советскіе правители въ своихъ многочисленныхъ выступленіяхъ подъ маской официальнаго оптимизма не могли скрыть своей жгучей тревоги. Перечитывая теперь, спустя пять лѣтъ, все эти поблекшія отъ времени и «проявленная» въ нѣкоторой исторической перспективѣ странницы — свидѣтельства нашихъ тогдашнихъ настроеній, видишь, насколько далеко были и мы, и они отъ правильной оцѣнки мощныхъ туковъ російской почвы, которую не можетъ обезплоднить въ концѣ даже самое варварское, истребительное хозяйничанье; отъ оцѣнки вѣнечерпаемыхъ богатствъ, накопленныхъ вѣками трудомъ народа и расточаемыхъ трутнями и хищниками смутнаго времени; необыкновенной живучести народнаго организма, противостоящаго невзгодамъ ряда лѣтъ войны, голода, мора, моральнаго и физическаго рабства; наконецъ, какъ далеко мы были отъ пониманія того безграничнаго долготерпѣнія и непротивленія русскаго народа, съ которымъ онъ несетъ свое постылое ярмо!..

Все отрасли народной хозяйственной жизни шли къ окончательному упадку, ведя къ продовольственному и товарному голоду и къ параличу транспорта. Го-

¹⁾ Псковъ — Вержбилово.

²⁾ Тифлисъ — Калішь.

³⁾ «Правда», «Навѣстія», «Сѣв. Коммуна», «Экономич. Жизнь» и т. д.

сударственные финансы держались только мощностью печатных станков¹⁾ инерцией общественного доверия к государственным денежным знакам старого образца. Достоинством внимания, что с 25 октября 1917 г. до апреля 1919 г. советское правительство не рѣшалось испытать доверие страны к «рабоче-крестьянской власти» и печатало фальшивые билеты Временного и Царского правительства — но старым клише, со старыми годами, дублируя нумерацию, и за подписью «царского» министра и управляющего государственным банком Шипова...

Номночисленный правящий класс — коммунисты, составлявшие едва ¼% населения советской Россіи, изображали изъ себя въ странѣ осажденный лагерь. Московская власть кропла по живому тѣлу страны «новыя, небывалыя формы организаціи», издавала и отмѣняла декреты и одновременно вела борьбу противъ въ сѣхъ. Борьбу противъ самовласти мѣстъ, гдѣ комиссары, комитеты, совѣты съ ихъ чрезвычайными комиссіями «расхищали власть центра», проявляли петершмыи областной (мѣстный) партикуларизмъ... Гдѣ, по выраженію Ленинна, «правила не коммунистическая партія, а просто трехвостка...» Откуда, съ низовъ общественной іерархіи, изъ волости доносились вопль: «члены совѣтовъ губятъ насъ, насилуютъ нашу волю, надъ нами издѣваются, какъ надъ бессмысленными скотами...»²⁾ Борьбу съ фабрично-заводскими комитетами, отстаивавшими свои элементарныя права противъ кабальной системы, введенной коммунистической администраціей фабрикъ и заводовъ, права на личную свободу, на «вольный трудъ» и голодный паекъ, низведенный въ первую треть 1919 года до размѣровъ 30% минимальной потребности... Борьбу съ кооперацией, которая декретомъ 20 марта 1919 г. была обращена въ государственный аппаратъ, съ мертвящей рутинной советскаго бюрократизма... Продолжалась борьба — широкая, вооруженная — власти и города противъ деревни... Вооруженный пролетаріатъ шель походомъ на деревню не только за хлѣбомъ, но и за землей: удержаніе въ рукахъ государства значительной земельной площади (совхозы), официально объявившееся соображеніями государственнаго норияжа, имѣло обоснованіемъ чисто классовыя соображенія: «надо закрѣплять и поддерживать движеніе рабочихъ на землю безъ разрыва съ фабрикой» — комментировалъ Ленинъ советскій декретъ. «Рабочій заинтересованъ въ производительности завода, несущей ему освобожденіе отъ невыносимаго гнета продовольственной диктатуры деревни...» Деревня оборонялась по своему: пассивно — уменьшеніемъ общей запашки до 40% и сокращеніемъ посѣвовъ техническихъ растений до 75%; активно — «голодными бунтами» въ уѣздахъ сѣверной и центральной Россіи, непрекращавшимися крестьянскими возстаніями, охватившими Московскую, Тамбовскую, Смоленскую, Рязанскую, Костромскую и друг. губерніи. Наконецъ, борьба жестокая, негребительная продолжалась противъ русской буржуазіи, интеллигенціи, людей науки и литературы, служителей церкви, бывшаго офицерства. Словомъ, «борьба противъ Бога, человека и природы». Терроръ «Че-ка» попрежнему не зналъ границъ въ числѣ своихъ жертвъ и въ жестокости мучителей.

Не избѣгли гоненія советской власти и социалистическія партіи, бывшія на полулегальномъ положеніи до февраля 1919 г., когда имъ былъ нанесенъ большой ударъ многочисленными арестами видныхъ членовъ. Съ тѣхъ поръ прекратилась всякая легальная дѣятельность въ советской Россіи соц.-рев. и соц.-дем. и органы ихъ ушли въ подполье. Тѣмъ болѣе страшнымъ представлялся тотъ поворотъ въ партійныхъ взглядахъ и тактикѣ этихъ партій, который привелъ ихъ къ безрезультатнымъ попыткамъ соглашения съ старымъ царствомъ и къ отказу отъ вооруженной борьбы съ большевиками.

¹⁾ До большевизкаго переворота всѣхъ денежныхъ знаковъ въ обращеніи страны было до 25 миллиардъ руб. Въ 1917 г. большевики выпустили 29 миллиардовъ.

²⁾ № 15 «Извѣстій» 19 г.

Официально въ постановленіи московской конференціи соц.-рев., состоявшейся 6—9 февраля 1919 г., мотивы такого рѣшенія приведены были слѣдующіе¹⁾:

« 4. Все болѣе объединяющаяся буржуазно-помѣщичья реакція, питаясь методами большевистской власти и опираясь на поддержку союзнаго империализма, стремится возстановить въ Россіи до-революціонные порядки и свергнуть страну во власть монархической реставраціи. Непримиримая борьба съ ней трудящихся классов диктуется ихъ жизненными интересами... »

« 8. Конференція рѣшительно отвергаетъ попытку сверженія совѣтской власти путемъ вооруженной борьбы, которая при распыленности и слабости трудовой демократіи и все растущей силѣ контръ-революціи служить только на пользу послѣдней и используется реакціонными группами въ цѣляхъ реставраціи... »

Позиція соц.-дем. меньшевиковъ въ этомъ вопросѣ была болѣе туманной, хотя и приводила къ тѣмъ же результатамъ. Лидеръ меньшевиковъ Давъ говорилъ обратившемуся къ нему представителю Национальнаго центра: « Мы не считаемъ возможнымъ сохранить нашъ прежній нейтралитетъ по отношенію къ той или иной части демократіи, которая связывается съ союзниками, потому что объективно эта часть демократіи теперь становится врагомъ революціи... Мы стоимъ за такое Учредительное Собраніе, которое рождено революціонной волей. А чтобы создать такую волю, необходимо прекратить, прежде всего, гражданскую войну между двумя частями демократіи — крестьянствомъ и пролетариатомъ. Назвать эту волю силой пролетариату нельзя. Поэтому наша тактика должна быть направлена къ тому, чтобы рабочіе большевики сами бы пришли къ необходимости соглашенія съ другими частями демократіи. Вотъ почему, мы являемся рѣшительными противниками сверженія большевиковъ вооруженной силой въ союзъ съ пущими классами... »

Безъ сомнѣнія, такая мотивировка была не искренней. Она прикрывала реальное и политическое безсиліе и одиночество революціонной демократіи. Историческіе и социальныя процессы привели къ созданію на территоріи Россіи трехъ разнородныхъ вооруженныхъ силъ: Бѣлой, Красной и Зеленой армій. Ни въ одной изъ этихъ силъ революціонная демократія не могла создать себѣ не только политическаго главенства, но и сколько-нибудь прочнаго вліянія. Ходомъ событій она была отброшена поэтому въ сторону отъ поля битвы, не переставая, однако, и затѣмъ наносить извнѣ удары, направленные по преимуществу въ сторону бѣлаго движенія.

Тяжело было положеніе совѣтской власти и въ области международныхъ отношеній: послѣ паденія центральныхъ державъ измѣнился составъ внѣшнихъ фронтовъ, но блокада — политическая, экономическая, моральная и стратегическая замкнулась окончательно, отрѣзавъ совѣтскую Россію отъ внѣшняго міра.

Въ октябрѣ 1919 г., давая отчетъ о внѣшней политикѣ совѣтсовъ за два минувшихъ года, Чичеринъ характеризовалъ ее, какъ отчаянныя попытки «вырваться изъ изолированнаго положенія». До осени 1918 г., въ періодъ полной ненадежности государственнаго аппарата и арміи, это было достигнуто цѣною Брестъ-Литовска, используя противоположеніе интересовъ Согласія и центральныхъ державъ. Съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось близкое крушеніе Германіи, совѣтъ комиссаровъ началъ всевозможныя попытки сближенія съ державами Согласія, въслѣдствіи и съ западными новообразованіями, цѣною хотя бы тяжелыхъ матеріальныхъ и территориальныхъ компенсацій.

Совѣтская власть отнеслась съ серьезнымъ безпокойствомъ къ новой военно-политической конъюнктурѣ. Въ своемъ докладѣ 6-му съѣзду совѣтсовъ въ концѣ октября Брештейнъ говорилъ: «въ связи съ злѣйшимъ временемъ, на сѣверѣ намъ

¹⁾ Позднѣе, во второй половинѣ іюня подтверждено 9-мъ совѣтомъ партіи.

опасность не грозит, (но) на южном фронте до сих пор дѣла обстоятъ плохо... На югѣ намъ грозитъ объединеніе пѣмецко-красновскихъ бандъ съ французско-бельгійско-алекеѣвскими...» Въ началѣ октября Чичеринъ опубликовалъ въ московскихъ «Извѣстіяхъ» свою ноту президенту Вильсону, составленную въ обычномъ стилѣ большевnickаго лживаго пафоса: «мы готовы... заключить перемиріе, если вы намѣрены удалить войска съ Мурмана, Архангелска и Сибиря. Мы согласны заключить миръ, но ставимъ слѣдующій вопросъ: намѣрены ли правительства Согласія перестать требовать крови русскаго народа, если они согласятся уплатить и откупиться отъ нихъ... Если да, то какую дань требуютъ союзники концессіями, рудниками, пріисками и территоріей. Если вы не дадите отвѣта, то народъ русскій пойметъ, что условія Согласія столь тяжелы, что вы не желаете даже сообщить ихъ русскому правительству...»

Нота эта, предназначенная, очевидно, исключительно для агитаціи, осталась безъ отвѣта.

21 октября Чичеринъ вновь уже въ болѣе корректныхъ выраженіяхъ обратился по радио къ державамъ Согласія, «желая положить конецъ враждебнымъ дѣйствіямъ», съ запросомъ — когда и куда должны прибыть совѣтскіе представители для переговоровъ...

Въ то же время (конецъ октября) всероссійскій и. н. к. принялъ резолюцію объ аннуированіи Брестъ-Литовскаго мира

Наконецъ, въ потѣ отъ 4 февраля совѣтское правительство пошло на полную капитуляцію: оно предлагало за миръ «признать свои финалеовыя обязательства по отношенію вѣхъ кредиторовъ, какъ государствъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ, входившихъ въ составъ союзныхъ державъ», выражало готовность «предоставить концессіи на рудники, лѣса и т. д. граждапамъ союзныхъ державъ», и даже... «вести переговоры съ союзными державами по вопросу о территориальныхъ уступкахъ».

Эти попытки чередовались, впрочемъ, съ рѣзкими призывами московскаго радио отъ имени III интернационала¹⁾, коммунистической партіи и отдѣльныхъ представителей совѣтской власти — призывами къ низложенію буржуазныхъ правительствъ Европы, для которыхъ персонально и огульно въ большевnickомъ лексиконѣ находились самыя презрительныя опредѣленія. Въ то же время между совѣтомъ комиссаровъ и германскимъ правительствомъ по официальной большевnickой терминологіи — «соціалъ-предателями и палачамъ» — шли также переговоры: тайно — о политическомъ и военномъ соглашеніи и открыто — о возстановленіи экономическихъ отношеній обонхъ государствъ. Особенности новаго «пролетарскаго» языка и пріемовъ большевnickовъ перестали, повидному, смущать реальныхъ политиковъ запада, привыкшихъ по традиціи облекать въ изысканную форму даже тягчайшіе акты насилія и теперь искавшихъ безнадежно выхода въ игръ, небывало запутанной и осложненной грубымъ политическимъ и социальнымъ шантажемъ.

Всѣ эти многократныя попытки сближенія съ державами Согласія оставались безъ результата, свидѣтельствуя лишь о томъ, въ какомъ тяжеломъ внутреннемъ и международномъ положеніи находилась тогда совѣтская Россія, и какія, поэтому, огромныя о б ъ е к т и в н ы я возможности имѣла союзники для разрѣшенія русскаго вопроса.

Эти неудачи, по словамъ Чичерина, поставили передъ большевиками вопросъ о рѣшеніи восточной проблемы, какъ единственнаго способа борьбы съ сильными империалистическими державами.

«Революція на западѣ замедлилась. Мы должны зажечь востокъ, поднять бѣдноту Турціи, Персіи, Индіи, поднять Афганистанъ!...»²⁾.

¹⁾ Образовался на съѣздѣ въ Москвѣ въ мартѣ 1919 г.

²⁾ Подвойскій.

Тѣмъ временемъ въ началѣ 1919 года завершилась и стратегическая блокада совѣтской Россіи. Намѣренія противниковъ были совершенно не ясны совѣтской власти, силы ихъ оставались невыясненными. Въ сохранившемся боевомъ расписаніи большевисткаго ген. штаба въ серединѣ января онѣ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1. Сѣверный фронтъ (отъ Мурмана до Печоры) 57 955 штыковъ.
2. Финляндскій фронтъ 55 800 штыковъ.
3. Западный фронтъ (отъ Финскаго залива до Ринги и до Мозыря) 20½ пѣх. дивизіи и 1 кавал. дивиз., изъ которыхъ 12 пѣх. и 1 кав. — германскія, прочія — бѣлогвардейскія.
4. Германско-украинскій фронтъ (отъ Мозыря до Азовск. моря) 17 пѣх. дивиз. и 4 кав. дивиз.
Донской и Добровольческой фронтъ (по совѣтскимъ границамъ Донск. обл. и между Азовскимъ и Каспійскимъ морями) 51 пѣх. див. и 32 кав. дивиз.
6. Восточный фронтъ (отъ Верхотурья до Гурьева) 35½ пѣх. див., 17½ к. д.

Число дивизій у враговъ совѣтской власти, какъ увидимъ ниже, было фактически меньше, внушительныя названія «дивизія» нерѣдко на русскихъ фронтахъ носили части не свыше тысячъ штыковъ... Но, тѣмъ не менѣе, въ тѣсномъ кольцѣ, сжимавшемъ со всѣхъ сторонъ совѣтскую Россію, стояло подъ ружьемъ до полумилліона враговъ; въ пять морей и два океана находились во власти флота Согласія, а въ портахъ Бѣлаго и Чернаго морей и Великаго океана высаживались международные десанты союзниковъ...

Предстояла борьба тяжелая, борьба за самосохраненіе и за власть коммунистической партіи, роковымъ образомъ ставившая на карту судьбы всего русскаго народа.

Одно изъ могучихъ средствъ борьбы пропаганда — велась большевиками въ размѣрахъ небывало широкихъ. Она проникла всевозможнымъ путемъ въ ряды оккупационныхъ и бѣлыхъ войскъ и въ занятые ими районы. По мнѣнію совѣтскихъ военныхъ авторитетовъ эта работа «играла рѣшающую роль въ организаціи побѣды красной арміи».

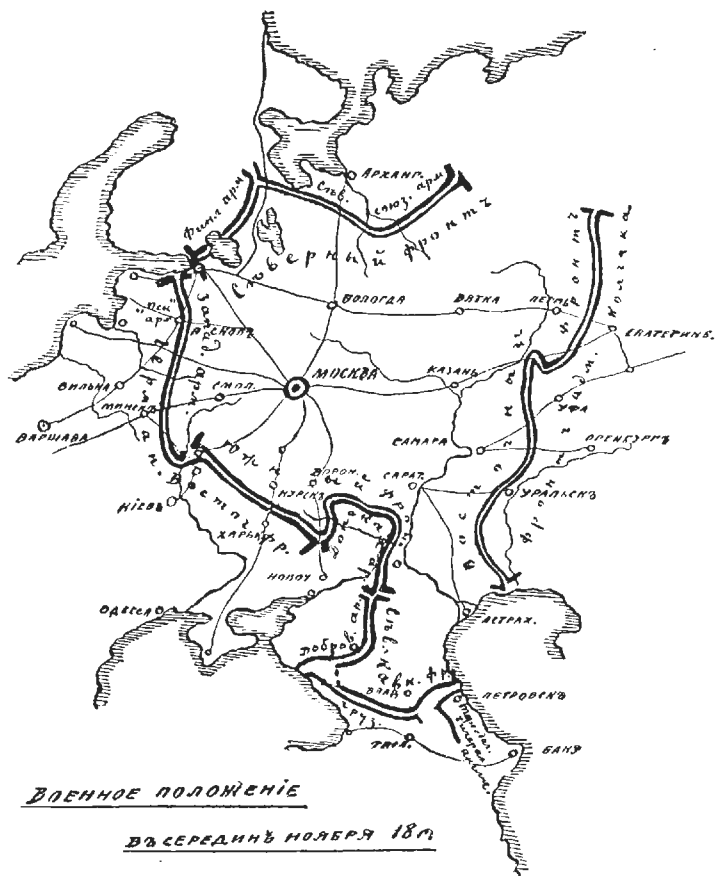
«Буржуазію мы не находили нужнымъ привлекать на свою сторону, — говоритъ совѣтскій офицеръ¹⁾. — Правда, дѣлались попытки разложить буржуазію, вѣрнѣе, тѣхъ, кто находился у нея въ услуженіи: части офицерства дѣлались предложенія о переходѣ на сторону совѣтской власти...» Весь центръ тяжести агитаціи и пропаганды былъ перенесенъ въ рабочую и крестьянскую среду.

Отдавалъ пальму первенства въ техникѣ веденія пропаганды буржуазнымъ государствамъ и, въ частности, Франціи, передъ которой «мы жалкіе пигмеи», Бронштейнъ поясняетъ: «дѣло не въ томъ, что мы выдумали пропаганду... дѣло даже не въ методахъ, которые значительно болѣе совершенны у нашихъ противниковъ, а дѣло въ классовомъ содержаніи, въ той идеологіи, которой мы насытили свою пропаганду. И хотя, по словамъ Ленина, круто мѣнявшая въ 1919 г. крестьянскую политику, «классы нельзя обмануть», хотя суровая дѣйствительность стояла въ разительномъ, вопиющемъ противорѣчій съ обольстительными посулами большевисткой пропаганды, но она имѣла дѣйствительно извѣстный успѣхъ, не только въ силу ошибокъ, проявленныхъ противниками совѣтской власти, но и потому, что не встрѣчала равноцѣпныхъ по демагогической сущности общацій съ другой стороны, потому, что не улетѣла, еще выравнявшаяся изъ береговъ народная стихія».

¹⁾ Офиц. сборникъ «Выш. воен. - революц. совѣта».

Народъ жилъ еще миражами, хотѣлъ быть обманутымъ и поддавался злобазу.

Сфера дѣятельности большевnickой пропаганды выходила далеко за предѣлы Россіи. Въ мартѣ 1919 г. во французскихъ и швейцарскихъ газетахъ появилась «инструкція» совѣтскаго правительства представителямъ и агентамъ совѣтской

республики за границей, выработанная въ Кремль въ началѣ ноября 1918 г. Она давала указанія для революціонной работы въ грандіозномъ мировомъ масштабѣ. Въ области международныхъ отношеній указывалось поддерживать коммунистическія движенія и національные конфликты; въ области внутренней полтички — вызывать противоправительственныя движенія; въ экономической — поддерживать забастовки, дезорганизовать транспортъ, создавать финансовыя затрудненія — между прочимъ и наводненіемъ рынка фальшивыми деньгами; въ военной

области — разлагать армию пропагандой и возбуждением солдат против офицеров. Все эти действия должны были способствовать внутренним переворотам и волнениям в «буржуазных империалистических странах», подготовляя почву для пришествия всемирной революции.

Оставляя в стороне вопрос о подлинности этого документа, нельзя не признать об объективности его правды: все его положения соответствуют в полной мере заявлениям советских правителей и служебного органа советской власти — III интернационала, соответствующей деятельности их, поглащающей огромные средства — последние финансовые ресурсы обнищавшей страны.

Передь миром встала новая угроза, симптомами которой начали вскоре появиться в самых отдаленных углах земного шара.

Принимались чрезвычайные меры и к созданию Красной армии.

В начале 1919 г. большевистская власть почти окончательно ликвидировала прежнюю добровольческую и партизанскую системы комплектования, перейдя по ходу к всеобязательной воинской повинности и к регулярным нормам организации. К октябрю 1918 г. призваны были уже «все трудящиеся» в возрасте от 18 до 35 лет. Собранный в декабре 1918 г. в Москве «военный конгресс» вынес постановление о «всеобщем военном обучении», которое по заявлению Подвойского должно было к весне 1919 г. поставить в ряды Красной армии до 3-х миллионов бойцов. «Конгресс» призывал Россию «бороться с протягивающимися к ней руками черного интернационала трудами необходимой армии пролетариев красного интернационала». Таким образом, национальный момент в предстоящей борьбе был исключен вовсе. «Наша борьба — говорить один из советских деятелей — шла под лозунгом не защиты России, как таковой, а защиты власти крестьян и рабочих. Наша борьба была не борьбой против какого-либо государства, как такового, а борьбой против буржуазии, где бы она ни находилась...»¹⁾

Не раз, впрочем, большевики отойдут от этого принципа, когда это им будет выгодно или необходимо. Так они поведут под национальным лозунгом красные эстонские и латышские полки в Прибалтику. «Повстанческую Украинскую армию» Антонова-Овсёенко против немцев и петлюровцев на Украину; наконец, в 1920 г. в критический момент войны с волевыми трагичным и недоумным диссонансом прозвучит призыв Брусиловым всей нации к патриотизму... Призыв, родившийся по инициативе терявшего почву правительства и командования, «несмотря на борьбу (с этим) руководящей партии»²⁾.

Красная армия, в значительной степени, утратила тот сословный характер, который имела Красная гвардия. Но, вместе с тем, она стала слабее морально. В ней не было и тогда того нафоса, того энтузиазма, о которых слагают легенды советские историки. Она была скована только силой государственного аппарата, террора и принуждения и до некоторой степени примырена тем принужденным положением, в котором находился солдат в голодной, нищей стране. В состав ее вводили, вѣдь, в огромном числѣ, элементы, чуждые коммунистической идеологии: на верхах — старый генеральный штаб и многочисленные представители «царского» офицера, внизу — в преобладающей массе крестьянство — по словам советских авторитетов — «в громадном большинстве мелко-собственническое, не имѣвшее ярко сознанных классовых интересов», крестьянство, которое «без большого труда комплектовало и те массы, которая буржуазия направляла против (советской власти)»³⁾.

¹⁾ Офиц. сборник «Высш. военн.-революц. совѣта».

²⁾ Idem.

³⁾ Idem.

Красная армия сдѣлала извѣстные успѣхи въ организаціи, обученіи и устройствѣ технической и матеріальной части. Потому ли, что не было времени на приисканіе новыхъ пролетарскихъ формъ организаціи, потому ли, что военная наука такихъ формъ не знаетъ, а во главѣ арміи фактически стоялъ старый командный составъ — Красная армія строилась всецѣло по образцу и подобию арміи императорской. Исключеніемъ представляли лишь коллегіальная форма верховной военной власти, шестигуль комиссаровъ и ком-ячейки, въ рукахъ которыхъ находилась надзоръ за команднымъ составомъ и политическое воспитаніе массы. Во главѣ вооруженной силы поставленъ былъ «Высшій военно-решолюціонный совѣтъ» съ председателемъ Бронштейномъ и членами Подвойскимъ, Антоновымъ, Сталинскимъ и друг. Фактически, однако, вся власть была въ рукахъ Бронштейна. Центральное Управление снабженій, созданное въ июль 1918 г., имѣло также коллегіальный составъ — во главѣ «спеціалистъ» и при немъ два комиссара. Въ такомъ видѣ управленіе просуществовало до декабря, когда перешло окончательно къ единоличному возглавленію.

Къ началу 1919 года вооруженныя силы совѣтской Россіи сведены были въ 12 армій, состоявшихъ изъ отдѣльных пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій, насчитывавшихъ вмѣстѣ съ внутренними резервами номинально до 800 тыс. бойцовъ. Главнокомандующимъ былъ офицеръ генеральнаго штаба, латышъ Вацетисъ.

Въ половинѣ ноября 1918 г. на соединенномъ засѣданіи Совѣта народныхъ комиссаровъ и Совѣта народнаго хозяйства было выяснено отчаянное экономическое положеніе страны, отрѣзанной отъ источниковъ питанія сырьемъ.

Въ общихъ ресурсахъ государства имѣлось не болѣе трехмѣсячной потребности желѣза, 14% чугуна и почти полностью отсутствовала мѣдь; запасы хлопка на фабрикахъ и заводахъ опредѣлялись къ октябрю 1918 г. въ 775 тыс. пудовъ, противъ 3-хъ миллиардовъ, имѣвшихся къ октябрю 1917 г.; нефти было всего 30 милл. пудовъ; каменнаго угля — треть минимальной потребности и т. д. Единственное спасеніе совѣтской Россіи совѣщаніе видѣло въ расширеніи ея предѣловъ и, главнымъ образомъ, въ походѣ за донецкимъ углемъ и ташкентскимъ хлопкомъ. Эти основанія, наряду съ военно-политическими соображеніями, въ частности, безисловіемъ Украинны и стремленіемъ Бронштейна «просунуться между уходящими германскимъ милитаризмомъ и приближающимся англо-французскимъ» — легли въ основу выработаннаго тогда же совѣтскимъ командовавшимъ плана зимней кампаніи 1919 года.

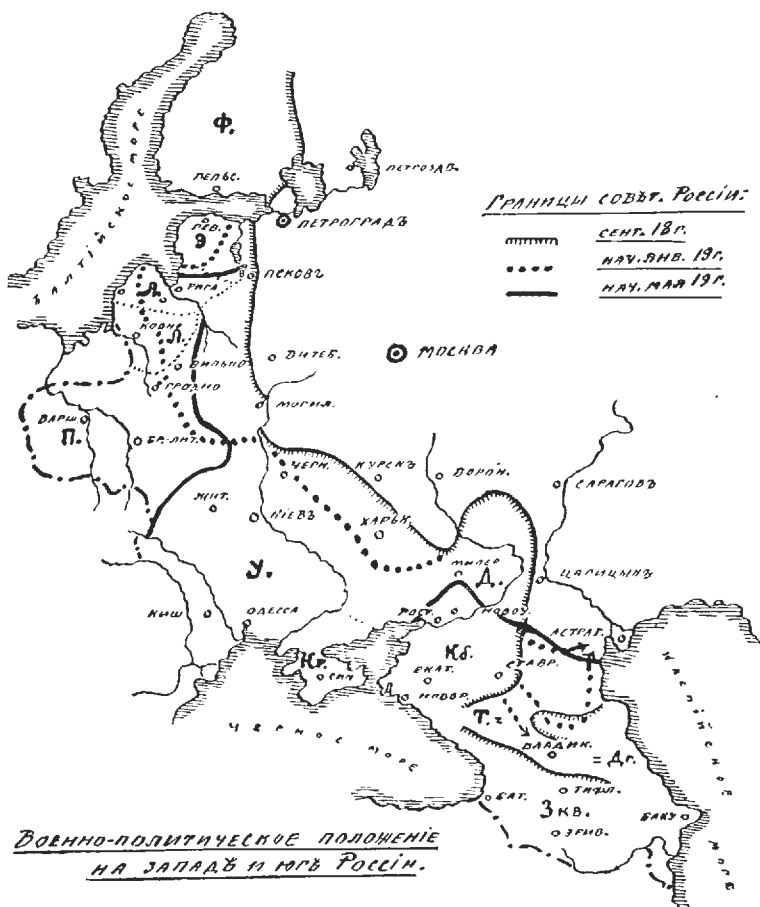
Въ февралѣ¹⁾ и апрѣлѣ 1919 г. я получилъ два варианта этого плана, нѣсколько различавшихся въ деталяхъ, но по существу тождественныхъ. Красной арміи ставилась задача:

1. На Сѣверномъ фронтѣ (VI отд. армія ген. Самойло, 16½ тыс.)²⁾ — активная оборона Архангельскаго направленія.
2. На подступахъ къ Петрограду отъ Олонца, Выборга, Нарвы и Пскова (40—50 тыс.) — также активная оборона.
3. На Западномъ фронтѣ (ген. Сибсаревъ: VII и Западн. арміи, позднеѣ и XVI, 50—60 тыс.) ставилась задача — захватить важнѣйшіе желѣзнодорожные узлы — Валкъ, Ригу, Двинскъ, Ковно, Брестъ-Литовскъ и др.
4. На Украинскій фронтъ подъ командой Антонова-Овсѣенко были двинуты только небольшіе кадры, сведенные въ двѣ регулярныхъ дивизій (16 тыс.), пополнявшіяся исключительно мѣстнымъ элементомъ по мѣрѣ продвиженія и выросшія затѣмъ въ «Повстанческую Украинскую армію». Назначеніе дивизій Антонова — поднять Украинну и воссоединить ее съ совѣтской Россіей.

¹⁾ Отъ 17 января.

²⁾ Ранѣе въ составъ фронта входила и VII армія

5. На Южномъ фронтѣ (ген. Сытинъ — группа Кожевникова, позднѣе XIII армія, VIII, IX, X армій и отрядъ Терехова, свыше 100 тыс.) указано было первоначально овладѣть Донецкимъ каменно-угольнымъ бассей-

номъ и отбросить Донское войско за Донъ, панеся ударъ въ трехъ главныхъ направленіяхъ: отъ Воронежа, Балашова и Царицына.

6. На Восточномъ фронтѣ (полк. Камешель: I, II, III, IV и V армій, свыше 100 тысячъ), активная оборона по Уралу и наступленію въ Ташкентскомъ направленіи.

На Кавказѣ въ началѣ 1919 года происходила окончательная ликвидація Добровольцами XI и XII совѣтскихъ армій, насчитывавшихъ еще до 75 тыс. штыковъ.

Командуючий 10-й совѣтск. арміей, Егоровъ.

Штабъ 10-й сов. арми.

Таким образом, по распределению сил и стратегическим директивам советского командования, главный удар наносился на Южном фронте, пять многострелковыми войсками, волею судеб стоявшим на путях к углю и нефти в протраждавшемся свая центральной России с Северо-Кавказской красной армией, которой угрожала окончательная гибель.

— На южном фронте, — говорил Бронштейн, — бьется нуль советской республики. Мы кликнули клич Петроградским и Московским советам. Последующие дни туда посланы сотни новых работников... Все на южный фронт: работники, автомобили, винтовки, орудия... Нам нужно занять Дон, Северный Кавказ, Каспий, поддержать Украину. В Донской области мы должны разбить завязывающуюся узел контр-революции¹⁾.

ГЛАВА III.

Эвакуация австро-германских войск. Изменение политической карты России и организация противобольшевистских сил на Западе. Финляндия. Северо-Западная область. Эстония. «Северный корпус». Ген. Юденич.

По требованию держав Согласия германские войска в середине декабря покинули Финляндию. Уходили они провожаемая сожалениями и добрыми пожеланиями. Но создававшаяся в стране обстановка не исключала возможность продолжения германской политики: английская флот в конце декабря появился в Финском заливе; разрыв с Россией, являвшейся почти исключительным рынком сбыта финляндской промышленности и, вместе с тем, главным источником Финляндии, вызвал глубокий экономический кризис; нужны были свободные руки, новые рынки, кредиты и, прежде всего, хлеб. И реальные политики нового государства легко переменили ориентацию, получая английские товары, американский хлеб и даже французское вооружение, снаряжение и инструкторов для организации своей армии.

Державы Согласия, имея в этот период неограниченное влияние на финляндское правительство, не оказывали на него давления в смысле направления русской политики. От Финляндии требовались лишь лояльность в отношении Согласия и прекращение всяких обязательств в отношении Германии.

Отделение Финляндии от России, не обеспеченное никакими стратегическими гарантиями, ставило в невыносимое положение нашу сухопутную и морскую ударную оборону. Но новал держава с первых же шагов своего появления настойчиво стремление к дальнейшему округлению своих границ за счет метрополии, по мотивам весьма противоречивым:

Аландские острова, населенные шведами²⁾ и прибрежные России по Фридрихсгамскому миру, требовались Финляндией по условиям географическим, как составляющие естественное продолжение Финского побережья, и историческим, как включенные в состав Финляндии актами императора Александра I-го в 1809 г. Этот архипелаг является ключом к обладанию Ботническим заливом и протраждает все внутренние шхерыные пути к побережью Финляндского залива от Петрограда...

Восточная Карелия³⁾ причислялась к Финляндии по принципу «самоопределения народов», на основании атавистических признаков племенного родства... К тому же захват этой территории, вместе с частью

¹⁾ Из речи в годовщину октябрьской революции.

²⁾ По переписи 1910 г. — лиц, признававших родным языком шведский, было 96% всего населения.

³⁾ Часть Олонцкой губ. между Ладожским и мь озерами.

Мурманской жел. дор. и рѣкой Свирью, отрѣзалъ отъ Россіи единственный выходъ къ незамерзающему порту и лишалъ ее свободнаго плаванія по сѣверной рѣчной системѣ...

Печенгская губа, гдѣ еще въ XII столѣтіи ходили суда Великаго Цовгорода и гдѣ поселенія — по преимуществу русскія, требовалась финляндцами просто по соображеніямъ экономическимъ, какъ выходъ къ океану.

Наконецъ, Финляндія присвоила себѣ уже безъ всякаго основанія огромное многомиллиардное русское имущество — казенное и общественное, запасы, арсеналы и склады Сѣвернаго фронта и морскихъ базъ, военныя и коммерческія суда и т. д., и т. д. Безъ соглашенія, безъ войны, просто въ силу безпомощности, или вѣрнѣе, отсутствія законной русской власти. Этотъ вопросъ также долженъ стать неминуемо когда-нибудь на очередь...

Какая же Россія, какое русское правительство могло пойти навстрѣчу вѣдъмъ вождѣніямъ финляндцевъ?

Даже совѣтская власть, такъ легко поступающая и национальнымъ достоинствомъ, и экономическими интересами Россіи, противилась имъ. Но она, по крайней мѣрѣ, признала безоговорочно независимость Финляндіи, давъ тѣмъ прочную политическую базу для дальнѣйшихъ переговоровъ. Организанія, представлявшія въ то время противобольшевническую Россію — поборники національной идеи — не шли такъ далеко. Русскій посланникъ въ Парижъ Маклаковъ выступилъ съ деклараціей¹⁾ «отъ имени русскаго правительства» (?), въ которой, между прочимъ, общалъ Финляндіи «возстановленіе временнымъ правительствомъ конституціонныхъ правъ (ей) и готовность Россіи идти навстрѣчу стремленіямъ (Финляндіи), при условіи соблюденія военныхъ и экономическихъ интересовъ Россіи...» «Русскій комитетъ» въ Гельсингфорсѣ, возглавляемый Карташевымъ, и военная партія ген. Юденича — эмбрионы будущей гражданской и военной власти на Западѣ Россіи — «стояли на почвѣ злаяго признанія независимости Финляндіи», но окончательное рѣшеніе вопроса ставили въ зависимость отъ Россійскаго Учредительнаго собранія. Такого же взгляда придерживался Омскъ, поручавшій Сазонову «содѣйствовать установленію дружественныхъ отношеній съ Финляндіей», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, «дать понять, что признаніе независимости должно быть отложено до Национальнаго собранія»²⁾.

Я лично значалъ не исключать возможности содѣйствія финляндской арміи въ противобольшевнической борьбѣ и велъ по этому поводу бесѣды съ полковникомъ ген. штаба Энкелемъ, занявшимъ впоследствии высокую постъ въ финляндской арміи. Но подъ впечатліемъ финляндскихъ требованій, гоненій тамъ на русскіхъ людей и болѣе чѣмъ двусмысленной политики державъ Согласія, съ конца 1918 г. я сталъ окончательно на точку зрѣнія, что помощь Финляндіи была бы куплена нами слишкомъ дорогою цѣной и что, поэтому, вступленіе финляндскихъ войскъ на русскую территорию недопустимо.

По поводу признанія независимости Финляндіи правительствами Англій Соединенныхъ Штатовъ, я обратился къ этимъ державамъ съ заявленіемъ:

«Россія относится съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли о самостоятельномъ развитіи Финляндіи; однако, высшіе интересы народовъ восточнаго Поволжья требуютъ, чтобы будущія ихъ взаимоотношенія были основаны на принципахъ способныхъ обезпечить обоюдное ихъ преуспеваніе и огражденіе жизненныхъ потребностей. Съ этой точки зрѣнія, рѣшеніе финляндскаго вопроса, принятое независимо отъ Россіи и безъ соображенія съ ея первостепенными государственными интересами, въ первую голову стратегическими, является для русскаго народа неприемлемымъ»³⁾.

Подобное же официальное заявленіе въ твердой и категорической формѣ было сдѣлано Парижскимъ совѣщаніемъ. Неофициально, однако, совѣщаніе не было

¹⁾ Телеграмма въ январѣ 19 г. № 137.

²⁾ Телеграмма отъ начала марта 19 г.

³⁾ Мав 1919 года.

такъ непримиримо. И когда въ маѣ 1919 г. до Парижа дошли слухи, что ген. Юденичъ цѣною безоговорочнаго признанія Финляндіи желалъ купить помощь ея для похода на Петроградъ, В. А. Маклаковъ пишетъ на Югъ¹⁾: «Въ этомъ вопросѣ у насъ здѣсь (полное) разнообразіе мнѣній... Мы не благословляемъ Юденича дѣлать подобное заявленіе, но и не рѣшаемся его властно и грозно остановить. Грубо — я бы сказалъ, что мы предоставляемъ ему сдѣлать это для насъ, а въ случаѣ неудачи сломать себѣ шею одному...»

Такимъ образомъ, передъ финляндскимъ правительствомъ стояла дилемма: совѣтская власть и перспектива длящейся смуты и безсилія русскаго государства, дающая время и возможность новообразованію сложиться и окрѣпнуть — или противобольшевицкія силы и вѣроятность скорого возстановленія Россіи... Съ одной стороны — безусловное признаніе самостоятельнаго бытія Финляндіи, съ другой — условное, поставленное въ зависимость отъ Всероссийскаго Собранія, ни политической обликъ, ни рѣшенія котораго нельзя было предвидѣть.

Была еще одна чисто объективная данная — грозная опасность, вытекавшая изъ длительного сосѣдства съ большевицкимъ очагомъ... Московское радио увѣряло о миролюбии совѣтовъ и настойчиво напоминало финляндцамъ, что «только союзъ съ совѣтской Россіей можетъ гарантировать Финляндіи ея самостоятельное существованіе». Тогда какъ Колчакъ и руководимыя имъ правительства собираются уничтожить самостоятельность балтійскихъ государствъ... Но, въ то же время существовавшая въ Москвѣ «Финская коммунистическая партія» проявляла оживленную дѣятельность въ дѣлѣ пропаганды и военной организаціи. Центральнй комитетъ ея издавалъ и переправлялъ черезъ границу двѣ газеты на финскомъ языкѣ, журналъ для солдатъ и агитационную литературу, побуждавшую къ вооруженному перевороту въ Финляндіи и присоединенію ея на федеральныхъ началахъ къ совѣтской республикѣ... Но финляндская власть считала, очевидно, свой народъ мало податливымъ къ воспріятію коммунистическихъ идей, свою армію, составленную изъ элементовъ городской и крестьянской буржуазіи, вполне надежной, а крайнія лѣвыя группы, послѣ кроваваго подавленія большевицкаго восстанія ген. Маннергеймомъ весной 1918 г., совершенно разгромленными. Настолько, что финляндское правительство сочло возможнымъ дать широкую амнистію находившимся въ заключеніи участникамъ коммунистическаго выступленія.

Что касается стратегическаго положенія въ отношеніи совѣтской Россіи, оно представлялось финляндцамъ, и было на самомъ дѣлѣ, чрезвычайно благоприятнымъ для нихъ. Финляндія владѣла укрѣпленнымъ побережьемъ и шхерными путями Финскаго залива; ея армія состояла изъ 3-хъ, 4-хъ дивизій, силою въ 40—50 тыс. и располагалась передовыми частями въ 25 верстахъ отъ Петрограда и въ 60—80 верстахъ отъ Мурманской жел. дороги, западнѣе Петрозаводска, составляя прямую угрозу русскои столицѣ и тылу большевицкой арміи, стоявшей противъ войскъ генераловъ Айронсайда и Миллера. Противъ себя финляндская армія имѣла парализованный русскій балтійскій флотъ и слабую численно красногвардейскія части, прикрывавшія столицу и Петрозаводскъ.

Вся эта совокупность политической и стратегической обстановки предрѣшала направленіе русскои политики Финляндіи: она до конца²⁾ сохранила «вооруженный нейтралитетъ», одинаково поддерживавшій и руссофобамъ Свинхундомъ и Стольбергомъ, и руссофиломъ Маннергеймомъ — тремя главами государства, сдѣланными въ теченіе 1917—1919 гг. Только, однажды, въ правленіе послѣдняго, въ маѣ 1919 года, когда началось наступленіе русскаго Сѣвернаго корпуса Родзянкы³⁾ на Лугу съ сѣвера ударилъ на большевиковъ не безъ вѣдома правитель-

¹⁾ Изъ письма В. А. Степанову.

²⁾ До заключенія мира съ большевиками.

³⁾ См. выше.

ства, финский «партизанский отряд» Эльвенгрейна. Отряд считался «повстанческим» и действовал формально по призыву бутафорской «Карельской делегации»¹⁾. От него финляндскому правительству ничего не стоило отказаться при неудаче и, вместе с тем, можно было использовать его в случае успеха. Ибо направление удара Эльвенгрейна на Петрозаводект²⁾ и «Лодейное Поле»³⁾ оди-наково соответствовало и ответению сил петроградской группы красной армии, и... оккупации восточной Карелии... При отряде находилось, между прочим, и «временное правительство», имевшее целью, кроме управления занимаемой территорией, подготовить созыв «национального собрания» (!), которое должно было объявить присоединение восточной Карелии к Финляндии...

Достоин внимания, что все это предприятие готовилось в тайне от русских организаций.

Отряд Эльвенгрейна силою не более 1½ тыс. человек имел в начале успеха, но вскоре был разбит большевиками и рассеялся.

Период междувластья оказался трагическим для оккупированной немцами Северо-Западной области⁴⁾.

Так называемая Северная или Псковская армия⁵⁾, к декабрю 1918 г. достигнув численно 4½—5 тыс. человек, не получила дальнейшего развития. В ней не было даже разрешен вопрос о возглавлении. Ненормальность такого положения отразилась на успехе набора, и поэтому в Пскове временно появились плакаты с именами видных генералов, в качестве предлагаемых командующих армией, повидимому, без их ведома и согласия. Так военный представитель армии в Киев в середине октября телеграфировал в Псков:

«Безмысленно ждать командующим Драгомирова, который находится (в) Добровольческой... Точное имя командующего необходимо для вербовки людей... На этой почве много отказов». Вандам не популярен. Келлер в Киев. Уполномочивает ли вступить (с ним) в переговоры»⁶⁾.

И военное представительство, и псковская общественная организация в лице Дерюгина обратились к ген. графу Келлеру с просьбой принять на себя командование Северной армией, армией без средств, находившейся в полной зависимости от немцев. Гр. Келлер поручил генералу Розеншильду Паулину отразиться в Ясы просить материальной помощи у союзников. Придавая огромное политическое и стратегическое значение прибалтийскому району и направлению Ревель—Петроград и Тибавя—Петроград, он считал необходимым предосылками успеха формирования армии и ее операций: 1) Занятие союзным флотом Ревеля и Тибавы; 2) отпуск широких кредитов; и 3) передачу немцами армии богатых русских складов Пскова, Двинска, Вильны и друг. городов оккупационной зоны.

И в начале ноября, после крушения центральных держав, в период расцвета надежд на союзническую помощь, гр. Келлер решил принять командование, поставив Северную армию в зависимость от Екатеринодара. 2 ноября он прислал мнѣ телеграмму:

«Признаете ли Вы меня командующим Северной Псковской монархической армией или мнѣ следует сдать эту должность. Если признаете, то сь какими полномочиями. Необходимо разрешение принять мѣры къ охранѣ разграбленных въ Малороссіи военных складовъ, воспользоваться украинскими кадрами и при-

¹⁾ О прибытии ея въ Гельсингфорсъ была широко оповѣщена европейская пресса.

²⁾ Ж. д. станція Мурманскъ ж. д. на берегу Свири.

³⁾ Псковская губ. и Белоруссія.

⁴⁾ См. Т. III, гл. III.

⁵⁾ Телегр. Ливде отъ 15 окт.

должны формирование, для чего необходимо немедленный отпуск денег, тория можно добыть въ украинскомъ правительствѣ».

И отвѣтить принципиальнымъ согласіемъ. Хотя первые шаги новаго командующаго, политическое окруженіе и декларативныя заявленія его вызвали въ-которое смущеніе...

Но прошло всего три дня и обстановка въ корнѣ измѣнилась: гр. Келлеръ телеграфировалъ¹⁾ мнѣ, что но настоянію общественныхъ круговъ, гетмава Украины и его правительства (онѣ) принять на себя всю полноту военной и гражданской власти на Украинѣ...»²⁾.

Сѣверная армія осталась безъ главы³⁾. Въ силу внутренней распри, за нѣсколько дней до ухода нѣмцевъ, оставилъ свой постъ замѣститель командующаго генералъ Вацдамъ, и его мѣсто занялъ полк. Нейтъ. Подувооруженные добровольческіе отряды начали стягиваться къ желѣзнодорожнымъ узламъ и Пскову, въ надеждѣ при нѣмецкой помощи остановить наступленіе слабыхъ советскихъ силъ. Во Псковѣ объявлена была мобилизація 12 возрастовъ (18—30 лѣтъ), которая не имѣла никакого успѣха.

Въ то же время собравшіея вновь въ концѣ ноября въ Ревелѣ Национальный эстонскій советъ⁴⁾, правительство⁵⁾ и «главнокомандующій» полк. Лайдоперт, приступили, въ свою очередь, къ формированію вооруженной силы: въ Ревелѣ, Нарвѣ, Пярвѣ, и друг. городахъ, собирали по мобилизаціи небольшіе отряды, преимущественно, изъ бывшихъ эстонскихъ батальоновъ, которые Лайдопертъ началъ развертывать въ двѣ дивизіи.

Ожидѣ, въ губерніяхъ Бѣлоруссіи, раздавались безнадежно призывы Минской, Виленской и другихъ радъ и правительствъ, къ формированію «национальной арміи для защиты суверенныхъ правъ Бѣлорусскаго народа». Члены ихъ частью остались на мѣстахъ, частью пошлѣ въ волну всевозможныхъ эвакуацій, созданна за тѣмъ «полномочная» и «всенародная» органы бѣлорусской власти въ Минскѣ (коммунистич.), въ Вильнѣ, Гроднѣ, Ковнѣ, Кіевѣ, Одесѣ... Всѣ — одинаково немощные и всѣ — враждебныхъ другъ другу ориентацій. Одно изъ такихъ «правительствъ» — инженера Бахановича, обосновавшееся въ Одесѣ, въ январѣ — февралѣ 1919 г. серьезно мистифицировало Екатеринодаръ. Не зная тогда всѣхъ этихъ деталей и придавалъ большое значеніе созданію противобольшевницкой организаціи и вооруженной силы въ западной Россіи, я по докладу военного управленія согласился поддержать это движеніе матеріально и послать туда кадръ военного командованія. Но вскорѣ выяснились самозванный и авантюристическій характеръ «правительства» и безнадежность положенія въ Бѣлоруссіи. Кредитъ былъ во время закрытъ, и связь Юга съ Западомъ, въ смыслѣ явной или тайной совмѣстной работы такъ до конца и не налаживалась.

Делегация отъ всѣхъ этихъ правительствъ появились въ Берлинѣ, въ Пассахъ, Парижѣ, и Савоневѣ⁶⁾ безнадежно добивался отвѣта отъ Екатеринодара — кто же является истиннымъ представителемъ Бѣлоруссіи?

Эвакуація германскими войсками Эстляндіи и Сѣверо-Западной области прогекала при совершенно иной обстановкѣ, чѣмъ въ Финляндіи. Нѣмцы уходили провожаемые сожатыніемъ небольшой лишь части нѣмецкой и русской буржу-

¹⁾ 5 ноября № 1.

²⁾ Какъ увидимъ ниже, понятіе о предоставленіи ему «неограниченной власти» составилось у ген. Келлера ошибочно.

³⁾ Совершенно поминально гр. Келлеръ въ своихъ приказахъ именовалъ себя «главнокомандующимъ Украинской и Сѣверной арміи».

⁴⁾ Советъ образовался въ 17 году. 24 февраля 19 г. провозгласилъ Эстонскую республику.

⁵⁾ Учрежденно социалистическаго состава.

⁶⁾ Представитель Екатеринодара и Омска въ Парижѣ.

азии, равнодушием широких слоев русского населения и враждебным отношением эстонцев, безразлично — большевиков и националистов — шасси к вооруженному оккупационному режиму. Железные дороги были забиты, и потому конница и артиллерия потянулись походным порядком; кинули безпорядочными толпами и дезертиры. Уходя, германские войска по частной инициативе и организовано, с ведома высших властей и комитетов, увозили «военную добычу», подвоя под это понятие не только всякого рода базисные запасы, казенное русское имущество, но и подвижной железно-дорожный состав и частное добро русских граждан — частью безпризорное, частью реквизированное. Ограбление Минска, например, достигло таких размеров, что вызвало серьезные волнения в городе, частную забастовку железнодорожников и протест совета комиссаров. Последний, впрочем, отнес эти события за счет «пьемонтских контр-революционеров», стремящихся «поссорить между собой революционные народные массы Германии и России»¹⁾.

Желание уехать домой и увезти добро доминировало над политическими симпатиями. Германцы относились равнодушно и к большевикам, и к русским, и к мѣстным национальным формированиям. Временами у пьемцев происходили с ними столкновения, чаще, однако, — с большевиками, выступление которых в Ревель, Клиндах и других пунктах окончилось для последних весьма плачевно. Комитеты отменили официальную выдачу средств и боевого снаряжения противобольшевническим организациям, затруднив до крайности возможность дальнейшего их формирования. Одновременно неофициально происходила широкая распродажа «по вольным ценам» и русского, и пьемцкого военного снаряжения, попадавшего, по преимуществу, в руки красногвардейцев...

Большевистские силы, первоначально не превышавшие 2—3 слабых дивизий, следовали почти беспрепятственно за пьемцкими войсками, захватывая один за другим западные города, вводил в них советскую власть и жестоко расправлялся с буржуазией. Почти без сопротивления они прошли по Вильгурсею, заняв Вильну, Минск, Лиду, Барановичи. 25 ноября, после краткого боя, пал Псков, и Северная армия стала отходить в двух направлениях — на Валку и Юрьев. Большевики, тѣсня эстонско-русские отряды, к середине января достигли линии Везенберг — Юрьев — Валку, угрожая Ревелю и отрезывая сухопутное сообщение между Эстонией и Латвией.

На этом успехи их замерли.

В Эстонии борьба приняла скоро характер исключительно национальный — под лозунгом независимости страны от России... В таком политическом аспекте в борьбу приняла участие и высшая сила — Англия и Финляндия по расчету, и русская Северная армия — в силу роковой необходимости.

Английское правительство проявило большой интерес к прибалтийским новообразованиям. Английский флот появился в Ревель, английские военные и дипломатические представители приобрели всѣмѣстное влияние на политику эстонского правительства. Вместо сѣмѣ, Англия начала оказывать серьезную экономическую помощь Эстонии и доставлять ей военное снабжение. Цена такой дружеской услуги, помимо установленного в секретном виде английского протектората над Эстонией, оказалась не малой: Ллойд Джордж вел настоятельные переговоры с эстонским правительством о долгосрочной аренде островов Эзеля и Даго, и только вмешательство французского правительства остановило возникновение нового Гибралтара в Балтийском море.

В то же время, в середине января, по инициативе Финляндии, начались переговоры между нею и Эстонией об унии этих двух новообразований, как «наилучшей гарантии против русской опасности». Обращением в разгар финляндских колвепалесов, просьба Эстонии о помощи нашла широкий отклик: финляндские добровольцы потекли в Эстонию, и сформированные из них отряды

¹⁾ Нота Чичерина. Радиграмма декабря 15 г.

подъ начальством финскаго генерала приняли въ январѣ и февралѣ видное участіе въ бояхъ на юрьевскомъ направленіи. Но надменность начальниковъ и безчестна финскихъ добровольцевъ въ краѣ, на который они смотрѣли, какъ къ покоренный, вызвали вражду между народами и серьезное столкновение между правительствами. Къ тому же англо-американская комессія, имѣвшая большое вліяніе на эстонское правительство, отнеслась къ проекту уніи сдержанно, «не находя въ такомъ соединеніи достаточно серьезной экономической базы...» Эти причины похорошили надолго планы военнаго сотрудничества¹⁾ и идею политической уніи соединить новообразований. Идею, остриемъ своимъ направленную всецѣло въ сторону будущей Россіи.

Наконецъ, большую роль въ освобожденіи края отъ большевиковъ сыграла Сѣверная армія, перемещавшая въ Сѣверный корпусъ. Показъ при отступленіи на территорию «независимой» Эстоніи, командиръ его, полк. Нефъ заключилъ съ эстонскимъ правительствомъ договоръ²⁾, въ силу котораго устанавливались «общія дѣйствія, направленныя къ борьбѣ съ большевиками и анархіей». Корпусъ подчинился эстонскому военному командованію, поступалъ на содержаніе эстонской казны, получалъ право комплектованія не-эстонскими гражданами, ограниченное, однако, условіемъ, чтобы численность его не превышала 3½ тыс. человекъ...

Такимъ образомъ, идея борьбы въ государственномъ масштабѣ временно падала, русскіе контингенты обращались въ служебное начало для частныхъ цѣлей, въ которыхъ пораженію большевиковъ неизмѣнно сопутствовало углубленіе и закрѣпленіе разрыва государственной связи окраины съ Россіей... Естественно, что въ психологій командованія и офицерства это положеніе воспринималось только какъ тягостный этапъ, на которомъ, за временный пріютъ оно платило честно своею кровью. Ведя борьбу за свою независимость, эстонцы требовали безоговорочнаго признанія ея. Русское командованіе не хотѣло брать на себя такой отвѣтственности... «На одномъ изъ засѣданій старшихъ чиновъ въ Ревелѣ—говоритъ ген. Родзянко³⁾—я заявилъ, что признаніе является совершенно необходимымъ, если русскіе люди хотятъ въ борьбѣ своей съ большевиками опираться на Эстонію, и предлагалъ объявить... о признаніи Сѣвернымъ корпусомъ независимости Эстоніи». Командиръ корпуса полк. Дзержинскій⁴⁾ отвѣтилъ, что «въ принципѣ онъ совершенно согласенъ, но не знаетъ, какъ посмотреть на это русскіе люди, и что, поэтому, онъ сдѣлаетъ эстонскому правительству такое заявленіе, какое найдетъ для себя, какъ для русскаго офицера, болѣе приемлемымъ⁵⁾».

Такая неопредѣленность вызывала взаимную подозрительность и недовѣріе, хотя образъ дѣйствій Сѣвернаго корпуса оставался строго лояльнымъ и въ политическомъ, и въ военномъ отношеніи за все время пребыванія его на территории Эстоніи.

Какъ бы то ни было, соединенными усилиями русскихъ, и финляндскихъ, и эстонскихъ войскъ большевики были остановлены и отброшены къ Чудскому озеру; къ концу феврала они начали новое наступленіе, болѣе серьезными силами, въ общемъ направленіи отъ Пскова на Валку, но были разбиты вновь. И къ веснѣ армія Лайдовера прочно занимала оба берега Наровы, западный берегъ Чудского и далѣе по границѣ Псковской губерніи на Маріенбургъ, прикрывая этнографическіе предѣлы Эстоніи.

Англійскій флотъ имѣлъ небольшое столкновеніе съ совѣтской эскадрой въ Финскомъ заливѣ, но отъ участія въ операціяхъ противъ большевиковъ рѣшительно уклонился.

¹⁾ Въ концѣ февраля финляндскіе добровольцы покинули Эстонію

²⁾ 6-го декабря 1919 года.

³⁾ Впоследствии четвертый командиръ Сѣвернаго корпуса.

⁴⁾ Третій по счету командующій.

⁵⁾ Родзянко. «Воспоминанія о Сѣверо-Западной арміи».

А в то же вре. ачная съ весны 1919 г. Москва настойчиво предлагала Эстонии мирь...

Стратегическое значение Сѣверо-Западнаго противобольше-ническаго фронта было чрезвычайно велико. Близость Петрограда ¹⁾, возможность организации обеспеченной союзными флотомъ базы по Балтійскому побережью и боевого содѣйствія флота; удобство морскихъ сообщеній съ союзными державами и легкость снабженія ими противобольшевистскихъ армій; богатые склады русскихъ и нѣмецкихъ боевыхъ припасовъ въ прифронтовой поло-есть бывшаго театра мировой войны, наконецъ, огромный запасъ людскихъ контин-гентовъ, который представляла изъ себя миллионная армія русскихъ плѣнныхъ, обрabanная въ концентрационныхъ лагеряхъ Германіи и бывшей Австро-Венгрии ²⁾

масса, подрывавшая морально и неустановившаяся въ политическомъ отноше-нии, но могущая все же выдѣлить большое число здоровыхъ, пригодныхъ элемен-товъ. Воздѣйствіе въ этомъ направленіи на правительства Согласія, на печать и общественное мнѣніе Европы велось долго и настойчиво частными и официальны-ми русскими организациями, проявившими въ этомъ вопросѣ полное единомысліе.

Вопросъ о военномъ возглавленіи движенія прошелъ съ нѣкоторой внутрен-ней борьбой и впоследствии сталъ роковымъ на почвѣ столкновения германской и союзнической оріентацій... Одно время на постъ главнокомандующаго Сѣверо-Западнымъ фронтомъ выдвигался ген. Вас. Юс. Гурко. Съ вѣдома ли англійскаго правительства, или по собственной инициативѣ съ шимъ вступили въ частные пе-реговоры по этому поводу англійскій военный представитель въ Прибалтикѣ. Ген. Гурко поставилъ весьма рѣшительно три основныхъ вопроса, отъ правиль-наго разрѣшенія которыхъ, по его убѣжденію, зависѣтъ успѣхъ предпріятія: 1) какія политическія или «экономическія цѣли преслѣдуютъ союзники въ видѣ компенсаціи за помощь? 2) какія средства — денежные и матеріальныя, намы-рены они предоставить? 3) и будетъ ли русскій главнокомандующій облегченъ полною мочью? Ответа на послѣднее, и переговоры прекратились. Въ даль-нѣйшемъ на авансценѣ западно-русскихъ событій фигурировало исключительно имя ген. Юденича. Но, по совокупности различныхъ обстоятельствъ, движеніе на Западѣ, развиваясь совершенно самостоятельно, было поставлено все же въ моральную, позже въ официальную зависимость отъ Востока и Юга. Такъ отно-силась къ вопросу вѣстимаго возглавленія офицерство, такъ гласили заявленія со-ставныхъ частей фронта — Сѣвернаго корпуса, отряда кн. Ливена и др.; союз-ники во время переговоровъ ставили открытыя кредитовъ въ зависимость отъ со-гласія адмирала Колчака; также, наконецъ, смотрѣли и прибалтійскія новообра-зова ія, выражая опасенія, что бы «наирусскія правительства Колчака и Деш-кина и русская Сѣверо-Западная армія, сражающаяся подъ ихъ знаменами... не нарушили бы (нашей) независимости» ³⁾.

21 января 1919 г. ген. Юденичъ послалъ адмиралу Колчакъ телеграфный до-кладъ, рисующій ту первоначальную военно-политическую базу, на которой тронется Сѣверо-Западный фронтъ:

« Съ надеждою Германіи открылась возможность образова ія новаго фронта для дѣйствія противъ большевиковъ, базируясь на Финляндію и При-балтійскія губерніи... Около меня объединились всѣ партіи отъ кадетъ и пра-выѣ. Программа тождественна съ Вашей. Представители торговаго класса, ма-ходящиеся въ Финляндіи, обѣщали финансовую поддержку. Реальная сила, ко-торую я располагаю въ настоящее время — Сѣверный корпусъ (3 тыс.) ⁴⁾ и

¹⁾ Отъ Финляндск. района — 25 в., отъ Нарвскаго — 136 в., отъ Пековского — 256 в.

²⁾ Въсѣхъ плѣнныхъ, вмѣстѣ съ разсѣянными по средней Европѣ, было до 3-хъ миллионновъ.

³⁾ Изъ меморандума Эстонскаго правительства въ 1919 г.

⁴⁾ Сѣверный корпусъ не былъ еще въ то время подчиненъ ген. Юденичу.

Генераль Юденичъ.

3—4 тыс. офицеров, находящихся из Финляндии и Скандинавии. ¹⁾ И я считала также на некоторое число — до 30 тысяч — военно-летных офицеров и солдат... Без помощи Антанты обойтись нельзя и в этом смысле и вести переговоры с союзниками, по положительного ответа еще не имеется. Необходимо возбудить союзников на Финляндию, дабы она не пренебрегла нашим начинаниями и вновь открыла границу для русских беженцев, главным образом, офицеров. То же в отношении Эстляндии и Латвии. Необходимо помощь... вооружением, снаряжением, техническими средствами, финансами и продовольствием не только на армию, но и на Петроград... Вооружения сил не требуется — достаточного флота для обозначения портов. Но, если таковая будет, то это ускорить и усилить раньше. Благоволите поддержать мое ходатайство перед Антантой... ²⁾

Посылая вам копию этой телеграммы, ген. Юденич писал: « Я обращаюсь к Вам с просьбой — помогите мне. Не можете удалить из имевшихся у Вас средств — я знаю, до последнего времени Вы сами во всем уждалась — убьете наших представителей из Парижа, убьете союзников. Если моя личность не угодна адмиралу Колчаку, Вам или союзникам, сообщите — я отойду в сторону, передав дело другому, но не губите самое дело ³⁾».

Последняя фраза вызвала была, повидимому, слухами, что южное правительство относится отрицательно к формированиям на Северо-Запад и лично к ген. Юденичу. Английское военное министерство действительно запрашивало мое мнение о ген. Юдениче. Я знала его весьма мало, но, считая, что уклонение от ответа может повредить делу снабжения западных формирований, дать отзыв благожелательный ⁴⁾.

Моральная, дипломатическая помощь и отчасти облегчение прохождения по просову комплектования и снабжений — это все, что мог сделать и сделать Юг — непосредственно и через военного представителя из Парижа ген. Шербачева.

Время проходило. Прошла зима и весна 1919 года, события шли своим чередом, а ген. Юденич и русский комитет, возглавляемый Карташевым, все еще оставались в Гельсингфорсе, продолжая малорезультатные переговоры с представителями держав Согласия с правительствами Финляндии и Эстонии.

Пока, таким образом, в Гельсингфорсе находился в потенциальном виде главнокомандующий Северо-Западным фронтом, полупризнанный англичанами, но не проявляющий своей власти и руководства. Северный корпус жить независимо от него своею жизнью. Под командой сначала полковника Дзержинского, потом, после мирного переворота, ушедшего ген. Родзянко ⁵⁾, корпус в середине мая перешел в наступление в Петроградском направлении, разбил 7-ю армию большевиков и при содействии одной дивизии эстляндцев, занявшей Неволь, продвинулся к Красной горке и к востoku от Пскова, серьезно угрожая Гатчину и Лугу. Большевицкия войска целыми полками переходили на сторону белых и, корпус, возросши в числе бойцов, был переименован в Северную, потом в Северо-Западную армию, независимую уже в командном отношении от эстонского главнокомандующего Лайдонера.

Между тем, в середине июня последовало утверждение адмиралом Колчаком в звании главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Юденича, которому, вместе с тем, представлено было «осуществлять верховную власть именем Верховного Правительства в губерниях, освобожденных (его) войсками...» ⁶⁾.

¹⁾ Серьезной организации там не существовало.

²⁾ Телегр. 21 янв. 19 г. № 65.

³⁾ Письмо 30 янв. 19 г. № 76.

⁴⁾ Письмо Брит. воен. миссии 22 февр. 1919 г. и отзыв штаба 28 февр. № 02947.

⁵⁾ Ген. Родзянко «сговорился» полк. Дзержинского сдать ему командование, после чего Дзержинский приехал командование бригадой и был произведен Родзянкой в ген.-майора.

⁶⁾ Телеграмма от 14.

Ко времени, когда ген. Юденич перебрался со штабом в Эстонию (июль), Северо-Западная армия стояла на фронте от Колорского залива (Пейпия) до станции Молодосковицы (в поле пути между Нарвой и Гатчиной) и отсюда в со-рока верстах западнее Луги и в 20 верстах восточнее и южнее Пскова, до р. Великой. На этом фронте располагалось два корпуса, общою численностью в 12 460 штыков и сабель. Эта армия лишена была самого необходимого, ходила в отропьях, до осени снабжалась почти исключительно средствами, отби-тыми от большевиков, и денежное довольствие, сначала весьма скудное, полу-чала от эстонского правительства, потом, за немощным иныи источниками — от перепродажи американской муки, предназначенной для населения западной России. Щедрые, в отношении эстонцев, англичане пока ничего не давали армии. А постоянная трения с эстонским правительством и не прекращавшиеся мир-ные переговоры между Эстонией и Латвией с советской Россией, ставили весь тыл армии в положение тяжелой и опасной неопределенности.

Большевики решительно не верили в серьезность угрозы своему западному фронту. Даже майские успехи Родзянко не заставили их перемѣнить свое отно-шение к нему. Переговоры о мире с эстонцами и латышами, по выражению Бронштейна, имели характер опіума, поселили уверенность, что война на этом фронте близится к концу... Мы слышали, поэтому, с фронта 7-ой армии и хо-рошій части, и лучших работников, и командиров, и опытных военно-поли-тических работников...»¹⁾.

Все пло на Юг!..

Только осеннее наступление генерала Юденича вызовет панику в Петро-градѣ — у Зиновьева и советов — и побудит советское командование «с ли-хорадочным напряжением» возвращать на Западный фронт и силы, и людей.

ГЛАВА IV

Латвия. Группа ген. фон дер Гольца. Литва. Польша. Идея объединенного «Северо-Западного фронта».

Если в северной Прибалтике всецѣло и безраздѣльно царило влияние союз-ников, преимущественно Англии, то в южной оно боролось еще долго с влия-нием германским. Эта борьба — нервная, непослѣдовательная и лишенная ка-кой-либо иной идеи, кроме неприкрытого и грубого соперничества — нало-жила своей рѣзкой отсчиткою на все военно-политическія события в краѣ.

На основании требованій союзников германскіе войска спѣшно очищали Прибалтику. За ними слѣдомъ от Полоцка, Пскова и Орши шли советскіе полки, численностью до 10—12 тысяч, направляя главные силы через Ригу к лѣвобережной границѣ... Такая перспектива не без основания встревожила германское командование и правительство, и эвакуация полк. предложомъ заку-порки желѣзныхъ дорогъ нѣсколько замедлилась.

Тѣмъ не менѣе, въ концѣ декабря большевики подошли к Ригѣ. Латышскій народный советъ, возгласившій 18 ноября 1918 г. самостоятельность Латвии, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакихъ силъ и средствъ для обороны края. Большинство латышскихъ полковъ находилось на советской службѣ и теперь 6—7 изъ нихъ выступили противъ Риги; небольшой добровольческой отрядъ пол-ковника Замитанса былъ отрѣзанъ отъ Риги и находился на службѣ Эстонии; другой отрядъ полк. Колпака не превышалъ тогда 400 штыковъ; русскій элементъ края, преимущественно офицерство, сталъ собираться въ отрядъ князя Ливена.

¹⁾ Изъ рѣчи 6-го октября 19 г. въ петроградскомъ совещаніи.

кт. январю представлявшей из себя одну только роту; в свою очередь ильменское балтийское дворянство приступило к организации Балтийского ланднера, который, в силу классового своего состава и нескрытого максимализма в аграрном вопросе, представлялся опасным в глазах латышского народного совета и правительства Ульманиса.

При таких условиях правительство обратилось за помощью к ильменцам, прося продолжить оккупацию края до создания или собственной армии. Между латвийским правительством и советом солдатских депутатов 8-й германской армии был заключен договор в Риге 29 декабря 1918 г.¹⁾ в силу которого Германия соглашалась формировать для защиты Латвии добровольческие отряды и снабжать латвийское правительство денежными средствами и военным снаряжением для организации собственной армии. За эту услугу «Временное правительство Латвии... (соглашалось) признать, по ходатайству о том, все права гражданства за всеми иностранцами (германцами?), состоящими в армии и прослужившими не менее 4-х недель в добровольческих частях, сражающихся за освобождение латвийской территории от большевиков». Это тяжелое обязательство, делавшее германских солдат участниками будущего земельного раздела, и впоследствии нарушенное Латвией, однако соответствовало планам и курляндских помещиков, и германского правительства, которые совместно с конца 1916 года принимали ряд мер для ильменской колонизации Прибалтийского края. Первым результатом этого договора являлось формирование крупного добровольческого отряда из трех родов оружия под названием «Желтой дивизии», во главе которой стал майор Винофф.

К январю, когда большевики подступили к Риге, все эти силы были еще в стадии формирования; германские и ильменские части неохотно отказались сражаться против большевиков; согласие восточного требовало скорейшего очищения Прибалтики, и ильменские представители его в формах грубых и надменных, возмущавших одинаково и ильменские правительства, и русский элемент, и германское командование, распоряжались на побережье, как в своих колониях.

22 декабря Москва передавала «всему» радио, полученное ею из Берлина: «началу 1919 года (18 дек. ст. ступля). Желтая дивизия должна была очистить свою позицию у Хинценберга... Когда большевистские войска достигнут позиции Эгели, очищение Риги станет неизбежным. Английский флот (Адмирал Шпиклер) заявил, что он не может оказать помощи... Рязено очистить Ригу в течение этой недели».

После такого более чем страшного предупреждения советские войска 2 января заняли Ригу. Разстроенная добровольческая часть 8 января отдала и Митаву, задержавшись затѣм на линии р. Видавы. Правительство Ульманиса, германские и добровольческие штабы и организации перешли к Либаве.

К этому времени вступил поворот во взглядах праechных кругов Лондона и Парижа. Быстрое продвижение советских войска к Ильману и возможность соединения их с германскими спартаковцами сильно обезокололи союзников. По дипломатив, главным образом, Клемантов, возникла идея барьера, предохраняющего Европу от вторжения русского большевизма — идея, воспринятая и использованная в сугубый вред России Ллойд-Джорджем. Первоначально роль такого барьера должны были в силу необходимости играть германские войска, куда не организуются национальные армии русских окранных.

В этом смысле даны были согласием указания германской главной квартиры, эвакуация задержалась, и большевистское наступление на запад было приостановлено к середине января на линии Видава—Шавля—Ковло—Родно—Лунинец и по р. Припята.

¹⁾ По другим источникам, 19 декабря. Договор, впоследствии и наличие которого оспаривалось латышами, был подписан со стороны Латвии министром Ульманисом, Павле и Залтом, со стороны Германии политическим комиссаром 5-й армии Виннигом.

В Курляндию и частью в северной Литвы в ближайшие два месяца исключительно на германские средства была сформирована сильная добровольческая группа генерала гр. фон дер Гольца. В состав ее вошли: несколько полонившийся русский отряд кн. Ливена, латышский полк Баллода (до 2-х тыс.), Балтийский ландвер, пополненный немецкими офицерами и солдатами и обращенный в чисто германскую часть (2—3 тыс.); наконец, состоявшие исключительно из германских добровольцев, Желтая дивизия и 6-й резервный корпус. Боевой состав этих войск не превышал вначале 20 тысяч, а к лету достиг 40 тысяч. Номинально группа фон дер Гольца считалась на службе у латвийского правительства, фактически же была совершенно автономна.

В начале марта фон дер Гольц предпринял успешное наступление против большевиков в рижском направлении, отбросил 10—15 тыс. армию красных, захватил Виадуву, Тукумь и Митаву. На линии рбк Курляндской Аа пришлось, однако, остановиться на целых два месяца: организация корпуса была еще не закончена, а подозрительная и ревнивая политика Сомгася вновь ставила всевозможные препятствия к перенесению «барьера» вглубь страны. К этим нижним затруднениям присоединились и внутренние — политические: офицерство Балтийского ландвера 16 апреля свергло социалистическое правительство Ульманиса и поставило новый кабинет германфила, правого, пастора Недра. Одновременно части ландвера разоружили и отбросили в Либавь латвийский отряд. Вражда между латышами и немцами еще больше усилилась; представители Сомгася не признали правительства Недра; Ульманис обжаловал в Эстонии и там, отправив на латышский отряд Захитаниса, при содействии эстонского правительства и представителей Сомгася, стал готовить почву для вооруженного вмешательства в дела Латвии...

Только 22 мая после вторичного наступления взята была Рига.

В этом углу России весной 19 года завязывался узел интел, исходивших из клубнич мировой политики и перепутанных в мбтной жизни взаимной ненависти и старыми политическими и социальными счетами. Во всяком случае курляндские бароны, обладавшие 50% всей земли Латвии, и немецкие добровольцы, мечтавшие о колонизации ее — в роли защитников самостоятельности латышского народа представляли картину весьма своеобразную.

Здесь на периферии затихавшей европейской бури боролась политика французская, английская, германская, балтийско-немецкая, латышская. И только русская политика, русские интересы не находили никакого отражения. Ибо не было в крае ни организованной русской общественности, ни сколько-нибудь серьезной военной силы, с которой считались бы союзники и враги.

А между тем территория Латвии летом, и осенью 19 г. станет ареной разыгравшихся вокруг имен Гофа¹⁾, Марча²⁾, фон дер Гольца, Бермонта — событий, отразивших роковым образом на судьбе Северо-западного противобольшевистского фронта.

Дальше на восток германские войска, как упоминалось выше, к середине января остановились на линии Ковно — Гродно — Лунинец — р. Принять, располагая на территории Литвы и Белорусии и прикрывая западную часть Литвы и Польшу.

Литву оккупировал 7-ми тысячный отряд вестфальских добровольцев Пфейфера. Германское правительство, стараясь создать противобес. Польшу, отнеслось с большим вниманием к литовскому правительству, гарантируя самостоятельность государства и доступ к морю под германским контролем, предоставит крупную денежную помощь, и обещав вооружение и снаряжение на

¹⁾ Английские военные представители.

50 тыс. армію. Начался набор и формирование литовской арміи, проходившие, впрочем, весьма вяло. Согласіе, не проявляя большого интереса къ Литвѣ, тор-возило, однако, германскую помощь, категорически воспрещая вывозъ предметовъ военного снабженія за границу Германіи...

Положеніе новообразованія было весьма труднымъ: давленіе большевниковъ, своеобразная помощь рѣшитель, немилость Согласія и бурно проявлявшіеся захватныя стремленія Польши, добивавшейся въ Версаль присоединенія къ ней Литвы. Отношенія къ послѣдней становились все болѣе враждебными, находя откликъ и въ столичныхъ на общемъ фронтѣ, и въ спонсируемыхъ правительствомъ, и въ постоянныхъ жалобахъ ихъ Верховному союзному совѣту. Но, негодую на адянность польскихъ провинциаловъ, копенгекое правительство руководствовалось также не слишкомъ идеалистическими соображеніями... Когда польская армія занимала западно-русскіе города и области, литовскіе дипломатическіе представители обращались съ горячимъ протестомъ къ державамъ Согласія, претендуя сами на Бѣлостокъ, Гродно, Лиду, часть Минской губ. и т. д.

Безпризорный Бѣлорусскій край становился объектомъ возмездній вѣхъ соудей...

Какъ бы то ни было, литовскій фронтъ, въ составъ котораго кромѣ германской группы входила литовская дивизія полковника Беньяшевича и нѣсколько мелкихъ русскихъ и польскихъ партизанскихъ отрядовъ подъ общимъ польскимъ командо-ваніемъ, успѣшно отражала наступленіе большевиковъ.

Подъ ша въ концѣ 18 и началѣ 19-го годовъ представляла кпящій котель.

Внутри страны шла ожесточенная борьба между правыми и лѣвыми политическими партиями, проявившаяся вначалѣ выступленіемъ образованнаго въ Люблинѣ «Временнаго пароднаго правительства»¹⁾ противъ Варшавскаго регентскаго совѣта, потомъ съ особой напряженностью — вокругъ выборовъ въ Сеймъ. Съ трудомъ налаживалась внутренняя связь между отдельными частями государства, гдѣ сложившіеся теченіемъ событій власти — «Ликвидационная комиссія» въ Галиціи, «Главный пародный совѣтъ» въ Познани, даже такія, какъ «Народный совѣтъ княжества Тешинскаго», стремились сохранить нѣкоторую обособленность и въ воспоманіи, и въ экономическомъ отношеніи. Также плохо налаживались взаимно-отношенія между регентскимъ совѣтомъ и польскимъ парижскимъ комитетомъ.

Но всей русской Польшѣ, Познани, верхней Силезіи шли непрерывно кровавыя столкновенія между германскими гарнизонами и польскими войсками, которыя, не дожидаясь рѣшеній и санкцій Версаля, спѣшили закончить «Odbudowanie ojczyzny», — «Очищеніе», охваченной бурнымъ подъемомъ и подлиннаго патриотизма, и близорукаго, исторически извращеннаго шовинизма... Галиція, гдѣ еще съ конца октября 18 г. польская «ликвидационная комиссія» принимала бразды правленія отъ австрійскихъ властей, была объята всеобщимъ возстаніемъ, въ которомъ всеукраинское теченіе соперничало съ неросійскимъ, но оба объединились въ общей ненависти къ польскому владычеству²⁾. Война сопровождалась неслыханными жестокостями съ обихъ сторонъ, отражала вѣками накопившіеся историческіе счеты, напоминая времена Сагайдачнаго и Наливайки... Въ началѣ января изъ за спорной части Силезіи дошло до вооруженнаго столкновенія и съ Чехіей...

Державы Согласія, обезпеченныя разгоравшимся на востокѣ пожаромъ, принимали мѣры воздѣйствія на враждующія стороны дипломатическимъ путемъ и

¹⁾ Правительство, возглавлявшееся Дашинскимъ, говорило якобы отъ имени «народныхъ и социалистическихъ партій Галиціи и Польши». Въ 18 г. распри завершилась передачей обѣими сторонами диктаторской власти (14 апр. н. с.) ген. Милеудскому.

²⁾ 9 января 1919 г. въ Кіевѣ былъ торжественно оглашенъ актъ о Украины съ Галиціей.

посылкой комиссией от Верховного союзного совета в пораженные междуплеменной распрей области. В отношении Галиции эти меры оставались безрезультатными. В польско-германское столкновение они ввели и которое, вышедшее по крайней мере, успокоение: польское правительство умело свое стремление к насильственному разоружению германских войск и вступало в соглашения относительно обоедно приемлемых форм эвакуации пленных.

Наиболее легким оказался вопрос «на Kresach wschodnich»¹⁾. В феврале между польским и германским командованием состоялось соглашение о передаче Подляки оккупированной немцами части Белоруссии и Волыни. Двадцать русских уездов, в которых польское население едва достигало 5%, были включены в пределы польского государства, составив в военно-административном отношении три округа: Гродненский²⁾, Подляско-Палейский³⁾, и Волынский⁴⁾. Для успокоения общественного мнения Европы, впрочем, пришлось к русским делам с большим равнодушием, заграничной печати быть сообщено, что при дальнейшем продвижении по территории России, занимаемая область не поступит в общее управление польского кабинета министров, а через особого комиссара будут подчинены «начальнику государства»⁵⁾.

Этого нельзя считать, впрочем, с занятой еще осенью 1918 г. Холмской Речицы, составлял частичное выполнение плана умрешенішчей части польского общества — так называемой «программы minimum», включавшей в польские владения, кроме перечисленных земель, губернию Виленскую и два уезда Подольской. Но общественное мнение страны в своем представлении национальных задачшло гораздо дальше вплоть до «границы 1772 года» вплоть в равной мере исторического романтизма, как и национального шовинизма, раздвинувших пределы Польши «от моря (балтийское) до моря (Черное), до Двины и Днестра, со включением Курляндии, части Лифляндии, губерний Витебской, Могилевской, Киевской и Подольской. Только судьба Новороссийского края великодушно предоставлялась «третьему международному суду»...

Генеральный комиссар восточных «кресов» в своем приказе объявил⁶⁾, что «правительственным языком (является) язык польский. На этом языке будут ирешные городские органы между собой, с властями и частными лицами. Все этого все местные языки равноправны». Через день последовало разъяснение: «какие-же языки считаются местными? В общественных и самоуправляющихся учреждениях, так же как и в школах, допускаются наряду с польским языком языки литовский, белорусский и малорусский»... Звук русского языка, по комментариям тогдашней польской «кресовой» прессы, будут восприниматься «как свидетельство враждебного отношения к польскости»...

Версальский высший совет, ввиду остроты пограничных споров и, может быть, стесняясь еще в ту пору так резко нарушать интересы своего бывшего союзника России, медлил с разрешением вопроса о восточных границах. 5 июля была указана им лишь военная разграничительная линия между Литвой и Польшей по течению Немана и далее параллельно ж. д. Гродно—Вильно—Двинск; а в конце 1919 г.⁷⁾ последовало частичное исправление границ суверенной Польши присоединением к ней Белостокского уезда, а к Литве северной части Сувалкской губ.

Так начинались новые взаимоотношения между родственными народами. С тех пор пресесть полонизацию в школах, судах, в религиозной, общественной,

¹⁾ Восточная окраина.

²⁾ Уезды: Гродненский, Сокольский, Белостокский, Бельский, Волковысский, и Слонимский.

³⁾ Уезды: Брест-Литовский, Пружанский и Пинский.

⁴⁾ Уезды: Ковельский, Владимир-Волынский и Жудкий.

⁵⁾ Генерал Пилсудский.

⁶⁾ 3 марта 19 года.

⁷⁾ Постановление от 19 ноября 19 года.

даже хозяйственной жизни занятым русским окранным стать данить все сильнѣе и нестерпимѣе, въ стремленіи вытратить все, что было связано съ представле- ніемъ о русской культурѣ и гражданственности. Безправіе, тюрьма, мученія и издѣвательства стали удѣломъ новыхъ польскихъ гражданъ, не хотѣвшихъ за- бить свое русское происхожденіе. Остѣпленіе и ненависть становились основ- ными двигателями польской политики на Востокѣ.

Съ огромнымъ напряженіемъ польская власть стремилась къ организаціи на- циональной арміи. Въ командномъ составѣ и въ обученныхъ контингентахъ, послѣ крушенія трехъ армій — германской, австрійской и русской, въ рядахъ ко- торыхъ сражались поляки, недостатка не было; существовали также и кадры, вѣдѣя организованной нѣмецкимъ командованіемъ «Wehrmacht», польско-амери- канскихъ формированій Галлера¹⁾, возникшихъ во Франціи, австро-польскихъ «легионовъ» Пилсудскаго, укомплектованныхъ по преимуществу буржуазной мо- лодезью, стрѣлковой бригады, сформированной Добровольческой арміей въ Ека- теринодарѣ, и т. д. Боевое снабженіе, вначалѣ крайне разнообразное, состави- лось изъ богатыхъ складовъ трехъ армій, сражавшихся на территорияхъ Польши, и постепенно замѣнялось доставляемымъ въ большомъ изобиліи французскимъ. Французская помощь вообще, во всѣхъ отрасляхъ народно-хозяйственной жизни Польши, была велика²⁾, и столь же велико было тамъ политическое вліяніе Фран- ции. Во всякомъ случаѣ, французская военная миссія ген. Генри, находившаяся въ Варшавѣ, руководила всецѣло польскимъ штабомъ и, слѣдовательно, если не въ политическомъ, то въ стратегическомъ отношеніи у нея была полная возмож- ность направлять дѣйствія польской арміи на Востокъ во вредъ или на пользу Россіи. Но крайней мѣрѣ, когда войскамъ Галлера французамъ было воспрещено принимать участіе въ войнѣ за восточную Галлію, это ихъ требованіе было исполнено.

Но французская политика и польская стратегія жалѣли интересами Россіи.

Постепенно развертывая свою армію, къ веснѣ 19 г. Польша имѣла на вѣш- немъ фронтѣ, кромѣ войскъ Познани, 8-9 пѣх. дивизій и 4 кавалерійскихъ, болѣе или менѣе организованныхъ, полъ верхнимъ командованіемъ ген. Пилсудскаго. Армія располагалась на большомъ пространствѣ, раздѣляясь на отдѣльныя груп- пы: Польско-литовскую (Валевское направленіе), Бѣлорусскую (Минское и Мо- зырское), Волынскую и Галицкую. Опасность съ запада еще вѣсѣла надъ страной: Гинденбургъ не торопился съ демобилизаціей имперской арміи, обра- зивъ совершенно западный фронтъ и сосредоточивъ для прикрытія сѣверныхъ и восточныхъ границъ Германіи 9 корпусовъ, личный составъ которыхъ понемногу началъ отходить отъ революціоннаго угара. Въ силу этихъ обстоятельствъ, необходимости организаціонной работы и условій зимняго времени, военные дѣй- ствія поляковъ противъ совѣтскихъ войскъ не отличались вначалѣ большой ак- тивностью. Только весной 19 года поляки совмѣстно съ литовцами перешли въ наступленіе въ сѣверномъ направленіи, въ серединѣ апрѣля взяли Вильну и по- добновились къ Минску; въ началѣ мая, искусно пользуясь войной совѣтовъ съ директоріей, прошли по тыламъ отступающихъ украинскихъ войскъ Петлюры къ востоку отъ Лунища и Луцка.

Ни явнымъ, ни скрытымъ мотивомъ польскаго вторженія въ предѣлы Россіи никогда не была борьба съ совѣтской властью. Оно вдохновлялось исключительно тѣмъ двуличнымъ лозунгомъ, который, отражая взгляды польской обществен- ности, провозгласилъ Пилсудскій 10 февраля при открытіи Сейма:

¹⁾ Генеральный штабъ и командный составъ въ большомъ числѣ — французы.

²⁾ Америка снабжала хлѣбомъ.

«Наши союзы, съ которыми мы желали бы жить въ дружбѣ, не хотятъ забыть временную слабость Польши... Мы не хотимъ вмѣшательства во внутреннїя дѣла нашихъ союзей... Но мы не отдадимъ ни одной пяди польской (?) земли и не позволимъ урѣзывать наши границы, на которыя имѣемъ право».

Вопросъ объединенїя всего широкаго фронта внѣшнихъ противобольшевннкихъ силъ — отъ Ботническаго залива до Припяти въ русскихъ кругахъ никогда серьезно не ставился: слишкомъ противорѣчивы были интересы окранныхъ государствъ и подчасъ слишкомъ неумѣренны ихъ національныя устремленїя.

Что давала имъ нарождавшаяся національная власть въ Россїи? Я ограничусь приведенїемъ выдержки изъ отвѣта адмирала Колчака на обращенїе Верховнаго совѣта союзныхъ державъ. Онъ составленъ былъ позднѣе, 4 іюня 19 г., но заключаетъ въ себѣ существенные мотивы многократныхъ заявленїй — его, монхъ Юденича, шаржескаго совѣщанїя, отражая взгляды широкихъ слоевъ русской общественности самыхъ разнообразныхъ политическихъ отбѣлковъ¹⁾, кромѣ «самостійныхъ», наконецъ огромнаго большинства команднаго состава и офицеровъ бѣлыхъ армїи.

3. Призывая, что естественнымъ и справедливымъ слѣдствїемъ войны является созданїе сднанаго Польскаго государства, русское правительство считаетъ себя вправе подтвердить независимость Польши, объявленную въ 1917 году Временнымъ Правительствомъ Россїи, всѣ распоряженїя и обязательства котораго мы приняли на себя. Но окончательная санкція опредѣленїя границъ между Польшей и Россїей, въ соотвѣтствїи съ выше приведенными основанїями, должна быть отложена до Учредительнаго Собранїя.

Мы готовы также пойти принять настоящее правительство Финляндїи, и окончательное рѣшенїе финляндскаго вопроса должно принадлежать Учредительному Собранїю.

4. Мы готовы теперь же подготовить рѣшенїе вопросовъ по отношенїю къ автономямъ Эстонїи, Латвіи, Литвы, Кавказскихъ и Закаспійскихъ странъ. Мы имѣемъ полное основанїе предполагать, что дѣло скоро уладится, какъ только правительство обезпечитъ различнымъ народностямъ автономїю. Изъ этого слѣдуетъ, что границы и формы этихъ автономїй будутъ опредѣлены особо для каждой народности. Въ томъ же случаѣ, если при разрѣшенїи этихъ разнообразныхъ вопросовъ возникнутъ затрудненїя, то въ цѣляхъ достиженїя удовлетворительнаго рѣшенїя ихъ, правительство готово прибѣгнуть къ содѣйствию и помощи Лїги Народовъ.

5. Выше изложенныя основанїя, предусматривающїя утвержденїе Учредительныхъ Собранїемъ всѣхъ соглашенїй, очевидно, должны быть примѣнены и къ Бессарабїи».

Такая постановка вопроса ни одно изъ новообразованїй совершенно не удовлетворила.

Если бы, однако, руководители бѣлага движенїя, вопреки опредѣленно сложившемуся тогда общественному мнѣнїю, отъ имени Россїи дали свою санкцію вѣснмъ требованїямъ новообразованїй, является еще большой вопросъ: измѣло ли бы это самопожертвованїе непрерываемую цѣнность въ глазахъ окранныхъ правительствъ и побудило ли бы окранныя народности жертвовать своею кровью и рисковать своей судьбой для дѣла освобожденїя Россїи? Вся дальнѣйшая исторїя восточной Европы дастъ отвѣтъ, ярко отрицательный²⁾.

Но и другїе внѣшнїе факторы далеко не способствовали объединенїю западныхъ фронтовъ. Французское влїанїе въ Финляндїи, англїйское въ Эстонїи и сѣверной Латвіи, германское въ южной Латвіи и Литвѣ, французское въ Подольѣ — такыя несурьїи нереальныя политическаго жизни окранный. Державы Согласїя, въ силу давленїя своей демократїи не же-

¹⁾ По крайней мѣрѣ въ 1919 году.

²⁾ Гиньтъ передаетъ фразу адм. Колчака, признаемъ, а они все таки не помогутъ».

поводу:

„Хлеб-соль“

Почетный караул.
Встрѣча союзниковъ въ Новороссійскѣ.

давши и не могла принять участия в вооруженной борьбе, не оказывавши в то же время и сколько-нибудь серьезного давления в этом направлении на окранный и правительство... знаю 18 г. требующая ухода немецких войск из Прибалтики, в начале 19-го, наоборот, требующая усиления их для создания «кордона», и летом, из-за опасения все возрастающего влияния Германии, разрушающая ее военные организации в Прибалтике — таковы непослѣдовательные этапы русской политики союзников. Наконец, Германия — в теории, в лице военной партии и даже отчасти социалистического правительства своего в то время допускавшая возможность выступления в роли спасительницы России — в жизни моральной реабилитации и будущих политических и экономических перспектив, но в конце отвергающая мысль, чтобы эта помощь шла в той или другой форме под флагом Согласия... Германия — на практике развертывающая широко добровольческой корпус фюрер Гольца, как предлог обойти стотысячную норму, ограничившую развитие ее военных сил, как способ сохранения баронских латифундий и вместе с ними своего влияния в Прибалтике, как барьер против советской армии в вооруженный кулак, нависший на фланг биертинских путей польской армии в Восточную Пруссию — таковы внутренние мотивы германской частичной интервенции.

«Русско-германское сближение» в течение долгого времени было одним из главных мотивов, которыми английское правительство сдерживало напор оппозиции, требовавшей прекращения вооруженной и материальной помощи врагам советской власти. В возрождении России англичане не сомневались. Но с чьей помощью? «Я никак не могу отделиться от мысли — говорить в парламенте Черчилль — о страшной опасности, которая произошла бы, если бы ставшая врагом наших Россия и жаждущая мести Германия пришли бы к убѣждению, что все их несчастья произошли оттого, что они друг с другом враждовали и что они могли бы вновь стать могущественными, если бы соединились вместе»¹⁾.

Какими же методами правительство Англии, при непротивлении Клемансо, осуществляло идею прорыва в возродении России? Ближний к французскому министерству иностранных дел «Темпс» осенью 19 года в ряде статей, констатируя, что общественное мнение Франции порицает политику держав Согласия, подводил ее итоги:

«В течение 11 месяцев послѣ перемирия, что сделали союзники в Балтике? Они поддерживали — и временами эксплуатировали — желательная эскадра и латиней, которая они не могут осуществить. Они противодействовали стремлениям русских, которым они не смогут помѣшать осуществиться.

Их сомнения, что Ревель — великодушный порт и что лень латышских землевладельцев весьма пригоден для британских ткачей. Но никакая соглашения, никакой флот в мир не в силах помѣшать России возстановить рано или поздно свое прежнее положение на берегах Балтийского моря. Общественность и латышам, что им будет обеспечена подходящая автономия в децентрализованной России, вполне резонно; со стороны Англии это было бы обязательством, в выполнении которого союзники могут падать. Но идти дальше и заманивать эти мелкие группы людей призраком независимости, значит сдѣлать невозможное: из таких сѣмян вырастают одни лишь разочарования».

«Вы желаете больше существенных плодов? Тогда нужно смотреть открыто в лицо действительности: в Балтийской авантюре — весь русский вопрос».

«Два направления политики могут быть приняты по отношению к России — первое заключается в расчленении российского государства, второе в его восстановлении. Союзники должны рѣшиться раз навсегда избрать одно из двух направлений, а именно второе, тогда как до сих пор мы колебались между обоими».

«Если бы мы хотѣли расчленения России, то предоставляя ей глотить в большевизм, то применяя на сѣвер и на юг противоположные методы действия — и в том и в другом случае все преимущества были бы на стороне»

¹⁾ Изъ рѣчи в палатѣ общинъ 29 июля 19 года.

Германи. Германия обладает гораздо большими возможностями в технике пользования противоположными крайностями. Она поставила инструкторов и дельти большевикам. Сегодня она составляет их сторонникамъ абсолютнаго царизма¹⁾. Въ Россіи, равно какъ и во всей Европѣ, во время войны и до ея возникновения, она специализировалась въ дѣлѣ разложенья, и всякое разложенье идетъ на пользу Германіи...»

«Напротивъ, наша задача — строить».

И въ то время, когда глава англійскаго правительства, Ллойд - Джордж проводилъ настойчиво планъ расчлененія Россіи, другой государственный дѣлатель Англии, членъ его кабинета Черчилль, всей силой своего слова ополчался противъ такой близорукой политики. Въ своемъ вѣдомствѣ онъ принималъ и рядъ доступныхъ мѣръ, чтобы путемъ матеріальной поддержки бѣлыхъ армій ослабить явную для него опасность опытовъ Ллойд - Джорджа. Какъ могли сотрудничать эти «двѣ руки» — одна дающая, друга отъемлющая — это тайна британской политики.

Черчилль говорилъ²⁾:

«Война вызвала къ жизни дѣлу дѣлъ небольшихъ и слабыхъ государствъ, которыя сами до извѣстной степени проникнуты большевицкими идеями, подавлены гнетомъ банкротства и голода и лишены дисциплинированныхъ армій. И на этотъ - то колеблющійся, трескающійся оплотъ мы здѣсь рассчитываемъ для предотвращения наступательнаго движенія на Западъ большевицкихъ войскъ и большевицкой анархіи; на него же мы рассчитываемъ и для предотвращения объединенія этихъ войскъ и этого ученія съ недовольствомъ могучей германской націи!»

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ никто не вѣрилъ, чтобы эти новыя слабыя державы могли удержаться безъ могущественной поддержки союзническими державами и союзническими войсками. Но къ нашему великому облегченію, онѣ удержались безъ обращенія къ намъ за какой - либо непосредственной поддержкой³⁾.

Эстонія, Литва, Польша, Чехо - Словакія, Румынія все еще выступаютъ жизненными факторами мировой общественной и національной жизни, и вся Западная Европа въ настоящее время укрывается за ихъ слабымъ оплотомъ. Но почему же онѣ оказались способными поддержать свое существованіе? Потому, что никто на нихъ серьезно не нападаль. Усилія большевннковъ захватить ихъ были слабыми, и съ ними онѣ справились. Но почему же они были слабы?

А по той причинѣ, что по меньшей мѣрѣ двѣ трети всей большевицкой арміи, по меньшей мѣрѣ двѣ трети всей силъ, были заняты борьбой съ силами Колчака и Деникина, которыхъ не существовало совсѣмъ годъ тому назадъ и которые теперь борются, но съ основательной надеждой на побѣду противъ трехъ сотъ тысячъ организованныхъ большевицкихъ боевыхъ войскъ.

И если бы эти арміи были разбиты и уничтожены, и вся Россія со всеми своими ресурсами попала подъ неоспоримую власть Ленина и Троцкаго, то вся сила большевицкаго войска могла бы обрушиться — и обрушилась бы — на лицъ еще держащихся небольшихъ государствъ — съ послѣдствіями, въ которыхъ никто изъ знакомыхъ съ ихъ пожеланіями не можетъ сомнѣваться».

Въ этомъ сплетеніи разнородныхъ, взаимно враждебныхъ интересовъ рисовалась только одна объективная возможность, грозившая быстрымъ крушеніемъ совѣтской власти, по существу, однако, ирреальная, противорѣчащая психологиче побѣдителя и побѣжденнаго въ первый острый періодъ распалаты:

Примиреніе державъ Согласія съ Германіей...

Нѣкоторые политическіе круги обѣихъ группировокъ еще съ 17 года выдвигали и такое положеніе, едва ли не наиболѣе грозное для судьбы Россіи. Въ немъ напрасно было бы искать моральныя обоснованія или стремленіе къ спасенію нашей Родины. Обнаженный національный эгоизмъ ставилъ вопросъ гораздо болѣе реально:

Миръ за счетъ Россіи...

¹⁾ Рѣчь шла о Бермонть.

²⁾ Рѣчь на банкетѣ британско - русскаго клуба 4 іюля 1919 г.

³⁾ Это, какъ мы видѣли, не соответствуетъ дѣйствительности.

ГЛАВА V.

Появление союзников на Юге России и их первые шаги. Планы интервенции.

— Salut à nos Alliés!

— Wellcome dear friends!

Эти возгласы, выражавшие искреннюю, непритворную радость, горячее дружественное чувство и безграничные надежды на скорую перемену злосчастной судьбы, были неизменными спутниками союзных вымпелов, появлявшихся в Черном море. Никогда еще моральная связь между русской интеллигенцией, южным казачеством и всеми теми широкими слоями, которые связали себя с национальным противобольшевистским движением, и нашими союзниками не была такой крепкой. Никогда еще державам Согласия не представлялась лучшей возможностью закрыть надолго и прочно эти узы со страной нищей, но талщей под слудом неисчерпаемы сокровища, с пародом пынь безумным, но въ нормальномъ состояннн своемъ наиболѣе честно относящимся къ выполнению международныхъ обязательствъ, въскодушнымъ и помнящимъ добро.

Это радостное настроеніе, по мѣрѣ удаленія отъ портовъ Чернаго моря къ сѣверу, омрачалось только безвокойными мыслями: «успѣють ли придти»... и «какъ пережить переходное время, когда могутъ захлестнуть большевиками и анархія»...

По всему югу Россіи шла спѣшная перемена «оріентаций», измененіе программъ и широкая дифференціація партій, группъ, организацій, которыхъ прежде раздѣляло гермапофильство. Перестраховывались слѣшно и правительства. Новые «Варшавы» стали тѣмъ фундаментомъ, на которомъ строились политическія комбинаціи и утопіи, но разъ совершенно противорѣчивы. Такъ польскій Регентскій совѣтъ взывалъ къ союзникамъ о помощи противъ «украинскихъ бандъ» — возставшаго парода Галицкой Руси, а правительства Галицкой и гетманской Украины просили союзниковъ оградить Галицію отъ поглощенія Польшею. Въ Киевѣ гетманское правительство давало союзникамъ завѣренія въ своей лойальности и дружбѣ, указывая, что «войска центральныхъ державъ были призваны (не имъ, а прежнимъ правительствомъ)¹⁾; а прежняя и будущая директорія, рожденная Брестъ-Литовскомъ, еще не выйдя изъ подполья, оперировала тѣми же аргументами въ пользу своего первородства и противъ «нѣмецкаго ставленника» — гетмана.

Украинская печать того времени обоимъ лагерей представляетъ разительные перемены въѣхъ тоновъ политическаго спектра по кривой линіи отъ Берлина къ Парижу. Дюпкой атаманъ Красновъ, еще недавно писавшій о «дружбѣ, спаянной кровью на общихъ поляхъ сраженій воинственными народами германцевъ и казаковъ»²⁾, устривалъ теперь «достойную встрѣчу представителямъ тѣхъ государствъ, съ которыми вмѣстѣ въ продолженіе 3½ лѣтъ мы сражались за свободу и счастье Россійскаго государства», «на которыхъ мы и теперь смотримъ, какъ на своихъ союзниковъ»... «Безъ помощи союзниковъ освободить Россію невозможно» — писалъ онъ генералу Франше д'Эспре³⁾... И при первыхъ же извѣстіяхъ о проходѣ союзнымъ флотомъ Дарданеллъ обратился уже съ воззваніемъ къ «красному Вердену» — Царьщину, требуя сдачи города до 15 ноября и угрожая, въ противномъ случаѣ, что по приходѣ союзниковъ городъ будетъ сметенъ артиллерійскимъ огнемъ...

¹⁾ Вербальная нота отъ 2 ноября 1918 года.

²⁾ Изъ письма императору Вильгельму 5 июля 1918 года.

³⁾ Приказъ войску № 1682 и письмо ген. Франше д'Эспре 6 ноября 1918 года.

Чтобы облегчить и ускорить выходъ союзнаго флота въ Черное море, которое находилось еще въ рукахъ пѣмцевъ, адмиралъ Неплюковъ въ серединѣ октября послалъ изъ Ясы старшему союзному адмиралу всѣ документы, касающіеся минныхъ загражденій портовъ Чернаго моря, числа и тоннажа военныхъ и коммерческихъ судовъ, а также «планы, описанія, статистическія данныя портовъ и рейсовъ всего Чернаго моря, обработанные палпимъ бывшимъ морскимъ генеральнымъ штабомъ»¹⁾. Помощь — союзному флоту весьма существенная, не знаю только — не были ли при этомъ, въ пылу увлеченія альянсомъ, перейдены предѣлы осторожности, необходимой даже въ отношеніи друзей...

На фонѣ разгоравшейся вокругъ появленія союзниковъ большой и малой политики не обошлось безъ элемента комическаго: 29-го октября наша радиостанція перехватила телеграмму, адресованную испанскому послу въ Софіи: «Советъ министровъ Крымскаго правительства рѣшилъ просить Васъ сообщить представителямъ Соединенныхъ Штатовъ, Франціи, и Британіи, что (оно) обязуется соблюдать нейтралитетъ при входѣ въ Черное море флота державъ Согласія до заключенія перемирія между державами Согласія и Германіей»...

Флагманъ союзнаго флота могъ слѣдовательно дерзать!

10 ноября въ поворосійскую бухту вошла эскадра въ составѣ двухъ миноносцевъ и двухъ крейсеровъ — французскаго «Эрнестъ Ренавъ» и англійскаго «Ливерпуль». Почти одновременно на болгарскомъ пароходѣ подъ французскимъ флагомъ пришелъ, командированный мной на Балканы ген. Эрдели, привезя чрезвычайно пѣнный для насъ грузъ русскихъ патроновъ и ружей, и вмѣстѣ съ нимъ прибыли представители Салоникской французской арміи.

Новоросійскъ, затымъ Екатеринодаръ встрѣчили союзниковъ необыкновенно радушно, со всѣмъ пыломъ открытой русской души, со всей страстностью истомленнаго ожиданіемъ, сомнѣніями и надеждами сердца. Толпы народа зашуршали улицы Екатеринодара, и ихъ шумное ликованіе не могло не увлечь своей непосредственностью и искренностью западныхъ гостей. 20 ноября пріѣхала англійская военная миссія во главѣ съ ген. Пулемъ, бывшимъ главнокомандующимъ союзными войсками на Сѣверномъ (Архангельскомъ) фронтѣ, и торжества повторились вновь.

Большинство союзныхъ военныхъ представителей всецѣло раздѣляло ту психологию, во власти которой находились мы всѣ — Добровольческая Армія, бѣлый Югъ. Въ ихъ сознаніи, какъ и въ нашемъ, взаимныя обязательства оставались непререкаемыми, война еще не кончена, и активная помощь арміи несомнѣйна. Оторванные годами войны отъ политическихъ будней своихъ странъ, они жили еще эмоціями бранной славы и побѣды, располагавшими къ веткородушію. Оттого въ словахъ ихъ было болѣе чувства, чѣмъ расчета, въ обѣщаніяхъ — болѣе личнаго убѣжденія, чѣмъ фактической осѣдомленности...

Застольныя рѣчи дышали широкимъ оптимизмомъ.

Я говорилъ «... Въ этотъ часъ возрожденія русской государственности вновь сомкнулся фронтъ и къ намъ протянулись дружескія руки... Я желаю отъ души счастья Франціи и Англійи. Но, если когда нибудь надъ Сеной и Темзой случатся тучи, знайте, что Россія — не эта лоскутная, безпомощная — а новая сильная, Единая Россія никогда не забудетъ безкорыстной дружественной помощи и свято исполнитъ тогда свой долгъ»... Генералъ Драгомуровъ вспоминалъ фразу ген. Пуля, вѣдавшаго въ 17 году слабженіемъ русской арміи, сказанную въ октябрѣ, наканунѣ большевическаго переворота, въ отвѣтъ на его «мрачная предвидѣнія надвигающагося развала страны»:

— Черезъ десять лѣтъ вы будете самой могущественной страной въ мірѣ...

¹⁾ Изъ доклада ген. Эрдели отъ 23 окт. 1918 года.

Ген. Пуль въ медленномъ, вѣдше безстрастномъ, но согрѣтомъ внутренней теплотой словъ, говоритъ намъ:

«... У насъ съ вами одни и тѣ же стремленія, одна и та же цѣль — возсозданіе Единой Россіи... Какъ представителю Великобританіи, я передаю вамъ отъ своей страны: мы ни одной минуты не забывали, что Россіи нашъ старый и вѣрный союзникъ; мы радовались вашимъ успѣхамъ въ началѣ войны, мы горевали, когда вы были преданы, а русская армія оставила фронты, вынужденно закончивъ войну; мы не забыли и никогда не забудемъ, какъ вы героическими успѣхами спасли насъ въ 14 году, когда положеніе было критическимъ. Мы никогда не забудемъ, что вы, будучи поставлены въ крайне тяжелое положеніе, не соединились, однако, съ нѣмцами, рискуя вѣтъ, и остались до конца вѣрными своимъ союзникамъ.

Я послаю своей страной, чтобы узнать, какъ и чѣмъ вамъ можно помочь; съ большимъ удовольствіемъ, съ большою охотой мы вамъ эту помощь дадимъ»¹⁾...

Дипломатическій представитель Франціи, лейтенантъ Эрлишъ, будущій депутатъ французскаго парламента, прекрасный и съ большимъ темпераментомъ ораторъ, владѣющій свободно русскимъ языкомъ, пожималъ восторги собранія, затрагивая больная и трепещущія струны — словами тогда еще не захватанными, не ополченными.

— Вы можете рассчитывать безусловно на помощь великой Англій и свободной Франціи. Мы съ вами. Мы за васъ... Я твердо вѣрю, что скоро на высокихъ балясахъ святаго Кремля красныи флагъ, забрызганныи цвѣтущей кровью многочисленныхъ жертвъ насильниковъ, будетъ замѣненъ славнымъ трехцвѣтнымъ знаменемъ Великой, Единой, Недѣлимой Россіи»²⁾...

Отзвуки этихъ событий и этихъ рѣчей разносились по Югу, по боевымъ линиямъ Добровольческой и Донской армій, проникали сквозь большевнчкія позиціи на Терекъ, повсюду подымая духъ и волю къ продолженію борьбы.

Я долженъ отдать справедливость этимъ первымъ представителямъ союзниковъ: въ генералѣ Пулѣ, лейтенантѣ Эрлишѣ, Гоккѣ³⁾ и другихъ мы имѣли дѣятельныхъ и дѣятельныхъ друзей Россіи. Но ихъ вліяніе и вѣсъ были недостаточны, чтобы измѣнить русскую политику державъ Согласія.

Являлась необходимость выяснить вопросъ, на какую же помощь союзниковъ могутъ рассчитывать арміи Юга?

Взаимоотношенія союзнаго командованія были неопредѣленны и осложнялись взаимнымъ соперничествомъ державъ. Въ Константинополь имѣлъ пребываніе «главнокомандующій союзной Салоникской арміей», французскій генералъ Франше д'Эспре; тамъ - же главная квартира «главнокомандующаго британской арміей на Балканахъ» — ген. Мильна; имъ были подчинены первоначально союзные представители въ Екатеринодарѣ. Командированныи въ Константинополь ген. Эрдели привезъ оттуда весьма учтивое письмо ген. Франше д'Эспре и неопредѣленный общіянія. Въ то же время въ Бухарестѣ находился штабъ ген. Бертело, именовавшася «главнокомандующимъ союзными силами въ Румыніи, Трансильваніи и на Югѣ Россіи». Вошедшій съ нимъ въ сношенія по моему порученію представитель Добровольческой Арміи въ Яссахъ, ген. Щербачевъ прислалъ мнѣ въ началѣ ноября подробную ориентировку⁴⁾, бросающую свѣтъ на первоначальныя предположенія союзнаго командованія въ русскомъ вопросѣ:

¹⁾ Рѣчь 25 ноября на банкетѣ въ Кубанскомъ собраніи.

²⁾ Idem.

³⁾ Осенью 1915 г. пріѣхалъ изъ Кіевской французской миссіи въ качествѣ «дипломатическаго представителя при Добр. Арміи» и въ серединѣ ноября былъ отозванъ въ Яссы и замѣненъ Эрлишемъ.

⁴⁾ Отъ 3 ноября 1915 года.

«Я посетил ген. Бертело в его главной квартире в Бухаресте для предварительных переговоров о своем проезде в главную квартиру генерала Франше д'Эспре и далее в Париж, с целью ускорить прибытие союзных войск и средств войны — в Россию.

В Бухаресте мне удалось достигнуть результатов, которые значительно превосходят мои предположения. Путем непосредственного общения и обмена мнениями с Генералом Бертело, с кем нас связывала и прежняя общность идей и действий, мне удалось придать переговорам в Бухаресте форму исчерпывающе-решительную настолько, что временно отпала надобность проезда в Париж и к Генералу Франше д'Эспре.

Генерал Бертело, имеющий личную идейную сильную поддержку г. Клемансо, председателя союзных Версальских совещаний, обладает полной мощью Главнокомандующего армиями Союзников в Румынии, Трансильвании и на Юге России и в качестве такого лица имеет возможность проектировать и осуществлять все вопросы политические и военные, касающиеся Юга России и спасения его от анархии. Мне удалось подвинуть этот вопрос настолько, что мне уже едва ли остается желать в этом отношении чего-либо сверх предположенного на совещании моем с генералом Бертело.

Решено нижеследующее:

1. Для оккупации Юга России будет двинуто, настолько быстро, насколько это возможно, 12 дивизий, из коих одна будет в Одессе на этих же днях.

2. Дивизии будут французские и греческие.

3. Я буду состоять, по предложению Союзников и генерала Бертело, при последнем и буду участвовать в решении всех вопросов.

4. База Союзников — Одесса; Севастополь будет занят также быстро.

5. Союзными войсками Юга России первое время будет командовать генерал д'Ансельм с главной квартирой в Одессе, где буду находиться и я с состоящими при мне Вами известными лицами.

6. Генерал Бертело, до времени, со своей главной квартирой остается в Бухаресте.

7. По прибытии союзных войск, кроме Одессы и Севастополя, которые будут несомненно заняты ко времени получения Вами этого письма, Союзники займут быстро Киев и Харьков с Криворожскими и Довженскими бассейнами, Днп и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской армиям прочнее организоваться и быть свободными для более широких активных операций.

8. Под прикрытием союзной оккупации, необходимо немедленное формирование русских армий на Юге России, во имя возрождения Великой, Единой России. С этой целью теперь же должны быть решены и разработаны вопросы о способах и районах формирования этих армий по мере продвижения Союзников. Только при таких условиях будет обеспечено скорейшее наступление всех русских воинских армий под единым командованием на Москву.

9. В Одессу, как главную базу Союзников, прибудет огромное количество всякого рода военных средств, оружия, боевых отвесных запасов, танков, одежды, железнодорожных и дорожных средств, авиатехники, продовольствия и проч.

10. Богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении. Для сего осталось сделать лишь небольшие дипломатические усилия, успех коих обеспечен, так как они опираются на все могущество Союзников.

11. Относительно финансовой поддержки нам, у Союзников вырабатывается особый, специальный план.

Это письмо своей определенностью вывело нас, наконец, из области предположений. Широкая и конкретная постановка вопроса открывала перед нами новую необычайно благоприятную перспективу, ставила новые задачи в борьбе с большевиками. На основании письма и затем предложенія французского представителя ставь мой составил и послал генералам Бертело и Франше д'Эспре записку о политическом и стратегическом положении Юга России и план совместной с союзниками кампании. Сущность его кратко сводилась к следующему:

Общей задачей русских армий ставилось: «разбить советских войска, овладеть центром — Москвой с одновременным ударом на Петроград и вдоль правого берега Волги».

Ближайшая стратегическая задача... «1) Не допустить противника занять Украину и Западные губернии и, прикрыв их на протяжении прежней германской демаркационной линии, создать плацдармы для будущих формирований и для наступления вглубь России». «2) Использовать фронт Довской и Добровольческой армий, с той же целью и для окончательного очищения от большевиков Северного Кавказа».

Линия развёртывания русских армий намечалась: Ялыбург—Псков—Орша—Рогачев—Бѣлгород—Балашов—Царицын.

Так как сохранение областей, еще оккупированных немцами, от занятия и разгрома их большевиками представлялось крайне необходимым, а задача эта для нас непосильной, то к выполнению ее привлекались союзные войска. Состав их, включая обезпечение черноморских баз союзников и коммуникационных линий, определялся штабом в 18 пѣх. и 4 кав. дивизии¹⁾. «Силы эти — говорилось в запискѣ — будутъ использованы исключительно для прикрытия линии нашего развёртывания и для обезпечения наших формирований. Ни в какихъ активныхъ дѣйствіяхъ имъ участвовать не придется... Намъ нужна не столько сила, сколько авторитетъ дружеской помощи».

Подъ прикрытіемъ союзныхъ войскъ и по окончаніи своего формированія, русскія армія должны были начать наступленіе съ запада и юга къ Петрограду, Москвѣ и Казани.

Одновременно съ планомъ французскому командованію вручены были перечни необходимыхъ предметовъ и военнаго снабженія для армій Юга.

Время шло, всё хорошія слова были высказаны, а реальная помощь все еще не прибывала. Даже вопросъ о возглавленіи союзнаго командованія (Франше д'Эспре, Бертелло, Мильз?) оставался спорнымъ в течение трехъ съ половиной мѣсяцевъ, и только 11 марта я получилъ уведомленіе отъ ген. Франше д'Эспре, что «союзныя силы, оперирующія на югѣ Россіи, переходятъ подъ его командованіе»²⁾. Сообщеніе — тотчасъ же и категорически опровергнутое англійской мпсией.

Цѣлый рядъ послѣдующихъ эпизодовъ вносилъ еще большую неясность въ общую политическую ситуацію и значительно понижалъ наше настроеніе.

Прежде всего телеграфъ привезъ намъ официальное извѣстіе о существованіи линіи «разграничивающей англійскую и французскую зоны дѣйствій»³⁾. На востокѣ она проходила отъ Босфора черезъ Керченскій проливъ къ устью Дона и далѣе по Дону на Царицын⁴⁾. Эта страшная линія не имѣла никакого смысла въ стратегическомъ отношеніи, не считаясь съ меридіанальными оперативными направленіями къ Москвѣ и съ идеей единства командованія. Разрѣвая пополамъ область войска Донского, она не соответствовала также и возможности рациональнаго снабженія южныхъ армій, удовлетворяя скорѣе интересамъ оккупации и эксплуатаціи, чѣмъ стратегическому прикрытію и помощи.

13 ноября союзный флотъ появился въ Севастополѣ и приступилъ къ принятію отъ германцевъ судовъ русскаго Черноморскаго флота. Командированный

¹⁾ Штабъ исходилъ изъ того, что центральныя державы послѣ Брестъ-Литовска держали на территоріи Россіи 49 пѣх. и 6 кав. дивиз. и что въ силу совершенно иной моральной и политической обстановки численность союзныхъ войскъ можетъ быть уменьшена втрое.

²⁾ Телеграмма 11 марта № 10317.

³⁾ «L'accord franco-anglais du 23 Decembre 1917, définissant les zones d'action française et anglaise». Официальное подтвержденіе французскаго представителя полк. Корбейля въ отношеніи его на мое имя 27 мая 1919 г. № 1926.

⁴⁾ Къ востоку англійская — къ западу французская.

мною въ Севастополь адмиралъ Герасимовъ встрѣтилъ со стороны союзнаго морскаго командованія обидное и жестокое отношеніе къ русскому достоянію. На томъ основаніи, что русскія суда находились въ распоряженіи германцевъ, старпій адмиралъ союзнаго флота (англ.) лордъ Кольсорпъ, по распоряженію изъ Константинополя, отказался передать ихъ русскому командованію. Лучшія изъ этихъ судовъ заняты иностранными командами и подняли на нихъ флаги — англійскій, французскій, итальянскій, и даже... греческій. Всѣ годные къ плаванію корабли приказано было отвезти въ Измѣтъ для янтарирования. На просьбу Герасимова отпустить хотя бы два, три миноносца въ Новороссійскъ для охраны и патрулированія внутреннихъ водъ района Добровольческой Арміи, смѣявшійся Кольсорпа французскій адмиралъ Леже отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ: «союзныя правительства не потерпятъ присутствія вооруженнаго русскаго судна на Черномъ морѣ, такъ какъ таковое, будучи отнято большевиками, можетъ надѣлать державамъ Согласія многочисленныя бѣды и хлопоты»¹⁾. На томъ же основаніи французскія и англійскія команды, по приказанію Леже, топтали и взрывали боевые припасы, хранившіеся въ Севастопольскихъ складахъ, рубили топорами аккумуляторы и бакъ подводныхъ лодокъ, разрушали приборы управленія и увозили замки орудій....

Образъ дѣйствій союзниковъ походилъ скорѣе на шквалдацію, чѣмъ на начало противобольшевнической кампаніи.

Въ то же время началась перенесъ и реквизиціи союзниками русскихъ торговыхъ судовъ подъ тѣмъ же флуктивнымъ предлогомъ, что на нихъ развѣвались временно германскій или австрійскій флаги.

Эти обстоятельства вынудили меня съ первыхъ же дней соприкосновенія съ союзниками вступить съ ними въ длительную, упорную борьбу за сохраненіе русскаго достоянія и воссозданіе Черноморскаго флота.

Между тѣмъ волненія на Украинѣ, поднятыя соединенными усилиями Украинскаго національнаго комитета и Москвы разрастались все болѣе, а на сѣверныхъ рубежахъ ея готовилась ужъ ко вторженію большевицкая «повстанческая армія», формировавшаяся въ «нейтральной зонѣ...»²⁾ Опираясь на плавь кампаніи, выработанный генераломъ Бертело, я обратился къ ген. Франше д'Эспре³⁾: «чтобы сохранить югъ Россіи, богатый продовольствіемъ и военными запасами, необходимо, какъ можно скорѣе двинуть хотя бы двѣ дивизіи союзныхъ войскъ въ районъ Харькова и Екатеринослава». Черезъ нѣсколько дней пришель отвѣтъ, что одна французская дивизія 5 декабря начнетъ высаживаться въ Одессѣ, т. е. въ районѣ, при создавшихся условіяхъ, второстепенномъ.

Вступленію французскихъ войскъ на русскую территорию предшествовало широко распространенное воззваніе отъ имени генерала Бертело «къ населенію юга Россіи»⁴⁾. Въ немъ вспоминались заслуги Россіи въ мировой войнѣ и излагались пѣли интервенціи: « Всѣ державы Согласія идутъ вамъ навстрѣчу, чтобы снабдить васъ всѣмъ, чѣмъ вы нуждаетесь, и чтобы дать вамъ, наконецъ, возможность свободно, а не подъ угрозами злоумышленниковъ, рѣшить, какую форму правленія вы желаете... Окажите добрый пріемъ войскамъ союзниковъ... Они повинутъ Россію послѣ того, какъ спокойствіе будетъ восстановлено...»

Въ этомъ обширномъ и дурно переведенномъ съ французскаго воззваніи, обращало на себя вниманіе полное отсутствіе такихъ понятій, какъ «большевикъ», «петлюровецъ», «украинецъ», «доброволецъ». Оно противопоставало только «злоумышленниковъ», «благонамѣреннымъ жителямъ», давая широкій просторъ для всевозможныхъ догадокъ и слуховъ.

¹⁾ Изъ доклада адм. Герасимова 6 декабря 1918 года.

²⁾ По условіямъ перемирія между Украинной и Совѣтской Россіей, туда не имѣли доступа войска обѣихъ сторонъ.

³⁾ Телегр. отъ 24 ноября.

⁴⁾ Подписано французскимъ консуломъ въ Кіевѣ Элюю.

Генераль Пуль.

Иностранцы предстали на мѣстѣ смерти ген. Корнилова.

Въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи находился и вопросъ о материальной помощи.

Самая вопиющая нужда фронта — въ патронахъ и снарядахъ удовлетворялась далеко не въ достаточномъ количествѣ и съ серьезными затрудненіями путемъ доставки изъ складовъ б. Румынскаго фронта.

Однажды къ генералу Романовскому зашелъ представитель англійской миссии и сказалъ ему:

— Бросьте вы разговаривать съ французами — они только общаются и ничего вамъ не дадутъ. Прикажете прислать намъ перечни необходимаго для армій снаряженія.

О томъ же писать мнѣ непосредственно ген. Мильнъ, заявивъ, что «безъ промедленія приготовить (намъ) все, что находится въ его власти»¹⁾.

Перечень былъ посланъ въ англійскую миссію — безъ большихъ надеждъ. Прошло два мѣсяца въ тяжелыхъ бояхъ, въ которыхъ рѣшалась судьба Сѣвернаго Кавказа. Доблесть и кровь Добровольцевъ по прежнему искупали недостатокъ, иногда отсутствіе боевыхъ припасовъ... 3 февраля я былъ въ Новочеркасскъ, на Донскомъ кругу, когда получилъ телеграмму ген. Драгомирова²⁾:

«Прибылъ ген. Бриггсъ, назначенный англійскимъ военнымъ министерствомъ начальникомъ миссии при Добровольческой Арміи... При немъ будетъ штабъ изъ 60 офицеровъ разныхъ специальностей... За нимъ идутъ пароходы съ вооруженіемъ, снаряженіемъ, одеждой и другимъ имуществомъ, по расчету на 250 тысячъ человекъ. Первый пароходъ уже пришелъ. Живой силы англійскими войсками не общается, вопросъ еще по разрѣшенъ Парижской конференціей... Бриггсъ выражаетъ полное желаніе работать всеми силами на нашу армию и помогать ей) дѣломъ, а не словами...»

Черезъ нѣсколько дней прибыли въ Новороссійскъ одиннадцать англійскихъ пароходовъ съ тоннажемъ до 60 тыс. тоннъ.

Екатеринодарская англійская миссія дѣйствительно оправдывала въ полной мѣрѣ свои обѣщанія и свое дружеское отношеніе къ Россіи. Но скорѣ мы узнали, что есть якобы «двѣ Англии» и «двѣ англійскихъ полптики...» Что въ наличіи имѣлась и свободная англійская живая сила, направленная, однако, въ то время, когда назрѣвало крушеніе Украины и Дона, на театр, совершенно второстепенный въ стратегическомъ отношеніи, но имѣющей мировое экономическое значеніе...

Въ серединѣ ноября войска ген. Томсона вступили въ Баку. Въ своемъ обращеніи къ населенію Азербейджана Томсонъ говорилъ: «Отъ имени союзниковъ Баку занимается великобританскими войсками. Меня сопровождаютъ представители Франціи и Соединенныхъ Штатовъ и мы здѣсь находимся съ вѣдома и полного согласія новаго русскаго правительства (?)... Мы не забываемъ великихъ услугъ, оказанныхъ русскимъ народомъ дѣлу союзниковъ въ первые годины міровой войны. Союзники не могутъ возвратиться къ себѣ домой, прежде чѣмъ не возстановятъ порядокъ въ Россіи и не доставятъ ей возможность занять свое мѣсто въ ряду другихъ народностей міра...» Въ своемъ обращеніи «къ народамъ Сѣвернаго Кавказа» Томсонъ давалъ обѣщанія еще болѣе конкретныя: « тѣ войска, которыя находятся въ данный моментъ подъ моимъ командованіемъ въ Баку, являются лишь первой частью союзной арміи, которая въ скоромъ времени займетъ Кавказъ».

Генераль Форестъ-Уокеръ, высадившійся 18 декабря съ десантомъ въ Батумъ, говорилъ короче, ласпидариѣ и безъ лирическихъ отступленій: «Британскія войска заняли Батумъ во исполненіе условій перемирія съ Турціей и для того, чтобы обезпечить сохраненіе порядка въ странѣ. Британское правительство не имѣетъ намѣренія занимать страну навсегда. Далѣе слѣдовать преречь на-

¹⁾ Письмо отъ 18 ноября № 1278.

²⁾ 3 февраля № 197.

значенных членовъ «Совѣта по управленію областью» и угрозы суровыми карами, до смертной казни включительно, всѣмъ, кто проявитъ враждебное отношеніе къ англичанамъ...

Мнѣ необходимо было остановиться на утомительномъ, быть можетъ, потокѣ рѣчей, обращеній, воззваній союзныхъ представителей, ибо они создали въ ту пору настроеніе на Югѣ Россіи. Легко было вѣрить въ то, во что такъ сильно хотѣлось вѣрить. «Слова», всѣмъ слышное, часто искреннее, будило подъемъ, надежды, иллюзіи; но «дѣло» — не всѣмъ видное, приводило въ смущеніе, въ печаль. Съ первыхъ же дней русская политика державъ Согласія приняла характеръ двойственный, неопредѣленный и побуждала меня къ особой осторожности. Во всякомъ случаѣ никогда за все время моего правленія и командованія на Югѣ Россіи, я не давалъ державамъ Согласія ни письменнаго, ни устно никакихъ политическихъ, территориальныхъ и экономическихъ обязательствъ за счетъ Россіи. Во всѣхъ сношеніяхъ съ ихъ представителями я проводилъ тотъ взглядъ, что помощь намъ является ихъ моральной обязанностью и вытекаетъ изъ ихъ же собственныхъ интересовъ.

Это обстоятельство должно быть учтено въ тотъ день, когда новая Россія будетъ сводить старые счета со своими кредиторами.

ГЛАВА VI.

Кубань: правительство Быча и Чрезвычайная рада.

«Международное» положеніе Добровольческой Арміи осложнялось во внутренней жизни непрекращавшимися тягостными треніями между ея командованіемъ и кубанскими правительствомъ. Необходимо было во что бы то ни стало установить строго опредѣленные взаимоотношенія и государственную связь съ Кубанью.

Каждый разъ, когда я пишу о Кубани, во мнѣ возникаетъ чувство глубокой грусти. О горестныхъ судьбахъ этой колыбели ранней славы Добровольчества, обильно орошенной его кровью... О кубанскомъ казачествѣ — храброе, привѣтливое и чуждомъ совершенно политиканства своихъ верховъ — казачествѣ, принесшемъ такія большія жертвы жизнью, кровью и достояніемъ въ общей нашей борьбѣ... И о нашей разни — Добровольческихъ и кубанскихъ правителей, не сумѣвшихъ за 1½ года совместной жизни установить терпимыя взаимоотношенія — вопросъ, который сыгралъ роковую роль въ исходѣ южно-русскаго движенія.

21 сентября 1918 г. былъ окончательно подготовленъ проектъ конституціи, устанавливающей на территоріи Добровольческой Арміи единоличную диктатуру, съ предоставленіемъ особыхъ правъ Кубани: «Кубанская область — гласнѣйшій раздѣлъ VI «Положенія»¹⁾ — пользуется правами автономіи, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства».

Еще въ періодъ разработки «Положенія» составители его въ частномъ порядкѣ обсуждали основныя статьи совместно съ нѣкоторыми видными представителями кубанской общественности и власти²⁾, чтобы выяснить ихъ отношеніе. Впечатлѣніе отъ этихъ собраній получилось неблагоприятное: кубанцы не удовле-

¹⁾ «Временное положеніе объ управленіи областями, занимаемыми Добровольческой Арміей». Полный текстъ его въ Т. III, гл. XXXVII.

²⁾ Каплинъ, Скобцовъ, Сушковъ, Д. Филимоновъ, Калабуховъ и друг.

творялись проектируемыми предѣлами автономіи и отстаивали свободу внут-
решних сношеній Кубаня, самостоятельность ея въ области товарообмѣна и само-
стоятельную кубанскую армію; они совершенно непримиримо относи-
лись къ идее единопольной диктатуры, противопоставляя ей коллегіальную. При
всемъ этомъ въ качествѣ неопровержимаго аргумента своихъ требованій кубанцы
ссылались обыкновенно на... декларацию Вильсона о самоопредѣленіи народовъ.

Въ октябрѣ признано было необходимымъ разѣе союзы Чрезвычайной рады
вступить въ официальные переговоры объ организаціи власти съ кубанскимъ пра-
вительствомъ. Къ переговорамъ въ качествѣ «третьихъ лицъ» были привлечены
донскіе к.-д.-ты — предѣдатель Донского крута Харламовъ, Зеелеръ и Во-
ронокъ. 16 октября подъ предѣдательствомъ ген. Драгомирова состоялось
предварительное засѣданіе членовъ «Особаго Совѣщанія» ¹⁾ съ донскими дѣятелями
для установленія общности взглядовъ и, какъ предпослалъ ген. Драгомировъ, для
«выясненія вопроса о возможности принятія нашего проекта въ основу перегово-
ровъ съ кубанскимъ правительствомъ». «Быть можетъ — говорилъ онъ — мы
ошибаемся, и власть должна быть сконструирована на какихъ то иныхъ нача-
лахъ» ²⁾ Совѣщаніе имѣло интимный и откровенный характеръ, сосредото-
чившись главнымъ образомъ вокругъ центрального вопроса — о диктатурѣ.
Большинство членовъ совѣщанія высказывалось за единопольную дикта-
туру, при чемъ все сошлось въ необходимости организаціи власти путемъ со-
глашенія. Зеелеръ такъ формулировалъ это положеніе:

— Диктатура возникаетъ не путемъ согласенія, а путемъ объявленія.
Въ нормальное время этотъ образъ правленія недопустимъ, но сейчасъ въ усло-
віяхъ небывалой гражданской войны иначе конструировать власть не слѣдуетъ...
Если имѣется власть и сила, то нечего спрашивать, а нужно дѣлать то, что являет-
ся необходимымъ. Ну, а если (есть) колебанія и нѣтъ увѣренности въ томъ, что
все пройдетъ гладко, тогда давайте разговаривать...

Только два члена совѣщанія склонялись къ коллегіальной диктатурѣ, но и
то не по принципиальнымъ, а по тактическимъ соображеніямъ — Степановъ и
Харламовъ. Первый, признавая эту форму власти «наибольше уродливой», оста-
навливается на ней все-же потому, что «насиліе нежелательно, къ согласенію мы
не приддемъ, а коллегіальная диктатура сама выльется... въ форму единополь-
ной если реальная сила будетъ находиться въ рукахъ главнокомандующаго».
Второй — добавилъ, что согласенія надо искать не съ главами правительствъ, а
съ представительными учреждениями и что согласеніе съ донскимъ атаманомъ
недопустимо.

26 окт. состоялось второе совѣщаніе уже совмѣстно съ кубанскими предста-
вителями ³⁾, подъ предѣдательствомъ ген. Лукомскаго. Лица болѣе одиозныя для
кубанскихъ дѣятелей — ген. Драгомировъ и Шульгинъ, участія въ немъ не
приняли.

Предѣдатель во вступительной рѣчи указалъ, что взаимныя тренія не толь-
ко въ области гражданскаго управленія, но и въ чисто военныхъ вопросахъ до-
стигли такого напряженія, что «жить стало невозможно». Что и другой факторъ
— вѣроятность скораго окончанія войны и появленія союзниковъ въ Черномъ
морѣ — повелительно требуетъ созданія такого представительства, которое бы
могло говорить авторитетно отъ имени Юга Россіи... по крайней мѣрѣ того, ко-
торый «не заляпталъ себя связью съ неприятелемъ». Послѣ этого были оглашены
проектъ «Положенія», и начался диспутъ, въ которомъ все участіи совѣщанія

¹⁾ Генералы: Лукомскій, Романовскій, Макаренко, Лебедевъ, Сте-
Гейманъ, Нератовъ, Шульгинъ.

²⁾ Протоколъ совѣщанія 16 окт. 1918 года.

³⁾ Отъ Добр. Арм.: Лукомскій, Романовскій, Нератовъ и Степановъ.

Отъ Куб. правит.: Бычь, Намитковъ, Савилкія и Скобцовъ.

Отъ войскъ атамана: Полк. Успенскій.

Особо приглашенъ: Харламовъ, Зеелеръ, Воронокъ.

объединились против кубанской группы¹⁾, вѣрнѣе, против ея руководителя — Быча.

Я останавлиюсь на основныхъ только мотивахъ взаимнаго расхожденія.

Одна сторона разсматривала Добровольческую Армію, какъ факторъ общегосударственнаго значенія, взявшій на себя задачу государственнаго строительства, къ чему, по признанію Харламова, «мѣстныя власти стремились очень мало»... Другая — видѣла въ Д. А. лишь «представительнѣйшую Ставропольской и Черноморской губерній», которая «не должна являться факторомъ политическимъ, управляющимъ страной».

Ген. Лукомскій, не считая возможнымъ въ силу соображеній вѣншей политики, теперь же вступать въ соглашеніе съ новообразованиями, союзными Германіи, находилъ, однако, естественнымъ, что въ общую схему управленія войдутъ неизбѣжно и эти, и другіе районы Россіи «по мѣрѣ того, какъ они будутъ освобождаться отъ большевизма и отказываться отъ вѣмечкой ориентациі». Во всякомъ случаѣ онъ считалъ необходимымъ, не дожидаясь созданія «широкаго фронта», теперь же, безотлагательно урегулировать отношенія Кубани съ Арміей. Бычь протестовалъ: «Кубань и Ставропольская губернія, которую представляетъ Добровольческая Армія, слишкомъ ничтожны, удѣльный вѣсъ ихъ слишкомъ малъ; въ настоящій моментъ рѣчь должна идти о широкимъ фронтѣ отъ Закавказья до Бѣлороссіи... Большая ошибка винить земли, «запятнавшія себя вѣмечкой ориентацией»... И Донъ, и Грузія сдѣлали это, спасая свой народъ отъ физическаго истребленія»...

Одна сторона видѣла спасеніе страны только въ военной диктатурѣ, хотя и ограниченной мѣстными автономіями, но допускающей наибольшую концентрацію власти въ интересахъ вооруженной борьбы... Бычь, отвергая диктатуру и признавая недѣлесообразнымъ парламентаризмъ, предлагалъ въ качествѣ верховной власти сложную комбинацію: «представители договаривающихся государствъ должны образовать органъ съ рѣшающимъ значеніемъ и этотъ органъ выдѣлнить другой органъ исполнительнаго значенія... назначить командованіе и опредѣлнить организацию арміи»... «Мы должны — говорилъ онъ — заключить соглашеніе на такихъ основаніяхъ... , при которыхъ можно расцѣплять на присоединеніе безъ насилія другіхъ государственныхъ образований... Власть должна быть организована путемъ сложенія мѣстныхъ властей». Словомъ, на то «подчиненіе» Добровольческой Арміи, которое проектируется Положеніемъ, не пойдетъ ни Грузія, ни Азербейджанъ, ни Украина, ни Донъ. Не пойдетъ и Кубань, такъ какъ на это не согласится прежде всего ея войска (?)...

Ни Бычь, ни его противники ни однимъ словомъ не касались самаго главнаго мотива, прельщавшаго объединенію и предрѣшеннаго уже главенствующей на Кубани черноморской группой — принципа суверенности край — не временной только, а во вѣки.

Бычу возражалъ Харламовъ: «... установленіе общегосударственной власти путемъ сложенія мѣстныхъ — путь очень сложный и длительный, а жизнь требуетъ быстрого рѣшенія... Мнѣ кажется, что Донъ пойдетъ на предоставленіе (командованію) полноты власти въ области военныхъ и дипломатическихъ вопросовъ, а въ отдѣлѣ о мѣстной автономіи придется внести поправку»...

Это послѣднее предложеніе и было повторено председателемъ, который въ заключительномъ словѣ предъявилъ его, какъ *conditio sine qua non* Добровольческой Арміи.

Кубанская группа обѣщала подготовить и представить до созыва Рады свой контръ-проектъ, и совѣщаніе было закрыто. Контръ-проекта мы не увидѣли, а

¹⁾ Полк. Н. Успенскій — сторонникъ Д. А. и будущій атаманъ — воздержался отъ преніи

вопрос о построении государственной власти был поставлен кубанским правительством впоследствии неожиданно на повестку Чрезвычайной рады.

Деловые заседания Чрезвычайной рады открылись 28 октября. Состав ее классовый определялся в 69% казаков и горцев и 11% пногородных¹⁾. По общественному положению — 25% офицеров, 15% прочей казачьей и пногородней интеллигенции и 60% рядовых казаков и крестьян. Политической физиономии Рада в массе своей не имела никакой; отношение ее к Армии было вполне благопритным, но преобладающее политическое течение среди кубанских вожаков определялось с первых же шагов Рады — избраньем в председатели Рыбова²⁾ — лидера черноморцев — социалиста (в казачьем смысле слова), украиннофила, самостоятника и явного недоброжелателя Добровольческой Армии.

В первый же день Рада обратилась с «горячим приветием» к славной Добровольческой Армии и родным сынам Кубани, льющим свою кровь в едином и совмстном подвиге тяжелой борьбы». А 30 октября «освдомившись о полном изгнании из предельов Кубанского края полчищ большевиков», обратилась и лично к главнокомандующему: «... президиум с гордостью свидтельствуем, что Вы до конца довели принятое ршение освободить Кубанский край. Никакия невгоды не поколебали этой ршимости. Ваше твердое и непоколебимое стремление к намченной цели, завершившееся освобождением Кубани, внушает полную вѣру в Вас и безпредельную надежду на доблестную армию».

1 ноября происходило торжественное открытие Рады. После молебна в войсковом соборе, мы отправились в здание городского театра, заполненного до верхов, кроме официальных участников торжества, многочисленными посетителями — кубанцами и «русскими людьми».

Атамань во вступительном слове приветствовал Добровольческую Армию, которая вместе с «Законодательной радой бережно, благоговѣно разобрали (всегда) стяг власти и блюли его, чтобы в этот радостный день передать его хозяевам кубанского края»... После этого слово было предоставлено мнѣ, и я произнес рчь, являющуюся вместе с тем декларацией Добровольческой власти³⁾:

«Сюлею Ставрополя, где много дней идет кровопролитное сражение, я ривѣхал к вам на вѣсколько часов, чтобы приветствовать Кубанскую Краевую Раду и высказать, чем живет, во что вѣрит, на что надеется Добровольческая Армия.

Завтра годовщина зарождения Армии. 2 ноября ривѣхал в Новочеркасск ген. Алексѣевъ, собралъ вокруг себя 200 офицеров — бездомных, изгнанных, голодных, получить от России первый взнос, в количестве 400 руб. на формирование Армии...

В февраль мѣсяцѣ, видя полную невозможность оставаться и бороться на Дону, Добровольческая Армия, предводимая генераломъ Корниловымъ, двинулась на Кубань. С тех пор судьбы ее тѣсно перепелись с судьбами Кубани и в боевомъ содружестве, и в перенесенныхъ страданияхъ, и в тысячахъ братскихъ могилахъ, и в радости ратныхъ побѣд.

Добровольцы шли в жару и стужу, переносили невѣроятныя лишения, гибли тысячами... Шли безкорыстно: деревняныя крести или жизни катки — были удѣломъ большинства.

И только одна завѣтная мысль, одна яркая надежда, одно желаніе одухотворяло всехъ — спасти Россію.

¹⁾ Последние — представители городов. В состав Рады входили также 4 представителя Добровольческой Армии по моему назначению: ген. Лукомский и Харитонов, полк. Тунисбергъ и Науменко, нинѣшній кубанскій атаманъ (1924 г.).

²⁾ 25-ю голосами против 3, при 85 воздержавшихся.

³⁾ Рчь составлена была лично мною, но отражала всецѣло и взгляды «Особого Совѣщанія».

Въ такой небывало-трудной обстановкѣ прошелъ весь первый Кубанскій походъ.

Когда въ маѣ принято было твердое рѣшеніе въ первую очередь приступить къ освобожденію Задонья и Кубани, командование Добровольческой Арміи встрѣтило осужденіе со всѣхъ сторонъ. Всѣ настойчиво требовали нашего движенія на сѣверъ. И Донское правительство, и кіевскіе военные и политическіе круги, и московскіе центры, и кадетскіе лидеры, и цѣлая рядъ общественнымъ политическимъ дѣятелей всѣхъ отъѣздовъ.

Но рѣшеніе наше осталось неизмѣннымъ. Добровольческая Армія начала операцію, которая увѣчалась освобожденіемъ Задонья, Кубани, Черноморской и большей части Ставропольской губерній отъ власти большевиковъ.

Это не было «частнымъ предпріятіемъ», а велѣніемъ совѣти и сознаніемъ государственной необходимости. Командование Добровольческой Арміи вышло на себя за этотъ шагъ нравственную отвѣтственность передъ Родиной, глубоко вѣря, что на Кубани нѣтъ предателей, что, когда придетъ часть освобожденія, вольная Кубань не повернетъ связи съ Добровольческой Арміей и пошлетъ свѣтъ сыновъ въ ряды ея вглубь Россіи, въ смертномъ томленіи ждущей завбавленія.

Этого повелительно требуетъ не только долгъ передъ Родиной, не только честь, но и прямыя интересы Кубани. Развѣ возможна мирная жизнь на Кубани, развѣ будутъ обеспечены ваши многострадальныя станицы отъ новаго «еще горшаго нашествія большевиковъ, когда красная власть, провозъ засѣвъ въ Москвѣ, отброситъ своимъ подчинящимъ Поволжскій фронтъ, сдавить съ сѣвера и востока Донскую область и хлынуть къ намъ? Развѣ могутъ жить спокойно кавказскія и динейныя станицы, когда у Ставрополя, Св. Креста и Минеральныхъ Водъ собираются десятки тысячъ красныхъ? А грозная опасность уже близка. Имѣются достовѣрныя свѣдѣнія о скошеніи массъ большевиковъ на огромномъ фронтѣ отъ Вѣлгорода до Царицына. На Украинѣ, при участіи нѣмецъ, подготавливается совмѣстное выступленіе большевиковъ и самостоятельныхъ украинскіхъ социалистовъ, грозящее и этотъ край превратить въ Совденію.

При такомъ положеніи можетъ ли Кубань успокоиться и заняться только своими внутренними дѣлами?

Нѣтъ! Пора бросить споры, интриги, мѣстничество. Все для борьбы. Большевики должны быть раздавлены. Россія должна быть освобождена. Иначе не полдетъ выростъ наше собственное благополучіе, которое станетъ игрушкой въ рукахъ своихъ и чужихъ враговъ Россіи и народа русскаго.

Добровольческая Армія, въ рядахъ которой доблестно сражаются множество кубанскихъ казаковъ, явилась сюда не для завоеванія, а для освобожденія. И то освобожденіе, которое другимъ досталось цѣною національнаго униженія, потери политической самостоятельности и экономическаго рабства, — Кубань получила безъ цѣпей, безъ ярма, цѣною лишь святой крови добровольцевъ, слезъ и слѣвшихся со всѣхъ концовъ Россіи, и славныхъ Кубанскихъ казаковъ.

А стоило это крови не малой. Добровольческая Армія за два похода на Кубань потеряла своихъ вождей, великихъ русскіхъ патриотовъ генераловъ Корнилова и Алексѣева, доблестнаго генерала Маркова, потеряла до 30 тысячъ добровольцевъ и казаковъ. Особенно тяжкія потери тегли на старая Добровольческой части — 1-я Офицерскій генерала Маркова полкъ и Корниловскій полкъ. Извѣстно ли вамъ, господа, что Корниловскій полкъ, насчитывающій сегодня едва 500 бойцовъ, прошелъ черезъ свои ряды свыше 5 тысячъ!

Въ этихъ потокахъ крови, въ этихъ длинныхъ спискахъ павшихъ на полѣ брани, наиболѣе почетное мѣсто принадлежить великимъ страстотерцамъ — русскому офицерству.

Я предлагаю Краевой Радѣ, еще разъ поднявшись, почтять тихимъ, молитвеннымъ молчаніемъ свѣтлую память тѣхъ, кто душу свою положилъ за спасеніе Россіи и за счастье Кубани...

По мѣрѣ роста силъ Добровольческой Арміи и боевыхъ успѣховъ, растетъ число ея друзей и хрѣннетъ злоба ея враговъ.

Я съ полнымъ удовлетвореніемъ долженъ признать, что повсюду по Кубанскому краю, среди родного намъ по крови и по духу славнаго, пріятнаго, храбраго Кубанскаго казачества Добровольческая Армія встрѣчала и встрѣчаетъ радушій, сердечный пріемъ и гостеприимный кровъ. Но въ послѣднее время идетъ широкая агитація, отчасти оплачиваемая низомъ денегами, отчасти подогрѣваемая лѣтними, которые жадными руками тянутся къ власти, не разбирая способвъ и средствъ. Хотятъ поселить рознь въ рядахъ Арміи и особенно между кубанскими казаками и добровольцами. Хотятъ привести Армію въ то жалкое состояніе, въ какомъ она была зимою 1917 года. Это тѣ самые люди,

которые смиренно кланялись большевикам скрывались в подполье или прятались за Добровольческие штаны.

И это делается тогда, когда Добровольческая Армия, не зная дня отдыха, в кровавых боях напрягает огромные усилия, чтобы сломить все еще сильное сопротивление врага, когда изо дня в день льется кровь и гибнет цвѣтъ русской молодежи.

Мнѣ хочется сказать этим господамъ: Вы думаете, что опасность болѣе не угрожаетъ нашей драгоцѣнной жизни? Напрасно. Борьба съ большевизмомъ далеко еще не окончена. Идетъ самый славный, самый страшный десятый вальс... И потому не трогайте Армію. Не играйте съ огнемъ. Пока огонь въ желѣзныхъ стѣнахъ, опъ грѣетъ. Но когда пырнется наружу, произойдетъ пожаръ. И кто знаетъ, не на ваши ли головы обрушатся распаленныя вами подгорѣвшія балки?

Россіи нужна сильная, могучая армія.

Въ кровавой жестокой борьбѣ, близкаго конца которой еще не видно, нельзя идти прозя. Иначе, если все-таки несомнѣнна конечная побѣда, то праздновать ее мы будемъ только развѣ гризая на трулахъ безконечнаго числа загубленныхъ людей, на раввалинахъ русскаго народнаго достоинства и русской государственности.

Не должно быть Арміи Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должна быть единая Русская Армія, съ единымъ фронтомъ, единымъ командованиемъ, облеченнымъ полною мощью, и ответственнымъ лишь передъ русскимъ народомъ въ лицѣ его будущей законной верховной власти.

И теперь, когда близится часъ окончания мировой войны, когда всѣ государства въ лицѣ лучшихъ своихъ «мужей совѣта», облеченныхъ довѣріемъ народовъ, будутъ рѣшать судьбу міра, кѣмъ будетъ представлена Россія? Тѣмъ ли, что надрутались надъ всѣмъ святымъ нашимъ, которые плывали въ душу русскаго человѣка и грязнымъ большевизмомъ сапогомъ растоптали ее? Тѣмъ ли, что предательски отвернулись отъ своей Родины и вражескими штанами создали себѣ временное и призрачное благополучіе? Тѣмъ ли, наконецъ, кто честно и беззаветно борются за спасеніе Родины, но говорятъ на разныхъ языкахъ и до сихъ поръ не могутъ никакъ столкнуться другъ съ другомъ?

За шесть слитныхъ лѣтъ двухъ войнъ, за время русской революціи я достаточно часто смотрѣлъ въ глаза смерти и переищел достаточно тяжелья нравственныя пытки. Но когда и подумаю о томъ позорѣ, о томъ страшномъ несчастіи, когда поверженную въ прахъ и раздерганную въ клочья Родину нашу на предстоящемъ судницѣ народовъ некому даже защитить, мнѣ хочется рыдать отъ тяжелой, невыносимой боли...

Ее — Родную нашу, любимую, большую — мы должны подлѣять на свои плечи, должны довести до международнаго судницѣ, чтобы тамъ она могла хотя тихимъ и слабымъ голосомъ сказать, что требуютъ русской народъ.

Да, требуютъ!

Ибо я вѣрую и исповѣдую, что великій русский народъ, оправившись отъ бѣдъ, испугавъ наводненіе, станетъ вновь страшною силой, которая никогда не забудетъ ни тѣхъ державъ, что въ дни его несчастья любовно, безкорыстно поддержать его, ни тѣхъ, что съ побѣдолою жестокою и эгоизмомъ высасывали изъ него послѣдніе соки и толкали въ бездну аднахъ.

Но для этого нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть.

Добровольческая Армія, собирая вокругъ себя и вооруженныя силы, и людей государственнаго опыта, приглашаетъ всѣ части русскаго государства, признающія единую недѣлимую Россію, сомкнуть вокругъ насъ для сямѣстнаго государственнаго строительства, для общей борьбы съ врагами Россіи, для единаго представительства и защиты русскихъ интересовъ на будущемъ мирномъ конгрессѣ.

Такое единеніе всѣхъ государственныхъ образованій и всѣхъ государственно мыслящихъ русскихъ людей тѣмъ болѣе возможно, что Добровольческая Армія, ведя борьбу за самое бытіе Россіи, не преслѣдуетъ никакихъ реакціонныхъ цѣлей и не предпринимаетъ ни формы будущаго образа правленія, ни даже тѣхъ путей, какими русский народъ объявитъ свою волю. Отъ насъ требуютъ партійнаго флага. Но развѣ трехцвѣтное знамя Великодержавной Россіи не выше всѣхъ партійныхъ флаговъ? Развѣ вы не видите, какъ въ кровавыхъ бояхъ, изо дня въ день, подъ этимъ знаменемъ самоотверженно борются «за Русь святую», умираютъ и побѣждаютъ доблестные воины Добровольческой Арміи? Единеніе возможно и по тому, что Добровольческая Армія признаетъ необходимость и теперь, и въ будущемъ самой широкой автономіи составныхъ частей русскаго государства и крайне бережнаго отношенія къ вѣковому укладу казачьяго быта.

И съ чувством внутреннего удовлетворения я могу сказать, что теперь ужс, невзирая на иѣкоторое расхождение, выяснилась возможность единения нашего съ Дономъ, Крымомъ, Тереккомъ, Армией, Закавказской областью... Возможно единение и съ Украиною, когда, быть можетъ, цѣною тяжкихъ внутреннихъ потрясеній, она сброситъ съ себя иномое иго и вспомнитъ о сыновнихъ обязанностяхъ передъ общей Родиной. Возможно и съ мирнымъ грузинскимъ народомъ, когда измѣнится политика его правительства, которое воздвигнуло гоненіе на русскихъ людей, присвоило себѣ русское государственное имущество, захватило въ свое незаконное и несправедливое управленіе Сопхискій округъ и толпами красноармейцевъ угрожаетъ русской Добровольческой Арміи.

Наконецъ, въ послѣдніе дни появилось новое государственное образованіе въ Сибирѣ, правительство котораго объявило себя всероссійской государственной властью. Добровольческая Армія не имѣетъ рѣшительно никакихъ основаній признавать Уфимское правительство Всероссійской властью. Тѣмъ болѣе, что, судя по извѣстіямъ, проникшимъ въ печать, это правительство отвѣтственно и направляется Учредительнымъ Собраніемъ перваго созыва, возникшимъ въ дни пароднаго помѣшательства, составленнымъ на половину изъ анархическихъ элементовъ и не пользующимся въ странѣ ни малѣйшимъ нравственнымъ авторитетомъ.

Но, наряду съ этимъ, Добровольческая Армія отъ души приветствуетъ мысль собранія Русской земли, положенную въ основаніе Сибирскаго объединенія, признаетъ его исключительно важное значеніе и находитъ не только возможнымъ, но и необходимымъ, путемъ взаимныхъ согласій направить русскія силы востока и зѣла къ одной общей цѣли возрожденія Великодержавной Россіи.

Продолжа свой крестный путь, считая себя преемницей Русской Арміи, Добровольческая Армія въ самыхъ тяжелыхъ, казалось, безвыходныхъ обстоятельствахъ своей жизни, оставалась вѣрной договорамъ съ союзными державами и ни на одну минуту не запятнала себя предательствомъ. Событія послѣднихъ дней доказали, что прямая и честная политика вѣрнѣе... И мы съ открытой душой илемъ свои сердечныя пожеланія доблестнымъ войскамъ нашихъ союзниковъ.

Въ предвидѣніи близкихъ переговоровъ о перемиріи, представителю Добровольческой Арміи при союзныхъ посольствахъ предложено было еще 12 октября предъявить имъ слѣдующія основанія:

1. Единство представительства Россіи на мирной конференціи, съ исключеніемъ изъ него делегатовъ большевистскихъ и тѣхъ территориальныхъ образованій, которыя въ своихъ основныхъ принципахъ расходятся съ цѣлями Добровольческой Арміи, т. е. по вопросу объ единой, вѣдлемой Россіи.

Упраздненіе договоровъ, заключенныхъ съ Германіей или ея союзниками. Восстановленіе нарушенныхъ такими договорами правъ, возмѣщеніе причиненныхъ этимъ путемъ убытковъ (возвратъ золота, военнаго и торговаго флота, предметовъ вооруженія, подвижнаго состава желѣзныхъ дорогъ и проч.) и прекращеніе вывоза изъ Россіи продовольствія и имущества.

3. Отчисленіе Германіей и ея союзниками русской территоріи въ предѣлахъ границъ 1914 года, включая и Финляндію.

Такое же требованіе признается необходимымъ и въ отношеніи Польши.

4. Занятіе на русской территоріи, оккупированной нѣмъ германско-австро-германскими войсками, главнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ русскими частями или же временно войсками державъ Согласія до момента сформирования достаточной сильныхъ русскихъ отрядовъ.

5. Немедленный обмѣнъ военнопленными.

6. Обязательство Германіи и ея союзниковъ не препятствовать какимъ бы то ни было способомъ водворенію въ Россіи единого прочнаго строя.

Въ такое исключительное, полное огромной исторической важности время, собралась Кубанская Краевая Рада строить жизнь Кубани. Собрался русский людъ — Кубанскіе казаки, умудренные горькимъ опытомъ и тяжелыми испытаніями. Среди васъ я вижу много моихъ боевыхъ соратниковъ по славнымъ походамъ нашимъ, своимъ подвигами и кровью добывавшихъ свободу Кубани.

Позвольте же выразить вамъ отъ имени Добровольческой Арміи самыя искреннія, самыя горячія привѣтствія.

Дай Богъ счастья Кубанскому Краю, дорогому для всѣхъ насъ по тѣмъ душевнымъ переживаніямъ — и тяжкимъ и радостнымъ, которыя связаны съ безбрежными его степями, гостеприимными станицами и родными могалами.

Освѣдомительное бюро кубанскаго правительства, описывая торжество открытія Рады, между прочимъ сообщало: «... Рѣчь Деникина... вызвала бурные ап-

Лейтенантъ Эрлищъ.

Генераль Бергало.

Генераль Франши д'Эспре.

плодисменты членов Рады, но такие же аплодисменты вызвала и речь представителя Украинского национального союза — безусловного самостоятника»...

Бычь, впрочем, утёрла горячий пылъ съдовласаго «бацьки Левницкаго», выразивъ въ своей отвѣтной рѣчи увѣренность, что Украина и Кубань «побачатъ свѣтъ сонца, слокій и счастья подъ великою Всероссийскою хведоративною кришею»...

Послѣ взаимнаго обмѣна любезностями, Рада приступила къ работѣ. 11 ноября Бычь внесъ проектъ деклараціи, опредѣлявшій основныя вѣхи кубанской политики:

«1. Образование на территории бывшего государства Россійскаго самостоятельныхъ государственныхъ образований и принятіе ими на себя верховной власти было актомъ неизбежнымъ и, въ то же время, актомъ самосохраненія.

2. Основной задачей всѣхъ этихъ государственныхъ образований является борьба съ большевизмомъ, далеко еще не пазнвившимъ себя въ Центральной и Сѣверной Россіи.

3. Для успѣшной борьбы необходимо въ самое ближайшее время образовать единый боевой фронтъ и единое командованіе¹⁾.

4. Необходима организація единого представительства отъ южно-русскихъ государственныхъ образований на предстоящей мирной конференціи. Необходимо немедленно, не ожидая образования федеративной власти въ освобожденныхъ отъ анархіи областяхъ, принять мѣры къ организаціи общаго международнаго представительства.

5. Для достиженія цѣлей, поставленныхъ §§ 3 и 4, необходимо образование южно-русскаго союза на федеративныхъ началахъ.

6. Возрожденіе Россіи возможно въ формѣ Всероссийской федеративной республики.

7. Кубанскій край долженъ войти въ составъ Россійской федераціи какъ членъ федераціи²⁾.

8. Кубанская Краевая Рада, ставя своей задачей борьбу съ большевизмомъ, стремится къ проведенію въ жизнь принциповъ широкаго народовластія.

9. Возстановленіе будущей формы правленія въ государствѣ Россійскомъ населеніе кубанскаго края ставитъ въ зависимость отъ волеизъявленія народа во Всероссийскомъ Учредительномъ собраніи новаго созыва.

Въ заключительномъ своемъ словѣ Бычь повторилъ, что у Украины, Дона, Кубани, Грузіи и т. д. одна дорога и противоположности интересовъ нѣтъ. Что въ этомъ объединеніи должна участвовать и Добровольческая армія, какъ «носительница государственной идеи»³⁾.

Напрасно ген. Лукомскій въ закрытой части засѣданія доказывалъ, что «такимъ путемъ создается коллегіальное, многоголовое собраніе, которому будетъ всецѣло подчинено командованіе и которое будетъ вмѣшиваться въ военныя дѣла; напрасно, признавая необходимость автономіи Кубани, просилъ повременить только съ рѣшеніемъ вопроса объ организаціи государственной власти до соглашенія съ Добровольческой Арміей... Рада, отвергнувъ необходимость государственной связи съ арміей и не сдѣлавъ никакой попытки къ соглашенію, почти единогласно приняла «тезисы Быча».

Ждать соглашенія столь разпорядныхъ элементовъ, какъ Украина, Донъ, Кубань, Терекъ, Азербейджанъ, Грузія, Союзъ горскихъ народовъ, изъ которыхъ

¹⁾ Въ Радѣ Бычь формулировалъ это положеніе подробно: «каждымъ членомъ союза организуются свои арміи, изъ которыхъ выдѣляются по особому распоряженію воисковья части, всецѣло подчиненныя верховному командованію».

²⁾ Изъ стенограммы засѣданія.

³⁾ Засѣданіе 11 ноября 1919 года.

нѣкоторые были еще подъ властью большевиковъ, другіе порвали совершенно съ русской государственностью (Грузія, Азербейджанъ), значило отложить дѣло объединенія на долгое время, если не навсегда. Вручить судьбу національнаго противобольшевическаго движенія и Русской арміи въ руки Петлюры, Бычь, Хама Хойскаго, Ноя Жорданія и Топи Чермова представлялось злой и неумѣстной шуткой. Я не говорю уже о томъ впечатлѣніи, которое должно было произвести въ арміи одностороннее предрѣшеніе государственнаго строя Россіи, отъ чего такъ долго и съ такимъ трудомъ мы предохраняли ея идеологію.

Въ тотъ же день, переговоривъ со мною, ген. Лукомскій сдѣлать въ Радѣ отъ моего имени заявленіе объ отозваніи представителей Арміи, указавъ, что «въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ главнокомандующій не можетъ быть связанъ рѣше- ніемъ Рады».

Это заявленіе, принятое Радой, казачествомъ и русской общественностью, какъ разрывъ, произвело большое впечатлѣніе. Въ самой Радѣ начались бурныя пренія, въ особенности послѣ горячей рѣчи полк. Шкуро, который говорилъ «о недовольствѣ и броженіи, глухо растущемъ среди строевого казачества и лишь нынѣшняго и пизагаго командованія» и предостерегалъ: «звѣ! если Добровольческая армія уйдетъ отъ насъ, то мы погибнемъ»¹⁾.

Это была несомнѣнная правда.

Черноморскіе лидеры пришли въ большое волненіе. Съ кафедры Чрезвычайной рады Бычь убѣждалъ присутствующихъ не вѣрять «злосамѣреннымъ слухамъ о разрывѣ», утверждая, что «разрыва нѣтъ и его быть не можетъ», что все вопросы должны быть разрѣшены по взаимному согласенію». Лидеръ самостійниковъ, И. Макаренко приписывалъ эти «слухи» «толпѣ, жадной до сенсаціи и разнесшей эту вѣсть по базарамъ, городамъ, и селамъ».

Тревожныя событія, однако, надрывали не на шутку. Въ одинъ изъ ближайшихъ дней ген. Романовскій доложилъ мнѣ, что ген. Покровскій и полк. Шкуро, введя въ Екатеринодаръ свои конвойныя сотни, рѣшили произвести переворотъ, предполагая расправиться съ черноморскими лидерами и погнудить атамана, полковника Филимонова, принять на себя всю полноту власти. Филимоновъ, къ которому они обратились съ этимъ предложеніемъ, пришелъ въ большое смущеніе и наотрѣзъ отказался.

Я приказалъ начальнику штаба вызвать ген. Покровскаго и передать ему, категорически воспрещая выступленіе.

Кубанскіе правители считали, тѣмъ не менѣе, несомнѣннымъ участіе въ предпологавшемся переворотѣ и Добровольческихъ частей. Позднѣе въ мои руки попала «диагнозція на случай тревоги», составленная кубанскимъ комендантомъ Екатеринодара, полк. Левовакимъ, и кубанскимъ «военнымъ министромъ» полк. Савицкимъ. Въ ней указывалось подробно занятіе городскихъ кварталовъ «вѣрными правительству» кубанскими запасными частями, которымъ вмѣнялось въ обязанность встрѣчать пулеметами всякую воинскую часть, показавшуюся на улицахъ города. Такимъ образомъ, случайный выходъ на ученье ничего не вѣдаваго Коринловскаго полка, расположеннаго тогда въ Екатеринодарѣ, могъ вызвать послѣдствія роковыя (или можетъ быть спасительныя?) для взаимоотношеній Добровольческой Арміи съ Кубанью и, слѣдовательно, отразиться весьма серьезно на судьбахъ движенія.

Довѣріе къ «вѣрнымъ» частямъ было, однако, не велико. 14-го или 15-го ноября меня посѣтили кубанскій атаманъ, Бычь и Рябоволь и въ присутствіи генераловъ Драгомирова и Лукомскаго изложили волнующія ихъ свѣдѣнія, прося зашиты. Кубанскимъ правителямъ пришлось выслушать много горькихъ словъ по поводу ихъ работы во вредъ Арміи; особенно отъ генерала Драгомирова, который съ этого дня сталъ пользоваться особой ненавистью черноморскихъ круговъ.

¹⁾ Засѣданіе 16 ноября.

Въ заключение я требовалъ измѣненія кубанской политики въ отношеніи Арміи и завѣрилъ, что насильственныхъ мѣръ допущено не будетъ.

Въ тотъ же день состоялось бурное засѣданіе кубанскаго правительства. Представители оппозиціи обрушились на Быча, обвиняя его въ неискренности и самочинныхъ дѣйствіяхъ: вмѣсто поддержки арміи онъ выступилъ со своими «тезисами». «не обсудивъ своей рѣчи съ членами правительства» (Скобцовъ); благодаря такому отношенію его, не такъ давно «мы едва не сдѣлались подданными Украины (Сушковъ)», «въ нашихъ дѣйствіяхъ не было искренности въ отношеніи Арміи, которая намъ братская; на всѣхъ засѣданіяхъ у насъ была только ругань ея» (Воробьевъ) и т. д. Бычъ оправдывался: онъ «не предполагалъ, что представители Арміи могутъ уйти изъ Рады», его «ошибка, что онъ не представилъ «и м ѣ» контръ-проекта, недоразумѣніе можно уладить»... Бычъ «бесѣдовалъ съ президентомъ Рады, рѣшено создать согласительную комисію. Рада встрѣтитъ овациями всѣ «и х ѣ» заявленія»¹⁾

Въ результатѣ переговоровъ начались засѣданія согласительной комисіи въ составѣ 16 членовъ съ каждой стороны во главѣ съ Н. Макаренко отъ кубанцевъ и ген. Лукокемъ отъ Добровольческой Арміи. Вопросъ о «тезисахъ Быча» осложнился еще принятіемъ уже Радой статей «Положенія объ управленіи кубанскими краемъ» объ особомъ кубанскомъ гражданствѣ, обрадовавшемъ всѣхъ насъ въ иностранцевъ, проживающаго на территоріи Кубани и юридическія права завѣщанъ всецѣло отъ усмотрѣнія кубанской власти. Комисія не привела ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, подтвердивъ лишь непримиримое внутреннее расхожденіе сторонъ. Прикрывая эту пронасть и свое безсиліе перекинуть черезъ нее мостъ, она внесла въ Раду явно безпомощное предложеніе, принятое 24 ноября (тезисы Быча) должна разсматриваться, какъ удовлетвореніе существующаго политическаго положенія, а послѣдніе 7 пунктовъ — (только) какъ выраженіе мнѣній и пожеланій Рады...

Непосредственные переговоры, однако, кубанское правительство болѣе не возобновляло. Рада позднѣйшими постановленіями подтвердила «тезисы Быча».

Въ этомъ направленіи кубанская власть получила большую моральную поддержку отъ донскаго атамана, ген. Краснова, который въ то время, когда еще не назрѣла окончательная катастрофа на сѣверномъ фронтѣ Дона, проявлялъ полную солидарность съ Кубанью во всѣхъ спорныхъ вопросахъ ея съ командовавшимъ Добр. Ар. и обѣщалъ поддержку кубанскому правительству²⁾ — «Нужно, чтобы Добровольческая Армія смотрѣла болѣе жизненно на эти вопросы (о созданіи общей власти) — писалъ онъ, между прочимъ Кубанскому послу П. Макаренко»³⁾ — и не требовала отъ донскихъ и кубанскихъ казаковъ невозможныхъ жертвъ. Торговаться мы не умѣемъ, и торговать кровью донскихъ, да, думаю, и кубанскихъ казаковъ не будемъ. Надо, чтобы Добровольческая Армія стала на практической путь работы съ казаками, а не за счетъ казаковъ»...

Эта тирада въ отношеніи Добровольцевъ, приносившихъ несчетное число жизней въ борьбѣ за Россію, за Кубань, за Донъ, была глубоко оскорбительна.

Кубанскіе самостоятели относились, впрочемъ, къ атаману Краснову съ большимъ недоверіемъ и осторожностью («самовластіе и реакціонность»); но въ борьбѣ съ Добровольческой Арміей видѣли въ немъ естественнаго своего союзника. И то не до конца: донской атаманъ вѣдь все время призывалъ насъ бросить Кубань и идти на сѣверъ...

Все осталось по прежнему: двоевластіе, двѣ взаимно исключаютъ другъ друга конституціи (края и Арміи) и въ качествѣ единственнаго источника права

¹⁾ Секретный отчетъ о засѣданіи 15 ноября 1915 года.

²⁾ Телеграфный разговоръ куб. посла на Дону П. Макаренко съ Бычомъ 26 ноября сгенограмма засѣданія Рады 30 ноября 1915 года.

³⁾ № 074.

принятое Добровольческой Арміей и оспариваемое кубанцами — «Положеніе о полевомъ управленіи войскъ».

И такъ во второй¹⁾ разъ я спасалъ «кубанское народоправство»

Въ своемъ рѣшеніи я не былъ одинокъ. Однажды на докладѣ генераловъ Драгомирова и Лукомскаго зашелъ разговоръ о томъ, что общественное мнѣніе обвиняетъ командованіе въ попустительствѣ воинствующему сепаратизму «черноморской группы». Я сказалъ: — Дѣло не въ степени рѣшимости, а въ холодноиъ учетѣ такихъ факторовъ, какъ военно-политическое положеніе и составъ Арміи. Быть можетъ, однако, я ошибаюсь. И если вы скажете мнѣ сейчасъ, что насильственные мѣры приведутъ къ положительнымъ результатамъ, я завтра же Корниловскимъ полкомъ разгромаю кубанское правительство...

Оба отвѣтили — «нѣтъ».

Были, однако, группы, задавшіяся цѣлью вызвать настолько серьезный разрывъ между кубанской и добровольческой властью, чтобы принудить командованіе къ рѣшительнымъ шагамъ. Однимъ изъ результатовъ ихъ дѣятельности безъ сомнѣнія было послѣдовавшее позднее убійство Рябова. Цѣли своей эти группы не достигли. Но то, что не удалось имъ, къ концу 19 года будетъ сдѣлано руками самихъ кубанскихъ самостоянниковъ, поставившихъ въ совершенно невыпосимыя условія жизни и дѣятельность Арміи.

ГЛАВА VII.

Кубань: атаманъ Филимоновъ, правительство Сушкова и Законодательная рада.

5 декабря Рада утвердила кубанскую конституцію²⁾, предпославъ ей слѣдующую декларацию:

«Мысля себя неразрывно связаннымъ съ Россіей, единой и свободной, населеніе Кубани твердо стоитъ на прежней своей позиціи: Россія должна быть федеративной республикой свободныхъ народовъ и земель, а Кубань — отдѣльной составной ея частью.

Наявъ же Кубанскій край, стоя на пути государственнаго строительства, сохраняетъ за собой всю полноту государственной власти въ предѣлахъ Края и управляетъ органами, поставленными его населеніемъ».

«Носителями законодательной власти» въ Кубанскомъ краѣ признаны были Краевая и Законодательная рада, а «носителями исполнительной» — безвластный атаманъ и отвѣтственное передъ Законодательной радой правительство. При обсужденіи текста присяги для атамана и членовъ радъ въ засѣданіи правительства Быча произошло разногласіе: часть членовъ настаивала на оставленіи употребленной въ проклетѣ фразы — «нося въ сердцѣ своемъ любовь къ матери Россіи» (вариантъ — «къ Родинѣ»); Бычь и большинство другихъ требовали исключенія приведенныхъ словъ, на томъ основаніи, что «присяга нѣбуетъ цѣлью связать челоуѣка въ отношеніи честиаго исполненія возложенныхъ на него опредѣленныхъ обязанностей; обязать же кого либо чувствомъ любви къ матери Россіи или къ родинѣ нельзя»³⁾...

Въ результатѣ оба понятія были изъ текста изъяты, и кубанскіе правители обязывались пацравить свой путь къ «пользѣ Государственной и къ величію Кубанскаго Края».

¹⁾ Первый разъ въ Мечетинской 30 мая 1916 года. С. Т. III гл. XVIII.

²⁾ «Вр. полож. объ управл. Куб. краемъ».

³⁾ Протоколъ № 94 засѣданія совѣта куб. прав-ства 30 окт. 1919 года.

Атаманский вопрос составлял главное событие, вокруг которого сосредоточились усилия борющихся групп. Наиболее сильной по организованности и численности была «черноморская» группа, тем более, что весь административный аппарат, денежные средства, казенная печать и «осведомительный отдел» сосредоточивались в руках правительства Быча и направлены были всецело в интересах его единомышленников. Оппозиция, по преимуществу депутаты линейных отделов, была раздроблена, группируясь вокруг отдельных членов Рады, разбивая свои голоса в пользу нескольких кандидатов — полк. Филимонова, Лихова, Покровского и других генералов¹⁾, тогда как «черноморцы» единодушно проводили в атаманы Быча. Только перед самыми выборами по инициативе полковника Чекалова образовалась более сильная организация, по преимуществу ливейцев, принявшая название «казачий круг», основавшая газету и поставившая своей задачей «борьбу с сенсационизмом и демагогией правительственной группы и полное соглашение с командным составом Добровольческой армии».

Къ декабрю въ Радѣ шло состязаніе изъ-за атаманской булавы только уже между Бычомъ и Филимоновымъ — средствами весьма неразборчивыми, практичными, впрочемъ, во всехъ парламентахъ міра. Въ числѣ интимныхъ деталей этой борьбы можно отмѣтить безынтересный случай: лично, близкое къ Бычу и вѣдавшее офціально политическую работу въ его кабинетѣ, вело кампанію за Филимонова, освѣщая и ему, и предсѣдателю Особого Совѣщанія всю игру противной стороны...

Командованіе приняло также участіе въ атаманскихъ выборахъ, но вполнѣ дѣйственно, оказавъ моральное сѣдѣніе полк. Филимонову; заинтересованные круги были освѣдомлены, что избраніе Филимонова дастъ прочное основаніе для соглашенія Кубани съ Добровольческой арміей. Мнѣ указывали настоятельно еще на другую возможность — поддержать кандидатуру ген. Покровскаго... Покровскій сумѣлъ бы, вѣроятно, мѣрами суровыми и кровавыми подавить кубанскую оппозицію, но вошла ли бы за нимъ казачья масса и куда повелъ бы онъ ее — этого никто предугадать не могъ.

Въ разгарѣ предвыборной борьбы по распоряженію куб. военнаго прокурора Лкуина былъ арестованъ помощникъ Быча по управленію вѣдомствомъ продовольствія — ген. Букретовъ по обвиненію въ рядѣ злоупотребленій. Оппозиція выдвинула и прямыя обвиненія противъ Быча — въ заключеніи имъ завѣдомо убыточныхъ для края договоровъ... Атмосфера обострилась до крайности, и въ Радѣ ораторы не жались черныхъ красокъ для опозоренія противныхъ кандидатовъ. Подъ вліяніемъ всехъ этихъ обстоятельствъ Бычъ спялъ свою кандидатуру въ атаманы; Рада не приняла отказа; 5 декабря состоялся баллотировка, и полк. Филимоновъ 275-ю голосами былъ перепозванъ кубанскимъ атаманомъ.

Предсѣдателемъ правительства сталъ Сушковъ, членами такіе же умѣренные представляли бывшей оппозиціи, въ томъ числѣ больше добродѣтели Армии — полковники Н. Успенскій (управ. внутр. дѣл.) и Науменко (воен. управл.). Создавалась, такимъ образомъ, какъ будто благоприятная обстановка для урегулированія нашихъ взаимоотношеній...

Но надъ правительствомъ довлѣла Законодательная рада, впитавшая въ себя наиболѣе активные элементы «черноморской группы». Еще въ послѣдніе дни Краевой рады (13 февр.), воевал оппозиція — прежняя правительственная партія — показала, что она далеко не бездепльна... Подъ ея ударами по вопросу о «недостаточно настойчивомъ и энергичномъ осуществленіи постановленій Рады» 13 марта Сушковъ и весь составъ правительства сочли себя вынужденными подать въ отставку. Подъ впечатлѣніемъ этого правительственнаго кризиса черезъ два

¹⁾ Одно время по инициативѣ покойнаго Н. Успенскаго «для согласованія дѣятельности Кубани и Добр. арміи» выдвигалась моя кандидатура въ атаманы. Я рѣшительно отклонилъ эту комбинацію, не вѣря въ ея дѣлессообразность.

два состоялось закрытие Краевой рады, которую атаманъ напутствовалъ словами: «... я расстаюсь съ вами, господа, съ чувствомъ неудовлетворенія... Смысль и идеяность (вашихъ рѣшеній) заключаются въ томъ, чтобы внести спокойствіе, порядокъ, единеніе... И вотъ мнѣ думается, что этого единенія нѣтъ. Слѣдующее наше свиданіе поэтому будетъ скорѣе, чѣмъ вы желали бы».

Рада обладала всѣхъ: атамана Филимонова — лицаца и автономиста — пзъ подковниковъ произвела черезъ чинъ въ генераль-лейтенанты; выразила жеданіе о производствѣ въ генераль-маіоры полковника Шкуро — инициатора предполагаемаго переворота, приверженца Добровольческой Арміи — «за выдающиеся военные подвиги»; и б. управляющаго военнымъ вѣдомствомъ, полковника Савицкого — шовиниста и самостоятника — «за самоотверженную защиту правъ и идей кубанскаго казачьяго войска и Краевой рады передъ высшимъ командованиемъ»¹⁾.

Всѣхъ почтила, и всѣмъ искренно рукопоклескала.

Съ 13 февраля въ продолженіе почти трехъ мѣсяцевъ длился перманентный кризисъ правительства. Всѣ усилія атамана сформировать новое правительство оказались безрезультатными, и у власти оставалось «временно» старое. Не выражая формально недовѣрія правительству Сушкова, Законодательная рада подвергала его, какъ и командованіе, поношенію въ каждомъ своемъ засѣданіи, въ каждомъ номерѣ своего офиціоза «Кубанскій край», издававшегося къ тому же въ краевой типографіи, на счетъ казны... Газета въ политическомъ задорѣ, пороча всемѣрно кубанское правительство и Добровольческую Армію, дошла даже до восхваленія большевизма и призыва къ отказу исполнять распоряженія командованія²⁾. Противъ Рады въ формахъ болѣе сдержанныхъ выступали правительственные органы «Вольная Кубань» и листовки «культурно просвѣтительнаго отдѣла» и съ большой рѣзкостью — «россійская печать».

Создавалось положеніе, напоминавшее въ миниатурѣ взаимноотношенія Временнаго правительства и Совѣта раб. и солдатск. депутатовъ, — положеніе, которое Сушковъ, не безъ основанія, такъ опредѣлилъ въ послѣдней своей рѣчи: «... Вы хотите свалить правительство до войскового атамана включительно, но взять власть вы боитесь. Вы протягиваете къ власти дрожачія руки. Дѣйствуйте прямо, не прикрываясь красными покрывалами. Берите власть, отъ которой правительство отказывалось открыто»³⁾.

5 мая, послѣ резолюціи недовѣрія, вынесенной наконецъ Законодательной радой, правительство Сушкова ушло въ отставку. Его смѣнило правительство Курдаскаго, составленное изъ лицъ «черноморской группы», браждебное Арміи.

Эта внутренняя рознь, поражавшая территорию войны и ближайшаго тыла, отражалась чрезвычайно вредно на интересахъ борьбы. Она накопляла горючій матеріалъ въ тылу и на фронтѣ, понижала воодушевленіе кубанскихъ войскъ и казачества, парализовала дѣятельность правительства, чувствовавшаго себя непрочнымъ, и тѣмъ вносила большое разстройство въ хозяйственно-экономическую жизнь края.

Междоусобная борьба кубанскихъ дѣятелей имѣла характеръ чисто политическій. Борьба за власть. Если не считать небольшой группы крупной кубанской буржуазіи (Забкинъ, Маймулинъ и др.), преслѣдовавшей интересы своего класса и выдвигавшей своимъ орудіемъ ген. Покровскаго, то видъ рамокъ общероссійскаго вопроса, въ области соціального уклада и своеобразнаго казачьяго

¹⁾ Засѣданіе 30 ноября.

²⁾ 7 марта «Кубанскій край» былъ закрытъ полк. Успенскимъ одновременно съ газетами противнаго лагеря — «Единая Русь» и «Кубанецъ», закрытыхъ за поношеніе «выбравниковъ народа и Законодательной рады».

³⁾ Стеногр. засѣдан. Заков. рады 2 мая.

демократизма, оба сектора кубанской общественности существенно не расходились. Главнейшие обвинения, которые предъявлял Рябоволь и Законодательная рада правительству Сущкова, сводились к тому, что оно не проводит немедленного объединения повобразовавшей Юга и выдѣления Кубанской арміи и не ведет борьбы, а наоборотъ поддерживаетъ дружбу съ Добровольческой Арміей¹⁾.

Командование и Особое Совѣщаніе въ свою очередь совершенно не имѣли ввиду во внутреннія дѣла Кубани, поскольку они не затрагивали общенациональной план борьбы, единства Арміи и вопроса ея снабженія. Но и эти вопросы оказались почти неразрѣшимыми, ставя правительству Сущкова между молотомъ и наковальней, вызывая гнѣвъ оппозиціи и неудовольствіе командовавшаго, не всегда считавшагося съ исключительной трудностью положенія и съ фактомъ подневольнаго бытія атамана и правительства. Не считая возможнымъ переходъ власти въ краѣ всецѣло въ руки самостійниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избѣгая неизбежно кроваваго переворота, мы — я. и Филимоновъ — выходили естественно на скользяій и зыбкій путь компромиссовъ.

13 февраля Рада постановила «не позже марта созвать въ Екатеринодарѣ конференцію изъ представителей Дона, Кубани, Терека, Дагестана, Крыма, Арменіи, Азербейджана и т. д.» на предметъ составленія и принятія союзнаго договора и конституціи». Сущковъ во исполненіе этого постановленія рѣшилъ обратиться къ правительствамъ этихъ территорій съ приглашеніемъ прислать своихъ представителей на конференцію къ 5 мая. Такое же приглашеніе прислано было и мѣб²⁾. Предсѣдатель Особого Совѣщанія ген. Драгомировъ отвѣтилъ отъ моего имени отказомъ³⁾, мотивируя его слѣдующими положеніями: 1) командованіе можетъ участвовать только въ такой конференціи, которая приняла бы принципъ «возсозданія Единой и Недѣлимой Россіи съ предоставленіемъ самоуправленія отдѣльнымъ ея областямъ»; 2) командованіе отказывается входить въ соглашеніе съ тѣми повобразовавшими, «которые строятъ свое благополучіе на отторженіи отъ Россіи»; 3) въ частности Грузія находится въ состояніи войны съ Добровольческой Арміей, и пріездъ грузинскихъ представителей поэтому не допустимъ; 4) Горскіе народы Сѣвернаго Кавказа и Дагестана «находятся подъ верховнымъ управленіемъ главнокомандующаго, а потому посылка имъ приглашеній, минуя главнокомандующаго, будетъ разсматриваться, какъ дѣйствіе явно враждебное».

Конференція не состоялась. Я считаю своей ошибкой воспріятельствованіе ея осуществленію. Опасенія наши въ отношеніи усиленія такимъ путемъ центробѣжныхъ теченій были вѣроятно преувеличены. Между тѣмъ, картина, которую представила бы екатеринодарская конференція, предомвивъ въ горнищѣ словопереній все вожделѣнія окраинъ — я убѣжденъ въ томъ — была бы достаточно внушительна, чтобы разрушить въ концѣ легенду о спасительности въ то время лозунга общей «федерациі» или «конфедерациі» въ борьбѣ Юга за освобожденіе Россіи.

Въ перечнѣ «державъ», которыя приглашались на конференцію, на этотъ разъ отсутствовала Украина. Атаманъ Петлюра, потерявъ Кіевъ, велъ въ это время неудачную борьбу за послѣдній клочокъ украинской земли возлѣ Шепетовки. Официально Кубань съ начала выступленія Петлюры «сохраняла нейтралитетъ въ борьбѣ между правительствомъ гетмана и организаціями Петлюры и Винниченко». Тайно — связь кубанскихъ самостійниковъ съ петлюровскимъ штабомъ, начавшаяся задолго до переворота, не прекращалась, будучи направлена остриемъ своимъ противъ Добровольческой Арміи. Петлюра несомнѣнно имѣлъ основаніе

¹⁾ Засѣданіе Закон. рады 27 февраля 1919 года и др.

²⁾ Добровольческая Армія не была упомянута. На вопросъ, гдѣ же она — предсѣдатель Рады Рябоволь пояснилъ: «сказано «и т. д.» — всѣхъ не перечислять»...

³⁾ 6 апрѣля. № 14.

⁴⁾ 12 апрѣля. № 523.

тотчас по вступленіи въ Кіевъ обратиться съ привѣтомъ въ лицѣ Рябова «къ братьямъ по крови, украинскому, кубанскому лыцарству»...¹⁾ и говорить объ «объяднаніи украинского наряда видѣ Кубани по Сянѣ...» На засѣданіи 15 ноября предсѣдатель перваго правительства Бычь, по поводу предлагававшихся мною выдвигенія дивизіи Май Маевского въ Донецкій районъ для прикрытія лѣваго фланга Донецкой арміи и Ростовскаго направленія отъ вторженія большевиковъ, сдѣлать заявленіе²⁾: «Добр. Армія бросаетъ войска на Украину. И если она поддержитъ гетманское правительство, то намъ казакамъ это будетъ тяжело. Я это буржуазное правительство поддерживать не могу»...

Такимъ образомъ, государственный по внѣшнему своему впечатлѣнію рѣчи Быча и «черноморцевъ» о «широкомъ фронтѣ», о «союзѣ отъ Закавказья до Бѣлоруссін» оказались только тактическимъ приемомъ. Всего мѣсяцемъ раньше, когда Украина твердо блока пдею суверенности, кубанскій атаманъ и правительство «привѣтствовали его свѣтлость (пана гетмана) и правительство державы украинской» и писали имъ: «буде на то воспослѣдуетъ согласіе Вашей Свѣтлости, (мы рѣшили) поставить вопросъ о заключеніи въ ближайшее время соглашенія... Пята утѣренность, что вѣстари связашныя... полною яркіхъ примѣровъ борьбой за независимость Украины и Кубани, (обѣ страны) вновь явить примѣръ могучаго братскаго союза»³⁾... Но когда 1 ноября гетманъ объявилъ грамоту о федерации съ Россіей и вскорѣ послѣ этого у Бѣлой Церкви зашелся Петлюра, отношенія измѣнились: въ кубанской политикѣ произошло крушныи сдвигъ, какъ разъ обратный тому, который повернулъ Добровольчество въ сторону единенія съ Украиной. Кубанскіе самостоятелики строили «широкій фронтъ» не для этой цѣли. Это былъ фронтъ центробѣжныхъ силъ, на которомъ естественно Добровольческой Арміи мѣста не находилось.

Осенью 1918 г. въ Екатеринодарѣ появился «министръ-резидентъ» гетманскаго правительства баронъ Боржинскій, оказавшійся тайнымъ сподвижникомъ директоріа, а въ концѣ года и другой агентъ — по пропіи судьбы «горячо рекомендованный гетманомъ Рябоволу»⁴⁾ полковникъ Блохинъ («севдонимъ Здобутова»), съ нѣсколькими спутниками. Въ январѣ 1919 года чинами нашей контр-развѣдки былъ задержанъ курьеръ Блохина, ѣхавшій въ Кіевъ съ большой корреспонденціей, въ томъ числѣ съ докладами на имя Петлюры и Грекова. Возникшее слѣдственное дѣло обнаружило большую агитационную работу украинцевъ на Кубани и тѣсный контактъ членовъ директоріа, при посредствѣ Боржинскаго и Блохина, съ кубанскими самостоятельниками Бычомъ, Рябоволомъ, Марченкой и друг.

По захваченнымъ письмамъ обрисовалась и колоритная фигура Блохина. Въ 1915 году онъ попалъ въ плѣнъ къ австрійцамъ, былъ начальникомъ солдатскаго лагеря въ Зальцведенѣ и затѣмъ командовалъ сформированной австрійцами дивизіей «сянежупанинскою». Появившись въ Кіевѣ во времена гетмана, онъ, поддерживая связь съ Украинскимъ національнымъ комитетомъ, вошелъ въ довѣріе къ гетману и командовалъ у него Черноморскимъ полкомъ, вскорѣ расформированнымъ за большевицкое настроеніе. При выступленіи Петлюры, Блохинъ былъ командированъ послѣднимъ «подымать Кубань». Мрачная ненависть Блохина къ Россіи сквозитъ въ каждомъ письмѣ⁵⁾. «Готовясь писать въ одному мѣстѣ — къ кровавой борьбѣ съ проклятымъ москалемъ — представителемъ великой Руси, пускай въ послѣдній разъ умоется въ крови бѣдная наша мать Украина»...

¹⁾ Радиограмма 9 декабря 1918 года.

²⁾ Изъ секретнаго отчета о засѣданіи 15 ноября.

³⁾ Изъ посланія гетману, прочитаннаго ему чрезвычайной куб. комисіей на пріемѣ 8 окт. 1918 года.

⁴⁾ Въ бытность послѣдятаго съ первымъ посольствомъ въ Кіевѣ. Заявленіе Рябова въ Радѣ 2 марта.

⁵⁾ Всѣ выдержки приведены въ переводѣ съ украинскаго.

В докладѣ Блохина Петлюры описана была подробно его дѣятельность¹⁾. По дорогѣ на Кубань Блохинъ «раздавалъ призывы уважаемой директоріи, а, приѣхавъ въ Екатеринодаръ, немедленно явился къ Лукѣ Лаврентьевичу Бычу (мой родственникъ)²⁾ и передать отъ Вася (Петлюры) поклонъ. Информировалъ М. Л. въ требованіяхъ и домоганіяхъ украинскаго народа и передать призывъ директоріи, который я съ великой опасностью донесъ до мѣста»... Пользуясь своими связями Блохинъ получилъ въ командование запасный кубанскій батальонъ на Тамани, но это не удовлетворяетъ его — онъ желаетъ попасть въ члены Рады: «Лука Лаврентьевичъ имѣетъ меня въ виду, Рябоволь говоритъ, что все будетъ отлично»... Мечтаетъ о назначеніи зна великій постъ — атамана Черноморскаго отдѣла, если не перебудутъ добровольцы - черносотенцы.

Одновременно Блохинъ со своими спутниками велъ широкую пропаганду противъ Добровольческой Арміи и распространялъ брошюры по станицамъ и по отдѣльнымъ «Центральной Просвѣты», во главѣ которой стоялъ одинъ изъ лидеров самостійниковъ — Безкровный, а въ числѣ членовъ — видные представители Законодательной рады. Эти брошюры (Изданія М. Грушевскаго, «Катехизисъ украинца» и проч.) проповѣдывали единство «украинской націи» отъ Сава до Кавказа, ненависть къ Россіи и «изгнаніе чужеземцевъ — угнетателей».

Когда въ газетѣ «Кубанецъ» и на Армавирикомъ «Съѣздъ уполномоченныхъ казачьяго круга» поднято было это дѣло и упомянуты фамиліи членовъ Рады — Шахмъ - Гирей, Рябовола и др. Законодательная рада выразила довѣріе своему предсѣдателю и его сподвижникамъ и потребовала отъ правительства рѣшительныхъ мѣръ противъ «клеветы и провокаціи «Кубанца»

Блохинъ печезъ. Въ своемъ послѣднемъ докладѣ украинскому военному министру — докладѣ, носящемъ признаки истеріи и хлестаковщины, онъ явля преувеличивать результаты своей краткой работы, когда писалъ: «казаки симпатизируютъ, склоняются къ Украинѣ, вотъ, вотъ будетъ страшное возстаніе...» Но кое-что было сдѣлано дѣйствительно... 23 января пришедшій изъ Керчи къ Перекопу для дѣйствій противъ скончившихся въ сѣверной Таврии большевицкихъ и махновскихъ бандъ 9-й пластунскій батальонъ (Таманскій) отказался выполнить приказъ, бросающій фронтъ и самовольно двинулся на Кубань. Представители батальона заявили, что зто фронтъ — противъ Украины и что до полученія указанія Краевой рады пластуны драгаться съ «петлюровцами» не будутъ. Это былъ первый случай въ Добровольческой Арміи невыполненія дѣлой частью боевого приказа — случай, явившійся грознымъ предостереженіемъ не только для Арміи, но и для кубанскихъ властителей... Насколько мало значенія имѣетъ при этомъ элементъ національно-украинскій, видно изъ того, что тотъ же батальонъ, перебросенный въ февралѣ на шарыпское направление, только въ пути дать 50% дезертировъ... Вообще Таманскій округъ на почвѣ петлюровщины и ея всегдашняго спутника повторнаго большевизма представлятъ изъ себя опасный очагъ броженія, проявляющагося пока сплоскими разбоями и массовымъ дезертирствомъ таманцевъ изъ рядовъ Добровольческой Арміи. Кубанскій военный министръ полковникъ Науменко стремился подавить таманскій безчинства суровыми мѣрами, а Законод. рада, подъ предлогомъ злоупотребленій карательныхъ отрядовъ, бурно протестовала и сваливала министерство³⁾

Вообще украинскій вопросъ, въ особенности въ краткій періодъ второй директоріи, создавалъ чрезвычайно острую, напряженную атмосферу вокругъ отношеній Кубани и командования. Происходило какое то сплосное «недоразумѣніе»... Директорія объявляетъ грамоту гетмана о федераціи съ Россіей⁴⁾ «зрэдницкимъ актомъ Скоропадскаго про скасуваніи самостійности Украинской Держави, а

¹⁾ Докладъ отъ 10 января.

²⁾ Т. е. родственникъ Блохина.

³⁾ Засѣданіе 3—4 мая 1919 года.

⁴⁾ 2 ноября 1918 года.

кубанские федералы официально приветствуют директорию, и их офицеры по поводу акта воссоединения Галиции с Украиной с пафосом восклицают: «прекрасная сестра своего замечательного брата — кубанца возвратилась к своей горячей любви — матери — Украини!»¹⁾ Петлюровские войска избивают русских офицеров, Петлюровский университет²⁾ призывает казаков «не служить продавцам, которые сами продались и хотят Украину продать — недобрым даркам министров России и ее буржуазии, лживому русскому офицерству, паразитам народным, собравшимся в конгресс-революционное гильдье на Дону»... А секретарь украинской миссии Поливанк при содействии председателя правительства Быча в то же время ведет разговоры по прямому проводу с повстанческими украинскими отрядами, сообщая им сведения о положении на территории Добровольческой Армии³⁾... Посоль гетмана, Боржянской, сбросив маску, в заседании Чрезвычайной рады сообщал полученные им известия об успехах Петлюры на Украини и даже привел от никому неизвестного «командующего войсками Екатеринославщины Горобия»: «видь імені українських республіканських військ, що повстали заради за незалежність і кращу будучину Матері України на боротьбу з вкочаними ворогами, котрих репрезентує на Кубані (?) Київській черносотонець Шувальгин»...

II Рада бурно рукоплескала⁴⁾

Искусшенные политики знают цену всем этим патетическим фразам, воззваний, деклараций и переманчивому настроению толпы, аудитории, парламента. Но рядовая русская общественность и в частности добровольческое офицерство принимали все украинфильские проявления горячо и непосредственно. Между ними и украинофилами — самостоятельными выростала острая ненависть. В печати, в собраниях, в повседневном обиходе установились вульгаризованные приемы отношений и ходячие эпитеты, из которых «предатели» для одной стороны и «черные вороны» для другой — были не наихудшими.

После ухода правительства Быча официальные отношения с украинской директорией в Петлюрой прекратились: неофициально же связь их с самостоятельной кубанской группой продолжалась все время при посредстве украинской миссии в Константинополь. При этом мы имели сведения, что Екатеринодар снабжал Петлюру денежными средствами и в период борьбы его с Добровольческой Армией, летом 1919 года.

Тав же тяжело проходила вопреку о выделении Кубанской армии.

Желая дать нравственное удовлетворение кубанцам, я после поворота на север предполагал армию, предназначенную на Царицынскую направление, наименовать «Кубанской», без изменения существовавшего порядка подчинения. Но под давлением Рады атаман Филлимонов, после освобождения северного Кавказа, без согласия со мною отдать приказ по войску: « Нынѣ настало время и является возможность исполнить постановление Чрезвычайной Краевой рады — образовать свою Кубанскую армию... С этого дня все вооруженная сила, составляемая Кубанским краем, объединяется в Кубанскую армию, под начальством походного атамана (ген. Науменко), подчиненного непосредственно мнѣ... Для дальнейшей борьбы с большевками Кубанская армия будет выделять части войск, сведенные в Кубанский корпус, а остальные части армии будут заканчивать обучение, обеспечение и упрочнение края»⁵⁾...

¹⁾ «Кубанский край» 3 янв. 1919 года.

²⁾ 15 ноября 1918 года.

³⁾ Офиц. сообщение штаба от 22 ноября 1918 года.

⁴⁾ Отчет о заседании 20 ноября 1918 года.

⁵⁾ Приказ 1 февраля 1919 года. № 172.

Борьба требовала не ослабления сил, полного их напряжения и полного единства. Поэтому приказ остался мертвой буквой. При молчаливом непротивлении атамана, подполковник Науменко вдалась только тыловыми, учебными и гарнизонными частями, не вмешиваясь в командование, добровольно боролся с дезертирством, пополнял фронт и формировал для него новые части.

В этом вопросе атаман лично разделял желания Рады, закрыв глаза на политическая последствия выделения самостоятельной армии при условии безвластия атамана, непротивности правительственного курса и враждебности к Армии главенствующей политической партии. Во всех речах ее членов, в самостоятельной печати идея овладения армией, как орудием политики, ставилась совершенно открыто.

«Невыполнение этой претензии всех искренно расположенных и преданных делу Добровольческой Армии кубанских казаков — писал он однажды — дается лишь для самой вредной агитации и отнимается всякая почва у кубанцев — доброжелателей Армии... Существование Кубанской Армии не будет грозить интересам общего дела и не может вызвать никаких дурных последствий для русского оружия»¹⁾...

Оптимизм атамана не разделяла вовсе сама армия, в лице ее командного состава и офицерства. В один из последующих острых периодов домогательства Рады, ген. Науменко послал запрос четырнадцати старшим кубанским начальникам о возможности выделения особой Кубанской армии и от 13 их них получил ответ резко отрицательный²⁾. Мотивы были разнообразны: организационные, стратегические, бедность кубанского воюющего командного состава и техники, наконец главный — опасение, что «армия окажется орудием в руках самостоятельных и крайних (федералистов»³⁾

Что же касается рядового казачества, оно с полным равнодушием относилось к этому вопросу почти до осени, когда общее утомление и начавшиеся задачи создали более восприимчивую почву для разрушительной пропаганды, исходящей от правительства Курганского и Законодательной рады, и с особенной силой обрушившейся на Армию.

Наконец, крупный вопрос единства снабжения также не получал разрешения. 12 и 13 марта под моим председательством состоялось совещание представителей Д. Ар., Дона, Крыма, Терека и Кубани по вопросу об объединении дела продовольствия и товарообмена на Юге России в одном коллегияльном органе при главнокомандующем⁴⁾. Все представители пришли к соглашению, кубанцы отказались. «Вопрос затрагивает самую суть нашей экономической жизни говорил в Ряде Рябоволт. Они ничего не могут дать. Только мы можем дать». Действительно, Кубань имела в своих руках огромную силу: невзирая на большевистское разорение, в ее закромах к весне 1919 года оставалось все же до 30 милл. пудов хлеба четырех урожаев, богатые запасы растительных масел и табаку — для товарообмена. Безъ кубанского хлеба было бы до крайности затруднительным существование Армии и потребительных районов.

26 марта было утверждено мною положение о «Совете по продовольствию», фактически не осуществленное, благодаря противодействию кубанцев. Между тем, с весны 1919 года на Дону и на Терекъ создалось тяжелое положение в отношении продовольствия, и главному командованию приходилось путем длительных

¹⁾ Письмо генералу Лукомскому 20 июня 1919 года. № 27.

²⁾ Генералы: Врангель, Улагай, Покровский, Шкуро, Топорков, Крыжаковский, Бабевъ и др. За выделение высказался одинъ ген. Рейманъ.

³⁾ Из секретного отчета о заседании куб. правительства в начале сент. 1919 г.

⁴⁾ В органе этот должны были входить на равных началах представители Дона, Кубани, Терека, Крыма и Общего Соединения.

переговоры, преодолевая сопротивление кубанского вѣдомства, производить нарядъ туда для армій и населенія кубанскаго и Ставропольскаго хлѣба¹⁾.

Такимъ образомъ, ни одинъ изъ вѣдѣйшихъ вопросовъ взаимоотношеній Кубани съ Добровольческой армией разрѣшенъ не былъ. Весь пять совмѣстный путь былъ усѣянъ крупными и мелкими столкновениями, рѣшился безконечными компромиссами и велъ къ неизбежному разрыву.

Прячины, какъ мы видѣли, многообразны и питались источниками съ обѣихъ сторонъ. Оставимъ обвиненіе въ личномъ, своскорыстномъ стремленіи къ власти, которое печать и общество вносили на кубанскихъ дѣятелей-самостійниковъ. Эта область — больше психологич., чѣмъ историч., и трудно поддается анализу. Остановимся на положеніяхъ чисто объективныхъ.

Кубанская революціонная демократія, хотя и лишила въ своей державѣ политическихъ и земельныхъ правъ лигороднихъ — половину населенія области, но въ отношеніи Россіи блюла демократическіе завѣты и не довѣряла Добровольческой власти, считая ее реакціонной, реставраціонной, монархической. Неудачное управленіе первоначальной территоріей нашей — Ставропольской и Черноморской губерніямъ — подрывало довѣріе къ государственному творчеству этой власти. Безвременье открывало соблазнительныя перспективы округленія границъ области за счетъ всей Черноморской и части Ставропольской губерній, главное — обладаніе черноморскими портами, ибо пока они въ «чужихъ рукахъ (командованія, потомъ Россіи), невозможно свободное развитіе торговыхъ отношеній»²⁾. Стремленіе къ максимальной самостоятельности естественно толкало Кубань къ союзу съ единомышленными образованиями, а не къ Добровольческой Арміи, которая непопулярна Единою и Недѣльнойю Россію и говорила только о «широкой автономіи» и о «крайне бережномъ отношеніи къ вѣковому укладу казачьяго быта»...

Кубань хотѣла быть полнымъ хозяиномъ въ своемъ домѣ, а въ немъ распоряженіе также имѣло другой, и невыясненность правовыхъ взаимоотношеній породила съ обѣихъ сторонъ въ повседневной жизни, въ практикѣ войскъ и администраціи цѣлый рядъ злоупотребленій, превышеній власти, столкновеній и обидъ.

Кубань хотѣла быть полнымъ хозяиномъ своихъ несметныхъ богатствъ и вывозить ихъ въ Грузію — за равноцѣнный товарный эквивалентъ, за границу за доллары и франки, а командованіе ограничивало экспортъ и требовало направленія хлѣба, жира и проч. въ армію и въ нуждающіеся районы вооруженныхъ силъ Юга въ обмѣнъ за малоцѣнные знаки ростовской экспедиціи... Неизбѣжное утомленіе и видимая опасность самой Кубани вызывали у многихъ близорукихъ взглядъ на возможность отдохнуть и перейти къ мирному порядку, а командованіе требовало новыхъ призывовъ, новыхъ жертвъ для продолженія борьбы за Россію — борьбы, конца которой не видно было.

Но надъ всѣми этими причинами доминировала одна — главнѣйшая.

Официальный лозунгъ, выброшенный «черноморской» группой для успокоенія казачьей массы, гласилъ:

— Черезъ федерацію къ Единой Россіи.

Мы этому не вѣрили. И невѣріе наше получило компетентное и исчерпывающее подтвержденіе — правда, нѣсколько поздно — въ 1921 году. Вся соль кубанской революціонной демократіи, всѣ тѣ лица — Гичъ, Тимошенко, Вороши-

¹⁾ Въ іюль, впримрѣхъ, для нуждъ армій Дона, Терека и Донецкаго района потребовалось болѣе 1½ милл. привозного хлѣба, который былъ развезенъ между Кубанью (60%) и Ставропольск. губ. (40%).

²⁾ Подымавшіяся не разъ въ Радѣ пренія и «Меморандумъ 4-хъ государственныхъ образований» — Дона, Кубани, Укравныи и Бѣлоруссіи поданный державамъ Согласія и подписанный отъ Кубани — Выгомъ. Январь 1919 года.

новъ, Намытковъ, П. Макаренко и проч., и проч., которые въ течение 1917—1920 г.г. держали въ своихъ рукахъ власть на Кубани, теперь послѣ крушенія всѣхъ фронтовъ, не связанные болѣе «тактическими соображеніями», открыли намъ свой символъ вѣры въ прошлое, настоящее и будущее¹⁾.

«... Ровно 4 года тому назадъ народъ кубанскій²⁾ ясно и твердо выразилъ свою волю къ государственной самостоятельности... Законодательная рада, на основаніи этого рѣшенія, въ январѣ 1915 года провозгласила землю Кубанскую — Кубанской народной республикой...

Съ того времени Краевая рада... неоднократно подтверждала государственную независимость земли кубанской...

Эти страшные 4 года прошли для населенія Кубани въ непрерывной, истощающей ея силы борьбѣ за свою независимость... Въ течение трехъ лѣтъ Кубань боролась и противъ совѣтской Россіи, и противъ военныхъ организацій, пытавшихся представлять собою Россію антисовѣтскую, и возвращить въ себя весь цвѣтъ великодержавной россійской контръ-революціи...

Борьба за независимость Кубани есть нашъ основной долгъ, наша первая задача».

На какія внѣшнія силы опиралась эта борьба?

«Успѣхъ борьбы за независимость Кубани намъ мыслится возможнымъ не только въ зависимости отъ усилій нашего народа, но къ значительной мѣрѣ и отъ тѣхъ отношеній, которыя будутъ установлены между Кубанью и ея естественными союзниками. Ихъ намъ указала Краевая рада въ ноябрѣ 1918 года на Сибирь—суверенный Домъ, Украина, Флоруссія; на Югъ—Горская Республика, Грузія, Азербейджанъ, Армения. Съ ними мы намѣрены установить или укрѣпить не только отношенія добрососѣдства и дружбы, но считаемъ необходимымъ войти съ ними въ самыя тѣсныя договорныя отношенія на базѣ взаимнаго признанія суверенности каждаго изъ этихъ государствъ и взаимной помощи военной, дипломатической, экономической и финансовой».

Какая же роль предназначается при этомъ русскимъ людямъ и Россіи?

«Мы будемъ искать себѣ союзниковъ также и въ средѣ демократическихъ русскихъ политическихъ группъ и теченій, при условіи, если эти группы вполнѣ опредѣленно и совершенно ясно будутъ признавать право Кубани, какъ и другихъ территорій и національностей бывшей Россійской Имперіи на полное самоопредѣленіе и политическую независимость. Со своей стороны, мы будемъ считать себя обязанными дать гарантіи, обеспечивающія законные экономическіе интересы Россіи при условіи ненападенія этимъ ущербъ сувереннымъ правамъ Кубани».

При такой политической идеологіи вопросы о личности главнокомандующаго³⁾, «реакционности» его правительства, о формахъ верховнаго возглавленія (диктатура или директорія), наконецъ о путяхъ сложенія власти (октропрованіе сверху или сговоръ снизу) и т. д., и т. д. значенія имѣть не могли.

Кубанскій сепаратизмъ по существу ополчался противъ національной Россіи.

ГЛАВА VIII.

Домъ: событія на Донскомъ фронтѣ въ концѣ 18-го и въ началѣ 19 года. Борьба за единство военнаго командованія на Югѣ.

Паденіе Германіи поставило въ весьма затруднительное положеніе Донское войско. Во второй половинѣ поляри германскія части отступили территорію области, открывъ опаснѣйшее и кратчайшее къ ей столицѣ направленіе — Воронежское. Въ то же время нѣмцы, занимавшіе Украину, объявили нейтралитетъ, и въ

¹⁾ Декларация «конференціи кубанскихъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей въ городѣ Прагѣ 11—20 октября 1921 года».

²⁾ По теоріи П. Макаренко «кубанцы есть самостоятельная вѣтвь славянскаго племени».

³⁾ Я люблю основаніе считать, что личность главнокомандующаго не вызывала въ свое время особеннаго недовѣрія кубанскихъ правителей.

«пограничных» районах Харьковской и Екатеринославской губерний появились петлюровские атаманы, внепровергая власть гетмана, прервав снабжение Дона боевыми припасами съ Украины и неизбежно подготавливая вторжение большевиков съ не менше грозного направления — Харьковского.

Къ началу ноября фронтъ Донской арміи шель отъ Кантемировка на Таловую и далье, приблизительно по сѣверной и восточной границѣ области, подходить къ Камышину на 20—30 версты и къ Царицыну 30—40 в.; на юго-востокѣ фронтъ шель черезъ станцію Кайтово по большому Царицынскому шляху до Маныча, гдѣ онъ входилъ въ соприкосновение съ лѣвыми флангомъ арміи Добровольческой. На этомъ фронтѣ Донгъ располагалъ 52 тысячами противъ 100 съ лишнимъ тысячъ войскъ совѣтскаго Южнаго фронта.

Задача, данная арміи донскимъ командованиемъ, заключалась въ оборонѣ на юго-востокѣ и овладѣніи важнѣйшими ж. д. магистралями путемъ занятія станцій Лиски — Поворино — Еталь — Камышинъ — Царицынъ.

Затѣмъ было въ октябрѣ военныя дѣйствія на Воронежскомъ направленіи въ началѣ ноября возобновились съ новой силой, начавшись блестящимъ дѣломъ ген. Гусельникова въ районѣ Таловой и развившись затѣмъ въ большую операцію, завершившуюся поражениемъ VIII совѣтской арміи и занятиемъ донцами линій Лиски — Таловой — Новехоперка. Въ районѣ Луганска небольшою отрядъ «молдой» донской арміи стоялъ прочно и отбивалъ все атаки противника.

Въ серединѣ ноября успѣвшіяся совѣтскія арміи вновь перешли въ наступленіе, нанося концентрической ударъ на Воронежскомъ направленіи и съ сѣверо-востока на фронтъ Урюпинская — Усть-Медвѣдичская. 9 совѣтская армія пмѣла вначалѣ успѣхъ, проникнувъ глубоко въ Хоперскій округъ, но, благодаря подвѣдному къ домамъ съ царицынскаго и воронежскаго фронта подрѣзаниемъ, была опрочкинута, и донскіе полки, преслѣдуя ее, доходили до Еташи и Камышина. Это наступленіе, прервавъ ж. д. связь между Поворинымъ и Царицынымъ, поставило въ критическое положеніе совѣтскую 10-ю армію, вслѣдствіе прекращенія навигаціи по Волгѣ, оставшуюся безъ подвоза. Точно также успѣшно отражались все настоящія атаки красныхъ на царицынскомъ направленіи, и войска ген. Мамонтова съ конца ноября, сами перейдя въ наступленіе, къ 5 января подошли вилотную къ городу Царицыну на линію Сарепта — Вороново — Гумракъ.

Всея ноября и декабрь на огромномъ фронтѣ отъ Луганска до Царицына, отъ Царицына до Маныча, въ морозъ и стужу, оставивъ въ строй поголовно всехъ казаковъ, способныхъ носить оружіе, изнемогая отъ потерь и лишений, Донскъ доблестно отстаивалъ свое существованіе противъ вдвое сильнѣйшаго врага. Донская армія неизмѣнно одерживала верхъ, брала тысячи плѣнныхъ и богатую военную добычу. По существу — стратегически побѣда была уже на сторонѣ допдовъ: змнялая операція красныхъ разстроилась, потеряла своей планомерный характеръ и продолжалась лишь по инерціи, безъ внутренней идейной связи.

Но въ гражданской войнѣ моральный элементъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, властвуетъ надъ всѣми прочими слабеющими успѣха. То, что было выиграно въ теченіе многихъ мѣсяцевъ моральнымъ подвѣдомъ и оружіемъ, въ одинъ мигъ было потеряно упадкомъ духа. Въ казачьемъ настроеніи опять наступилъ переломъ, который умѣло использовала совѣтская пропаганда. Наиболѣе чувствительнымъ ей аргументомъ были обещанія совѣтской власти сохрانشъ казачій укладъ и увѣренія въ тиетности надеждъ на иностранную помощь, о которой такъ часто и неосторожно говорили атаманы колеблющемуся фронту.

Уже въ ноябрѣ, невзирая на успѣхи, въ арміи чувствовалась нѣкоторая моральная неустойчивость. Въ концѣ декабря сначала одинъ донской полкъ предался на сторону красныхъ, потомъ нѣсколько станицъ, и войска Верхне-донского округа заключили миръ съ большевиками и начали расходиться по домамъ. Пораженческое настроеніе ширилось по фронту, и одновременно ширились прорывы, въ которые безпрятственно вливались волны красныхъ, выходя въ тылъ и угрожая окруженіемъ еще боровшимел войскамъ Хоперскаго округа.

Въ то же время большевики напругали большія усилія, посылая для вразумленія войскъ 8 и 9 армій карательные отряды, усиливъ Южный фронтъ четырьмя новыми дивизіями и направивъ изъ Харькова на линію Бахмутъ — Луганскъ армейскую группу Кожевникова.

И къ концу января Донская армія на сѣверномъ и сѣверо-восточномъ фронтѣ отхлынула за Дюнь. «Прекрасно вооруженные, снабженные пулеметами и пушками отряды наши — говорятъ атаманъ Красновъ на Крутъ¹⁾ — уходить безъ боя вглубь страны, оставляя хутора и станицы на поруганіе врагу. Теперь сдаются на милость красной сплочки цѣлыми сотнями и съ нею вмѣстѣ идутъ избивать своихъ отцовъ и братьевъ. Теперь арестовываютъ офицеровъ и старшихъ начальниковъ, выдаютъ ихъ на разстрѣлъ краснымъ и тѣмъ подрываютъ въ нихъ вѣру въ казаковъ и лишаютъ ихъ необходимаго мужества»...

Чѣмъ же объясняется такой рѣзкій переломъ въ настроеніи казачества и такой глубокой, ничѣмъ не оправдываемый развалъ арміи?

Общество, армія, Крутъ искали прежде всего «виновныхъ». Ихъ называли Крутъ, собравшіеся въ февралѣ, осудили и удалили. Виновными сочтены были — командующій Донской арміей и начальникъ штаба ея, генералы Денисовъ и Поляковъ. Крутъ поставилъ имъ въ вину, ковенно и атаману, «недостаточную освѣдомленность о фронтѣ... легкомысленную самоувѣренность... трения съ Добровольческой Арміей... убѣжденіе въ періодъ усѣбховъ, что справятся собственными силами, и дѣлать побѣду съ кѣмъ бы то ни было не хотѣлось... оповѣщеніе фронта о скоромъ прибытіи (неприбывшей) союзной помощи». Наконецъ, непослушаніе фронта командующимъ, «невниманіе къ нуждамъ фронта, злоупотребленіе реквизиціями, особенно въ Южной арміи» и т. д., и т. д.²⁾ Ген. Денисовъ указывалъ причины инныя: 1) утомленіе казачества, 2) гибель вѣры въ союзниковъ, 3) возрастаніе силъ противника, 4) лютая зима при недостаткѣ одежды и теплыхъ вещей, 5) агитація большевиковъ, 6) агитація «общественныхъ дѣятелей» противъ атамана и противъ командующаго, 7) развалъ тыла³⁾. Въ сущности обѣ стороны въ своихъ обвиненіяхъ изслѣдовали только нездоровую почву, на которой могло процарпости то явленіе чистого психологическаго характера, которое Красновъ и Денисовъ опредѣлили согласно «заболѣваніемъ фронта большевизмомъ». Опредѣленіе—вѣрно только въ отношеніи симптомовъ той болѣзни, которая поражала временаши не одно доеское, но и другія казачества, русскую интеллигенцію и русскій народъ. Болѣзнь—в о л и и д у х а. Ибо Донское казачество, организчески чуждое коммунистическому укладу, принявъ внѣшнія формы и даже практику большевизма, какъ личину, какъ средство кого-то провести и отъ кого-то спастись, на другой-же день вступало съ нимъ въ глухую борьбу вѣрми своимъ нутромъ, вѣрми бытовымъ укладомъ, въ свою очередь встрѣчая со стороны совѣтской власти полное недобріе и прямое посягательство на жизнь казачью, бытъ и достояніе.

Эта двойственность казачьихъ настроеній чрезвычайно ярко проявилась въ красочной исторіи донскаго казака, войскового старшины М и р о н о в а. Демагогъ и честолюбецъ, мечтавшій объ атаманскомъ пернатѣ, онъ съ самаго начала гражданской войны поступилъ на службу къ большевикамъ и, командуй бригадой, потомъ дивизіей, дрался весьма усердно на ихъ донскомъ фронтѣ. Но послѣ большевицкаго вторженія на Дюнь въ началѣ 1919 г. звѣрства большевиковъ пробудили совѣсть въ немъ и въ его казакахъ. Мироновъ сталъ на зашту разоряемыхъ станицъ, былъ обвиненъ въ демагогіи и отправленъ на Западный фронтъ. Лѣтомъ, однако, ввиду тяжелаго положенія на Югѣ, его переводили обратно на Донской фронтъ и ставили во главѣ вновь сформированнаго «Донскаго корпуса», ядромъ котораго служили казаки сѣверныхъ округовъ. Въ августѣ Мироновъ поднялъ возстаніе, къ которому примкнули нѣсколько донскихъ совѣтскихъ полковъ. Въ приказѣ — возвращеніи отъ 9 августа онъ говоритъ казакамъ:

¹⁾ Стенограмма засѣданія Круга 1 февраля 1919 года.

²⁾ «Краткое сообщеніе о засѣданіи 1—8 февраля 1919 года». Офиц. изд.

³⁾ Отчетъ о вечернемъ закрытомъ засѣданіи Круга 1 февраля.

... Что остается дѣлать казаку, объявленному внѣ закона и подлежащему безпощадному употребленію? Только умирать съ ожесточеніемъ.

Что остается дѣлать казаку, когда онъ знаетъ, что его хата передана другому, его хозяйство захватывается чужими людьми, а скотина выгнана въ степь въ загонъ? Только сжечь свои стаяны и хутора. Такимъ образомъ, въ лицѣ всего казачества мы видимъ жестокихъ мстителей коммунистамъ за поруганную справедливость, что въ связи съ общимъ недовольствомъ трудящихся крестьянства Россіи, вызваннымъ коммунистами, грозитъ окончательной гибелью революціоннымъ завоеваніямъ и новымъ тяжкимъ рабствомъ народу. Чтобы спасти революціонныя завоеванія, остается единственный путь свалить нагію коммунистовъ.

Возстаніе было подавлено въ нѣсколько дней полу-казачьими войсками Буденнаго. Мироновъ и его соучастники были преданы суду и приговорены къ смертной казни. Но всѣ они «выразили чистосердечное раскаяніе» и просили взять ихъ опять на службу въ красную армію... Миронова большевики помпловали, и въ 20 году мы видимъ его вновь командующимъ 2-й конной арміей, сражавшейся противъ крымскихъ войскъ ген. Врангеля. Зимой 1921 года онъ снова принимаетъ участіе въ организационнѣ возстаніи въ Донской области и, не будучи болѣе нуженъ большевикамъ, использовавшимъ его популярность до конца, предается снова суду и кончаетъ свою жизнь подъ разстрѣломъ.

Взаимоотношенія наши съ дошской властью съ мая и до конца 1918 г. опредѣляются непримиримой позиціей ген. Краснова въ вопросѣ объ единомъ командованіи.

Если огромный вредъ, приносимый отсутствіемъ общаго плава и разрозненностью дѣйствій бѣлыхъ армій во всеобщемъ масштабѣ (Сѣв., Вост., Югъ и Западъ), не всѣмъ сознавался достаточно отчетливо, то на общемъ, по существу, Дону-Кавказскомъ театрѣ эти тяжчайшія нарушенія оснвовъ военнаго искусства сказывались ясно и разительно на каждомъ шагѣ. Вопросъ этотъ раздражалъ Югъ, отражаясь крайне неблагоприятно на веденіи военныхъ операций, вовлекая въ борьбу вокругъ него общественность, печать, офицерство, политическія организациі, даже правительства Согласія. Ген. Красновъ суживаетъ теперь весь этотъ вопросъ большого прошлаго до размѣровъ «екатериндарской интриги» и «борьбы Краснова съ Деникинымъ», котораго онъ «не хотѣлъ признать», отрицательно относясь къ его личнымъ качествамъ, какъ государственнаго дѣятеля и стратега... Наши взаимныя характеристики могутъ быть нѣсколько пристрастными. Но ясно одно: личная незаинтересованность и государственныя побужденія донского атамана въ этомъ вопросѣ терпятъ значительно свою цѣбу, если принять во вниманіе, что однимъ изъ «наиболѣе желательныхъ вождей для объединеннаго командованія» онъ называетъ... ген. Н. И. Иванова¹⁾, на которомъ — по его же, Краснова, словамъ — отозвались «пережитыя потрясенія и немолодые уже годы и нѣсколько разстроеныя его умственные способности»...

Отбросимъ личности. За ними стояло явленіе несравненно болѣе крупнаго масштаба: вопросъ шель о призваніи военнаго центра въ борьбѣ Юга: «Донъ» или «Добровольческая Армія»? Въ глазахъ огромнаго большинства русской общественности первый представлялся началомъ областнымъ, вторая — обще-государственнымъ: въ глазахъ правительствъ и командованія державъ Согласія Донъ былъ недавнимъ союзникомъ — пусть даже пенальнымъ — нѣмцевъ, а Добровольческая Армія «сохраняла вѣрность Согласію до конца». Эти двѣ предпосылки имѣли рѣшающее значеніе въ спорномъ вопросѣ.

Были, очевидно, объективныя причины — не только «интриги Екатеринбургскаго» — которыя задолго до образованія мощной организациі «вооруженныхъ слѣдъ Юга», привлекали въ орбиту Добровольческой арміи спутниковъ изъ самыхъ отдален-

¹⁾ Письмо къ ген. Франше д'Эспре 6 ноября 1918 года.

ных краёвъ разваленной Россіи. Мы видѣли стремленіе къ объединенію съ нами «Волжской арміи» Чечока и даже «Арміи Учредительнаго Собранія»...¹⁾ Къ намъ тпнулись «Псковская армія», Балтійскіе отряды и Терекъ. Крымъ просилъ о присылкѣ Добровольческихъ войскъ... Подложный приказъ отъ имени главнокомандующаго Добровольческой Арміей о подчиненіи ему украинскихъ войскъ достаточно выяснилъ отношеніе къ намъ русской общественности и офицетства Украины...²⁾ Уральское войско сообщало, что «ожидаетъ съ большимъ нетерпѣніемъ» подхода къ Волгѣ Добровольческой Арміи, «имѣя желаніе въ общихъ интересахъ объединиться съ нами»³⁾. Оренбургскій атаманъ Дутовъ писалъ мнѣ⁴⁾: «... Наше войско сепаратистскихъ стремленій не имѣетъ и борется за всю Россію. На Вашу Армію мы всё возлагаемъ большія надежды и полагаемъ, что только Вы и рѣшите окончательно судьбу Россіи. Ваша армія находится на югѣ и имѣетъ все подъ рукой. Въ Вашихъ рукахъ уголь, желѣзо, нефть, лучшіе пути сообщенія, сравнительно короткое разстояніе до Москвы. Кроме того, Вы имѣете возможность, владѣя Чернымъ моремъ, получить всевозможныя пополненія и припасы...»

Расходясь, подчасъ серьезно, въ вопросахъ государственнаго устройства, съ большимъ единодушіемъ относилась къ военному верховенству Добровольческой Арміи и организованная русская общественность (кроме крайней правы) до Союза Возрожденія включительно. Даже весьма демократической «Съѣздъ земскихъ и городскихъ самоуправленій Юга»⁵⁾, представленный такими столпами революціонной демократіи, какъ Рудневъ, Гоць, Вишнякъ, Гвоздевъ и друг., возлагалъ на Добровольческую Армію «ответственную роль служить на Югѣ Россіи ядромъ для воссозданія россійской царской арміи...»

Только самостоятельные круги смотрѣли иначе... «Меморандумъ четырехъ государственныхъ образований»⁶⁾, представленный французскому командованію, отрицалъ самую идею необходимости единства арміи, допуская лишь созданіе общаго генеральнаго штаба, для руководства всѣми операціями на основѣ согласенія государственныхъ новообразований... Защита своего дома, своего очага, своей семьи, своего народа — таковы должны быть лозунги, къ которымъ слѣдуетъ апеллировать для искорененія большевизма... Составитель «меморандума» Маролинъ рассказываетъ, что «настроеніе у всѣхъ (собравшихся для обсужденія этого «акта») было торжественное»; и единственный военный представитель совѣщанія, внесшій сей новый вкладъ въ военную науку, донской генералъ Черячукинъ «осѣнилъ себя даже крестнымъ знаменіемъ передъ подписаніемъ...»⁷⁾.

Молитвѣ, должно быть, у Господа прощенія...

Въ этомъ отношеніи соединенное засѣданіе Донской законодательной комисіи и кубанскихъ делегатовъ выказало большую широту взглядовъ. Требуя автономности Донской и Кубанской арміи, оно считало, однако, необходимымъ «скорѣйшее подчиненіе Донск., Кубанск., Добров., и другихъ армій... въ предѣлахъ Россіи единому командованію» и допускало возможность борьбы съ большевизмомъ, «выходящей за предѣлы охраны Донской и Кубанской области».

Интересно, что такая же борьба за единство командованія, вызванная мотивами другого рода — боязнь бонапартизма, велась и въ совѣтской Россіи между Броштинемъ, проникшимся идеями «военщиковъ», съ одной стороны, и большевистомъ коммунистической партіи — съ другой. Только послѣ пораженій, понесенныхъ большевиками на Востокѣ и Югѣ лѣтомъ 1918 года, совѣтская власть

¹⁾ Т. III, гл. XII.

²⁾ Гл. XXI.

³⁾ 16 окт. 18 г. № 200 и письмо отъ янв. 19 года.

⁴⁾ 11 янв. 19 года № 1328.

⁵⁾ Симферополь 30 ноября—8 декабря 18 года. Резолюція.

⁶⁾ «Меморандумъ» Дона, Кубани, Украины и Бѣлоруссіи, подписанный Черячукинымъ, Выгомъ, Маролиннымъ, Галиломъ, Бозановичемъ 5-го февраля 19 года въ Одессѣ.

⁷⁾ «Украина и политика Антанты».

создала «Революционный военный советъ республики») съ единымъ главнокомандующимъ (Вацетисъ, потомъ Каменевъ) на всѣхъ фронтахъ. Это единство командованія, по словамъ Бронштейна¹⁾, спасло красную армию, давъ, наконецъ, возможность переборки, сосредоточенія и вообще использования центрального положенія армій для дѣйствія по внутреннимъ операционнымъ линиямъ. «Только постъ установления общаго оперативнаго руководства и строгаго исполненія боевыхъ приказовъ, идущаго сверху внизъ, всѣ почувствовали на дѣлѣ... огромное преимущество централизованной армій надъ партизанствомъ и кустарничествомъ».

Въ вопросѣ единаго командованія, и притомъ возглавляемого главнокомандующимъ Добровольческой Арміей, сошлись и союзные представители.

Въ началѣ ноября вернулся изъ Румыніи командированный туда Донскимъ атаманомъ за снабженіемъ ген. баронъ Майцель и представилъ докладъ²⁾:

«... съ 2 по 12 ноября (нов. ст.) я находился въ полномъ контактѣ съ представителями Согласія... Меня уполномочили увѣдомить: а) что Согласіе вѣрять лояльности Дона, но требуетъ полнаго объединенія командованія всей русской армій въ лицѣ ген. Деникина; б) ген. Красновъ скоординировать все-таки своей дѣятельностью, письмомъ Вильгельму и рѣчами на Кругѣ... Поэтому, если общественное мнѣніе, ген. Деникинъ и Вы³⁾ укажете, что Красновъ, согласившійся на полное подчиненіе главнокомандующему, ген. Деникину, можетъ остаться, то пусть остается; а если вѣтъ, желательно, чтобы онъ добровольно ушелъ; в) если объединеніе произойдетъ в Довѣ войдетъ въ Русскую армию, то союзники обеспечиваютъ помощь войсками, деньгами, вооруженіемъ. Мои требовательныя вѣдомости (на снабженіе) вручены румынамъ при вербальной нотѣ послѣдъ Согласія...»

6 ноября Донской атаманъ, очевидно, встревоженный этими свѣдѣніями, подалъ въ Яссы и Бухарестъ посольство въ составѣ генераловъ Сазонова и Янова и дипломатическаго чиновника Карасева. Посольству вѣдано было въ обязанность, кромѣ проверки доклада Майцеля, ознакомить союзниковъ съ положеніемъ Дона, убѣдить ихъ въ неперемлемости подчиненія мнѣ Довской армій, указать наиболѣе желательныхъ вождей для объединеннаго командованія на Югѣ (генералы Н. І. Ивановъ и Щербачевъ) и просить непосредственной помощи — боевымъ снабженіемъ, деньгами и войсками.

Донецкое посольство, посѣтивъ ген. Бертело, русскаго посланника Поклевскаго-Козельскаго и ген. Щербачева, выяснило, что вопросъ объ единомъ командованіи рѣшенъ окончательно въ пользу главнокомандующаго Добровольческой Арміей. Генераль Яновъ — человекъ крайне несдержанный, по природѣ демагогъ, ненавистникъ Добровольческой Армій — не жалѣть красокъ, чтобы очертить Армію и ея командованіе въ глазахъ союзниковъ, доказывать невозможность подчиненія ген. Краснова мнѣ и считать даже умѣстнымъ «запутывать ихъ (союзниковъ) возможностью соглашенія казакосъ съ большевиками, если будутъ настаивать на подчиненіи Краснова...»⁴⁾.

Русская распря произвела тяжелое впечатлѣніе и въ русскіихъ кругахъ и вызвала отвѣтъ ген. Бертело Янову:

«Не хорошо бросать упрекъ въ сторону родственной вамъ армій. Вы на первыхъ же порахъ затрудняете работу союзниковъ своими раздорами.. Донская армія многочисленнѣе Добровольческой? Но если бы у генерала Деникина были даже одинъ солдатъ, то и тогда симпатіи наши будутъ все-таки на его

¹⁾ Учрежденъ 2 сентября 19 года. Объединеніе органовъ снабженія произошло значительно позже — декретомъ 9 июля 19 года.

²⁾ Изъ доклада 24 февраля 19 года.

³⁾ Выдержки изъ доклада генералу Богаевскому отъ 4 ноября 19 года.

⁴⁾ Т. е. ген. Богаевскій.

⁵⁾ Докладъ К. Карасева отъ 16 августа 19 года.

сторонѣ: онъ былъ однимъ изъ немногихъ генераловъ, который при невѣроятно трудныхъ условіяхъ остался вѣрнымъ идоѣ союза?..»

Въ результатѣ Бертелло остался при первоначальномъ рѣшеніи, сообщивъ его письмомъ атаману Краснову, а генераль Щербачевъ категорически отказался участвовать въ этой сомнительной игрѣ.

Представители Согласія, прибывшіе въ Екатеринодаръ — Пуль, Эрлишъ, Фуке — также единодушно поддерживали идею объединенія русскихъ армій въ лицѣ Добровольческаго командованія. Въ видѣ протеста противъ политики Краснова они отгѣтили отказомъ на его приглашеніе посѣтить Новочеркасскъ... Пышными рѣчами и приказами населенію и фронту были уже оповѣщены широко о союзникахъ, спѣшившихъ на помощь Дону, и отсутствіе представителей ихъ наносило большой уронъ атаманскому престижу. Съ большимъ трудомъ генералу Краснову удалось устроить непосредственнымъ обращеніемъ къ командовавшему союзными морскими силами въ Севастополѣ адмиралу прибытіе двухъ мпоносцевъ — англійскаго и французскаго, шедшихъ въ Мариуполь за углемъ — въ Тагапрогъ и визитъ затѣмъ изъ экипажей въ Новочеркасскъ. Съ большой торжественностью были встрѣчены въ Новочеркасскѣ иностранные гости, рѣкою людое въши и вдохновенныя патриотическія рѣчи; но среди нихъ диссонансомъ для недоброжелателей Добровольческой Арміи прозвучало отгѣтное слово французскаго гостя¹⁾:

« Пусть будетъ дозволено солдату Франціи сказать вамъ: всѣ достоинства и доблесть не правды бы къ положительнымъ результатамъ, если бы не существовало самаго тѣснаго единенія между всеми союзными арміями въ лицѣ славнаго маршала Фоша и такого же единаго командованія на морѣ подъ славнымъ англійскимъ флагомъ... Благородная и великолѣпная армія казаковъ и неустрашимая, героическая Добровольческая армія станутъ (также) необходимыми, тѣсно соединившись и образовавъ изъ себя гранитную скалу, страшную для враговъ... »

Ни въ вопросахъ политики, ни въ вопросахъ войны мы не могли понять, какія, собственно, конкретныя дѣла преслѣдуетъ атаманъ Красновъ. Его перо, его слово были полны такими внутренними противорѣчійми, въ нихъ такъ художественно переплеталась правда съ вымысломъ, что мы становились въ полнѣйшее недоумѣніе.

8 сентября 1918 г. онъ писалъ ген. Алексѣеву:

«Я не думаю о будущемъ Россіи — это не мое дѣло — это рѣшить Учредительное Собраніе, Земскій Соборъ, вѣрше Господь Богъ, но я мечтаю объ одномъ — освободить Россію отъ большевиковъ... »

А въ октябрѣ (безъ даты, № 02) онъ писалъ ген. Драгомирову:

«Приближается время мирной конференціи народовъ... И думается мнѣ, что время Добровольческой Арміи, Дона, Украинѣ, Кубани, Грузіи и другимъ свободнымъ отъ большевизскаго террора частямъ Россіи собраться и съговориться... по слѣдующимъ вопросамъ:

1. Что будетъ представлять изъ себя бывшая Россійская Имперія въ политическомъ отношеніи (монархію, республику, федерацію и, если федерацію, то какого типа?)
2. Какія части бывшей Россійской Имперіи войдутъ въ это новое государственное образованіе и какія станутъ заѣмъ его (Финляндія, Прибалтійскій край, Вѣлоруссія, Польша, Украина, Крымъ, Закавказье?)
3. Кто поможетъ объединиться тѣмъ частямъ Россіи, которые не заражены самостійностью?.. Помогутъ въ этомъ отношеніи союзники, которые кру-

¹⁾ Изъ рѣчи капитана Кошена 25 ноября.

гомъ должны намъ за 1914, 1915 и 1916 годы, или центральныя державы, какъ сосѣди?»

Рѣшеніе въ то время вопроса о будущемъ государственномъ устройствѣ Россіи Добровольческимъ командованіемъ, Скоропадскимъ, Красновымъ, Вычюмъ и Жорданія представлялось мнѣ посвоевременнымъ и достаточно компетентнымъ¹⁾.

«Выдвигать (этотъ вопросъ) на первый планъ теперь же — отвѣчалъ ген. Драгомировъ²⁾, — это значило бы внести раздоръ чрезвычайно остраго характера въ ту минуту, когда для спасенія Родины нужно, прежде всего, единеніе всѣхъ силъ...» «Что же касается «выбора ориентации», то «является совершенно невозможнымъ, чтобы въ ту минуту, когда союзники наши со дня на день могутъ прибить въ Поворосійскъ и пожелають опереться на Добровольческую Армію, послѣдняя стала бы на путь колебанія — па кого опираться».

А еще черезъ 2—3 дня глава Донского правительства, по порученію атамана, обратился ко мнѣ съ предложеніемъ³⁾ созвать совѣщаніе въ Екатеринодарѣ по вопросу объ единомъ представительствѣ на мирной конференціи, на которой, «конечно, должны быть представители настоящей Россіи, желающей ея восстановления въ прежнихъ предѣлахъ и мощи...»

Я отвѣтилъ полнымъ согласіемъ, прибавивъ, что общность нашихъ задачъ властно требуетъ объединенія всего дѣла вѣдѣнныхъ сношеній и полного взаимодѣйствія всѣхъ вооруженныхъ силъ путемъ объединенія командованія. «Если... исходя изъ самаго некренаго желанія найти пути къ полному единству, намъ удастся сговориться по (этимъ) кардинальнымъ вопросамъ, — писалъ я⁴⁾, — то въ недалекомъ будущемъ можно было бы выдвинуть на очередь объединеніе и въ тѣхъ отрасляхъ государственнаго устройства, которыя Донская атаманъ перечислил въ своемъ письмѣ отъ 3 сентября № 679»⁵⁾: финансовыхъ, юстиціи, продовольственнаго дѣла и торгово-промышленной политики, путей сообщенія и телеграфа...

8 ноября⁶⁾ ген. Драгомировъ вызвалъ въ Екатеринодаръ представителей Дона на совѣщаніе по слѣдующимъ вопросамъ:

«Первое — единое представительство на предстоящемъ мирномъ конгрессѣ, второе — объединеніе командованія всѣми вооруженными силами Юго-Восточной Россіи въ оперативномъ отношеніи и вмѣстѣ съ этимъ объединеніе всего дѣла военнаго снабженія всѣхъ фронтовъ этого района въ рукахъ Главнаго начальника снабженія Добровольческой Арміи, въ распоряженіе котораго отъ союзниковъ въ ближайшее время поступятъ громадныя запасы».

Совѣщаніе подъ предѣлательствомъ ген. Драгомирова состоялось 13 ноября⁷⁾. Вопросъ о представительствѣ на мирномъ конгрессѣ былъ разрѣшенъ легко, возложивъ миссію персонально на бывш. мин. иностр. дѣлъ Сазонова «съ тѣмъ, чтобы въ составъ техническихъ совѣтниковъ делегации вошелъ бы представитель отъ Дона». Прочіе вопросы были дочнамъ сорваны. Ген. Поляковъ отъ имени Донского атамана заявилъ, что «для осуществленія единаго фронта и единаго командованія Донъ можетъ дать гвардейскую стрѣлковую бригаду (не казачью), конную казачью дивизию, 4—6 броневыхъ пѣхотъ, 4 брон. машины

¹⁾ Любопытно, что 18 декабря ген. Красновъ по аналогичному поводу писалъ кубанскому депутату Макаренко: «будущая Россія — федеративное или унитарное государство — правдивый вопросъ... Гаданіе о будущемъ явится лишь пустыми разговорами, для чего у меня нѣтъ ни свободныхъ людей, ни времени».

²⁾ 13 октября № 149.

³⁾ Письмо 12 октября 15 года № 1145.

⁴⁾ Письмо ген. Богаевскому 25 октября 13 года, № 318.

⁵⁾ Письмо ген. Алексѣеву. См. Т. III, гл. XXXIV.

⁶⁾ Телегр. № 517.

⁷⁾ Участвовали со стороны Д. А.: генералы Драгомировъ, Лукомскій, Саняковъ, Романовскій, Тихменевъ; Сазоновъ и Нератовъ. Со стороны Дона: ген. Поляковъ, Грековъ и Свѣчинъ.

и . . Южную армию: ¹⁾. И то только при условии движения Добровольческой Армии на север. Донская же армия оставалась вѣдѣ подчиненіи. Такую постановку вопроса ген. Лукомскій называетъ «съ военной точки зрѣнія безграмотной», а ген. Драгомировъ «пасмышкой надъ идеей единого командованія» ²⁾. Она находилась, однако, въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми взглядами, которые атаманъ внушалъ войску относительно будущаго характера борьбы: казаки скоро отдохнутъ отъ трудовъ бранныхъ, а ихъ смѣняютъ на северѣ «Народная» и Добровольческая арміи . . . Внушеніе — психологически опасное для стойкости Донского фронта и производившее тягостное впечатлѣніе на Добровольчество, разрушая идею о общей борьбѣ за Россію.

Замѣчательно, что по возвращеніи въ Новочеркасскъ, ген. Поляковъ по порученію атамана, чтобы сгладить впечатлѣніе отъ совѣщанія, тотчасъ же вызвалъ къ аппарату донского посла въ Екатеринодаръ ген. Смагина и приказалъ ему передать союзнымъ представителямъ, что атаманъ не отказывается отъ единого командованія, но ставитъ, между прочимъ, «непремѣннымъ условіемъ, чтобы армія имѣла опредѣленную борьбу противъ большевиковъ (?) и чтобы войско Донское сохраняло свою самостоятельность до образованія единой Россіи» ³⁾. Первое глубоко оскорбило насъ и вызвало горячій письменный протестъ ген. Драгомирова, второе весьма удивляло, такъ какъ вопросъ шелъ только объ арміи, а о «войскахъ» (областяхъ) ни на совѣщаніи, ни въ разговорахъ съ союзниками не подымался вовсе.

Изъ Новочеркасска обильно текли письма, рѣчи, заявленія, въ которыхъ крупица правды была переплетена съ вымысломъ.

Донской фронтъ началъ морально колебаться и въ виду закрытія границъ съ Украиной, терпѣть крайнюю нужду въ снабженіи . . . ⁴⁾ Ген. Красновъ писалъ горячіи посланія союзнымъ представителямъ, прося о помощи, безъ которой считалъ невозможнымъ дальнѣйшее сопротивленіе Дона, и въ то же время заявлялъ горделиво полковнику Кизу: «Передайте ген. Пулю, что и являюсь выборнымъ главою свободнаго пятимилліоннаго народа, который для себя ни въ чемъ не нуждается. Ему не нужны ни ваши пушки, ни ружья, ни амуніція — онъ имѣетъ все свое и онъ уберетъ отъ себя большевиковъ. Завтра онъ заключитъ миръ съ большевиками и будетъ жить отлично (!). Но намъ нужно спасти Россію, и вотъ для этого - то намъ нужна помощь союзниковъ. . . » ⁵⁾.

Я требовалъ нормальнаго подчиненія арміи, чтобы имѣть возможность дивизіи и корпуса Донской, какъ и Добровольческой арміи, перебрасывать на тотъ фронтъ, гдѣ это вызывается стратегической обстановкой . . . Въ художественномъ переложеніи атамана это требованіе преподносится казачеству въ такомъ видѣ: « . . полное подчиненіе вооруженныхъ силъ Дона, съ полученіемъ конницы казачьей съ фронта и передѣливаніемъ казачьихъ частей съ частями добровольческими, иными словами: нарушеніе образа служенія войска толпкою славою покрытаго».

Замѣчательно, что въ то же время ген. Красновъ, не боясь передѣливанія, настойчиво преслѣлъ его переброскѣ добровольческихъ частей на донской фронтъ, справедливо видя въ этомъ единственное спасеніе Дона.

¹⁾ Разлагающаяся организація.

²⁾ Изъ протокола засѣданія.

³⁾ Копія ленты разговора Смагина и Полякова.

⁴⁾ 21 октября атаманъ Красновъ писалъ ген. Лукомскому: «у меня (въ арміи) двѣ трети не имѣютъ своихъ сапогъ, одна треть совѣтъ не имѣетъ сапогъ, обути въ лапти, даже офицеры. Не только полушубковъ, не только тѣлогрѣекъ, но даже шивелей далеко не хватаетъ. Патроновъ осталось только 13 милліоновъ. А война идетъ страшно жестокая».

⁵⁾ Со словъ ген. Краснова — «Все великое войско Донское», «Архивъ Рус. Рев.», т. V.

«Общерусскія» войска были желательнымъ гостемъ въ противоположности «общерусскимъ учреждениямъ»... 9 января 1919 г. (№ 092) по поводу размѣщенія въ Ростовѣ отдѣла пропаганды атаманъ Красновъ писалъ генералу Драгомирову: «На землѣ войска Донского не можетъ и не должно помѣщаться ни одно изъ учреждений общерусскихъ. Это требованіе автономіи Войска...»

«... Старшіе начальники и офицеры — говорили они ген. Щербачеву и знашались безъ сомнѣнія эту мысль арміи — будутъ бояться, что отъ нихъ отнимутъ все высшія командныя должности и замѣнятъ ихъ лицами, угодыми Донщину, и не казаками, и это можетъ вызвать упадокъ ихъ энергіи въ рѣшительныя минуты борьбы...»¹⁾.

Я добивался сосредоточенія всего военного снабженія въ однихъ рукахъ, для правильного распределенія снабженія, доставляемого союзниками, для учета и регулированія потребности фронтовъ въ хлѣбѣ и стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линий — въ нефти и углѣ. Это мое требованіе, провиантское реально въ снабженіи Дона английскими запасами и въ довольствіи края и арміи кубанскимъ и ставропольскимъ хлѣбомъ, въ стилизованномъ изложеніи атамана формулируется словами: «Снабженіе, находящееся въ распоряженіи войска Донского, хлѣбъ и уголь передаются въ распоряженіе Добровольческой арміи» (?) — «выгоды и угоды (войска), утвержденныя грамотами Императрицы Екатерины Великой, отъ него отходятъ».

Я писалъ Богаяевскому о желательности объединенія нѣкоторыхъ отраслей государственнаго управленія, предложеннаго некогда самимъ ген. Красновымъ, — это предложеніе преработалось въ «полное подчиненіе всего войска Донского съ его населеніемъ и арміей генералу Денишину...» Мои помощники, вѣдшіе непосредственно переписку съ атаманомъ, первоначали и положительно терпѣлись отъ изумительныхъ оборотовъ въ послѣднихъ атамана, завращавшихъ самую элементарную сущность всякихъ вопросовъ.

Атмосфера, между тѣмъ, сгущалась все болѣе и болѣе. Ширился кругъ лицъ, принимавшихъ участіе во взаимной распрѣ воссѣдательниковъ, осложняя своимъ вмѣшательствомъ и безъ того тяжелое положеніе. Печать принимала все болѣе рѣзкій, нервный тонъ. Атаманскія оффиціозъ «Часовой» возбуждали казачество противъ Добровольческой Арміи... Кубанскіе самостоятельныя органы, сохраняя въ отношеніи ген. Краснова «вооруженный нейтралитетъ», травлили меня и Добровольческую Армію... Всѣ екатеринодарскія «россійскія» газеты, не исключая и социалистическихъ, и кубанскія — «линейныя» травили атамана Краснова... И атаманъ жаловался на нихъ моему представителю въ Новочеркасскѣ, принималъ у себя, на Дону, рядъ драконовскихъ цензурныхъ мѣръ въ отношеніи екатеринодарской прессы и относилъ все это всецѣло къ работѣ своихъ недруговъ — Харламова, Парамонова, Сидорина и другихъ, «ночь крыломъ Добровольческаго командованія ведущихъ каштанія противъ него...» Предсѣдатель Особого Совѣщанія ген. Драгомировъ, поставленный въ очень шекотливое положеніе въ отношеніи поддерживавшей армію печати, писалъ редакціямъ письма, прося ихъ воздержаться отъ выступленій противъ донского командованія и «использовать (свое) влияние для упроченія хорошихъ отношеній съ Дономъ, начало которыхъ уже положено...»²⁾ Соудѣйствіе союзниковъ принимало иногда недопустимыя формы, ставя меня въ чрезвычайно тягостное положеніе. Такъ, при посредствѣ телеграфнаго агентства, 20 ноября въ газетахъ появилось сообщеніе «изъ достоверныхъ источниковъ», что грузъ, привезенный первымъ транспортомъ и предназначенный совместно для Добровольческой и Донской арміи, по распоряженію французскаго командованія передать только ген. Денишину для Добр. Арміи..., что «Донская армія ничего не получитъ изъ транспортовъ, которые находятся уже въ

¹⁾ Я долженъ замѣтить, что эти мысли не прививались донскому офицерству и отношеніе его къ Добровольческой Арміи и ко мнѣ оставалось доброжелательнымъ.

²⁾ Циркуляръ 14 декабря 1919 года, № 1161.

пути или будут отпущены в будущем... до тех пор, пока Донг не признает ген. Деникина верховным главнокомандующим». Ген. Драгомировъ сдѣлалъ серьезное внушение газетамъ, томѣстившимъ это ложное извѣстіе, и произвелъ разслѣдованіе, которое выяснило, что свѣдѣніе было прислано агентству непосредственно изъ... французской военной миссіи...

О ходѣ переговоровъ съ ген. Красновымъ ген. Драгомировъ осѣдомлялъ председателя Донского круга Харламова и при его посредствѣ законодательную комисію Круга и донскую общественность. Иногда союзниковъ и прессу. Содержание этихъ переговоровъ было таково, что безъ великаго злого умысла давало агитационный матеріалъ противъ ген. Краснова донской и «російской» оппозиціи. Харламовъ и комисія въ вопросѣ объ единомъ командованіи были на нашей сторонѣ. Они ставили вопросъ этотъ «въ связи съ вопросомъ о помощи извнѣ Донской арміи, руководствуясь, прежде всего, стратегической цѣлесообразностью»¹⁾. Это единомысліе, естественно, сближало насъ съ донской оппозиціей, причемъ, во взаимоотношенія ея съ атаманомъ и во внутренней дѣла, мы, конечно, совершенно не вмѣшивались. Комисія не разъ пыталась устранить тренія съ Добровольческой Арміей, но совершенно безуспѣшно. Прибывшей къ нему 12 ноября делегаціи комисіи ген. Красновъ заявилъ категорически, что «признаніе ген. Деникина для него является непріемлемымъ и что Донецкая армія ни въ чемъ, кромѣ развѣ талковъ, не нуждается».

Лицо для меня эта борьба за приоритетъ Добровольческой Арміи, вѣдѣнная вокругъ моего имени, была до крайности тягостна. И въ душѣ я готовъ былъ не разъ помириться со всеми недостатками раздѣленнаго фронта, лишь бы окончилось это прискорбное соревнованіе, возбуждавшее общественная страсти, отзывавшееся на фронтѣ и ронявшее насъ въ глазахъ союзниковъ. Положеніе мое было тѣмъ болѣе труднымъ, что ни одна изъ извѣстныхъ мнѣ русскихъ общественныхъ группъ, ни одна область, ни одна армія, не исключая даже Донской, не выдвигали ген. Краснова на постъ главнокомандующаго соединенными силами Юга.

А другихъ претендентовъ

покомандованіе въ ту пору еще не было.

ГЛАВА IX.

**Донъ: трагедія Донского фронта. Объединеніе вооруженныхъ силъ Юга Россіи.
Уходъ атамана Краснова.**

Въ началѣ декабря ген. Нуль обратился ко мнѣ со словами:

— Считаете ли вы необходимымъ въ интересахъ дѣла, чтобы Краснова.

Я отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Я просилъ бы только повліять на измѣненіе отношеній его къ Добровольческой Арміи.

Хорошо, тогда будемъ разговаривать.

Черезъ день - два Нуль прислалъ ген. Драгомирову копію своего отвѣта ген. Краснову²⁾, на письмо, полученное отъ него 7 декабря:

«Я долженъ благодарить Васъ за помощь и откровенное выраженіе Вашей точки зрѣнія, хотя къ сожалѣнію я нашелъ, что Ваше мнѣніе несогласно съ моимъ по вопросу о назначеніи генерал-тисимуса для командованія силами русскихъ арміями, дѣйствующими противъ большевиковъ.

Я также намѣренъ отвѣтить совершенно откровенно.

¹⁾ Изъ стеногр. засѣданія Круга 4 февраля.

²⁾ Оставляю безъ измѣненія, русскій переводъ письма, полученнаго изъ англійской миссіи.

Я должен указать Вашему Превосходительству, что я полагаю, по вопросу о назначении Главнокомандующаго, необходимомъ предварительномъ ознакомленіи съ мнѣніемъ союзниковъ, ибо, какъ я понимаю изъ Вашего письма, только при условіи содѣйствія союзниковъ и полученія отъ нихъ свѣдѣній, Вы считаете, что будете въ состояніи двигаться впередъ или даже только обороняться.

Въ полученныхъ мною инструкціяхъ моего Правительства, мнѣ указано было войти въ сношеніе съ генераломъ Деникинымъ, какъ съ представителемъ, согласно англійскому мнѣнію, Русскихъ армій, дѣйствующихъ противъ большевиковъ. Я сожалѣю поэтому, что для меня является невозможнымъ даже рассмотреть вопроса о признаніи какого-либо иного офицера въ качествѣ такого представителя.

Я исполнѣ сознаю ту великолѣпную работу, которую Ваше Превосходительство такъ искусно выполняли съ Донскими казаками, и я смѣю поздравить Ваше Превосходительство со славными походами.

Я бы желалъ надѣяться, что Ваше Превосходительство проявите себя не только выдающимся воиномъ, но и великимъ патриотомъ.

Если я принужденъ буду возвратиться и донести своему Правительству, что между русскими генералами существуетъ зависть и недоверіе, это произведетъ очень тяжелое впечатлѣніе и навѣрное уменьшитъ ѣхронность оказанія помощи союзниками. Я бы предпочелъ донести, что Ваше Превосходительство проявили себя столь великимъ патриотомъ, что готовы поступиться собственными желаніями для блага Россіи и согласиться служить подъ начальствомъ генерала Деникина.

Какъ я уже словесно изложилъ князю Тундудову, и былъ бы радъ встрѣтиться съ Вашимъ Превосходительствомъ неофициально и обсудить все это дѣло, если бы Вы этого пожелали; и я мало сомнѣвался въ томъ, что мы могли бы прийти къ удовлетворительному рѣшенію.

Въ случаѣ этой встрѣчи меня сопровождалъ бы ген. Драгомировъ — помощникъ Главнокомандующаго Добровольческой Арміи».

Свиданіе состоялось 13 декабря на границѣ двухъ областей, въ Кущевкѣ. Послѣ встрѣчи двухъ поѣздовъ и длительного, довольно оригинальнаго вступленія, когда между «сувереннымъ главой пятимилліоннаго народа» и «представителемъ Великобританскаго правительства» шелъ споръ о первомъ визитѣ, состоялся, наконецъ, обмѣвъ мнѣній и намѣсны были общія основанія возможнаго соглашенія:

1. Не объеждать объ этомъ подчиненіи въ приказѣ до той поры, пока, по заявленію Атамана, — мысль о необходимости подчиненія Донской Арміи генералу Деникину не войдетъ въ сознаніе казаковъ.

Избѣгать на первыхъ порахъ отдачи категорическихъ приказовъ, касавшихся Донскихъ казаковъ, а замѣнять ихъ «указаніями» о желательномъ направленіи операций, съ предоставленіемъ права Донскому Атаману представлять на немъ свои соображенія.

Немѣстательство высшаго командованія Добровольческой Арміи во внутреннее управленіе Донской Арміи, т. е. въ явленія кочниднаго состава, производится въ чинахъ, призыва казаковъ и т. п.

Эти условія, въ сущности, сводили на нѣтъ единство командованія, но, во всякомъ случаѣ, признавали идею его, сдвигали вопросъ съ мертвой точки и давали основанія для дальнѣйшихъ переговоровъ. Они состоялись на станціи Терговой 26 декабря¹⁾. Ихъ описалъ впоследствии ген. Красновъ²⁾, перелетая правду съ вымысломъ и внеся въ рассказъ обычныя особенности своего стиля: высокую самооцѣнку свою личную и своихъ помощниковъ — мудрыхъ, краснорѣчивыхъ и государственно-мыслящихъ — прямую противоположность противникамъ, которымъ приписываются напичканы по формѣ и содержанію рѣчи, циничные взгляды и побужденія...

Нѣтъ надобности повторять тѣ положенія и доводы, которые сводились съ одной стороны къ опредѣленію нормальныхъ формъ единаго командованія, съ другой — къ полному отрицанію ихъ на томъ главнѣйшемъ основаніи, что каза-

¹⁾ Участники: 1) со стороны Добр. Арм. — я, генералы Драгомировъ, Щербачевъ (пріѣхалъ изъ Румыніи), Романовскій и др.; 2) со стороны Дона — атаманъ Красновъ, ген. Денисовъ, Поляковъ и др.

²⁾ «Архивъ Рус. Ген.», т. V «Исведаніе» Донское.

Генералъ Май-Маевскій.

чество съ недонвіріємъ относится къ «солдатскимъ» (не казачьимъ) генераламъ и офицерамъ и что «гласное признаніе подчиненія разложить Донъ...»

— Отчего же вы мнѣ предлагали постъ главнокомандующаго? — задалъ недоумѣнный вопросъ ген. Щербачевъ..

Собесѣдованіе открыло такую бездну накопившейся ненависти къ намъ со стороны донскаго командованія, что дальнѣйшія пренія казались бесполезными. Дважды я прекращалъ переговоры и дважды атаманъ и ген. Щербачевъ просили меня продолжить ихъ: положеніе Донскаго фронта становилось трагичнымъ, допкая оппозиція росла въ числѣ и въ силѣ, и въѣтъ о разрывѣ могла отразиться дѣйствительно печально на судьбѣ фронта и атамана. Меня также заботила немало участь донскаго фронта и одолевало искреннее желаніе прекратить это постыдное единоборство какою угодно цѣною.

Въ силу этихъ побужденій появились на свѣтъ два

1. Мой приказъ (26 декабря 1918 г., № 1):

«По соглашенію съ атаманами Всевеликаго войска Донскаго и Кубанскаго, сего числа я вступаю въ командованіе воѣми сухопутными и морскими силами, дѣйствующими на Югѣ Россіи».

2. Приказъ Донскаго атамана, отданный «во избѣжаніе кривотолковъ»:

«Объявляя этотъ приказъ (мой, № 1) Донскимъ арміямъ, подтверждаю, что по соглашенію моему съ главнокомандующимъ в. с. на Югѣ Россіи, ген. лейт. Деникинымъ, конституція Войска Донскаго, Большимъ войсковымъ кругомъ 15 сентября с. г. утвержденная, нарушена не будетъ. Достояніе довшихъ казачковъ, ихъ земли и нѣдра земельныя, условия быта и службы Донскихъ арій затронуты не будутъ. Единое командованіе есть своевременная и необходимая вынѣ мѣра для достиженія полной и быстрой побѣды въ борьбѣ съ большевиками».

Эти акты не опредѣляли совершенно правовыхъ взаимоотношеній между главнымъ командованіемъ и Донской арміей.

Ихъ должна была установить жизнь.

Пока происходили все эти событія, Добровольческая Армія кровавыми боями приступала къ финальному акту освобожденія Сѣвернаго Кавказа и разгрому большевицкихъ силъ. Какъ только улучшилось положеніе подъ Ставрополемъ, я перебросилъ оттуда 6 декабря 3-ю дивизию ген. Май-Маевскаго съ бронепоездами, броневиками и авіаціонными отрядами, въ районъ Юзовки для прикрытія каменноугольнаго района и обезпеченія лѣваго фланга Донской арміи¹⁾. Май-Маевскій попалъ въ чрезвычайно сложную военную и политическую обстановку въ районѣ, гдѣ перемѣшались повстанческіе отряды Махно, Зубова, Иванько и друг., петлюровскіе атаманы, совѣтскія войска группы Кожевникова и, наконецъ, застрявшіе пѣмецкіе эшелоны. Кубанскіе самостійники подымали сильную агитацію противъ «вторженія на территорию Украины»; донской атаманимъ настоятельно добивался наступленія отряда на Харьковъ, взятый большевиками 21 декабря, и занятія сѣверныхъ границъ Украины; а Май-Маевскій въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со своимъ 2½, потомъ 4½ тысячами штыковъ, съ огромнымъ напряженіемъ и упорствомъ едва отбивался отъ Махно, петлюровцевъ и двухъ дивизій большевиковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ ноября мѣсяца я непрестанно напоминалъ союзникамъ о необходимости скорѣйшаго направленія вооруженныхъ силъ, прежде всего, на Донъ, гдѣ помощь эта имѣла бы колоссальное значеніе для моральнаго подъема уставшаго духомъ казачества. «Цѣлымъ рядомъ телеграммъ я просилъ оказать содѣяствіе союзными войсками на донскомъ фронтѣ... Донскіе казаки въ тече-

¹⁾ Стратегическая задача — «обезпеченіе линій Юзовка—Маріуполь, а затѣмъ... распространеніе на Бердянскъ—Синельяково—Нирковъ съ прочимъ закрѣпленіемъ занятаго района».

ние года героически сражались и сопротивлялись превосходящим силам врага, но теперь устало начинают терять вѣру въ поддержку союзников... Если союзникам командоваѣмым рѣшено помочь намъ въ борьбѣ съ большевиками, то эту помощь надо дать теперь же, чтобы поддержать духъ казаковъ и сохранить Донецкую область...»¹⁾.

Быль одинъ моментъ (21 ноября), когда французская миссія сообщила намъ о подходѣ двухъ дивизій къ Новороссійску, и штабъ мой отдавалъ уже спѣшное распоряженіе о подготовкѣ поѣздныхъ составовъ для перевозки головной французской дивизіи на Дону... Твердой увѣренности, однако, въ ея прибытіи у меня не было. Поэтому, объ ожидаемомъ событіи штабъ никакихъ объявленій не дѣлалъ, а черепшка о перевозкѣ велась въ «весьма секретномъ» порядкѣ. Дѣйствительно, десантъ въ Новороссійскѣ не понизился, а взамѣтъ того, векорѣмъ начали высаживаться небольшія части союзниковъ въ Одессѣ, Севастополѣ и Батумѣ.

На мои телеграммы генералу Франше д'Эспре отвѣтовъ не поступало.

Англичане были положительнѣе и откровеннѣе: на мою телеграфную просьбу въ Батумъ ген. Уоккеру о необходимости оказать «немедленную моральную помощь Дону, которая могла бы выразиться въ присылкѣ на Донской фронтъ (хотя бы) двухъ-трехъ англійскихъ батальоновъ»²⁾, ген. Милльзъ выразилъ «крайнее сожалѣніе, что указанія, полученныя (имѣ) отъ Великобританскаго правительства, не даютъ (ему) права выслать (миѣ) войска...»³⁾.

А совѣтскія прокламаціи, разбрасываемыя во множествѣ по Донскому фронту, злорадно утверждали, что никакой союзной помощи и не будетъ...

Французская военная миссія, между тѣмъ, продолжала поддерживать иллюзіи. Къ несчастью, во главѣ ея стоялъ нѣкто, капитанъ ген. штаба Фуке — человекъ мало соответствовавшій трудной роли представителя Франціи. И началъ-то онъ свою карьеру на Югѣ какъ-то страшно — представителемъ миѣ на подписи дивизиона своимъ заслугамъ, для ходатайства передъ Франше д'Эспре о производствѣ его въ слѣдующій чинъ. Окончить же — совѣмъ печально.

30 января я получилъ письмо ген. Краснова⁴⁾, весьма меня поразившее. 27 числа къ нему явился капитанъ Фуке, заявивъ, что онъ дѣйствуетъ по порученію ген. Франше д'Эспре. Фуке сообщалъ, что немедленно же будетъ послана французская дивизія изъ Севастополя на помощь Дону въ районъ Луганска, если атаманъ подпишетъ два «соглашенія». Первое изъ нихъ, заключающееся отъ имени французскаго правительства, гласило:

1. Событія, происшедшія въ районѣ Донецкаго бассейна, позволили совѣтскимъ войскамъ его занять и совершенно дезорганизовать и разрушить промышленную жизнь. Эти событія были вызваны недостаткомъ средствъ защиты и охраны, такъ какъ Донецкія войска, которая была бы необходима, охваченныя большевѣйской прокламаціей, взмѣнили, или не выполнили всего того, что при иныхъ обстоятельствахъ они могли бы сдѣлать. Донецкое Правительство признавалъ, что, не будучи въ состояніи обезпечить охрану и защиту заводовъ, рудниковъ и другихъ промышленныхъ учрежденій, считаетъ обязательнымъ справедливое удовлетвореніе какъ за погибшія человѣчскія жизни, такъ и — для полного возмѣщенія причиненныхъ убытковъ — восстановление, вознагражденіе за бездѣйствующія предприятия и т. д.

Атаманъ Красновъ и Донецкія власти, выше перечисленныя, настоящимъ принимаютъ на себя, какъ выборные и признанные представители настоящаго Донецкаго Правительства, а также какъ представители одной изъ будущихъ частей Великой Россіи, — обязательство удовлетворить людъ и общества французскихъ и союзныхъ подданныхъ Донецкаго бассейна, какъ на территоріи въ предѣлахъ Донецкаго войска, такъ и сосѣднихъ районовъ, куда могли распространиться волненія, вследствие матеріаль-

¹⁾ Изъ телеграммы моея генералу Франше д'Эспре.

²⁾ Телегр. 13 января 19 года, № 0735.

³⁾ Телеграмма отъ 24 января 19 года.

⁴⁾ Отъ 29 января, № 0109.

ных затруднений Дона. Право взыскания убытковъ Украинскихъ и другихъ властей предоставляется Войску Донскому.

5. Возмѣщеніе убытковъ также, какъ и 5% доходовъ (шротерей) со дня прекращения работы вслѣдствіе событий, будутъ уплачены потерѣвшимъ въ 10 ерковъ, считая со дня рѣшенія комисіи. Способъ и правила уплаты будутъ совершенно тѣ же, какъ принятые для оплаты купоновъ русской 5% ренты 1906 года.

Другое соглашеніе, заключаемое отъ имени французскаго главнокомандующаго, ген. Франше д'Эспре состояло въ слѣдующемъ:

1. Соглашеніе, подписанное 26 декабря между генераломъ Деникинымъ, главнокомандующимъ арміями Юга Россіи и генераломъ Красновымъ, Донскимъ Атаманомъ и Вевелікой Донской Арміей, съ сегоднешняго дня будетъ имѣть полное приращеніе.
2. Генераль Красновъ, Донской Атаманъ, заявляетъ о признаніи полной власти ген. Деникина, а какъ высшаго командованія и власти по вопросамъ военнымъ, политическимъ и общаго порядка, обусловленнымъ обстоятельствами — генерала Франше д'Эспре, командующаго Арміями союзниковъ, всѣ инструкции котораго будутъ исполнены немедленно по передачѣ ихъ французской комисіи.

«Вы знаете, В. Б.-ство — писалъ мнѣ ген. Красновъ — въ какомъ критическомъ, почти безвыходномъ положеніи находится Донское войско. Но при всемъ этомъ я не считаю возможнымъ взять на себя подписать такіе документы. Я прошу Васшихъ, какъ главнокомандующаго, указаній. Можете Вы помочь Донскому войску — сейчасъ послать двѣ или три дивизіи въ районъ Заѣрво, Морозовская, Паричинъ для выпрямленія фронта».

Я отвѣтилъ въ тотъ же день телеграммой¹⁾:

Письмо Ваше 109 получилъ. Вполнѣ раздѣляю Ваше негодованіе по поводу предложенія капитана Фуке и одобряю Вашъ отказъ подписать соглашеніе. Со своей стороны заявляю слѣдующее: 1) Какія бы ни были между нами несогласія и различіе во взглядахъ, я никогда не позволялъ себѣ какого-либо дѣйствія, направленаго во вредъ интересамъ Донскаго казачества и которое могло бы затруднить героическую борьбу казаковъ противъ нашего общаго врага. Еще до нашего соглашенія объ единомъ командованіи, я настойчиво требовалъ отъ союзниковъ помощи живой силой и всегда совершенно опредѣленно указывалъ, что такъова должна быть дана прежде всего Дону, выдерживающему главный напоръ большевиковъ. 2) Поэтому, предложеніе капитана Фуке оказывать Вамъ помощь только при условіи подписанія особаго соглашенія слѣдуетъ не только безъ моего вѣдома, но я считаю верхомъ цинизма подобное ультимативное требованіе въ ту тяжелую минуту, которую переживаетъ доблестное Донское казачество. Считаю также верхомъ безтактности предьявленіе капитаномъ Фуке подобнаго требованія Вамъ безъ предварительнаго испрошенія на то моего согласія. 3) При всѣхъ требованіяхъ помощи союзными войсками я всегда совершенно опредѣленно и настойчиво подчеркивалъ, что такъова ни подъ какимъ видомъ не должна носить характера оккупанціи, что никакое устраненіе или даже ограниченіе власти военной и гражданской не будетъ допущено. Между тѣмъ предложеніе Вамъ соглашеніе предусматриваетъ подчиненіе ген. Франше д'Эспре по вопросамъ военнымъ, политическимъ и общаго порядка. На подобное подчиненіе я самъ никогда не пойду и не допущу, чтобы такъова было бы признано какою-либо изъ подчиненныхъ общему командованію частей. 4) Равнымъ образомъ никогда не допущу никакого вмѣшательства въ наши внутренніи дѣла и считаю, что вопросы общаго порядка, равно какъ и политическаго, должны рѣшаться только нами русскими по нашему усмотрѣнію, какъ мы ихъ понимаемъ, и никакіи чужеземныя власти не смѣютъ даже претендовать на какое-либо руководство въ этомъ направленіи. 5) На Вашъ вопросъ отвѣчаю: Донской атаманинъ не можетъ подписывать подобнаго соглашенія, и Добровольческая Армія всецѣло стаетъ на защиту достоинства и чести Донскихъ казаковъ, если бы то потребовалось, какъ послѣдствіе отказа дать подписать подъ такими лозунгами для русскаго имени документами. 6) Мною принимаются всѣ мѣры переброски частей Кавказской Добровольческой Арміи на помощь Донскимъ Арміямъ и послѣдствія въ скоромъ времени будутъ оказана всяческая поддержка, которая, не

¹⁾ 30 января, №

сомнѣваюсь, скоро поможетъ остановить продвиженіе красныхъ и съ Божьей помощью и върой въ паше правое дѣло позволить обратитъ временный успѣхъ противника въ полное его пораженіе».

Вмѣстѣ съ тѣмъ я сообщилъ ген. Франше д'Эспре¹⁾ о дѣйствіяхъ капитана Фуке, выразилъ свою увѣренность, что «эти не соответствующіе достоинству русскаго имени документы... не были присланы французскимъ командоваіемъ, а явились результатомъ неправильнаго пониманія капитаномъ Фуке всей отвѣтственности сдѣланнаго имъ по личной инициативѣ выступленія»...

Фуке былъ отозванъ, но на вопросъ мой отвѣта не послѣдовало.

Донская армія откатывалась, и депутаты сѣверныхъ округовъ, собиравшіеся на Кругъ, который долженъ былъ открыться 1 февраля, привосили тяжелыя вѣсти о томъ полномъ развалѣ, который охватилъ сѣверный фронтъ. Росли растерянность, уныніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, недовольство властью и особенно командоваіемъ.

Генералъ Красновъ въ рядѣ писемъ сообщалъ объ отчаянномъ положеніи Дона и просилъ помощи.

Еще до открытія Круга, по постановленію частнаго засѣданія его прибыла ко мнѣ въ Екатеринодаръ депутація членовъ Круга во главѣ съ геп. Поповымъ узнать, правда ли, что благодаря нежеланію Донскаго атамана подчиниться фактически единому командоваію, Дону не будетъ оказана помощь. Я отвѣтилъ:

— Это вздоръ. Наши личныя отношенія ни въ малѣйшей степени не могутъ повліять на отношенія къ Дону. Снабженіе, которое мнѣ дадутъ союзники, будетъ посылаться и Дону; все иноземныя силы, которыя пришлютъ мнѣ, будутъ отправлены исключительно на Донъ. Все, что можно будетъ пвлечь съ Кавказскаго театра, я перебрасываю на помощь Дону

Не закончить операціи на сѣверномъ Кавказѣ — значило бы свести на нѣтъ все огромныя наши усилія, допустить вновь занять многострадальную Кубань красной гвардіей, лишитъ себя и Донъ открытаго во внѣшній міръ окна (Черное море, Поворосіеіекъ) и поставитъ самую Донскую область подъ угрозу окруженія.

Только къ январю 1919 г. обозначился рѣшительный переломъ операціи въ нашу пользу. И въ январѣ была перебросена на усиленіе Май Маевскаго еще одна Добровольческая дивизія (1-я), жестоко пострадавшая въ бояхъ подъ Ставрополемъ и не имѣвшая отдыха. 23 января мы взяли Грозный, 29 — Владикавказъ, а уже 2 февраля ген. Поповъ телеграфировалъ Кругу, что кубанскія дивизіи для переброски на Донъ готовы, но мало подвижнаго состава, застрявшаго послѣ перевозки Добровольцевъ на Донъ, и необходимо... избрать членовъ Круга для сопроноженія поѣздовъ...

Ибо тотъ пріемъ, который практиковался Донскимъ атаманомъ для «успокоенія умовъ казаковъ» — объявленіе въ приказахъ и рѣчахъ о необходимости «занятія строительствомъ своей разоренной родины» и о выводѣ ихъ поэтому за предѣлы Дона, вызвалъ подражаніе на Кубани: кубанцы также не хотѣли удалиться «отъ родныхъ хатъ» и не понимали, почему допцы могутъ не оставлять свои предѣлы, а они должны «бросать Кубань».

Поэтому, кромѣ непосредственнаго воздѣйствія на кубанцевъ, мнѣ пришлось проситъ Донской кругъ выслать на Кавказъ своихъ делегатовъ — уговаривать кубанскихъ казаковъ, во что бы то ни стало желавшихъ побывать въ своихъ станицахъ, ѣхать на помощь старшему брату.

Въ связи съ предстоящимъ открытіемъ Донскаго круга, часть екатеринодарской прессы вновь ополчилась въ чрезвычайно рѣзкомъ тонѣ противъ ген. Краснова. Я приказалъ закрыть газету «Истина», и въ официальномъ сообщеніи шта-

¹⁾ Телеграмма 3 февраля, № 188.

ба¹⁾ это распоряжение мотивировано было недопустимостью «подрывать доверие кь атаману, подь руководством котораго доблестная Донецкая армія прилагаєтъ величайшія усилія кь спасенію своей области». Надо было окончательно разсѣять недоразумѣнія, поддерживать донцовъ морально и завѣрить ихъ въ помощи. И я рѣшилъ поѣхать на Кругъ, о чемъ увѣдомилъ атамана.

Атаманъ, чувствуя неблагоприятное для себя настроєніе сѣзжавшихся членовъ Круга, 20 января запрашивалъ меня, не считаю ли я «современнымъ», чтобы въ февральскую сессію онъ просилъ Кругъ освободить его отъ должности атамана. И отвѣтить, что вмѣшиваться въ его отношенія съ Кругомъ не буду.

Генералъ Красновъ считалъ, что я въ союзѣ съ ген. Богасевскимъ и Харламовымъ готовлю его сверженіе и не вѣрилъ въ искренность моего «незмѣнательства»²⁾. Письма этихъ лицъ ко мнѣ, относящіяся къ концу января, должны значительно ослабить возводимое обвиненіе... «Страшная усталость — писалъ мнѣ Богасевскій³⁾ — паденіе духа, измѣна — все соединилось противъ насъ... Надежды на союзниковъ нѣтъ... Вѣрьте тому, что пишетъ Вамъ атаманъ. И я завидую его положенію: онъ готовъ пасть духомъ подь ударами судьбы... Блестящіе успѣхи Добровольческой Арміи даютъ всѣмъ надежду на быструю помощь. Нашъ пріѣздъ всѣхъ радуетъ». То же писалъ и Харламовъ⁴⁾: «Съ чувствомъ большой радости я услышалъ о Вашемъ желаніи посѣтить Донъ и быть на Войсковомъ кругѣ... Узналъ объ этомъ отъ атамана Краснова... Проникавшія на фронтъ свѣдѣнія о треніяхъ по вопросу объ единомъ командованіи веселили въ казачьихъ тревогахъ, что Вы изъ за этихъ треній не даете помощи и что наше командованіе не сдѣлало всего, чтобы устранить эти тренія. Сейчасъ Вашъ пріѣздъ психологически необходимъ».

Къ февралю мѣсяцу на сѣверѣ Донецкой фронтъ представлялъ изъ себя неопредѣленную прерывчатую линію, шедшую отъ Луганска черезъ Миллерово въ общемъ направленіи на Царицынъ. Еще въ серединѣ января насчитывавшая до 40 тыс. Донецкая армія таяла съ каждымъ днемъ. У Луганска отбывалъ успѣшно наступленіе противника ген. Коноваловъ съ 1½ дивизіями «молодой Донецкой арміи»... У Миллерова медленно отходилъ вдоль ж. д. на югъ восемь, десяти тысячный отрядъ ген. Фицхеллаура... Далѣе на разстояніи 100—150 в. фронта не было, и только гдѣ-то, у п. Петровскаго, храбрый ген. Гусельшиковъ, затерянный съ тысячнымъ отрядомъ среди мятущихся или переходившихъ на сторону врага станицъ, атаковалъ еще и билъ большевиковъ, бралъ пѣвннхъ и оружіе... За Циромъ посѣбно отходили на юго-западъ растаявшіе отряды Саватѣва, Су-тулова, Старикова и къ февралю приблизились на полъ перехода къ ж. д. линіи Лихая-Царицынъ, поставивъ тѣмъ подь угрозу коммуникаціонную линію ген. Мамонтова, который все еще дрался подь самымъ Царицынымъ.

Въ такое тревожное время собрался 1 февраля Войсковой кругъ.

Донецкой атаманъ въ длинной волнующей рѣчи нарисовалъ перспекію 10 мѣсячной борьбы Дона, ого героическихъ подвиговъ и паденія. Очертялъ безъ утайки тяжело, но не безвыходное положеніе фронта, и призывалъ Дюплонъ бросить колебанія и робость и воспрянуть духомъ. Помощь близка. «Мы живемъ въ свѣзѣхъ великой... Царевна съ нами, господа. Русская красавица. Это Добровольческая Армія. Покоячивъ покореніе Кавказа, освободивши Терское войско, помогши кубанцамъ, она пришла къ нашему духомъ Донецкому богатырю и вспырнула его живой водой... А лѣтъ, уступомъ медленно и грозно поднимается французская армія ген. Бортело. Она заняла Раздѣльную и идетъ далѣе на сѣверъ отъ Одес-

¹⁾ 29 января.

²⁾ «Все великое войско Донецкое», «Архивъ Рус. Респ.», т. V.

³⁾ Отъ 26 января 19 года.

⁴⁾ Отъ 26 января 19 года.

сы... Великая борьба за Россию вступила в новый и последний период. Единное командование осуществлено. И вашими болями, вашими неудачами болеть вся Россия и сибирити вам на помощь»...

Круг отнесся отзывчиво к речи атамана, но в тот же день в вечернем заседании встретили враждебно доклад командующего армией, ген. Денисова. В заседании 2 февраля все округа выразили единодушно недовольство ему и начальнику штаба армии ген. Полякову. Три округа¹⁾ представляли рѣшение вопроса об их замири главкомандующему В. с. Ю. Россин. Атаманъ Красновъ заявилъ²⁾: «недоволье, выраженное ген-амъ Денисову и Полякову, принимаю на себя, какъ верховный вождь Донской Арміи. Да, я знаю — горе побѣжденнымъ! Мы побѣждены болѣвнцъ, которая разъяла нашу армію... Вы теперь отрубаете у меня сразу и правую, и лѣвую руку. И прошу... выбрать мнѣ замѣстителя. Послѣ баллотировки отставка атамана была принята и по донской конституціи временная власть перешла къ предѣдателю правительства, ген. Богаевскому.

Если въ востугъ Круга въ отношеніи ген. Краснова можно было видѣть прежде всего осужденіе отъ общей политикѣ, то враждебность, проявленная всѣмъ Кругомъ чрезвычайно остро и ярко къ Денисову, была основана въ значительной мѣрѣ на личныхъ его качествахъ: этотъ человекъ обладалъ исключительной злобностью и самоувѣннѣемъ, вооружавшимъ противъ него людей. Даже нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ жестокихъ уроковъ, заставляющихъ, казалось бы, осторожнѣе относиться къ прошлому, онъ остался неизмѣннымъ и въ такихъ словахъ свидѣтельствуетъ передъ лицомъ исторіи о самомъ себѣ въ третьемъ лицѣ: «подъ его командованіемъ Донская армія не видала поражений, а военное управленіе не вѣдала разрухи...» И противопоставляетъ «правленію донской власти, воцарившейся со 2-го февраля 1919 г.» — «выдающийся по мудрости, красотѣ и дѣятельности періодъ ихъ предшественниковъ»³⁾

Рано утромъ 3 февраля мой ногадь подходилъ къ Кудевкѣ. Здѣсь на границѣ Донской области встрѣтили меня бывшій атаманъ, ген. Красновъ, предудивившій лидеровъ донской оппозиціи, также желавшихъ побесѣдовать со мной до выстушенія моего на Кругѣ... Въ третій разъ за время борьбы на Югѣ я встрѣчался съ человекомъ, съ которымъ судьба такъ рѣзко столкнула меня на широкой, казалось, русской дорогѣ. Нерадо мной былъ уже не гордый своимъ и Донского казачества задругами атаманъ, а человекъ, жестоко придавленный судьбой за свои и чужія вину. Человекъ несомнѣнно одаренный, но не владѣвшій своимъ словомъ и чувствами, создавшій себѣ повеюду противниковъ и враговъ и перасчетливо расточавшій свои силы на борьбу съ ними. И никакая горечи противъ него въ душѣ моей тогда не было. Я выразилъ Краснову сожалѣніе объ его уходѣ. Онъ отвѣтилъ: «Кругъ подчинится всякому вашему слову»

Послѣ привѣтствій по моему адресу Круга, я сказалъ:

Господа члены Войскового круга, я такъ взволнованъ вашимъ приемомъ, такъ охваченъ вашей лаской, что врядъ ли сумѣю сказать все, что хотѣлъ сказать, и такъ сказать, какъ хотѣлъ...

Съ чувствомъ душевнаго волненія, послѣ года отсутствія, я вновь прѣхалъ въ Новочеркасскъ. Въ тотъ городъ, гдѣ съ огромнымъ трудомъ, окруженный стѣною стѣной злобы, предательства и непониманія, три великихъ русскія патриота — Калединъ, Корниловъ и Алексѣевъ начали строить заново русскую государственность.

Я прѣхалъ исполнять свой долгъ: поклониться праху мертвыхъ и привѣтствовать живыхъ, чьими трудами и подвигами держится Донская земля. Я прѣхалъ привѣтствовать Войсковой кругъ, олицетворяющій разумъ, совѣсть и волю Всевеликаго войска Донского.

Перенесъ вѣстѣ съ Добровольческой Арміей черезъ ея хрестіанъ путь неукашную и непоколебленную вѣру въ великое будущее единой и недѣлимой Россіи, я не отделию отъ блага и пользы Россіи интересы Дона. Я знаю, что

¹⁾ Черкасскія, Таганрогскія и Ростовскія.

²⁾ Изъ отчета о засѣданіи.

³⁾ Ген. Денисовъ. «Записки».

силы, предвѣта Донского войсѣ служить залогомъ спасенія Россіи.

Вотъ почему годъ тому назадъ, защищая подступы къ Таганрогу и Ростову, я болѣлъ душой, видя полное ваше одиночество. Въ февралѣ я съ тяжелымъ чувствомъ покидалъ Донскую землю; въ апрѣлѣ я съ великою радостью узналъ, что Донъ очутился отъ наводненія и всталъ на защиту поруганной свободы своей. Лѣтомъ соединенными силами Добровольцевъ, кубанцевъ и донцовъ боролся въ Западнѣ. И въ героической борьбѣ Дона, вмѣстѣ съ Добровольческой и Кубанской арміями, радовался вашимъ успѣхамъ и скорбѣлъ при вашихъ неудачахъ.

То, что сдѣлано Дономъ въ безпримѣрной борьбѣ его съ разрушителями Родины, никогда ею не будетъ забыто.

Теперь оиѣтъ страхася бѣда надъ Дономъ. Неужели же вся огромная солидательная работа цѣлаго года должна пропасть даромъ? Нѣтъ. Донское свободное войско яе можетъ пойти въ кабаду къ грязному, безумному, проклятому большевику. А тѣ, кто предалъ Донъ, забывъ честь и совѣсть, пусть знаютъ, что «отдыхать» имъ не придется. Если «новоявленные дружи» красноармейцы не помянутъ ихъ на востокъ проливать братскую кровь сибирскихъ, оренбургскихъ и уральскихъ казаковъ, то здѣсь они встрѣтятся въ смертномъ безполадномъ бою съ нами.

Въ помощь Дону я развѣрнула уже самый крѣпкій корпусъ Добровольцевъ и посылаю все, что можно оттянуть съ Кавказскаго фронта и что могутъ перевезти расстросенныя нѣсколько желѣзныя дороги.

Доблестные кубанскіе казаки, которымъ несчастливосе освободить уже всю землю и которые, самоотверженно сражаясь въ Терекѣ-Дагестанскомъ краѣ, докончили его освобожденіе, посылать на помощь Дону — я въ этомъ глубоко увѣренъ. Идутъ и Терцы. Союзники пока яе пришли къ намъ. Трудно сказать, какія техническія и политическія условія тормозятъ прибытіе союзныхъ войскъ, но, очевидно, имѣются на это свои причины. Во всякомъ случаѣ, живая сила, которую посылать ояи мнѣ въ помощь, будетъ направлена на Донской фронтъ.

Въ конечной побѣдѣ не сомнѣваюсь, ибо дѣло наше правое.

Я знаю, что Донъ можетъ колебаться, что отъ перенесенныхъ лишей, незлоды, тяжелыхъ потерь у малодушныхъ унало сердце. Положеніе грозное — нѣтъ сомнѣній. И не потому, что врагъ силенъ, а отъ усталости, унынія и, можетъ быть, предательства нѣкоторыхъ ставищъ и Довескихъ частей. Но вѣдь было еще хуже. Вѣдь годъ тому назадъ весь Донъ заполненъ бытъ большевиками, которые нагло издѣвались надъ всѣмъ укладомъ казачьей жизни, надъ нашими вольностями, которые завладѣли казачьимъ добромъ, убили лучшихъ людей вашихъ.

Однако, Донъ всталъ. Всталъ во весь ростъ. Также будетъ и теперь.

Не могутъ же донцы допустить, чтобы наглее пришельцы-красноармейцы съѣли на ихъ землю, лишили ихъ свободы, отобрали ихъ до нитки и посылали въ братоубійственный бой противъ своихъ же казаковъ, какъ это дѣлаютъ уже въ сѣверныхъ округахъ.

Я вѣрю въ здоровый разумъ, русское сердце и любовь къ Родинѣ донского казака.

Вѣрю, что ваша внутренняя расира, въ которой я не могу и не хочу быть судьей, не отразится въ борьбѣ съ врагами Дона и Россіи, на общей дружной работѣ.

И Донъ будетъ спасенъ.

Но на этомъ путь нашъ не кончится. Путь тяжкій, но славный. Настанетъ день, когда, устроивъ родной край, обезпечивъ его въ полной мѣрѣ вооруженной силой и всѣмъ необходимымъ, казаки и горды вмѣстѣ съ Добровольцами пойдутъ на сѣверъ — спасать Россію отъ распада и гибели. Ибо не можетъ быть ни счастья, ни мира, ни сколько-нибудь человеческого существованія на Дону и на Кавказѣ, если рядомъ съ ними будутъ гнобить прочія русскія земли. Пойдемъ мы туда яе для того, чтобы вернуться къ старымъ порядкамъ, яе для защиты основныиъ и классовыхъ интересовъ, а чтобы создать новую, свѣтлую жизнь всѣмъ: и правымъ, и лѣвымъ, и казаку, и крестьянину, и рабочему...

Много терній на этомъ пути. Но при добромъ желаніи, при общемъ и искреннемъ стремленіи всѣхъ новыхъ образованій къ государственному объединенію оиѣтъ привести насъ къ желанной цѣли — къ счастью Родины.

И я отъ души желаю сплъ, мужества и удачи Кругу, Атаману и Правительству въ ихъ непоколебимую, но благодарную работѣ. Въ тѣсномъ единеніи съ Добровольческой Арміей, съ кубанцами, терцами и горцами Сѣвернаго Кавказа, опираясь на всѣ государственно мыслящие круги, донская власть примп-

рить интересы разнородного населения, вынести начала справедливости и звучения мира, дать победу надъ врагомъ и счастье родной области. Въ этомъ — залогъ нашего общаго благополучія, въ этомъ — важный этапъ въ строительство Великодержавной Россіи, которой мы безъ сомнѣній, безъ колебаній, отдадимъ всё свои желанія, всё помыслы, и даже жизнь.

Рѣчь отвѣчала тому, чего хотѣлъ Кругъ, и по свидѣтельству официального отчета ¹⁾ «вплла бодрость въ удрученныя сомнѣніями души членовъ Круга, дала имъ увѣренность, что Донъ не будетъ одинокъ въ борьбѣ»...

Но того слова, котораго хотѣлъ услышать ген. Красновъ, я по совѣсти сказать могъ.

«Въ вашей внутренней распрѣ я не могу и не хочу быть судьей»...

Вотъ все, что я считалъ себя вправе сказать атаману и Кругу наканунѣ атаманскихъ выборовъ, рѣшившихъ судьбу ген. Краснова... «Невмѣшательство» мое пошло нѣсколько далѣе: я не считалъ возможнымъ въ эти тяжелые для Дона дни предъявлять Кругу требованія, которыя обезпечивали бы реальное содержаніе «договору» въ Торговой и реальную власть главнокомандующему — требованія, которыя были бы вынуждены несомнѣнно.

Кавказская добровольческая армія, овѣянная столькими побѣдами, была уже свободна, и эшелонъ за эшелономъ текли на сѣверъ безъ всякихъ кондцій, просто — для спасенія Дона и обще-русскаго противобольшевническаго фронта.

Ввиду ухода Денисова и Полякова, Донское правительство въ выборѣ командующаго остановилось на ген. Абрамовѣ и въ качествѣ начальника штаба арміи — на ген. Райскомъ. Я согласился на эти назначенія, ухажалъ за фронтомъ, а черезъ три дня телеграфъ принеся извѣстіе объ избраніи атаманомъ ген. А. П. Богаевского и одновременно — ходатайство новаго атамана о назначеніи командующимъ арміей ген. Сидорина и начальникомъ штаба — ген. Кельчевскаго. Перваго — очевидно по соображеніямъ политическимъ ²⁾, второго по военнымъ. Такъ какъ военныя познанія и опытъ Кельчевскаго компетенсировали отсутствіе команднаго стажа у Сидорина, я согласился и на эти назначенія.

Обращеніе ко мнѣ по этому вопросу новаго атамана было большимъ шагомъ впередъ, ибо «договоръ» въ Торговой не предусматривалъ даже такого «вмѣшательства» моего въ управленіе автономной Донской арміи.

Новая Донская власть вступала въ исполненіе своихъ обязанностей въ моментъ исключительно тяжелый. Кромѣ восстановленія разложившагося фронта, ей предстояла задача умиротворенія сильно замутнившейся внутренней жизни Дона.

ГЛАВА X.

Добровольческая Армія и флотъ. Силы, организація и снабженіе

Добровольческая армія къ началу 1919 года имѣла въ своемъ составѣ: 5 дивизій пѣхоты ³⁾, 4 пластуновыхъ бригады, 6 конныхъ дивизій, 2 отд. кон. бригады, армейскую группу артиллеріи, запасная, техническія части и гарнизоны городовъ. Численность арміи простиралась до 40 тыс. штыковъ и сабель, при 193 оруд., 621 пулем., 8 брон. автомоб., 7 бронешоѣзд. и 29 самолетахъ.

¹⁾ «Краткое сообщеніе о засѣданіяхъ 1—5 февраля 1919 года».

²⁾ Видный членъ оппозиціи.

³⁾ Изъ нихъ двѣ въ періодъ формированія.

Нач. шт. Донской армии
ген. Кебуческий.

Командующий Донской армией
ген. Сидорин

Кап. Фука, Полк. Шапронъ,
Ген. Деникинъ, Ген. Лукомскій, Ген. Драгомировъ, Ген. Романовскій.

Въ кабинетѣ начальника штаба вооруж. силъ Юга Россіи.
Ген.-кварти. Начальникъ штаба Штабъ-оф. для поруч.
Плющевскій-Плющикъ. ген. Романовскій. полковн. Колтышевъ.

Главная масса войск сведена была в пять корпусов: I, II и III армейские, Крымско-азовский и I конный¹⁾ (генералы Казановичъ, Май-Маевскій, Лиховъ, Боровскій и баронъ Врангель), поздне въ февралѣ были сформированы и II куб. корпусъ ген. Улага. Въ составъ I-го и II корпусовъ въ февралѣ вошли переданные донскимъ атаманомъ части бывшихъ Астраханской и Южной армій, на которыя возлагалось столько надеждъ ибъщфильскими кругами и которыя были тогда уже, къ сожалѣнію, въ стадіи полнаго развала.

Въ началѣ декабря 1918 года Добровольческая дѣйствующая армія располагалась въ четырехъ главныхъ группахъ²⁾:

1. Кавказская группа (I, III, I кон. поздне II коп. корпуса, съ приданными частями), силами въ 25 000 и 75 орудій, располагалась между Манычемъ и Кавказскими предгорьями у Минеральныхъ водъ. Она имѣла общей задачей — окончательное освобождение Сѣвернаго Кавказа до Кавказскаго хребта, овладѣніе зап. берегомъ Каспійскаго моря и низовьевъ Волги, что давало возможность войти въ связь съ англичанами у Эвезели и съ уральцами у Гурьева и отрѣзать совѣтскую Россію отъ бакинской и грозненской нефти.
2. Донецкій отрядъ (ген. Май-Маевскаго), силою въ 2½—3½ тыс. и 13 оруд., въ районѣ Юзовки прикрывалъ Донецкій каменноугольный районъ и Ростовское направление.
3. Крымскій отрядъ ген. Барона Боде (потомъ Боровскаго), первоначально только 1½—2 тыс. и 5—10 оруд., прикрывалъ Перекопъ и Крымъ, базы и стоянки Черноморскаго флота; онъ долженъ былъ служить кадромъ для формированія на мѣстѣ — Крымскаго корпуса.
4. Туапсинскій отрядъ ген. Черепова (2-я дивиз. съ приданными частями), силою въ 3000 и 4 оруд., имѣлъ задачей прикрывать нашу главную базу — Новороссійскъ со стороны Грузіи.

Такимъ образомъ, всѣхъ дѣйствующихъ силъ мы имѣли 32—34 тыс.

около 100 орудій, изъ которыхъ на главномъ театрѣ сосредоточено было 76%.

Противъ насъ противникъ располагалъ слѣдующими силами:

1. На Сѣверо-Кавказскомъ театрѣ — XI и XII (формирующаяся) совѣтскія арміи, насчитывавшія до 72 тыс. и около 100 оруд. На Ростовскомъ и Крымскомъ направленіяхъ въ теченіе декабря дѣйствовали объединенныя шайки «бзтъян» Махио силою въ 5—6 тыс. и въ низовьяхъ Днѣпра 2—3 тыс. передвигавшаяся на сторону совѣтовъ петлюровскаго атамана Григорьева. Кроме того, вся сѣверная Таврія была наводнена неорганизованными, «аполитичными» шайками, занимавшими грабежомъ и разбоями. Только съ конца декабря, послѣ овладѣнія Харьковомъ, большевики направили черезъ Лозовую на юго-востокъ, противъ Май-Маевскаго, и на югъ, въ направленіи Александровска, первыя регулярныя дивизіи изъ группы Кожевникова.
3. На Сочинскомъ направленіи стояло, шлолошпруясь отъ Лазаревки до Сухума, три, четыре тысячи грузинскихъ войскъ, подъ начальствомъ ген. Ковіса.

Всего, слѣдовательно, на фронтахъ Добровольческой Арміи въ соприкосновеніи съ нами совѣтскихъ войскъ было около 80 тыс. и грузинъ 3—4 тыс.

Когда 26 декабря 1918 г. состоялось объединеніе Добровольческой и Донской армій, и театръ войны расширился новыми обширными территориями, явилась необходимость выдѣленія Добровольческой Арміи и созданія при нѣѣ объединяющаго штабнаго органа. Я принялъ званіе «главнокомандующаго вооруженными силами на Югѣ Россіи», прежній армейскій штабъ сталъ штабомъ главнокоман-

¹⁾ Въ февралѣ переименованъ въ «I Кубанскій».

²⁾ Кроме гарнизоновъ городовъ, запасныхъ, учебныхъ и формирующихся частей, составлявшихъ въ общемъ еще 13—14 тыс.

душаго, а для Добровольческой армии приступлено было к формированию нового штаба.

Предстоял весьма важный вопрос о назначении командующего Добровольческой армии.

Я считал наиболее достойным кандидатом на этот пост — по широте военного кругозора и по личной доблести — участника Добровольческого движения с первых же шагов его, генерала Романовского. Однажды, после очередного доклада я предложил ему на выбор — армию или штаб главнокомандующего. Не скрывать, что его уход будет тяжел для меня: нет подходящего заместителя, придется назначить случайного человека, и я останусь в своей большой работе и в своих переживаниях одиноким. С другой стороны (перед глазами у нас был пример незабвенного Маркова), я не сомневался, что и Романовский, став в строй, выйдет из душливой атмосферы политики, быстро приобретет признание войск, развернет свои боевые способности и покроет славою себя и армию.

Ивань Павлович думал день и на другое утро сказал, что останется со мной... Принес в жертву нашей дружбе свое будущее.

Непроницаемым покровом завешаны от глаз наших пути Господни. Кто знает, как сложилась бы тогда судьба армии Романовского... Выслала ли бы его на гребень волны или похоронила в пучинах... Мы знаем только одно: это решение стоило ему впоследствии жизни.

Обсудив вместе с начальником штаба вопрос о командующем, остановились на ген. бароне Врангеле. Он был моложе других корпусных командиров и только недавно вступил в ряды Добровольческой Армии — это должно было вызвать обиду. Но в последних славных боях на Уруп, Кубани, под Ставрополем он проявил большую энергию, порыв и искусство полководца. Назначение барона Врангеля состоялось¹⁾. Один из достойных корпусных командиров, первоходник, ген. Казанович благодаря этому ушел в отставку²⁾, другие поворчали, но подчинились. Начальником штаба армии стал ген. Юзефович.

В виду последующего развертывания Крымско-азовского корпуса в армию, войска, подчиненная ген. Врангелю, получили наименование Кавказской Добровольческой Армии. С 27 дек. по 10 января, чтобы дать закончить ген. Врангелю операцию 1 кон. корпуса на путях от Петровскаго до линии Св. Крест — Минеральные воды, армией временно командовал ген. Романовский.

1 января 1919 г. и отдал приказ³⁾:

«Четырнадцать месяцев тяжелой борьбы. Четырнадцать месяцев высокого подвига Добровольческой Армии. Начать борьбу одиноко — тогда, когда рушилась государственность в все кругом беззильное, безвольное спиралью и опустило руки, горсть смельчак людей бросила вызов разрушителям родной земли.

С тех пор льется кровь, гибнут вожди и рядовые Добровольцы, усеивая своими могилами поля Ставрополя, Дона и Кубани.

Но сквозь ужасы войны, сквозь злобу и недоброе ничему не научившихся тайных врагов своих, Армия пронесла чистой и незапятнанной идеей Единой Великодержавной России.

Подвиги Армии безмерны.

И я, дельвший с нею долги, тяжкие дни и горе, и радость, горжусь тем, что стою во главе ее.

Я не имею возможности теперь непосредственно руководить Добровольческой Армией, но до конца дней моих она останется родной и близкой моему сердцу.

Сердечно благодарю всех моих дорогих соратников, чьими безпримерными подвигами живет и крепнет надежда на спасение России

¹⁾ На его место командиром 1 конного корпуса был назначен ген. Покровский.

²⁾ Заместил Черноморским военным губернатором ген. Кутеповым.

³⁾ № 7.

Названии «добровольческих» — армии сохраняли уже только по традиции. Ибо к правильной мобилизации было приступлено в кубанских казачьих частях с весны, а в регулярных — со 2 августа 1918 г. Три последовательных мобилизации этого года подыняли на Северном Кавказе десять возрастных классов (призыв. возр. 1910—1920 г.), в Приазовском крае — пока два (1917, 1918 и частью 1915, 1916 г.г.), в Крыму один (1918 г.). Ввиду того, что революция повсеместно разгромила органы учета, установить точно процент уклонившихся штабам мой не мог. По приблизительным его подсчетам цифра эта для Северного Кавказа определялась в 20—30%. Мобилизованные поступали в запасные части, где подвергались краткому обучению или — в силу самоуправления войсковых частей — в большом числе непосредственно в их ряды. Число прошедших через армейский приемник в 1918 г. определялось в 33 тыс. человек¹⁾. К концу 1918 г. был использован широко другой источник пополнения — плённые красноармейцы, уже многими тысячами начавшие поступать в армию обоими этими путями.

Весь этот новый элемент, вливавшийся в Добровольческие кадры, давал им и силу, и слабость. Увеличивались ряды, но тускнел облик и расплывались монолитные ряды старого Добровольчества. Лихорадочно быстрый темп событий среди непрекращавшегося пожара общей гражданской войны, если и допускал поверхностное обучение, то исключало возможность воспитания. Масса мобилизованных во время пребывания в тылу, в мирной обстановке запасных батальонов, была совершенно пасивной и послушной. За вторую половину 1918 г. паз запасных батальонов дезертировало только 5%. Но, выйдя на фронт, они попадали в крайне сложную психологическую обстановку: сражались в рядах Добровольцев, они имели против себя односельчан, отцов и братьев, взятых также по мобилизации Красной армией; боевое счастье мнилось, их села переходили из руки в руки, мнѣя вместе с властью свое настроение. И дезертирство на фронт значительно увеличилось. Тем не менее, основная Добровольческая часть умела переплавить весь разнородный элемент в горнило своих боевых традиций и по общему отзыву начальников мобилизованные солдаты в с в о ю х г у б е р н и й в большинстве дрались доблестно.

Что касается кубанского казачества, оно несло тяготы значительно больше: выставляло десять возрастных классов в состав действующей армии и во время борьбы на территории Кубани — почти поголовно становилось в ряды в качестве гарнизонов станций и отдельных, партизанского типа, отрядов. Природные коняники — кубанцы неохотно шли в пластунские батальоны; пѣхота их была поэтому слаба и малочисленна, но конная дивизия непременно составляла массу Добровольческой конницы, оказывая неоценимые услуги армии.

В отношении старых Добровольцев мы были связаны еще формально четырёхмесячным «контрактом». Первый период для главной массы кончился в мае, второй в сентябрь, третий кончался в декабрь. Еще в августе я хотел покончить с этим пережитком первых дней Добровольчества, но начальники дали заключение, что психологически это преждевременно... Мне кажется, что и тогда уже они ошибались. 25 октября я отдал приказ²⁾ о призыве в ряды всех офицеров до 40 лет, предоставив тем паз них, кто освобождается из армии, или покинуть территорию ее в семидневный срок, или подвергнуться вновь обязательному уже призыву... А через полтора месяца состоялся приказ³⁾ об отмене четырёхмесячных сроков службы, которая стала окончательно о б щ е - о б я з а т е л ь н о й. К чести нашего Добровольческого офицера надо сказать, что приказ этот не только не встретил какого либо протеста, но даже не привлек к себе в армии внимания — так твердо сложилось убеждение в необходимости и обязательности службы.

¹⁾ № 64.

²⁾ 7 декабря, № 246.

Итак, съ конца 1918 г. институтъ добровольчества окончательно уходитъ въ область исторіи, и добровольческія арміи Юга становятся на родныя мѣ, поскольку интеллектуальное преобладаніе казацкаго и служилого офицерскаго элемента не наложило на нихъ вѣщныя классоваго отпечатка.

Съ января 1919 г. въ штабѣ учрежденъ былъ отдѣлъ, вѣдавшій формированія мш. Войска спеціальныхъ родовъ оружія организовывались обыкновенно въ тылу и уже готовыми поступали на фронтъ; также было и съ кубанскими полками, которые комплектовались территориально въ своихъ округахъ. Съ формированіемъ пѣхоты дѣло обстояло иначе: необыкновенно трудно было поставить матеріальную часть полковъ средствами нашего немощнаго армейскаго интендантства, и штабъ мирился съ формированіями на фронтѣ, гдѣ заинтересованные непосредственно въ своемъ усиленіи начальники находили возможность, съ грѣхомъ пополамъ, обути, одѣти, вооружить и спарядить новыя части. Но бои кипѣли непрерывно, фронтъ ввиду большого неравенства силъ, всегда пуждался въ подкрѣпленіяхъ, резервовъ въ тылу не было, и новыя части бросались въ бой задолго до своей готовности. Противникъ не давалъ намъ времени на организацию. У насъ не было такой предохранительной завѣсы, которую для Украины представлялъ вѣмекій кордонъ, для Сибири фронтъ Народной арміи, для Грузіи — Добровольческая Армія. Добровольческія части формировались, вооружались, учились, воспитывались, таяли и вновь пополнялись подъ огнемъ, въ непрестанныхъ бояхъ. Тѣмъ же менѣе войсковыя части, рожденныя и воспитанныя на фронтѣ при такой обстановкѣ, иногда за счетъ ослабленія кадровыхъ полковъ, являлись болѣе боеспособными, чѣмъ тыловыя формированія.

Другимъ крупнымъ зломъ въ организациі арміи было стихійное стремленіе къ формированіямъ — подъ лозунгомъ «возрожденія историческихъ частей Россійской арміи». «Ячейки» старыхъ полковъ, въ особенности въ кавалеріи, возникали, обособлялись, стремились къ отдѣленію, обращая боевую единицу — полкъ — въ мозаичный коллективъ изъ десятковъ старыхъ полковъ, ослабляя ряды, единство и силу его. Такія формированія возникали и въ тылу, существовали негласно по цѣлымъ мѣсяцамъ, добывая частныя средства или пользуясь попустительствомъ властей разныхъ ранговъ, ослабляя фронтъ и превращая иной разъ идейный лозунгъ «подъ родные штандарты» — въ прикрытие шкурничества.

Также велико было стремленіе начальниковъ къ формированію частей «особаго назначенія». Таковы, напримѣръ, «Легучій отрядъ особаго назначенія Кавказской Добровольческой арміи» (у ген. Врангеля), во главѣ съ ротмистромъ Барановымъ, имѣвшій довольно темное назначеніе — борьбы съ красной... «Волчий сотни» ген. Шкуро — его личная гвардія, постепенно терявшая боевое значеніе, обремененная добычей... «Карательныя отряды», формировавшіеся ставропольскимъ военнымъ губернаторомъ ген. Глазенапомъ, превратившіеся въ лебѣ-охрану богатыхъ мѣстныхъ овцеводовъ и т. д.

Со всѣми этими бытовыми явленіями мы боролись, но, очевидно, не достаточно сурово, такъ какъ, мѣняя вышнія формы, они продолжали существовать.

На Севастопольскомъ рейдѣ ко времени прихода союзниковъ находились остатки нашего Черноморскаго флота, уцѣлѣвшіе послѣ поворооссійской катастрофы¹⁾. Среди нихъ линейный корабль (дредноутъ) «Воля»²⁾, крейсеръ «Кагуль», болѣе десятка миноносцевъ, нѣсколько подводныхъ лодокъ, старые линейные ко-

¹⁾ Потопленіе половиннаго флота весной 1918 года.

²⁾ Бывшій «Императоръ Александръ III».

рабли и много мелких судов вспомогательного назначения. Большинство боевых судов требовало капитального ремонта.

Как я уже говорил, съ приходомъ въ Севастополь, союзники подняли на нашихъ судахъ свои флаги и заняли ихъ своими командами. Только на «Кагуль», трехъ находившихся въ ремонтѣ миноносцахъ и на старыхъ линейныхъ корабляхъ оставались еще русскіе флаги.

Необходимо было кому нибудь взять на себя охрану андреевскаго флага и безпризорнаго русскаго достоинства. Центрами притяженія были только Украинская держава и Добровольческая Армія. Первая обосновывала свое право на русское наследство «историческими границами Великой Украины», включаяшими весь сѣверный черноморскій берегъ, и обѣщалиемъ германцевъ передать Украину къ побѣру весь Черноморскій флотъ. Вторая выступала какъ обще-русскій военный центръ Юга. Основаны Украины къ тому времени были настолько одиозны въ глазахъ русской общественности и морскаго офицерства, что вопросъ о подчиненіи флота былъ предпринятъ и не потребовалъ ни малѣйшей борьбы.

Вся трудность заключалась въ выборѣ лица, которое могло бы возглавить флотъ и успѣшно повести дѣло его возрожденія. Я совершенно не имѣлъ никакихъ знакомствъ въ морскихъ кругахъ, и вынужденъ былъ руководствоваться мнѣніемъ моряковъ, находившихся въ сношеніяхъ со ставкой. Получалась картина полного безлюдія. Миръ называли только два имени: одинъ — контръ-адмиралъ князь Черкасскій, который оставался гдѣ-то въ совѣтской Россіи и котораго намъ такъ и не удалось разыскать; другой — вице-адмиралъ Саблинъ; дѣятельность послѣдняго въ качествѣ командующаго совѣтскимъ флотомъ передъ поворосіейской катастрофой требовала еще выясненія, и самъ онъ жилъ тогда за границей. Пришлось остановиться на адмиралѣ Каннинѣ, который пользовался известной популярностью въ морской средѣ и авторитетомъ въ морскихъ вопросахъ, по не отличался качествами боевого вожда...

13 ноября я отдалъ приказъ о назначеніи адм. Каннина и. д. командующаго Черноморскимъ флотомъ. Каннинъ, подъ влияніемъ «украинскихъ» адмираловъ Покровскаго, Ключковскаго и др., нѣкоторое время колебался, потомъ вступилъ въ должность, и присоединеніе Черноморскаго флота къ Добровольческой Арміи совершилось автоматически и безболѣзненно. Присоединеніе номинальное, такъ какъ былъ командный составъ, но не было въ его распоряженіи боевыхъ судовъ. Началась длительная, нелгшая и глубоко обидная борьба съ союзнымъ морскимъ командованиемъ за право существованія русскаго флота.

Только въ началѣ января старшій въ то время французскій адмиралъ Аметь предложилъ Каннину укомплектовать два находившихся еще въ ремонтѣ миноносца; въ то-же время союзнымъ командованиемъ дано было разрѣшеніе подготовить крейсеръ «Кагуль» для отправки въ Новоросіискъ съ цѣлью... поднятія затопленнаго парохода «Дельборуса».

А между тѣмъ, вскорѣ по побережью Чернаго и Азовскаго морей начались бои, и помощь флота стала необходимой. Снова, какъ въ первые дни Добровольчества — въ дни деревянныхъ бронепоездовъ и краденыхъ пушекъ — офицерская молодежь снаряжала старые пароходы и баржи, съ тихимъ ходомъ и неправильнымъ механизмомъ, вооружала ихъ орудіями и ходила вдоль береговъ, вступая въ бой съ большевиками, рискуя ежечасно стать жертвой стихій или попасть въ руки врага.

А боевые суда наши въ это время томились въ плѣну у союзниковъ...

Между тѣмъ, штаты морскихъ учреждений росли непомерно, собравшееся въ большомъ числѣ въ Севастополь морское офицерство томилось бездѣльемъ, а боевая готовность даже ничтожнаго числа судовъ, которое было предоставлено намъ, поднигалось плохо. Въ мартѣ прѣхалъ Саблинъ и смѣнилъ Каннина. Саблину пришлось уже попасть въ волну первой эвакуаціи Крыма и быть свидѣтелемъ тяжелой картины, какъ союзники, при общемъ паническомъ настроеніи, топчили лучшія наши подводныя лодки, взрывали цинлиндры машинъ на оставшихся въ Севастополь судахъ, топили и увозили запасы. Было невыразимо больно видѣть,

как рось снюдикиь остатковъ русскаго флота, избѣгнувшихъ гибели отъ рукъ нѣмцевъ, большевнковъ и матросской опричяны...

«Кагуль»¹⁾, подводную лодку «Гюлень» и еще 5 миноносцевъ и 2 подводныхъ лодки на буксирахъ удалось, съ огромнымъ трудомъ, вывезти въ Новороссійскъ, гдѣ приступлено было къ ремонту, вооруженію и укомплектованію ихъ. Наши рѣшительные протесты, возмущеніе, съ которымъ русская общественность отнеслась къ факту бездѣятельности войскъ и флота союзниковъ въ трагическихъ одесскихъ и крымскихъ событіяхъ, а можетъ быть, и возросшее довѣріе къ силамъ Юга, заставили союзниковъ прекратить противодѣйствіе: лѣтомъ 1919 года во время операціи по вторичному овладѣнію Крымомъ и Новороссіей, въ составъ флота числились уже 1 крейсеръ, 5 миноносцевъ, 4 подводныхъ лодки и десятка два вооруженныхъ пароходовъ, додокъ и баржъ.

Къ осени союзники возвратили намъ все остальные захваченныя суда, въ томъ числѣ дредноутъ «Воля», получившій наименованіе «Генераль Алексѣевъ».

Снабженіе арміи находилось въ рукахъ главнаго начальника снабженій²⁾, непосредственно подчиненнаго начальнику военнаго управления³⁾.

Главнымъ источникомъ снабженій до февраля 1919 года были захватываемые нами большевническими запасами. При этомъ войска, не довѣряя реквизиціоннымъ комиссиямъ, старались не пользоваться захваченное для своихъ нуждъ безъ плана и системы. Часть запасовъ получалась съ бывшаго Румынскаго фронта. Все это было случайно и крайне недостаточно. Въ ноябрѣ, къ приходу союзниковъ, офиціальныи отчетъ штаба рисовать такую картину нашего снабженія:

Недостатокъ ружейныхъ патроновъ принималъ не разъ катастрофическіе размѣры. «Бывали періоды, когда на всю Армію оставалось нѣсколько десятковъ тысячъ патроновъ, и, если пулеметь въ началѣ боя имѣть 2—3 лонты, то это считалось очень и очень благополучнымъ...» Такое же положеніе было съ артиллерійскими патронами: «къ 1 ноябрю весь запасъ армейскаго склада состоялъ изъ 7 200 легкихъ, 1 520 горныхъ, 2 770 гаубичныхъ и 220 тяжелыхъ снарядовъ. Обмундированіе — одни обноски...» Санитарное снабженіе... «можно считать несуществующимъ. Нѣтъ медикаментовъ, нѣтъ перевязочныхъ средствъ, нѣтъ бѣлья. Имѣются только врачи, которые безсилны бороться съ болѣзнями. Индивидуальныя пакеты не имѣются вовсе. Часто бываютъ случаи, когда полное отсутствіе перевязочныхъ матеріаловъ заставляетъ примѣнять грязное бѣлье самихъ же раненыхъ...» Грозность нашего положенія была тѣмъ больше, что къ веснѣ, благодаря непрерывнымъ кровопролитнымъ боямъ и эпидеміямъ, число раненыхъ и больныхъ въ лѣчебныхъ заведеніяхъ арміи доходило до 25 тысячъ.

Съ начала 1919 года, послѣ ухода нѣмцевъ изъ Закавказья, намъ удалось получить нѣсколько транспортовъ артиллерійскихъ и инженерныхъ грузовъ изъ складовъ Батума, Карса, Трапезунда. А съ февраля началось подвозъ англійскаго снабженія. Недостатокъ въ боевомъ снабженіи съ тѣхъ поръ мы испытывали рѣдко⁴⁾. Санитарная часть улучшилась. Обмундированіе же и снаряженіе, хотя и поступало въ размѣрахъ большихъ, но далеко не удовлетворявшихъ потребности фронтовъ⁵⁾. Оно, кромѣ того, понемногу расхищалось на базѣ, неизбран на установленіе смертной казни «за кражу предметовъ казеннаго вооруженія и обмундированія». Таяло въ пути и, поступивъ, наконецъ, на фронтъ, пропало во множествѣ, унесенное больными, ранеными, плѣнными, дезертирами... Замѣчательно, что нѣскаго рода хищенія военнаго имущества и распродажа его на сторону

¹⁾ Переименованъ въ «Генераль Корниловъ».

²⁾ Ген. Санниковъ: съ января 1919 г. ген. Картаци.

³⁾ Ген. Тучковскій.

⁴⁾ Съ марта по сентябрь 1919 г. мы получили отъ англичавъ 558 орудій, 12 танковъ, 1 655 522 снаряда и 160 милл. руж. патроновъ.

⁵⁾ Въ тотъ же періодъ мы получили 250 тыс. комплек

встрѣчали въ обществѣ безразличное, часто покровительственное отношеніе. Рынокъ имѣетъ свои законы: предѣльно сжатіе его вызываетъ противодѣйствіе, чуждое моральныхъ побужденій. Обмундированіе, поступавшее на Донъ, послѣ раздачи казакамъ, отправлялось обыкновенно въ станицы и пряталось на дно все еще не опустошенныхъ казачьихъ скрынь.

Собственнымъ попеченіемъ наши органы снабженія заготовляли совершенно ничтожную часть потребности. Причинъ много. Были и общія, вытекавшія изъ финансовыхъ затрудненій арміи, недостаточнаго развитія въ промышленномъ отношеніи Сѣвернаго Кавказа, общаго развала торговли и промышленности; были и частныя—шаблоны нормальной войны и нормальной о полевого положенія, отсутствіе у насъ системы и творчества, vlastно требуемыхъ обстановкой, совершенной новой и исключительной: наконецъ — всеобщая деморализація правовъ.

Одинъ изъ видныхъ армейскихъ интендантовъ по поводу гоненія, воздвигаемаго обществомъ и печатью на интенданство, писалъ въ то время:

«Промышленность разрушена; сырья въ арміи нѣтъ, техническихъ и транспортныхъ средствъ почти нѣтъ, опытныхъ специалистовъ мало, конъюнктура рынка, не регулируемая никакими финансово-промышленными органами, своевольно стремится въ непредѣльную высь. Тѣмъ, органы снабженія должны напрячь все свои творческія, административныя и изобрѣтательныя способности, чтобы при такихъ условіяхъ, дать арміи хотя бы малое, необходимо. Условія работы непоизмѣримо трудныя, тѣмъ во время австро-германской войны и требуютъ исключительныхъ специальныхъ знаній, опыта и энергии.

Между тѣмъ, вмѣстѣ компетентныхъ работниковъ, специалистовъ, школой и большимъ опытомъ подготовленныхъ къ работѣ снабженія арміи, хорошо знакомыхъ съ организацией снабженія, промышленнымъ миромъ и рынкомъ, дѣло снабженія находится въ рукахъ исключительно офицеровъ генеральнаго штаба, не знакомыхъ ни съ рынкомъ, ни съ торгово-промышленнымъ миромъ, ни съ политической экономіей, ни съ квалификаціей товаровъ и продуктовъ.

Законы нормы отстали отъ жизни, а новыхъ еще не создано. Каждый активный исполнитель заготовитель вынужденъ на свой рискъ и страхъ во много разъ превышать тѣ права, которыя даны ему закономъ. Соображенія совершаются съ пѣвротной быстротой, и жизнь не терпитъ промедленія. Чтобы не отставать отъ жизни, приходится отбрасывать въ сторону всякія бумажныя нормы и преступать всякіе законы, для чего нужны компетентные, честные исполнители, свобода дѣйствій и полное довѣріе».

«Честные исполнители, полное довѣріе», — конечно, это первою основа успѣха работы. Но гдѣ ихъ взять! Когда на Дону, на Кубани, не пораставая, одна за другой выплывали на свѣтъ панамы... Когда нѣсколько мѣсяцевъ главное интенданство вооруженныхъ силъ находилось подъ воздѣйствіемъ назначенной мною сенаторской ревизіи Таганцева... Ревизія добросовѣстно искала «виновныхъ», привлекала къ отвѣтственности крупныхъ и мелкихъ нарушителей закона, но не умѣла найти грѣхи системы, не умѣла и не могла измѣнить общихъ условій, питавшихъ преступность.

Отъ общественности, такъ дружно отозвавшейся на нужды арміи въ 1916 году, мы, въ этомъ отношеніи, помощи видѣли мало: военно-промышленный комитетъ, земгоръ, красный крестъ были разрушены и только начинали проявлять свою дѣятельность. Отъ «демократіи»? Одишь изъ органовъ Шрейдера «Родная Земля», описывая пошюшія нужды арміи, говорилъ: «нуждается ли бы армія въ чемъ-нибудь, если бы была окружена горячей и любовной заботливостью русской демократіи? Конечно нѣтъ: русскій народъ умѣетъ самоотверженно отдавать послѣднюю свою рубашку, послѣдній свой кусокъ хлѣба тому, кому онъ вѣритъ, въ комъ онъ видитъ борца за святое и правое народное дѣло. Очевидно, есть что-то въ атмосферѣ, окружающей Добровольческую армію, что расколачиваетъ нашу демократію...»¹⁾. Русскій народъ и демократія господина Шрейдера это далеко не одно и то же. Народъ отвергъ эту «демократію» на Волгѣ, на Востоцкѣ, на Югѣ, по всей Россіи. Но онъ, не усмысливъ также въ родительской

¹⁾ Октябрь, 1918 года.

любви своей или красной, или белой армий: имъ въ жертву добровольно или достатка своего, или жизни.

Пресловутый частный торговый аппарат претерпѣлъ, очевидно, съ революціей серьезное перерождение: я не помню крупныхъ сдѣлокъ нашихъ органовъ снабженія съ солидными торговыми фирмами, но за то въ памяти моей запечатлѣлись ярко типы спекулянтовъ - хищниковъ, развращавшихъ администратцію, обиравшихъ население и казну и наживавшихъ милліоны: М. — на Кубани, Ч. — на Дону и въ Крыму, Т. Ш. — въ Черноморьи и проч. и проч.

Но все это были партизаны, рожденные безвременьемъ и чуждые традицій промышленнаго класса.

Крупная торгово-промышленная знать появилась на территоріи Арміи, главнымъ образомъ, послѣ паденія Одессы и Харькова въ началѣ 1919 года. Многія лица изъ ея рядовъ успѣли вынести съ пожарами русской храмыни часть своихъ достатковъ, сохранили еще кредитъ, а главное — организационный опытъ, въ широкомъ государственномъ масштабѣ. Мы ожидали отъ нихъ помощи и, прежде всего, въ отношеніи арміи. Эта помощь была предложена дѣйствительно, но въ такой своеобразной формѣ, что на ней стоить остановиться...

14 сентября 1919 г. между донскимъ правительствомъ въ лицѣ начальника отдѣла торговли и промышленности Бондырева и «Товариществомъ Мопитъ»¹⁾ былъ заключенъ договоръ на поставку Донецкой арміи и населенію заграничной мануфактуры. «Мопитъ» являлся комиссіонеромъ казны, взявъ на себя «при всеобщемъ содѣйствіи войска Донского»²⁾ на территоріи Дона — и, безъ вѣдома командованія на территоріи Добровольческой Арміи (§ 2) — скупку сырья, отправленіе и продажу его за границей, покупку тамъ и доставку на Донъ мануфактуры. Основной капиталъ для оборота, въ общемъ до милліарда рублей, долженъ былъ выдаваться донской казною по частямъ авансомъ; все рѣшительно расходы, какъ - то провозъ, храненіе, пошлины и т. п., ложилась на казну. «Мопитъ» за услугу Донецкой арміи бралъ себѣ въ качествѣ «организационныхъ расходовъ» и предпринимательской прибыли за покупку сырья 19% и за операцию съ мануфактурой 18%. Весь договоръ былъ полонъ неясностей и недомолвокъ, позволявшихъ при желаніи значительно расширять размѣры прибыли. Но самое странное было то, что статьи договора ставили выполненіе его въ зависимость отъ доброй воли «Мопита», предоставляя ему возможность воспользоваться самому всеми выгодами реализаціи драгоценнаго и купленнаго сравнительно съ боащьюнокъ донского сырья. Статья 9-я гласила:

«Если полученные товариществомъ авансы не будутъ по вывозѣ сырья за границу и его реализаціи покрыты поставками товаровъ или вырученной отъ продажи сырья валюты въ обусловленный срокъ, то Товарищество обязуется возратить войску полученные авансы, съ начисленіемъ процентовъ со дня просрочки въ размѣрѣ взимаемыхъ Государственнымъ банкомъ по учету векселей...»

И только.

Съ договоромъ ятнмъ и ознакомился изъ газетъ. Я не имѣлъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла сувереннаго Дона, но, такъ какъ весь экспортъ регулировался Особымъ Совѣщаніемъ и выполненіе поставокъ на Донецкую армію договоромъ обеспечено не было, я приказалъ выдачу Товариществу разрѣшенія на вывозъ сырья и хлѣба за границу прекратить. Особая коммисія рассмотрѣла затѣмъ договоръ и, послѣ разъясненій его статей учредителями и видоизмѣненія, Особое Совѣщаніе сочло возможнымъ допустить дѣятельность «Мопита».

А. В. Кривошеинъ, объясняя свое участіе въ «Мопитѣ», жаловался мнѣ³⁾ на «газетныя инсинуаціи» и утверждалъ, что учредители его преслѣдовали цѣли

¹⁾ «Товарищество московской объединенной промышленности и торговли». Во главѣ стояли братья Рябушинскіе. Предсѣдатель совѣта — А. В. Кривошеинъ.

²⁾ Въ томъ числѣ причисленіе предпріянія къ работающимъ на оборону (§ 10).

³⁾ Письмо отъ 4 дек. 1919 г.

Војска
у ип Лубром. Архив у Соци

Кубанцы за чтениемъ.

Броневики Кавказск. Добр. арміи.

исключительно государственная, а лично онъ «съ содержаніемъ злополучнаго договора познакомился впервые, когда начался уже газетный походъ». «Учредители Монита, — писалъ онъ, — обширная группа издавна пользовавшаяся уваженіемъ и всероссийской извѣстностью москвичей обратилась ко мнѣ съ предложеніемъ избрать меня председателемъ совѣта, придавая этому политическое значеніе, какъ лишей возможности объединить ихъ на общей платформѣ сейчасъ и особенно въ виду предстоявшаго прихода въ Москву. Мысль — основать здѣсь крупное московское дѣло и, такимъ образомъ, тѣснѣе сплотить черноземный югъ съ промышленной Москвою казалась правильной и своевременной...»

Но, общество, взаимное этимъ дѣломъ, видѣло въ немъ только коммерцію, а не политику. Часть прессы чрезвычайно рѣзко ошолчилась противъ «монитя», которыхъ вины наиболѣе умѣренный въ своихъ заключеніяхъ «Приазовскій Край»¹⁾ опредѣлялъ такими словами: «... Въ договорѣ нѣтъ элементовъ завѣдомаго обмана или завѣдомаго введенія въ невыгодную сдѣлку Тяжелая сторона ея заключается въ томъ, что и именитые москвичи также являются одними изъ многихъ, наживающихся на арміи, и гражданской войнѣ...»

Какъ бы то ни было, и печать, и общество, и армія постепенно пришла къ одинаковому заключенію.

Нѣтъ больше Мишиныхъ!

И армія дралась въ условіяхъ тяжелыхъ и роптала только тогда, когда врагъ одолевалъ и приходилось отступать.

•

Казна наша пустовала попрежнему, и содержаніе Добровольцевъ, поэтому, было положительно пищенскимъ. Установленное еще въ февралѣ 1918 г. оно составляло въ мѣсяцъ для солдатъ (мобилизованныхъ) 30 руб., для офицеровъ отъ прапорщика до главнокомандующаго, въ предѣлахъ отъ 270 до 1 000 руб.²⁾ Для того, чтобы представить себѣ реальную цѣнность этихъ цифръ, нужно принять во вниманіе, что прожиточный минимумъ для рабочаго въ ноябрѣ 1918 г. былъ опредѣленъ совѣтомъ екатеринодарскихъ профессиональныхъ союзовъ въ 660—780 рублей. Дважды потомъ, въ концѣ 1918 и въ концѣ 1919 года, путемъ крайняго напряженія, шкала основного офицерскаго содержанія подымалась, соответственно на 450—3 000 руб. и 700—5 000 руб., никогда не достигая соответствія съ быстро растущей дороговизной жизни. Каждый разъ, когда отдавался приказъ объ увеличеніи содержанія³⁾, на другой же день рынокъ отвѣчалъ такимъ повышеніемъ цѣнъ, которое поглощало все прибавки. Одинокіи офицеры и солдаты на фронтѣ ѣли изъ общаго котла и, хоть плохо, но были одѣты. Все же офицерскія семьи и большая не фронтовая часть офицерства штабовъ и учреждений бѣдствовали. Рядомъ приказовъ устанавливались прибавки на семью и дороговизну, по все это были лишь палліативы. Единственнымъ радикальнымъ средствомъ помочь семьямъ и тѣмъ поднять моральное состояніе ихъ главъ на фронтѣ, былъ бы переходъ на натуральное довольствіе. Но то, что могла сдѣлать совѣтская власть большевиками приемами социализаціи, подразвертки и повальныхъ реквизицій, было для насъ невозможно. тѣмъ болѣе, въ областяхъ автономныхъ.

Только въ маѣ 1919 г. удалось провести пенсіонное обезпеченіе чиновъ военнаго вѣдомства и семействъ умершихъ и убитыхъ офицеровъ и солдатъ. До этого выдавалось лишь ничтожное одновременное пособіе въ 1½ тыс. рублей...

Отъ союзниковъ, вопреки установившемуся мнѣнію, мы не получили ни копейки.

Богатая Кубань и владѣвшій печатнымъ станкомъ Дюпъ, были въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ.

¹⁾ № отъ 24 ноября 1919 года.

²⁾ Кромѣ пайка — общаго для всѣхъ ранговъ.

³⁾ Шкала основного содержанія была одинакова въ воен. вѣдомствѣ и во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ.

«По политическим соображениям», без сношения с главным командованием, они устанавливали содержание своих военнослужащих всегда по нормам выше указанных, вызывая тем неудовольствие в Добровольцах¹⁾. Тем более, что донцы и кубанцы были у себя дома, связанные с ним тысячами нитей — кровно, морально, материально, хозяйственно. Российские же Добровольцы, покладая предельно советской досягаемости, в большинстве становились бездомными и нищими.

ГЛАВА XI.

Моральный облик Армии «Черные страницы».

Ряды старых Добровольцев рвались от постоянных боев, от сыпного тифа, косявшего пехоту. Каждый день росли новые могилы и безвестных станций и поселков Кавказа; каждый день под звуки похоронного марша на екатеринодарском кладбище опускали в могилу по несколько гробов с телами навших вопль... Пал в бою командир 1-го арт. дивизиона, полк. Мюянчинский, известный всей армии своим искусством и доблестью... Умер от тифа начальник 1-й дивизии ген. Станкевич, выдержавший во главе сборного отряда всю тяжесть борьбы на степном Маньчжском фронте, и много, много других.

В начале января мы похоронили умершего от заражения крови, вследствие раны, полученной под Ставрополем, ген. Дроздовского. Одного из основоположников Армии — человека высокого патриотизма и твердого духом. Два месяца длилась борьба между жизнью и смертью. Навшая Дроздовского в заревет, я видел, как томился он своим вынужденным покоем, как весь он уходил в интересы Армии и своей дивизии и рвался к ней.

Судьба не судила ему повести опять в бой свои полки.

Для увековечения памяти почившего, его именем назван был созданный им 2-й Офицерский полк, впоследствии дивизия, развернутая из этого полка. Приказ, сообщавший Армии о смерти ген. Дроздовского, заканчивался словами:

«Высокое безкорыстие, преданность идею, полное презрение к опасности по отношению к себе — соединились в нем с сердечной заботой о подчиненных. Жизнь которых всегда он ставил выше своей.

Мир праху твоему — рыцарь без страха и упрека.

Состав Добровольческих армий становился все более пестрым. Ряд эвакуаций, вызванных петлюровскими и советскими успехами (Украина), и занятие нами новых территорий (Крым, Одесса, Терек) дали приток офицерских пополнений. Многие шли по убеждению, но еще больше по принуждению. Они вливались в коренные Добровольческие части или шли на формирование новых дивизий. Коренные части²⁾ ревниво относились к своему первородству и несколько пренебрежительно к последующим формированиям. Это было нескромно, но имело основания: редко какие новые части могли соперничать в доблести с ними. Это обстоятельство побудило меня развернуть впоследствии, к лету 1919 года, четыре именных полка³⁾ в трехполковые дивизии.

¹⁾ К 1 декабря 1918 г. высшие чины получали содержание в месяц: главнокомандующий — 1000 руб. Кубанский атаман — 400. Члены Особого Совещания — 500 руб. Чл. куб. прав-ства — 2000. Донцы получали больше кубанцев.

²⁾ «Цвѣтныя войска», как их называли острогловы по пестротѣ красок форменных отличий.

³⁾ Корниловский, Марковский, Дроздовский, Алексѣевский съ соответствующими артиллерийскими дивизионами.

Плывание в части младшего офицера других армий и нового призыва и их ассимиляция происходили быстро и безболезненно. Но со старшими чинами было гораздо труднее. Предубеждение против Украинской, Южной армий, озлобление против начальников, в первый период революции, провинивших презрительный оппортунизм и некачество, или только обвиненных в этих грехах по недоразумению — все это заставляло меня осторожно относиться к назначениям, чтобы не вызвать крупных нарушений дисциплины. Трудно было видеть офицера, что оно не желало подчиниться храбрейшему генералу, который, командуя армией в 1917 году, бросил морально офицера в тяжелые дни, ушел к буйной солдатни и искал популярности демагогией... Или генералу, который некогда, не взирая в белое движение, отдал приказ о роспуске добровольческой отряда, а впоследствии получил по недоразумению в командование тот же, выросший в крупную добровольческую часть, отряд. Или генералу, безобиднейшему человеку, который имел слабость и несчастье на украинской службе подписать приказ, задвигавший достоинство русского офицера. П. т. д. и т. д.

Для приема старших чинов на службу была учреждена особая комиссия под председательством ген. Дорошевского, позднее Волотова. Эта комиссия, прозванная в обществе «генеральской чрезвычайкой», выясняла *circumstances vitae* пореволюционного периода старших чинов и определяла возможность или невозможность приема на службу данного лица или необходимость следствия над ним. Процедура эта была обидной для генералитета, бюрократическая волокита озлобляла его, создавая легкую фронду. Но я не мог поступить иначе: в виду тогдашнего настроения фронтового офицера, эта очистительная жертва предохраняла от многих нравственных изгибов, некоторых — от более серьезных последствий... Вообще же, «старшая» часть весьма неохотно мирится с назначением начальников со стороны, выдвигая своих молодых — всегда высоко доблестных командиров, но часто мало опытных в руководстве боем, и в хозяйстве, и в хозяйстве воспитателей части. Там же не менее, жизнь пошемному стирала острые грани, и на всех ступенях служебной иерархии появились лица самого разнообразного служебного прошлого...

Труднее обстоит вопрос с военными, состоявшими ранее на советской службе.

К осени 1918 г. жестокий период гражданской войны «на истребление» был уже пройден. Самочинные расстрелы пленных красноармейцев были исключены и преследовались начальниками. Пленные многими тысячами поступали в ряды Добровольческой Армии. Борьбу, и при том не всегда успешную, приходилось вести против варварского приема раздвигания пленных. Наша пехота вскоре перестала грешить в этом отношении, заинтересованная постановкой пленных в строй. Казаки же долго не могли отрешиться от этого жестокого приема, оттапливавшего от нас многих, желавших перейти на нашу сторону. Помню, какое тяжелое впечатление произвело на меня поле под Армавром в холодный октябрьский день, после уруских боев, все усеянное белыми фигурами (раздвигали до брелка) пленных, везших 1-й конной и 1-й кубанской дивизиями

В ноябре я отдал приказ, обращенный к офицерам, оставшемуся на службе у большевиков, осуждая их непротивление и закончивая угрозой: «Всех, кто не оставит безотлагательно ряды красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд Русской Армии — суровый и безопадный». Приказ был широко распространен по советской России нами, и еще шире... советской властью, послужив темой для агитации против Добровольческой Армии. Он произвел гнетущее впечатление на тех, кто, служа в рядах красных, был душою с нами. Отражая настроение Добровольчества, приказ не считался с тем, что самопожертвование, героизм, есть дело лишь отдельных личностей, а не массы. Что мы идем на метателями, а освободителями... Приказ

быть только угрозой для поощрения офицеров оставить ряды красной армии и не соответствовать фактическому положению вещей: той же Болотовской комиссии было указано мною не вменять в вину службу в войсках советской России, если данное лицо не имело возможности вступить в противобольшевистскую армию, или если направляло свою деятельность во вред советской власти¹⁾. Такой же осторожности в обвинениях, такой же гуманности и забвения требовали все приказы Добровольческим войскам, распоряжения, беседы с ними.

В отношении генералов, для которых доходило до главнокомандующего, цифровая данная дают следующую картину: за период с сентября 1918 г. по март 20-го суду было предано около 25 лиц. Судь присудил одного к смертной казни, четырех к аресту на гауптвахтѣ и 10 оправдать. О трех, четырех, справки не имѣю. По моей конфирмаціи — смертной казни, каторжным работам и арестантским отдѣлениям не были подвергнуты никто из них. Наказание замѣнялось арестом на гауптвахтѣ, и в важных случаях, разжалованіем в рядовые, причѣм к декабрю 1919 г. все разжалованные были восстановлены в чинахъ.

Судьба младшего офицерства разрѣшалась в инстанціяхъ низшихъ; я приведу здѣсь результатъ маленькой анкеты, рисуемой и психологію, и практику разрѣшенія этого вопроса самими войсками.

«Не будучи долго поддержаны другими, первые добровольцы вмѣстѣ съ тяжкими испытаніями, выпавшими на ихъ долю, впитывали въ себя презрѣніе и ненависть ко всѣмъ тѣмъ, кто не шелъ рука объ руку съ ними.

Въ Кубанскихъ походахъ, поэтому, какъ явленіе постоянное, имѣли мѣсто разстрѣлы офицеровъ, служившихъ ранѣе въ красной арміи...

Съ развитіемъ наступленія къ центру России измѣнились условия борьбы: обширность театра, ростъ нашихъ силъ, ослабленіе сопротивленія противника, ослабленіе его жестокости въ отношеніи Добровольцевъ, необходимость пополнять рѣдѣющіе офицерскіе ряды — измѣнили и отношеніе: разстрѣлы становятся рѣдкими и распространяются лишь на офицеровъ - коммунистовъ.

Поступленіе въ полки офицеровъ, ранѣе служившихъ въ красной арміи, какими особенными формальностями не сопровождалось. Офицеры, переходившіе фронтъ, болѣею частью отправлялись въ высшіе штабы, для дачи показаній. Такихъ офицеровъ было не такъ много. Главное пополненіе шло въ болѣе низшихъ городахъ. Часть офицеровъ являлась добровольно и сразу, а часть послѣ объявленнаго призыва офицеровъ. Большинство и тѣхъ, и другихъ имѣли документы о томъ, что они въ красной арміи не служили. Все они зачислялись въ строй, преимущественно въ офицерскія роты, безъ всякихъ разбирательствъ, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда о тѣхъ или иныхъ поступили опредѣленныя свѣдѣнія. Часть «запаздывающихъ» офицеровъ, главнымъ образомъ высшихъ чиновъ, проходили черезъ особо учрежденныя следственныя комиссіи (судныя).

Отношеніе къ офицерамъ, назначеннымъ въ офицерскія роты, было довольно ровное. Многие изъ этихъ офицеровъ быстро выдѣлялись изъ массы и назначались даже на командныя должности, что въ частяхъ Дроздовской дивизіи было явнѣею довольно частымъ. Въ Корниловской дивизіи пѣхотные направлялись въ запасные батальоны, гдѣ офицеры отдѣлялись отъ солдатъ. Пробывъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, эти офицеры назначались въ строй также въ офицерскія роты. Иногда ввиду большихъ потерь, процентъ пѣхотныхъ въ строю доходилъ до 60. Большая часть изъ нихъ (до 70%) сражались хорошо, 10% пользовались первыми же боями, чтобы перейти къ большевикамъ, и 20% составляли элементъ, подъ разными предлогами уклоняющийся отъ боя. При форкированіи 2 и 3 Корниловскихъ полковъ составъ ихъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ пѣхотныхъ. Во 2-мъ полку былъ офицерскій батальонъ въ 700 штыковъ, который по своей доблести выдѣлялся въ бояхъ и всегда составлялъ послѣдній резервъ командира полка.

Въ частяхъ Дроздовской дивизіи пѣхотные офицеры болѣею частью также митовались, частично подвергались худшей участи — разстрѣлу. Бывали случаи, что пѣхотные офицеры перебѣгали обратно на сторону красныхъ.

Что касается отношенія къ красному молодому офицерству, т. е. къ командирамъ изъ красныхъ курсантовъ, то они знали, что ожидать ихъ, и боялись

¹⁾ Приказъ 16 апр. 1919 г. №

попасться в плен, предпочитая ожесточенную борьбу до последнего патрона или самоубийство. Ваятых в плен, нередко по ярости самих же красноармейцев — разстреливали».

Этот большой вопрос возник и в красной армии и был разрешен как раз в обратном направлении.

Для агитации среди бѣлых, Бронштейн составил лично и выпустил воззвание:

«... Милосердие по отношению к врагу, который повержен и просит пощады. Именем высшей военной власти въ Советской республикѣ заявлю: каждый офицеръ, который въ одиночку или во главѣ своей части добровольно предать къ намъ, будетъ освобожденъ отъ наказанія. Если онъ дѣломъ докажетъ, что готовъ честно служить народу на гражданскомъ или военномъ поприщѣ, онъ найдетъ мѣсто въ нашихъ рядахъ...»

Для красной армии приказъ Бронштейна звучалъ уже плаче:

«Подъ страхомъ строжайшаго наказанія запрещамъ разстрѣлы плѣнныхъ рядовыхъ казаковъ и неприятельскихъ солдатъ. Вблизи часъ, когда трудовое казачество, расправившись со своимъ контрреволюционнымъ офицеромъ, объединится подъ знаменемъ советской власти...»¹⁾

Мы грозили, но были гуманные. Они звали, но были жестоки.

Советская пропаганда имѣла успѣхъ не одинаковый: во время нашихъ боевыхъ удач — никакого; во время перелома боевого счастья ей поддавались казаки и добровольческие солдаты, но офицерская среда — почти вся оставалась совершенно недоступной советскому влиянію.

Армии преодолевали невѣроятныя препятствія, героически сражались, безропотно несли тяжѣйшія потери и освобождали шагъ за шагомъ отъ власти советовъ огромныя территоріи. Это была лицевая сторона борьбы, ея героическій эпосъ.

Армии понемногу погрязали въ большихъ и малыхъ грѣхахъ, ваброшенныхъ густую тѣнь на свѣтлый ликъ освободительнаго движенія. Это была оборотная сторона борьбы, ея трагедія. Нѣкоторыя явленія развѣдали душу армии и подтачивали ея мощь. На нихъ я долженъ остановиться.

Войска были плохо обезпечены снабженіемъ и деньгами. Отсюда — стихійное стремленіе къ самоснабженію, къ использованию военной добычи. Неприятельскіе склады, магазины, обозы, имущество красноармейцевъ, разбирались беспорядочно, безъ системы. Армии скрывали запасы отъ центрального органа снабженій, корпуса отъ армій, дивизіи отъ корпусовъ, полки отъ дивизій... Тылъ не могъ подвезти фронту необходимаго довольства, и фронтъ долженъ былъ примѣнять широко реквизиціи въ прифронтной полосѣ — способъ естественный и практикуемый всѣми арміями всѣхъ временъ, но требующій строжайшей регламентаціи и дисциплины.

Пределы удовлетворенія жизненныхъ потребностей армій, юридическія нормы, определяющія повяте «военная добыча», законные приемы реквизиціи — все это раздвигалось, получало скользкія очертанія, преломлялось въ сознаніи военной массы, тронутой общевародными недугами. Все это извращалось въ горнилтѣ гражданской войны, превосходящей во яростѣ и жестокости всякую войну международную.

Военная добыча стала для нѣкоторыхъ снизу — однимъ изъ двигателей, для другихъ сверху — однимъ изъ демоagogическихъ способовъ привести въ движеніе, иногда инертную, колеблющуюся массу.

О войскахъ, сформированныхъ изъ горцевъ Кавказа, не хочется и говорить. Десяти лѣтъ культурной работы нужны еще для того, чтобы измѣнить ихъ бы-

¹⁾ 24 ноября 1918 г. № 64.

товые навыки... Если для регулярных частей погоня за добычей была явлением благоприобретенным, то для казачьих войск — исторической традицией, восходящей ко временам Дикаго поля и Запорожья, прошедшей красной нитью через последующую историю войн и модернизованную временем в формах, но не в духе. Знаменательно, что в самом начале противобольшевнической борьбы представители Юго-Восточного союза казачьих войск, в числе условий помощи, предложенной Временному правительству, включили и оставление за казаками всей «своей добычи» (!), которая будет взята в предстоящей междоусобной войне...¹⁾

Соблазну сыграть на этой струнке поддавались и люди лично безкорыстные. Так атамань Краснов, в одном из своих воззваний-приказов, учитывая психологию войск, атаковавших Царицын, не двусмысленно говорит о богатой добыче, которая их ждет там... Его прием повторил впоследствии, в июле 1910 года ген. Врангель. При нашей встрече, после взятия Царицына он предупредил мой вопрос по этому поводу:

— Надо было подбодрить кубанцев. Но я в последний момент принял надлежащий мѣры

Побѣдитель большевиков под Харьковом, ген. Май-Маевский, широким жестом «дарить» добровольческому полку, ворвавшемуся в город, побѣду сь камешным углем и оправдывался потом:

— Виновать! Но такое радостное настроение охватило тогда...

Можно было сказать а priori, что этот печальный ингредиент «обычного права» — военная добыча — неминуемо перейдет от коллективного начала к индивидуальному и не ограничится предѣлами жизненно необходимого.

После славных побѣд под Харьковом и Курском 1-го Добровольческа-корпуса, тылы его были забиты составами поѣздов, которые полки нагружили великим скарбом, до предметов городского комфорта включительно...

Когда в февраль 1919 г. кубанские эшелоны текли на помощь Дону, то задержка их обуславливалась не только разстройством транспорта и желанием ограничить борьбу в предѣлах «защиты родных так...» На попутных станциях оставались перегруженные эшелоны и занимались отправкой в свои станции «заводных лошадок и всякаго барахла...»

Я помню рассказ председателя Терского круга Губарева, который в перерыве сессии ушел в полк родовым казаком, чтобы ознакомиться с подлинной боевой жизнью терской дивизии.

— Конечно, посылать обмундирование не стоит. Они десять раз уже переодѣлись. Возвращается казак с похода нагруженный так, что ни его, ни лошади не выдать. А на другой день идет в поход опять в одной равной черескѣ...

И совсем уже похоронным звоном прозвучала, низвавшая на Дону вание, телеграмма ген. Мамонтова, возвращавшагося из Тамбовскаго рейда:

«Посылаю привѣтъ. Везем родным и друзьям богатые подарки, донской казакъ 60 миллионов рублей, на украшение церкви — дорогя иконы и церковную утварь...»

За гранью, гдѣ кончается «военная добыча» и «реквизиция», открывается мрачная бездна морального падѣния:

Н а с п л я и г р а б е ж а .

Они пронесли по Сѣверному Кавказу, по всему Югу, по всему российскому театру гражданской войны — творимые красными, бѣлыми, зелеными — нападая повыми слезами и кровью чашу страданий народа, путая в его сознании все

¹⁾ Осень 1917 г. Миссия Молдавскаго и подполк. Грузинова.

«цѣта» военно-политическаго спектра разъ стирая черты, отдѣляющія образъ спасителя отъ врага.

Много написано, еще больше напишутъ объ этой извѣ, разбѣдавшей арміи гражданской войны всѣхъ противниковъ на всѣхъ фронтахъ. Правды и лжи.

И жалкія оправданія, что тамъ, у красныхъ, было несравненно хуже. Но вѣдь, мы, бѣлые, выступали на борьбу именно противъ насилія и насильничковъ!.. Что многіе тяжелые эксцессы являлись ненужной реакціей на поруганіе страны и семьи, на растлѣніе души народа, на разореніе имуществъ, на кровь родныхъ и близкихъ — это не удивительно. Да, месть чувство страшное, аморальное, но понятное, по крайней мѣрѣ. Но была и корысть. Корысть же — только гнусность. Пусть правда вскрываетъ наши зловопныя раны, не давая заснуть совѣсти, и тѣмъ побудить насъ къ раскаянію, болѣе глубокому, и къ внутреннему перерожденію, болѣе полному и искреннему.

Боротись ли съ недугомъ?

Мы писали суровые законы, въ которыхъ смертная казнь была обычнымъ наказаніемъ. Мы посылали велѣдъ за арміями генераловъ, облеченныхъ чрезвычайными полномочіями, съ комиссіями, для разбора на мѣстѣ совершаемыхъ войсками преступленій. Мы — и я, и военачальники — отдавали приказы о борьбѣ съ насиліями, грабежами, обираниемъ плѣнныхъ и т. д. Но эти законы и приказы встрѣчали иной разъ упорное сопротивленіе среды, не воспріявшей ихъ духа, ихъ вопіющей необходимости. Надо было рубить съ головъ, а мы были по хвостамъ. А Рада. Круги, казачество, общество, печать въ то же время поднимали не разъ на головокружительную высоту начальниковъ храбрыхъ и удачливыхъ, по далекимъ отъ моральной чистоты ризъ, создавая имъ ореолъ и иммунитетъ народныхъ героев.

За войскамъ слѣдомъ шла контрль-развѣдка. Никогда еще этотъ институтъ не получалъ такого широкаго призмѣненія, какъ въ минувшій періодъ гражданской войны. Его создавали у себя не только высшіе штабы, военные губернаторы, почти каждая воинская часть, политическія организаціи, донское, кубанское и терское правительства, наконецъ, даже... отдѣлъ пропаганды... Это было какое-то повѣтріе, болѣзненная манія, созданная разлитымъ по странѣ взаимнымъ недоверіемъ и подозрительностью.

И не хотѣлъ бы обидѣть многіхъ праведниковъ, изпывавшихъ морально въ тяжелой атмосферѣ контрль-развѣдывательныхъ учреждений, но долженъ сказать, что эти органы, покрывъ густою сѣтью территорію Юга, были иногда очагами провокаціи и организованнаго грабежа. Особенно прославилась въ этомъ отношеніи контрль-развѣдка Кіева, Харькова, Одессы, Ростова (донская). Борьба съ ними шла одновременно по двумъ направленіямъ — противъ самозванныхъ учреждений и противъ отдѣльныхъ лицъ. Послѣдняя была мало результатна, тѣмъ болѣе, что они умѣли скрывать свои преступленія и зачастую пользовались защитой своихъ, доврѣявшихъ имъ начальниковъ. Надо было или упразднить весь институтъ, оставивъ власть слѣпой и беззащитной въ атмосферѣ, насыщенной шпионствомъ, броженіемъ, измѣной, большевической агитаціей и организованной работой разложенія, или же совершенно измѣнить бытовой матеріалъ, комплектовавшій контрль-развѣдку. Генераль-квартирмейстеръ штаба, вѣдавшій въ порядкѣ надзора контрль-развѣдывательными органами арміи, настоятельно совѣтывалъ привлечь на эту службу бывшій кавдармскій корпусъ. И на это не пошелъ и рѣшилъ оздоровить большой институтъ, вливъ въ него новую струю, въ лицѣ чиновъ судебного вѣдомства. Къ сожалѣнію, практически это можно было осуществить только тогда, когда отступленіе арміи подняло волны бѣженства и вызвало наплывъ «безработныхъ» юристовъ. Тогда, когда было уже поздно...

Наконецъ, огромныя разстоянія, на которыхъ были разбросаны арміи — отъ Орда до Владикавказъ, отъ Царицына до Кіева — и разобщенность театра войны въ значительной мѣрѣ ослабляли вліяніе центра на бытъ и всю службу войскъ.

Я прочелъ эти черныя страницы лѣтописи и чувствую, что общая картина не закончена, что она нуждается въ нѣкоторыхъ существенныхъ деталяхъ. Въ разные періоды борьбы вооруженныхъ силъ Юга, моральное состояніе войскъ было различнымъ. Различна была также степень грѣховности отдѣльныхъ войсковыхъ частей. Десятки тысячъ офицеровъ и солдатъ — павшихъ и уцѣлѣвшихъ — сохраняли незапятнанную совѣсть. Многія тысячи даже и грѣшниковъ, не будучи въ состояніи устоять противъ искушенія и соблазновъ развратнаго времени, умѣли все же жертвовать другимъ — они отдавали свою жизнь. Боролсь и умирали. Быть можетъ за это судъ Божій и приговоръ исторіи будутъ менѣе суровы:

— Виновны, но заслуживаютъ снисхожденія!

Черныя страницы Арміи, какъ и свѣтлыя, принадлежать уже исторіи. Исторія подведетъ итоги нашимъ дѣяніямъ. Въ своемъ обвинительномъ актѣ она изслѣдуетъ причины стихійныя, вытекавшія изъ разоренія, обнищанія страны и общаго упадка нравовъ, и укажетъ вины: правительства, не сумѣвшаго обезпечить Армію; командованія, не справившагося съ иными начальниками; начальниковъ, не смогшихъ (одни) или не хотѣвшихъ (другіе) обуздать войска; войскъ, не устоявшихъ противъ соблазна; общества, не хотѣвшаго жертвовать своимъ трудомъ и достояніемъ; ханжей и лицемеровъ, цинично смаковавшихъ остроуміе армейской фразы — отъ благодарнаго населенія — и потомъ забросавшихъ Армію камнями...

Констинѣ нуженъ былъ громъ небесный, чтобы заставить въ сѣбѣ оглянуться на себя и свои пути.

ГЛАВА XII.

Борьба на Сѣверномъ Кавказѣ лѣтомъ и осенью 1918 года.

Добровольческая Армія, по мѣрѣ своего продвиженія въ глубь Кавказа, попадала въ обстановку сложныхъ и запутанныхъ взаимоотношеній.

Чрезвычайно разнообразны тѣ историческія, національныя, социальныя, религіозныя и бытовые условія, которыя создали удивительную кавказскую мозаику и приводили въ движеніе событія тамъ въ первый годъ революціи.

Мы видѣли, что конешъ 1917 и начало 1918 годовъ ознаменованы были разломеніемъ русскаго элемента въ краѣ (погородніе, казаки), разложеніемъ терскаго казачества и обособленіемъ въ этнографическихъ предѣлахъ мелкихъ народностей Сѣвернаго Кавказа — обособленіемъ, болѣзненно отозвавшимся на судьбахъ казачества.

Съ весны 1918 года эти процессы углубляются, и кавказскіе народы поддаются, въ большей или меньшей степени, подъ вліяніе совѣтской власти; оно оспаривается, впрочемъ, Турціей, съ конца 1917 г. усиленно привлекавшей горцевъ, при посредствѣ своихъ и туземныхъ эмиссаровъ, пантурецкой и панисламистской пропагандой. Вначалѣ эти два вліянія рѣзко враждебны, потомъ, послѣ заключенія мира, они временно теряютъ свою остроту. Эти внѣшнія воздѣйствія запутываютъ еще больше внутримышечную рознь, которая сдерживалась прежде когда сильной центральной властью, а теперь положительно раздирала кавказ-

Бронепоезд „Генерал Алексеев“.

Погруженные танки.

Пленные большевики.

ские народы, давая возможность ничтожной советской силѣ утвердиться на Северномъ Кавказѣ.

Составъ населенія Терской области опредѣлялся въ 1917 г. слѣдующей примѣрной таблицей:

Все населеніе — 1 450 712

Въ томъ числѣ русскихъ:

а) казаковъ	20%
б) иногороднихъ	20%
	40%

Горцевъ:

а) осетинъ	17%
б) чеченцевъ	16%
в) кабардинцевъ	12%
г) ингушей	4%
	49%

Кочевниковъ 4½%

Прочихъ (арм., груз., перс., нѣмц. и т. д.) 6½%

Участіе этихъ народовъ въ политической жизни края далеко не соответствовало ихъ численному составу.

Ингуши — наименѣе численный и наиболѣе спаянный и сильный военной организацией народъ оказался, по существу, вершителемъ судебъ Севернаго Кавказа. Моральный его обликъ опредѣленъ былъ давно уже учебниками географіи: «главный родъ занятій — скотоводство и грабѣжъ...» Последнее занятіе здѣсь достигло особеннаго искусства. Политическія стремленія исходили изъ той же тенденціи. Ингуши стали ладскнехтами советской власти, ея опорой, не допуская, однако же, проявленія ея въ своемъ краѣ. Одновременно они старались завязать сношенія съ Турціей и искали турецкой помощи пзъ Елисаветполя, нѣмецкой изъ Тифлиса. Въ августѣ, когда казаки и осетины овладѣли Владикавказомъ, ингуши своимъ вмѣшательствомъ спасли терскій совѣтъ ко-

мирсаровъ, но при этомъ жестоко разграбили городъ и захватили государственный банкъ и монетный дворъ. Они грабили всѣхъ сосѣдей: казаковъ и осетинъ во имя «исправления историческихъ ошибокъ», своего малоземелья и чрепозосности; большевиковъ — въ уплату за свои труды и службу; кабардинцевъ — просто по привычкѣ, и владикавказскихъ гражданъ — за ихъ безпомощность и непротивление.

Ихъ ненавидѣли всѣ, а они занимались своимъ «ремесломъ» дружно, широко, организованно, съ большимъ размахомъ, ставъ наиболее богатымъ племенемъ на всемъ Кавказѣ.

Осетины — помимо многихъ частныхъ взаимно враждебныхъ подраздѣлений, представляли два основныхъ лагеря — православныхъ и мусульманъ. Первые дружили съ казаками, вторые съ ингушамъ. Командованіе въ лицѣ ген. Фидарова¹⁾ тянуло къ объединенію съ Турціей и къ ингушамъ, національный советъ и большая часть интеллигенціи поддерживали советскую власть. Народъ же, ненавидя большевиковъ, оставался пассивнымъ и не слѣдовалъ ни за своими правителями, ни за командованіемъ; официально признавалъ советскую власть и тайно, неорганизованно входило во всѣ комбинаціи для ея сверженія.

Въ концѣ іюня двѣ, три сотни осетинъ приняли участіе въ нападеніи на Владикавказъ. Послѣ неудачи этого выступленія, собравшіеся Ардонскій советъ, подъ влияніемъ оплачиваемой большевиками партіи «Кермея», вновь призналъ единогласно власть народныхъ комиссаровъ и даже высказался за вооруженную поддержку ея. Но народъ не откликнулся и тогда на постановленія своихъ представителей. Большинство осталось пассивнымъ, часть же осетинъ поступала въ ряды терцевъ или въ дерущіеся на ихъ сторонѣ отряды полковниковъ Хабаева и Кибирова. Эта приверженность Осетинъ къ старымъ государственнымъ связямъ и полная несклонность ихъ къ большевизму, ни къ крайнимъ формамъ національной независимости, послужили источникомъ многихъ бѣдъ: и ингуши, и въ особенности большевики, разорили и уничтожили много осетинскихъ ауловъ и хуторовъ и Курій, въ Моздокскомъ отдѣлѣ, возлѣ Владикавказа и на Военно-Грузинской дорогѣ.

Кабарда, занятая большевизскими гарнизонами и управляемая большевизскими комиссарами, смприлась сразу. Отношеніе кралъ къ советской власти опредѣлялось просто географическимъ положеніемъ его: Малая Кабарда, сдвинутая между большевиками и ингушамъ, признала всецѣло советскую власть, а Большая Кабарда (Нальчикскій округъ), примыкая къ фронту возставшихъ терскихъ казаковъ (Прохладненскому), выставила противъ большевиковъ отрядъ сначала въ двѣ сотни, потомъ разросшіеся до бригады конницы, подъ начальствомъ ротмистра Серебрякова — представителя кабардинскихъ узденей (дворянства). Въ то же время представитель «кабардинскаго пролетариата» пастухъ Катохановъ на советскія средства сформировалъ отрядъ изъ кабардинцевъ-большевиковъ, понесшіи вскорѣ поражение въ бою съ Серебряковымъ.

Чеченцы, помимо сложной внутренней своей распри, раздѣлились и по признакамъ виѣшней политики, образовавъ одновременно два національныхъ общества: Грозненскій округъ, имѣвшій старые счеты съ терцами, по постановленію Гойтинскаго съѣзда шелъ съ большевиками и получалъ отъ нихъ деньги, оружіе и боевые припасы. Другая часть чеченцевъ — Веденскій округъ, подчинялся рѣшенію Атагинскаго съѣзда, стоялъ на сторонѣ казаковъ, хотя и не оказывалъ имъ непосредственной помощи, и былъ противъ большевиковъ. Первые были связаны поэтому тѣснѣе съ Ингушетіей, вторые съ Дагестаномъ. Между обими группами разгоралась сильнѣйшая вражда, приводившая иногда къ многолюднымъ кровопролитнымъ боямъ, чѣмъ до нѣкоторой степени смягчалась опасность положенія терскихъ казаковъ.

¹⁾ Былъ начальникомъ Туркест. каз. дивизіи.

Осенью 1918 г. Чечня установила близкия сношенія съ турецкимъ командованиемъ въ Баку, которое черезъ Дагестанъ оказывало чеченцамъ помощь оружіемъ.

Наиболѣе стойкою въ борьбѣ съ большевиками оказалась Дагестанская область. Вся весна и лѣто 1918 г. прошли въ мелкихъ стычкахъ дагестанцевъ съ красновардоевскими отрядами, стремившимися проникнуть по астраханскому тракту въ Баку, и съ плоскостными кумыками (на сѣв. области), примкнувшими всецѣло къ большевикамъ. Неходъ борьбы былъ неблагоприятенъ для дагестанцевъ: Петровецъ, Тендиръ-ханъ-Шура, Дербентъ были заняты мѣстными и пришлыми красновардоевцами, овладѣвшими желѣзнодорожной линіей и приморскою дорогою. Борьба въ нагорной части, однако, продолжалась. Турецкая пропаганда въ Дагестанѣ раздувала всемирно религіозный фаянтизмъ и возбуждала туркофильскія симпатіи; въ край ввозилось въ довольно большомъ количествѣ оружіе и боевые припасы, и съ середины мая въ него проникли турецкіе инструктора и аскеры: со 2 сентября 1918 г., когда турки заняли Баку, эта связь значительно упрочилась, въ Дагестанѣ появились турецкіе отряды и, въ результатѣ соглашения, турки обѣщали двинуть туда дивизію.

«Всѣ дороги, ведущія изъ Россіи въ Азербейджанъ и Анатолію, проходить черезъ Сѣверный Кавказъ, который долженъ, поэтому, находиться въ надежныхъ рукахъ» — таковъ былъ лозунгъ пантурецкаго движенія, воспринятый, по преимуществу, мѣстной политиканетвующей интеллигенціей. Но въ народѣ это движеніе, повидимому, не имѣло глубокихъ корней. Потому ли, что турецкая оккупация Азербейджана наглядно показала свою темную изнанку, потому ли, что связь съ Россіей была еще достаточно сильна. Дагестанцы расцѣпляли приходящія извнѣ разноплеменные войска, иржеде всего, какъ помощь противъ большевиковъ, какъ средство водворенія порядка. Кинематографическая лента прикавказской жизни въ 1918 году мѣняла, поэтому, быстро и почти безболѣзненно свои картины. «Итакъ турецкіе инструктора и отряды... Въ началѣ сентября — появленіе войскъ М. Вичерахова, въ составъ которыхъ входило много ненавистныхъ мусульманамъ армяниъ; Вичераховъ занялъ Петровецъ и заключилъ договоръ съ полк. кн. Тарковскимъ¹⁾, «командующимъ Дагестанскими войсками», о выдѣлѣ турокъ въ двухъ-дневный срокъ въ Гунибъ и объ удавленіи ихъ затѣмъ въ двухъ-недѣльный срокъ изъ предѣловъ Дагестана... Въ октябрѣ къ Петровску подходитъ турецкая бригада, Вичераховъ на судахъ уходитъ въ море, турки совместно съ дагестанцами рѣжутъ несчастныхъ армяниъ и восстанавлиютъ взаимный альянсъ... Въ ноябрѣ турецкіе эшелоны стѣпно уходятъ на Баку и Тифлисъ, ихъ смѣняетъ полковникъ Роуденсонъ и небольшой англійскій отрядъ: туркофильское настроеніе быстро блѣднѣетъ, а имамъ Дагестана Нажмудинъ Гойтинскій, вмѣсто газавата, проповѣдуетъ связь съ единой Россіей...

Такова была та національно-политическая канва, на которой кавказская совѣтская власть, не блиставшая ни умомъ, ни талантами, рисовала свои кровавые узоры, не заглядывая въ будущее, не стѣбяясь государственными интересами, ей чуждыми, исходя только лишь изъ чувства самосохраненія.

9 марта 1918 г., послѣ добровольнаго устраниенія «Терско-Дагестанскаго правительства»²⁾, на Терекѣ установилась совѣтская власть. Номинально Терекская область объявлена была составной частью Россійской совѣтской республики, связь съ которой поддерживалась, впрочемъ, лишь присутствіемъ во Владикавказѣ

¹⁾ Одновременно кн. Тарковский, бывшій
пріязель диктаторскую власть.

Дагестанскаго правительства,

²⁾ Начало см. Т. II, гл. XV. «Терско-Дагест. пр-ство» возникло въ декабрѣ 1917 г. въ результатѣ соглашения Терек. каз. пр-ства, Союза горцевъ Кавказа и Союза гордоловъ Терек. и Дагест. областей.

представителя всероссийского ц. п. к. «чрезвычайного комиссара» Орденженкидзе. Верховною властью края считался «Терекіи народный съезд»¹⁾, органом управления и законодательства — выдѣленный имъ «Народный советъ»²⁾ и — какъ власть исполнительная — «Советъ народных комиссаровъ». Эта трех-степенная власть имѣла соответственныя подразделения въ казачьихъ отдѣлахъ и горскихъ округахъ. Независимо отъ этихъ органовъ, въ край продолжали свое существованіе полупеазависимые мѣстные советы и испол. комитеты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, сохранившіеся въ Кизлярскомъ и Моздокскомъ отдѣлахъ органы терскаго казачьяго самоуправления, а во Владикавказѣ, Моздокѣ и другихъ городахъ и въ которое время и социалистическія городскія думы. Такое нагроможденіе властей усиливало лишь безвластіе и анархію³⁾.

Во главѣ совета народных комиссаровъ стоялъ эмигрантъ Ной-Мойшо-Бауцидзе⁴⁾, грузинскій еврей, начавшій свою революціонную дѣятельность еще въ 1905 г. ограбленіемъ Квирильскаго казначейства: въ составъ совета вошли люди по преимуществу съ уголовнымъ прошлымъ — Пашковскій (землед.), Фигатнеръ (ви. дѣль), Бутыринъ (воен.) и друг.; почти всѣ совершенно чуждые краю.

Новая власть не имѣла надежной опоры въ край, въ которомъ почти не было промышленности и, слѣдовательно, фабричнаго пролетаріата, основной ея силы. Красногвардейскіе отряды, формировавшіеся изъ солдатчины и мѣстныхъ плотородныхъ, обслуживали преимущественно мѣстные совдены, плохо подчинявшіеся центру. Поэтому, наряду съ попытками созданія собственной арміи изъ подонковъ Владикавказскихъ окраинъ и приплага бездомнаго, бродячаго люда, вся политика власти, всѣ декреты, постановленія съездовъ, агитация — направлены были къ раздѣленію мѣстныхъ элементовъ и къ привлеченію благопріятствующей ношной силы, связанной съ советами, если не идеологіей, то матеріальными обоюдными выгодами.

Нонерекъ пути совета стояло терское казачество, хотя и сильно тронутое внѣшними проявленіями большевизма, но цѣлко державшееся еще за свои привилегіи, преимущественно экономическаго характера. Советъ считалъ поэтому необходимымъ разрушить военную и экономическую силу казачества. Это рѣшеніе было обосновано первоначально не столько на реальномъ противодействіи терцевъ, сколько на инстинктивномъ страхѣ новаго правящаго класса передъ «страшной силой казачества» и его «реакціонной ролью» въ прошломъ. Объ этомъ большевизмскіе ораторы говорили на всѣхъ съездахъ, сопровождая свои рѣчи личными красочными воспоминаніями о «казачьей плетни». Происходило большое недоразумѣніе, такъ какъ казаки наиболѣе склонны были опереться на советскую власть въ своей борьбѣ противъ чеченцевъ, ингушей и притѣснявшихъ ихъ непокорныхъ центру мѣстныхъ совдеповъ.

Насаждая и поддерживая матеріально горскіе національные советы, большевики начали тщательно вытравлять остатки казачьяго самоуправления. Особымъ декретомъ всѣ существовавшія до того времени войсковыя части объявлены были распущенными, но исполненіе декрета послѣдовало только въ отношеніи казачьихъ частей, такъ какъ въ то же время по предложенію комиссара воен. дѣлъ Бутырина, собраніе горскихъ фракцій Народнаго совета постановляло организовать сводный отрядъ «для борьбы съ контр-революціей...» Совдены царжились цѣлыя экспедиціи для поголовнаго разоруженія станицъ. За разоруженіемъ слѣдовало полное истребленіе реквизиціями и грабежомъ, насилиями и убійствами. Весьма примитивный «аграрный законъ», принятый на «3-мъ Терскомъ народномъ

¹⁾ Собраніе предств. советовъ и всѣхъ социалист. партій, отъ с. р. до большевиковъ включительно.

²⁾ Въ немъ участвовали горская и казачья фракція.

³⁾ Въ одномъ сѣденіи бывало до 30 правившихъ «вароныхъ избравниковъ», получавшихъ содержаніе въ 15—20 тыс.

⁴⁾ Убитъ 20 Іюля 1918 г. Его смѣнилъ Пашковскій, вернувшійся по амнистіи съ каторжныхъ работъ, къ которымъ былъ приговоренъ за грабежъ.

съездъ», отнимала у казаковъ земли въ пользу крестьянъ и «исправляла историческія ошибки» въ пользу чеченцевъ и ингушей мѣрами крайне элементарными по замыслу и крайне жестокими по выполнению. Такъ, напримеръ, соединенными силами ингушей и красной гвардіи были разгромлены 4 станции Сунженской линіи, стоявшія поперекъ пути между горной и плоскостной Чечней¹⁾; казаки изъ нихъ выселены поголовно (до 10 тыс.) и съ остатками своего добра безоружные потянулись на сѣверъ, безъ какихъ-либо опредѣленныхъ перспективъ; гибли и мерзали по дорогѣ, подвергаясь вновь нападению и ограбленію со стороны горцевъ. Положеніе этихъ острыхъ черезполосныхъ клиньевъ историческаго казачьяго разселенія до Тереку и Сунжѣ было особенно тяжело.

Подъ ударами со всехъ сторонъ воля къ сопротивленію начала падать въ казачествѣ. Многія станции Волжскаго и Сунженскаго отдѣловъ разоружались до первого окрику большевиковъ и выдавали небольшимъ красногвардейскимъ частямъ и ингушамъ пріпрятанное оружіе, пушки, боевые припасы. Ибо вопросъ шелъ уже не объ сохраненіи «вольностей», а только о самосохраненіи.

На 7-мъ казачьемъ съездѣ, подъ давленіемъ соѣта комиссаровъ и большевѣтствующихъ казаковъ, терцы постановили отказаться отъ всехъ своихъ привилегій и «вольностей». Но и это самоотреченіе не измѣнило положенія, и преслѣдованіе казачества продолжалось съ прежней силой.

Политика и практика совѣтской власти на Кавказѣ неизбежно должна были привести къ восстанію наиболѣе утѣтаемыхъ элементовъ, какими являлось русское офицерство вообще и терское казачество.

По Кавказу и особенно на минераловодской группѣ сосредоточилось много тысячъ офицеровъ (на одной группѣ не менѣ десятка тысячъ), проживавшихъ остатки своего достоянія или бѣдствовавшихъ, обезоруженныхъ солдатами и находившихся подъ ихъ моральнымъ гнетомъ и усиленнымъ надзоромъ. Подъ вліяніемъ требованій Москвы, совѣтъ Владикавказскихъ комиссаровъ въ апрѣлѣ рѣшили приступить къ формированію красной арміи, для чего обратился къ офицерамъ съ патріотическимъ воззваніемъ — помочь родинѣ, угрожаемой пѣмецко-турецкимъ нашествіемъ. Выбѣвъ съ тѣмъ, совѣтъ обратился съ предложеніемъ стать во главѣ формированій «народной арміи» къ генераламъ Рузскому, Ралко-Дмитріеву и Мадритову. Первые два отклонили предложеніе и были убиты; генераль Мадритовъ вошелъ въ сношенія съ Поетомъ Ваучидзе. По распоряженію совѣтской власти, въ маѣ состоялся офицерскій митингъ въ Пятигорскѣ, съ участіемъ не менѣ тысячи человекъ, который послѣ долгихъ прерій вынесъ резолюцію: «принимая во вниманіе крайне тяжелое положеніе родины, необходимо создать для борьбы съ влѣтшимъ врагомъ народную армію, построенную на самой суровой дисциплинѣ, принятой въ одной изъ лучшихъ республиканскихъ армій. При этомъ все боепособные офицеры обязаны вступить въ такую», не сводя личныхъ счетовъ и не предъявляя никакихъ личныхъ требованій. Что касается поступленія офицеровъ въ красную гвардію, то это предоставляется доброй волѣ cadaго». Эта резолюція, повидимому, удовлетворила совѣтъ комиссаровъ, который вначалѣ іюня обратился къ выдѣленной митингомъ комиссії съ предложеніемъ рекомендовать ему генерала въ качествѣ командующаго войсками Терской области. Предназначенъ былъ ген. Мадритовъ, который, сформировавъ себѣ штабъ, перѣехалъ во Владикавказъ въ распоряженіе совѣта комиссаровъ.

Руководители всей этой сложной комбинаціи увѣряли, что цѣлью ихъ было «сформировать Терскую армію, совершить переворотъ и присоединиться къ Добровольческой Арміи...»²⁾. Вѣроятно, такіа иллюзіи поддерживали многихъ офицеровъ въ совѣтской Россіи, успокаивали совѣтъ и оправдывали бездѣятель-

¹⁾ Сунженская, Аки-Юртовская, Тарская и Тарскій хуторъ.

²⁾ Изъ записки ген. Мадритова.

ность. Фактически у кавказского офицерства ¹⁾ ни желания, ни смелости, ни малейшей работы мы не видели. Штаб Малдритова не проявлял никаких признаков жизни, а вскорѣ всякая связь его съ минераловодской группой порвалась: въ июнѣ временно захватилъ Киселоводскъ партизанъ, полк. Шкуро и оставилъ его, а изъ Петрограда вернулся на Кавказъ жестокой пятигорской сагралъ Анджевскій ²⁾; всякія мѣстные организации распались, началось казачье... Офицерство беззлочно подставляло свои головы подъ удары большевнскихъ палачей или распылялось по станицамъ и ауламъ; очень немногіе ушли со Шкуро и въ послѣдовавшей лѣтомъ и осенью 1918 г. вооруженной борьбѣ изъ двухъ, по крайней мѣрѣ, десятковъ тысячъ офицеровъ, приняли участіе лишь отдѣльные лица, небольшой отрядъ въ 300—500 человекъ полковника Литвинова и двѣ три болѣе мелкія.

Общегерманскаго блага центра на Кавказѣ такъ и не создалось; терекіе же казаки въ этотъ періодъ жили еще фронтowymi настроеніями и относились холодно къ своему офицерству и недружелюбно къ пришлому. По крайней мѣрѣ отрядъ Литвинова, ставши на Владикавказскій фронтъ, испытывалъ большую нужду: «продовольствіе отъ казаковъ было самое недостаточное, даже воду офицеры возили себѣ — въ станицахъ не нашлось для этого быковъ или лошадей. При этомъ... никакого содержанія офицеры не получали, были совершенно раздѣты и босы». Элементъ этотъ былъ, однако, болѣе послушнымъ и боепособнымъ, и терекое командованіе охотно использовало его на опаснѣйшихъ участкахъ фронта, гдѣ многіе «пришельцы» сложили свои головы, защищая терекіи станицы...

Подготовка Терскаго казачества къ возстанію велась съ конца мая — на Минеральной группѣ, въ Моздокѣ, въ Кизлярѣ и Владикавказѣ (казачья фракція Народнаго совѣта). Выступленіе предполагалось въ августѣ, послѣ окончанія полевыхъ работъ, но захватъ полк. Шкуро Киселоводска въ серединѣ іюня далъ сигналъ къ преждевременному возстанію Волжскаго отдѣла, болѣе пострадаващаго (минералы, группа), быстро перекинувшегося и въ отдѣлъ Моздокскій, который большевики не успѣли обезоружить. Большевики сѣшно направили противъ возставшихъ отряды красной гвардіи изъ Пятигорска, Владикавказа и Минеральныхъ водъ. Георгіевскъ былъ скоро ими взятъ, но подъ Прохладной казаки нанесли большевикамъ тяжелое пораженіе. Съ тѣхъ поръ въ теченіе пяти мѣсяцевъ шла упорная борьба возставшихъ терцевъ, заключенныхъ въ тѣсномъ районѣ между Прохладной и Кизлярскомъ и окруженныхъ со всѣхъ сторонъ врагами.

Военно-политическимъ центромъ стала Моздокъ. Туда же перѣехала казачья фракція Народнаго совѣта изъ Владикавказа. 20 іюня въ Моздокѣ состоялся съѣздъ казаковъ и крестьянъ (юртоичихъ) Терскаго воевода, который избралъ въ качествѣ исполнителскаго органа «Казаче-крестьянскій совѣтъ», во главѣ съ соц.-рев., шажеп. Вичераховымъ ³⁾. Этотъ совѣтъ и сталъ во главѣ движенія, признавъ командующимъ войскамъ, вмѣсто ген. Мистулова, раненаго подъ Прохладной, полк. Федюшкина.

Политическое возглавленіе наложило свой отпечатокъ на весь ходъ борьбы. Въ теченіе іюля шли длительные переговоры между Казаче-крестьянскимъ совѣтомъ и комиссарамъ, потомъ между совѣтомъ и 4-мъ «Съѣздомъ трудовыхъ народовъ», собравшимся во Владикавказѣ. Казаче-крестьянскій совѣтъ, признавая совѣтскую власть, требовалъ только измѣненія политикъ совѣтовъ комиссаровъ въ отношеніи терцевъ, прекращенія репрессій, возвращенія вооруженія и

¹⁾ Т. е. жившихъ въ то время на Кавказѣ.

²⁾ Предѣлатель пятигорскаго совѣта.

³⁾ Братъ партизана.

отставки наиболее одиозных комиссаров. «Съезд народов» требовал «полного подчинения и выдачи зачинщиков мятежа». Переговоры прервались неожиданно возстаньем во Владикавказ, поднятым полк. Глückовым и Соколовым, которые опирались на несколько осетинских сотен, стоявших в пригородной слободѣ, на городскую самооборону и на казаков трех ближайших суиженских станиц. В ночь на 25 июля полк. Соколов съ 80 казаками ворвался въ центр города, завладѣть Анперонскими казармами и разоружить часть красноармейцев, но ихъ поддержать не было. Сотни то подходили къ городу и вступали въ бой съ заставшими въ немъ большевиками, то вновь расходились по домамъ, не проявляя никакого подъема, никакой связи съ организацией.

Тѣмъ временемъ часть комиссаровъ во главѣ съ Пашковскимъ была схвачена, по отпущена на свободу по просьбѣ «Народнаго съѣзда». Самъ «съездъ» вскорѣ разбѣжался, а оставшіеся члены его, преимущественно соц.-рев., въ виду паденія «совнаркома», выдѣлили изъ своего состава «Исполнительный комитетъ», который возглавить собою «Терекскую республику» и владикавказское возстаніе и назначилъ «командующимъ всеми вооруженными силами республики» ген. Мадритова¹⁾. Такъ какъ, однако, ближайшія «вооруженныя силы», въ виду угрозы илугшей ихъ станицамъ, драться не хотѣли, то на 12-й день полной и безпробѣдной лутанины комитетъ и командующій покинули Владикавказъ. Злополучный городъ грабили сначала уходящіе осетины, потомъ оставшіеся красноармейцы и, наконецъ, вошедшіе въ него илугши. Совнаркомъ былъ возстановленъ, а исполнительный комитетъ, прибывъ въ Моздокъ, при содѣйствіи Бичерахова, объявилъ себя тамъ «Временнымъ народнымъ правительствомъ Терекаго края», подчинивъ своей власти Казаче-крестьянскій совѣтъ и возставшихъ терцевъ²⁾. Одновременно въ Моздокѣ открылъ дѣйствіе «областной комитетъ соц.-рев.», ставъ фактически третьей надстройкой многоэтажной и чужеродной казачеству власти.

Всѣ эти сцены политической чехарды сильно напоминали бы сатиры Шедрина или пьроды Вампуки, если бы не были густо окрашены человѣческой кровью, если бы не ставили на карту судьбы терскаго войска, Кавказа и бѣлаго движенія.

Въ срединѣ сентября въ Моздокѣ созданъ былъ новый казаче-крестьянскій съездъ Терскаго края (края — въ предѣлахъ полосы Прохладная — Кизлярскій), который долженъ былъ разрѣшить капитальнѣйшіе вопросы: о построении власти въ Терской республикѣ, о томъ мѣстѣ, которое должна занять она въ федеративной Россіи, и объ отношеніи къ надвигающейся на большевиковъ съ сѣвера Добровольческой Арміи...³⁾. Въ то время, когда фронтъ изнывалъ уже отъ боевыхъ тяготъ и неустойчива, понетинъ подугъ словоблудія парализъ глубоко росейскихъ гражданъ, извративъ масштабъ и перспективы, отвлекая ихъ отъ простыхъ и ясныхъ цѣлей борьбы.

Связь съ Добровольческой Арміей установилась только въ сентябрѣ послыской аэроплановъ черезъ фронтъ XI совѣтской арміи. 9 сентября на аэропланѣ былъ посланъ на Терекъ ген. Колесниковъ и небольшая сумма денегъ для офицерскихъ формирований, въ распоряженіе ген. Левшина⁴⁾, которому, вмѣстѣ съ

¹⁾ Предписание 1 (14) августа, подписанное председателемъ комитета П. Семеновымъ.

²⁾ Оригинально «происхождение» членовъ этого правительства:

Предсѣдатель Семеновъ — представитель городского населения Владикавказа; Орловъ — отъ самоуправления Пятигорска; Полесюкъ — отъ слобожанъ Грознаго, т. е. отъ тѣхъ группъ, которыя были въ борьбѣ нейтральны, или даже выступали за большевиковъ... Въ составъ пр-ства входилъ и «военный министр» Овчаренко, имѣвшій свой особый штабъ.

³⁾ На съездѣ правительство было частично переизбрано. Предсѣдателемъ сталъ Бичераховъ, а въ должности предсѣд. Казаче-крестьянскаго совѣта его замѣнилъ Вуковскій.

⁴⁾ Раньше никакой связи съ нимъ у насъ не было.

тѣмъ, предписано было добиваться устаповленія на Терекѣ единоличной атаманской власти. Штабъ мой послать терцамъ общую ориентировку и сообщилъ ближайшія задачи и цѣли Добровольческой Арміи, а именно: движеніе къ предѣламъ Терска и освобожденіе отъ большевиковъ Сѣвернаго Кавказа. Это извѣстіе о близкой помощи подняло значительно настроеніе команднаго состава и казаковъ, но встрѣчено было холодно революціонной демократіей. Бичераховъ по этому поводу говорилъ гев. Мадритову: «неизвѣстно, что намъ несетъ Добровольческая Армія — быть можетъ, намъ (терцамъ) придется и съ ней сражаться...»¹⁾

Въ результатѣ, на Терекѣ образовались двѣ вліятельныя группы. Одна — въ Прохладной, вокругъ командующаго войсками полк. Федюшкина, бывш. предѣдателя войскового круга Губарева и Левшина. Другая — въ Моздокѣ — вокругъ Бичерахова, Семенова и соц.-рев. комитета.

Все начинанія терскаго командованія разбивались о противодѣйствіе правительства. Командованіе желало ввести всеобщую мобилизацію, подковую организацію и нормальную дисциплину... Правительство объявляло о формироваіи «добровольческихъ отрядовъ имени учредительнаго собранія, на основахъ добровольной сознательной дисциплины», съ митингами, часто съ выборами начальниковъ. Командованіе стремилось на западъ, чтобы черезъ Пятигорскъ войти въ боевую связь съ Добровольческой Арміей... Правительство тянуло на востокъ, къ Петровску, гдѣ обосновалось соц.-рев. Каспійское правительство Бичерахова — брата, мечтавшее также подчинить своему вліянію весь Сѣверный Кавказъ, Черноморье, Кубань²⁾, и гдѣ сосредоточился въ началѣ сентября его отрядъ. А казачество не разбиралось, конечно, въ стратегіи, не имѣло большого желанія идти ни на востокъ, ни на западъ, наниво думалъ побороть большевиковъ о бороно й родныхъ станицъ и званъ опредѣленно, что ослабленіе ихъ гарнизоновъ повлечетъ великому чеченское или пугачское ишествіе... «Родныя хаты» — стимулъ большого моральнаго значенія, но почти всегда губельный для стратегіи.

Армія такъ и не сложилась. Бились отдѣльные отряды, чисто ополченскаго характера. Казаки служили по сѣбѣ и о, появляясь на фронтѣ на основаніи «сознательной дисциплины», ва одну, потомъ на двѣ недѣли и не разъ, не дожидаясь запаздывающей смѣны, расходились по станицамъ, обнажая фронтъ. Боевые припасы были на исходѣ, помощь ни откуда не приходила...

Подъ вліяніемъ всехъ этихъ условій, при содѣйствіи большевицкой агитаціи и болѣе тѣмъ странной правительственной пропаганды, падалъ духъ казачій. Нѣкоторыя станицы цѣлкомъ или частью приняли сторону большевиковъ. «Происходила невиданная война — говорить Е. Бупаковскій — население дѣлилось на части и недѣлями сражалось другъ съ другомъ на улицахъ родной станицы. Странинникамъ советской власти помогали красноармейцы. И когда борьба дѣлалась невозможной, нежелашіе подчиняться большевикамъ уходили въ сторону Проханаго. Образовался новый казаче-казачій фронтъ...»

Достоиню удивленія, какъ при этихъ условіяхъ, безъ дисциплины, безъ денегъ, безъ боевыхъ припасовъ, почти въ полномъ окруженіи — въ теченіи пяти мѣсяцевъ командный составъ и лучшая часть казачества находила силы продолжать борьбу. Дралась и умирали, не теряя вѣры въ свое дѣло и въ конечный его успѣхъ.

Ведя бой съ перемежнымъ счастьемъ, казачьи отряды постоянно мѣняли свой составъ, доходившій въ среднемъ до 12 тыс. при 40 оруд., и къ осени 1918 г. за-

¹⁾ Такое же отношеніе къ Арміи Бичераховъ проявилъ на «пародіомъ съездѣ», во огнѣ и его единомышленники встрѣтили бурный протестъ собранія. (Бюллетень за сѣданія 14 сентября).

²⁾ Отъ него получена была помощь въ 2 милл. руб. и боевые припасы.

Комисс. фин. Андреевъ, Военн. комисс. Бутуринь, комисс. вн. д. Фигатнеръ.

Предсѣд. „народн. съюза“ Богдановъ.

Предсѣд. совѣта комиссаровъ Буачидзе.

Сѣверо-Кавказскіе совѣтскіе правители.

нимали слѣдующее расположеніе: полк. Агоевъ стоялъ у ст. Зольской, въ переходѣ отъ Пятигорска; полк. Вдовенко — въ переходѣ къ юго-востоку отъ Георгіевска. Это были лучшія по стойкости и дисциплинѣ войска. Отдѣльные терскіе отряды прикрывали казачій «острѣвъ» съ сѣвера у Курской, съ юга — отъ Владикавказа — у Котлярской. Бои шли и у Грознаго — съ мѣстными большевиками, и у Кизляра, къ которому подошли красноармейскія части изъ Астрахани; при этомъ оба города переходили изъ рукъ въ руки.

Большую Кабарду и г. Нальчикъ занимали осетинскіе и кабардинскіе отряды Кибирова и Серебрякова, а противъ Владикавказа стояли осетинскія сотни полк. Хабаева.

Подъ давленіемъ Добровольческой Арміи, сѣверо-кавказскій фронтъ большевиковъ становился все въ болѣе угрожаемое положеніе, имѣя въ своемъ распоряженіи только одну коммуникаціонную линію — безводный Астраханскій трактъ. Очевидно, съ цѣлью пробить себѣ путь черезъ Моздокъ и Кизляръ, большевики предприняли въ началѣ ноября серьезную операцію въ этомъ направленіи, поведя наступленіе двумя главными колоннами: отъ Георгіевска на Моздокъ и отъ Пятигорска на Прохладную.

21 октября большевики заняли ст. Зольскую и 28-го Прохладную. Одновременно сильная колонна ихъ подошла къ Моздоку. Терцы отступали безъ серьезнаго сопротивленія... Путь Грозный вслѣдствіе отсутствія подкрѣпленій, привлеченныхъ къ Моздоку, и благодаря самовольному оставленію казаками важнѣйшаго участка позицій. Счита была блокада Кизляра, и казаки, атакованные горodemъ, разошлись по станціямъ, гдѣ началась уже веселая пора давни винограда.

Командующій войсками, полк. Федюшкинъ былъ къ тому времени смѣщенъ правительствомъ и на его мѣсто назначенъ выздоровѣвшій отъ ранъ ген. Мистуловъ — человѣкъ высоко доблестный и честный, но еще менѣе самостоятельный. На соединенномъ засѣданіи Временнаго правительства и Казаче-крестьянскаго съѣзда рѣшено было «объявить всеобщую мобилизацию и командировать особую комиссію въ отдѣлы для ознакомленія населенія съ критическимъ положеніемъ всего казачества, необходимостью новыхъ жертвъ».

Но было уже поздно.

На важнѣйшихъ направленіяхъ выбыли изъ строя начальники: полк. Агоевъ былъ раненъ, Вдовенко заболѣлъ; боевыхъ припасовъ почти не оставалось; все чаще стали случаи самовольнаго оставленія позицій и митинги. На всѣхъ направленіяхъ шло полное отступленіе, и ген. Мистуловъ, подъ вліяніемъ непрекращавшихся ссоръ и интригъ въ правительствѣ и совѣтѣ, не будучи въ состояніи остановить развалъ фронта, покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Еще одна искупительная жертва за чужіе грѣхи.

Между тѣмъ, большевики заняли и Моздокъ, раздѣливъ терскіе отряды, дѣйствовавшіе къ западу и востоку отъ него. Правительства передали власть «триумвирату» изъ Бичерахова, Бугановскаго и вновь избраннаго командующаго войсками ген. Колесникова и разсѣялись. Терскій фронтъ рухнулъ. Часть войскъ, тысячи двѣ, съ командующимъ, новымъ правительствомъ и соц.-рев. комитетомъ направилась къ Петровску; отряды Литвинова, Агоева, Серебрякова и Кибирова общимъ числомъ около 4 тыс. человѣкъ, кружнымъ путемъ, черезъ горы, южнѣе Пятигорска, вышли къ Баталпашинску на соединеніе съ Добровольческой Арміей; часть казаковъ «Владикавказскаго фронта» вмѣстѣ съ отрядами Хабаева пробилась къ Военно-Осетинской дорогѣ... Остальные казаки разошлись по станціямъ.

Весь терскій край вновь попалъ во власть большевиковъ, начавшихъ кровавую расправу.

ГЛАВА XIII.

Съверо-Кавказская операция Добровольческой армии

Послѣ поражения, понесеннаго 7 ноября подъ Ставрополемъ ¹⁾, XI совѣтская армія отступала въ двухъ главныхъ направлеціяхъ: Таманская группа на сѣверо-востокъ, къ с. Петровскому и группа Гудкова — на востокъ, къ Бешпагирю. 11 ноября 1-й конный корпусъ ген. Врангеля, форсировавъ рѣку Калаусъ и преодолевъ сопротивление Таманской группы, соединившейся уже съ частями красныхъ, дѣйствовавшихъ сѣвернѣе, взялъ село Петровское, узелъ дорогъ, ближайшую базу противника. Въ теченіе четырехъ дней въ этомъ районѣ происходили тяжелые бои, и село дважды переходило изъ рукъ въ руки. Корпусъ понесъ большія потери, особенно въ офицерскомъ составѣ, причѣмъ едва не попалъ въ руки противника штабъ корпуса, расположившійся въ с. Константиновкѣ. Только 15-го ген. Врангель овладѣлъ окончательно Петровскимъ. Измотанные до послѣдней степени многомѣсячными непрерывными боями кони отказывались уже работать, и кубанцы преслѣдовали противника шагомъ, атаковали рысью... Большевики нѣсколько разъ переходили въ контръ-наступление противъ с. Петровскаго, но были отражаемы съ большимъ урономъ.

1-й армейскій корпусъ ген. Казановича, преслѣдовавшій Гудкова, встрѣтилъ также серьезное сопротивление на линіи р. Бешпагирки, и въ теченіе девяти дней дрался съ перебитымъ успѣхомъ въ районѣ Бешпагиря. Только 20 ноября обозначился успѣхъ и на этомъ направленіи: ген. Врангель, оставивъ небольшою заслономъ у Петропавла, бросилъ 1-ю конную дивизию къ юго-западу на Синцевку, въ тылъ войскамъ Гудкова. Застигнутая врасплохъ этимъ неожиданнымъ ударомъ, атакованная одновременно съ фронта 1 дивизіей и обойденная кубанцами полк. Науменко долиной рѣки Горькой съ юга, группа Гудкова была смята и, теряя плѣнныхъ (болѣе 3-хъ тысячъ) и орудія, бросилась на востокъ. Ген. Казановичъ преслѣдовалъ большевиковъ за Калаусъ на разстояніи двухъ переходовъ и только къ 24-му было остановленъ ими на параллели с. Медвѣлскаго. Въ то же время ген. Врангель, искусно дѣйствуя по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, къ вечеру 21-го снѣшно сосредоточилъ свои силы вновь къ Петровскому, и на другой день таманскіе и ставропольскіе полки, успѣвшие обложить село съ сѣвера и юга и даже ворваться въ южную его окраину, были разбиты и снѣшно отошли къ востоку.

Къ концу ноября общее стратегическое положеніе на Сѣверо-Кавказскомъ фронтѣ было таково:

1. На крайнемъ правомъ крылѣ въ направлеціи Минеральныхъ водъ дѣйствовалъ третій армейскій корпусъ ген. Лихова ²⁾, силою въ 10 тыс. при 30 оруд. и четырехъ бригадахъ. Онъ занималъ фронтъ по обѣ стороны Владикавказской жел. дор. противъ ст. Куревки, а правымъ флангомъ своимъ подходилъ къ переходу къ жел. дор. линіи Кисловодскъ — Минеральныя воды. Корпусъ былъ недавно сформированъ и главную массу его составляли войска ополческаго типа.

Въ центрѣ, въ районѣ Ставрополя расположено было два корпуса. а) 1-й армейскій ген. Казановича ³⁾ — силою въ 6800 шт. и саб., 21 ору. стоялъ у

¹⁾ См. т. III, гл. XXXII.

²⁾ 1-я (ген. Слащевъ) и 2-я (ген. Гейманъ) плест. бригады, 1-я Кавказ. каз. див. (ген. Шкуро), Черкесская див. (ген. Султанъ-Келечъ-Гирей), Терскій отрядъ и Баталпашинскія ополченія.

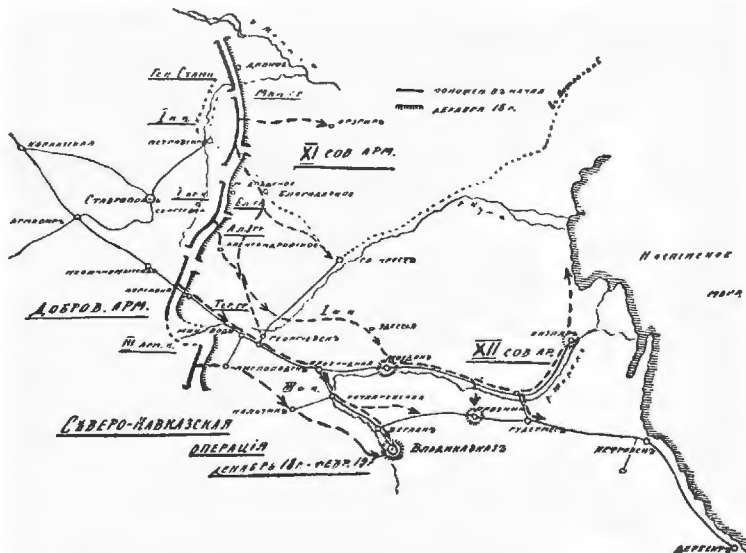
³⁾ 1-я див. (врем. ген. Колосовскій) и 1-я Кубанск. (ген. Покровскій, врем. ген. Науменко).

Сергиевк выдвинувъ передовыя части противъ Медвѣдскаго и Александровскаго; б) 1-й кон. корпусъ ген. барона Врангеля¹⁾, силою до 6 200 саб. и пт., 20 оруд. — въ районѣ Петровскаго.

3. Въ Приморскихъ степяхъ дѣйствовалъ отрядъ ген. Станкевича²⁾ — двѣ, три тыс., 4 оруд., держа связь съ Донскою арміею и прикрывая лѣвый флангъ нашего расположенія.

Всего въ Кавказской группѣ Добровольчес Арміи было около 25 000 при 75 орудіяхъ.

Противъ нашихъ войскъ располагалась XI армія красныхъ, подъ командой гвдыа Крузе. Составъ, командованіе и организація ея непрестанно мѣнялись, какъ мѣнялась и человѣческая волна, перелипавшаяся черезъ ея кадры. Въ составъ ея входило 12 пѣх. дивизій трехъ-пяти полкового состава и 7½ кав. дивизій. Въ рядахъ ихъ числилось огромное количество людей, не менѣе 150 тыс., изъ которыхъ около половины дѣйствительно сражавшихся. Въ теченіе декабря предполагалось произвести полную реорганизацію арміи, путемъ отсѣтки ея отъ небоевого адепта и сведенія многочисленныхъ колоній, отрядовъ въ 5 стрѣлковыхъ и 5 конныхъ дивизій. Въ ноябрѣ армія усилена частями, освобожденными послѣ паденія Терскаго фронта, въ томъ числѣ Терекской дивизіей и Кабардинской бригадой.

Къ концу ноябра войска XI арміи располагались слѣдующимъ образомъ:

1. Манчкская группа («ставропольскія» дивизіи), 15 тыс., противъ ген. Стапкевича и къ востоку отъ Петровска, между Манчкель и с. Овоши. Благодарненская группа («таманскія» дивизіи), 10 тыс., противъ прав. фланга ген. Врангеля и противъ лѣв. крыла ген. Казановича, впереди Благодарнаго.

¹⁾ 1-я кон. див. (ген. Шатиловъ), 2-я Куб. каз. див. (ген. Улагай), Сводная конная бригада (ген. Чайковский), 3-я пласт. бриг. (ген. Ходкевичъ).

²⁾ Сборныя части 3 Куб. див., 3 пласт. бриг., 1 див. и друг.

3. Александровская группа (бывш. Гудкова), 10 тыс., против прав. крыла ген. Казановича, впереди с. Александровского.
4. Терская группа, до 25 тыс., против ген. Ляхова, от Курсавки до Кисловодска. Ближайшим резервом этим силам могла служить XII армия, под командой Дьякова, силою до 12 тыс. человек, образовавшаяся после падения Терского фронта в районе Кизляр — Моздок — Грозный из трех лучших полков сильного состава, пришедших из Астрахани и местных формирований.

Всего против нашей Северо-Кавказской группы стояло 72 тыс., при 80—100 орудиях. Войска эти базировались на Астрахань, а передовой базой для XI армии служила обильно снабженный всякими запасами Св. Кресть.

24 ноября части Добровольческой Армии получили ближайшую задачу: ген. Врангель, с подчинением ему отряда Станкевича — разбить группу противника, сосредоточивающегося к северу от Петровского¹⁾, теснящую донцов (по Манычу) и Станкевича и угрожающую выдвинутому вперед положению 1 кон. корпуса.

Ген. Казановичу — наступлением. Благодарное обезопасить операцию Врангеля.

Ген. Ляхову — перейти в наступление на фронт Кисловодск — Минеральные воды, для овладения Минераловодской группой.

Во исполнение этой директивы с 25 ноября по 20 декабря шли тяжелые бои, с переменным успехом, изнурительные для обеих сторон.

Ген. Врангель, наступая главными силами по обоим берегам Калауса на север и отрядом Станкевича на восток, на Стар. Бурдукшупь, в течение 26 ноября — 1 декабря, рядом удачных боев очистил северный район; большевики, неся большие потери, бежали на Рагули. Мелкие бои, однако, в этом районе не прекращались; 5 декабря большевики атаковали вновь на фронт Кистенское — Дербетовское, но были отброшены. Атаки противника повторились 11-го от Овощи на Камбулать бригадой пехоты и кавалерии и 13-го более крупными силами — всей Манычской группой, до 15 тыс. — на фронт Кистенское — Предтеча, в охват Петровского с севера... Направленный ген. Врангелем во фланг наступающих, ген. Улагай, к вечеру того же дня, разбить южный отряд большевиков в район Барханчака и затѣм, действуя быстро и искусно, в течение трех дней нанес ряд сильных ударов и средней колонией у Винодѣланого, Дербетовского, отбросив большевиков далеко за Дивное.

По упорство большевиков сломлено не было. Новая мобилизация и подкрепления, прибывшие из Астрахани и с Терека, усилили XI армию, которая не только стойко оборонялась, но временами переходила в общее наступление на всему фронту (10—11 декабря).

Был сильный мороз. Бушевала страшная вьюга. И люди и кони работали из последних сил.

Наступление ген. Казановича, имѣвшего против себя в центрѣ наиболее сильную Таманскую группу, подвигалось медленно. Только на правом флангѣ его 1-я дивизия ген. Колосовского имѣла успѣх, разбив 6-го у Александровского две бригады большевиков. Все усилил свои Казанович направлял для фронтального прорыва в направлении на Медвѣдское, которое, после перегруппировки, атаковал и взял 13-го; но уже через два дня таманцы перешли большими силами в контр- наступление со стороны Благодарного, и ген. Казанович, неся большие потери, стал отходить к р. Калаусу.

Когда было взято Медвѣдское, я полагал использовать успѣх Казановича движением с севера во фланг и тыл противника частей 1-го кон. корпуса.

¹⁾ Район Предтече — Софиевскій — Старый Бурдукшупь.

Людской и конный состав его, однако, быть пзмотанъ до крайности и ген. Врангель считалъ необходимымъ для восстановления боеспособности корпуса по крайней мѣрѣ двухнедѣльный отдыхъ. Но черезъ нѣсколько дней, въ виду серьезнаго положенія группы Казановича, онъ самъ предложилъ ударить по тыламъ противника на фронтѣ Медвѣдское — Шиякино. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ группы — отрядъ ген. Станкевича утвердился въ Б.-Джалгѣ, одна бригада прикрывала Петровское съ востока; прочія силы 1-го кон. корпуса начали сосредоточеніе въ районѣ къ юго-востоку отъ Петровскаго.

На Минераловодскомъ направленіи — гололедица, большіе морозы и сибѣжные бураны, свирѣтствовавшіе съ особой силой въ предгоріяхъ Кавказа, до крайности затрудняли операциі. 28 ноября ген. Ляховъ занялъ ст. Барсуки; къ 3 декабря дивизія ген. Шкуро, слѣдунъ на соединеніе съ корпусомъ, вышла на фронтъ его съвернѣе ст. Курсавка, которая и была взята 14-го, послѣ горячаго боя соединенными усилиями бронированныхъ поѣздовъ, пластуновъ и ударомъ въ тылъ дивизіи Шкуро. На всемъ фронтѣ корпуса изо дня въ день шли бои, типичные для «малой войны», причемъ, оперативныя сводки, отмѣчали перемежающіеся успѣхи и неудачи — переходъ изъ рукъ въ руки станицъ Боргустанской, Суворовской, Воросколѣвской, станицъ Курсавки... 16 и 17-го одновременно съ наступленіемъ въ центрѣ на Казановича, Терская группа красныхъ повела общее наступленіе и на корпусъ Ляхова, развивая небывалой силы артиллерійскій огонь. Въ направленіи Владикавказской жел. дор. линіи наступленіе это было сдержано бронепобѣдами и атаками кубанцевъ Шкуро и горцевъ Бесовича Черкаскаго¹⁾. На правомъ флангѣ намѣхъ противникъ имѣлъ, однако, успѣхъ и, сбивъ Черкесскую дивизію, быстро двигался къ Баталпашинску. Ген. Шкуро направился туда, чтобы личнымъ своимъ влияніемъ на казаковъ Баталпашинскаго отряда поднять тамъ поголовное ополченіе.

Наступленіе въ центрѣ Сѣверо-Кавказскаго Добровольческаго фронта назначено было на 21 декабря. Въ этотъ день на разсвѣтѣ я съ Романовскимъ и английскимъ представителемъ ген. Пуль прибылъ на сборный пунктъ конницы генерала Врангеля, верстахъ въ 20 къ юго-востоку отъ Петровскаго. На дашнхъ глазахъ происходило развертываніе и движеніе въ атаку славныхъ полковъ 1-го кон. корпуса, сыгравшихъ рѣшительную роль въ послѣдовавшемъ генеральномъ сраженіи.

Для прикрытія лѣваго фланга отъ Маныча (Кіевское) до Овоши оставлены были отряды ген. Станкевича и ген. Бабіева. Остальная войска корпуса ген. Врангель бросилъ на фронтѣ Медвѣдское — Шиякино — въ тылъ Таманской группѣ противника. Стремительной атакой кубанцевъ большевики, занимавшіе этотъ районъ, были разбиты, и главныя силы Таманской группы, потерявъ пути отхода на Св. Крестъ, въ безпорядкѣ бросились на югъ и юго-востокъ. Въ то же время войска Казановича, наступая съ фронта, на лѣвомъ своемъ флангѣ взяли 21-го Орѣховку и Высоцкое, а на правомъ, въ ближайшіе дни, овладѣли послѣдовательно Грушевской, Кадишовой и Александровскимъ...

Вслѣдъ за тѣмъ, 24-го, ген. Врангель овладѣлъ Благодарнымъ, ведя преслѣдованіе на югъ и востокъ, послѣ чего сосредоточилъ свой корпусъ въ районѣ этого села. Дважды еще большевики переходили въ контръ-наступленіе — 25-го на Благодарное и 26-го противъ Казановича, но были обращены въ бѣгство. Число плѣнныхъ, оружія, обозовъ, попадавшихъ въ наши руки, все болѣе увеличивалось. И 27 декабря штабъ имѣлъ основаніе сообщить печати, что «Таманская армія противника приведена въ полное разстройство и управленіе ею потеряно».

Въ виду общности фронта и задачи, я объединилъ командованіе надъ войсками генераловъ Казановича и Врангеля въ рукахъ послѣдняго. Эта армейская

¹⁾ Черкесы и Кабардинцы.

группа должна была докончить поражение центра XI советской армии, наступая на Святой Крест — Георгиевск, в то время как корпус Лихова выполнял прежнюю задачу — овладеть линией Кисловодск — Минеральные воды.

24 декабря сборный отряд ген. Шкуро отразил противника, обстреливавшего уже орудийным огнем Баталпашинскую, и погнал его в направлении Есентуков; к 29-му наши части атаковали Курсавку, Есентуки и Кисловодск...

Ген. Врангель, между тем, направил дивизию Улагая на Святой Крест, главными же силами продолжал теснить Тамашскую и Александровскую группы противника на юг. Шаг за шагом, разбивая еще сопротивлявшиеся отряды, забирая много пленных и орудий, войска его в начале января продвинулись в район Новоселицы — Александровское.

К этому времени разстроенная и деморализованная XI армия красных, насчитывавшая еще в своих рядах до 40 тыс. при 50—80 оруд., сбилась в две группы: в район ст. Нагутская — Кисловодск — Минеральные воды — около 20 тыс. и в район Св. Креста — до 10 тыс.; оторванная от главных сил Маньчж. группа (Ставропольский корпус) противника, силою до 10 тыс., дѣлала попытки облегчить положение всей армии наступлением в охват нашего лѣвого крыла, но в боях в долине Маныча и в районе Овоши и Рагули ген. Станкевич и полк. Бабиев нанесли ей ряд поражений и вскоре вытѣснили большевиков в Астраханскія степи.

Къ вечеру 4 декабря дивизию ген. Улагая, наступая по Благодарненск. дорогѣ, послѣ жестокаго боя овладѣла Св. Крестомъ, и одновременно другая колонна ген. Топоркова, направленная Врангелемъ изъ главныхъ силъ, взяла Преображенское (вжѣте), прервала тамъ ж. д. сообщение, не допустивъ эвакуаціи Св. Креста.

Овладѣніе нами Св. Крестомъ, помимо огромной военной добычи, которую представляла эта передовая база всего Северо-Кавказскаго советскаго фронта, окончательно лишило остатки XI армии сѣверо-восточныхъ путей отступленія. Передъ нею лежало двѣ дороги — одна черезъ Владикавказъ на Грузію, другая — на Моздокъ — Кизляръ къ Астрахани. Первая сулила ей темное будущее въ странѣ враждебной большевизму, вторая — спасеніе; но была она страшно длинной и трудной, и огромному большинству принесла гибель...

6 января, продолжая наступленіе по всему фронту, войска ген. Врангеля заняли Георгиевск и темъ предѣлили участь Минеральной группы. Корпусъ Лихова на другой день овладѣлъ Есентуками, Кисловодскомъ и Минеральными водами, а 8-го Питигорскомъ. 12 января ген. Шкуро послѣ горячаго боя взялъ Нальчикъ и, бросившись затѣмъ на сѣверъ, 14-го занялъ Прохладненскій узел¹⁾, отрезавъ темъ большинкамъ путь отступленія на Владикавказъ. Безостановочно преслѣдуя противника, наши войска къ 14 января вышли на линію Нальчикъ — Прохладная — Эдессія — Правомумское — Арагиръ — Дивное.

Это былъ полный разгромъ противника — тактическій и моральный, требовавшій лишь неотступнаго преслѣдованія, невзирая на страшное утомленіе Добровольческихъ войскъ. Эта сводившаяся къ освобожденію Терской области и къ выходу къ Каспійскому морю задача возложена была мною на ген. Врангеля, сыгравшаго такую блестящую роль въ истекшей операціи. 10 января онъ сталъ фактически во главѣ Кавказской Добровольческой армии, въ составъ которой я включилъ весь войска, стоявшія на фронтѣ отъ Дивнаго до Нальчика²⁾.

Въ концѣ января ген. Врангель заболѣлъ сыпнымъ тифомъ и не могъ руководить операціей. Это обстоятельство поставило меня въ большое затрудненіе, такъ какъ передавать командованіе старшему (ген. Лихову) я не хотѣлъ — его стратегія не раздѣлялась мною, а начальникъ штаба армии ген. Юзефовичъ только что поступилъ въ наши ряды и не могъ поэтому приобрести авторитета въ глазахъ

¹⁾ Тамъ же захвачены весь спасшіяся Кисловодскій совдепъ.

²⁾ Въ командованіе 1 кон. корпусомъ вступилъ ген. Покровский.

доблестных, но своенравных начальников Кавказской армии. Ръшено до официального приказа о замѣщеніи не отдавать, а ген. Юзефовичу руководить арміей отъ имени ея командующаго.

Къ серединѣ января Сѣверо-Кавказскаго совѣтскаго фронта уже не существовало, оставались только разрозненные отряды: остатки разбитой XI армии (до 20 тыс.) группировались въ районѣ Прохладной и по путямъ отъ нея, частью къ Владикавказу, преимущественно же къ Моздоку; другая группа (около 5 тыс.), оторванная отъ главныхъ силъ и стремившаяся соединиться съ X арміей, сосредоточилась у Прютнаго, сѣвернѣе оз. Манычскаго; на всемъ огромномъ протяженіи между этими пунктами — по воздушной линіи свыше 250 верстъ, только въ кумскомъ районѣ собирались остатки, до 3 тыс. красныхъ, разбитыхъ у Св. Креста. Восточнѣе — XII армія, силою около 12 тыс., занимала Грозный, Кизляръ и Старотеречную, прикрывая единственный путь отхода — прикаспійскій Астраханскій трактъ. Наконецъ, въ районѣ Владикавказа сосредоточились крупные мѣстные отряды «Сѣверо-Кавказской республики», и неизвестно было — дружественная или враждебная сила — войска Ингушетіи.

Такимъ образомъ, Кавказская добровольческая армія имѣла передъ собою еще до 50 тыс., хотя и разрозненныхъ, лишенныхъ управленія и деморализованныхъ совѣтскихъ войскъ.

14 января командующій арміей, оставивъ для прикрытія Астраханскихъ направлений и Ставропольской губ. отрядъ ген. Станкевича на Манычѣ и дивизію ген. Улагая у Св. Креста, двинулъ для преслѣдованія противника два корпуса: ген. Ляхова (3 арм. к. - с.) — на Владикавказъ и Грозный, ген. Покровскаго (1 кон. к. - с.) на Моздокъ — Гудермесъ — Кизляръ къ Каспійскому морю.

Человѣческая волна катилась бурно и неудержимо на востокъ, покрывая всея дороги на много десятковъ верстъ, запрудивъ ихъ обломками повозокъ, брошеннымъ скарбомъ, трунами людей и животныхъ. Кому удавалось спастись отъ пули и шашечнаго удара, тотъ находилъ смерть отъ сильного тифа, косившаго нещадно. Многие участники похода, свыкшіеся, казалась, съ ужасами войны, не могли потомъ безъ содроганія вспомнить эти кошмарныя картины: мечущіяся толпы, брошенные на произволъ судьбы полѣзда съ больными и ранеными, тысячи изнемогавшихъ людей въ жару и бреду, ползущихъ по рельсамъ и откосамъ полотна и давившихъ немилосердно уходящими полѣздами.

Иногда толпы большевиковъ оставались живы и, побуждаемы страхомъ и чувствомъ самосохраненія, принимали вновь обликъ воишской силы и вступали въ бой съ преслѣдовавшими — бой жестокой, упорный, безнадежный...

Ген. Покровскій двигался нѣсколькими колоннами съ сѣв. зап. къ Моздоку на перерѣзъ пути противника, отходившаго лѣвнымъ берегомъ Терека. На разсвѣтѣ 15-го Покровскій обрушился на большевиковъ на широкомъ 25 верстномъ фронтѣ, прижалъ ихъ къ рѣкѣ и въ упорномъ бою, въ которомъ со стороны большевиковъ принимало участіе и 8 бронированныхъ полѣздовъ, разбилъ ихъ на голову, взялъ до 10 тыс. пѣшихъ и занялъ Моздокъ. Бѣгущимъ пыталась переправиться на правый берегъ, но единственный деревянный мостъ рухнулъ, и много людей, спасаясь влѣвъ, утонуло въ Терекѣ.

Еще разъ у станицы Мекенской корпусъ встрѣтилъ сопротивление, но послѣ двухъ-дневнаго бои опрокинуть противника и, сбивая его короткими ударами, шель безостановочно впередъ, занявъ 24 января Кизляръ, достигнуть развѣздами Брянской пристани и войти въ связь у Хасавъ Юрта съ Терекскимъ отрядомъ ген. Колесникова, стоявшимъ въ Петровскѣ. Остатки большевнцкихъ войскъ частью разсыпались по Чечнѣ, частью (3—4 тыс.) были пастигнуты и порублены сѣвернѣе Кизляра. Весьма немногимъ удалось уйти на Астрахань.

Этотъ безпримѣрный маршъ — 350 верстъ съ боями — 1-й конный корпусъ Покровскаго совершилъ въ 14 дней!

Ген. Ляховъ, оставивъ часть силъ для обезпеченія Прохладненскаго узла, двинулъ войска генераловъ Шкуро и Геймана обоними берегами Терека къ Владикавказу, а Черкесскую дивизию ген. Келечъ-Гирей — въ долину Сунжи на Грозный.

Пройдя до Ахлова, черкесы встрѣтили неожиданное сопротивление со стороны ингушей, которые, выставивъ хорошо вооруженный двухтысячный конный отрядъ, прикрыли отступление большевиковъ и отказались пропустить наши войска до рѣшетія ингушскаго національнаго совѣта, заседавшаго въ Назранѣ. Ген. Келечъ-Гирей вступилъ въ бой съ ингушами, но потерпѣлъ неудачу и, не разсчитывая на свои силы, свернулъ кружнымъ путемъ на станицу Слъщовскую и взялъ ее съ боя. Но попалъ въ трудное тактическое положеніе между ингушами и большевиками. Ген. Ляховъ направилъ крупныя части изъ своего резерва — Прохладной для ликвидаціи сопротивленія непокорныхъ ауловъ и одновременно предъявилъ ингушскому народу ультимативное требованіе — сдать оружіе, очистить Владикавказъ и окрестныя селенія, восстановить спесенныя терскія станицы. Перегоны намѣренно затягивались ингушами и наступленіе Черкесской дивизіи на Грозный задержалось. Между тѣмъ до свѣдѣнія моего дошло, что какіе-то сборные отряды подъ англійскимъ командованіемъ направлены изъ Петровска къ Грозному¹⁾... Во избѣжаніе нежелательныхъ послѣдствій иностранной оккупациі огромной важности нефтеноснаго района, я приказалъ возложить задачу овладѣнія Грознымъ на ген. Покровскаго. Съ тѣваго берега Терека онъ свернулъ отъ ст. Каплиновской на югъ части 1-й кол. дивиз. ген. Шатилова и 23-го, послѣ двухдневнаго жестокаго боя, городъ былъ взятъ.

На Владикавказскомъ направленіи плло наступленіе отрядовъ Шкуро и Геймана, которые, преодолевъ сопротивленіе противника на линіи Ардонъ — Эльхотово, къ 19 января подошли къ ст. Бесланъ, въ двухдневномъ бою опрокинули большевиковъ, беспорядочно отступившихъ къ Владикавказу, и 21-го гоп. Шкуро ворвался уже въ зарѣчную часть города, занявъ кадетскій корпусъ; 24 въ его рукахъ было сѣверное предмѣстье — Курская слобода, а южнѣе города — гора Ласая, тѣмъ отрѣзаясь былъ противнику путь отхода и по Военно-Грузинской дорогѣ. Многіе комесары и совдепы кавказскихъ городовъ успѣли, однако, бѣжать въ первые дни осады въ гостеприимную Грузію.

Большевики совмѣстно съ ингушами оборонялись съ большимъ ожесточеніемъ²⁾. Части ген. Геймана, наступавшія съ сѣвера, находились подъ ударомъ съ фланга и тыла, со стороны ингушскихъ ауловъ, съ населеніемъ поголовно вооруженнымъ, поднявшимся въ защиту большевиковъ. Потребовалось 6 дней упорной борьбы, ряда послѣдовательныхъ ударовъ по ингушскимъ ауламъ, въ которыхъ большевики совмѣстно съ ингушами отчаянно защищали каждую саклю. И только 27-го ингушскій національный совѣтъ выразилъ отъ имени народа полную покорность, принявъ все наши условія, а 28-го послѣ десяти-часоваго уличнаго боя, наши войска овладѣли Владикавказомъ.

Въ послѣдующіе дни происходила только ликвидація остатковъ противника, разсѣивающагося въ окрестностяхъ Владикавказа и закатаго нашими войсками въ тѣсномъ районѣ Сунженской долины между Владикавказомъ и Грознымъ. Въ Грузію бѣжало свыше 3-хъ тыс. красноармейцевъ, которыхъ, по моему настоянію передъ англійскимъ командованіемъ, грузинское правительство обязалось интернировать въ Мхетѣ³⁾.

Сѣверо-Кавказская операція закончилась. Вся Ставропольская губ. и Терская область были освобождены отъ совѣтской власти. Въ предѣлахъ Сѣвернаго

¹⁾ Нѣкоторое основаніе было. См. главу XV.

²⁾ Городъ обороняли Владикавказскій полкъ, дружина самообороны, отряды коммунистовъ и ингуши — съ сильной артиллеріей и броневиками.

³⁾ Это исполнено не было. Многіе большевики появлялись въ Тифлисѣ, поступали въ Грузинскую над. гвардію или выпускались къ намъ на Черноморское побережье. () неисполненіи грузинами условій сообщало моему штабу и англійское командованіе (23 марта № 77).

Генераль Улагай.

Кавказа не оставалось больше ни одной организованной большевистской части. Много крови, много жизни стоила и огромных усилий потребовала эта борьба, давшая чудесная страницы Добровольческого эпоса, богатая яркими примѣрами высокой доблести и искусства многих вождей и воинов.

Стогтысячная армія Сѣверо-Кавказскаго большевистскаго фронта перестала существовать. Она осталась въ нашихъ рукахъ 50 000 пѣхотныхъ, но считая больныхъ и раненыхъ, 150 орудій, 350 пулеметовъ и огромное количество всякаго военнаго имущества. Она усыла своими трупами Ставропольскія поля и предгорья Кавказа во имя чуждыхъ ей идей и непонятныхъ цѣлей. Въ теченіе 7½ мѣсяцевъ она отвлекла на себя почти всѣ Добровольческія силы Юга и хотѣ за это должна бы получить нѣкоторое признаніе со стороны московскихъ правителей. Но они вблизи въ могилу ея основной колы и написали на немъ бражную надпись. И мнѣ — врагу, приходится заступиться за память погибшей арміи передъ исторіей.

Бронштейнъ о причинахъ неудачъ на Южномъ фронтѣ говорилъ ¹⁾:

«... за спиной Красова, на югѣ, стояли Деникинскія блговардейскія войска. Знали мы о нихъ? Конечно, знали. Но за спиной Деникинскихъ войскъ стояли сѣверо-кавказскія совѣтскія арміи. Эти двѣ арміи насчитывали чуть не 150 000 или даже 200 000 человекъ. По крайней мѣрѣ, снаженіе они требовали на такое число. Но это не были правильно организованнаго войска, а партизанскіе отряды, за которыми ташилось много бѣженцевъ и просто дармоедовъ и мародеровъ. Никакой правильной организациі снабженія, управленія и командованія не было и въ поминѣ. Самодѣльные командиры не желали никому подчиняться и боролись другъ съ другомъ. Какъ всегда водится у партизановъ, страшно преувеличивали свои силы, съ презрѣніемъ относились ко всѣмъ предостереженіямъ центра, а потомъ, послѣ перваго серьезнаго удара со стороны Деникинцевъ, стали разсыпаться на части. При этомъ сдали врагу множество военнаго имущества и погубили при отступленіи неисчислимое количество человѣческихъ силъ. Нигдѣ, можетъ быть, партизанщина не обомлала такъ дорого рабочимъ и крестьянамъ, какъ на Сѣверномъ Кавказѣ.

Такимъ образомъ, основною причиною нашихъ южныхъ неудачъ являются не недостатки организациі арміи южнаго фронта, а предательская, въ полномъ смыслѣ слова, роль пережившей себя партизанщины.

Нѣтъ сомнѣнія, что много извѣсть развѣдало Сѣверо-Кавказскую армію — вѣроятно не въ меньшей степени, чѣмъ прочія красныя арміи. Но, очевидно, воинскій духъ оя, невзирая на отсутствіе непосредственнаго управленія центра и плодотворнаго вліянія «московскихъ и петроградскихъ созвѣздныхъ товарищей», вліявшихъ во множествѣ на другіе фронты (или, быть можетъ, благодаря отсутствію этого вліянія?), былъ неизмѣримо выше, чѣмъ въ другихъ красныхъ арміяхъ. Потому что справляться съ всею намъ было труднѣе, чѣмъ съ другими, потому что борьба съ нею стоила намъ относительно большихъ потерь. И не разъ, разбитая, казалось, до основанія, она возрождалась вновь и вновь, давая твердый отпоръ Добровольцамъ.

Въ началѣ февраля Кавказская добровольческая армія, имѣя обезпеченный и относительно замкнутый тылъ, получила, наконецъ, возможность повернуть на сѣверъ для выполненія своей основной задачи.

ГЛАВА XIV.

Терекъ въ 1919 году.

Когда войска Добровольческой Арміи овладѣли Минеральной группой и опредѣлился ясно исходъ операціи, я назначилъ командира 3 арм. корпуса ген. Ля-

¹⁾ 8 июня 1919 г. Городъ Козловъ.

хова «главноначальствующим и командующим войсками Терско-Дагестанского края». Одновременно письмом на имя начальника края я определял общия основания той политики, которой надлежало придерживаться русской власти:

«Милостивый государь

Владимиръ Платоновичъ,

Героическими подвигами Кавказской добровольческой армии, въ которой слились въ одномъ беззаветномъ порывѣ ставные кубавскіе казаки, Добровольцы, терцы и горскіе воины, освобождается весь Сѣверный Кавказъ отъ власти большевиковъ.

Кончаются дни безпросвѣтной тьмы, хулиганскаго разгута и безправія. Народная жизнь потрясена до основанія, тѣмъ болѣе, что смута еще болѣе обострила взаимоотношенія, существовавшія между народностями Сѣвернаго Кавказа.

Вамъ предстоитъ тяжелая, но благодарная задача умиротворить Терско-Дагестанскій край. Внести начала законности и порядка. Съ высокой справедливостію и безпристрастіемъ примирить интересы подчасъ враждующихъ сосѣднихъ народностей. Возстановить правильную экономическую жизнь, чему всемирно будутъ содѣйствовать органы управленія, при мнѣ состоящіе. Помочь свободному развитію мѣстныхъ установленій. Создать вооруженныя силы для защиты родныхъ очаговъ и для участія въ борьбѣ за освобожденіе Россіи. Наконецъ, вновь приобщить край къ русской государственности.

Отъ всей души желаю скорѣйшаго прекращенія междоусобій, счастья и мира многострадальному краю.

Уважающій Васъ А. Деникинъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, «въ пѣляхъ воссозданія Терскаго казачьяго войска», ген. Ляхову приказано было собрать кругъ для выбора войскаго атамана, поручивъ эту работу находившемуся въ районѣ Добровольческой Арміи, бывшему предѣдателью Терскаго округа, П. Д. Губареву.

Если во взаимоотношеніяхъ съ Дономъ и Кубанью вопросъ о необходимости единой государственной власти ставился намъ, какъ необходимость подчиненія общимъ интересамъ частныхъ, то для Терска, при его крайней чрезмѣрности, при страшно запутанныхъ межплеменныхъ отношеніяхъ, острой враждѣ къ нему чеченцевъ и пугушей и далеко не соразмѣрныхъ силахъ сторонъ, установленіе обще-російской власти являлось вопросомъ физическаго существованія казачества, вопросомъ жизни и смерти. Только такая власть, чуждая областныхъ интересовъ, могла имѣть извѣстный авторитетъ въ глазахъ горцевъ, примирить враждующіе элементы и остановить или, въ крайней мѣрѣ, не дать разгорѣться на Сѣверномъ Кавказѣ новому пожару, открывающему путь для новой волны большевизма — пожару, въ пламени котораго, прежде всего, сгорѣло бы Терское войско. Наконецъ, только русская власть могла обезпечить Сѣверный Кавказъ, какъ тылъ наступающимъ на сѣверъ, противобольшевистскихъ армій и, ослабивъ развитіе панисламистскихъ и центробѣжныхъ теченій, сохранить край для Россіи. Это сознавала ясно русская общественность Юга, такъ думали тогда, въ періодъ начальной борьбы терскіе дѣятели — будущіе законодатели и правители, въ томъ числѣ ген. Зловенко¹⁾ и Губаревъ. Пониманіе положенія не чуждо было и горской интеллигенціи. Представители наиболѣе культурнаго племени — осетины имѣли смѣлость высказать его открыто²⁾: «Не располагая умственными и материальными силами даже для совмѣстной автономности, не говоря уже о государственной независимости, горцы по пути къ своей независимости стали добычей какъ авантюристовъ пзъ своей собственной среды, такъ и большевиковъ. Это было неизбежно. Вѣдь въ прошломъ Кавказъ представлялъ изъ себя арену непрерывной войны его народовъ, и только сильная русская власть въ состояніи была отчасти умиротворить ихъ, отчасти заставить ихъ приступить къ мирнымъ видамъ труда».

¹⁾ Будущій атамалъ.

²⁾ «Протестъ Осетинъ», подписанный правителемъ Хабаевымъ и 9 членами сонѣта. Осень 1919 года.

Даже яркій проповѣдникъ горской независимости, предѣдатель горскаго правительства Коцовъ, на одномъ изъ засѣданій, въ порывѣ истинной откровенности, заявилъ: «слабыя наши стороны намъ не давали жить. Это — грабежи и разбои, кои не даютъ намъ ходу. Вотъ почему насъ хотятъ умпротворять, вотъ почему хотятъ назначить генералъ-губернаторовъ... Это и есть наше слабое мѣсто — «если хотите самоопредѣляться, то обезпечьте свободное проживаниеъ гражданамъ» — вотъ что намъ могутъ оказать...»¹⁾.

Лахову даны были указанія относительно организаціи мѣстной власти, которыя оны стали осуществлять практически съ середины января. Само же «положеніе» выработывалось детально въ пѣдрахъ комиссіи Особого Совѣщанія очень долго, претерпѣвало частичныя видоизмѣненія и только къ концу мая появился оффиціально проектъ его.

Въ общемъ, система управленія намѣчалась слѣдующая:

Высшая гражданская и военная власть въ краѣ принадлежитъ главноначальствующему и командующему войскамъ, который по второй своей должности подчинился непосредственно главнокомандующему вооруженными силами Юга Россіи, а по первой — Особому Совѣщанію. При главноначальствующемъ состояли помощники, изъ которыхъ одинъ — по горскимъ дѣламъ, выбираемый, какъ и члены совѣта ири немъ, на общемъ горскомъ съѣздѣ.

Территорію краи составляютъ области Терскаго войска и Дагестанскаго, четыре горскихъ округа — Кабарда, Осетія, Ингушетія, Чечня и выдѣленные въ особая административныя единицы градоначальства: Владикавказское²⁾, Грозненское³⁾ и Минераловодскій районъ⁴⁾.

Терекъ получалъ широкую автономію, аналогичную той, которая была составлена для Кубани⁵⁾. «Терское войско — говорилось въ «Основныхъ положеніяхъ» — пользуется правами автономіи во внутреннихъ своихъ дѣлахъ и управляется, въ этомъ отношеніи, на основаніи законодательныхъ постановленій, издаваемыхъ войсковымъ кругомъ, ири посредствѣ Круга, выборнаго Войскового атамана, правительства и другихъ органовъ, которые будутъ учреждены войсковымъ кругомъ...» «Дѣла общегосударственныя (перечень тотъ же, что для Кубани), разбираются въ порядкѣ законодательства и верховнаго управленія Главнокомандующимъ вооруженными силами Юга Россіи, въ порядкѣ же управленія подчиненнаго вѣдаются главноначальствующимъ Терско-Дагестанскаго края и иными подлежущими органами...» «Въ порядкѣ военнаго управленія Терское войско и его войсковое начальство подчиняются Главнокомандующему вооруженными силами Юга Россіи. Распоряженія Главнокомандующаго приводятся въ исполненіе черезъ командующаго войскамъ въ краѣ...

Во главѣ каждой горской народности стоитъ правитель по выбору народа и при немъ совѣтъ, также изъ выборныхъ. Они вѣдаютъ дѣлами мѣстнаго управленія, хозяйства и въ вопросамъ культурно-бытовыми; сохраняются и шаріатскіе суды. Правители подчиняются непосредственно главноначальствующему.

Кругъ дѣятельности этихъ органовъ точно установленъ не былъ, и фактически горскія племена пользовались полнѣйшей самостоятельностью. Единственною государственною тяготой была для нихъ платная поставка продовольствія расположеннымъ въ ихъ районахъ войскамъ и обязанность выставить въ дѣйствующую армію боевыя части, сообразно численности своего племени. Требованіе это диктовалось мотивами не военными, а исключительно политическими: не было иныхъ средствъ, чтобы выкачать изъ ауловъ массу накопленнаго тамъ оружія и безпокойные элементы и тѣмъ хоть до нѣкоторой степени обезпечить

¹⁾ Изъ протокола засѣданія. Февраль 1919 г.

²⁾ Владикавказъ — слорный пунктъ между тремя племенами.

³⁾ Общегосударственное значеніе нефтянскаго района, находящагося въ предѣлахъ Терска и Чечни.

⁴⁾ Общероссійская админіація, созданная на государственныя средства.

⁵⁾ См. Т. III, гл. XXXVII.

общий внутренний миръ въ краѣ и, въ частности, Терское войско, ослабленное посылкой своихъ полковъ на сѣверъ. Численность всѣхъ горскихъ континентовъ въ рядахъ Арміи до конца мая не превышало 3—4 тыс.

Терскій большой войсковой кругъ открылся 22 февраля.

Кругъ выслушалъ докладъ ген. Ляхова о конструкціи власти въ Терско-Дагестанскомъ краѣ, рѣшивъ по этому вопросу не выносить, но выказавъ готовность всемірно поддерживать Добровольческую Армію. Признавъ необходимымъ тѣсное объединеніе съ Кубанью; избралъ малый кругъ въ качествѣ «комисіи законодательныхъ предположеній» для будущей сессіи войскового круга; утвердилъ временную конституцію края; и избралъ атаманомъ ген. Изденко, вручивъ ему полную военную и исполнительную власть, обязавъ лишь атамана и поставленное послѣднимъ правительство «по вопросамъ законодательнаго характера, не терпящимъ отлагательствъ (займы, палог и т. п.), обращаться за утвержденіемъ къ Малому кругу». Велѣвъ за сими, черезъ 9 дней Большой кругъ разошелся на неопрѣдѣленное время, предоставивъ инициативу своего созыва Малому кругу и атаману.

При такихъ условіяхъ началось сопряженіе двухъ властей — казачьей и Добровольческой, обосновавшихся въ Пятигорскѣ. Недоговоренность взаимоотношеній, рядъ спорныхъ вопросовъ, восходившихъ еще къ періоду дореволюціонному, прошеки кубанскихъ самоотійшковъ, чрезвычайнаго чуткое, прямо болѣзненное отношеніе новыхъ терскихъ властей къ своему престолю, чтобы оны не были плечѣмъ умалеть «противъ старшихъ братьевъ — Дова и Кубани» — все это не могло не породить треній. Къ тому же ген. Ляховъ былъ человѣкъ властный, крутой, съ характеромъ тяжелымъ и обращеніемъ рѣзкимъ, обламывавшимъ, а не сглаживавшимъ острые углы взаимныхъ отношеній. Въ результатѣ, послѣ двухмѣсячнаго управленія, главноначальствующій въ своемъ отчетѣ¹⁾ свидѣтельствовалъ:

«Приходится отмѣтить постоянныя неофіціальныя сношенія (моего) управленія съ новой образовавшейся въ краѣ властью въ лицѣ Войскового правительства Терскаго казачьяго войска. Непрерывно возникающія тренія на почвѣ рѣзкихъ выступленій указаннаго правительства по предметамъ явно не подлежащимъ его компетенціи, какъ напримѣръ, распоряженія въ предѣлахъ минераловодскаго района, въ области государственныхъ финансовъ, передвиженія грузовъ, закрытія границъ Терской области, попытки захватить учрежденія бывшаго правительственнаго продовольственнаго аппарата, постоянно заставляютъ Управление относиться съ особой бдительностью къ распоряженіямъ Войскового правительства — при чемъ до послѣдняго времени удавалось полуофіціальнымъ путемъ и переговорами съ Войсковымъ атаманомъ и его правительствомъ улаживать всѣ недоразумѣнія. При этомъ Войсковымъ правительствомъ отмѣнены всѣ изданныя имъ распоряженія, несогласныя съ общей конституціей власти, установленной Добровольческой Арміей.

Управленіе однако отмѣчаетъ, что тренія увеличиваются и могутъ быть весьма серьезными, въ особенности въ области земельного вопроса, который, повидному, предполагается казачествомъ къ разрѣшенію въ благоприятномъ только для казаковъ смыслѣ»

Ляховъ править этнографической мозаикой Сѣвернаго Кавказа съ большой энергіей, въ условіяхъ крайне трудныхъ. Возстановилъ судъ, администрацію, правительственныя учрежденія. Создавалъ примирительныя комиссіи, формировать войска и съ февраля велъ самостоятельную операцію противъ большевиковъ и горцевъ²⁾. Центръ нашъ медлилъ, отставая отъ быстро текущей жизни, и главноначальствующій вводилъ, по собственной инициативѣ, законодательныя новеллы въ области земельныхъ отношеній, акциза и т. д., иногда расходявшіяся съ политикой центра. Такъ, управленіе его взяло на себя самочинно разрѣшеніе въ административномъ порядкѣ ходатайствъ о возстановленіи владѣльцевъ зем-

¹⁾ Отъ 31 марта 1919 г. № 1276.

²⁾ Кавказская добровольческая армія перебрасывалась на сѣверъ.

ли и движимых имущества в их правах — мѣра, создавшая почву для недовольства и обвиненій власти.

Правление ген. Ляхова продолжалось только три мѣсяца, такъ какъ въ мартѣ произошелъ печальный случай, прервавшій его служебную дѣятельность. Начальникомъ конвоя главноначальствующаго (или комендантомъ его штабъ-квартиры), лицомъ пользовавшимся его неограниченнымъ довѣріемъ былъ нѣкто капитанъ Чайдоица, состоявшій ранѣе комендантскимъ адъютантомъ штаба Арміи и удаленный съ этой должности. Ляхова предупреждали не разъ о сомнительной репутациі Чайдоицы, но онъ не обращалъ на это вниманія. Противодѣйствовать даже задержанію Чайдоицы, когда тотъ былъ уже обличенъ. Слѣдствіе раскрыло такія картины провокаціи, арестовъ и садическихъ убійствъ съ корыстной цѣлью, связанныхъ съ дѣятельностью Чайдоицы, что косвенно репутациа самого главноначальствующаго была скомпрометирована, и онъ вынужденъ былъ оставить постъ. Ген. Ляховъ удалился отъ всякой дѣятельности и жилъ въ глухомъ углу въ окрестностяхъ Батума, гдѣ было крайне не спокойно. Человѣкъ лично мужественный, Ляховъ пренебрегалъ опасностью, не принималъ никакихъ мѣръ и, при вторичномъ покушеніи на его жизнь, былъ убитъ злоумышленниками.

На должность главноначальствующаго 16 апрѣля былъ назначенъ ген. Эрдели.

Хотя новый главноначальствующій отличался большимъ тактомъ и извѣстными дипломатическими способностями, но тренія съ терскими властями продолжались и у него; въ особенности послѣ того, какъ въ маѣ донское правительство одноостороннимъ распоряженіемъ отпустило изъ ростовской экспедиціи 80 милл. Тереку и тѣмъ уменьшило зависимость терскаго правительства отъ командованія. Проектъ организаціи Терско-Дагестанскаго края, данный генераломъ Эрдели на заключеніе терскому правительству въ серединѣ мая, вызвалъ рѣшительный протестъ послѣдняго даже по основному вопросу о самомъ бытіи «Терско-Дагестанской» власти... Въ «чрезвычайномъ» засѣданіи по этому поводу терское правительство вынесло резолюцію¹⁾:

«Область войска Терскаго должна быть исключена изъ состава Терско-Дагестанскаго края съ непосредственнымъ подчиненіемъ войскаго атамана Терскаго войска Главнокомандующему в. с. Юга Россіи генералу Деникину на равныхъ основаніяхъ съ атаманами Донскимъ и Кубанскимъ. Поэтому проектъ закона объ управленіи Терско-Дагестанскимъ краемъ къ управленію территоріей Терскаго казачьяго войска не долженъ относиться. Это и должно лечь въ основу переработки означеннаго закона во всей его совокупности, — о чемъ и представить главно- у Терско-Дагест. края».

Терскіе правители и Кругъ желали, чтобы общерусская власть желѣзнымъ обручемъ сковала горскіе народы и требовали особенно рѣшительныхъ военныхъ мѣръ противъ ингушей и чеченцевъ, угрожавшихъ предѣламъ области. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, настаивали, чтобы эта власть отнюдь не вмѣшивалась въ суверенное существованіе Терска. Въ этомъ отношеніи, они палили полную поддержку въ кубанскихъ политическихъ кругахъ, и первое чествованіе терскихъ правителей въ Екатеринодарѣ (27 мая) было ознаменовано рѣчами, направленными противъ Добровольческой Арміи — «врага казачества», противъ командованія и, въ особенности, противъ Особаго Совѣщанія...

Такое одностороннее рѣшеніе вопроса о построеніи кавказской власти было и несправедливо и неосуществимо... Въ запискѣ, приложенной къ приведенной выше резолюціи и составленной по предложенію Эрдели, торцы сообщали и рядъ конкретныхъ пожеланій: отдачу имъ Минераловодской группы, потому что съ нею «политически тѣсно связаны казачьи станицы»; упраздненіе грозненскаго градоначальства, существованіе котораго «со включеніемъ туда нефтяныхъ казачьихъ земель создастъ у широкихъ казачьихъ массъ впечатлѣніе, что казачьо

¹⁾ Письмо предс. правительства отъ 13-го мая 1919 г., №

достояние — промысла — власть хочеть оттянуть у Войска»; передачу «всего горного дѣла, въ частности, нефтяного, на территоріи войска, какъ со стороны горно-техническаго надзора, такъ и съ хозяйственной... исключительно въ вѣдѣніе терскаго правительства...»¹⁾. Къ этимъ чисто экономическимъ требованіямъ присоединялось и военное — чтобы атаманъ являлся «прямымъ начальникомъ всѣхъ терскихъ войсковыхъ частей, внѣ зависимости отъ мѣста ихъ нахождения. и ему принадлежало право инспектированія и всѣхъ назначеній...»

Терское правительство обосновывало свои «претензіи на вѣботорую долю государственной власти... революціонной неустойчивостью момента» и выражало даже нѣкоторую угрозу: «если этого не учитывать и не считать съ этими взглядами широкихъ казачьихъ демократическихъ и общественныхъ слоевъ войска, то возможно серьезное коренное расхожденіе во взглядахъ и нагубный для обѣихъ сторонъ разрывъ... Дѣло въ томъ, что процессъ революціоннаго строительства еще продолжается...»

Если отбросить всю обязательную въ то время «революціонную» терминологию, камень преткновенія лежалъ, главнымъ образомъ, въ нѣкоторыхъ экономическихъ вопросахъ, къ которымъ и по Особое Совѣщаніе, оберегая общерусскіе интересы, относилась, быть можетъ, слишкомъ ригористически. Все остальное — было только декорацией. Угроза была неумѣстна по адресу Арміи — освободительницы и безвильна по существу. Ибо частичный даже уводъ весной частей арміи съ Кавказа на сѣверъ, для отраженія большевиковъ, обрушившихся на насъ съ Царицынскаго направленія, вызвалъ совместное представленіе и атамана, и главноначальствующаго²⁾, рисовавшее такую картину:

«При наличіи волстанія «керженитовъ» въ Осетіи... при взаимной кровной ненависти терцевъ съ одной стороны и чеченцевъ и ингушевъ съ другой, (при) ясно обнаруженныхъ намѣреніяхъ (большевиковъ) наступать на Кизляръ и Св. Крестъ, уводъ первой конной дивизіи неизбежно приведетъ къ отпадчѣ (большевикамъ) Владикавказе... Грознаго и Кизляр, что вызоветъ возстаніе всѣхъ горскихъ народовъ и полный распадъ всего Терскаго казачьяго войска, которое разбредется по станицамъ защищать свои пещища...»

Третья создавала, въ сущности, только небольшая, но вліятельная часть всево-радикальной и самостоятельной терской интеллигенціи въ правительствѣ въ Кругѣ³⁾, тогда какъ казачество было совершенно инертно, глубоко чуждо политической борьбѣ и сердечное расположено къ Добровольческой Арміи; города же всемѣрно вырывались пѣзъ подчиненія отдѣльной (уѣздной) казачьей власти, и городскія самоуправленія, въ конечномъ результатѣ, настояли на проведеніи выборнаго производства, на основаніи закона Особого Совѣщанія. Даже революціонная демократія, во образѣ «Сѣвагора»⁴⁾, въ понеклахъ выхода между «стремленіемъ сословно-казачьихъ круговъ растворить городъ въ сельскую казачью

¹⁾ Въ нашемъ проектѣ «основныхъ положеній» вопрець о нѣдрахъ трактовалась слѣдующимъ образомъ:

IV. Нѣдра земли въ предѣлахъ Терскаго казачьяго войска принадлежать ихъ собственникамъ, на основаніи прежде изданныхъ по сему предмету законовъ. Пользованіе доходами съ нефтеносныхъ земель, принадлежащихъ войску Терскому, сохраняется за ними на существующихъ основаніяхъ.

V. Управленіе Грозненскими нефтяными, а также всѣми другими горными промыслами на территоріи Войска Терскаго въ техническомъ отношеніи, независимо отъ того, кто состоитъ владѣльцемъ ихъ, принадлежитъ общегосударственной власти и осуществляется мѣстнымъ горнымъ надзоромъ, а черезъ его посредство центральнымъ горнымъ вѣдомствомъ.

VI. Регулированіе добычи нефти и правильнаго распрежденія ея въ соответствіи съ интересами всей страны принадлежитъ общегосударственной власти.

²⁾ Телеграфный докладъ по поводу переброски 1 кон. дивизіи.

³⁾ Не малую роль игралъ въ этомъ дѣлѣ и извѣстный ген. Комиссаровъ, пришедшій къ одной изъ станицъ и выбранный казаками членомъ Круга. Въ это время Комиссаровъ возилъ лично лично крайне правого и пользовался поддержкой этихъ круговъ, ирадебныхъ одновременно и самостоятельности и компаніюванію Добров. Арміи.

⁴⁾ Сѣверо-кавказскій союзъ городовъ.

массъ, враждебной городской культурѣ», и «недопѣриемъ власти имущихъ круговъ въ Особомъ Совѣщаніи, установившихъ опеку надъ цѣлесообразностью дѣйствій городскихъ самоуправленій»¹⁾), — склоняясь явно на сторону второй коммуніціи...

Терскій кругъ, собравшійся на вторую сессію въ концѣ іюня, просилъ меня прибыть на свое совѣщаніе, встрѣтить и принимать чрезвычайно тепло. Говорили, что мой пріѣздъ уравновѣсилъ вліяніе кубинской делегаціи, работавшей весьма энергично противъ объединенія Терека съ командованіемъ Добр. Арміи. Но въ постановленіи Круга о построеніи власти — это отношеніе не проявилось. Кругъ сталъ на точку зрѣнія правительства и отнесся отрицательно къ предъложенной ему конституціи Терско-Дагестанскаго края, подчеркнул особенно свое несогласіе по вопросу о Грозномъ, Минеральной группѣ и о правахъ на нѣдра. Территоріи Терской области управлялась, поэтому, до конца двумя властями: ген. Эрдели правилъ на основаніи положенія о Терско-Дагестанскомъ краѣ, атаманъ Вдовенко — примѣнительно къ Терской конституціи — со всеми отрицательными послѣдствіями такой сепаратной дѣятельности.

Было бы долго и затруднительно перечислять все тѣ разногласія, которыя возникали между терскимъ правительствомъ и командованіемъ. И приведу одинъ лишь эпизодъ, характеризующій траги-комическое положеніе Владикавказской жел. дор., имѣвшей несчастье пересѣкать одиннадцать разъ суверенныя государства. Въ этомъ эпизодѣ, какъ въ кривомъ зеркалѣ, отражается вся доскутная государственность Юга.

Въ іюні — августѣ 1919 г. имѣла мѣсто слѣдующая переписка:

1. Отъ начальника управленія торговли и промышленности Терскаго войска — Управленію Владикавказской ж. д., телеграмма 29 іюня:

«Терское войсковое правительство, являясь высшимъ органомъ правленія въ Терской области, сохраняетъ за собой всю полноту власти и вмѣстѣ съ нею неотъемлемое законное право, какъ таковое, въ изданіи законовъ и распоряженій въ области. Отказа и запретъ на провозъ товаровъ, какъ по области такъ и за предѣлы ея по разрѣшеніямъ на то Терскаго правительства лицамъ, немѣющими къ нему никакого касательства²⁾), является незаконной, претендующей ограничить власть Войскаго правительства. А потому Терское правительство требуетъ въ предѣлахъ Терской области исполнять распоряженія только Войскаго правительства. Производить отправки грузовъ за предѣлы области — по разрѣшеніямъ на то правительства, а по области — безъ всякихъ разрѣшеній. 606.

Уторгпромъ Орлуниня.

2. Отъ правителя Кабарды — управленію Владикавказской дороги, сношеніе 3 іюля, № 3799:

«Управленіемъ дороги сдѣлано распоряженіе начальникамъ станцій Нальчикъ, Докшукчи, Котляревская, Прохладная, Солдатская и Муртазово..., находящимся на территоріи Кабарды, не принимать никакихъ грузовъ безъ разрѣшенійныхъ свидѣтельствъ Терскаго правительства.

... Настоящимъ ставлю Васъ въ извѣстность, что... Кабарда есть самостоятельное административное управленіе, въ свѣдѣніи правыхъ равное Терскому правительству, и одно лишь можетъ запрещать или разрѣшать ввозъ и вывозъ въ предѣлы и за предѣлы Кабарды. А потому, означенное распоряженіе прошу отменить, поставивъ въ извѣстность г.г. начальниковъ вышеупомянутыхъ станцій и предписать имъ принимать товары къ отправленію лишь по молвамъ разрѣшеній и окружныхъ Нальчикскихъ управленій.

Ген. майоръ князь

Бекевичъ Черкасскій.

3. Отъ помощника правителя Кабарды — Управленію Владикавказской ж. д., сношеніе 10 іюля, № 4999:

«Совѣтомъ при правителѣ Кабарды установленъ самый минимальный налогъ съ вывозимыхъ изъ Нальчикскаго округа и ввозимыхъ въ таковой разныя

¹⁾ Резолюція пленума Съзакатора. Май 17 г.

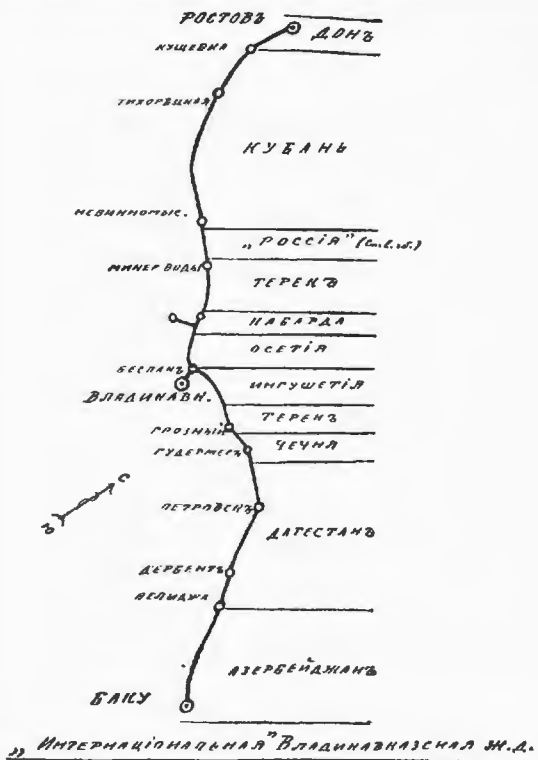
²⁾ Надо понимать — органы Особого Совѣщанія... Авт.

грузовъ... Вслѣдствіе этого прошу сдѣлать распоряженіе, чтобы вывозимые изъ Надъчкискаго округа и ввозимые грузы принимались для отправки и выдвались подучателямъ по разрѣшеніямъ Надъчкискаго окружной администраціи.

За помощника по гражданской части Н. Н.

4. Отъ ген. Эрдели — предсѣдателя Особаго Совѣщанія, телеграмма 5 августа, № 4618, съ просьбой

«... сдѣлать распоряженіе и указать управленію Владикавказской ж. д., что оно должно исполнять приказанія общегосударственныхъ властей, каковыя Терское войсковое правительство не является».

5. Главному начальнику военныхъ сообщений отправлена предыдущая телеграмма, съ резолюціей ген. Лукомскаго:

«Что это за безобразіе? Срочно ирощу разслѣдовать, отмѣнить распоряженіе и доложить. 1/УШ.

6. Отъ предсѣдателя Особаго Совѣщанія — главноначальствующему Терско-Дагестанскаго края, сношеніе 8 августа, № 1011:

«... Мною сего числа сдѣлано соответствующее распоряженіе главному начальнику военныхъ сообщений».

Терській
Ген. Вдовенко.

Донської
Ген. Богаваскій.

Атамань:

Кубанській
Ген. Філімоновъ.

Астраханській
Ляховъ.

Препровождая въ копіяхъ всю относящуюся къ дѣлу переписку, прошу распоряженій о безпрятствіиномъ слѣдованіи грузовъ въ предѣлахъ и изъ предѣловъ вѣрнѣяго Вамъ края.

Ген. Лукомскій.

Такъ жили и правила власти Юга.

И только благодаря сознанию смертельной опасности, въ случаѣ разрыва, отсутствію въ масѣ Терскаго казачества всякихъ самостоятельныхъ тенденцій, личнымъ отношеніямъ ген. Эрдели съ нѣкоторыми терскими дѣятелями, въ томъ числѣ съ атаманомъ Вдовенко и предсѣдателемъ Круга Губаревымъ, наконецъ, умѣренности и обще-російскимъ тенденціямъ атамана, государственный механизмъ на Кавказѣ могъ работать въ теченіе года, правда, съ перебоими, но безъ потрясеній, которыя имѣлъ мѣсто на Кубани.

Но, стремясь къ возможной независимости отъ власти вооруженныхъ силъ Юга, Терскъ считалъ себя всегда неразрывной частью Единой Россіи, не вѣль по крайней мѣрѣ съ нею заблаговременно торга о предѣлахъ своихъ вольностей и не обезпечивалъ ихъ требованіемъ «федерации» или «конфедерации» — попятій столь ярко выдвинутыхъ русской смутой и столь чуждыхъ въ устахъ коренной русской области, по отношенію къ своей странѣ. Это значительно умѣряло остроту терской фронды. А терское правительство, пройдя нѣсколько мѣсяцевъ горькимъ, тернистымъ путемъ власти, пришло къ заключенію:

«При такой обстановкѣ (большевизма и возстанія горцевъ) мысль о созданіи новыхъ формъ государственной и общественной жизни, въ соотвѣтствіи съ выдвинутыми идеями мѣстнаго самоуправленія, замправетъ, такъ какъ приходится думать больше не о гражданскомъ устроеніи жизни, а о защитѣ свободы и физической безопасности гражданъ. Правильная сознательная работа возможна только въ нормальныхъ условіяхъ спокойной, мирной жизни»¹⁾.

ГЛАВА XV.

Терско-Дагестанскій край въ 1919 году. Междуусобная борьба. Меджлисы и англичане.

Умиротвореніе горскихъ народовъ шло своимъ чередомъ, встрѣчая большія трудности.

Еще въ мирное время, жизнь на Кавказѣ мѣстами была неспокойной, и кавказскіе пути требовали усиленной военной охраны. Съ выходомъ войскъ на фронтъ мировой войны, потомъ съ началомъ революціи и ослабленіемъ центральной и мѣстной властей, положеніе стало еще хуже. Наконецъ, гражданская война, безчисленные фронты, разрушеніе желѣзныхъ дорогъ, общее разореніе и кровавые счеты — все это произвело въ край небывалый хаосъ. Грабежъ, какъ занятіе, пользовавшееся почетомъ на Кавказѣ, стало теперь обычнымъ ремесломъ, значительно усовершенствованнымъ въ приемахъ и «орудіяхъ производства» — до пулеметовъ включительно. Грабили всѣ «народы», на всѣхъ дорогахъ и всѣхъ путникахъ — безъ различія происхожденія, вѣровааній и политическихъ убѣжденій. Иногда сквозь вѣтшій обликъ религіознаго или національнаго подъяема хищнымъ осколомъ проглядывало все то же обнаженное стремленіе. Дороги въ край стали доступными только для вооруженныхъ отрядовъ, сообщеніе замерло, и жизнь замыкалась въ порочномъ кругѣ страха, подозрительности и злобы.

Осетія и Кабарда присоединились къ намъ сразу и добровольно, создали вскорѣ национальные сѣзды, избрали правителей и совѣты, установили вполнѣ благоприятныя отношенія съ главнначальствующимъ и Особымъ Совѣщаніемъ. Роль послѣдняго первое время ограничивалась почти исключительно денежными

¹⁾ «Программа Терскаго правительства» 10 ноября 19 г.

асенироваными на многообразныя нужды этихъ округовъ и поддержку ихъ культурно-просвѣдительныхъ начинаній. Внутренній миръ и въ нихъ наладился не скоро: пришлось имъ подавлять оружіемъ, подчасъ весьма жестоко, вспышки экстремистовъ¹⁾, не утратившихъ еще связей и симпатій къ большевикамъ, и бороться съ разбоємъ. Въ Осетіи, повидимому, самоуправленіе налаживалось, и устанавливались хорошія отношенія къ мѣстной выборной власти; а изъ Кабарды не разъ приходили жалобы на произволъ старшинъ, взяточничество аульской администраціи и самовольныя взысканія съ населенія узденями убытковъ, нанесенныхъ во время господства большевиковъ.

Подчинившаяся официально Ингушетія фактически почти внѣ связи съ русской властью. Не проявляясь активно, не прекращалось въ ней броженіе, подогреваемое извнѣ постоянными сношеніями съ такъ называемымъ «горскимъ правительствомъ» и укрытыми въ аулахъ, послѣ паденія Владикавказа, коммунистами, комиссарами, среди которыхъ называли и «чрезвычайнаго комиссара» московскаго совпаркома Ордженидзе. Формированіе ингушскихъ полковъ для Добровольческой Арміи не подвигалось, а вмѣсто этого шло тайное формированіе мѣстныхъ отрядовъ. Ингушетія по прежнему представляла изъ себя враждебный вооруженный станъ, который считался съ однимъ лишь аргументомъ — силой.

Иначе обстояло дѣло въ Чечнѣ и Дагестанѣ, гдѣ мы встрѣтили неожиданно протиподѣйствіе со стороны одного изъ кочующихъ правительствъ (характерное порожденіе русской революціи) — «республики горскихъ народовъ Кавказа» и англичанъ. Избранный на 2-мъ горскомъ съѣздѣ «центральный комитетъ союза горцевъ» имѣлъ вначалѣ узкую задачу — отстраненія обще-горскихъ интересовъ. Но, послѣ паденія Россійскаго временнаго правительства, «горскій союзъ, подъ вліяніемъ фанатизма однихъ и честолюбивыхъ замысловъ другихъ, перешелъ сначала къ чисто горской автономности, а позже къ независимому государственному образованію, требуя отъ всѣхъ признанія своего суверенитета надъ территоріей и надъ народами, населяющими во многихъ мѣстахъ чрезволосно съ русскими и казаками Сѣверный Кавказъ. Эти политическія стремленія дали горскимъ народамъ только междуплеменную вражду и нго большевиковъ въ Терскомъ краѣ. Такъ опредѣляли вполнѣдствіи правитель и совѣтъ Осетіи роль горскаго правительства, протестуя противъ домогательствъ послѣдняго на власть²⁾.

Послѣ шваркскихъ событій во Владикавказѣ, горское правительство бѣжало въ Тифлисъ и, оторванное отъ событій на Кавказѣ, частью разсѣялось, частью — въ лицѣ кабардинца Штемаха Коцева³⁾, чеченца Тоны Чермоева⁴⁾ и др. — продолжало еще выступать въ центрахъ восточной политики. Они побывали въ Константинополѣ, призывая единовѣрныхъ турокъ помочь имъ освободиться отъ «русскаго владычества»⁵⁾ они, явившись на Батумскую мирную конференцію въ качествѣ «полномочныхъ» представителей Сѣв. Кавказа, всемірно поддерживали германо-турецкую дипломатію въ ея захватныхъ стремленіяхъ противъ закавказской делегаціи... Въ Тифлисъ они добивались у германскаго командованія помощи ингушамъ (?), но осторожныя ибъмы, кромѣ посылки во Владикавказъ грузиновъ съ миллиономъ патроновъ и 3 тыс. винтовокъ, воздержались отъ прямого вмѣшательства въ горскія дѣла.

Вся дипломатическая, декларативная, публицистическая дѣятельность этого кружка носитъ слѣды специфически восточной хитрости и наивной хлестаков-

¹⁾ Балкарцы — въ Кабардѣ, Кермеянцы — въ Осетіи.

²⁾ Цитированный выше «Протестъ Осетіи».

³⁾ Человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ. Находился при кубанскомъ правительствѣ во время 1-го Кубанскаго похода.

⁴⁾ Ротмистръ конвоя Его Величества, владѣлецъ нефтяныхъ промысловъ въ Грозномъ.

⁵⁾ При предѣдатель Чермоевъ состоялъ секретаремъ турецкій офицеръ Тернъ-Джеритъ-Сазаръ, получавшій инструкціи изъ Константинополя.

публикой... Эти вопросы будут разрешены мирной конференцией союзников... До этого времени у Васъ есть полная возможность проявить Вашу способность къ самоуправлению...» Въ числѣ предъявленныхъ Томсономъ требований, между прочимъ, были: удалить турокъ съ территории республики, устранить турецкую и германскую пропаганду и помочь союзникамъ въ установленіи связи «съ арміей ген. Деникина». Со своей стороны Томсонъ обѣщала «помочь всѣми средствами народамъ Кавказа въ ихъ стараніяхъ преодолѣть трудности, которымъ стоятъ передъ ними».

Пока горское правительство, организовавъ безчисленные министерства, заключало международныя соглашения и собирало силы, на Сѣверномъ Кавказѣ наступили извѣстныя событія, и войска Кавказской Добровольческой арміи 23 января овладѣли Грознымъ и 28-го Владикавказомъ. Послѣ этихъ событій 10 февраля ген. Томсона посѣтила делегация въ составѣ горскаго министра Малачихана и «представителя ингушскаго народа» Пліева, сообщила официально «о взятіи горскихъ и войсками Владикавказа и Грознаго» и просила «содѣйствія въ прекращеніи наступательной операціи Добровольческихъ частей¹⁾. Генералъ Томсонъ выразилъ живѣйшую радость по поводу такихъ успѣховъ горскаго правительства въ борьбѣ съ большевиками, особенно трогательно — по адресу ингушей: «Я былъ весьма радъ — писалъ онъ Пліеву²⁾ — встрѣтить сегодня и поздравить Васъ, какъ представителя ингушей, съ тѣми большими успѣхами, которые достигнуты послѣдними въ оцененіи зной родины отъ большевиковъ. Ингуши были очень лояльными друзьями союзниковъ...» (!) Томсонъ выражалъ также увѣренность, что у ингушей не будетъ никакихъ затрудненій съ войсками ген. Деникина...

Одновременно Коцевъ обратился черезъ ген. Эрделя, находившагося въ то время, по моему порученію, въ командировкѣ въ Закавказьи (Баку), съ ультимативнымъ требованіемъ «отвода частей Добровольческой арміи съ Владикавказскаго и другихъ горскихъ районовъ... въ противномъ случаѣ, горское правительство снимаетъ съ себя отвѣтственность, за могущія произойти тяжелыя послѣдствія...»

Пока проходила вся эта буффонада, горское правительство приступило и къ прямымъ дѣйствіямъ. Въ Грозный, занятый войсками ген. Шатлова, 1 февраля явились «губернаторъ» и «командующій войсками» по назначенію отъ меджлиса и пожелали вступить въ управленіе городомъ и краемъ. Имъ было отвѣчено, что горское правительство не признано ни Добровольческой Арміей, ни большинствомъ горскихъ народовъ и что весь Терекій край находится подъ управленіемъ главноначальствующаго ген. Ляхова. Послѣ того горское правительство вступило съ нами въ длительные и безрезультатные переговоры, пославъ делегацию во главѣ съ «предсѣдателемъ совматнаго совѣта» Темирхановымъ въ Екатеринодар³⁾ и предсѣдателя правительства Коцева — въ Штггорскъ, къ ген. Ляхову. Вопросъ стоялъ на мертвой точкѣ, такъ какъ обѣ стороны ставили непримиримыя условія: меджлисъ добивался опущенія Добровольческой Арміей «территорій союза горцевъ Сѣвернаго Кавказа»⁴⁾, причѣмъ Коцевъ предполагалъ созвать обще-горскій съѣздъ, который долженъ былъ опредѣлить дальнѣйшую судьбу края... Командованіе по избѣжанію кровопролитія черезъ ген. Ляхова требовало прекращенія агитаціи и сложения съ себя власти горскимъ правитель-

¹⁾ Офиціозъ «Азербейджанъ», № 32.

²⁾ Письмо отъ 10 февр. и. с. 19 г.

³⁾ Делегация демонстративно отказалась бесѣдовать съ ген. Ляховымъ, которому поручены были всѣ сношенія съ горскими народами, потому и не была мною принята.

⁴⁾ Теоретически въ нее входили этнографическіе предѣлы Абхазіи (Сухумскій округъ, занятый Грузіей), земля черкесовъ (Куб. области), Осетія, Кабарда, Чечня, Ингушетія и Дагестанъ.

ством, послѣ чего будетъ созданъ ген. Ляховымъ съѣздъ, передъ которымъ членамъ «правительства» будетъ предоставлена возможность дать отчетъ въ своей дѣятельности; съѣздъ изберетъ помощника главноначальствующему по горскимъ дѣламъ и членовъ совѣта, и горскимъ племенамъ будетъ предоставлено широкое внутреннее самоуправленіе.

Всѣ посланія горскаго правительства кончались неизменно угрозами, подкрѣпленными ссылками на единомысліе съ ними Англии и на ся помощь, и на содѣйствіе Азербейджана. Концевъ прислалъ намъ и копію ноты «союзнаго» правительства Азербейджана, адресованной Томсону ¹⁾.

... Народы Кавказа имѣютъ полное основаніе думать, что цѣлью и задачей Добармій является борьба съ анархіей и большевизмомъ въ Россіи, а не дѣятели въ стремленіе народовъ къ свободѣ и поправіе ихъ правъ къ самоопредѣленію, признанныхъ за ними всѣми великими державами въ Европѣ и Америкѣ. Съ этой точки зрѣнія вышеуказанные акты вопіющаго насилія надъ волей и суверенными правами дружественныхъ Азербейджану горскихъ народовъ Кавказа не могутъ не вызывать самаго горячаго протеста со стороны Азербейджанскаго правительства. ... Правительство, конечно, сочтетъ себя обязаннымъ всѣми доступными ему средствами притти на помощь горскимъ народамъ».

Нота закончивалась настоятельной просьбой «принять рѣшительныя мѣры къ быстрѣйшему удаленію войскъ Добармій изъ предѣловъ республики».

Одновременно послана была специальная миссія въ Грузію, и первымъ результатомъ ей была нота Гегечкори англійскому командованію, въ которой также былъ выраженъ «категорическій протестъ» противъ нарушенія Добр. Армій «принципа самоопредѣленія народовъ и покушенія на независимость Горской республики, признанію или непризнанію коей всецѣло зависить отъ рѣшенія всемірнаго конгресса».

По примѣру другихъ претензоровъ и Концевское правительство послало «делегацию на мирную конференцію» ²⁾, и вскорѣ въ европейской прессѣ появились удивительные разсказы изъ «официальныхъ» источниковъ объ исторіи кавказской борьбы и жизни горскихъ народовъ.

Тѣмъ временемъ горское правительство продолжало развивать на Сѣверномъ Кавказѣ сильнѣйшую агитацію, нашедшую откликъ въ сопредѣльной съ Дагестаномъ Чечнѣ и частіи въ Ингушетіи.

Не имѣя своей вооруженной силы (дагестанскіи формированія были ничтожны), правительство обратилось къ системѣ подкупа шейховъ и главарей Чечни, сообразно ихъ вліятельности, снабжало деньгами, оружіемъ и боевыми припасами чеченскіе аулы, въ которыхъ начали организовываться и красногвардейскіе отряды (аулы Гойты и Шали) изъ большевиковъ, укрывшихся въ Чечнѣ послѣ разгрома фронта. Въ союзномъ совѣтѣ (парламентѣ) въ Темиръ-ханъ-Шурѣ раздавались рѣчи, дышавшія ненавистью къ Россіи, «подъ гнетомъ которой называли горскіе народы», къ Добровольческой Арміи, исторія, цѣли и образъ дѣйствій которой подвергались полному искаженію, и въ частности — къ «генераламъ, бывшимъ царскимъ сатрапамъ, которые будутъ скоро разбиты и будутъ вальтаться въ прахѣ» ³⁾. Эти рѣчи распространялись по Чечнѣ и Ингушетіи вмѣстѣ съ личными призывами членовъ совѣта и правительства, посѣщавшихъ аулы и чеченскіе съѣзды и обѣщавшихъ вооруженную помощь Дагестану и Азербейджану.

Интересно, что стремленія горскаго правительства всецѣло поддерживались кубанскими самостоятельными. И однажды въ органѣ Кубанскаго краеваго правительства «Вольной Кубани» ⁴⁾ мы прочли обстоятельную статью о томъ, какъ

¹⁾ Нота отъ 6-го марта 19 г., подписанная «министромъ» предсѣдателемъ Хапомъ Хойскимъ.

²⁾ Въ составѣ Парижской делегаціи (мартъ) были Чермоевъ, Гайдаровъ, Хадааровъ и Бамматъ («министръ иностр. дѣлъ»).

³⁾ Изъ рѣчи предсѣдателя совѣта Темирхялова.

⁴⁾ 20 іюня 19 г. № 133.

большевическая анархия была занесена на Терекъ «самимъ терскимъ казачествомъ еще въ 1918 году съ Модокского народнаго съезда, устроеннаго нѣкоторыми безответственными кругами терскаго казачества съ явной цѣлью борьбы съ ингушами и чеченцами... И какъ это нехорошо, что Добровольческая Армія, не ограничиваясь своей задачей наказанія казаче-осетинскихъ большевистскихъ элементовъ, внесшихъ разруху въ Терскую область, повела борьбу въ сторону уничтоженія горскаго союза и горской объединенности...»

Такое отношеніе не мѣшало, однако, кубанскимъ самостоятелямъ вѣрнѣе вѣнчаться среди терскаго правительства и Круга.

Дважды назначенный въ Грозномъ съездъ чеченскихъ представителей не состоялся, въ виду отказа большевистскихъ органовъ прислать своихъ повѣренныхъ. Чечня волновалась, районъ Грознаго становился непереносимымъ, повсемѣстно участились нападенія и обстрѣлы; вмѣстѣ съ тѣмъ чеченцы прервали жел.-дор. сообщеніе съ Петровскомъ, произведя крушеніе двухъ рабочихъ поѣздовъ. Начинаясь серьезное возстаніе, центромъ котораго стала аулъ Гойты, перстахъ въ 25 отъ Грознаго.

Наше почти двухъ-мѣсячное ожиданіе было пошито горцами, какъ слабость. Между тѣмъ стратегическая обстановка на Дону и Манычѣ требовала срѣшней переброски возможно большихъ силъ на сѣверъ. Медлить дольше не представлялось возможнымъ. Переговоры были прерваны, и рѣшеніе вопроса предоставлено силѣ оружія.

16-го—23 марта сильный отрядъ, въ составѣ кубанскихъ и терскихъ казачествъ, подъ начальствомъ ген. Драценко, нанесъ пораженіе чеченцамъ особенно тяжкое у аула Алхангъ-Юртъ, гдѣ они потеряли до 1000 человекъ. Бои сопровождались жестокостями съ обѣихъ сторонъ и разрушеніемъ нѣсколькихъ ауловъ. Потрясенные этой неудачей чеченцы грозненскаго округа начали присылать со всѣхъ сторонъ депутаціи съ изъявленіемъ покорности, и ген. Дяховъ въ третій разъ назначилъ, на 28 марта чеченскій съездъ, пригласивъ присутствовать на немъ и Коцева. Къ назначенному дню я пріѣхалъ въ Грозный совмѣстно съ англійскимъ представителемъ, ген. Бриггсомъ. Коцевъ не пріѣхалъ. Повидимому, онъ считался въ своей средѣ слишкомъ умѣреннымъ. Горскій совѣтъ командировалъ въ Грозный трехъ лицъ во главѣ съ яркимъ русофобомъ и полубольшевикомъ, председателемъ своимъ Капшаповымъ, для переговоровъ съ командованиемъ. Но делегация, узнавъ о событіяхъ въ Чечнѣ, задержалась въ аулѣ Шали, не рѣшаясь проѣхать въ Грозный. Изъ Шали Капшаповъ сообщилъ мнѣ въ Грозный, что, «никакіе переговоры съ отдельными племенами или селеніями не имѣютъ въ глазахъ Горскаго союза никакой опредѣленной силы». Не признавая волею правъ горскаго правительства, командованіе въ свою очередь не могло войти съ нимъ въ обезужденіе участи кавказскихъ племенъ. Да и дальнѣйшіе разговоры, какъ оказалось, были бы совершенно бесполезными: инструкция, данная делегации на секретномъ засѣданіи совѣта, гласила: «1) Потребовать отъ Добр. Арміи ошнечія всей горской территоріи; 2) никакого сотрудничества съ арміей ген. Денникина; 3) роспускъ всѣхъ мобилизованныхъ горцевъ»¹⁾.

Среди народныхъ избранниковъ—върочно лучшихъ представителей ауловъ²⁾ царилъ безпросвѣтная тьма. Никакими политическими, ни релігіозными побужденіями нельзя было объяснить народнаго броженія: оно питалось исключительно самыми нелѣпыми слухами, извращеніями фактовъ. Чеченцы съ одинаковымъ недоверіемъ относились и къ меджлису, и къ Добровольческой власти, и совершенно не шли дальше прикладныхъ интересовъ своихъ ауловъ; пожалуй, болѣющую симпатію они питали къ большевикамъ, которыхъ укрывали въ своихъ сакаяхъ и которые не препятствовали, когда были въ силѣ, ихъ расправамъ съ мѣст-

¹⁾ Это мы прочли позднѣе въ офиціозѣ «Вѣстникъ горской республики» отъ 12—апрѣля п. с. 19 г.

²⁾ Собрались уполномоченные всего Грозненскаго округа и пяти ауловъ Веденскаго.

ным русским населением и терскими казаками. Они боялись мести. И теперь, когда в разосланном по аулам отпискѣ рѣчи Коцева они прочли, что «въ Терскую область назначается генералъ-губернаторъ изъ казакѣвъ¹⁾ — это извѣстіе повліяло на нихъ больше, нежели призывы медалился къ построению горской республики. Велика вина крайне немногочисленной туземной интеллигенціи, которая въ большинствѣ своемъ во всѣхъ стадіяхъ русской смуты не работала въ реальныхъ интересахъ своего народа, а народъ этотъ — темный, совершенно инертный въ политическомъ смыслѣ, не вышедшій изъ рамокъ среднеазіевскаго по культурѣ, обратила въ орудіе своихъ политическихъ или лично честолюбивыхъ цѣлей.

Я говорилъ чеченцамъ о мирѣ, о томъ, что никто не посягаетъ на ихъ земли и промысла. Что если порвать съ Россіей и допустить, что всѣ народы Кавказа будутъ жить своей собственной жизнью, не считаясь со своими сосѣдями, то кроме рѣзни ничего не выйдетъ. Повторилъ требованія, предъявленные ген. Яхковымъ, невыполненіе которыхъ вызвало тяжелая репрессія...²⁾ Генералъ Бриггетъ говорилъ о содѣйствіи, оказываемомъ Англіей Добровольческой Арміи, и совѣтовалъ «дать возможность исправить желѣзную дорогу, прерванную междуосбиною и помочь ген. Денкинину въ борьбѣ противъ большевиковъ».

Собраніе послѣ краткаго совѣщанія вынесло постановленіе — выполнить предъявленные условія.

Но миръ долго еще не устанавливался.

Подъ вліяніемъ темныхъ слуховъ и не разъ благодаря насліяямъ, чинимымъ казачьими отрядами во время усмиреній, началось усиленное движеніе чеченцевъ съ семьями и имуществомъ изъ плоскостной Чечни на югъ, въ горы. Тамъ собрался весь безопасный элементъ, образовались крупныя шайки абрѣковъ, державшія подъ постоянной угрозой наши малочисленные гарнизоны. Горское правительство продолжало агитацию и посылало въ нагорную Чечню мелкіе дагестанскіе отряды и азербейджанскіе добровольцевъ. Правда, окончились эти попытки неудачно: аулъ Шали, гдѣ собрался дагестанецъ, былъ обложенъ нами, и жителямъ было предложено разоружиться и удалиться индѣйскую помощь подъ угрозой разрушенія аула. Требованіе было выполнено. А возлѣ Гудермеса произошло даже 13 апрѣля кровавое столкновеніе между чеченцами и ихъ непрощеными зажиточниками, когда дагестанскій отрядъ отказался покинуть чеченскій аулъ. Не разъ происходили также междуосбиные бои между чеченцами — одними, желавшими мира, и другими — насильственно поднимавшими аулы къ возстанію.

Возстанія смѣнялись усмиреніями, усмиренія возстаніями, всѣ эти событія сопровождалась неизбежными актами жестокости и произвола, поддерживал психологію мести и раздраженія. Бороться съ произволомъ можно было только — поборовавъ сопротивленіе и достигнувъ искренняго примиренія.

А его не было.

На пути нашемъ къ Каспійскому морю лежалъ Дагестанъ, край наиболѣе бѣдный по природнымъ условіямъ, наиболѣе мирный по характеру своего

¹⁾ Этотъ пунктъ Коцевъ прибавилъ отъ себя въ перечнѣ ультимативныхъ требованій, предъявленныхъ ген. Гейманомъ ингушскому народу. Ни Яхковъ, ни Эрдели не принадлежали къ казачьему сословію.

²⁾ 1. Подчиниться управленію Добармиц, сохраняя внутреннее самоуправленіе.

2. Выдать красноармейцевъ — главарей большевиковъ и абрѣковъ.

3. Выдать артиллерию и пулеметы.

4. Выдать все награбленное и увезенное въ Чечню красноармейцами. Возвратить всѣ похищенные желѣзнодорожные матеріалы.

5. Доставить въ ближайшія станціи и въ аулъ Алды продовольствіе для войскъ за справедливую плату.

6. Возвратить разграбленное имущество Ново-Грозненскихъ промысловъ.

7. Возвратить жителямъ Грознаго все съезженное въ Чечню на храненіе ихъ собственное имущество.

населеніи (лезяны) и почти не имѣющей своей интеллигенціи¹⁾. Въ краѣ, лишенномъ совершенно экономическихъ предпосылокъ отдѣльнаго существованія, наступилъ экономической кризисъ и полное бюджетное банкротство — обстоятельство, осложненная вопиющей и беззачленной политической медлительностью.

Положеніе меджлиса становилось все болѣе и болѣе безнадежнымъ. Горское правительство мѣняло своихъ министровъ, писало отчаянныя ноты «своимъ народамъ», союзникамъ и англичанамъ и постановляло всеобщую мобилизацию (18—30 лѣтнихъ) для борьбы противъ Добровольческой Арміи, «послѣдующей на нашу свободу и завоеванія революціи». Но созданіе серьезной вооруженной силы рѣшительно не удавалось²⁾. Англичане принимали участіе въ командованіи «союзными силами республики», но свои дѣла считали совершенно нейтральными, призванными только «охранять порядокъ». Терекій отрядъ Колесникова, расположенный въ Петровскѣ, при первомъ же соприкосновеніи съ частями Добровольческой Арміи былъ вынужденъ на соединеніе съ нею въ направленіи Кизилара. «Союзники» дали денегъ (Азербейджанъ 12 милл.), боевые припасы (Грузія), но войскъ прислать не могли. Мобилизация не прошла совершенно; формирование красноармейскихъ частей изъ большевиковъ, осыпавшихъ въ Чечнѣ и Дагеставѣ, и вообще широкое покровительство большевикамъ возстанило противъ горскаго правительства всю буржуазію и туземное офицерство. Въ концѣ апрѣля мѣстная военная партія произвела аресты въ Темуръ-ханъ-Шурѣ 36 видныхъ большевиковъ и препроводила ихъ въ тюрьмы Петровска при безсильныхъ протестахъ правительства и совѣта.

Въ Петровскѣ находился еще въ весьма оригинальномъ положеніи отрядъ изъ трехъ родовъ оружія ген. Пржевальскаго, числившійся въ Добровольческой Арміи. Исторія его интересна для характеристики англо-русскихъ отношеній.

Командующій англійскимъ флотомъ Чернаго моря — адмиралъ Сеймуръ, признавая русскія силы въ Баку подчиненными командованію Юга, въ началѣ января обратился ко мнѣ съ просьбой «отдать ген. Бичерахову приказъ снять съ судовъ Каспійскаго моря русскія команды, сплотивъ зараженныя большевизмомъ и угрожающія связи англичанъ съ Петровскомъ». Я послалъ телеграмму ген. Эрдели, бывшему тогда въ Закавказьи, на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣла и принять надлежащія мѣры. Связь Баку (черезъ Грузію) была очень затруднительна, и только 6 марта, post-factum, мы узнали о происшедшихъ тамъ событіяхъ.

Пріѣхавъ въ Баку 22 января, ген. Эрдели засталъ слѣдующее положеніе: Томсонъ, въ виду полнаго разложенія отряда Бичерахова, и тѣхъ осложненій, которыя вызывала его дѣятельность, полу-принудительно заставилъ его покинуть Баку подъ предлогомъ почетной командировки въ Англію и назначилъ его замѣстителемъ ген. Пржевальскаго. Одновременно Томсонъ открылъ кредиты на содержаніе отряда, обходившагося англичанамъ $\frac{1}{2}$ милл. руб. въ день, отпустивъ только три милліона на его ликвидацію. Эрдели, считая желательнымъ сохраненіе на Каспій хотя небольшой русской силы, рѣшилъ использовать этотъ отрядъ, принявъ его въ составъ Добровольческой Арміи, и утвердилъ ген. Пржевальскаго въ должности начальника войскъ Прикаспійскаго района, съ подчиненіемъ его Яяхову.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Томсонъ заявилъ, что ни стоянка, ни формированіе русскихъ добровольческихъ частей въ зонѣ оккупации англичанъ не допускается... Эрдели протестовалъ, и впрочемъ поступилъ на разрѣшеніе ген. Мильна.

¹⁾ Одно время на должность областного комиссара былъ приглашенъ осетинъ Шахавовъ.

²⁾ Подъ командой полк. Хабаева — Дагестанскій кон. полкъ, Чеченскій и Кумыкскій дивізіоны.

Чеченский съезд

Снять слева на право: 1) Правитель Чечни, ген. Алиев, 2) Главнонач. Терско-Даг. Края, ген. Ликов, 3) Ген. Бриггс,
4) Ген. Деннинг, 5) Ген. Романовский, 6) Терский атташе, ген. Вдовенко.

Тѣмъ вромемѣ гон. Пржевальскій приступилъ къ реорганизациі отряда: большая часть его числилась только на бумагѣ (10 тыс.) и фактически дезертировала; негодный элементъ былъ уволенъ; часть была направлена на службу въ Закаспій. Изъ остального состава начаты формированія въ Баку и Петровскѣ.

Труднѣе обстояло дѣло съ флотиліей¹⁾, которая послѣ ликвидаціи «Каспійскаго правительства» и отказа подчиниться Пржевальскому оказалась, фактически, никому не подчиненной, не имѣющей ни средствъ, ни кредитовъ. Комитетъ флотиліи «Центрокаспій» послѣ долгихъ переговоровъ съ ген. Эрдели заявилъ, что флотъ согласенъ подчиниться Добровольческому командованію, но лишь въ тактическомъ отношеніи, оставляя свой внутренній распорядокъ — съ совѣтами, комитетами и прочими атрибутами «революціонной дисциплины». Ген. Эрдели требовалъ полного подчиненія и полной реорганизациі личнаго состава. Предстояла, поэтому, неизбежно, тѣмъ или инымъ путемъ, насильственная ликвидація строптивой флотиліи.

Бакинскій революціонный пролетаріатъ, находившійся въ полномъ сдвленіи съ судowymi командами, возмущался. На засѣданіи Бакинскіе рабочей конференціи при обсужденіи судьбы флотиліи поставленъ былъ вопросъ: «Къ Денинину, въ Астрахань или къ Азербейджану?» Первое — невозможно, такъ какъ «Денинникъ борется съ демократіей всей Россіи и есть зло во всероссійскомъ масштабѣ»; второе невозможно технически, такъ какъ всѣ Каспійскіе порты въ рукахъ англичанъ, а астраханскій рейдъ замерзаетъ... И конференція склонилась къ третьему рѣшенію, полагая, что «Азербейджанъ — болѣзнь мѣстная, въ немъ можетъ взять власть въ свои руки демократія... и добиться признанія необходимости воссоединенія съ Россіей и согласія на нейтрализацію флота»²⁾.

Англичане, однако, думали иначе. Томсонъ требовалъ отъ Эрдели скорѣйшаго разоруженія флотиліи русскими руками, чтобы отвести отъ себя одiumъ этого мѣропріятія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупреждалъ, что суда послѣ спуска командъ, оставаясь русской собственности, укомплектованы не будутъ «до болѣе благоприятнаго времени», въ виду отсутствія гарантіи въ благонадежности новаго состава.

Эрдели для сохраненія за нами судовъ до присылки укомплектованія отъ Черноморскаго флота, рѣшился на насильственное разоруженіе; но встрѣтилъ неодобреніе со стороны всѣхъ войсковыхъ начальниковъ, указывавшихъ на неспособность своихъ частей, невыполнимость задачи безъ участія англичанъ, и бесполезности этого шага, въ виду полученныхъ отъ развѣдки свѣдѣній, что англичане по настоянію азербейджанскаго правительства рѣшили удалить изъ Баку безотлагательно русскія войска.

Послѣ ряда безплодныхъ переговоровъ былъ полученъ отъ Томсона ультиматумъ³⁾: «къ 12 часамъ слѣдующаго дня разоружить флотъ; въ противномъ случаѣ всѣмъ русскимъ Добровольческимъ частямъ къ 16 часамъ того же дня покинуть г. Баку, а къ 24 часамъ и предѣлы Бакинскаго генералъ-губернаторства».

Генералы Эрдели и Пржевальскій сочли себя вынужденными подчиниться послѣднему требованію, заявивъ протестъ противъ самого факта вывода русскихъ войскъ и ничѣмъ не оправдываемой краткости срока, указывая, что «такія дѣйствія принесутъ неслучайный моральный и матеріальный ущербъ для дѣла борьбы вооруженныхъ силъ Юга Россіи противъ большевиковъ».

Генераль Пржевальскій съ войсковыми частями перешелъ въ Петровскъ, не успѣвъ захватить всего войскового имущества и обозовъ, большинство которыхъ попало въ руки азербейджанскихъ частей. А 16 марта послѣдовало отъ ген. Томсона новое требованіе — петровскому отряду въ кратчайшій срокъ покинуть Да-

¹⁾ Дѣя канонерки «Карсъ» и «Ардаганъ» и 5 вооруженныхъ пароходовъ.

²⁾ Отчетъ изъ с.-д. газеты «Искра».

³⁾ № 474.

гестапскую область. Ген. Пржевальскій отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, заявивъ, что онъ исполнитъ приказъ только своего начальства.

Каспійская флотилія, между тѣмъ, была разоружена англичанами безъ кровопролитія, одной лишь угрозой потопленія судовъ англійскими истребителями. И въ то время, когда уходили изъ Баку русскія войска и покорно разоружались уже буйныя матросскія команды, къ ген. Томсону обратились делегаты революціонной демократіи¹⁾ съ изъясненіемъ своего запаздлагаго патріотизма: «всякое дѣйствіе, — говорили они, — противъ російской арміи, хотя бы и Добровольческой, и Каспійскаго флота бакинскимъ пролетаріатомъ рассматривается, какъ дѣйствіе противъ Россіи!» Делегаты, предполагая, что флотъ стоитъ еще въ боевомъ порядкѣ — по словамъ отчета — «говорили съ Томсономъ твердымъ революціоннымъ языкомъ», а онъ въ отвѣтъ имъ «улыбался»...

Всѣ эти событія прозвучали въ Екатеринодарѣ удручающее впечатлѣніе. Дѣло было уже непоправимо. Я вредисать ген. Пржевальскому отнюдь не уводить войска изъ Петровска, обратился съ протестомъ къ англійскому правительству, указавъ, что «отдача распоряженія, касающагося вооруженныхъ силъ, находящихся въ моемъ вѣдѣніи, безъ моего согласія, является актомъ враждебнымъ Добровольческой Арміи». вмѣстѣ съ тѣмъ, я сталъ еще болѣе настойчиво добиваться воззстанія русской каспійской флотиліи, что при содѣйствіи ген. Бриггеа и личнаго воздѣйствія на адм. Сеймура, удалось выполнить только въ іюлѣ...

Такимъ образомъ, въ Петровскѣ, на территоріи враждебнаго намъ горскаго правительства, при молчаливомъ непротивленіи англичанъ, находился русскій отрядъ, непосредственно подчиненный полк. Плотникову²⁾, силою до 2½ тыс., имѣвший задачей — возстановленіе жел.-дор. сообщенія по линіи Петровскъ — Грозный.

Въ апрѣлѣ положеніе горскаго правительства окончательно пошатнулось. Началась желѣзнодорожная забастовка на экономической почвѣ, съ предъясненіемъ требованій къ правительству объ уплатѣ 12 мил. руб. Учасствовали крупная третія, интриги, борьба самолюбій и честолюбій внутри самого правительства и союза, особенно съ дагестанской фракціей его, тяготившейся все больше пришло и слишкомъ дорого обходившейся народу властью. Но существу власть эта не распространялась далѣе Темиръ-ханъ-Шуры. Дагестанъ жилъ своей жизнью, объединяясь вокругъ своихъ шейховъ и муллъ, попадая не разъ подъ вліяніе натуръ неуравновѣшенныхъ, фанатиковъ и авантюристовъ. И, тѣмъ не менѣе, населеніе Дагестана не терпело тяготѣнія къ русской власти.

Въ поискахъ выхода горскій парламентъ сталъ стремиться къ политическому объединенію съ Азербейджаномъ, «во имя защиты религіи и самобытности Дагестана».

Къ маю сознание невозможности продолжать такое существованіе стало всеобщимъ. 26 апрѣля въ с. Ишкары собрались старшины и судьи Верхняго Дагестана для обсужденія вопроса о помощи чеченцамъ и объявленіи газавата. На бурномъ засѣданіи этомъ была внесена резолюція: «1) Не объявлять войны Добровольческой Арміи; 2) войска, города и берегъ моря передать Добр. Арміи, съ тѣмъ, чтобы Дагестанцамъ остался ихъ законъ; 3) послать въ Шуру представителей отъ бековъ и духовенства и предложить правительству присоединиться къ (этому) постановленію или сложить власть, передавъ ее новымъ выборнымъ лицамъ».

¹⁾ Президіуму рабочей конференціи, профессиональныхъ союзовъ и социалистическихъ партій. Изъ отчета с. - д. газеты «Искра».

²⁾ Ген. Пржевальскій объединялъ командованіе надъ отрядами ген. Колеснякова, полк. Плотникова и даже, до полного разрыва съ Мелжилисомъ, ему подчинялся горскій отрядъ Хабеева.

Подъ влияніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, горское правительство 2 мая въ полномъ составѣ вышло въ отставку. Формированіе новаго было поручено ген. Халилову¹⁾, который и приступилъ къ составленію «военнаго кабинета».

Всѣ эти событія находили весьма серіозное отраженіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ нашихъ съ Англіей.

Въ Екатеринодарѣ имѣлъ пребываніе представитель при Добровольческой Арміи ген. Пуль; въ Тифлисѣ — ген. Форестъ-Уокеръ, начальникъ экспедиціоннаго корпуса (27-я и части 13 и 39 дивизій), оккупировавшаго Закавказье и Закаспій и считавшаго въ своихъ рядахъ 15—20 тыс.; въ подчиненіи Уокера находились начальники войскъ — генералы Моллисонъ²⁾, Томсонъ и Коллисъ — въ Закаспіи, Баку и Батумѣ. Надъ Пулемъ и Уокеромъ стоялъ ген. Мильнъ, главнокомандующій англійскими войсками на Востока, пребывавшій въ Константинополѣ. Слѣдившій Пуля ген. Бриггсъ, находившійся въ известной связи съ ген. Мильномъ, подчинился непосредственно англійскому военному министру Черчиллю. Въ этой сложной схемѣ явственно различались двѣ совершенно несхожія линіи англійской политики — екатеринодарская и тифлисская, русофильская и русофобская. Несомнѣнно, это расхожденіе инспирировано было Лондономъ для проведенія двойственной политики — задачи прегражденія большевицкаго потока, угрожающаго Европѣ, и закрѣпленія британскаго экономическаго вліянія въ Закавказьѣ. Для меня, однако, также несомнѣнно, что тѣ лица, которыя послѣдовательно представляли Англію въ Екатеринодарѣ — генералы Пуль, Бриггсъ и Хольмбергъ — люди большого благородства и солдатскія прямоты — не были причастны къ кривымъ путямъ дипломатіи, и дѣятельность ихъ вытекала изъ нескрѣплаго доброжелательства къ Россіи, находясь въ то же время въ полномъ соотвѣтствіи съ правильно понимаемыми интересами ихъ отечества.

Расхожденіе началось съ первыхъ же дней. Ген. Томсонъ издавалъ обращеніе «къ народамъ Сѣвернаго Кавказа», обѣщая имъ вооруженную помощь отъ Англіи и устроеніе судьбы отъ союзной конференціи³⁾; возрождать изъ пепла горское правительство, на знамени котораго написано было «самостоятельная республика», назначилъ полк. Роулсона командующимъ горско-терекскими формированиями, и отъ имени своего правительства устанавливалъ зону англійскаго вліянія къ югу отъ линіи, проходящей черезъ Петровскъ по сѣверо-западной границѣ Дагестана и далѣе по Кавказскому хребту. Именемъ, поэтому, Ляхова главноначальствующимъ Терско-Дагестанскаго края онъ считалъ внимательствомъ въ сферу англійскаго вліянія...⁴⁾. Я протестовалъ, и Пуль, всецѣло поддерживая меня, «просилъ пересмотрѣть рѣшеніе о поддержкѣ искусственнаго образованія, предоставивъ формированія въ Дагестанѣ единому командованію Добровольческой Арміи», и т. д.⁵⁾.

3 февраля пріѣхалъ въ Екатеринодаръ ген. Бриггсъ, смѣнившій Пуля, и присесть отвѣтъ, что командировка генерала Добровольческой Арміи на Каспій для формированія противобольшевскихъ войскъ не встрѣчаетъ препятствій, такъ какъ «это дѣйствіе на Сѣверномъ Кавказѣ не входитъ въ задачи англійскихъ войскъ и должно быть передано ген. Деппкину. Но послѣдній не долженъ вмѣшиваться въ районъ къ югу отъ линіи Кизиль-Бурунъ — Закаталы — Кавказскій горный хребетъ — Туапсе»⁶⁾.

¹⁾ Принадлежалъ къ группѣ, проводившей идею самостоятельности Дагестана.

²⁾ Лѣтомъ 19 г. части Моллисона находились въ Мешедѣ, Асхабадѣ и Красноводскѣ.

³⁾ Прокламация отъ 8 декабря 18 г.

⁴⁾ Докладъ ген. Эрделя о бесѣдѣ съ Томсономъ 24 янв.

⁵⁾ Сношеніе отъ 7 декабря (Пуля) и телеграммы 31 декабря («Бритфорсъ») и 4 января (Пуля).

⁶⁾ Телеграмма военной миссіи 1 февраля 19 г. № 74791, письмо ген. Бриггса 6 февраля и выборка изъ перечня сношеній англійской миссіи. Эта линія проходила по южной границѣ Дагестана.

Такимъ образомъ, устанавливалась англійская оккупация всего Закавказья.

Въ виду того, что Англія, вопреки первоначальнымъ заявленіямъ, отказалась выпустить свои войска противъ большевиковъ, а территорія Закавказья была уже свободна отъ турокъ и германцевъ, такое рѣшеніе лишено было всякихъ стратегическихъ обоснованій. Оно могло быть продиктовано мотивами только политико-экономическими: грузинскій марганецъ, бакинскія нефть и нефтепродукты Баку — Тифлисъ — Батумъ сами по себѣ опредѣляли вѣхи англійской политики и англійскаго распространенія. Но этимъ обстоятельствомъ далеко еще не исчерпывалось значеніе и цѣнность Закавказья. На очереди стояло объявленіе англійскаго протектората надъ Персїей, и Закавказье являлось естественной преградой противъ Россіи и территоріей, по которой пролегаютъ пути, идущіе изъ сѣверной Персїи къ открытому морю черезъ главный выходъ — Батумъ¹⁾.

Закавказскихъ англійскихъ представителей рѣшеніе это, очевидно, не вполне удовлетворило. Ген. Томсонъ, занявъ однимъ батальономъ Петровскъ, продолжалъ оказывать моральную поддержку горскому правительству и принималъ реальные мѣры къ вытѣсненію русскаго вліянія и русскіяхъ формированій съ Прокаспія. Вместе съ тѣмъ, онъ сообщилъ мнѣ черезъ ген. Эрдели²⁾, что согласно полученнымъ инструкціямъ «всѣ русскіе заводы, желѣзныя дороги и учрежденія перешли къ Азербейджану» и что «смотреть на Баку и Дагестанъ, какъ на нашу (русскую) базу мы не можемъ». Это обстоятельство вызвало ячювь предствленіе ген. Бриггса своему правительству о необходимости соблюдать установленную разграничительную линію³⁾ и мой протестъ:

«Такая постановка вопроса, — писалъ я⁴⁾, — приводитъ не къ объединенію Россіи, а къ ея расчлененію, лишаетъ меня базы для противодѣйствія наступленію со стороны Астрахани и связан съ Уральскимъ фронтомъ и Закаспійской областью. Если бы на такую точку зрѣнія въ отношеніи русскаго государственнаго добра я, въ частности, желѣзныхъ дорогъ, стали всѣ мелкія случайныя правительствя, образовавшіяся на территоріи Русскаго государства, борьба Добровольческой Арміи была бы безцѣльна и немислима...»

Вслѣдъ за симъ, 11 марта пришелъ телеграфный отвѣтъ изъ Лондона, всецѣло подтверждавшій точку зрѣнія Уоккера — Томсона и притомъ въ формѣ угрожающей. Въ немъ говорилось⁵⁾:

Генералъ Бриггсъ долженъ объяснить ген. Деникину, что:

1. Въ отвѣтъ на полное сочувствіе, которое нигается къ нему въ его усиліяхъ освободить Россію отъ большевиковъ, и которое проявляется не только на словахъ, но и на дѣлѣ присылкой оружія, снаряженія и обмундированія въ большомъ количествѣ въ Новороссійскъ, отъ него ождается, что онъ будетъ дольно придерживаться общей политики союзниковъ по отношенію къ маленькимъ государствамъ. Великобританія не намѣрена оставить свои войска на Кавказѣ. Ея войска были посланы туда для введенія въ исполненіе условій перемирія и сохраненія мира. Часть этой задачи уже исполнена съ изгнаніемъ нѣмцевъ и турокъ. Что касается до второй, то ген. Деникинъ долженъ понять, что временное присутствіе союзныхъ войскъ въ Закавказьи обезпечиваетъ его отъ нападенія съ тыла и даетъ въ руки союзникамъ Каспійское море. Эти факты должны бы повліять на него сосредоточить всѣ возможные силы противъ большевиковъ въ Россіи. Вопросъ объ окончательномъ устройствѣ Кавказа во всякомъ случаѣ не можетъ быть рѣшенъ до возстановленія порядка въ Россіи, и Деникину слѣдовало бы избѣгать всякое дѣйствіе, предпріимое въ этотъ вопросъ.

2. Поэтому его войска не должны были бы вступать въ Дагестанъ, кромѣ какъ въ случаѣ дѣйствительныхъ военныхъ операцій противъ большевиковъ, и его надо очень просить серьезно пересмотрѣть вопросъ о назначеніи ген. Лихова губернаторомъ этого края; правительство Его Величества смотритъ на это назначеніе съ большимъ неудовольствіемъ. Линія, указанная въ телеграммѣ

¹⁾ Джульфа—Батумъ, Эизелл—Баку—Батумъ.

²⁾ Телеграмма отъ 25 января № 85.

³⁾ 13 февраля 19 года.

⁴⁾ 22 февраля 19 года, № 293.

⁵⁾ Копія телеграммы, присланной ген. Драгомирову при сообщеніи британской миссіи отъ 11 марта № 154.

Военного Министерства за № 73 791 отъ 1 февраля с. относилась всецѣло къ дѣйствіямъ противъ большевиковъ.

Важно, чтобы ген. Деинкинъ избѣгалъ всякое дѣйствіе, военное или другое, могущее увеличить существующее треніе между его приверженцами и грузинами и другими кавказцами. Съ другой стороны будутъ приложены всѣ усилія, дабы эти народы сохраняли нейтральное положеніе.

4. Полагаютъ, что теперь блестящая побѣда его войскъ на Терекѣ отстраняла большевническую опасность въ этомъ направленіи. Ген. Деинкинъ имѣеть возможность, если онъ будетъ снабженъ необходимымъ военнымъ матеріаломъ, нанести совѣтско съ адмираломъ Колчакомъ рѣшительный ударъ большевизму и было бы весьма прискорбно, если бы своимъ петербургіемъ и беря въправленіе ни въ какомъ случаѣ не приемлемое для Великобританіи, опъ принудилъ Правительство Его Величества отказать ему въ своей поддержкѣ и остановить отправку шипъ послѣднихъ запасовъ.

Изъ этого ультиматума, устраняющаго насъ отъ Каспійскаго моря, мы могли заключить, что вѣхи англійскаго распространенія намѣчены гораздо далѣе Закавказья: Петровскъ — Баку — Эвезли — это уже ключи къ обладаію средней Азіи, Красноводекъ — путь къ Закаспійскому хлопку

Ген. Романовскій по этому поводу бесѣдовалъ съ ген. Бриггсомъ, нѣложивъ ему вновь причины, побуждающія насъ стремиться къ Каспійскому морю и не допускающія мириться съ существованіемъ въ Дагестанѣ очага броженія всего Сѣвернаго Кавказа — горскаго совѣта и правительства. Указывалъ на то, что особой нужды въ «обезпеченіи отъ нападены съ тыла» нѣтъ, ибо закавказскія образованія и горское правительство безъ содѣйствія Англій для насъ по представляютъ опасными.

Изъ послѣдующихъ бесѣдъ своихъ съ ген. Бриггсомъ и прѣбывавшимъ въ Екатеринбургѣ 10 апрѣля главнокомандующимъ, ген. Мильномъ, отнесшимся съ большимъ вниманіемъ къ нуждамъ Арміи и нашему военно-политическому положенію, я вынесъ впечатлѣніе, что оба они раздѣляютъ стратегическіе мотивы нашего стремленія къ Каспію. Во время совѣтской съ ген. Бриггсомъ поѣздки въ Чечню, я сообщилъ ему довѣрительно, что отказаться отъ занятія Дагестана я не могу, однако же, избѣгалъ осложненій съ англійскимъ командованіемъ въ Дагестанѣ, я займу эту область только тогда, когда обстановка будетъ благоприятствовать мирному разрѣшенію вопроса.

По 11 апрѣля старшій англійскій начальникъ въ Петровскѣ обратился къ предѣдателью горскаго правительства съ письмомъ, которое проникло скоро въ кавказскую почту и привело насъ въ полное изумленіе.

Я получалъ приказаніе передать слѣдующее правительству Горскаго республики. На британское предложеніе Деинкинъ согласился не продолжать операцію, и не будетъ наступать на Дагестанъ. Ген. Ляховъ будетъ смѣнить¹⁾ ген. Деинкинъ самъ устроить *modus vivendi* съ чеченцами, ингушами, балкарцами и осетинами, и миръ возобновленъ въ ожиданіи мирной конференціи, которая рѣшитъ вопросъ о независимости и границахъ горскаго государства. Въ отвѣтъ на это горское правительство должно позволить Добровольческой Арміи пользоваться Петровскъ-портомъ, какъ средствомъ для укрытія Гурьева...

Въ заключеніе говорилось, что «являю нападеніе на ген. Пржевальскаго (въ Петровскѣ) будетъ объяснено британскимъ командованіемъ, какъ враждебный противъ него актъ».

Это искаженіе нашихъ цѣлей и намѣреній, посящее, какъ будто, слѣды добродѣтели, укрьвало пошатнувшееся оковательно положеніе горскаго правительства, вызвало съ нашей стороны новые протесты и побудило ген. Бриггса поелать въ газеты опроверженіе, въ которомъ онъ удостоверяетъ, что «командующій британскими войсками въ Петровскѣ не имѣлъ никакого права дѣлать заявленія, подобныя ошубниковавшимся, такъ какъ таковыя лишены вса каго основанія»²⁾.

¹⁾ Отставка Ляхова, вызванная причинами, о которыхъ я писалъ выше, дослѣдно совпала съ этимъ письмомъ.

²⁾ Сношеніе ген. Бриггса 2 мая 19 года, № 759.

Незаирая на всё противодействіи, стратегическая директива вооруженныхъ силъ Юга ставила командующему войска Терско-Дагестанскаго края задачу ясную и опредѣленную: «продолжать очищеніе Сѣвернаго Кавказа до линіи Кизиль-Буруль — Закалатъ — Кавказскій хребетъ, прикрывать пути отъ Астрахани вдоль побережья Каспійскаго моря и на Св. Крестъ и имѣть наблюденіе за побережемъ Каспійскаго моря, не допуская десанта противника».

Необходимо было лишь дожидаться подходящаго момента.

Въ началѣ мая обстановка сложилась окончательно въ нашу пользу: Верхній Дагестанъ высказался за приходъ въ область Добровольческой Арміи, весь Хасавъ-Юртовскій округъ заявилъ о своемъ подчиненіи, и горское правитель-ство Коцева-Капланова пало. Грозненская колонна ген. Драценко продвигалась впередъ безъ единаго выстрѣла со стороны дагестанцевъ и 8 мая, совершивъ послѣдній переходъ по желѣзной дорогѣ, появилась неожиданно въ Петровскѣ, приветствуемая восторженно всѣмъ русскимъ населеніемъ города. 10-го ген. Драценко занялъ мирно и Дербентъ.

Появленіе русскихъ произвело огромное впечатлѣніе въ области и вызвало рядъ важныхъ событій. Прежде всего — политическій переворотъ. 10 мая предсѣдатель горскаго правительства ген. Халиловъ обратился къ ген. Драценко со слѣдующей телеграммой:

«Правительство Горской республики во главѣ ген. Халилова, осѣдлившіеся о цѣляхъ прибытія въ Шамилъ-Калу (Петровскъ) Добровольческой Арміи, взглядами ея командованія на независимость означеннаго Государственнаго образованія, и не желая, чтобы на этой почвѣ между населеніемъ Дагестана и Добройрміи происходили вооруженныя столкновенія. 23 мая въ 10 часовъ вечера сложило свои полномочія. Дагестанская фракція парламента совместно съ исполнявшимъ должность шейхъ-ислама и группой дагестанской интеллигенціи, обсудивъ создавшееся положеніе и учитывая безпѣдность взаимнаго кровопролитія, постановила предложить парламенту: 1) отставку кабинета принять; 2) Союзный Совѣтъ республики горцевъ Кавказа закрыть. Выбѣвъ съ тѣмъ принимая во вниманіе, что впредь до созыва дагестанскаго областного совѣта, страна не можетъ оставаться безъ власти дагестанска фракція, представи-тели народа и духовенство единогласно избрали временное дагестанское правительство въ лицѣ генералъ-майора Халилова, предоставивъ ему самому создать временный совѣтъ изъ двухъ или трехъ лицъ. Извѣщая о вышеизложенномъ, прошу Ваше Превосходительство не отказать сообщить, когда и гдѣ Вамъ будетъ угодно переговорить о взаимныхъ отпопеченіяхъ Дагестана и Добройрміи»

Переговоры съ Халиловымъ привели къ признанію Дагестаномъ власти Добровольческой Арміи, съ предоставленіемъ области автономіи на тѣхъ же началъ, какъ и прочимъ горскимъ народамъ. Прибывшій въ Темиръ-ханъ-Шуру 21 мая главноначальствующій, ген. Эрдели, встрѣченный съ большимъ почетомъ, закрѣпилъ актъ присоединенія, и ген. Халиловъ впредь до созыва народнаго со-вѣта назначенъ былъ временнымъ правителемъ Дагестана.

Не менѣе впечатлѣніе произвело занятіе Дагестана на англичанъ. 28 мая англійская миссія сообщила мнѣ телеграмму военнаго министра Черчилля: «Занятіе Дербонта генераломъ Деинкинымъ не способствуетъ установленію мира на Кавказѣ и потому противно его же интересамъ»¹⁾. Одновременно, миссія скатришдарскую миссію и меня, министерство отдало распоряженіе англійскому за-кавказскому командованію, въ результатъ котораго 3 іюня нашъ начальникъ петровскаго отряда получилъ требованіе отъ имени правительства Его Величества²⁾ отвести войска съѣвернѣе линіи, которая начинается въ 5 миляхъ къ югу отъ Петровска и идетъ параллельно Грозненской желѣзной дорогѣ. Вскорѣ разъяснились основанія этого требованія: ген. Корри, смѣнившій Уоккера въ должности «командующаго британскими силами Закавказья», 29 мая сообщалъ предсѣдателямъ грузинскаго и азербейджанскаго правительствъ:

¹⁾ Сношеніе 11 іюня 19 года, № 1210.

«От имени правительства Его Величества, в Лондон ршено, что демаркационная линия между ген. Деникинским и кавказскими государствами должна быть слдующая: от устья рки Бзыби къ сѣверу по этой ркѣ до границы Сухумскаго округа, дальше восточнѣе по границамъ Кутаисской и Тифлисской губ. и Дагестанской области до пункта въ 5 мильяхъ къ югу отъ ж. д. Петровскъ—Владикавказъ, оттуда къ юго-востоку параллельно ж. д. до точки на побережьи Каспійскаго моря въ 6 верстахъ къ югу отъ Петровска.

Генералъ Деникинъ получилъ указаніа, чтобы войска его не переходили къ югу отъ указанной линии, Закавказскія государства не должны переходить къ сѣверу отъ нея. Согласно вышеизложенному, грузинскія войска должны стоять къ югу отъ Бзыби. Закавказскія государства должны воздержаться отъ всякихъ агрессивныхъ дѣйствій противъ Добровольческой Арміи, кооперировать съ ген. Деникинскимъ доставку ему нефти и другихъ припасовъ и недоуцнейшемъ проникновеніи этихъ запасовъ большевикамъ. Неполненіе этихъ условій повлечетъ за собой въ будущемъ полное прекращеніе британскаго расположенія и поставитъ правительство Его Величества въ невозможность воспрепятствовать ген. Деникину перейти къ Югу отъ этой линии».

Это письмо было напечатано въ Азербейджанскомъ офиціоз¹⁾ и сопровождено правительственнымъ сообщеніемъ о безпочвенности нападокъ прессы на англичанъ, вполне благожелательныхъ къ республикѣ; при этомъ впредь за враждебныя выстуленія противъ англичанъ правительство грозило суровой отвѣтственностью...

Представляется чрезвычайно страннымъ, что о такомъ важномъ ршеніи я узналъ только черезъ мѣсяцъ и то изъ ноги Азербейджанскаго правительства, требовавшей исполненія «предписаній» англійскаго правительства...²⁾

Генералу Эрдели я далъ приказаніе — требованій англичанъ не исполнять и войскъ изъ Дербента не уводить. Азербейджанскому правительству черезъ нашего представителя въ Баку разъяснено было, что главнокомандующій осуществляетъ верховную власть на территоріи, занимаемой арміями Юга Россіи, и потому ему никто не вправе давать предписанія и что Дагестанъ, добровольно подчинившись, покинуть не будетъ. Одновременно и Азербейджану, и англичанамъ разослано было вновь подтвержденіе, что Азербейджану съ нашей стороны никакая опасность не угрожаетъ. Наконецъ, англійской миссіи была послана новая нота протеста о недопустимости умалять престижъ вооруженныхъ силъ Юга Россіи, рзвзать Дагестанъ по живому тѣлу въ угоду кавказскимъ республикамъ и создавать на нашемъ флагѣ и въ тылу районъ свободный для большевистскихъ и противно-добровольческихъ организаций³⁾.

На этотъ разъ протестъ, поддержанный вновь екатеринодарской англійской миссіей, имѣлъ успѣхъ, и новый англійскій командующій въ Баку ген. Шателъ-вортъ въ началѣ іюля сообщилъ азербейджанскому правительству объ отнѣнн послѣдней демаркационной линии и включеніи въ зону Добровольческой Арміи всего Дагестана.

Этимъ эпизодомъ закончились наши столкновенія съ Англійей по вопросамъ Сѣвернаго Кавказа. Англійская политика становится здѣсь отишнн или нейтральной, или благожелательной къ интересамъ вооруженныхъ силъ Юга Россіи. Придетъ время, и тотъ самый полк. Роулинсонъ, который руководилъ «восными силами горскаго правительства» и потворствовалъ его политикѣ, обратится съ воззваніемъ къ народамъ Сѣв. Кавказа: «Правительство Англии поддерживаетъ ген. Деникина и его цѣли... Англійская миссія хорошо знаетъ, что возстаніе горцевъ не есть національное движеніе, а большевизмъ, и вызвано отдѣльными лицами, преслѣдуемыми личныя цѣли... Противодѣйствіе ген. Деникину будетъ разсматриваться, какъ актъ недоброжелательства къ союзникамъ».

¹⁾ При этомъ азерб. прав.-во скрыло отъ печати и отъ вась фразу въ письмѣ Корри, заключающую англійское требованіе, чтобы «закавказскіе штаты способствовали провозу черезъ ихъ территорію боевого снабженія, какъ для Добровольческой Арміи, такъ и для Закаспія и Урада».

²⁾ Нота отъ 9 іюня, № 45, получена въ Екатеринодарѣ 24 іюня.

³⁾ Предсѣдателя Ос. Сов. 2 іюля, № 922 и нач. воен. упр. 27 іюня № 2523.

Эти позднія увѣщанія не имѣли, впрочемъ, значенія, такъ какъ въ это время (сентябрь) англійскія войска покидали уже Баку и Тифлисъ...

Сѣверный Кавказъ быть присоединенъ, но не замирень. Слишкомъ много гонячаго матеріала накопилось въ краѣ, чтобы разбушевавшаяся съ началомъ революціи стихія вошла такъ скоро въ спокойные, мѣрные берега. Отзвуки расцвѣта было, но векорѣ поблекшаго воинствующаго панисламизма; обострившіе межплеменные ссоры; упадокъ народнаго хозяйства и развѣсившіе, какъ никогда, абрестество и мюридизмъ; темнота массъ, жившихъ нелѣпѣйшими представленіями и слухами; дѣятельность мѣстныхъ народныхъ вождей — фанатиковъ и авантюристовъ, подымавшихъ народъ жестокими расправами съ непокорными аулами — все это подогрѣвало броженіе изнутри. Главнѣе съ большой энергіей и слѣпою ненавистью поддерживали его обѣщавшіе за предѣлы нашей досягаемости члены бывшаго меджлиса, все еще рядившіеся въ атрибуты власти и народнаго избранничества, заключавшіе союзы, подписывавшіе договоры, раздававшіе закавказскія землн¹⁾, наводнявшіе территорию Кавказа своими агентами и пропагандой. Они находили средства и дѣятельную, совершенно открытую поддержку въ новообразованіяхъ Грузіи и Азербейджана, питавшихъ возстанія деньгами, оружіемъ, даже живой силой — офицерами и инструкторамъ. И пока, такимъ образомъ, фактическія и мнимыя правительства Кавказа готовили притѣвленіе третьей силы съ сѣвера, ихъ заграничныя делегации подрывали всемѣрно въ общественномъ мнѣніи Европы авторитетъ вооруженныхъ силъ Юга, стремясь лишитъ ихъ моральной и матеріальной помощи.

На сѣверномъ Кавказѣ возстанія по прекратятся. Во второй половинѣ іюня они пронесутся по Ингушетіи, горному Дагестану (Али - Хаджа), горной Чечнѣ (Узунъ - Хаджи и Шериповъ); затихнувъ въ іюль, они повторятся въ августѣ съ новой силой въ Чечнѣ и Дагестанѣ подъ руководствомъ турецкихъ и азербейджанскихъ офицеровъ и при сильномъ влияніи совѣтскихъ денегъ и большевнической агитаціи, направляемой изъ Астрахани... И хотя возстанія эти неизмѣнно будутъ подаваться русской властью, хотя они никогда не разгорятся до степени, угрожающей жизненно нашему тылу, но все же создадутъ вѣчно нервирующую политическую обстановку, отвлекая вниманіе, силы и средства отъ главнаго направленія всѣхъ нашихъ стремленій и помысловъ.

ГЛАВА XVI.

Наша и англійская политика въ Закавказьи. Батумское ген.-губернаторство. Юго-западная республика.

Закавказская проблема стояла передъ нами не менѣе остро, чѣмъ вопросъ о Сѣверномъ Кавказѣ. Главной цѣлью моею было удержаніе въ государственной связи съ Россіей закавказской окраины или, по крайней мѣрѣ, территоріальное ограниченіе распада. Въ этомъ стремленіи своемъ я встрѣтилъ противодѣйствіе и новообразованій, и Англии.

Съ осени 1918 г. въ Батумѣ, Тифлисѣ, Баку и Эривани въ полуофициальномъ положеніи находились представители Добровольческой Арміи²⁾, связь съ кото-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, осенью 19 г. состоялось «единогласное постановленіе» меджлиса отъ имени Аджарин о присоединеніи Батумской области къ Грузіи...

²⁾ «Тифлисскій центръ» негласно возглавлялся ген. отъ инф. Шаталовымъ; полк. Лазаревъ состоялъ при англійскомъ командованіи въ Баку и сносился съ азербейджанскимъ правительствомъ; полк. Десли состоялъ при армянскомъ правительствѣ. Съ марта 19 г. въ Батумѣ находился при англійскомъ командованіи ген. Романко-Романовскій.

Генераль Мильнъ.

рыми была всегда до крайности затруднительной. Полученныя ими лично и письменно указанія отъ меня и военнаго управленія, относительно направленія Добровольческой политики, сведены были позднѣе въ общую инструкцію, данную мною ген. Баратову, когда въ июлѣ онъ былъ посланъ официально въ Тифлисъ, въ качествѣ главнаго представителя моего въ Закавказье. Эта секретная ин-

струкція, помѣченная датой 2 июля 1919 г., является, такимъ образомъ, истиннымъ отраженіемъ всей нашей политики въ Закавказьи — отъ начала и до конца — и ключомъ къ уразумѣнію послѣдовавшихъ тамъ событій.

ИНСТРУКЦІЯ

Главному представителю въ Закавказьи Главнокомандующаго вооруж. силъ Юга Россіи.

Вамъ надлежитъ осуществить слѣдующія задачи и руководствоваться слѣдующими основаніями:

А) По части военной.

1. Принять всѣ мѣры для скорѣйшаго и полнаго вывоза изъ Закавказья въ распоряженіе Главнаго Начальника снабженія всѣхъ видовъ военнаго русскаго имущества, принадлежащаго бывшему Кавказскому фронту.
2. Предложить всѣмъ русскимъ офицерамъ, находящимся въ Закавказьи, прибыть въ распоряженіе Дежурнаго генерала штаба главнокомандующаго.
3. Принять мѣры къ обезпеченію остающихся въ Закавказьи семействъ офицеровъ, отправляемыхъ и находящихся въ составѣ Вооруж. силъ Юга Россіи.
4. Принять всѣ мѣры къ обезпеченію связи съ Тифлисомъ.

Б) По части политической.

Имѣя въ виду, что все Закавказье въ предѣлахъ границъ до начала войны 1914 г., должно быть разсматриваемо какъ неотдѣлимая часть Россійскаго Государства, Вамъ надлежитъ подготавливать почву для безболѣзненнаго воссоединенія этихъ областей въ одно цѣлое съ Россіей подъ верховнымъ управленіемъ обще-россійскаго государственной власти.

Что касается будущаго государственнаго устройства, то, не предпріявъ частностей его до волеизъявленія всего населенія русскаго государства, необходимо имѣть въ виду, что въ рѣшеніи этихъ вопросовъ примутъ участіе представители всѣхъ областей и народовъ Россіи и что широкая внутренняя автономія въ дѣлахъ мѣстной, краевой и народной жизни составляетъ одно изъ основаній будущаго государственнаго строя Россіи.

Одновременно съ тѣмъ, впрямь до окончательнаго установленія обще-государственной русскаго власти, допускается самостоятельное управленіе этихъ областей, имѣя въ видѣ образовавшагося и существующаго.

Въ частности: а) по отношенію Грузіи:

Главное командование вооруж. силъ Юга Россіи требуетъ полного очищенія грузинскими войсками Сочинскаго округа, съ отводомъ ихъ за рѣку Бзыбь.

По выполненіи этого непремѣннаго условия, возможны два положенія во взаимоотношеніяхъ съ Грузіей: 1) если ею будетъ признана принадлежность Грузіи къ Россійской государственности и прекращенъ гонимъ на русскихъ людей, слѣдуя обстоятельствамъ находящимся въ Грузіи, — то возможно установленіе вполне дружественныхъ отношеній, съ восстановленіемъ свободнаго товарообмѣна и со снятіемъ таможенныхъ ограниченій; 2) если же указанные выше въ п. 1 условия Грузіей осуществлены не будутъ, то, сохраняя нѣмнѣе настоящее товарообмѣна и таможенныхъ ограниченій, возможно лишь обоюдное обязательство на прекращеніе военныхъ дѣйствій.

До отвода же войскъ изъ Сочинскаго округа за р. Бзыбь, какія либо нныя взаимоотношенія, кромѣ готовности къ боевому противодействию противъ этого покушенія на дѣлать Россійской Государственности, не представляются возможными.

б) По отношенію къ Азербейджану

Главное командование вооруж. силъ Юга Россіи, считая Азербейджанъ отдѣльной частью Россіи, допускаетъ временное самостоятельное управленіе Азербейджана впредь до окончательнаго установленія обще-россійской государственной власти и не имѣетъ никакихъ намѣреній къ переходу въ наступленіе южнѣ границы Дагестанской области, если со стороны Азербейджана не будутъ проявлены какія-либо попытки къ агрессивнымъ дѣйствіямъ.

в) Въ отношеніи Арменіи:

Вплоть сочувствія стремленіямъ Армянской народности къ ея объединенію въ этнографическихъ границахъ и считая армянь тѣсно связанными въ ихъ историческихъ и экономическихъ интересахъ съ Единою, Недѣлимую Россіей, въ предѣлы которой входитъ наиболѣе добытая часть Арменіи, главное командованіе вооруж. силъ Юга Россіи, такъ же какъ и въ отношеніи Грузіи и Азербейджана, допускаетъ временное самостоятельное управленіе Армянскихъ областей, впредь до окончательнаго установленія обще-россійской государственной власти, не имѣя никакихъ агрессивныхъ въ отношеніи Арменіи намѣреній, но всецѣло стоя на стражѣ Единства Россійской Государственности

Въ связи съ этимъ на Вашей обязанности лежить:

1) Охраненіе и защита интересовъ всего постояннаго русскаго населенія въ Закавказьи и православной русской Церкви.

2) Забота о русскихъ бѣжцахъ, нѣмъ водворенныхъ на мѣста своихъ постоянныхъ жительствъ въ Закавказьи;

и 3) Периодическое освѣдомленіе Военнаго управленія окомъ состояніи края.

В) По части экономической на Васъ возлагается:

а) Содействие и обезпеченіе свободнаго хожденія по всему Закавказью денежныхъ знаковъ, устанавливаемыхъ къ обязательному обращенію на всей территоріи вооруж. силъ Юга Россіи и

б) въ зависимости отъ выполненія временными властями Грузіи и Азербейджана основъ взаимоотношеній, указанныхъ выше въ инструкціи по части политической, подготовка соглашеній по снятію таможенныхъ границъ и по установленію товарообмѣна, а также защита интересовъ гражданскихъ управленій при главнокомандующемъ въ полученіи различныхъ предметовъ и оборудованій, принадлежащихъ Россійскому Государству, оставшихся въ предѣлахъ Закавказья⁴⁾.

Въ Сочинскомъ и Сухумскомъ округахъ, насильственно захваченныхъ грузинскими — безправное положеніе абортитовъ и русскаго элемента, гнетъ грузинской власти, неумѣренная грузинизація и разорительная экономическая политика создавали очажъ недовольства и броженія, готовыхъ ежеминутно вылиться въ возстаніе. Помимо принципиальнаго непризнанія захвата, Добровольческая власть не могла оставаться равнодушной къ тѣмъ расправамъ, которыя чинились надъ русскими, армянскими, абхазскими населеніемъ, не желавшимъ мириться съ фактомъ захвата, къ тѣмъ постояннымъ жалобамъ и призывамъ, которые раздавались оттуда. Не могла, не входя въ слишкомъ очевидную коллизію съ провозглашеніемъ идей единства Россіи, съ традиціей заступничества за элементы, тяготѣющія къ русской государственности. Въ эту распрю мы вовлекались невольно и неиз-

⁴⁾ Подписано нач. воен. управ. ген. Лукомскимъ, отдѣла ген. Вязьмитиновымъ, утверждено главнокомандующимъ.

Обычно — не только в силу побуждений государственных, и под напором единодушного в этом вопросе общественного мнѣнія.

Было, впрочемъ, и исключеніе... Когда собравшіеся въ Тифлисъ 1--7 июня «2-й закавказскій съѣздъ русскихъ гражданъ», искусственно подобранный, раскололся¹⁾, большая часть его членовъ покинула съѣздъ, а оставшіеся социалистическій блокъ, совместно съ представителями сектантскихъ общинъ, получили крупную субсидію отъ грузинскаго правительства, отдавъ себя подъ покровительство его и грузинскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Въ вынесенной ими резолюціи говорилось о «лояльномъ отношеніи ко всемъ Закавказскимъ республикамъ», о федеративномъ объединеніи ихъ съ революціонно-демократической Россіей» — и о томъ, что «въ стремленіи Добровольческой арміи, исполняющей волю реакціонныхъ черносотенныхъ силъ, завоевать Закавказье, кроется смертельная опасность для всехъ закавказскихъ народовъ и русской трудовой революціонной демократіи». Это заявленіе, впрочемъ, не воспринятствовало совѣту просить и у главнаго командованія крупное денежное пособіе...

Я требовалъ отъ Грузинъ очищенія Черноморской губ. до ея вѣжныхъ границъ по р. Бзыби и, чтобы создать столь желательный для нея «буферъ», допускалъ нейтрализацію Сухумскаго округа — съ введеніемъ въ немъ мѣстнаго абхазскаго управленія.

Отъ Азербейджана я требовалъ свободы сообщеній по Каспійскому морю и приморской вѣтви Владикавказ. ж. д., урегулированія торговыхъ сношеній (нефть) и недопущенія снабженія совѣтской Россіи.

И только.

Насильственный захватъ территорій Грузинъ и Азербейджана не входилъ въ мои планы и былъ политически нефѣдесообразенъ. Но правительства этихъ новообразованій не могли, или по тактическимъ соображеніямъ не хотѣли, отвѣститься съ довѣріемъ къ нашей политикѣ. Официальная печать ихъ съ необыкновеннымъ жаромъ подогрѣвала ненависть къ намъ, возбуждала страсти, искажала до самоочевидной нефѣдности наши намѣренія и планы, обложая свою хулу не только противъ Арміи и ея вождей, но и противъ Россіи въ формы, по грубости и оскорбительности превосходящія даже большевистскіе плакаты. Такой же былъ нерѣдко тонъ рѣчей въ парламентахъ.

И хотя при этихъ условіяхъ все болѣе нарастало въ русскомъ обществѣ и Арміи враждебное настроеніе противъ грузинскаго и азербейджанскаго правительствъ, и лицамъ, стоявшимъ у власти, необыкновенно трудно было сохранить самообладаніе, попытки примиренія интересовъ нашихъ съ закавказскими новообразованіями продолжались, и военно-политическая работа командованія — явная и тайная — не выходила изъ рамокъ начертанныхъ въ наказѣ Баратову.

Въ концѣ концовъ главной, вѣрнѣе, единственной причиной борьбы на Кавказѣ являлось противоположеніе идеѣ Единой Россіи идеѣ полной независимости Кавказскихъ новообразованій. Все остальное было лишь крупными или мелкими, важными или маловажными поводами.

Какія тайныя инструкции давало англійское правительство своимъ представителямъ въ Константинополь и Закавказья, и въ какой мѣрѣ послѣдніе вносили въ свои заявленія и дѣятельность элементъ личнаго усмотрѣнія, это мы узнаемъ не скоро, если вообще когда либо узнаемъ. Но сопоставленіе того общаго, хотя зачастую противорѣчиваго матеріала, которымъ располагало правительство Юга, опредѣляло безошибочно основныя вѣтви англійской политики.

¹⁾ Причиной было исключеніе бакинск. представителей — несоціалистовъ. Отколовшаяся несоціалистическая часть съѣзда образовала «Закавказ. рус. нац. комитетъ», поддерживавшій попрежнему связь съ главнымъ командомъ Добровольцевъ.

Осень и зима 18 г. прошли подъ знакомъ продолженія міровой войны. Поэтому военная экспедиція англичанъ въ Закавказье не вызвала большого противодѣйствія въ социалистическихъ кругахъ парламента и страны. Но къ концу года, когда задача вытѣсненія германскихъ и турецкихъ войскъ и вліянія была выполнена, давленіе тредъ-юніоновъ и лѣвой общественности, находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ Москвы, значительно возросло, и англійское правительство вынуждено было измѣнить офіціальные мотивы помощи противобольшевицкимъ организациямъ. Въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ объясненій въ парламента Ллойд Джорджъ излагалъ эти мотивы слѣдующимъ образомъ:

«Вопросъ о признаніи большевицкаго правительства никогда не подымался и никогда не обсуждался. Большевицкое правительство совершило тяжкія преступленія противъ союзныхъ подданныхъ, что дѣлаетъ невозможнымъ признаніе его, даже если бы оно было цивилизованнымъ правительствомъ. Другая причина заключается въ томъ, что въ этотъ самый моментъ они атакуютъ нашихъ друзей въ Россіи.

И чувствуя отвращеніе ко всѣмъ большевицкимъ ученіямъ, мы оплакиваемъ ихъ ужасоущія послѣдствія — голодъ, кровопролитіе, разрушеніе, разореніе и ужасъ, но военная интервенція все же была бы поступкомъ величайшей глупости.

Но меня спросятъ, въ такомъ случаѣ почему мы поддерживаемъ Колчака, Деникина и Харькова (?). Я буду совершенно откровененъ. Когда былъ подписанъ Брестъ-Литовскій договоръ, обширныя области и многочисленное населеніе въ Россіи возстали противъ подписаннаго этого договора правительства и по нашему побужденію образовали арміи. Большевицкѣмъ угрожать распространить свое господство на возставшее противъ него населеніе, которое было организовано по нашему требованію. Если бы мы сейчасъ же по достиженіи поставленной нами цѣли сказали бы: «Спасибо, Вы намъ больше не нужны. Пусть большевики рѣжутъ вамъ горло» — мы были бы недостойны считать себя великою страной. Это наше дѣло помогать нашимъ друзьямъ и потому мы ихъ снабжаемъ матеріалами. Всякій, кто знаетъ Россію, понимаетъ, что она должна быть спасена ея собственными сынами. Единственное, что они просятъ, это чтобы ихъ снабжали необходимымъ вооруженіемъ, дабы дать имъ возможность сражаться за своей защиты и освобожденія. Поэтому я считаю, что помощь Колчаку, Деникину и Харькову вовсе не есть отклоненіе отъ основной политики Великобританіи — невмѣшательства во внутреннія дѣла другого государства.

Слѣдующая задача нашей политики состоитъ въ томъ, чтобы не допустить проявленія вооруженнаго большевицкаго въ союзныхъ странахъ. Вслѣдствіе этого мы организуемъ силы всѣхъ союзныхъ странъ, окружающихъ Россію отъ Балтійскаго до Чернаго моря, и снабжаемъ эти страны необходимымъ снаряженіемъ для устанавленія преградъ противъ большевицкаго вторженія».

Заявленіе Ллойд Джорджа, повторенное не разъ потомъ имъ самимъ, Черчиллемъ и Бонаръ Лоу, въ части, касающейся роли Англій въ созданіи бѣлыхъ армій, получило большое распространеніе въ міровой прессѣ и было надлежаче исполнено большевицкой пропагандой. Широкое національное и патриотическое движеніе, возникшее самостоятельно по всей Россіи, низводилось до степени служебнаго начала англійскимъ интересамъ.

Но пусть будетъ несправда, если она во спасеніе.

Итакъ, главною цѣлью англійскаго правительства, по словамъ его представителей, была «поддержка своихъ друзей»...

Нѣкоторый диссонансъ въ эти заявленія вносили болѣе откровенныя рѣчи представителей могущественнаго англійскаго капитала... Такъ въ декабрѣ 1918 г. предсѣдатель 4-хъ кавказскихъ нефтяныхъ компаній²⁾ на годовомъ собраніи въ Лондонѣ говорилъ:

«На Кавказѣ — отъ Батума до Баку и отъ Владикавказа до Тифлиса, Малой Азіи, Мессопотаміи, Персій британскія войска понимались и были привѣтствуемы народами почти всѣхъ національностей и вѣрованія, которые взираютъ на насъ,

¹⁾ Эпизодъ съ «ген. Харьковымъ» служилъ долго предметомъ остроты южныхъ газетъ.

²⁾ „Bibi-Eibat Oil Company Ltd.“

как на освободителей — одних от турецкого, других от большевистского ига. Никогда еще в истории наших островов не было такого благоприятного случая для мирного проникновения британского влияния и британской торговли, для создания второй Индии или Египта. Но слабые голоса наших политических деятелей под явной демократией глушат все эти стремления. Русская нефтяная промышленность, широко финансируемая и правильно организованная под британским началом была бы ценнейшим приобретением истории...

Официально англичане пришли в Закавказье с программой Верховного союзного совета: самоопределения народов по Вильсону, сохранения status quo в отношении границ до решения мирной конференции и невмешательства во внутреннюю дела новообразованной. Поскольку и как проводились эти идеи в жизнь, мы видели и увидим в главах, посвященных жизни Кавказа. Однажды на один из моих бесчисленных протестов по поводу закавказской политики англичан с каторгошодарская миссия прислала объяснение¹⁾:

«Во время заключения перемирия с Германией, когда главные принципы, руководящие Мирной конференцией, должны были быть выработаны заранее, на в одной части России не было правительства, которое могло бы считаться правительством Объединенной России, и не было никакой связи между различными силами, борющимися против большевиков. Даже в район, заявлять теперь В. С. Ю. Р., Дюнь тогда притязал на самостоятельность, и власть главнокомандующего Добр. Армией была очень ограничена на Кубани. Россия, кроме как через Мурмань и Владивосток, была оторвана от сношения с союзниками. Принципы самоопределения мелких народностей были преобладающим; Грузия, Азербейджань, Армения и так называемое горское правительство имѣли своих представителей в Парижѣ и Лондонѣ, которые требовали полного отделения от России. При таких обстоятельствах общия заявления, даваемые британским войскамъ, первоначальная задача которыхъ была принудить неприятеля къ эвакуации Закавказья, заключались въ томъ, чтобы въ ожидании рѣшения Мирной конференціи охранять порядокъ и поддерживать правительство, находящееся у власти, пока оно будетъ вести себя подобающимъ образомъ.

Русские представители въ Закавказьи и даже командование В. С. Ю. Р., не сумѣвъ оцѣнить этихъ основныхъ принциповъ, часто обращались къ британскимъ военнымъ властямъ въ Закавказьи съ требованиями, которыя шли въ разрѣзъ съ полученными ими распоряженіями и неминуемо бы вели насъ въ войну съ упомянутыми республиками, что было бы противно принципамъ, одушевляющимъ Мирную конференцію».

Фактическая обстановка вызывала, однако, сомнѣніе въ такой объективности.

Желая войти въ непосредственныя сношенія съ закавказскими английскими властями, я командировать въ январѣ 1919 г. ген. Эрдели въ Батумь, Тифлисъ, Баку и Закаспій. Его повѣдка дала много интереснаго матеріала, тѣмъ болѣе, что английскіе генералы, не искушенные въ дипломатіи и политикѣ, были въ достаточной мѣрѣ откровенны.

Прежде всего английскій главнокомандующій ген. Мильнъ, посѣтившій въ это время Закавказье, уклонился отъ встрѣчи съ ген. Эрдели подъ тѣмъ предлогомъ, что «при назначеніи главнокомандующимъ войскъ Восточнаго фронта онъ не получалъ инструкцій входить въ сношенія и переговоры съ Добровольческой Армией. На его обязанности было имѣть переговоры съ представителями закавказскихъ народностей и областей, по ихъ вопросамъ и нуждамъ, и потому на территоріи Закавказья вести переговоры съ Добровольческой Армией онъ не можетъ». Точно также ген. Эрдели было сообщено, что «пріѣздъ его въ Тифлисъ не желателенъ, и посему английское командование не можетъ взять на себя заботу объ его пріѣздѣ»²⁾.

¹⁾ Нота отъ 1 августа № 1293 на имя начальника штаба главнокомандующаго.

²⁾ Допески Эрдели 12 и 18 янв. № 3 и 5. Позднѣе на протестъ мой противъ такого оскорбительнаго отношенія къ представителю главнаго командования ген. Мильнъ выразилъ сожалѣніе по поводу происшедшаго недоразумѣнія, объяснивъ, что онъ не былъ увѣренъ въ полномочіяхъ Эрдели... Сношеніе британской миссіи 25 марта № 134.

Ген.-губернаторъ Батума Коллисъ объяснилъ послѣднее обстоятельство «происходящими сейчасъ важными событіями...» По его свѣдѣніямъ «грузинская республика будетъ признана союзниками, какъ самостоятельное государство, и можетъ быть, съ полнымъ отдѣленіемъ отъ Россіи; на очередь стоитъ даже вопросъ о томъ — присоединить или нѣтъ Батумскую область къ Грузіи». По этому вопросу ген. Милльнъ запрашивалъ мнѣнія Коллиса, и послѣдній былъ въ большомъ затрудненіи, откровенно сознаваясь въ своей полной неосвѣдомленности въ исторіи Аджаріи и Батума.

Рамки status quo, повидимому, нѣсколько раздвигались...

Продавъ разрѣшенія на дальнѣйшую поѣздку цѣлыхъ двѣ недѣли, Эрдели проѣздомъ черезъ Тифлисъ былъ неожиданно приглашенъ Уоккеромъ, съ которымъ имѣлъ продолжительную бесѣду. Уоккеръ сообщилъ о существованіи трехъ проектовъ разрѣшенія судьбы Закавказья:

«1. Присоединеніе его къ Россіи въ границахъ 1914 г., съ автономнымъ управленіемъ въ различныхъ областяхъ.

Признаніе самостоятельности образовавшихся республикъ, съ полнымъ отдѣленіемъ ихъ отъ Россіи.

3. Образованіе соединенныхъ штатовъ на Кавказѣ — въ отдѣлѣ отъ Россіи или въ конфедераціи съ ней...»

И Уоккеръ, и Томсонъ (въ Батумѣ) были въ высокой степени любозны, но высказались совершенно опредѣленно, что поддержаніе идеи общей русской государственности не входитъ въ ихъ задачу, что на Добровольческую Армію они смотрятъ только, какъ на одно изъ противобольшевизскихъ образованій и никакого русскаго вліянія въ ущербъ самостоятельному развитію мѣстныхъ «государствъ» въ оккупированной зонѣ, впрямь до рѣшенія Мирной конференціи, не потерпятъ.

Эта идея могущественной и цѣлѣбной силы «мирной конференціи» и ея компетенціи разрѣшать самостоятельно, безъ самой Россіи, ея судьбы — проводилась чрезвычайно настойчиво во всѣхъ и союзными представителями на Югѣ. Она встрѣчала признаніе среди кавказскихъ новообразованій и казачьихъ самостоятельныхъ группъ и вызвала глубочайшее негодованіе среди всѣхъ національно мыслящихъ элементовъ русскаго общества. Протестъ и противодействие этому международному наслію были, поэтому, нашимъ правомъ и обязанностью.

Зима 1918—1919 года пройдетъ въ острыхъ столкновеніяхъ на этой почвѣ съ англійскимъ правительствомъ и командованіемъ.

Останутся ли англійскія войска въ Закавказьи и надолго ли, это зависѣло, очевидно, отъ теченія переговоровъ на Версальской конференціи, отъ настроенія парламента и рабочей партіи, наконецъ, отъ хода событій въ самомъ Закавказьи. Во всякомъ случаѣ, до весны 1919 года, надежды англичанъ на длительность и прочность ихъ оккупанціи были еще велики. Въ этотъ періодъ мы увидѣли наибольшее развитіе ихъ политики вытѣсненія русскаго вліянія въ краѣ, поддержанія его раздробленности и созданія почвы для перманентныхъ конфликтовъ межплеменныхъ и межправительственныхъ, какъ будто для того, чтобы наличіемъ ихъ оправдать необходимость британской оккупанціи. Первое и второе достигались внушеніемъ закавказскимъ новообразованіямъ мысли о необходимости признанія ихъ самостоятельности и поддержкой ихъ въ столкновеніяхъ съ Добровольческой Арміей; третье же требовало ни труда, ни искусства: горючаго материала было слышкомъ много и стоило лишь поднести спичку, чтобы вызвать пожаръ.

Въ связи и въ большой зависимости отъ направленія англійской политики протекала жизнь Закавказья.

Въ средній ноябрь англичане заняли Батумъ. Турецкая оккупанція, длившаяся девять мѣсяцевъ, оставила навѣстные слѣды въ политическихъ настроеніяхъ города и области.

Во-первых — пестрое интернациональное население города порта изменило свой состав, благодаря бѣгству весной 1918 г. значительнаго числа русскихъ и грузинъ, бывшихся турецкой расправы. Въ волнѣ русского бѣженства уходило, главнымъ образомъ, пролетаріатъ и революціонная демократія, и потому, оставшееся население представляло довольно однородное и сплоченное ядро буржуазнаго и служилого элемента. Русскій національный совѣтъ въ Батумѣ возглавлялся вначалѣ ген. Терменовъ, а съ ноября 1919 г. прис. повѣренными, лидеромъ мѣстныхъ кадетъ П. М. Масловымъ — фактическимъ основателемъ и душою совѣта. Въ городѣ существовали также малодѣятельные національные совѣты грузинскій, греческій, еврейскій, польскій и мусульманскій.

Во-вторыхъ — временное турецкое владычество, съ сопровождавшими его репрессіями, поборами, воинской и трудовой повинностью и жестокими мѣрами административнаго воздѣйствія, вызвало большое разочарованіе въ мѣстномъ аджарскомъ населеніи, кончившѣ надолго, если не навсегда, съ основаннымъ на историческихъ легендахъ тяготѣніи его къ Турціи. Сообразно съ этимъ усилились симпатіи аджарцевъ къ Россіи. Мѣстнаго «аджарскаго» сепаратизма въ области не существовало вовсе¹⁾, если не считать одного эпизода: потомокъ владѣтельнаго бека, полковникъ русской службы Джемаль-бекъ подымалъ народъ, организовывалъ вооруженныя четы и предлагалъ городъ Батумъ и свои услуги сначала Грузіи, потомъ Турціи, съ тѣмъ, чтобы остальная территория Аджаріи стала автономной областью подъ его наследственнымъ правленіемъ. Затѣмъ эта не имѣла никакаго успѣха, кромѣ пожалованія Джемаль-беку ордена и чина иши правительствомъ султана. Картевели по происхожденію, мусульмане по вѣрѣ — аджарцы сохраняли приватную имъ туркамъ ненависть къ грузинамъ.

Еще во время турецкаго господства Русскій національный совѣтъ вошелъ въ связь съ командованіемъ Добровольческой Арміи, признавая ее объединяющимъ центромъ и запрашивая директивы. Когда въ Батумѣ появился ген. Уоккеръ, Совѣтъ представлялъ ему меморандумъ о положеніи края, громадной культурной роли русскаго населенія въ области въ теченіе 40 лѣтъ и проектъ — схему административнаго ея устройства. Ген. Уоккеръ призналъ предѣдателя совѣта Маслова и предложилъ ему организовать «Совѣтъ по управленію Батумскаго областью», подъ руководствомъ англійскаго генералъ-губернатора. По взаимному соглашенію въ составъ совѣта, для приданія ему надлежащаго авторитета въ глазахъ смѣшаннаго населенія города, были назначены представители различныхъ національностей²⁾, во главѣ съ русскимъ предѣдателемъ (Масловъ) и его замѣстителемъ (С. А. Анисимовъ). Всѣ постановленія совѣта подлежали утвержденію военнаго губернатора, бригаднаго генерала Кухъ-Коллеса.

«Совѣтъ по управленію», находясь въ полномъ согласіи съ Национальнымъ комитетомъ, такъ же какъ и онъ, считалъ себя въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ главному командованію Юга и просить руководящихъ указаній. Въ основной цѣли, которую поставилъ себѣ совѣтъ, мы сходились вполне: «необходимо отогнать Батумскую область съ Батумомъ и сохранить этотъ первостепенной важности портъ и единственный въ своемъ родѣ по красотѣ и богатству дарами природы край за Россіей...» Масловъ запрашивалъ, «какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда англійское командованіе отдастъ распоряженіе, идущее въ ущербъ русскимъ интересамъ? Проявлять ли уступчивость въ предвидѣніи лучшаго будущаго или категорически отстаивать свое мнѣніе, не останавливаясь передъ постановкой вопроса объ отказѣ отъ власти». Я отвѣчалъ: «не задираясь по мелочамъ, въ основ-

¹⁾ Такіе «удивительные» факты приходится оговаривать, въ виду того новѣтрія самоопредѣленія, которое охватывало русскіе народы. Не многимъ вѣроятно известно о кратковременномъ существованіи суверенной «Ингерманландіи», въ юго-западн. уголѣ Петроград. губ., серьезно протежируемой сосѣднимъ сувереномъ — Эстоніей.

²⁾ 2 грузина, 1 грекъ, 1 мусульманитъ, 1 еврей, 1 полякъ и 1 армянинъ, подлѣбе еще 2 аджарца. По опредѣленію Маслова только одинъ грузинъ сепаратистъ, прочіе всѣ руссофилы.

ных вопросах русской государственности прямо, открыто и резко защищать русскую идею, не оставаясь ни перед чем».

Также категорически и безапелляционно были притязания на Батумь Грузия. Вся грузинская печать с необыкновенной страстью относилась к батумскому вопросу, разжигая национальный шовинизм в своей стране, владая не раз в истерику и, по обычаю, допуская бульварное сквернословие в отношении своих «врагов — русских». «Батумь и мусульманская Грузия — наши — писала «Сахалко Сакке»¹⁾. Они — мы. Они должны быть наши. Мы должны быть вместе, непременно вместе, иначе невозможно наша жизнь, наша независимость, наша национальность, это — неизбежно, это — главный очередной вопрос нынешнего дня... Мы должны осуществить это объединение, ничего для него не жалеть и принести в жертву все... Мы должны вернуть себе Батумь...» Грузинское правительство лавдьяло городъ и область грузинами во главѣ съ агитаторами и террористами; по области ходила безвозвратно шапка Асламъ-бека, проповѣдая вражду противъ Россіи, побуждая аджарскія селенія къ принятію грузинскаго подданства; отряды грузинскихъ войскъ сосредоточивались къ Потанеби, возлѣ Батума, брящая оружіемъ и первируя батумскій совѣтъ.

Такимъ образомъ, въ Батумскомъ вопросѣ столкнулись три стороны: Россія, Грузія и Англія. За кулисами стояла еще временно вышедшая изъ игры, побѣжденная, но не оставившая своихъ притязаній на Батумь — Турція. Территориально къ первой группировкѣ примыкали верхняя и нижняя Аджарія, сохранившія привязанность къ своей метрополіи, посылавшія съ такимъ заявленіемъ делегацию къ англичанамъ; ко второй — Кобулетскій районъ и аджарцы города, подавившіеся нѣскольکو грузинской пропагандѣ — въ общемъ около 10% коренного населенія. Политически — къ русской группѣ примыкали всѣ прочіе, кромѣ грузинъ.

Третья сторона — англичане — хранили въ тайнѣ свои намѣренія и дѣли, а видная неослѣдовательность ихъ заявленій и дѣйствій приводила въ раздраженіе и насъ, и грузинъ. Неопредѣленность положенія «русскаго вопроса» на мирной конференціи служила покровомъ этой неослѣдовательности. Такъ, англійскіе представители высказывали не разъ предположеніе, что Батумь перейдетъ къ Грузіи, то даже къ Арменіи, иптая тѣмъ грузинскій шовинизмъ и создавая вятянутыя отношенія къ русскому направленію со стороны мѣстнаго армянскаго совѣта. Англійскій губернаторъ устранилъ русскую администрацію въ Артинскомъ округѣ и передавалъ ее темнымъ туркофильскимъ элементамъ, находившимся въ связи съ такъ наз. Юго-Западной республикой²⁾. Въ началѣ апрѣля онъ распустилъ «Совѣтъ по управленію», обвинивъ его въ веденіи «личной политики» и въ неудачныхъ финансовыхъ мѣропріятіяхъ, замѣстивъ всѣ должности англійскими офицерами, причемъ во главѣ гражданскаго управления былъ оставленъ еврей Харрисъ — до войны маклеръ Лондонской биржи. Одновременно распоряженіемъ губернатора снускался «съ почестями» русскій флагъ, развѣвавшійся на батумо-грузинской границѣ, и замѣнялся британскимъ, а въ пограничномъ районѣ расклеивались объявленія, что слухи о присоединеніи Батума къ Грузіи ложны и «Батумь всегда останется Батумской провинціей...» (?)³⁾.

Англичане реквизировали богатые запасы нефти, бензина и друг. въ качествѣ приза, взятаго «у илмцевъ», большіе русскіе военные запасы — въ качествѣ военной добычи, захваченной «у турокъ»; брали подъ свой «протекторатъ» Артинскую опытную станцію и богатѣйшее Чаквинское имѣніе, устанавливали произвольный курсъ фунта, понизивъ вдвое мѣстную валюту; сравнивали рубль съ грузинской бонвой, уронивъ почти вдвое курсъ рубля. Одновременно они отдавали В. С. Ю. Р. большое количество ненужнаго имъ боевого имущества крѣпости, до нѣкоторой степени принимали мѣры къ облегченію населенію продовольственнаго вопроса и къ помощи російскимъ пенсіонерамъ.

¹⁾ Органъ груз. сод.-федералистовъ.

²⁾ См. ниже.

³⁾ Объявленіе за подписью капитана Крейна свято въ районѣ Чаквы.

Граница съ Грузіей была свободна для въѣзда всѣхъ агитаторовъ и членовъ грузинской маффіи, тогда какъ въ отношеніи лицъ, слѣдовавшихъ съ территоріи Юга Россіи въ Батумъ, англичане установили требованіе персональнаго разрѣшенія изъ Константинополя отъ штаба Милына¹⁾, порчу — не болѣе 150 человекъ въ одинъ пароходный рейсъ, притомъ только и мужчинъ. Въ Поворосійскѣ и другіихъ портахъ скопилось, поэтому, толпы бѣженцевъ — въ обстановкѣ грязн, тифа и голода.

Англичане отдали Грузіи «по техническимъ соображеніямъ» участокъ жел. дор. Батумъ — Нотанеби, и первымъ слѣдствіемъ этого было удаленіе всего русскаго жел. дор. персонала и появленіе въ Батумѣ грузинскаго агитаціоннаго поѣзда съ знаменательнымъ девизомъ: «Кто не съ нами, тотъ противъ насъ». Шовинистическая литература на рускомъ и мѣстныхъ языкахъ наводнила край. Опытные грузинскіе агенты терроризировали русское населеніе, преимущественно видныхъ общественнхъ дѣятелей, пригрожая угрозою подметными письмами, разбойныя нападенія и убійства, и русскій національный совѣтъ вотще завывалъ къ англійской власти о принятіи болѣе дѣйствительныхъ мѣръ охраны отъ злоумышленниковъ. На ряду съ этимъ англійскимъ губернаторомъ разрѣшился повсемѣстно митинги, устраиваемые грузинами съ призывомъ присоединенія къ Грузіи и выступленія противъ Добровольческой Арміи. На мой протестъ по этому поводу англійская миссія дала весьма оригинальное разъясненіе²⁾: «Британскій губернаторъ, будучи увѣренъ, что область настроена враждебно по отношенію къ грузинамъ, разрѣшила организовать собранія въ Батумѣ, Аргвинѣ и друг., чтобы дать возможность населенію прояснить свое недоброжелательное отношеніе къ Грузіи. Его политика увѣячалась полнымъ успѣхомъ...³⁾. Губернаторъ, установивъ такимъ образомъ, публично анти-грузинскую оріентацію населенія, запретилъ дальнѣйшія собранія».

Русское правленіе и Русскій совѣтъ Батума неоднократно просили меня поставить въ городѣ небольшой Добровольческой гарнизонъ для охраны порядка и символическаго позображенія государственной связи Батума съ Россіей. Англичане воспріятствовали этому, но разрѣшили открыть въ Батумѣ вербовочное бюро для комплектованія Добровольческой Арміи. Взятшій на себя эту работу ген. Натіевъ — аджарецъ по происхожденію — возбуждалъ противъ себя сильно и англичанъ, и грузинъ. Опасности для Грузіи ген. Натіевъ не представлялъ никакой. Весь итогъ его работы выразился въ привлеченіи 40 офицеровъ и 300 солдатъ — армянскихъ бѣженцевъ, мало пригоднаго элемента. Въ маѣ ген. Натіеву запрещены были всякія формированія и предположено было замѣнить его другимъ лицомъ. Но грузинская развѣдка приписывала Натіеву формированіе «Закавказскаго корпуса», предназначеннаго для покоренія Грузіи, и грузины рѣшили убрать его со своего пути. 15 іюня Натіевъ и его адъютантъ, проходившіе по людной улицѣ города, были убиты наповалъ шайкой грузинъ, во главѣ съ офицеромъ. Это событіе возмутило глубоко русскіе круги и въ отвѣтъ на мой протестъ вызвало весьма уклончивый отвѣтъ англійской миссіи: «Британскому военному губернатору извѣстны тѣ лица, которые убили генерала Натіева. Попытка задержать ихъ была сдѣлана, но они скрылись въ Грузію. Не имѣетъ смысла доносить объ нихъ грузинскому правительству, которое будетъ защищать своихъ агентовъ; но если они, какъ то ожидается, вернуться, то ихъ арестуютъ»⁴⁾.

Такъ шли дѣла, писались ноты, заявлялись протесты — мною, батумскимъ русскимъ правленіемъ, потомъ русскимъ національнымъ совѣтомъ, далеко не всегда достигавшіе практическихъ результатовъ. Но нныя средства, болѣе активныя, намъ были недоступны: по бѣдности, матеріальной зависимости отъ англичанъ, по

¹⁾ Нота отъ 22 февраля, подписанная полк. Кизомъ.

²⁾ Нота отъ 1 августа 19 г.

³⁾ Собранія проходили не вездѣ такъ благополучно, какъ увѣряли англичане.

⁴⁾ Нота 1 авг. № 1293 полковника Киза.

недостатку вооруженных сил и несклонности къ методамъ, практиковавшимся грузинами... Во всякомъ случаѣ, наша борьба оказывала, безъ сомнѣнія, сдерживающее вліяніе на темпъ сложнаго процесса — отрыва отъ метрополи русской окрасны, не оставляя ее въ концѣ безпризорной.

Въ конечномъ результатѣ, англійская политика въ Батумѣ вооружила противъ себя всѣхъ. Я просилъ англійскую миссію разъяснить — «имѣю ли я въ лицѣ англійскаго командованія въ Закавказьи друзей или враговъ?» Русскій національный совѣтъ констатировалъ, что, «къ сожалѣнію, ожиданія и надежды русскихъ людей, связанныя съ прибытіемъ союзниковъ — англичанъ, не оправдались, ибо, повидимому, они явились сюда не для выполнения союзническихъ обязательствъ и помощи пострадавшей Россіи, а для преслѣдованія своекорыстныхъ — не только экономическихъ, но и политическихъ интересовъ»¹⁾. Наконецъ, грузинское правительство и печать, въ свою очередь, ополчились противъ англичанъ. «Здѣсь, въ Тифлисѣ — писалъ офицеръ правительства «Борьба» — произошло наше взаимное пониманіе (съ англійскими властями) и были взяты на одинъ общій языкъ, одни общіе пути. Въ Батумѣ имѣеть мѣсто диаметрально противоположная политика. Органъ грузинскихъ соц.-рев. «Шорма» изливалъ свою злобу: «грузинское общество съ радостью встрѣтило вѣсть о переходѣ Батума въ руки англичанъ, такъ какъ оно надѣялось, что благородное британское командованіе пойметъ, что Батумъ является сердцемъ Грузіи, и послѣднія никому его не уступитъ, пока въ ней будетъ жить чувство собственнаго достоинства. Добровольцы и Денкииъ поняли это, и поэтому Батумъ они превратили въ гнѣздо интригъ, подкупа и шпионажа. Не проходитъ дня, чтобы они не бросали въ насъ отравленные стрѣлы. И Грузія вынуждена переносить это униженіе только потому, что злотъъ безсовѣстный и продажный народъ опирается на престижъ и авторитетъ Британіи».

Такіе изо дня въ день повторяющіеся выпады некультурной, лишенной традицій и чувства мѣры грузинской прессы, поощряемой правительствомъ²⁾, сыгралъ, безъ сомнѣнія, не маловажную роль въ нашихъ взаимоотношеніяхъ.

Англичане потребовали отъ турецкаго командованія — очищенія русскаго Закавказья до границъ 1914 г. къ половинѣ января. Въ связи съ этимъ, въ Карсской области на мѣсто турецкаго военнаго управленія образовалась «Юго-Западная республика»³⁾. Правительство ея («Шуро»), исключительно изъ мусульманъ, было поставлено турками и находилось всецѣло въ рукахъ видныхъ дѣятелей партіи «Единеніе и прогрессъ» — Нури-паша (братъ Эшвера) и Халиль-паша. «Республика» имѣла свои «войска» — тысячъ 5—6 плохо организованныхъ бандъ, въ изобиліи снабженныхъ турками оружіемъ и боевыми припасами; въ составѣ ихъ были турецкіе офицеры и не мало аскеровъ.

Англичане отнеслись съ большимъ интересомъ къ новообразованію, но хранили долгое молчаніе относительно его будущей судьбы, приводя тѣмъ въ крайнее безпокойство претендентовъ на Карское наслѣдіе — Грузію и Арменію. Со времени турецкаго нашествія большая часть русскаго населенія и почти все армянское населеніе бѣжало изъ Карсской области, въ которой образовалось фактическое преобладаніе турецкаго элемента. Всѣ земли, скотъ, сельско-хозяйственный инвентарь, всякое добро бѣженцевъ пошло въ руки турокъ, и теперь «Юго-Западное правительство» противилось всѣми способами возвращенію бѣженцевъ.

Политическое положеніе «республики» къ концу декабря было весьма сложное. Въ Карсѣ сосредоточились три власти: англійскій губернаторъ полк. Тимверлей, турецкій — начальникъ 12-й дивизіи и «Шуро»; тамъ же находились и

¹⁾ Особое постановленіе 23 апрѣля 19 г.

²⁾ Пресса находилась всецѣло въ рукахъ мши. вл. дѣль Рамишвили.

³⁾ Территорія ея включала, кромѣ того, Аджвианскій округъ (условно), Зачорохск. край и Ахаликскій уѣздъ Тифлисскаго губ.

войска трех армій: англійскій гарнизонъ, турецкая дивизія мѣстныхъ форми-
рованія. Турки, впрочемъ, векоръ ушли.

Политическія настроенія правительства и населенія опредѣлялись неизбежно-
стью предстоящей ликвидаціи, расчетовъ и расплаты и выражались совершенно
опредѣленно: «если не турецкая, то только русская власть». Делегация, встрѣ-
чавшая въ Карѣ первыхъ англійскихъ представителей, привѣтствовала ихъ не-
привычнымъ для англійскаго уха словами: «мы рады васъ видѣть, какъ союзни-
ковъ, побѣдителей и какъ дорогихъ гостей на русской террито-
риі...» Мой представитель въ Арменіи полк. Месли, прибывшій въ Карѣ
31 декабря, былъ встрѣченъ на границѣ области депутатами отъ населенія, въ
Карѣ представителями «Шуро» и турецкаго командованія. Все они выражали
пожеланія о скорѣйшемъ присоединеніи области къ Россіи и назначеніи русскаго
губернатора, какъ естественный безкровный выходъ изъ запутаннаго положенія
межплеменной распри. Съ такимъ же заявленіемъ дважды впоследствии правитель-
ство обращалось къ англичанамъ и посылало делегацию въ Америку и Европу.

Англійское командованіе не имѣло вовсе своей политики въ Карскомъ во-
просѣ или она была безразлично макиавелистической, во всякомъ случаѣ, по отно-
шенію къ Россіи — воплотилъ опредѣленной: ген. Уоккеръ ставилъ непремѣннымъ
условіемъ возвращенія русскихъ бѣженцевъ въ Карскую и Батумскую области,
чтобы они «не вѣли пропаганды большевицкой и за воссоединеніе этихъ областей
съ Россіей»¹⁾. Такие же приказы въ Карѣ отдавалъ англійскій губернаторъ. Въ
то же время полк. Тимперлей, покровительствовавшій полу-турецкому правитель-
ству «Юго-Западной республики», тормазилъ возвращеніе въ край армян-
скихъ бѣженцевъ, и ген. Вичъ²⁾ заявлялъ армянскому правительству твердо и
рѣшительно, что Карская область Арменіи не принадлежитъ³⁾; ген. Уоккеръ
«не видѣлъ препятствій» къ занятію грузинами Поксова⁴⁾, а когда грузинскіе
войска Квинтадзе приступили къ занятію этого участка, это вызвало вооружен-
ное сопротивленіе мусульманъ и заявленію Карскаго губернатора, что наступле-
ніе грузинъ «будетъ считаться направленнымъ противъ Великобританіи...»

Въ концѣ марта обстановка круто мѣняется: туркофильскія тенденціи англи-
чанъ исчезаютъ окончательно, смѣнившій Тимперлей новый губернаторъ Карса,
ген. Ассеръ свергаетъ «Юго-Западное правительство», заключаетъ въ тюрьму его
членовъ и видныхъ турецкихъ дѣятелей, и власть переходитъ единолично къ гу-
бернатору и образованному имъ смѣшаннаго національнаго состава Совѣту. Со-
вѣтъ править только три недѣли. Пользуясь произошедшимъ замѣшательствомъ,
грузинскія войска вторгаются въ сѣверную часть «республики» и занимаютъ
Ахалцыхъ и Ардаганъ, но по требованію англичанъ очищаютъ послѣдній. Въ
свою очередь армянскія войска съ согласія англичанъ занимаютъ всю Карскую
область, которая входитъ въ составъ Арменіи, и въ Карѣ водворяется армян-
скій губернаторъ.

Жизнь области, въ которой причудливой мозаикой переплелись взаимно вра-
ждебныя народности, гдѣ даже въ наиболее благоприятныхъ районахъ армяне со-
ставляли лишь относительное большинство населенія⁵⁾, приняла послѣ этого иной
колоритъ: тамъ, гдѣ турко-татары давили армянъ, армяне стали давить турко-
татаръ, и атмосфера ненависти становилась все напряженнѣе, все гуще...

Среди этой обстановки не мѣнялись лишь судьбы русскаго населенія, неболь-
шими оазисами вкрапленнаго въ область⁶⁾: не проявляя въ отношеніи русскихъ

¹⁾ 13 янв. Изъ отвѣтной рѣчи Уоккера на привѣтствіе Закавказск. рус.
нац. совѣта.

²⁾ Изъ штаба ген. Мильва, вѣдавшій въ Тифлисѣ развѣд. и политическ. отдѣломъ.

³⁾ Докладъ ген. Томилова отъ 11 февраля 19 года и свидѣтельство военнаго ми-
истра Арменіи ген. Каргацова.

⁴⁾ Сѣверо-западная часть Карскаго края, спорная ме: турками, армянами
и грузинами.

⁵⁾ Въ двухъ уѣздахъ — Карскомъ и Кагызманскомъ — 35—37%.

⁶⁾ 32 селенія, не болѣе, чѣмъ 12 тыс. оставшихся на мѣстахъ жителей.

ни особенной вражды, ни племенной и религиозной нетерпимости, просто пользуясь безвременьем, их грабили и притѣняли и турки, и татары, и армяне. Кавказскій національный совѣтъ обращалъ постоянно свои взоры на Екатерینодарь, посылалъ туда горькія жалобы и искалъ тамъ заступничества и экономической помощи...

ГЛАВА XVII.

Грузія.

Своеобразную картину представляла изъ себя жизнь Грузинской республики.

Для европейскаго общественнаго мнѣнія, благодаря усиліямъ грузинской заграничной делегации — это была маленькая культурная страна, окруженная недругами и героически борющаяся за свое существованіе, имѣющая свободно избранное социалистическое правительство, пользующееся народнымъ довѣріемъ; страна — текущая млекоомъ и медомъ и нуждающаяся только въ признаніи «de jure» и въ надлежащихъ границахъ, чтобы явить міру «чрезвычайно интересной примѣръ новаго демократическаго типа организаціи государства».

Дѣятельность далеко не соответствовала этому идиллическому представлению.

Власть (правительство, парламентъ и Учредительное собраніе) находилась въ рукахъ небольшой тѣсно сплоченной группы, члены которой обладали большимъ опытомъ революціонной дѣятельности. Ихъ связывало и племенное (большинство имеретинцы), и зачастую кровное родство, партійная принадлежность (с.д.меньшевики)¹⁾ и общая работа по разрушенію — вначалѣ изъ подполья, потомъ съ вершинъ — русской государственности²⁾. Въ ихъ однородности и узкомъ кастовомъ составѣ была и сила, и слабость: внутренняя дисциплина съ одной стороны и оторванность отъ населенія, отсутствіе технически подготовленныхъ силъ — съ другой. Грузинское крестьянство, составлявшее до 90% населенія, получивъ добавочную землю за дорогую плату, не считало себя вовсе облагодѣтельствованнымъ. При первобытныхъ способахъ землепользованія, крайней бѣдности въ сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ и инвентарѣ, оно и не могло почувствовать сколько-нибудь замѣтнаго улучшенія своего быта. Между тѣмъ, общія условія жизни съ каждымъ днемъ становились все тяжелѣе. Надали «боши», росла дороговизна, усиливался товарный и продовольственный голодъ. Грузинскія газеты отмѣчали повое растущее зло — педантизмъ, кумовство, землячество — наложившее отпечатокъ на всѣ правительственныя учрежденія и приведшее къ небывалому взяточничеству, спекуляціи и хищеніямъ.

Не устанавливался и правопорядокъ. «Высокіе фразы и лозунги — писали органы національ-демократовъ «Сакартвело» — щедро бросаются правительствомъ въ народъ, а послѣдній жаждетъ мира и спокойствія и испытываетъ то тяжелое положеніе, когда личностію человека не ограждена правосудіемъ закона и самой администраціи. Къ несчастью, дѣятельность нашей правящей партіи всегда измѣняется партійными расчѣстами, и только этимъ объясняется безконечная анархія и безпорядки, существующіе въ нашей странѣ». Извѣстная пристрастность въ осужденіяхъ политическихъ противниковъ, видѣвшихъ причину зла въ одномъ лишь правительствѣ, не исключаетъ, жѣроятно, большой доли и его ответственности.

¹⁾ Въ правительствѣ — всѣ с. . . , кромѣ одного; въ учред. собраніи — 109 с. . . изъ общаго числа членовъ 130.

²⁾ Главнѣйшіе восты занимал: Ной Жорданія — предѣдатель правительства; Георгадзе — военный министр; Рамшвили — министръ внутреннихъ дѣлъ; Гегечкори — министръ иностранныхъ дѣлъ; Лордкипанидзе (акушеръ по специальности) — министръ путей сообщенія...

Грузія не выходила изъ финансово-экономическаго кризиса. Первое полугодіе показало наглядно, что она живетъ исключительно русскимъ наслѣдствомъ, бюджета свести нельзя и что это обуславливается не только лихолѣтіемъ, что было бы естественно и непредотвратимо, но и природной бѣдностью страны¹⁾. Поэтому, не только по мотивамъ политическимъ, грузинскіе правители тянулись къ Сухумскому табуку, къ Батумскимъ суб-тропическимъ культурамъ и къ богатымъ Закавказьямъ. Министръ финансовъ Жүрүди сводилъ государственную роспись теоретически съ превышеніемъ въ четыре раза расходовъ надъ доходами (600 милл. и 150 милл.), практически ожидалъ восьмикратнаго превышенія расходовъ и представлялъ, поэтому, одинъ за другимъ законы объ усиленіи налогового обложенія. Но такъ какъ населеніе городовъ было ничтожно численно и очень бѣдно, налоговый прессъ долженъ былъ прижать исключительно крестьянское населеніе. А это было политически не безопасно и практически неосуществимо: деревня, какъ и вездѣ, замкнулась въ свой укладъ, не платила налоговъ и не хотѣла нести государственныхъ повинностей. Надежды на экономическую помощь Англии также не сбылись: англичане, въ виду неурочности положенія, уклонились отъ участія своимъ кредитомъ и капиталомъ въ хозяйственномъ возстановленіи Грузинской республики. Въ грузинской общественности английская экономическая политика производила такое впечатлѣніе, какъ будто «англичане хотѣли поставить Грузію передъ собою на колѣни...»

Въ Тифлисъ на ряду съ правительственными учрежденіями возсѣдать со-вѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ — полномочный органъ почти не-существующаго, и во всякомъ случаѣ ничтожнаго численно, пролетаріата Грузіи. Этотъ тяжелый призывъкъ составлялъ традицію соц.-дем. правительства, съ которой нельзя было рвать, не вступая въ слишкомъ большія противорѣчія со своей партійной идеологіей, и который къ тому же опирался на «національную гвардію». Оттуда предъявлялись немощныя экономическія требованія, съ трудомъ удовлетворяемая правительствомъ въ ущербъ волюнтаризму государственнымъ нуждамъ. Туда грузинскіе правители несли еще свои утопии, свой дѣланный пафосъ и революціонное словоблудіе, которымъ послѣ ихъ русскаго опыта не могло быть болѣе мѣста ни на кафедрѣ парламента, ни въ практической дѣятельности правительства.

Вобщемъ, положеніе соц.-дем. интернаціоналистовъ, ведущихъ пошнелитче-скую политику, было необыкновенно труднымъ, и вождь грузинскихъ соц.-дем. Жорданія оправдывался передъ русскою социаль-демократіей, изъ состава которой вышли грузины, классической по своей изворотливости фразой: «соц.-дем. партія Грузи является организацией національной, а территорияль-ной, съ призывомъ поддерживать независимость Грузіи»²⁾. Достоиню вниманія, что даже такая позиція правящей партіи была неприемлема для грузинскихъ національ-демократовъ, которые жестоко напали на правительство за его пристрастіе къ русскимъ меньшевикамъ — «къ несчастной русской демократіи, которая «не является уже никакой политической силой въ Россіи...» «Думать и заботиться нынѣ о возстановленіи дружбы съ Россіей — это было бы не только османіемъ великаго историческаго акта, но и безпримѣрнымъ политическимъ пантажемъ... Все съены со вѣтъ, что является русскимъ, должны быть по-кончены...»³⁾.

Совдѣль являлся связующимъ звеномъ съ совѣтской Россіей, отношенія съ которой офіціальной Грузіи никогда не прерывались; тѣмъ болѣе, что, кромѣ

¹⁾ Хлѣба Кахетин и Карталинъ не хватало на всю республику; садоводство и винодѣліе встрѣчались конкуренцію районовъ, болѣе близкихъ къ рынкамъ сбыта; угли имѣли лишь мѣстное значеніе; тѣмъ же бездорожье не вывозило вовсе; фабрикъ и заводовъ не было; главный предметъ экспорта, далеко не покрывавшій ввоза — маршаль (добыча до 50 млн. пудовъ въ годъ).

²⁾ Изъ рѣчи 4 декабря на объединенномъ засѣданіи с.-д. организаций.

³⁾ Органъ в. д. «Питало Кладъ».

столкновения летом и осенью 1918 г. в районе Сочи — Сухумь, грузины вооруженной борьбой с большевиками не вели. Чхеидзе в Парнаж¹⁾ усиленно подчеркивал, что «Грузия никогда и не вступит в борьбу с советской Россией... Мы не согласны с большевизмом, но мы являемся противниками того, чтобы внешние силы препятствовали развитию советской республики...»²⁾. Гегечкори в тифлисском совдеп³⁾ должен был оправдываться против обвинения в «двумысленной и соглашательской политике по отношению к Добровольческой Армии в сентябрь 1918 г.»: «правительство являлось врагом советской России — говорить о⁴⁾ — лишь за анархического характера советской власти; теперь же выяснилось, что советская власть все более эволюционирует в сторону социализма и, поэтому, возможно и необходимо выровнять единый фронт...» В Москве находилась не признаваемая официально, но исполнявшая некоторые консульские обязанности грузинская дипломатическая миссия; Москва и Тифлисы обменивались какими-то подозрительными радиogramмами; большевские комиссары, бжавшие с Северного Кавказа, пользовались в Тифлисе полной свободой, вниманием и были в тесном содружестве с тифлисским совдепом, снабжая его литературой и деньгами. Уже post factum, осенью 1919 г. по поводу большевистских восстаний мин. иностр. д⁵⁾ Гамшивили докладывал Учредительному собранию давно известную истину: «Кавказский областной комитет большевиков действовал по директивам Москвы и, прежде всего, выполнять стратегические поручения московского правительства. В Грузии на организацию восстания большевиками было израсходовано 12 млн. руб.»⁶⁾.

Это культивирование грузинскими соц.-дем. большевизма велось отнюдь не для внутреннего потребления, а исключительно для экспорта: в глубоком нашем тылу образовался фронт советизма, который имел в Тифлисе свой печатный орган, работал пропагандой, деньгами, формированием и посылкой агитаторов и интернированных красноармейцев на Черноморское побережье, в южную Осетию и, вообще, повсюду с⁷⁾ять вражду против Добровольческой Армии. Это было для Грузии, хотя и несколько опасно, но вместе с тем полезно. И грузинское правительство не прочь было расширить рамки противодобровольческого фронта привлечением в орбиту своего влияния другого сильного и влиятельного в Закавказьи центра российской большевизма — бакинской рабочей конференции. На призыв Тифлисского совдепа к объединению для вооруженной борьбы все армиями Юга России (май — июнь) конференция откликнулась горячим сочувствием и предложением немедленного, не позже половины июня, созыва всех совдепов Закавказья в Тифлисе.

Это предложение было неожиданным и слишком опасным, возбуждая мысль о Троянском ко⁸⁾, так как ни бакинские организации, ни большевистские комиссары, принимавшие участие в заседаниях тифлисского совдепа, несликом скрывали свои истинные намерения — водворения в Закавказьи московской советской власти. Правительство Иордания согласилось вначале на созыв съезда, но под условием, чтобы темой его была исключительно «Деникинская опасность»; потом предъявлены были новые условия, чтобы «бакинские рабочие предварительно признали руководство в борьбе с генералом Деникиным за правительством Грузии». Все эти требования подозрительно быстро и охотно принимались бакинцами... Разговоры, тем не менее, все затягивались и, наконец, правительство взяло обратно данное на созыв съезда разрешение. Произошло это не без серьезной борьбы. Большевистским лидерам пришлось самоотверженно гнать раздутый ими самими пожар: в бурном заседании тифлисского совдепа бакинские делегаты скорб⁹⁾ли, что «рука бакинского пролетариата повисла в воздухе», и называли грузинских меньшевиков социаль-пред¹⁰⁾

¹⁾ Апрель 19 года.

²⁾ «Колоссальность этой суммы — говорил Гамшивили — будет очевидна, если ее сравнить с расходами, произведенными всеми политическими партиями на выборах в учредительное собрание — 500 тысяч рублей».

телями; последние заявили, что «рука, протянутая большевиками, тянется к горлу грузинских меньшевиков» и что «Зурабов»¹⁾ и большевистские комиссары — тайные и явные агенты генерала Деникина». Так говорил командующий парадной гвардией, грузинский большевик Джугели, отрекаясь от русского большевизма. В результате тифлисский совдеп принял резолюцию, гласившую: переговоры выяснили коренные разногласия между пролетариатом Грузии и Баку: «коммунисты перед лицом деникинской опасности пытаются использовать момент для того, чтобы навязать демократии Грузии свою тактику, направленную к полному разрушению Грузинской республики; при таких условиях совдеп Закавказского рабочего съезда в данный момент нецелесообразен». Тем не менее заседание выразило уверенность, что «независимо от всяких политических разногласий, в борьбе с деникинской контр-революцией весь пролетариат Азербейджана и Армении выступит также сплоченно, как и пролетариат Грузии...»

Этот эпизод вызвал охлаждение, но разрыва не произошло. Большевистские организации и деятели прибегали к разрушительной работе в Грузии. Группы пользовались ими, они пользовались грузинами... Их не хотели трогать, быть может не смели — в предвидении всяких политических возможностей... Даже в ноябре, после ряда большевистских восстаний, когда Рамшвили испросил у учр. собр.²⁾ декрет против пришедших большевиков, он облек его в такую тонкую и туманную форму: «Временно для борьбы с анархией предоставить мп. ян. дѣль право запретить существование на территории Грузии такой партии, которая представляет часть иностранной партии и подчиняется руководству главных партийных органов, находящихся в иностранном государстве, если она действует против независимости Грузии или вмешивается в ее внутренние дела; и вместе с тем закрыть печатный орган подобной партии...» Конечно, никаких санкций для арестов и изгнания цѣлых категорий русских граждан и закрытия русских газет, если они были не большевистского толка, от собрания не требовалось. Велик был страх грузинских правителей перед Москвой и не напрасен.

Для характеристики специфических приемов грузинской дипломатии не лишне заметить, что информированный ею начальник штаба Уоккера серьезно уверял полковника Зипкевича о существовании «документальных данных», что русское главнокомандование ведет в Грузии пропаганду большевизма...»³⁾

Культивируя очаги брожения против Добровольческой Армии, Грузия с равным вниманием относилась к комитету бѣжавших из Темирь-халь-Шуры бывших горских правителей, воглавленному Цаликовым, Джабигиным и Богдановым, игравшими ранее видную роль в дѣлѣ подчинения Сев. Кавказа советской власти. На грузинские деньги они издавали свой печатный орган. вели агитацию и находились в тѣсном контактѣ одновременно с тифлисским совдепом и с эрзерумским штабом.

Партийная диктатура, nepoтизмъ, злоупотребления, голодъ, безденежье, бандитизмъ и прочіе недуги, раздавившіе страну, ставились — правильно или неправильно — въ вину правительству и подрывали довѣріе къ нему въ народѣ. Правительство Иорданія не имѣло сторонниковъ въ партияхъ меньшинства⁴⁾ и тяготилось дорого стоящей, иногда слишкомъ опасной поддержкой пролетариата (совдепъ). Необходимо было отвлечь общественность и партиі отъ внутреннихъ

¹⁾ Лидеръ большевиковъ въ совдепѣ.

²⁾ Открылось 27 февраля, 13 марта имъ былъ санкціонированъ единогласно актъ быш. «Национального совѣта» о самостоятельности Грузии.

³⁾ Докладъ начальника ген. штаба Армешіа, полк. Зипкевича отъ 17 августа 19 года.

⁴⁾ Соц. - федер., нац. - дем. и соц. - рев.

больших вопросов и объединить вокруг себя и националистические, и большевистские элементы одной общей идеей, выполнимой одной общей задачей.

Таким громоздководом, сулившим к тому же неограничения и втроятно неповторяемая возможности, благодаря замутившейся политической жизни России, стали ввѣшнія завоеванія и въ обратномъ преломленіи — олять такіи прпятствующая имѣ «Денкинская опаеность».

Грузинскіе меньшевики-интернационалисты простирали свои руки къ Закавказскому округу¹⁾, населенному лезгинам; они подавляли вооруженной силой сопротивление южной Осетии²⁾, стремившейся къ национальному объединенію съ Сѣверной; устремлялись къ Сочи, Батуму, Ардагану, къ сѣвернымъ уѣздамъ Арменіи. Результатомъ такого національного шовинизма и империалистическихъ стремленій была цѣлый рядъ мѣстныхъ возстаній, грузино-армянская война и то хроническое состояніе «вооруженнаго нейтралитета», прерываемаго вспышками локальной войны на Черноморскомъ побережьи, которое въ равной мѣрѣ ослабляло и насъ, и грузинъ и доставляло торжество третьей сторонѣ — московской власти.

Для веденія такой политики нужна была армія. Серьезнаго боевого испытанія грузинская армія не имѣла и потому отъ оцѣнки ея боевыхъ качествъ я воздержусь. Численно въ началѣ 1919 г. она составляла около 8—10 тыс., сведенныхъ въ двѣ пѣхотныя дивизіи и одну кавалерійскую бригаду, съ большимъ количествомъ артиллеріи — до 100 орудій. Командный составъ состоялъ исключительно изъ офицеровъ грузинъ русской службы, во главѣ съ ген. Гедевановымъ, Квинитадзе и Эрнстовымъ. Независимо отъ этой регулярной арміи, имѣлась еще «национальная гвардія», подъ начальствомъ Джугели, находившаяся въ болѣеи зависяности отъ совдепа, чѣмъ отъ правительства. Численность ея простиралась до 10—12 тыс., хотя болѣе половины состава распускалось обыкновенно по домамъ. Комплектовалась она исключительно добровольцами по рекомендаціи с.-д. партіи, совдепа и профес. организацій, относилась пренебрежительно къ регулярной арміи и враждебно къ грузинскому офицерству и отличалась отсутствиемъ дисциплины, безинициативности, — и не высокими боевыми качествами. Правительство, тяготясь своими преторіанцами, не рѣшалось, однако, разстаться съ ними и лишь въ юнѣ вошло съ предствленіемъ въ учред. соб. о реорганизациіи арміи, которая должна была впредь состоять изъ 4-хъ отл. бригадъ, изъ которыхъ только одна національной гвардіи.

Грузинская армія была очень бѣдна денежными ресурсами, за то богаче всѣхъ армій Кавказа, не включая и Добровольческой, артиллеріей, боевыми запасами и военнымъ снабженіемъ, захваченными съ быв. Кавказскаго русскаго фронта. Настолько богаче, что все это въ изобиліи лосылалось грузинскимъ правительствомъ сошпскимъ повстанцамъ, ингушскимъ, чеченскимъ и дагестанскимъ сепаратистамъ, поднявшимся лѣтомъ 1919 г. противъ власти Добровольческой арміи.

27 ноября 1918 г. радиограмма изъ Тифлиса, составленная въ спеціальныхъ тонахъ грузинскаго пафоса, повѣдала «всѣмъ» «о предательскомъ нападении на станціи Воронцово на грузинскую пограничную стражу армянскихъ войскowych частей». Министръ Роговкорн, свидѣтельствуя объ исключительномъ миролюбіи Грузинъ, заявлялъ «протестъ передъ лицомъ всего міра» противъ «вѣроломныхъ дѣйствій» армянскаго правительства...

Дѣло обстоило нѣсколько иначе.

Въ III томѣ «Очерковъ» я говорилъ о томъ, какъ лѣтомъ 1918 г. Грузія при содѣйствіи германцевъ одностороннимъ актомъ — вторженіемъ своихъ войскъ — разрѣшила «порный вопросъ владѣнія Борчалинскимъ уѣздомъ, съ относитель-

¹⁾ Въ составѣ Азербейджана.

²⁾ Нагорная часть Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ Тифлисскаго губ.

вымъ большинствомъ армянскаго населенія¹⁾, и объявила о включеніи въ составъ своихъ границъ армянскихъ территорий, оккупированныхъ тогда турками²⁾. Въ октябрѣ, въ виду частичнаго очищенія турками Лори, армяне заняли его, вступивъ въ вооруженное столкновение съ грузинами, быстро улаженное.

Вскорѣ послѣ этого грузинское правительство предложило армянскому разрѣшить спорные вопросы на Кавказской конференціи въ Тифлисѣ, создаваемой къ 27 ноября. Опасаясь, что армяне останутся тамъ въ меньшинствѣ, Эриванскій парламентъ потребовалъ первоначально договориться о спорной границѣ между собой (т. е. грузины съ армянами). Грузины согласились, послать въ Эривань съ надлежащими полномочіями своего дипломатическаго представителя Мдивани.

Тѣмъ временемъ началась эвакуація турецкихъ войскъ, и турецкое командование въ послѣдній разъ передъ уходомъ своимъ сыграло злую шутку надъ обоими своими историческими врагами: армянское правительство было извѣщено, что турки очищаютъ занятые районы 23 ноября, послѣ чего армяне могутъ вступить въ него; такое же сообщеніе сдѣлано было грузинамъ, но срочъ былъ указанъ 21 ноября... Когда двинулись армяне, они встрѣтили въ спорныхъ районахъ грузинъ. 22-го грузинскій ген. Макаевъ, вступивъ безъ боя въ Ахалкалаки³⁾, доносилъ своему правительству: «населеніе встрѣтило радостно съ хлѣбомъ солью»... Войска его двинулись дальше на югъ, вытѣсняя армянскія части — согласно приказу, не вступавшія въ бой.

Между тѣмъ, въ Борчалинскомъ уѣздѣ вдоль ж. д. линіи Тифлисъ — Александрополь армянскія селенія, не вынеся безчинствъ и реквизицій грузинскихъ гарнизоновъ, начиная съ 27 ноября, начали возставать поголовно и во многихъ мѣстахъ прогнали грузинъ. Для усмиренія возставшихъ двинулись грузинскія войска съ бронепоездами и приступили къ расправѣ, въ которой мѣстами приняло участіе и татарское населеніе.

Армянское правительство дважды обращалось съ протестомъ въ ультимативной формѣ въ Тифлисъ⁴⁾ и, не получая отвѣта, по единогласному рѣшенію парламента, 30 ноября предписало своимъ войскамъ «занять армянскую часть Борчалинскаго уѣзда, до рѣки Храмъ безъ объявленія войны».

Только 4 дек. получить быть отвѣтъ грузинъ. Возлагая всю отвѣтственность «за братоубийственное столкновение» на армянское правительство, не приславшее въ Тифлисъ своихъ делегатовъ, гдѣ ихъ тѣсно ждали⁵⁾ Грузія предлагала «прекратить враждебныя дѣйствія, занять старыя границы и созвать армяно-грузинскую конференцію»⁶⁾. Въ тотъ же день послѣдовалъ отвѣтъ армянскаго правительства, требовавшего вновь предварительнаго вывода грузинскихъ войскъ изъ армянской части Борчалинскаго уѣзда, такъ какъ «правительство Арменіи не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ того, какъ войска сосѣдняго государства безпачтуютъ въ принадлежащей Арменіи территоріи и разстрѣливаютъ гражданъ Арменіи». Въмѣстительство англичанъ⁷⁾, предложившихъ перемиріе съ тѣмъ, чтобы до заключенія мира обѣ стороны оставили спорныя области (Лори и

¹⁾ По даннымъ 16 года 43,5% армяны, 1,5% грузины.

²⁾ Ахалкалакскій уѣздъ Тифлисской губ., Казахскій — Елизаветпольской и часть Александропольскаго — Эриванской губ.

³⁾ Въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, по даннымъ 16 года, армяны 76,4%, грузины 7,3%.

⁴⁾ Телеграммы отъ 26 и 29 ноября, мин. ин. дѣлъ и мин. - предсѣд.

⁵⁾ Это заявленіе находилось въ противорѣчій съ ногой отъ 17 ноября грузинскаго дипломатическаго представителя Мдивани, который между прочимъ писалъ, что онъ уполномоченъ грузинскимъ правительствомъ на окончательное разрѣшеніе вопроса о границахъ, соглашеніе по каковому вопросу онъ представитъ на утвержденіе правительства. Офиціозъ грузинскаго правительства «Борьба» (15 дек.) увѣрялъ, впрочемъ, что соглашеніе съ Мдивани было достигнуто и онъ возвращался съ проектомъ его въ Тифлисъ, когда армянское правительство послало свой ультиматумъ.

⁶⁾ Радиограмма Гегечкори.

⁷⁾ Капитанъ Гринъ, посланный ген. Томсономъ. Уокеръ прибыть въ Тифлисъ позднѣе.

Ахалкалаки), также не увенчалось успехом: армянский парламент принял предложение, но грузины не ответили и не прислали своих делегатов в назначенный день и пункт¹⁾. И война продолжалась. Одновременно по всей Грузии под предлогом, что армяне произволят повсюду тайную мобилизацию, были предприняты репрессии против армян. А все лица «подданные Эриванской республики призывного возраста, т. е. от 18 до 45 лет», были объявлены военно-планными и направлены в концентрационные лагеря в Кутанс²⁾. Войска ген. Силикова в течение двух недель нанесли грузинам ряд серьезных поражений, захватили три бронированных поезда, 28 орудий, до 75 пулеметов, несколько сот пленных и военные склады, и в разгаре декабря подошли на переход к Тифлису. Но 16-го они потерпели неудачу у Шулавера и отошли на 10 верст к Садахло. В это время вторично, уже в ультимативной форме, англичаве потребовали прекращения военных действий, назначив срок — полночь на 19-е. В этот день противники, торопясь каждый создать более благоприятное для себя стратегическое положение, вели вступивший жестокий бой, кь полночи явно склонившийся на сторону армян.

Условия, предлагаемые воюющим сторонам, были тяжелы и несправедливы по отношению к Армени: войска ее отводились в исходное положение, существовавшее до начала военных действий, тогда как грузины оставались на занятой линии; в Борчалинском уезде введена была смешанная армяно-грузинская администрация, а в Ахалкалакском, сплошь населенном армянами, грузинская — под контролем англичан.

Как будто нарочно создавались очаги брожения и недовольства.

Хотя сношения наши с Арменией, даже дипломатическая, совершенно не налаживались, но грузинское правительство считало само изд. может быть, с умыслом внушало англичанам, что совпавшее по времени частичное продвижение Добровольцев в Сочинском округе к ст. Лоо и армянское наступление в Тифлисском округе продолжалось спешное расхищение грузинами русского казенного и частного имущества, всевозможных притеснения, аресты и высылки элементов, тяготевших к России и вместе с тем, покровительство большевикам и вооружение их. Шли повальные грабежи и разбои. Десятипроцентный сбор натурой со всех продуктов сельского хозяйства и товаров вызвал прекращение подвоза и торговли и усилил еще больше голод... Население Сочинского округа цѣлым рядом депутатий и инсценированных постановлений обращалось в Екатеринбург с просьбой об избавлении от грузин; с той стороны фронта слышна была часто ружейная пальба, временами артиллерийская; прорывавшиеся через грузинский кордон русские и особенно армяне — жители

Съ осени 1918 г., послѣ разрыва переговоров съ Грузіей³⁾, войска Добровольческой Арміи на Черноморском побережьи занимали передовыми частями с Лазаревского, между Туапсе и Сочи, имѣя передъ собою у станціи Лоо грузинскую націон. гвардію ген. Коніева.

Положенію русскихъ войскъ было ненормальнымъ въ военномъ отношеніи — «ни мира, ни войны», и весьма тягостнымъ въ морально-политическомъ. Въ Сочинскомъ округѣ продолжалось спѣшное расхищеніе грузинами русскаго казеннаго и частнаго имущества, всевозможныя притѣсненія, аресты и высылки элементовъ, тяготѣвшихъ къ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ, покровительство большевикамъ и вооруженіе ихъ. Шли повальные грабежи и разбои. Десятипроцентный сборъ натурой со всѣхъ продуктовъ сельскаго хозяйства и товаровъ вызвалъ прекращеніе подвоза и торговли и усилилъ еще больше голодъ... Населеніе Сочинскаго округа цѣлымъ рядомъ депутатій и инсценированныхъ постановленій обращалось въ Екатеринбургъ съ просьбой объ избавленіи отъ грузинъ; съ той стороны фронта слышна была часто ружейная пальба, временами артиллерійская; прорывавшіеся черезъ грузинскій кордонъ русскіе и особенно армяне — жители

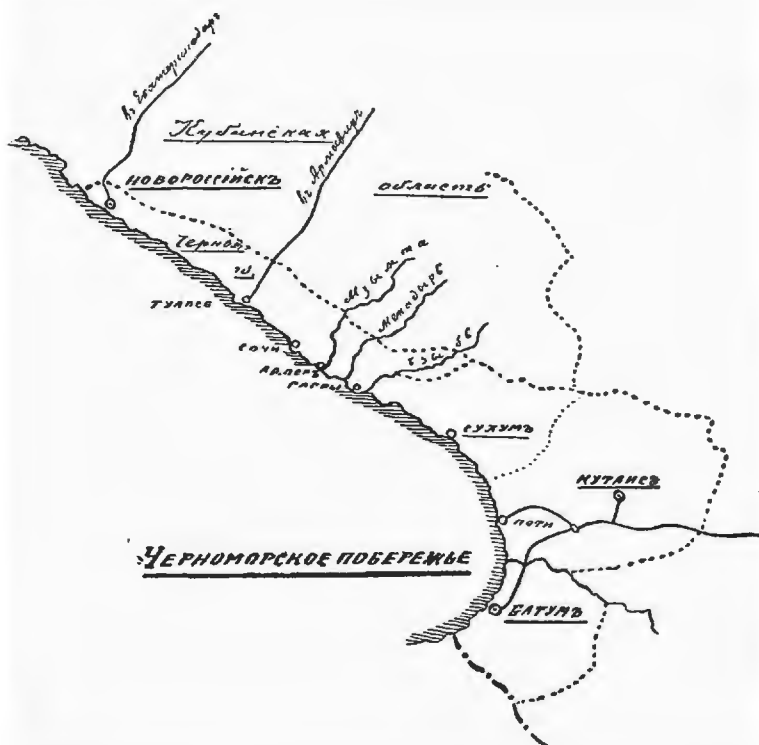
¹⁾ 6 декабря на ст. Самань ожидали кап. Гринь и армянские делегаты.

²⁾ Грузинское правит. сообщение от 16 декабря. В одном из заседаний армянского парламента подсчитывали потом громадную сумму, нажитую съ богатыми армяны въ этомъ предпріятіи грузинской администраціей.

³⁾ Свидѣтельство военнаго министра Арменіи — ген. Карганова.

⁴⁾ См. Т. III, гл. XXXIII.

окрестных селений приносили на наши передовые посты рассказы о творимых над ними расправах и просьбы о помощи. В то же время из Сочи приходили воззвания и газеты российской революционной демократии («Свободная Мысль»¹⁾ Цвангера и Гагринския «Телеграммы»), жалкія по содержанию, от имени «всего населения» поддерживавшія грузинскую оккупационную власть и одновременно съ приведеніемъ демагогическихъ посуловъ грузинскихъ комиссаровъ обливавшія потоками грязи Добровольческую Армію.

9 декабря, въ связи со вспыхнувшей армяно-грузинской войной, неожиданно для насъ началась эвакуация грузинскими войсками Сочинскаго округа. Я приказалъ войскамъ продвигаться впередъ и, не вступая въ бой съ грузинами, занимать оставляемую ими территорию Черноморской губ. 16 дек. грузины оставили ст. Лоо, которая и была занята нашимъ полкомъ. Дальнѣйшій отходъ грузинскихъ войскъ приостановился, и противники стояли на р. Лоо въ теченіе цѣлаго мѣсяца, не вступая въ бой.

Черезъ нѣсколько дней перехваченные документы разъяснили нѣсколько обстановку: 15 декабря «командующій Приморскимъ фронтомъ» — ген. Коніевъ сооб-

¹⁾ «Органъ сочинскаго комитета с.-д. рабочей партіи».

щилъ населенію ¹⁾, что «правительствомъ приказано освободить сочинскій округъ отъ войскъ республики Грузіи», но что «всѣмъ административнымъ учреждениямъ и должностнымъ лицамъ (надлежитъ) оставаться на своихъ мѣстахъ и продолжать исполненіе служебныхъ обязанностей». 16 дек. Коковъ пояснилъ мотивы этого распоряженія: «Сочинскій округъ по соглашенію съ англичанами признается нейтральнымъ. Въ силу этого соглашенія наступленіе вооруженныхъ войскъ какой бы то ни было арміи или государства на территорию округа не можетъ имѣть мѣста... Управленіе въ округѣ остается грузинскимъ»...

Такое внимательство англичанъ, безъ предварительнаго согласія главнаго командованія и даже безъ извѣдомленія его, вызвало протестъ нашъ, обращенный къ ген. Пулю. Ввиду того, что Сочинскій округъ составляетъ некую неотъемлемую часть русской Черноморской губ., ген. Драгомировъ отъ моего имени просилъ содѣйствія Пуля къ немедленному введенію русскихъ войскъ и русской администраціи во всея округѣ. Это обращеніе, равно какъ и рядъ другихъ — по вопросу о расхищеніи грузинами имущества и притѣсненіяхъ русскихъ людей въ Сочинскомъ округѣ — оставялся въ Лондонѣ и Константинополѣ безъ отвѣта. Въѣсть съ тѣмъ 9 января мы получили черезъ английскую миссію сообщеніе ген. Уоккера ²⁾ о томъ, что онъ «получилъ инструкціи поддерживать грузинъ, пока ихъ поведеніе (?) удовлетворительно» и что поэтому «дальнѣйшее продвиженіе войскъ Д. А. въ Сочинскомъ округѣ, безъ предварительнаго согласія съ ген. Уоккеромъ не должно имѣть мѣста». Это требованіе англійскаго начальника дивизіи, о существованіи котораго мы тогда узнали впервые, вызвало вновь мое обращеніе къ Мильну ³⁾, въ которомъ я подтверждалъ, что «въ этомъ краѣ должна быть немедленно водворена русская власть» и что «я не могу допустить съ его стороны подобнаго несправедливаго отношенія къ русскимъ интересамъ».

Между тѣмъ, на почвѣ притѣсненій грузинами въспыхнуло возстаніе армянскихъ селеній ⁴⁾, охватившее весь прифронтный и адлерскій районы. Въ наши руки попалъ телеграмма комиссара Хочолава, послѣ засѣданія съ участіемъ ген. Коковъ доносимаго правительству выяснившія причины возстанія, которое легко было бы предотвратить, если бы мѣстная власть имъ лицъ комиссаровъ, а также регулярныя войсковыя части стояли на должной высотѣ. «Мнѣ самому — писалъ онъ — пришлось лично видѣть результаты ряда недопустимыхъ дѣяній, хищеній и грубога отношенія къ населенію со стороны солдатъ». Хочолава, въ виду грозныхъ событій, 17 янв. требовалъ «или уходить, или закрѣпить положеніе» и получалъ отвѣтъ правительства, что оно «въ ночномъ засѣданіи (на 18-е) постановило Сочинскій округъ не очищать». Грузинскія войска предприняли широкую карательную экспедицію: въ теченіе нѣсколькихъ дней шли бои, грузинская артиллерія громила армянскія села; къ намъ доходили вопли о помощи. Давы положить конецъ этому кровопролитію, я приказалъ войскамъ Приморскаго отряда занять Сочинскій округъ.

24 января войска наши съ боемъ перешли р. Лoo и заняли Сочи, гдѣ были встрѣчены съ большою радостью населеніемъ; въ теченіе ближайшихъ четырехъ дней Добровольцы очистили отъ грузинъ весь Сочинскій округъ, и начальникъ дивизіи, ген. Череповъ, дойдя до р. Бзыби, послалъ грузинамъ телеграмму о прекращеніи имъ военныхъ дѣйствій, ввиду окончанія возложенной на него задачи. Генералъ Коковъ и его начальникъ штаба, полк. Церетели были взяты въ плѣнъ; въ Сочи интернировано 43 офицера и 700 солдатъ, причемъ офицерамъ оставлено оружіе, а солдаты были обезоружены. Всѣ воинскіе чины и оружіе были отправлены моремъ въ Грузію. Тѣмъ временемъ начались репрессіи со стороны грузинъ: старикъ — ген. Шатиловъ и другіе наши представители въ Тифлисѣ, многіе рус-

¹⁾ Приказы №№ 11 и 12.

²⁾ Письмо, подписанное полк. Кизомъ № 129.

³⁾ Письмо отъ 14 января № 45.

⁴⁾ Въ Сочинскомъ округѣ 36,7% сельскаго населенія — армяне.

ские офицеры, даже изъ числа не имѣвшихъ отношенія къ Добр. Арміи, въ Сухумѣ, Поті, повсемѣстно были арестованы и ввергнуты въ тюрьмы; грузины арестовали также и выслали президіумъ заступившагося за русскихъ офицеровъ русскаго національнаго совѣта (Лебедева и Шубинскаго), вообще усилѣли репрессіи въ отношеніи русскихъ гражданъ *) и въ моральномъ, и матеріальномъ отношеніи. Такъ, въ четвергъ на страстной седмицѣ грузинская милиція вторглась въ Тифлисскій кафедральный соборъ во время богослуженія и потребовала прекращенія службы. Ввиду единодушнаго протеста клира и молящихся, служба была закончена, послѣ чего грузины опечатали соборъ и отняли его у русскаго прихода. 24 февраля грузинское правительство обнародовало законъ, по которому были конфискованы земли русскихъ земледѣльцевъ, бѣжавшихъ въ свое время отъ турецкаго владычства и не успѣвшихъ къ сроку, указанному въ законѣ, имѣнно къ 1 февраля, т. е. на 23 дня ранѣе опубликованія самого закона, вернуться въ мѣста своей осѣдлости. Это было уже прямо надругательствомъ и надъ русскими людьми, и надъ правомъ.

Подъ влияніемъ нашего наступленія начались возстанія абхазцевъ и армянъ въ Сухумскомъ округѣ, и представители его вновь обратились ко мнѣ съ просьбой извѣстить абхазскій народъ отъ насилій, могущихъ вызвать кровавую смуту. 1 февраля я отправилъ телеграмму ген. Мильну и Уоккеру (№ 176), указывая необходимыя и неотложныя мѣры для умиротворенія Абхазіи и устраненія поводовъ взаимныхъ столкновеній нашихъ съ Грузіей: «1) объявить Сухумскій округъ нейтральнымъ, 2) немедленно вывести отсюда грузинскія войска и администрацію, 3) возложить поддержаніе порядка на абхазскія власти, свободно ими самими выбранная, и на военные отряды, сформированныя изъ абхазцевъ»...

Сочинскій эпизодъ принялъ совершенно неожиданный для насъ оборотъ. 3 февраля нашей радиостанціей принята была телеграмма «всѣмъ, всѣмъ» изъ Тифлиса, подписанная воен. мин. Георгадзе. Въ ней обычнымъ стилемъ грузинской дипломатіи наше наступленіе названо было «актомъ самочиномъ-грубого насилія и вѣроломства». «Сочинскій округъ занимался нами — писалъ министръ — по соглашенію и постояннѣю (!) англійскаго командованія... 31 января (н. ст.) грузинскимъ правительствомъ было получено отъ англійскаго командованія въ Константинополь письменное заявленіе, что со стороны ген. Денкинна не будетъ предпринято никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Грузинской республики... Велѣтъ за сямъ ген. Уоккеръ сообщилъ грузинскому правительству телеграмму «верховнаго союзнаго командованія», что «Британское правительство приказало (!) ген. Денкинну вывести свои войска изъ Соти». При посѣщеніи Уоккера 8 февраля делегаціей парламента, принесшей ему благодарность по поводу этого рѣшенія, Уоккеръ заявилъ: «последнее время отношеніе грузинской печати къ Великобританіи очень часто мѣняется... Несмотря на это, великобританское правительство, если и имѣются какія либо нарушенія его политики къ Грузіи, всегда готово исправить таковыя къ выгодѣ грузинскаго народа»... Посланный Уоккеромъ полк. Уайтъ прибылъ въ Сочи и предъявлялъ требованіе о немедленномъ выводѣ войскъ Добровольческой Арміи изъ Сочинскаго округа, въ которомъ «будетъ установленъ англійскій контроль». Получилъ отвѣтъ, что «Сочинскій округъ очищенъ не будетъ»²⁾.

Англійская миссія ген. Пуля, которую очевидно не информировали ни Константинополь, ни Тифлисъ, находилась въ весьма неловкомъ положеніи. Ген.

¹⁾ Заявленіе Уайта 8 февраля, письмо его 7 февраля и телеграммъ штаба Романовскаго 10 февраля, № 02 072.

²⁾ Нужно замѣтить, что и «грузинскіе граждане», и просто грузины, пребывавшіе на территоріи В. С. Ю. Р., никогда не подвергались явнымъ ограниченіямъ, и тѣмъ изъ нихъ, которые состояли на государственной службѣ, предоставлено было продолжать ее.

Уоккеръ выразилъ крайнее возмущеніе противъ дѣятельности екатеринодарскаго представителя, ген. Пуля, не предотвратившаго этотъ эпизодъ, и въ бесѣдѣ съ однимъ изъ чиновъ Добровольческой Арміи заявилъ, что Пуль, очевидно, совершенно не освѣдомленъ о направленіи «послѣдствій Его Величества» и долженъ получить указаніе въ Константинополь. Ген. Пуль былъ вызванъ въ Константинополь и къ намъ не вернулся.

Смѣнившій его 3 февраля ген. Бриттеръ, къ вашему удовольствію, оказался истиннымъ и благороднымъ другомъ Россіи. Проявляя исключительную заботливость въ дѣлѣ снабженія русскихъ армій, относясь горячо и искренне къ нашимъ нуждамъ, невзгодамъ и успѣхамъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывалъ неизмѣнно большую моральную поддержку и командованію, и русской идее. Вездѣ, гдѣ ему приходилось выступать — на Донскомъ кругу, среди кубанскихъ самосгійниковъ, на Чеченскомъ съѣздѣ — мы слышали отъ него полныя достоинства и спокойствія призывы къ единству, къ поддержанію государственной связи съ Россіей. Онъ былъ добрый англичанинъ и исполнительный подчиненный. Но не разъ, исполнивъ свой долгъ — предьявивъ мнѣ въ сухой и настойчивой формѣ непріятныя для насъ требованія Лондона, въ тотъ же день, — мнѣ это стало известно впоследствии документально — кромѣ моего отказа, посылалъ и свой личный обоснованный протестъ противъ распоряженій Лондона.

Только съ прѣзидомъ ген. Бриттера пришли запоздалые отвѣты на мои обращенія къ ген. Мильну¹⁾. Мильтъ писалъ, что письма мои препровождены «правительству Его Величества». Британія «не имѣетъ намѣренія вмѣшиваться въ дѣла образованныхъ въ Закавказьи правительствъ». Мильтъ охотно поддерживалъ бы русскіе интересы въ Грузіи, но это невозможно, ввиду позиціи, занятой русскими въ Сочинскомъ вопросѣ; просилъ «прити къ дружескому соглашенію съ Грузіей». Но одновременно я получилъ черезъ ген. Бриттера ноту ультимативнаго характера²⁾:

«Я получилъ указаніе Военнаго Министерства предложить Вамъ немедленно прекратить операціи противъ Сочи. Затѣмъ обратить Ваше вниманіе на постановленіе мирной конференціи отъ 24 января, въ силу котораго захватъ силою спорной территоріи будетъ серьезно вмѣшанъ въ выку захваченку.

Если генераль Деникинъ не согласится ожидать рѣшенія изъ Парижа и не воздержится отъ перехода въ районъ южнѣе линіи Кизиль — Бурунъ — Закаталы и далѣе по Кавказскому хребту до Туапсе на Черномъ морѣ, то правительство Его Величества можетъ оказаться вынужденнымъ задержать (или отнять) помощь оружіемъ, снаряженіемъ и одеждой».

Все это было уже слишкомъ поздно. Запоздалое вмѣшательство англичанъ не соответствовало ни русскимъ интересамъ, ни достоинству русской арміи, ни просто справедливости. Путемъ личныхъ бесѣдъ съ ген. Бриттеромъ и предьявленіемъ ряда документовъ, относящихся къ Сочинскому вопросу, я приобрѣлъ въ немъ фактическаго защитника нашихъ интересовъ. При этомъ установлено было, что главное командованіе никогда не давало никому завѣренія или обѣщанія не занимать Сочинскаго округа. Такое ложное убѣжденіе, повлекшее за собой приведенную выше ноту Мильна грузинскому правительству, создавалось въ Константинополь, благодаря докладу Уоккера, который post-factum оправдывалъ его тѣмъ выводомъ, который былъ имъ сдѣланъ изъ словъ, сказанныхъ якобы ген. Эрдели во время ихъ бесѣды 20 января: «ген. Деникинъ не имѣетъ никакихъ агрессивныхъ намѣреній относительно Грузіи и, болѣе того, не могъ бы осуществить ихъ, если бы хотѣлъ...» Донесеніе ген. Эрдели отъ 20 янв. (№ 6) и послѣдующій докладъ категорически опровергаютъ и фактъ произнесенія имъ этой фразы³⁾ и возможность ошибочнаго толкованія Уоккеромъ нашей позиціи въ Сочинскомъ вопросѣ. Эрде-

¹⁾ Письмо отъ 29 января 19 года, полученное 3 февраля.

²⁾ Отъ 6 февраля.

³⁾ По смыслу фраза была бы правильной — въ отношеніи этнографической Грузіи, но не Черноморской губ.

ли заявил тогда вполне определенно: «мы не думаем о завоевании, а о возвращении принадлежащего вам по праву», и на вопрос Уокера — «удовлетворили ли бы нас установление русской администрации в Сочинском округе, по съездинским войскам», — Эрдели ответил категорически: «нет, войска должны быть выведены, и округ занят нами...»¹⁾.

Результатом всех этих событий было следующее: ген. Уокеръ вскорѣ покинулъ свой постъ; въ Гарахъ появилась рота англичанъ во главѣ съ полк. Файнсомъ, ставшая по р. Бзыби, между расположениемъ обѣихъ сторонъ, съ которыхъ взято было обещаніе не возобновлять военныхъ дѣйствій и не переходить рѣку; англичане признали status quo, не облекая признанія въ декларативныя формы, чтобы не подчеркивать въ какой уронъ, понесенный британскимъ престоламъ²⁾.

Непосредственныя отношенія съ грузинскимъ правительствомъ у насъ рѣшительно не налаживались. Грузины внушали англичанамъ, что я «отказываюсь принять грузинскихъ представителей»³⁾. Это было совершенно невярно. Гегечкори въ январѣ 1919 г. сообщалъ довольно подробно и подробно лицамъ, не безъ намеренія осведомить Екатеринодаръ, что имъ носылается дипломатическая миссія въ составѣ «политическихъ враговъ правительства» (?)⁴⁾ къ кубанскому правительству, но съ главной цѣлью «завязать конфиденціальныя отношенія съ Добров. Арміей»⁵⁾. Попытки сближенія сдѣланы были и путемъ посланки въ серединѣ февраля къ ген. Эрдели, находившемуся въ то время въ Баку, кн. Амилахвари, который отъ имени Жорданія и Гегечкори зондировалъ почву относительно вступленія въ сношенія съ Добровольческой Арміей. Эрдели, обобщая свои впечатлѣнія, объяснялъ эту перемену тѣмъ, что «въ Грузіи замѣчается поворотъ къ намъ, сильное недовольство англичанами и тревога за будущее; болше, что англичане съѣдятъ Грузію и весь Кавказъ и что единственная опора — это мы и Россія». Если извѣстные круги и поддерживаютъ непримиримость, сепаратизмъ и ненависть къ Денишину, Колчаку, то «въ массѣ все больше и больше наблюдается поворотъ къ намъ, (который) повидимому начинаетъ учитываться руководящими кругами...»⁶⁾. Но безъ влияния на измѣненіе настроенія было, конечно, и тяжелое экономическое положеніе Грузіи, отрѣзанной отъ производительныхъ районовъ Сѣв. Кавказа.

Какіе бы ни были мотивы, руководившіе грузинскимъ правительствомъ, этотъ поворотъ былъ встрѣченъ у насъ съ полнымъ удовлетвореніемъ. И прибывшій 10 февр. въ Екатеринодаръ грузинскій «уполномоченный» на Кубани Вачешвили телеграфировалъ своему правительству о полученной гарантіи неподвиженія Добровольцевъ дальше Бзыби, о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о возможности

¹⁾ Въ ночь отъ 25 января ген. Уокеру Гегечкори излагалъ этотъ эпизодъ слѣдующимъ образомъ: «... Ночью отъ 31 января—1 февраля (ноч. ст.) за № 124-5. Ваше Превосходительство сообщили мнѣ по порученію высшего британскаго командованія, что Великобританское правительство предложило ген. Денишину соблюдать члѣстность грузинскаго правительства (республики?) и воздержаться отъ вмешательства въ его внутреннія дѣла. Грузинское правительство считало, что эта поа является для насъ достаточной гарантіей...»

Такимъ образомъ, гарантіи Грузіи даны были Уокеромъ за два дня до встрѣчи и разговора съ Эрдели.

²⁾ Официальное признаніе границы по р. Бзыби было сдѣлано впервые въ ночь ген. Корпъ грузинскому правительству 29 мая 1919 года, т. е. два мѣсяца спустя послѣ того, какъ грузины перешли ее (см. ниже).

³⁾ Изъ письма ген. Мильва 29 января 1919 года.

⁴⁾ Первоначально предполагено было послать А. В. Мдивани (соц.-фед.), ген. Имнадзе и полк. кн. Амилахвари (оба правые). Первый грузинскій посланецъ на Кубань Чхенкелі еще въ ноябрѣ добивался отъ грузинскаго правительства «мандатомъ и присылки делегаціи на основаніи взаимности» (радиограмма его отъ 4 ноября № 22/340).

⁵⁾ Докладъ зам. предсѣдателя Закавказскаго русскаго націон. совѣта Семенова отъ 16 января и докладъ пор. Подушина отъ 26 марта, № 62.

⁶⁾ Письмо къ ген. Драгомирову отъ 15 февраля 1919 года.

начать переговоры; просил «срочно, по радио мандата правительства на имя Чичиадзе, Вачейшвили и Киквадзе для ведения переговоров со штабом Добр. Армии...»¹⁾.

Проходили недели, а Тифлисе молчалъ.

Первая пора растерянности прошла, благоразуміе смолкло вновь, и грузинскіе мещанины не рисковали не только примиреніемъ съ главнымъ командовавіемъ, но даже вступленіемъ съ нимъ въ официальные дипломатическія отношенія дать оружіе въ руки своимъ политическимъ противникамъ — соц.-федер. и нац.-демокр. и «скомпрометровать» себя въ глазахъ грузинскаго совѣта, русской революціонной демократіи и, главное..., Москвы.

На Сочинскомъ фронтѣ возобновилось прежнее, чреватое опасностями полои мира, или войны.

Весна 1919 г. была періодомъ тяжелыхъ боевыхъ испытаній для армій Юга: оставленіе французами Одессы, потеря почти всего Крыма, критическое положеніе Донецкаго фронта и угроза Тихорѣцкой со стороны Царицына требовали сосредоточенія всѣхъ силъ на угрожаемая направленія. Получивъ письменное ружательство ген. Бриггса, что «въ виду занятія британскими войсками линіи р. Бзыби, исключается всякая возможность какихъ бы то ни было наступательныхъ дѣйствій со стороны грузинъ противъ Добровольческой Арміи»²⁾, я ослабилъ значительно Сочинскій фронтъ. Между тѣмъ, вскорѣ оттуда начали приходиться тревожныя свѣдѣнія: грузины мобилизовали два возраста, вооружили интернированныхъ въ Веро большевиковъ и отравиляли ихъ въ Сухумскій округъ, подвозили къ Бзыби тяжестую артиллерию и понтоны. Во второй половинѣ марта грузины сосредоточили за Бзыбью 5—6 тыс. шт. и до 20 орудій, явно готовясь къ нападенію. На глазахъ у англійской роты грузины строили второй мостъ черезъ Бзыбь и на протестъ по этому поводу начальника нашего отряда ген. Бурневича полк. Файнесъ отвѣтилъ, что «это къ военному дѣлу не относится» (?)... Англійскіе посты пропускали безразрѣчительно съ грузинскаго на нашъ берегъ всѣхъ желающихъ, не включая и грузинскихъ солдатъ требуя только, чтобы они были безоружны... Былъ даже случай, что на глазахъ у англійскаго офицера и караула грузинскіе солдаты на нашемъ берегу захватили Добровольца — поручика Бенуа — абхаза по прозвищу — и увели его черезъ мостъ въ свое расположеніе...

Вновь начинались какія то странныя недоразумѣнія, которыя англійская миссія при всемъ желаніи предотвратить не могла, такъ какъ части 27 англ. дивизіи подчинялись командованію въ Тифлисѣ.

Въ то же время при содѣйствіи грузинъ въ Сочинскомъ округѣ подымалось возстаніе зеленыхъ.

Это движеніе имѣетъ свою сложную исторію, на которой я остановлюсь въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же ограничусь лишь указаніемъ на специально мѣстные черты его характера. Революціонныя организаціи обособившихся въ Черноморьи русскіихъ социалистовъ, совмѣстно съ покровительствующими имъ грузинскими властями, уселено внушали крестьянамъ мысль, что при содѣйствіи англчанъ округъ можетъ быть «нейтрализованъ», и это забавить ихъ отъ реквизицій, податей, налоговъ, вообще отъ несенія всякихъ государственныхъ повинностей, въ томъ числѣ и отъ набора. И потому, когда объявлена была въ серединѣ марта мобилизація 4-хъ призывныхъ классовъ, военно-обязанные стали уходить поголовно въ лѣса, тамъ организовались въ отряды, снабжаемые въ изобиліи оружіемъ и

¹⁾ Вачейшвили имѣлъ еще съ декабря полномочія отъ правительства «на заключеніе экономическаго договора по принципу товаробмѣна, не связывая заключеніе договора съ вопросомъ о Сочинскомъ округѣ». (Телерг. воен. мин. Георгіаде). Такая постановка вопроса встрѣтила категорическій отказъ главнаго командовавія.

²⁾ Нота отъ 19 февраля 1919 года.

Генералъ Бриггсъ.

патронами отъ грузинъ. И 26 марта поднялось вооруженное возстаніе въ д. Пла-стунской, распространившееся вскорѣ на весь районъ Сочи-Красная Поляна-Адлеръ. А 31-го были закончены и приготовления грузинъ къ переходу въ наступленіе.

Ему предшествовали два странныхъ обстоятельства. 24 марта полковникъ Файнсъ обратился къ начальнику нашего передового отряда съ запросомъ — «Получены ли имъ приказанія о выводѣ русскихъ войскъ изъ Гагринскаго района» и, если нѣтъ, то просилъ «обратиться къ ген. Деникину за соответствующимъ приказаніемъ». А 3 апрѣля, т. е. наканунѣ наступленія грузинъ, получена была телеграмма ген. Мильна, извѣщающая о томъ, что «грузины предполагаютъ атаковать (Добровольцевъ), несмотря на то, что имъ извѣстно, что это явится актомъ враждебнымъ по отношенію къ (англичанамъ)». Миссія добавляла¹⁾, что ген. Мильнъ предпринимаетъ шаги, дабы этому воспрепятствовать, и содѣлала удержатъ наши черноморскіе отряды «отъ враждебныхъ дѣйствій и отвести войска къ сѣверу какъ можно дальше».

4 апрѣля получена была мною телеграмма грузинскаго главнокомандующаго, Гедеванова²⁾:

«Во избѣжаніе возможности кровопролитнаго столкновенія между Грузинскою и Добровольческою арміями, необходимо немедленно разрѣшить вопросъ объ установленіи пограничной линіи, которою по нашему мнѣнію является рѣка (перасифровано)³⁾».

Для того чтобы я имѣлъ возможность совмѣстно съ Вами дѣйствовать противъ общаго врага — большевиковъ и для сглаженія существующихъ между русскими и грузинами непріятныхъ недоразумѣній нужно Ваше срочное согласіе по этому вопросу. Ваше согласіе дать мнѣ возможность обезпечить Вашу тылу такъ, какъ Вамъ будетъ желательнo и убѣдить нашъ народъ въ Вашемъ дружественномъ отношеніи къ нему⁴⁾».

Изъ протокола засѣданія 8 мая 19 года, въ присутствіи ген. Бригга.

И словно въ разъясненіе истиннаго смысла происходящаго черезъ нѣсколько дней мы прочли воззваніе отъ «Штаба національной гвардіи» Джугели — всѣмъ сочинскимъ «товарищамъ»:

«... Идѣлъ предательскаго врага выбить изъ нашихъ рукъ доблестное красное знамя, возстановить деспотизмъ, торжество темныхъ силъ и раздавить нашу свободу и демократію.

Объединившись и тѣсно сомкнувшись вокругъ краснаго знамени съ оружіемъ въ рукахъ, будемъ биться на смерть съ силами реакціи, наступающими (!) на революціонную Грузію.

Долой черную реакцію!

Да здравствуетъ революціонная демократія!

Да здравствуетъ социализмъ!»⁵⁾.

Изъ тотъ же день, когда получена была телеграмма Гедеванова, съ разсвѣтомъ грузинскія войска, перейдя безпрепятственно линію англійскихъ постовъ и рѣку Бзыбь, ударили на слабый нашъ передовой отрядъ — Кавказскій офиц. полкъ ген. Ушака. Ушака отбилъ атаку; но вскорѣ обнаружилось, что всѣ высоты въ тылу заняты зелеными, и отряды почти въ полномъ окруженіи пришлось отходить за р. Мзымту, пробиваясь съ большими потерями. Сухопутное сообщеніе съ Сочи

¹⁾ Нота № 344 отъ 3 апрѣля.

²⁾ Отправлена в 6 р. в 1-го апрѣля по телеграфу черезъ англичанъ.

³⁾ Оказалась — Мехадльр.

⁴⁾ Самый фактъ перехода грузинъ въ наступленіе ген. Гедевановъ объяснялъ впоследствии слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: «Когда мы стояли на рѣкѣ Бзыби, въ Сочинскомъ округѣ произошли волненія. Причины ихъ мы не знали (!) и думали, что тамъ имѣетъ мѣсто большевицкая пропаганда. Чтобы оставить распространеніе возстанія, мы рѣшили перейти въ наступленіе...»

⁵⁾ Воззваніе датировано 7 апрѣля. По поводу его ген. Гедевановъ заявилъ впоследствии, что національная гвардія «подчинена непосредственно правительству», а ему лишь «въ тактическомъ отношеніи... и многіе вопросы она рѣшаетъ самостоятельно». Изъ того же протокола.

было отрезано. Только 7 апреля высланные из Сочи подразделения расчленили тылы отряда от повстанческих банд и овладели Адлером и Пластунским — центром восстания, после чего оно пошло на убыль и вскоре замерло. Грузины продвинулись до Мзымты, но вскоре отошли, остановившись за р. Мехадыр, и начали расправу с армянскими селами...

Ввиду открытой военной действительности грузинами, я приказал закрыть границу, выслать всех грузинских официальных представителей за пределы вооруженных сил Юга и воспретить заход наших судов в грузинские порты. Войскам Черноморья приказано было перейти в наступление и выбить грузин из Сочинского и Сухумского округов.

Начались приготовления по сбору сил и подготовке десанта¹⁾. Тем временем ген. Бритс, принимавший горячее участие в наших делах, спешая с Константинополем, сообщил мне, что главнокомандующий (ген. Мильв) считает действия грузин «прямым нарушением данных британскими властями указаний» и «посылает британские войска для предотвращения дальнейших продвижений...»²⁾ Ввиду этого ген. Бритс просил меня не предпринимать наступления, выражая твердую уверенность в мирном разрешении вопроса.

Англо-грузинские переговоры затянулись. Грузинское правительство опять, как в начале года, выразило пожелание начать переговоры с главным командованием при посредстве английского представительства. Генерал Бритс взял на себя лично эту миссию и в начале мая поехал в Тифлис, ознакомившись предварительно с моими требованиями³⁾. После двух заседаний 8 и 10 мая (в Батум и Тифлис), выяснивших, между прочим, что инициатором приглашения был ген. Гедеванов, повидному искренно стремившийся к примирению с Добр. Армией, ген. Бритс пришел к заключению, что он «напрасно потерял время, так как у грузин не было желания идти на уступки».

Основное требование об очищении грузинами Черноморской губ. отводом войск за Бзыбь было отвергнуто⁴⁾; о нейтрализации Сухумского округа, тем более, они не хотели и слушать, и потому дальнейшие прения имели чисто академический характер, вынося лишь общие взгляды грузинского правительства на отношения к России вообще. Вероятно с большим удивлением и впервые грузинские правители услышали из уст английского генерала такие фразы: «Англичане и итальянцы уйдут, но Россия останется навсегда; и дружеские отношения с нею, это лучшее, что может быть... Лига наций еще не вылилась в определенную форму... Мирная конференция закончится, Россия же будет великой и могущественной, и вы подготавливаете себе не особенно благоприятную будущность... Генерал Деникин (считает, это) не имеет права и полномочий изменять границы областей России до Всероссийского народного собрания, которое одно может разрешить этот вопрос...» К сожалению, позиция ген. Бритса была не особенно прочной, когда Гегечкори не без иронии предложил ему вопрос: «мы желали бы слышать — лично ли это мнение ген. Бритса или британского коман-

¹⁾ К 20 апреля в Сочинском районе удалось стянуть всего до 2500 тыс. штыков при 13 орудиях. Ослаблять главные фронты не представлялось возможным, а слабый в то время Черноморский флот был занят у Акманайских позиций (Крым).

²⁾ Нота 8 апреля, № 66367.

³⁾ Не повторяю их, так как они были изложены в инструкции Баратову; прибавил пожелание нейтрализации Сухумского округа, не ставя, однако, вопрос этот ультимативно.

⁴⁾ Ген. Гедеванов мотивировал необходимость границы по Мехадыри тем, что тогда «мы (грузины) будем владеть узким коридором, удобным для прикрытия Грузии от находящихся с нами в войне или недружески настроенных к нам армий» (!).

Гегечкори: «мы хотим иметь такую границу, которая вас вполне обезпечит от проникновения большевизма».

Раминавили: «линия эта — естественная граница Абхазии...»

Протокол заседания 10 мая 1919 г.

дованія... Такъ какъ «мы имѣемъ свѣдѣнія, что вопросъ о границахъ будетъ разрѣшенъ не на Всероссийскомъ собраніи, а на Парижской мирной конференціи... Мы имѣемъ увѣреніе, что Британское правительство поддержитъ нашу независимость отъ Россіи...»

Эта увѣренность во всемогущество Мирной конференціи была у грузинскихъ правителей очень прочной, а перспектива рѣшить вопросъ своего сувереннаго существованія и территориальнаго распространенія при отсутствіи Россіи слышкомъ заманчивой... Этимъ обстоятельствомъ, въ гораздо большей степени, чѣмъ стратегическими соображеніями, обоснована была та гороплывость, съ которой велись грузинскіе захваты, та дѣпкость, съ которою отстаивались пріобрѣтаемыя ими границы «Великой Грузіи». Поставить Мирную конференцію передъ свершившимся фактомъ — это казалось самымъ главнымъ. Вопросъ же о «народномъ волеизъявленіи» представлялся уже болѣе легкимъ: для этого существовали такіе вліятельные факторы, какъ усиленная колонизація, національная гвардія и... Мидстекій замокъ.

12 мая ген. Бриггсъ вернулся изъ поѣздки, а 23-го прибылъ изъ Лондона въ Новоросійскъ... его замѣститель ген. Хольманъ. Приѣздъ послѣдняго былъ полной неожиданностью для ген. Бриггса, котораго Британское правительство не повѣстило о предстоящей смѣнѣ. 30-го мы провожали съ душевнымъ сожалѣніемъ «друга Россіи и нашего друга», заслужившаго глубокое уваженіе въ русскомъ обществѣ и въ Арміи.

Роль ген. Бриггса на этомъ не кончилась. Онъ защищалъ интересы Россіи и Арміи Юга въ Лондонѣ — въ военномъ министерствѣ и парламентѣ, ѣздилъ въ Бухарестъ и Варшаву — убѣждать Братіано и Пилсудскаго въ необходимости общихъ усилій для освобожденія Европы отъ міровой угрозы русскаго большевизма, въ необходимости коопераціи съ вооруженными силами Юга¹⁾. Осенью 1919 г. онъ вновь посѣтилъ Ростовъ, Харьковъ, Кіевъ, желая возобновить связь съ русскими арміями для наиболѣе цѣлесообразной помощи имъ.

Удаленіе ген. Бриггса казалось страннымъ и необоснованнымъ, такъ какъ преемникъ его, ген. Хольманъ, съ первыхъ же шаговъ своихъ сталъ вести ту же дружественную намъ политику.

Все на Черноморскомъ побережьи осталось по прежнему. Ген. Мидль, будучи у меня 9 апр., заявилъ, что онъ потребовать отхода грузинъ за Бзыбь, то же повторила англійская миссія 12 юнія. Но, видимо, британскій авторитетъ былъ уже недостаточенъ ни для предупреденія, ни для ликвидаціи столкновенія. Или вѣрнѣе, Лондонъ не желалъ подкрѣпить его аргументомъ болѣе вѣскимъ, чѣмъ бумажныя ноты.

Грузины остались на Мехадырн. Между правительствами В.С.Ю.Р. и Грузіи по прежнему не существовало официальныхъ отношеній. Граница была закрыта. А войска двухъ армій стояли на побережьи другъ противъ друга въ постоянной боевой готовности, рискуя каждую минуту тѣмъ, что въ силу какого либо неслучайнаго случая «заговорить сами» ружья и пушки.

ГЛАВА XVIII.

Азербейджанъ.

Взаимоотношенія наши съ другой закавказской «державой» — Азербейджаномъ носили еще болѣе оригинальный характеръ. Между нами не было никакихъ

¹⁾ При нѣкоторомъ противодѣйствіи со стороны мина ин. дѣлъ Керзона.

территориальных споров, никаких посягательств на ту границу, за которой самоопределился Азербейджанъ. «Самостоятельность» его правительства до Всероссийскаго учредительнаго собранія была признана мною съ самаго начала... Армія Юга ни разу не угрожала границамъ Азербейджана. Въ отвѣтъ на это мы встрѣтили злобу и ненависть правительства и правящей партіи, такъ сказать а priori, тягчайшія оскорбленія по адресу командованія, правительства и Арміи — въ официальной печати, въ официальныхъ рѣчахъ и актахъ, наконецъ, безальное бряцаніе оружіемъ и открытую поддержку — матеріальную, финансовую, вооруженіемъ и формированіями — нашимъ недруговъ. Эта «глава» нашей исторіи, когда она творилась, была расплыва во времени и въ массѣ событий и впечатлѣній. Теперь, когда она пишется, и появилась возможность сосредоточиться на ея содержаніи, становится еще болѣе яснымъ долготерпѣніе и миролюбіе командованія и правительства Юга и выдержка Арміи. Бывали неоднократно моменты, когда занятіе всей территоріи Азербейджана въ военномъ отношеніи не представляло затрудненій, и этимъ положенъ быть бы безъ сомнѣнія конецъ волненій на Сѣверномъ Кавказѣ... Политика Азербейджана явилась какъ будто сплошной провокаціей въ этомъ отношеніи главнаго командованія. Но за этимъ актомъ явно видѣлась перспектива всеобщаго закавказскаго пожара, въ которомъ легко было опалить зарождающуюся мощь Арміи Юга. На чашки вѣсовъ поставлено было — на одну достоинство вождей и Арміи, на другую успѣхъ бѣлаго движенія.

Естественно, что вторая перетяну.

Все въ Азербейджанской республикѣ было искусственнымъ, «не настоящимъ», начиная съ названія, взятаго заимобразно у одной изъ провинцій Персіи. Искусственная территорія, обнимавшая лезгинскіе Закаталы, армяно-татарскія Бакинскую и Елизаветпольскую губерніи и русскую Мутань и объединенная турецкой политикой въ качествѣ форпоста пан-тюризма и пан-исламизма на Кавказѣ... Искусственная государственность, такъ какъ на этихъ земляхъ, лежавшихъ на пути великаго переселенія народовъ и подвергавшихся воздействию разнообразныхъ культуръ смѣшанныхъ завоевателей, жили всегда разрозненные мелкія племена¹⁾, враждовавшія другъ съ другомъ и донынѣ еще сохранившія черты кочевнаго быта. Наконецъ, искусственно держалось и Азербейджанское правительство — первоначально волею Нури-паши, потомъ ген. Томсона и въ дальнѣйшемъ — просто по инерціи.

Когда въ Баку появились англичане, туркофильское правительство хана Хойскаго, не имѣвшее рѣшительно никакой опоры въ странѣ и почти никакой вооруженной силы, покорно ждало рѣшенія своей участи. Ген. Томсонъ, не получивъ повидимому указаній изъ Лондона, сталъ первоначально на точку зрѣнія «россійской державности» и стремился къ построенію временной коалиціонной власти чисто административнаго характера въ составѣ представителей трехъ главныхъ національностей, населяющихъ край — русскихъ, татаръ и армянъ²⁾. Томсонъ обратился прежде всего за содѣйствіемъ къ русской общественности, но встрѣтилъ тамъ такой непримиримый антагонизмъ, что соглашеніе оказалось невозможнымъ.

Русская организованная общественность представлена была въ то время въ Баку слѣдующими группами: 1. Русскій національный комитетъ, возникшій инициативнымъ порядкомъ и потомъ пополнившій свой составъ коопта-

¹⁾ Въ XVIII и XIX вѣкахъ на предгорьяхъ располагались мелкія ханства: Дербентское, Кубинское, Шемахинское, Бакинское, Татышлинское, Шумшинское, Нухинское, Гаяджинское и Елисаветпольское въ Закаталахъ.

²⁾ Въ Бакинскій и Елисаветпольскій губ. по даннымъ 1917 г. числилось русскихъ 96 тыс., армянъ 344 тыс., татаръ 1 019 тыс.

цией различных общественных организаций (союз офицеров, учителей, «русского демократического общества» и т. д.). Возглавлялся комитет¹⁾ лидером мѣстных к. д. Подшибякиным, именовать себя беспартийным, но въ дѣлѣмъ раздѣлять кадетскую идеологию и всецѣло поддерживать Добровольческую Армію. Комитетъ считалъ возможнымъ войти въ составъ правительства лишь при условіи «прізнанія принципа Единоя Россіи и разрѣшенія вопроса о самостоятельности Азербейджана (только Всероссийскимъ учредительнымъ собраніемъ». 2. Совѣтъ «Славяно-русскаго общества» — организація, созданная лицами, прибывшими изъ Тифлиса²⁾, находившимися въ близкихъ отношеніяхъ къ азербейджанскому министру внутри. дѣлъ и получавшимъ субвенціи отъ правительства. Политическая фазіономія его была крайне неопредѣлена (съ уклономъ въправо), тактика соглашательская. Комитетъ «откликнулся съ чувствомъ глубокаго удивленія на призывъ мусульманскихъ руководящихъ круговъ принять участіе въ политической жизни Азербейджана», надѣясь тѣмъ «еще болѣе укрѣпить русское вліаніе и сознаніе необходимости единенія съ Великой Россіей»³⁾. 3. «Прикаспійское правительствѣ», созданное Гичераховымъ, въ составъ русскихъ и армянскихъ соц.-рев., переѣхавшее изъ Петровска и претендовавшее на управленіе Сѣвернымъ Кавказомъ и Прикаспіемъ, вѣдуячая Бакинскую губ. и «Закаспійскую республику». «Правительство» считало себя въ духовной связи съ «Комучемъ» и Уфимской директоріей и полагало необходимымъ свергнуть азербейджанское правительство и установить свою власть. 4. Наконецъ, тѣвшая организація — партія «е. р. интернаціоналистовъ», рабочіе, профессиональные союзы, объединенные въ «рабочей конференціи», не говоря уже о чисто большевнцкихъ, проповѣдывали и работали дѣятельно въ пользу установленія совѣтской власти.

Соглашеніе между русскими небольшевнцкими организаціями не состоялось. Точно также безрезультатными оказались совѣщанія, устроенныя Рус. нац. комитетомъ съ представителями татаръ и армянъ, вслѣдствіе рѣшительной непримиримости татаръ.

При такихъ условіяхъ Томсонъ рѣшилъ опереться на существующее азербейджанское правительство. Въ составъ его дано было два мѣста русскимъ и одно или два армянамъ; точно также въ создаваемомъ парламентѣ русскимъ было предоставлено 10 мѣстъ, нѣсколько мѣстъ армянамъ и еврейамъ и по одному грузинамъ и полякамъ. Представителей этихъ «національныхъ меньшинствъ» предложено было избрать соотвѣтственнымъ національнымъ совѣтамъ. Въ составъ правительства и парламента отъ русскаго населенія пошли только члены «Славяно-русскаго общества»⁴⁾.

Правительство хана Хойскаго въ большинствѣ своемъ состояло изъ членовъ партіи «Муссаватъ» и путемъ административнаго воздѣйствія такое же большинство получило въ парламентѣ.

13 декабря, на торжественномъ засѣданіи парламента, предсѣдатель его объявилъ, что онъ «остановился на ханѣ - Хойскомъ, какъ на лицѣ, наиболѣе достойномъ сформировать новое правительство». Ханъ - Хойскій прочелъ декларацію, въ которой опредѣлена была «первая и важнѣйшая задача» правительства: «единодушное желаніе, которое было высказано здѣсь (въ парламентѣ) представителями всѣхъ фракцій, а именно — о п е з а в с и м о с т и А з е р б е й д ж а н а — правительство всецѣмъ будетъ стараться разрѣшить окончательно», что, однако, не исключаетъ возможности «свободному Азербейджану вступить въ тѣснѣйшую связь съ

¹⁾ Позднѣе называлъ себя «Совѣтомъ».

²⁾ Докладъ мнѣ комитета отъ 12 августа, № 354, такъ говоритъ о его происхожденіи: «Въ Баку былъ командированъ инженеръ Виноградовъ, который, завязавъ связи съ приходами и найдя поддержку въ лицѣ настоятелей двухъ наиболѣе значительныхъ церквей... приступилъ къ организаціи общества, что ему и удалось съ успѣхомъ выполнить».

³⁾ Idem.

⁴⁾ Пять — въ парламентъ и двое въ правительство: мн. истр. фин. Протасьевъ и мнн. продов. — предсѣдатель общества, полякъ Лизгаръ.

другими государствами, образовавшимися на территории России, а также и самой центральной Россией». А через два дня ген. Томсон октроировал рожденную им власть особой «Прокламцией»: «Ввиду образования коалиционного азербейджанского правительства под председательством хана Хойскаго, симъ объявляю, что союзное командованіе будетъ оказывать полную поддержку этому правительству, какъ единственной мѣстной законной власти въ предѣлахъ Азербейджана».

И политическія партіи въ Азербейджанѣ, пришедшія на свѣтъ только въ 1918 году, были какими то ненастоящими. Ихъ было три: Муссаватъ, Иттихадъ и Гюмметъ. Совершенно невозможно опредѣлять программы и идеологіи первыхъ двухъ. По составу своему правящая партія Муссаватъ включала среднюю буржуазію и третій элементъ, многіе представители котораго недавно вышли изъ рядовъ російской к. д. партіи. Иттихадъ комплектовался крупной тюркской буржуазіей, помѣщиками и духовенствомъ. Если первыхъ по русской терминологіи можно назвать «кадетами» съ социалистической личиной, не мѣшавшей имъ поддерживать феодальный земельный строй, то вторымъ приличествуетъ имя «октябристовъ». Партія Муссаватъ проявляла исключительную враждебность по отношенію къ Россіи, перетесненную всецѣло на Добр. Армію, панъ-исламизмъ и тяготѣніе къ Турціи. Партія Иттихадъ весьма сочувственно отнеслась къ туркамъ во время ихъ кратковременной оккупации, перенесла свое благоволеніе на англичанъ, когда они были въ силѣ, не оставляя въ то же время сношеній съ русскимъ національнымъ комитетомъ и мысли о возвращеніи къ Россіи. Обѣ партіи раздѣляли со всемімъ тюркскимъ населеніемъ ненависть къ армянамъ, проявляя ее широко и въ административной практикѣ.

Самой малочисленной и наименѣе вліятельной была партія Гюмметъ — откровенно большевистка. Вся остальная крайне немногочисленная вообще тюркская интеллигенція оставалась пассивной политически, именовалась «безпартійной», составляла лояльную оппозицію правительству въ парламентѣ и склонялась скорѣе къ русской ориентации.

Во внутренней жизни политика правительства сводилась къ восстановленію русскаго права, суда и русскихъ учреждений, такъ какъ народъ безъ культуры и правительство безъ идеологіи не могли и приступить къ созданію новыхъ формъ жизни. Неудержимое стремленіе къ націонализации персвернуло только вверхъ погами іерархическую лѣстницу: изъ низовъ безъ всякихъ стажей и цензовъ, не исключая и моральнаго, вешляли на поверхность татары - муссаватисты, захвативъ всѣ видные и выгодные матеріально посты, а русскіе — люди науки, техники и административнаго опыта скатились внизъ, въ силу тяжелыхъ матеріальныхъ условий міряться съ подчиненнымъ положеніемъ. Ими, однако, держался весь механизмъ административнаго управленія. Неоднократные приказы правительства о замѣщеніи должностей лицами тюркскаго происхожденія или владѣющимъ, по крайней мѣрѣ, тюркскимъ языкомъ оставались мертвой буквой, за немѣнимымъ своихъ служивыхъ кадровъ и даже попросту образованныхъ людей. И русскій языкъ оставался по прежнему языкомъ государственнымъ. Не прошелъ и выработанный правительствомъ законъ о подданствѣ — юридически безграмотный — имѣвшій въ своей основѣ нелѣпое положеніе, что азербейджанскими подданными признаются всѣ тѣ лица, которые сами или ихъ родители родились въ Бакинской и Елисаветпольской губерніяхъ. Единственная область, въ которой націонализация имѣла извѣстный, весьма печальный успѣхъ, это была школа, гдѣ бывшіе русскіе к. д.-ты начали съ установленія въ младшихъ классахъ обученія на тюркскомъ языкѣ и изытанія преподаванія русской исторіи и географіи. Парламентъ, по примѣру Грузин, вопировалъ учрежденіе въ Баку университета. Но т. к. весь ученый персоналъ по неволѣ оказался русскимъ, то «Союзъ трудовой интеллигенціи» протестовалъ противъ его открытія на томъ основаніи, что университетъ

станет орудіем русификаціи и что открытіе его возможно только послѣ полной націонализаціи средней школы.

Национализація административнаго аппарата привела къ тому, что въ глазах населенія «старый полицейско-бюрократическій режимъ» оказался гуманнѣйшимъ. Насиліе, произволъ и повальное взяточничество превзошли всякія ожиданія, а въ районахъ съ преобладающимъ населеніемъ «национальныхъ меньшинствъ», особенно армянскаго и русскаго, создали невозможныя условія существованія. Къ правительству Арменіи, въ Русскій нац. комитетъ, въ Ос. Совѣщаніе стекались жалобы порабощенныхъ «меньшинствъ». Дома, поля, инвентарь, имущество людей, обжавшихъ отъ турецкаго нашествія и теперь вернувшихся, были захвачены татарами, и положеніе обженцевъ оказалось безвыходнымъ. «Мы обили всѣ пороги — писали мѣлѣ молокане Шемахинскаго уѣзда — нагайки и тюрьма единственный отвѣтъ, который получаютъ потерпѣвшіе... Намъ грабятъ въ деревняхъ, грабятъ по дорогамъ, грабятъ на работахъ, грабятъ и въ столицѣ — въ гор. Баку, доводя до отчаянія»¹⁾...

Губерніи Бакинская и Елисаветпольская находятся въ исключительно благоприятныхъ условіяхъ по своимъ колоссальнымъ природнымъ богатствамъ²⁾ и поэтому правительству Азербейджана было легче, чѣмъ другимъ, справиться съ финансово-экономическимъ вопросомъ. Но поставитъ рационально бюджетъ правительство не могло или не сумѣло, и базой его, какъ и во всѣхъ новообразованіяхъ; служилъ печатный станокъ. Въ 1918 г. Азербейджанъ находился въ этомъ отлошеніи въ зависимости отъ Грузіи, пользовавъ общими Закавказскимъ богами, печатавшимися въ Тифлѣсѣ³⁾, а въ 1919 г. стали печатать свои, въ неограниченномъ количествѣ, свободно субсидируя и мелкими горскихъ народовъ. Эти боны имѣли, впрочемъ, хожденіе только въ самомъ Азербейджанѣ и отчасти въ Дагестанѣ. Но по мѣрѣ переполненія нефтяныхъ приемниковъ и застоя въ вывозѣ нефти, благодаря блокадѣ Астрахани, падала цѣнность жидкаго золота, падалъ и курсъ азербейджанскихъ бонъ, вызывая усиленіе дороговизны, невзирая на наличіе другихъ богатѣйшихъ ресурсовъ края.

Англичане проявили исключительное вниманіе къ Каспійскому судоходству и къ Бакинской нефти, взявъ въ свои руки управленіе судоходствомъ, нефтяное дѣло и Бакинск. отд. гос. банка. Весьма характерно, что, удаливъ съ территоріи Азербейджана русскія войска и лишивъ насъ военной флотиліи, Томсонъ неоднократно обращался къ ген. Эрдели, предлагая принять въ вѣдѣніе главнаго командованія Югъ военный портъ въ Баку и всѣ морскія учрежденія, а также принять на средства русской казны содержаніе командъ судовъ и личнаго состава Бакинскаго портоваго правленія. При явномъ недружелюбнн англійскаго командованія, враждебности азербейджанскаго правительства, невозможности имѣть свою портовую администрацію и какую-либо вооруженную силу, на которую можно было опереться, такое предложеніе имѣло видъ злой пропіи.

И армія Азербейджанская была ненастоящей. Тѣ формировапія, преимущественно изъ турецкихъ добровольцевъ, которыя вмѣстѣ съ войсками Марсалапши брали Баку, подъ давленіемъ англичанъ были распущены, и правительствомъ приступило къ формированію новыхъ частей подъ руководствомъ генераловъ русской службы Мехмандарова (воен. мин.), Сулькевича (бывш. крымскій правитель),

¹⁾ Променіе повѣренныхъ молоканъ на основаніи приговоровъ, выданныхъ обществами 15—22 іюня 1919 года.

²⁾ Прованасы Азербейджана видны изъ слѣдующаго неполнаго перечня: масла, нефть, рыбные промысла, шикъ, свинецъ, сѣра и т. д.

³⁾ Правительство обѣдной и зависимой отъ азербейджанскаго ввоза Грузіи стремилось удерживать въ своихъ рукахъ эмиссію, дававшую ей большія выгоды. По первое мая 1919 г. на долю Грузіи пришлось 350 милл. руб., Арменіи—240 милл. руб. и Азербейджана — 160 милл. рублей.

Али - Ага - Шахлинского (нач. артил.)¹⁾ и др. Къ веснѣ 1919 г. была сформирована одна пѣх. дивиз., одна кон. бриг. и три батареи, общимъ числомъ номинально 12—15 тыс., фактически не болѣе 3—5 тыс. Въ виду того, что мусульмане Закавказья не несли пшкогода воишской повинности, эта армія не имѣла никакихъ кадровъ и строилась совершенно заново. Кромѣ высшихъ командныхъ постовъ, всѣ офицерскія должности занимались русскими офицерами (90%), а изъ числа оставшихся — турецкаго происхожденія — большинство сохраняло традиціи русской арміи и симпатіи къ Россіи.

Въ силу крайняго нерасположенія Закавказскихъ татаръ къ регулярной службѣ, формирование арміи рѣшительно не удавалось, а повальное дезертирство разстраивало окончательно ея ряды. П ген. Мехмандаровъ однажды въ парламентѣ вынужденъ былъ заявить, что его армія не боеспособна и не въ состояніи противостоятъ Арміи Добровольческой²⁾.

Положеніе русскихъ офицеровъ, ввиду шовинистической политики правительства, было тягостнымъ и весьма цекотливымъ. Еще въ концѣ декабря 1918 г. возгорѣлся споръ между Закав. рус. нац. сов. и ген. Лебединскимъ³⁾, пооправшимъ поступленіе русскихъ офицеровъ въ азербейджанскія войска, «дабы вывести офицеровъ изъ тяжелаго матеріальнаго положенія». Споръ поступилъ на мос разрѣшеніе. Прямымъ во вниманіе, что пути въ Добровольческую Армію не были заказаны никому, и съ другой стороны — что русскому офицерству неизвѣстно было вооруженной рукою создавать враждебную Россіи азербейджанскую государственность, я высказался противъ поступления русскихъ офицеровъ въ азербейджанскую армію. Позднѣе, въ іюні, когда Азербейджанъ готовился къ войнѣ съ нами, положеніе тамъ русскаго офицерства стало въ концѣ невозможнымъ. При посредствѣ моего представителя въ Баку, офицерству отдано было секретное распоряженіе о переходѣ въ Добровольческую Армію. Оно было исполнено не только большимъ числомъ русскихъ офицеровъ, но и частью грузинъ и мусульманъ, что еще болѣе разстроило ряды азербейджанскихъ войскъ.

Въ конечномъ итогѣ положеніе азербейджанскаго правительства опредѣлялось четырьмя факторами: присутствіемъ англійскихъ войскъ; лойальной оппозиціей Пттихадз и беапартійнымъ: враждебностью армянскаго народа; полноаполитичностью, темнотой и инертностью турецкаго народа, въ которомъ революція не произвела тогда еще никакихъ социальныхъ сдвиговъ; она усилила только бытовое явленіе — абречество — вопросу разбой, лишенное социальныхъ мотивовъ и искусство направляемое правительствомъ въ сторону національной нетерпимости, религіознаго фанатизма и территориальныхъ захватовъ. Наконецъ, большое давленіе оказывалъ на власть многочисленный и организованный бакинскій пролетаріатъ, который былъ рѣзко враждебенъ «реакціонному правительству турецкихъ феодаловъ, буржуазии и паразитическаго духовенства» и подъ интернациональными лозунгами проводилъ идею единства всероссійской совѣтской власти. И только въ одиомъ интересѣ обонхъ противниковъ сходились вопль — въ противодѣйствіи «/Дешкинской онаености». При этомъ пролетаріатъ откровенно заявлялъ, что онъ готовъ въ этомъ вопросѣ итти вмѣстѣ съ «реакціоннымъ правительствомъ», въ расчетъ, что «потомъ мы справимся сами съ хапами — Хойскямъ и Усуббековыми...»⁴⁾ Вѣроятно въ силу этой общности настроеній, правительство терпѣло большевщскія организаціи, прессу⁵⁾ и пропаганду, выступая

¹⁾ Последніе двое оказались крайними руссофобами. Шахлинскій успѣлъ даже послужить туркамъ и участвовалъ во взятіи ими Баку.

²⁾ Развѣдка опредѣляла силы, могущія быть выставленными противъ Добр. Арміи, за выдѣленіемъ войскъ на армянскія и лнкторавскія театры, въ двѣ съ половиной тысячи.

³⁾ Предѣдатель ликвидаціонной комиссіи бывш. Кавказскаго фронта.

⁴⁾ Бакинская рабочая конференція Азербейджана, Дагестана и Закаспія Май 1919 г.

⁵⁾ «Земля и Воля» — лѣвая соц.-рев. органъ, «Набатъ» — органъ проф. союз. большев., «Заря» — турецк. и русск. большев., «Искра» — соц.-дем.

против них активно при помощи англичан только во время всеобщих забастовок, имевших место в декабре и в мае.

В марте, на почве казкократельства двух министров (один из них Пизгарь), пало правительство хана-Хойскаго и образовалось новое, под председательством Усуббекова, изъ состава той же партии — Муссаватъ, но съ участіемъ социалистовъ. Въ деклараціи новаго правительства (апрѣль 1919 г.) говорилось о предстоящемъ признаніи республики державами Согласія и «вступленіи ея въ семью культурныхъ народовъ». Угрозою ея самостоятельности — по словамъ деклараціи — является «Добровольческая Армія, нахлынувшая уже на сѣверный Кавказъ и залившая кровью сѣверныя вершины Дагестана, намѣреваясь вновь поработить какъ горцевъ, такъ и пастъ». Но поглощеніе Азербейджана не удастся: «кровавый урокъ (?), данный горными орлами насильникамъ Добровольческой Арміи, подтверждаетъ это». Декларация выражала желаніе установити мирныя отношенія съ сосѣдями, въ томъ числѣ и съ совѣтскимъ Россійскимъ правительствомъ, и разрѣшить полюбовно острые пограничныя вопросы съ Грузіей и Армеей. Особенное благоволеніе было проявлено по отношенію къ Дагестану — «второй родиной Азербейджана», и особенный гнѣвъ — противъ самоопредѣлившейся русской «Ленкоранской республики»¹⁾.

Завести товарообмѣнъ съ совѣтской Россіей не удалось: англійская флотилія продолжала тѣсную блокаду Астрахани. Пограничныя споры съ болѣе сильной въ военномъ отношеніи Грузіей окончились соглашеніемъ. Ленкоранской республики, пока она находилась во власти большевицкаго совѣта²⁾, тѣсно связаннаго съ бакинскими рабочими организаціями, правительство не трогало. Безучастно относился къ этому вопросу и англичане. Но, когда въ концѣ Іюля, совѣтское правленіе было свергнуто народнымъ ополченіемъ подъ начальствомъ полк. Ильшевскаго, къ Ленкорань посланы были азербейджанскія войска и... англійскіе офицеры; первыя силой, вторые своимъ авторитетомъ и угрозами принудили ленкоранцевъ подчиниться Азербейджану³⁾.

Такую же энергичную дѣятельность проявляло правительство въ Карабахѣ, Зангезурѣ и Нахичевани, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ шла рѣзня армянъ татарами и бой между армянскими четами и татарами, которыя снабжались деньгами и оружіемъ изъ Баку⁴⁾, добровольцами и патронами изъ Турціи.

Это былъ одинъ изъ этаповъ широко задуманнаго и настойчиво проводимаго движенія, руководимаго Кемаль-пашой. Высокая Порта и «непокорный» Кемаль находились въ полной связи и единеніи съ Азербейджанскимъ правительствомъ. Къ нашему изумленію, какія то тайныя нити шли изъ Эрзерума и въ Тифлисъ... По крайней мѣрѣ армянское правительство и англійское командованіе убѣжденно

¹⁾ Ленкоранскій и Джеватскій уѣзды Бакинской губерніи (русская Мугань).

²⁾ Отъ середины мая до конца Іюля 1919 г. И при совѣтскомъ, и при несовѣтскомъ правленіи Ленкорань признавала себя неотъемлемою частью единой Россіи.

³⁾ Въ инструкціи, данной англійскимъ командовавшимъ своему уполномоченному, капитану Роавъ, были, между прочимъ, и такіе параграфы:

§ 2. Вы объясните мусульманскому народу, что всѣ законныя дѣйствія Азербейджанскаго прав-ства пользуются поддержкой британскихъ властей.

§ 4. Что касается русскихъ, офицеровъ и другихъ лицъ, не являющихся постоянными жителями Мугани, то вамъ надлежитъ содѣйствовать азербейджанскимъ властямъ, на предметъ водворенія ихъ въ Петровскъ или другое мѣсто...»

Заключеніе Роана: «Я просилъ бы вопросъ этотъ разрѣшити миролюбиво. Въ противномъ случаѣ пострадаетъ много невинныхъ... Я вынужденъ слѣдить за выполненіемъ законныхъ требованій азербейджанскихъ властей...»

Изъ протокола засѣданія.

⁴⁾ Участіе въ этомъ движеніи азербейджанскаго правительства было установлено перекрѣпкой армянами перепишковой официальныхъ лицъ.

говорили о существовании переговоров и даже договора между Гегечкори и прибывшим в Тифлис видным деятелем Эверовской партии Кизилчи-беєм, которого англичане арестовали... Грузины и турки за счет армянского народа искали путей ко взаимному соглашению и даже в остромъ вопросе о Батумѣ находили, якобы, компромиссный выходъ: грузинское управление в турецкіе гарнизоны...

Съ возникновеніемъ предложеній на мирной конференціи объ аннексіи турецкихъ вилайетовъ въ пользу Греціи и Армянской республики, пантурецкое движеніе на Кавказѣ приобрѣло еще болѣе интенсивный характеръ и организованнѣе формы. Созванный въ началѣ іюня въ Эрзерумѣ съѣздъ делегатовъ анатолийскихъ вилайетовъ, въ которомъ приняли участіе и представители грузинскихъ районовъ, создалъ новое правительство съ Кемалемъ во главѣ и вынесъ резолюцію, призывавшую къ борьбѣ противъ отторженія турецкихъ областей, дышавшую ненавистью къ грекамъ и армянамъ и злобой противъ англичанъ. Уже въ концѣ 1918 г. турецкіе штабы (XV-го корпуса) въ Эрзерумѣ, Ванѣ, Баязетѣ и Хола организовали широкое слабженіе населенія оружіемъ; турецкіе наши, сотни офицеровъ, тысячи аскеровъ «выходили въ отставку» и шли въ повстанческіе отряды, возникшіе не только на территоріи Турціи, но и за ея предѣлами въ районахъ этнографическаго разселенія мусульманъ Арменіи и Азербейджана — въ Ольты, Кагызмапъ, Нахичевань, Шушу и т. д.

Замѣчательно, что при всемъ этомъ наши представители отовсюду, гдѣ приходилось имѣть сношенія съ турецкими властями и командоваіемъ, доносили о большихъ симпатіяхъ и предупредительномъ отношеніи, которое проявляютъ турки къ русскимъ и Россіи. Создавалось впечатлѣніе, что пантуркеты Азербейджана — plus royalistes, que le roi — черпаютъ свое вдохновеніе исключительно въ ненависти къ усмирившей ихъ Россіи, тогда какъ націонализмъ и религиозный фанатизмъ подлинной Турціи стали орудіями борьбы ея за свое существованіе, находившееся подъ дѣйствительной угрозой послѣ военнаго пораженія.

Къ веснѣ 1919 г. волненія въ Карабахѣ усилились, и англичане сочли нужнымъ выступить тамъ въ качествѣ миротворцевъ.

Командующій англійскими войсками въ Баку полк. Шателъвортъ собралъ въ Шушѣ 23 апрѣля съѣздъ представителей четырехъ уѣздовъ и предложилъ ему подчиниться «впредь до рѣшенія мирной конференціи» Азербейджану, въ лицѣ назначеннаго правительствомъ губернатора Салтанова. Съѣздъ вынесъ резолюцію о недопустимости подчиненія Салтанову, «продолжавшему кровавую политику Турціи», и просилъ, ради физическаго сохраненія армянскаго населенія, о назначеніи англійскаго губернатора. Шателъвортъ не согласился и отдалъ приказъ о признаніи «закононой власти Салтанова». Іюнь, іюль, августъ въ Карабахѣ продолжались нозтому столкновенія, въ которыхъ особенно жестоко пострадало населеніе Шуши и ея окрестностей. Въ этихъ фактахъ армяне видѣли прямое попустительство англійчанъ, азербейджанскаго правительства и парламента, который гласно сталъ на сторону насильниковъ, отвергнувъ предложеніе, внесенное армянской фракціей — выразить осужденіе участникамъ Шумшинской рѣзни...

Съ главнымъ командоваіемъ Юга у Азербейджана не было вначалѣ ни общей границы, ни официальныхъ сношеній. Мой представитель въ Баку, полковникъ Лазаревъ, состоялъ при англійскомъ командующемъ; представитель Азербейджана въ Екатериннодарѣ, Рустамбековъ — при кубанскомъ правительствѣ. Со времени продвиженія нашего къ Владикавказу и Грозному, отношеніе къ намъ азербейджанскаго правительства, парламента, печати, политическихъ организацій становилось все болѣе враждебнымъ, а реальная помощь возставшимъ горцамъ и горскому меджлису все болѣе явной и значительной. По инициативѣ парламента

возникла «интерартий
звание»:

», которая 17 апр. обратилась к народу с воз-

«Граждане, братья Азербейджана!»

На северном Кавказе свободолюбивые горцы. вярные заветам своих предков и принципам свободы и независимости малых народов, протекать кровью в неравной схватке с реакционными силами Деникина и К. Геройская защита горцев своей независимости должна пробудить в гражданах Азербейджана сознание, что теи. Деникин, представитель врака в порабощения, не пощадит самостоятельности и Азербейджана. Святой долг каждого мусульманина своевременно придти на помощь братьям горцам.

Интерартийная комиссия формирует на помощь горцам Азербейджанский добровольческий отряд под руководством опытных офицеров.

Граждане, записывайтесь в ряды добровольцев! Запись производится в здании Парламента».

Занятие Добровольческими войсками в мае Петровска и Дербента вызвало и в Азербейджане, и в Грузии взрыв нового озлобления, смѣшанного с чувством страха. Большевицкой «Набатъ» такъ опредѣлять произведенное этими событиями впечатлѣніе: «Деникинцы заняли Петровскъ и Дербентъ, они стучатся въ двери Баку. Воскресный номеръ «Азербейджана» вышелъ безъ единого слова объ этихъ убійственныхъ для трудовыхъ массъ Азербейджана фактахъ. Усуббековское правительство потеряло голову передъ грозной опасностью и предалось, кажется, восточной апатии. Стамбуль заступилъ передъ грозой!..»

Считая задачу В.С.Ю.Р. съ занятіемъ Дагестана выполненной, я приказалъ полковнику Лазареву передать азербейджанскому правительству слѣдующее: «Мы считаемъ Азербейджанъ частью Россіи. До возстановленія въ Россіи Верховной власти, допускаемъ самостоятельное существованіе Азербейджана». Позднѣе, въ серединѣ мая я телеграфировалъ вновь, что «мои войска въ Азербейджанѣ не вступаютъ и не перейдутъ южнѣе линіи главный хребетъ — Киапль Вурунь, если не будетъ враждебныхъ дѣйствій со стороны Азербейджанскаго правительства»¹⁾. Полковникъ Лазаревъ позволилъ себѣ проинвить личную инициативу: передавая мою телеграмму Усуббекову, онъ вынулъ первую фразу («Мы считаемъ Азербейджанъ частью Россіи») и въ сопроводительномъ письмѣ отъ имени главнаго командованія развилъ теорію конфедераціи, признавъ безусловную самостоятельность Азербейджана и пояснивъ, что, «когда Россія будетъ освобождена отъ большевицковъ, то входитъ въ соглашеніе съ вновь образовавшимися государствами будетъ дѣломъ народнаго собранія или той верховной власти, которой всѣ вооруженныя силы, борющіяся противъ большевицковъ, передадутъ свои права»²⁾.

Усуббековъ огласилъ въ парламентѣ двѣ мои телеграммы въ изложеніи Лазарева и заявилъ, что «парламентъ и онъ не вѣрять этимъ заявленіямъ. Что же касается взгляда Добровольческой Арміи на независимость Азербейджана, то онъ для республики непріемлемъ, т. к. въ конечномъ итогѣ сводится къ присоединенію ея къ Россіи»... Къ тому же вскорѣ послѣдовала извѣстная уже нота ген. Коріа, требовавшая отвода Добровольческихъ войскъ до линіи въ 5 верстахъ южнѣе Петровска, и опредѣленное заявленіе бакинскаго англійскаго командованія, что пока мы «не исполнимъ требованія британскаго правительства, англичане (Добровольцамъ) ни въ чемъ помогать не будутъ»³⁾. И правительство заняло вновь непримиримую позицію, парламентъ вопиравалъ новые кредиты на армію и бралъ оружіемъ, печать еще рѣзче ополчилась противъ Добровольческой Арміи, а рабочая конференція протягивала руку правительству для борьбы съ общимъ врагомъ, требуя полномочій на формированіе «рабочихъ отрядовъ».

¹⁾ Телеграммы отъ 25 апрѣля, № 0124, 18 мая, № 07389 и 12 июня, № 08637.

²⁾ Письмо отъ 21 мая, № 98. Истинный текстъ моихъ телеграммъ не могъ вызвать никакихъ сомнѣній, такъ какъ онъ тотчасъ былъ данъ официально въ печать. Лазаревъ былъ замѣненъ полковникомъ Палицинымъ.

³⁾ Докладъ полк. Лазарева 24 іюня 1919 г., № 210. Какъ извѣстно, это требованіе было отклонено.

Ввиду такого соответствия настроений и задач, Закавказской конференции, заседавшей в Тифлисе для разрешения территориальных споров, предложено было Грузией заключить военный союз трех республик для борьбы против Добровольческой Армии. 3 июня между Грузией и Азербейджаном заключен был договор¹⁾, обязующий «договаривающиеся государства выступить совместно всеми вооруженными силами и военными средствами против всякого нападения, угрожающего независимости или территориальной неприкосновенности... республик...»²⁾. §-мъ 10 договора предусматривалось право Армении «въ двухнедѣльный срокъ присоединиться къ этому соглашенію». Но Армения присоединиться не пожелала. Устами своего представителя на конференціи, мни. ин. дѣл. Тиграняна, она заявила: «Едва ли у Добровольческой Арміи стоитъ вопросъ о занятіи всего Закавказья... Армяне видятъ другую для себя опасность — именно со стороны Турціи. Отъ этого соглашения пахнетъ кровью. Такіе союзы крѣпки, когда сами союзники живутъ между собой въ мирѣ и согласіи. Этого армяне не видятъ. Въ Карабахѣ льется армянская кровь (Азербейджанъ)... Армению стараются заморозить голодомъ (Грузія), предоставивъ въ ся пользование всего 400 жел. дор. вагоновъ...»

Заключеніемъ этого договора окончательно закрѣпилась группировка дѣйствующихъ на Кавказѣ силъ.

ГЛАВА XIX.

Арменія. Результаты англійской политики.

Послѣ дипломатическаго пораженія, понесеннаго въ войнѣ съ Грузіей, положеніе Армeнiи стало еще болѣе тяжелымъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ врагами³⁾; связанная съ внѣшнимъ міромъ единственной вѣтвью ж. д. (Эривань—Александрополь—Тифлисъ), продолженіе которой находилось въ рукахъ грузинъ и которая, къ тому же, въ любой моментъ могла быть перерѣзана Борчалскими татарами⁴⁾; разоренная революціей и турецкимъ нашествіемъ; переполненная бѣженцами со всѣхъ областей Закавказья и изъ Турціи, непрopusкаемыми въ мѣста своего поселенія ни англичанами, ни турками, ни татарскими республиками — страна буквально задыхалась. Изъ русскаго наслѣдія, стоя въ сторонѣ отъ важнѣйшихъ стратегическихъ направленій и составляя по территории всего лишь 5% Закавказья, она получила очень немного. Организмъ ея изнурялъ недостатокъ, иногда полное отсутствіе, трехъ важнѣйшихъ элементовъ борьбы за существованіе: хлѣба, денегъ и оружія.

Такое катастрофическое положеніе страны обусловило дѣятельность парламента и правительства, сводившуюся къ изысканію способовъ удовлетворенія ихъ насущныхъ нуждъ ея и къ поискамъ той внѣшней силы, которая могла бы хоть временно обезпечить ея существованіе.

Въ періодъ турецко-германскаго нашествія стремленіе къ Россіи армянскихъ правящихъ круговъ было единодушнымъ. Оно сохранилось и въ первое время англійской оккупации, но векорѣ поблекло подъ влияніемъ настойчиваго и рѣзкаго воздѣйствія англичанъ. Англійскіе представители — Уоккеръ, Вичъ и другіе

¹⁾ Подписали со стороны грузинъ — Гегечкори, Рамишвили, ген. Гедевановъ и Одишелидзе; со стороны Азербейджана — Джафаровъ, ген Мехмендаровъ и Сулькянчъ.

²⁾ Ген. русской службы, грузинъ Одишелидзе, былъ назначенъ общимъ главнокомандующимъ.

³⁾ Территорію Армeнiи до конца апрѣля 1919 г. составляла Эриванская губ., исключая Нахичеванскій и Шаруро-Даралагезскій уѣзды, образовавшіе татарскую «Араксскую республику».

⁴⁾ Въ ноябрѣ 1915 г. у Армeнiи было всего 4—5 паровозовъ и 60 вагоновъ. Остальной составъ былъ утванъ грузинами.

ополчились против руссофильства армяны, прибѣгая къ давлению и запугиванию и, съ другой стороны, рисуя армянамъ заманчивыя перспективы самостоятельнаго существованія соединенныхъ русской и турецкой частей Арменіи съ выходомъ къ Черному морю... Ген. Уоккеръ официально въ рѣзкой формѣ ставилъ въ упрекъ армянскому правительству его тяготѣніе къ Россіи, выходженіе на службу Арменіи русскихъ офицеровъ и, въ частности, присутствіе въ Эривани Добровольческаго представителя¹⁾. Все это, по словамъ Панаджанова²⁾, «создало у многихъ армянъ опасеніе — не потому ли англичане лучше относятся къ грузинамъ, что тѣ опредѣленно отвернулись отъ русскихъ».

Когда въ концѣ декабря парламентъ обезуджалъ наказъ делегаціи, посылаемой въ Парижъ, прежняго единства мыслей не оказалось. Правящая партія дашнакакаловъ раздѣлила свои голоса: часть стояла за автономію или федерацію обѣихъ Арменій съ Россіей; другая требовала «Великой и независимой Арменіи» съ Киликіей и выходами къ Черному и Средиземному морьямъ. Это была американскій просятъ, рожденный фантазіей побѣдителей, жившихъ тогда еще иллюзіями своего могущества; онъ приводилъ бы къ соотношенію на новой территоріи мусульманскаго населенія къ армянскому, какъ четыре къ одному. Армянская «народная партія» (либер.) высказалась за воссоединеніе съ Россіей; къ ней присоединились соц.-рев., въ то время, какъ соц.-дем., связанные тѣсно съ грузинскими, поддерживали отдѣленіе отъ Россіи внѣ зависимости отъ того или другою рѣшенія судьбы страны³⁾.

Наказа делегаціи я не знаю, но, по свидѣтельству одного изъ членовъ ея, настроеніе ихъ было далекимъ отъ утопій: «армянскій народъ достаточно истекъ кровью, онъ стремится къ спокойствію и мирному развитію... Прощеніе и народъ вновь сознаютъ, что самостоятельно Арменія существовать не можетъ... Сознавая свою слабость, мы не думаемъ предъявлять никакихъ требованій и помиримся со всѣмъ, что рѣшитъ конференція⁴⁾. Безъ сомнѣнія это рѣшеніе находилось въ полномъ соответствіи съ настроеніемъ армянскаго народа, который, сохраняя мнѣе, даже усилившесся пережитыми несчастіями тяготѣніе къ Россіи, готовъ быть, однако, признатъ падъ собой чей угодно протекторатъ — «хоть чорта», какъ говорили въ народѣ — какую угодно власть, лишь бы она избавила отъ голода и физическаго истощенія».

Официально никакихъ декларацій о разрывѣ съ Россіей правительство пока не объявляло.

Вскорѣ обнаружилось, что надежды на англичанъ не оправдались. Съ декабря до конца марта политика англичанъ была явно недружелюбна Арменіи. Ни финансовою, ни экономической помощи отъ нихъ Арменія не получила; боевого снабженія — также, подъ предлогомъ «строгаго нейтралитета Англіи»; сотни тысячъ бѣженцевъ по прежнему задыхались на площади не цѣлыхъ трехъ уѣздовъ. Армяно-грузинская распря была разрѣшена съ явнымъ пристрастіемъ въ пользу грузинъ. Росло разочарованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливались вновь два теченія общественной мысли и народныхъ симпатій, идущія — одно къ Россіи, другое — къ великой заатлантической республикѣ, о всеильномъ заступничествѣ которой повѣрили и нѣкоторыя фактическія данныя, и еще больше легенды.

Въ концѣ апрѣля, въ связи съ обострившимися англо-турецкими отношеніями и возросшимъ панисламистскимъ движеніемъ въ средней Азій, англичане измѣнили свою тактику: при ихъ вооруженномъ содѣйствіи пали двѣ суверенныя татарскія республики — «Юго-западная» и «Аракская», занятая затѣмъ армянами, и присоединена армянская республика Андроника — народнаго героя, официально «отступника», предвосхитившаго роль д'Аннунціо и Желиховскаго и обос-

¹⁾ Докладъ начальника ген. штаба Арменіи 17 августа 1919 г.

²⁾ Лидеръ армянской народной партіи, членъ парижской делегаціи.

³⁾ Последніи двѣ партіи были совсѣмъ малочисленныя.

⁴⁾ Докладъ ген. Томилова о бесѣдѣ съ Панаджановымъ.

новашаго свою суверенную власть на официальной территории Азербейджана ¹⁾. Такимъ образомъ, въ началѣ апрѣля Армения занимала всю Кавказскую область, всю Эриванскую и юго-западную часть Елисаветпольской губ.

Эти событія вернули вновь симпатіи армянъ къ англичанамъ, но не надолго: категорическій отказъ англичанъ въ дальнѣйшемъ отъ реального заступничества за армянскій народъ во время кровавыхъ событій въ Карабахѣ и Зангезурѣ, когда англичане заявили, что вооруженной помощи не окажутъ, а «используютъ лишь свой моральный авторитетъ», окончательно подорвалъ довѣріе и симпатіи армянъ къ англичанамъ. Предсѣдатель правительства, Хатисовъ ²⁾ съ горечью и недоумѣніемъ говорилъ ген. Уоккеру: «мы удивляемся, что въ то время, какъ въ Лондонѣ насъ увѣрляютъ въ любви къ армянамъ, здѣсь мы видимъ отношеніе обратнаго свойства. Мы ждали союзниковъ, какъ избавителей, теперь приходится разочароваться въ этомъ». А политическіе дѣятели Арменіи пришли попенному къ безнадѣжному заключенію, что «англичане стараются создать буферъ противъ Россіи изъ Азербейджана и Грузіи и уничтожить Армению — изъ тѣхъ соображеній, что послѣдняя будетъ служить проводникомъ русскаго вліянія, могущаго провести къ Средиземному морю...» ³⁾.

Между тѣмъ въ Арменію прибыла Американская благотворительная миссія, которая вмѣстѣ съ идеей «Великой Грузіи», съ ранней весны принесла съ собой изстрадавшемуся отъ голода и эпидемій населенію болѣе реальныя цѣнности — хлѣбъ, рисъ, медикаменты и медицинскую помощь. Впечатлѣніе отъ этого филантропическаго шага было огромно, надежды не умѣренны, и поэтому въ парламентѣ и въ правительствѣ смолкли всякія тренія и колебанія, и установилось полное единство ориентаціи — «на Америку». 15-го мая глава правительства Хатисовъ, основываясь на постановленіяхъ состоявшихся въ концѣ марта въ Эривани съѣзда турецкихъ и русскихъ армянъ, объявилъ торжественно странѣ, что «согласно волѣ всего народа, правительство провозглашаетъ Арменію на вѣчныя времена объединенной (турецка и русска) и независимой». «Правительство Арменіи въ Закавказьи — говоритъ въ особомъ актѣ — въ настоящее время объявляетъ себя правительствомъ объединенной Арменіи — съ установленіемъ въ качествѣ формы правленія демократической республики». Парламентъ — бывшій «Национальный совѣтъ», образовавшій въ свое время путемъ соглашенія политическихъ партій, былъ распущенъ, и новый, «всеродный», предположено было созвать въ іюль.

Весьма интересны мотивы, приведенные на рѣшительномъ засѣданіи парламента, заставившіе дашнакцановъ переимѣнить «русскую ориентацію на американскую»: «цѣль независимости — стремленіе собрать весь армянскій народъ, чтобы уберечь его отъ разсѣянія по всему свѣту, подобно евреямъ. Для этого нужна площадь, освобожденная отъ мусульманъ, и пужевъ покровитель, который заштитъ бы и подниметъ экономически будущую Армению. Россія, какъ страна людей... равно относящихся ко всемъ націямъ, не позволитъ армянамъ выселить татаръ. Что же касается экономической помощи, то она можетъ быть оказана Россіей только черезъ 15 лѣтъ...» ⁴⁾.

Армянскіе дѣятели, не искушенные въ политической игрѣ міровой дипломатіи и плохо освѣдомленные, играли въ руку папурецкому движенію, подогрѣвая фанатизмъ турокъ. Они не понимали, что среди Согласія нѣтъ ни одной державы, которая пожелала бы проливать кровь за армянъ, что появившіяся вслѣдъ за благотворительной миссіей американскій полк. Хаскель — «Верховный комиссаръ

¹⁾ Зангезурскій и Шушинскій уѣзды Елисаветпольской губерніи.

²⁾ Первымъ предсѣдателемъ былъ Качазруни, командированный въ средній января въ Америку за хлѣбомъ и протекторатомъ.

³⁾ Изъ доклада нашего представителя въ Эривани, полк. Звзкевича, отъ 4 октября 1919 г., № 36.

⁴⁾ Изъ доклада начальника ген. штаба Арменіи, полк. Зникевича, отъ 17 августа 9 года.

Антанты въ Арменіи прѣхаль съ широкими полномочіями¹⁾ и... съ заранѣе предрѣшеннымъ постановленіемъ, «не посылать ни одного американскаго солдата въ Арменію». «Моральный авторитетъ Америки» долженъ былъ остановить кровопролитіе въ воинственныхъ странахъ ближняго Востока, гдѣ только сила внушала къ себѣ уваженіе, страхъ и покорность...

Увеличеніе территоріи Арменіи въ апрѣлѣ, устранивъ чрезмѣрную скученность населенія, имѣло, однако, два неблагоприятныхъ послѣдствія — увеличеніе тѣсла голодныхъ throвъ и введеніе въ организмъ страны новыхъ значительныхъ континентовъ враждебнаго ей мусульманскаго населенія.

Американская помощь была спасительной, но далеко не достаточной. Въ финансовомъ отношеніи республика зависѣла отъ Грузіи, получая закавказскія боны изъ тифлисской экспедиціи. Это обстоятельство становилось критическимъ въ такіе моменты, какъ напримѣръ въ дни армяно-грузинскаго конфликта, когда у военнаго министра Арменіи (къ 30 дек.) оставалось въ казнѣ 220 тыс. рублей! Страна нищая, не имѣвшая экспорта, не могла рѣшиться на выпускъ своихъ денежныхъ знаковъ, заранѣе обреченныхъ на полное обезценіе. Поэтому, когда въ іюлѣ были израсходованы закавказскія боны, правительство «независимой Арменіи» прибѣгло къ средству совсемъ незаконному, но весьма показательному: отъ имени Эриванскаго отдѣленія Россійскаго государственнаго банка было выпущено на нѣсколько сотъ милліоновъ «чековъ». Эти чеки, имѣвшіе подзаголовокъ «спеціальныи текущій счетъ республики Арменіи», спасли страну отъ банкротства и имѣли обращеніе весь періодъ ея самостоятельнаго существованія²⁾.

Недостатокъ поруженія и, главнымъ образомъ, боевыхъ припасовъ былъ еще болѣе чувствителенъ и препятствовалъ надлежащему развитію армянской арміи³⁾. Она состояла изъ дивизіи пѣхоты (къ лѣту—изъ трехъ отдѣльныхъ бриг.), бригады артиллеріи, коннаго полка и небольшихъ техническихъ частей. Составъ ея, опредѣленный штатами для «мирнаго времени» въ 22 тыс. человекъ и для «военнаго» — въ 44 тыс., фактически терпѣлъ большія колебанія, не превышая никогда 10—15 тыс. Было одно время, непосредственно послѣ армяно-грузинской войны, когда за отсутствіемъ продовольствія и боевыхъ припасовъ, дивизію пришлось довести временно до 4 тыс.

Іюльскія событія застали армянскую армію въ безпомощномъ положеніи: полное отсутствіе запаса винтовокъ и наличность всего лишь 300 тыс. трехлинейныхъ патроновъ ограничили ея боепособность и лишили всякаго смысла мобилизацію.

Между тѣмъ, весь югъ и юго-востокъ страны были объяти возстаніемъ мусульманъ. Оно подкатывалось съ юга къ Эриваню, угрожало Карсу и Александрополю и въ нейтральной зонѣ у Садахло⁴⁾ нависло грозной опасностью перерыва единственной питательной артеріи страны...

Армянъ рѣзали по всему Закавказью, по Анатоліи и Киликіи, а Верховный комиссаръ отвѣчалъ на обращенные къ нему недоумѣнные вопросы, что «вопросъ о маядаѣ на Арменію еще не рѣшенъ», и что въ настоящее время дѣлаются «глубокія изысканія, отъ которыхъ будетъ зависѣть рѣшеніе. Ген. Харбордъ съ огромной американской миссіей совершалъ въ это время путешествіе на Дярбекиръ —

¹⁾ Въ официальномъ увѣдомленіи меня о назначеніи «Верховнаго комиссара» было указано, что «на Киликію власть его не распространяется».

²⁾ Этого «подлога» обратилъ на себя вниманіе Особаго Совѣщанія, но, въ виду безвыходности положенія Арменіи, рѣшено было не чинить ей препятствій, чтобы не обезцѣплять чековъ.

³⁾ Командовали ея послѣдовательно ген. русской службы Силиковъ и Назарбековъ; въ составѣ арміи было много русскихъ офицеровъ.

⁴⁾ Станція жел.-дор. линіи Эривань — Тифлисъ.

Эрзерумъ — Мухъ — Каръ — Эриванъ — Тифлисъ для «изученія армянскаго вопроса съ точекъ зрѣнія этнической, экономической, финансовой, военной и проч.»

Передъ несчастнымъ народомъ съ особенной яркостью встанетъ вопросъ объ его существованіи. Суровая дѣйствительность разсѣветъ всѣ иллюзіи объ иностранной помощи, и мы увидимъ вновь рѣзкій поворотъ общественнаго мнѣнія въ сторону Россіи.

Сообразно съ перемѣнами армянскимъ правительствомъ «оріентаций», мѣнялись взаимоотношенія его съ Добровольческой Арміей.

Во время германо-турецкой оккупации изъ Арменіи прѣзжали негласно посланцы правительства, боявшагося «скомпрометировать» себя въ глазахъ завоевателей. Они свидѣтельствовали о вѣрности Арменіи русской государственности и просили помощи. Въ ноябрѣ въ Екатеринодаръ прѣбылъ уже официально полк. Власевъ, имѣвшій титулъ «представителя Армянской арміи при Добровольческой Арміи». Онъ также описывалъ яркими красками русофильское настроеніе Арменіи, въ частности, особенное расположеніе тамъ къ Добровольческой Арміи. Власевъ просилъ о сформированіи и отправкѣ черезъ Батумъ армянскаго отряда, о помощи хлѣбомъ и боевыми припасами, о помощи армянскимъ бѣженцамъ и возвращавшимся съ запада бывшимъ военно-пѣлымъ. На основаніи этихъ данныхъ, въ концѣ ноября былъ посланъ ген. Драгомировымъ въ Эриванъ полк. Лесли съ полномочіями «войти въ сношенія съ представителями Армянской республики по вопросамъ политическимъ» и съ письмомъ ген. Драгомирова министру иностр. дѣлъ, въ которомъ указано было на желательность «делегирования представителей Армянской республики въ г. Екатеринодаръ, съ цѣлью информаций о своихъ мѣстныхъ нуждахъ».

Лесли пришлось сильно разочароваться въ екатеринодарскихъ информатіяхъ. Прибывъ въ Эриванъ въ самый разгаръ надеждъ на спасительницу Англію, онъ былъ встрѣченъ чрезвычайно холодно, и замороженныя армянскіе дипломаты вовсе недумывали дать ему понять, что «лучше подождать, не открывая свои карты, такъ какъ неизвѣстно, кто сильнѣе, кто настоящая Россія — вы, Колчакъ или большевики». Отъ Власева армянское правительство отреклось, заявивъ, что онъ былъ только «развѣдчикомъ военнаго министерства, а не представителемъ...» Состоявшій въ то время начальникомъ штаба армянской дивизіи полк. Зинкевичъ передавалъ, что правительство не рѣшается послать своего представителя въ Добровольческую Армію, «боясь скомпрометировать себя въ глазахъ союзниковъ, на случай, если вопросъ о переходѣ Арменіи подъ протекторатъ другой державы является вопросомъ рѣшеннымъ или возможнымъ». Не послѣднимъ аргументомъ былъ, вѣроятно, и страхъ «скомпрометировать» себя и въ другомъ направленіи: всеню парламентомъ принято было постановленіе, безъ всякаго видимаго повода, о «невмѣстельствѣ армянъ въ борьбу Добровольческой Арміи съ совѣтской Россіей...»

Хотя увлеченіе англійской оріентацией прошло и, послѣ небольшого періода сомнѣній и колебаній, симпатіи Арменіи всецѣло перешли къ Америкѣ, но въ русскомъ вопросѣ ничего не замѣнилось: «Хаскель потребовалъ отъ правительства Арменіи — сообщаетъ полк. Зинкевичъ — чтобы оно не сносилось съ главнокомандующимъ помимо него. Кромѣ того, въ тѣхъ случаяхъ, когда американцы видятъ проявленіе симпатій къ Россіи, они убѣждаютъ армянъ, что Россія никогда больше не будетъ великимъ государствомъ, и что, поэтому, на нее нельзя разсчитывать въ смыслѣ помощи»¹⁾.

Въ результатѣ, съ марта до августа, между Арменіей и главнымъ командованиемъ Юга никакихъ официальныхъ сношеній не было, хотя въ Екатеринодарѣ

¹⁾ Докладъ 30 сентября 1919 г., № 7.

находился посолъ Арменіи при кубанскомъ правительствѣ Сагателянъ¹⁾. Негласно, однако, онъ бывалъ у меня и у ген. Драгомирава, просилъ не ставить въ вину его правительству ту позицію, которую оно въ и н у ж д е н о было занять въ отношеніи вооруженныхъ силъ Юга, находясь въ подлѣйшей зависимости отъ вѣдѣнныхъ силъ, и не желая раздражать Грузію, и безъ того «сдавнившую армянамъ горло»²⁾. Я отвѣтилъ, что сочувствую несчастному армянскому народу, понимаю щекотливое положеніе правительства и не придаю значенія задѣвающимъ насъ декларациямъ.

Въ мѣрѣ нашихъ ограниченныхъ возможностей мы оказывали нѣкоторую помощь Арменіи, главнымъ образомъ, заботами объ ея бѣженцахъ и ихъ эвакуаціи. Отправка хлѣба черезъ Грузію была невозможна, и транспортъ его, посланный въ январѣ 1919 г., былъ захваченъ или не пропущенъ грузинами. Впрочемъ, въ іюлѣ, въ самую тяжелую минуту, намъ удалось переправить въ Эривань съ огромными трудностями, минуя Грузію, черезъ Батумъ на Ардаганъ по сухопутью транспортъ съ нѣсколькими милліонами патроновъ.

Осенью измѣнилась вновь «ориентация» и въ связи съ этимъ — отношеніе къ намъ: въ августѣ прѣхалъ въ Екатеринодаръ «пач. ген. шт. Арменіи», полк. Зинкентъ, который вернулся въ Эривань уже въ качествѣ «Военнаго представителя Воор. Силъ Юга Россіи», встрѣченный тамъ «подчеркнуто торжественно, по высшему ритуалу».

Такимъ образомъ, нашъ «союзъ съ Арменіей», который такъ пугалъ грузинъ и не нравился англичанамъ, принадлежалъ къ одной изъ грузинскихъ легендъ. Но она сослужила намъ несомнѣнно большую службу, отвлекая силы и умѣрая въ значительной степени воинственный пылъ Азербейджана и Грузин, считавшихъ свой тылъ при наступленіи изъ сѣверъ открытымъ для удара армянской арміи.

Первое полугодіе англійской оккупации Закавказья показало наглядно, что ни одна изъ тѣхъ задачъ, которая провозгласили англичане, или которыя приписывались имъ общественнымъ мнѣніемъ Юга Россіи и Закавказскихъ новообразованій, выполнена не была. Край пылалъ въ огнѣ возстаній и межплеменной вражды, не могъ считаться ни «обезпеченнымъ тыломъ вооруженныхъ силъ Юга», ни «прочнымъ барьеромъ, прикрывающимъ Персію», ни — въ силу общаго разочарованія англійской политикой — «благопріятной ареной для англійской колонизаціи».

Къ веснѣ 1919 г. русская политика англичанъ нѣсколько измѣнилась: внутреннія политическія затрудненія въ Англии, осложненія съ Турціей, тренія въ Верховномъ совѣтѣ и, повидимому, подозрительность и соревнованіе державъ Согласія поставили на очередь вопросъ объ уходѣ англичанъ изъ Закавказья и замѣнѣ ихъ итальянцами. Появились уже итальянскіе квартиреры и военные мисіи, посѣтившія Баку, Батумъ и Тифлисъ и очаровавшія закавказскихъ правителей своими взглядами и щедрыми обѣщаніями...

Къ этому времени отношенія наши съ англичанами начали нѣсколько налаживаться. Военное снабженіе шло въ широкихъ размѣрахъ; екатеринодарская миссія по прежнему поддерживала насъ въ спорныхъ вопросахъ; ген. Мильнъ, посѣтившій Екатеринодаръ 10 апрѣля, воспринялъ лично нашу точку зрѣнія на взаимоотношенія съ Закавказскими новообразованіями; адмиралъ Сеймуръ проявлялъ полное доброжелательство въ вопросахъ помощи намъ силами англійскаго флота, принимавшаго участіе въ оборонѣ Акманайскихъ позицій; наконецъ, высшее командованіе въ Тифлисѣ и Батумѣ было смѣнено, и екатеринодарская миссія ставила это обстоятельство въ связь съ предстоящимъ измѣненіемъ всей англійской политики въ Закавказья.

¹⁾ Членъ Гос. Думы, к.-л.

²⁾ Владѣніе выходомъ Эриванской вѣтви жел. дор.

Новый генералъ - губернаторъ Баку Шательвортъ — одинъ изъ крайнихъ руссофобовъ до того времени, приглашая моего представителя, довѣрительно развивать ему свои мысли¹⁾:

«Ваше общественное мнѣніе склонялось къ тому, что англичане, оккупировавъ Закавказье, хотѣли его удержать за собой, какъ путь въ Индію и мѣсто-нахождение нефти. Это невѣрно, такъ какъ здѣсь мы являемся отрѣзанными отъ всѣхъ нашихъ базъ и, если бы впоследствии Россія атаковала насъ, мы не могли бы защищаться. Туркестанъ въ совершенно другомъ положеніи: онъ представляется для насъ большой интересъ, какъ преддверіе Индіи и плацдармъ противъ Афганистана. Но мы тамъ не хотимъ основаться, чтобы не увеличивать нашихъ владѣній и такъ какъ предпочитаемъ жить въ дружбѣ съ возстановленной Россіей. Доказательствомъ этого вамъ можетъ служить то обстоятельство, что мы вывели оттуда почти всѣ наши войска и, несмотря на просьбу Закаспійскаго правительства помочь имъ людьми въ борьбѣ съ большевиками, отказали. Что же касается Закавказья, мы отлично понимаемъ, что вся культура здѣсь — исключительно русская, и что оно ни экономически, ни политически безъ Россіи существовать не можетъ. Если бы мы остались здѣсь дольше, возможно, что народы Закавказья не захотѣли бы вернуться къ намъ, а предпочли бы остаться подъ Британскимъ владычествомъ, такъ какъ мы постоянно будемъ подвѣшивать намъ народы, вводя на рынокъ деньгами и сравнительно дешевыми, хорошими товаромъ, а также предоставляя имъ полное самоуправленіе, поддерживая вмѣстѣ съ тѣмъ порядокъ и справедливость. Этого не будетъ. Мы скоро уйдемъ отсюда, и насъ замѣнятъ итальянцы. Картина переизмѣнится: ихъ главная цѣль будетъ эксплуатировать страну, такъ какъ Италія — страна бѣдная, и имъ нужно поправлять свои финансы дѣла. Не знаю навѣрное, но возможно, что она даже получитъ мандатъ на Закавказье. Въ такомъ случаѣ, очевидно, содержаніе оккупационныхъ войскъ будетъ отнесено на мѣстныя средства. Итальянцы будутъ усилебно вывозить нефть на льготныхъ условіяхъ. Вы сами понимаете, что это не привлечетъ ни правительство, ни населеніе на ихъ сторону; народъ начнетъ естественно тяготѣть къ Россіи, и всѣ Закавказскія республики сами вернуться къ намъ».

Побужденія — по словамъ Шательворта, заставлявшія англичанъ покинуть Кавказъ — глубоко мудрыя и политически дальновидныя — вызвали у насъ рѣшительныя сомнѣнія. Мы видѣли причины въ другихъ явленіяхъ: на стражѣ русскихъ интересовъ стали неожиданно и независимо отъ своего отношенія къ Россіи тредъ-юнионы и мировая конкуренція... Во второй части своей бесѣды Шательвортъ былъ, однако, несомнѣнно правъ: итальянская оккупация сулила намъ новыя горныя бѣды. Мы не питали никакого довѣрія ни къ доброжелательности къ намъ политики Италіи, ни къ ея матеріальной незаинтересованности, ни къ политической устойчивости итальянской арміи. Въ перспективѣ рисовалось еще большее поширеніе центробѣжныхъ силъ, экономическая эксплуатация, хаосъ во внутренней жизни Закавказья, подготавливавшій прішествіе большевизма и, на ряду со всѣмъ этимъ прекращеніе матеріальной помощи вооруженнымъ силамъ Юга.

И потому, когда английская миссія неофициально овѣдомила насъ, что англичане могли бы задержать свой уходъ до осени, если бы поступило соответственное заявленіе отъ главнаго командованія, я, выбравъ изъ двухъ золъ меньшее, послалъ ген. Гритуе письмомъ, въ которомъ, отмѣтивъ со стороны английскихъ представителей поддержку идеи русской государственности, просилъ увѣдомить его правительство, что замѣна английскихъ войскъ будетъ встрѣчена (у насъ) съ сожалѣніемъ...

Не знаю, гдѣ и какъ использовано было это письмо и имѣло ли оно вообще какое-либо значеніе, но въ концѣ іюня мы получили телеграмму изъ Лондона²⁾: «Черчилль проситъ предупредить о необходимости, вслѣдствіе настроенія рабочихъ, постепеннаго отъѣзда войскъ со всѣхъ фронтовъ, начиная съ зимней кампаніи. Помощь всякимъ снабженіемъ обѣщать продолжать въ прежнемъ размѣрѣ». 12 іюля английское военное министерство сообщило, что эвакуация начнется 15 ав-

¹⁾ Докладъ 5 іюня 1919 г.

²⁾ Повѣрнутаго въ дѣлахъ въ Лондонѣ К. Набокова.

густа; одновременно начальники итальянской миссии в Закавказье уведомили, что отправка итальянских войск взамен британских не будет иметь места.

Мое письмо было только признанием заслуг местных английских представителей, во отнюдь не доброжелательства к русским интересам английского правительства. Летом и осенью 1919 г. мы увидим на ряду с возрастающим русофилизмом английских военных кругов Екатеринодара и Константинополя, связанных с Черным, в области высшей политики Лондона все то же хитросплетение помощи и противодействия, все то же завлечение между Россией, советской властью и «наследниками России»; все те же «два Англы», «две руки», из которых, — по признанию Бьюкена, — одна оказывала помощь бѣлому движению, в то время, как другая отрывала западные лимитрофы и Закавказскую республику, отталкивая тем патристические элементы России.

Разительным и символическим диссонансом прозвучат слова двух англичан, сказанные осенью на разных концах старого мира — в Тифлисе и Лондоне.

Покидая Закавказье, командующий английскими войсками ген. Корн дал интервью журналистам, в котором, протестуя против обвинения англичан «в разжигании самостоятельных стремлений», заявил: «единственной цѣлью, преследуемой англичанами, было всеми силами удержать Грузию и Азербейджан от выступления против Добровольческой Армии. Прикрываясь принципами самоопределения, англичане должны были охранять окраины до того момента, пока Россия, встав на ноги, могла бы шутя собрать все то, что от нее отпало...»

И словно в насмѣшку над иллюзиями, покрывая «звонкие дисканты» поборников такого «политического сентиментализма», раздастся из Лондона «фундаментальный бас» «реальной полтвкл»:

«Адмирал Колчак и ген. Денкин ведут борьбу не только за уничтожение большевиков и восстановление законности и порядка, но и за Единую Россию. Этот лозунг непримемлем для многих народовостей... Не мнѣ указывать — соответствует ли этот лозунг политикѣ Великобритании... Один из наших великих государственных дѣятелей, лорд Биконсфильд выдѣл в огромной, великой и могучей России, катящейся подобно глетчеру по направлению к Персии, Афганистану и Индии, самую грозную опасность для Великобританской империи...»¹⁾.

Чрезвычайно трудно определить извилистую раздѣльную линию «двух Англы», двух морально-политических идеологий английской общественности. Но опыт полугодового правления убѣдил меня в том, что кроме ненависти Биконсфильда и безпринципности Ллойд-Джорджа, в Англии есть течения, есть люди и народные слои, которым не чужды общечеловѣчскія основы морали даже в политикѣ, которые не относятся к России только как к угрозе английскому владычеству в Азии или к объекту безпощадной колониальной эксплуатации.

Съ этой Англией у новой России найдется еще общий языкъ.

ГЛАВА XX.

Украина: изменение политики съ падениемъ Германіи. Борьба партій. Вооруженная сила.

Послѣ опубликования германскаго мирнаго предложенія (отъ 22 и 29 сентября), въ правящихъ кругахъ Украины наступило полное смятение и растерянность. Незбѣжность в близость паденія центральныхъ державъ требовали срѣзныхъ мѣръ для закрѣпленія шаткаго положенія украинской государственности и существую-

¹⁾ Речь Ллойд-Джорджа въ парламентѣ 17 ноября 1919 г.

щей власти и спѣшной политической перестройки. Между тѣмъ, эти же предвидѣнія усилили напоръ на власть извѣй со стороны всѣхъ силъ, ой враждебныхъ.

Украинскій національный союз (У. П. С.) предъявилъ тотчасъ гетману требованіе объ образованіи новаго демократическаго правительства изъ состава членовъ союза, сведеннаго къ фактическому возрожденію покойной директоріи. Этотъ шагъ напелъ энергичную поддержку въ германской оккупационной власти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, путемъ сношеній Винниченко съ Москвою, былъ обезпеченъ нѣкоторыми гарантіями со стороны совѣта комиссаровъ. У. П. С. торопился захватить власть въ свои руки, чтобы поставить державы Согласія передъ совершившимся фактомъ.

Германцы, готовясь къ исходу, старались также создать себѣ обстановку, благоприятную въ ближайшемъ будущемъ. Интересы самой Украины, какъ и Россіи, были для нихъ глубоко чужды и безразличны; они поддерживали и насаждали тамъ тѣ силы, которыя могли быть союзны имъ и противопоставлены державамъ Согласія или, по крайней мѣрѣ, могли бы создать послѣднимъ большыя затрудненія. Поэтому, ген. Гренеръ¹⁾, продолжая широкое покровительство большевѣцкимъ организациямъ на Украинѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ отъ гетмана созданія «національнаго правительства», путемъ удаленія изъ кабинета «руссофильскихъ элементовъ» и включенія членовъ У. П. С.

Эти домогательства встрѣтили противодѣйствіе: въ кабинетѣ, среди нѣкоторыхъ членовъ его — по мотивамъ самосохраненія, въ русской общественной мысли — въ силу побужденій национальных, въ союзѣ хлѣборобовъ, «Протофисъ» — изъ-за опасенія прихода къ власти социалистическаго правительства.

Подъ напоромъ всѣхъ этихъ вліяній, гетманъ колебался, и переговоры о реконструкціи кабинета затягивались. Но въ началѣ октября произошло событіе, вызвавшее министерскій кризисъ и ускорившее развязку вопроса.

На Украинѣ шла безобразно, на глазахъ у всѣхъ, большевѣцкая пропаганда и организация возстанія. Извѣй имъ руководила «девятка»²⁾ во главѣ съ Пятаковымъ и Буновымъ, которая обосновалась въ Курскѣ, формировала кадры «повстанческой арміи», организовывала новые повстанческіе отряды на территоріи Украины и помогала деньгами и оружіемъ уже существующимъ. Въ самомъ Кіевѣ такую же работу вела «мирная делегация» Раковского, советское консульство и военный экспертъ делегации, бывший полк. Егоровъ, а въ Одессѣ организующій центръ создалъ Дыбенко. Большевѣцкіе центры подготовляли повсемѣстно «революціонныя комитеты», производили учетъ силъ и вербовку красноармейцевъ, якобы для Восточнаго фронта — настолько открыто, что адреса регистраціонныхъ бюро зачастую не были секретомъ, и объявленія объ ихъ функціяхъ появлялись нивогда въ печати. Обезпокоенныя этимъ явленіемъ украинскія власти пробовали бороться съ нимъ, что удавалось отчасти въ Одесскомъ районѣ, занятъ австріяцами, но въ зонѣ германской оккупации встрѣчало рѣшительное противодѣйствіе военной германской власти.

Неоднократныя представленія по этому поводу генералу Гренеру успѣха не имѣли. Украинскій совѣтъ министровъ телеграммой отъ 11 октября обратился къ германскому правительству «съ настоячивымъ указаніемъ и предостереженіемъ, что при такихъ условіяхъ (правительство) слагаетъ съ себя отвѣтственность за могущее произойти возстаніе большевиковъ и что въ значительной степени (оно) должно будетъ обвинить въ этомъ вредящую дѣятельность германскихъ властей на Украинѣ...»

Это обращеніе также никакого успѣха не имѣло.

Мин. вн. дѣлъ Кистяковскій счелъ себя вынужденнымъ, наконецъ, произвеести арестъ Егорова, Дыбенко и обыскъ въ помѣщеніи делегации и консульства. Ре-

¹⁾ Начальникъ штаба оккупировавшей Украину германской группы.

²⁾ Изъ состава бывш. въ началѣ года «рабоче-крестьянскаго прав-ства Украины».

результатомъ были рядъ новыхъ арестовъ и изыятіе важныхъ документовъ, которые установили широкій организационный планъ большевnickаго возстанія, тѣсный контактъ делегаций Раковскаго съ председателемъ У. П. С. Винниченко и полную освѣдомленность, если не прямое соучастіе въ этомъ... нѣмецкаго штаба. Произошло крупное столкновеніе: временный замѣститель барона Мумма, совѣтникъ Тиль, въ крайне рѣзкой формѣ потребовалъ немедленнаго освобожденія арестованныхъ, возвращеніи захваченной переписки и... удаленія съ поста министра Кистяковскаго.

Первымъ результатомъ этого эпизода былъ демонстративный выходъ въ отставку 9 министровъ, заступившихся за Кистяковскаго и подавшихъ гетману записку «о необходимости совместной борьбы объединенными силами всѣхъ частей бывшей Россіи съ большевиками». Вторымъ — кавитуляція гетмана и назначеніе по соглашенію съ Гренсромъ и Винниченко новаго министра, въ составѣ котораго остались Лизогубъ (предсѣдатель) и самостоятники прежняго кабинета и вошло пять кандидатовъ У. П. С. изъ числа соц.-федералистовъ. Въ новомъ составѣ правительства было обеспечено вполне преобладаніе рѣзко самостоятельнаго и нѣмецкаго течения.

Лизогубъ отъ имени новаго правительства дѣлалъ боевыя заявленія о томъ, что отнынѣ онъ будетъ «стремиться къ болѣе рѣзкому выявленію лица Украинской державы». Но фактически, подъ гнетомъ грозной обстановки, дѣятельность правительства пошла слѣды растерянности и нерѣшительности. Положеніе его было дѣйствительно необыкновенно труднымъ.

Мирныя переговоры съ совѣтской Россіей прервались. Раковскій уѣхалъ въ Москву. Еще 10 октября ген. консулъ Украины Крывцовъ прислалъ изъ Москвы тревожнаго телеграмму о возможности «радикальнаго измѣненія политикой совнаркома по отношенію къ Украинѣ», такъ какъ «съ аннулированіемъ Врестскаго договора все обязательства совнаркома отпадаютъ, слѣдовательно, отпадаютъ и обязательства заключенія (съ ней) мирнаго договора». Совѣтъ комиссаровъ съалъ грозныя ультиматумы по поводу оскорбленія своей делегации и грозилъ репрессіями. Въ «нейтральной зонѣ» сосредоточивались двѣ совѣтскія дивизіи; большевnickіе отряды появились въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской и Харьковской губерній... И хотя замѣститель Раковскаго — Мануильскій увѣрялъ, что это «сопаратные акты недисциплинированныхъ частей», и что совѣты не имѣютъ никакаго желанія, «по крайней мѣрѣ въ настоящій моментъ», воевать съ Украиной, по положенію сѣвернаго фронта, лишеннаго украинскими войсками и прикрытаго только колеблющейся уже «стѣной» германскихъ птыковъ, становилось критическимъ.

Въ то же время внутри страны шла тайно и явно дѣятельная работа украинскіхъ социалистовъ, объединенныхъ въ У. П. С., которые спѣшно (къ 4 ноябрю) созывали «Национальный украинскій конгрессъ» изъ состава отдѣловъ союза, чтобы путемъ симуляціи воли народной принять окончательно падавшую изъ рукъ гетмана власть. Вѣроятно въ противовѣстъ, гетманъ также торопилъ правительство съ созывомъ «Державнаго сейма», чтобы закончить выборную кампанію до нѣмецкаго исхода... Скольконибудь правильные выборы въ назначенные сроки были абсолютно невозможны, но къ прибытію — казавшемуся несомнѣннымъ — войскою Согласія «голосъ народа» долженъ былъ сказать рѣшительное слово. При этомъ всѣ три группы (нѣмцы, гетманское прав-ство и У. П. С.) по разнымъ побужденіямъ сходились въ одномъ — въ стремленіи «утвердить самостоятельность Украинской державы».

Международное положеніе Украины было не менѣе шаткимъ; переимѣна внѣшнихъ декораций требовала поэтому исключительной осторожности.

2 окт. украинскій посолъ въ Берлинѣ бар. Штейнфельдъ телеграфировалъ въ Киевъ: положеніе безнадежно и «повелительно диктуетъ намъ необходимость войти въ сношеніе съ Согласіемъ, которое одно въ состояніи обезпечить державныя интересы. Имѣю точныя свѣдѣнія, что Согласіе не встрѣтитъ препятствій для оккупации Украины, если объ этомъ просить».

Сообразно съ двойственнымъ притяженіемъ мировыхъ центровъ, и ви́днѣя политика Украины пошла по расходящимся дорогамъ. Мин. ин. дѣлъ Дорошенко, не терявшій еще надежды на Германію, отправился въ Берлинь, съ цѣлью добиться содѣйствія ея въ вопросѣ «допущенія представителей самостоятельной Украины на мирный конгрессъ». Туда же отправился товарищъ предсѣдателя У.Н.С. Никовскій... Гетманъ въ грамотѣ своей отъ 17 окт. «стоятъ на почвѣ независимости Украинской державы и на ея строжайшемъ дружественномъ нейтралитетѣ», выражалъ надежду, что и державы Согласія «признаютъ нашъ государственный суверенитетъ». Лиозгубъ позволилъ себѣ даже нѣкоторую угрозу по адресу Согласія¹⁾: «украинское правительство заявляеть, что оно будетъ всячески бороться со всѣми проявленіями извѣй, которыя были бы направлены къ нарушенію нейтралитета Украины». Но въ то же время, съ согласія германскаго командованія, готовились уже посольства въ Парижъ (Н. М. Могилянский), въ Америку (Короствовецъ) и въ Яссы (ген. Дашкевичъ - Горбатскій)²⁾. Насколько сильны были тогда еще (конецъ октябрю) въ правительствѣ гермаофильскія теченія и иллюзорная надежда на силу германскихъ штыковъ, можно видѣть изъ письма Н. М. Могилянскаго къ замѣстителю мин. ин. дѣлъ Палтову. Могилянский просилъ «отложить отъѣздъ мисіонъ минимумъ на двѣ недѣли» — съ этому времени, быть можетъ, выяснится международная конъюнктура...» Могилянский опредѣлялъ и «свой идейный багажъ», какъ «глубокаго сторонника нѣмецкой общественности, солидарности и культуры». «Наибольшей угрозой будущему — писалъ онъ — я считаю «большевизмъ» Вильсона и зарывающихся въ упоеніи момента французовъ... Экономическій союзъ съ Англіей и Франціей считаю фантазіей... Наме будущее, какъ Украины, такъ и Россіи, въ добросовѣстныхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Германіей — это опредѣлено географіей, исторіей и здравымъ смысломъ»³⁾.

Быстро развивавшееся наступленіе союзниковъ на Балканахъ заставило правительство сиѣшно командировать въ Яссы Короствовца, который, «не претендуя на призваніе Согласіемъ Украины», вступилъ въ дѣловыя сношенія съ его представителемъ въ лицѣ французскаго посланника, гр. Сентъ - Олера. Въ предъявленной послѣднему вербальной нотѣ⁴⁾ правительство Украины, высказывая опасеніе, что военныя дѣйствія могутъ быть перенесены на ея территорию, просило избавить отъ этого новаго несчастья пострадавшее и безъ того населеніе; завѣряло державы Согласія въ своемъ строгомъ нейтралитетѣ и готовности «принять съ большимъ удовлетвореніемъ всякое предложеніе сотрудничества въ цѣляхъ сохраненія порядка и безопасности въ странѣ». Сентъ - Олеръ, не отказываясь отъ «частныхъ сношеній», отвѣтилъ, что «отношеніе державъ Согласія къ Украинѣ будетъ зависетьъ отъ той помощи, которую украинское правительство окажетъ имъ (союзникамъ) въ восстановленіи порядка въ Россіи»...

Мирное предложеніе Германіи всколыхнуло, конечно, и общественную жизнь на Украинѣ, и въ особенности въ Киевѣ. Оно вызвало громадный подъемъ въ политическихъ организаціяхъ и во многихъ произвело полный переворотъ «оріентаціи» и тактики.

¹⁾ Бесѣда съ представителями печати, оглашенная въ газетахъ 16 октября.

²⁾ Первый — товарищъ державнаго секретаря; второй — бывш. русскій посланникъ въ Китаѣ; третій — бывш. зачальщикъ штаба гетмана.

³⁾ (Письмо отъ 24 октября 1918 г.). Это письмо небезынтересно сопоставить со статьей Н. М. Могилянскаго въ «Архивѣ Русск. Рев.» (т. XI, 1923 г.), въ которой онъ описываетъ «нашествіе коммунистическихъ», политику хищной эксплуатаціи Украины и разложенія Россіи нѣмцами, свое предвидѣніе «близкаго и конечнаго разрома нѣмецкь», наконецъ, свое въ то время «глубокое одиночество» среди политическихъ дѣятелей Украины, сохранившихъ «вплурное сознаніе обезпеченнаго спокойствія за нѣмецкими штыками».

⁴⁾ Отъ 2 ноября в. ст., 1918 г.

Прежде всего изменилось отношение къ существу гетманской власти тѣхъ группъ, которыя были ея опорой. «Союзъ хлѣборобовъ» на всѣхъ сѣздахъ — уѣздныхъ, губернскихъ, въ главномъ Совѣтѣ — сдѣлалъ отреченъ отъ украинской самостоятельности. 1 октября гетмана посѣтила делегация Союза¹⁾, которая внушала гетману идеи о временномъ характерѣ самостоятельности Украины, о необходимости равноправія русскаго языка съ украинскимъ, недопустимости социалстическаго правительства и — главное — объ единствѣ Россіи. Гетманъ бранилъ нѣмцевъ, со всѣмъ соглашался, призывалъ къ терпѣнію. На 1 ноября и. ст. въ Кіевѣ былъ назначенъ всеукраинскій сѣздъ хлѣборобовъ, но правительство — знаменіе времени — пренятствовало созыву той организации, которая была воспріимчивѣе рожденнаго нѣмцами гетманства... Только юскѣ завѣренія руководителей сѣзда, что вопросъ объ единой Россіи подыматься не будетъ, зазданія его были разрѣшены. Въ отношеніи социальномъ сѣздъ раскололся, по существу распался, на почвѣ непримиримаго отношенія помѣщиковъ къ вопросу объ отчужденіи земель, невзирая на то, что крестьянство ставило требованія болѣе чѣмъ умѣренныя: сохраненіе частной собственности и выкупъ части помѣщичьей земли. Въ отношеніи политическомъ, хотя и косвеннымъ путемъ, сѣздъ проявилъ полное единодушіе: онъ горячо привѣтствовалъ гетмана, посѣтительнаго засѣданіе, и въ тотъ же день еще болѣе бурными овациями встрѣтилъ рѣчь Пурншевича объ... единой Россіи.

Кіевскій «Протофисъ», съ его «интернационализмомъ», германофильствомъ и неизмѣнной поддержкой гетманской политики, потерявъ почву подъ ногами, переживалъ періодъ растерянности. Онъ присоединился официально къ позиціи Союза хлѣборобовъ, искалъ сближенія съ Национальнымъ центромъ; дружилъ съ гетманомъ и будировалъ въ отношеніи социалстическаго правительства; поддерживалъ близкія отношенія съ нѣмецкимъ штабомъ, въ надеждѣ, что не все еще потеряно, и дѣлалъ уже неудачныя попытки военныхъ формированій для защиты Кіева и Украины.

Такъ или иначе, гетманъ могъ убѣдиться въ лояльномъ отношеніи къ нему лично Союза хлѣборобовъ, «Протофиса», но ни на какую поддержку съ ихъ стороны ни самостоятельности, ни своему правительству рассчитывать болѣе не могъ. Одно еще обшжало ихъ—это стремленіе сохранить германскую оккупацию. Въ серединѣ октября, послѣ переговоровъ съ германскимъ командоваіемъ, веденныхъ профессоромъ Пиленко, отъ имени Союза и Протофиса послана была телеграмма Вильсону съ просьбой оставить германскія войска на Украинѣ. Это обстоятельство вызвало большое возмущеніе въ широкихъ кругахъ русской общественности и еще болѣе уронило въ ихъ глазахъ престижъ обшхъ организаций. Точно также выбита была временно изъ колеи дѣятельность «Монархическаго блока» и союза «Наша Родина», связаннаыхъ съ организацией «Южной», «Астраханской» и «Сѣверной» арміи: съ перемѣной германскаго правительства и новымъ курсомъ въ украинскомъ вопросѣ (националізациа и демократизациа), нѣмцы прекратили всякій денежный отпускъ и поддержку этихъ организаций. Первые два арміи, за полной невозможностью дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія, перешли на иждивеніе Дона.

Монархическій блокъ сохранялъ близкое обшеніе съ гетманомъ и находился въ контактѣ съ Красновымъ. Въ виду полной неудачи, постигшей правыхъ въ Кіевѣ, Замысловскій былъ отправленъ въ Ростовъ, гдѣ къ началу ноября онъ собиралъ монархическій сѣздъ, стараясь привлечь на него «представителей Добровольческой и Кубанской арміи». Тамъ долженъ былъ образоваться «единый фронтъ», имѣющій лозунгомъ «великую, единую и вѣдлвную Россію, на основѣ законопреемственной монархіи». Что касается ориентациі, «то этотъ вопросъ — по словамъ Замысловскаго²⁾ — при революціи, вспыхнувшей въ Германіи, должно

¹⁾ Графъ Гейденъ, Ненарокомовъ, Дуссанъ и друг.

²⁾ Изъ письма Замысловскаго къ генералу Лукомскому отъ 6 ноября.

признать утратившим свою остроту, ибо ориентироваться на государство, находящееся в состоянии революции, явно невозможно».

Киев в это время, осенью 1918 г., продолжает вбирать в себя всю соль российской буржуазии и интеллигенции. Сюда постепенно перекочевывали из Москвы и отдельные депутаты, и целые организации. Здесь происходили сложение и дифференциация сил, падение одних и зарождение других группировок, которые затем, перенеся свою деятельность на Юг России, играли известную роль в его судьбах.

«Совѣщаніе членовъ законодательныхъ палатъ», не разрывая окончательно съ германскими кругами, съ которыми велъ переговоры въ Берлинѣ посолъ Совѣщанія бар. Розенъ на тему объ «естественномъ союзѣ монархической Германіи и монархической Россіи противъ гегемоніи Англій», рѣшило командировать своего представителя и къ союзникамъ, съ «выраженіемъ восторга по поводу близкаго окончанія войны... безпримѣрными подвигами героическихъ народовъ», и за помощью, которая должна была выразиться: «1. въ быстрой реальной поддержкѣ Добровольческой Арміи, 2. въ занятіи обѣихъ столицъ хорошо дисциплинированными и дружественно къ Россіи настроенными войсками, 3. въ сохраненіи въ оккупированныхъ Германіей областяхъ ея гарнизоновъ до замѣны таковыхъ союзническими или имѣющими быть образованными русскими». Изъ письма виднаго участника совѣщанія бар. В. Меллеръ-Закомельскаго я узналъ неожиданно, что «Совѣщаніе никогда не видѣло путей спасенія Россіи внѣ тѣсной связи съ союзниками»¹⁾.

Совѣщаніе значительно увеличилось числомъ поступленіемъ новыхъ членовъ бѣженцевъ изъ советской Россіи — и сильно клошлось вправо. Среди крайнихъ элементовъ нарастало неудовольствіе по поводу присутствія въ составѣ «бюро» совѣщанія Милюкова, и шла сильная агитация за его устраненіе, не увѣнчавшаяся, однако, успѣхомъ: 3 октября въ собраніи членовъ законодательныхъ палатъ состоялось переизбраніе «бюро», составъ котораго остался прежнимъ, но пополненъ тремя членами изъ числа лидеровъ правыхъ²⁾.

По мысли Милюкова — война была окончена, вопросъ оріентации отпалъ и не было поэтому болѣе препятствій къ объединенію широкаго фронта русской общенности. На томъ же засѣданіи 3 октября было одобрено составленное Милюковымъ обращеніе къ русскому обществу, въ которомъ указывалось на необходимость «скорѣйшаго созданія авторитетнаго общероссійскаго представительства, которое могло бы встать на мѣсто советской власти». Главнѣйшими основами сведенія водно разрозненныхъ усилій возрожденія Россіи ставилось: 1. «признаніе за Россіей того территориальнаго состава и той независимости въ международныхъ отношеніяхъ, которые Россія имѣла до временной потери своей государственности»; 2. взаимное общеніе военныхъ организаций и мѣстныхъ правительствъ; «отказъ отъ преслѣдованія отдѣльными частями какихъ либо частныхъ или мѣстныхъ интересовъ» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, «отказъ вновь образуемаго цѣлаго отъ вмѣшательства въ мѣстные интересы и въ дѣятельность мѣстной власти, неоправдываемаго интересами объединенія...» Нормальнымъ государственнымъ строемъ для будущаго обращеніе считало — конституціонно-монархическій.

Этими теоретическими предпосылками, далекими отъ вождельній не только южныхъ и западныхъ лимитрофовъ, но и казачьихъ областей, собраніе заранѣе оградничало возможность широкаго въ территориальномъ смыслѣ объединенія.

Совѣтъ законодательныхъ палатъ приступилъ къ созданію «широкаго общеннаго фронта», который на дѣлѣ оказался весьма узкимъ, включивъ по преи-

¹⁾ Письмо бар. В. Меллеръ-Закомельскаго отъ 31 октября 1918 г. и приложенный къ нему «проектъ» телеграммы на имя російскаго посла въ Парижѣ Маклакова.

²⁾ Вл. Гурко, Безакъ, Крыжановскій.

муществу правое крыло русской общественности, сановную бюрократию, крупных аграриев и крупную буржуазию — элементы глубоко консервативные по своему прошлому, традициям и идеологии¹⁾. Для придания реального значения и силы новому органу объединения, Советъ рѣшилъ сдѣлать попытку подчинить своему политическому руководству Добровольческую Армію. Съ этой цѣлью въ Екатеринодаръ въ серединѣ октября были командированы г. г. Вл. Гурко и Шебеко. Въ запискѣ, врученной имъ отъ лица Советъ, мысль о значеніи объединеннаго органа (власти?) была выражена слѣдующимъ образомъ:

«Тотъ политическій органъ, состоящій въ тѣсномъ общеніи съ Добровольческой Арміей и притомъ могущій всесторонне, а потому правильно освѣтить предположенія и настроенія руководящихъ круговъ населенія страны и обладающій тѣмъ самымъ должнымъ авторитетомъ, явился бы не только мощнымъ сотрудникомъ Добровольческой Арміи въ дѣлѣ возсозданія единой государственной власти въ Россіи, но представлялъ бы и для другихъ культурныхъ государствъ тотъ голосъ страны, съ которыми бы они считались и сплататель въ котораго неминуемо бы допустили на мирный конгрессъ».

Я былъ въ то время на фронтѣ, руководя Ставропольскою операцией, и послы Советъ имѣли бесѣду съ ген. Лукомскимъ, который въ своемъ докладѣ настоятельно совѣтовалъ мнѣ «перестать» на создаваемое объединеніе, высказывая опасеніе, что иначе «мы можемъ остаться въ одиночествѣ». Не раздѣляя этихъ опасеній, я отвѣтилъ ему:

«Добровольческая Армія огню не можетъ стать орудіемъ политической партіи — особенно съ шаткой ориентацией. Строить «Южное объединеніе» и бросить его на ползучи, чтобы начать новую комбинацію, нельзя. То, что предлагаютъ они, было предложено Родзянко еще въ Мечеткѣ, стропиломъ ими въ Киевѣ, но неудачно. Противопологать сейчасъ эту комбинацію вѣтъ другимъ — не цѣлесообразно. Вооруженная сила никогда не «останется въ одиночествѣ». Ее всегда желаютъ! Во всякомъ случаѣ, до рѣшенія вопроса объ «Южномъ объединеніи» нельзя разрывать вопросъ о новой комбинаціи, которая можетъ только затруднить соглашенія».

Если же эта комбинація возникнетъ сама собой безъ нашего участія; если она дѣйствительно будетъ имѣть нравственный авторитетъ въ странѣ и поддержитъ идеи и цѣли, преслѣдуемыя Добровольческой Арміей, то тѣмъ лучше для всѣхъ насъ и наче всего для Россіи».

Въ то же время государственные и общественные дѣятели, собравшіеся къ тому времени въ Екатеринодарѣ²⁾, откликнулись на предложеніе образованія Государственнаго объединенія: «своей запиской, въ которой обусловили цѣлесообразность его тремя положеніями: 1. избрать мѣстомъ пребыванія организационный пунктъ, находящійся внѣ воздѣйствія германскихъ силъ; 2. признать Добровольческую Армію «Всероссійскимъ государственнымъ центромъ»; 3. повести борьбу съ самостоятельностью Украины. Въ вопросѣ о «расширеніи фронта» организационныя мнѣнія раздѣлились меньшинство³⁾ высказало пожеланіе привлечь къ нему демократическіе круги и тѣ социалистическіе, которые группируются вокругъ «Союза Возрожденія Россіи» и «Земско-городского объединенія», тогда какъ остальные участники совѣщанія считали привлеченіе этихъ группъ «неосуществимымъ и нецѣлесообразнымъ, ввиду того глубокаго различія во взглядахъ между ними и тѣми слоями населенія, изъ представителей коихъ образуется предположенный совѣтъ»; возможно — говорили они — привлеченіе лишь тѣхъ демократическихъ круговъ, которые «отстаиваютъ современный социальный строй всѣхъ культурныхъ странъ и отвергаютъ принципъ борьбы классовъ... Соглашеніе съ организациями социалисти-

¹⁾ Въ составѣ Государственнаго объединенія были представители: 1) бюро совѣщаній законодательныхъ палатъ; 2) церковнаго собора; 3) группы сенаторовъ; 4) группы земскихъ и городскихъ дѣятелей до-революціоннаго состава; 5) группы торгово-промышленниковъ; 6) финансово-банковская группа; и 7) совѣтъ земельныхъ собственниковъ.

²⁾ Н. И. Астровъ, М. М. Вянаверъ, Н. Н. Львовъ, А. Н. Нератовъ, В. А. Степановъ, С. Д. Сазоновъ и В. В. Шульгинъ.

³⁾ Первые два участника.

ческих партий быть может и возможно и даже желательно, но исключительно лишь в дѣлѣ общей борьбы съ большевизмомъ»¹⁾.

Къ концу октября образовался окончательно въ Кіевѣ «Советъ государственнаго объединенія», во главѣ котораго сталъ бар. В. Меллеръ-Закомельскій; товарищами его были намѣчены А. В. Кривошеинъ, П. Н. Миллюковъ и С. Н. Третьяковъ. Сообщая мнѣ 31 октября о созданіи и задачахъ новой организаціи, предсѣдатель ея писалъ:

«Приступая нынѣ къ своей работѣ, Советъ государственнаго объединенія Россіи поручилъ мнѣ сообщить В. Прев—ству, что онъ предоставляетъ все силы, знанія и опытъ объединившихся въ немъ лицъ въ распоряженіе Добровольческой Арміи и будетъ всемирно счастливъ, если онъ хоть въ небольшой долѣ сможетъ облегчить Арміи ея великій ратный подвигъ и ея славное служеніе нашему общему дѣлу воссозданія великой, единой и недѣлимой Россіи...»

Я отвѣтилъ благодарностью и пожеланіемъ успѣха и сообщилъ, что «не пріиняю использовать живыя силы и государственный опытъ» членовъ Совета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказалъ пожеланіе, чтобы «кругъ политическихъ и общественныхъ группъ, обществъ и учреждений, примкнувшихъ къ Совету, былъ расширенъ, дабы Добровольческая Армія могла опираться на возможно широкій, безпартийный блокъ всехъ государственно-мыслящихъ слоевъ русской общественности»²⁾.

Въ отношеніи гетмана Советъ Г. О. сохранилъ полную лояльность, дѣлая съ нимъ въ частомъ общеніи и старался также вліять на направле политички, но безуспѣшно.

Наряду съ «Совет. чл. закон. палатъ» и «Гос. об.», являвшимися прямыми наследниками покойнаго «Правого центра», проявлять оживленную дѣятельность «Кіевскій національный центръ», по идеологии и задачамъ представлявшій какъ бы областной отдѣлъ центра Московскаго или «Всероссійскаго». Къ концу октября въ Кіевъ изъ Москвы прибыла группа московской организаціи — М. М. Федоровъ, проф. Повгородцевъ, Волковъ, Салазкинъ и друг. и, такимъ образомъ, установилось непосредственное общеніе между обоими центрами.

«Н. Ц.» опредѣлилъ свое лицо, какъ «общественно-политической организаціи, въ составъ которой входятъ представители всехъ несоціалистическихъ политическихъ партий, кромѣ крайнихъ правыхъ, всехъ общественныхъ группъ и проч., при условіи признанія ими необходимости восстановленія единой и недѣлимой Россіи, борьбы съ большевизмомъ, антишвейцарской ориентаціи и вѣрности союзникамъ»³⁾. Сохраняя московскія традиціи, кіевскій Н. Ц. находился въ «полномъ контактѣ» съ Союзомъ Возрожденія, перенесшимъ также центръ своей дѣятельности въ Кіевъ, и признавалъ «непримлемымъ общеніе съ Совѣщаніемъ зак. палатъ, такъ какъ эта организація скомпрометировала себя соглашеніями съ нѣмцами». Такимъ образомъ, официально грань между двумя основными буржуазными группировками проходила какъ будто неслучайно по «водораздѣлу» между Шпре и Сеной, тогда какъ фактически уже и въ то время ясно опрадѣлилось ихъ крупное политическое расхожденіе, запутываемое еще больше такими видными несообразностями, какъ вхожденіе въ «Совѣщаніе» — Миллюкова и содруженіе съ «Центромъ» — Шульгина. Только въ екатеринодарскій періодъ, послѣ нѣкоторой дифференціаціи, эти два общественныхъ теченія проявлять окончательно настоящее свое содержаніе, одно — консервативное, другое — либеральное.

¹⁾ Позиція «Нац. Центра».

²⁾ Письмо отъ 26 ноября, № 534.

³⁾ Изъ кіевскихъ организацій къ Нац. Центру примкнули: группа В. Шульгина (самъ Шульгинъ находился съ осенью 1918 г. въ Екатеринодарѣ). Въпартийный блокъ русскихъ избирателей, Клубъ русскихъ націоналистовъ, Общество «Русь», оппозиціонное крыло вадеть съ Ефимовскимъ и Левитскимъ и друг.

Кіевскій П. Ц. ставилъ ближайшими своими задачами: 1) борьбу съ украинскою самостійностью, 2) поддержку Добровольческой Арміи, какъ организующаго противобольшевническаго россійскаго центра, и 3) освѣдмленіе союзниковъ «объ истинномъ положеніи дѣлъ на Украинѣ». Въ своемъ обращеніи къ державамъ Согласія и руководителямъ Добровольческой Арміи¹⁾, центръ развивалъ эти идеи: Украинскаго государства никогда не было: «украинцы» — не нація, а политическая партія, врожденная Австро-Германіи; огромное большинство населенія Малороссіи считаетъ себя русскимъ народомъ... и свято неизмѣнно хранитъ вѣрность союзникамъ растерзанной Россіи; и Центральная Рада, и гетманское правительство совершенно оторваны отъ страны...» Въ заключеніи Центръ умолялъ союзниковъ и Добр. Армію «спасти Малороссію отъ ига и тираніи германской оккупации», занявъ ее «одновременно съ уходомъ нѣмецкихъ и австрійскихъ войскъ Добр. Арміей и союзническими войсками... для спасенія края отъ украинско-большевнической анархіи и рѣзни...»

Исходя изъ тѣхъ же взглядовъ, П. Ц. велъ борьбу противъ созыва гетманомъ «Державнаго сейма», считая это «покушеніемъ на верховныя права русскаго народа», такъ какъ только «единая Россія въ цѣломъ можетъ рѣшить судьбу и опредѣлить объемъ правъ и обязанностей всѣхъ частей ея». Одновременно образована была смѣшанная комиссія изъ состава Московскаго («Всероссійскаго») и Кіевскаго центровъ, съ участіемъ представителей отъ Сов. гос. об., подъ предѣтельствомъ проф. Новгородцева, для составленія проекта областной автономіи.

Къ гетману и украинскому правительству К. Н. Ц. относился съ величайшей враждебностью. Когда въ началѣ октября въ Кіевѣ распространились ложные слухи, что и веду переговоры о соглашеніи съ Украиной, это въпрямую поставлено на совѣщаніи Центра, которое единогласно постановило: «съ измѣнникомъ Скоропадскимъ и съ возглавляемой имъ Украиной никакіе переговоры и соглашенія недопустимы; слухи и извѣстія о какихъ-то переговорахъ Добр. Арміи со Скоропадіей повергаютъ дѣятелей П. Ц. въ удивленіе и скорбь, ибо, если Добр. Армія признаетъ Скоропадскаго и Украину, то это поведетъ къ общему и окончательному признанію ихъ и утвержденію. П. Ц. въ Кіевѣ рѣшилъ сосредоточить свои усилія исключительно на борьбѣ съ украинскою самостійностью»²⁾.

Такое же отношеніе было, конечно, къ Укр. нац. союзу. Назрѣвающая опасность переворота, подготавлиаемаго этимъ союзомъ во главѣ съ Винниченко и Петлюрой, была очевидна. П. Ц. въ рядѣ своихъ засѣданій, обещая мѣры противоѣдствія, призналъ откровенно свое безсиліе и выдѣлялъ выходъ только въ прибытіи на Украину войскъ Добр. Арміи. Въ этомъ смыслѣ я получалъ оттуда постоинныя представленія. Также освѣщали вопросъ и сотрудники «Азбуки», и самъ Шульгинъ, который главную причину безпомощности Центра выдѣлялъ въ отсутствіи въ Кіевѣ лица, «способнаго частно и авторитетно руководить военными организаціями...» «Можетъ быть, — говорилъ онъ, — вооруженная сила и нашлась бы, если бы нашелся энергичный генералъ, снабженный отъ Добр. Арміи полной властью дѣйствовать по своему усмотрѣнію, въ зависимости отъ обстоятельствъ, и приказывать именемъ Добр. Арміи, обаяніе которой сейчасъ очень велико...» Шульгинъ считалъ негласнаго представителя нашего въ Кіевѣ ген. Ломовскаго³⁾ не подходящимъ для этой роли и настаивалъ на назначеніи новаго лица, которое черезъ П. Ц. «въ кратчайшій срокъ подчинитъ себѣ все, тяготящее къ Добр. Арміи» («Особый корпусъ», «дружинны и т. п.). То же рекомендовалось въ отношеніи Крыма⁴⁾.

¹⁾ Резолюція «Центра» отъ 17 (30) октября 1918 г.

²⁾ Вообще связь Кіева съ Екатеринодаромъ была затруднительна, чѣмъ объясняются частыя недоразумѣнія и несогласованность дѣйствій и въ военныхъ, и въ общественныхъ организаціяхъ.

³⁾ Ген. Ломовскій былъ въ началѣ войны ген.-кварти. въ 8 арміи ген. Брусилова, потомъ доблестно командовалъ 15 див. 8 корпуса и 10 арміей.

⁴⁾ Письмо отъ 23 октября генералу Драгомирову.

Подобных обращений ко мне, и помимо этих организаций, было не мало — со стороны общественных деятелей и просто обывателей, в глазах которых Украина Винниченки отличалась мало от Украины советской. Меня настойчиво втягивали в украинский водоворот, тогда как я считал, что задача эта для Добр. Армии совершенно непосильна. В том необыкновенно сложном военно-политическом положении, в котором находилась Украина, одного престижа Д. А. было на мой взгляд совершенно недостаточно. Необходима была крупная вооруженная сила, которая могла бы поддержать или свергнуть гетманскую власть, раздѣлаться съ движением, поднятым У. Н. С., и, главное, прикрыть сѣверные рубежи Украины от готовящагося вторжения «Повстанческой» красной арміи Антонова-Овсеенко. Это могъ бы сдѣлать народный подъем, но его не было. Это могли выполнить легко союзники, но они не приходили. Что касается Добровольческой Арміи, то къ концу октября все рѣшительно въ силы — 30—40 тые. — были собраны на поляхъ Ставрополя, гдѣ въ жестокихъ бояхъ рѣшались судьбы кампаніи и самой Арміи...).

Посылать на Украину было некого.

Наконецъ, въ Кіевѣ проявляла оживленную дѣятельность третья крупная организация «Союзъ возрожденія Россіи», стоявшій какъ-то въ сторонѣ отъ другихъ. Союзъ находился въ «контактѣ» съ Н. Ц. и въ плохомъ мирѣ съ партіями с. р. и с. д. м., не прощавшими ему сотрудничества съ буржуазными организациями; поддерживалъ Д. А. «по стольку» — но стольку и рѣзко враздѣло относился къ украинской самостоятельности, къ гетману и къ У. Н. С. Но методы дѣйствій Союза въ отношеніи послѣднихъ институцій были намѣчены болѣе рѣшительные. Освѣдомители Н. Ц. и «Азбуки», невзирая на «контактъ» съ Союзомъ, не знали ничего о конспиративной дѣятельности его и только однажды въ очередномъ докладѣ промелькнули свѣдѣнія, что «въ случаѣ ухода въѣмцевъ и попыткѣ украинцевъ усилиться (?), С. В. намѣренъ вклиниться и захватить власть по соглашенію съ Н. Ц.» Это намѣреніе звучало чрезвычайно странно, какъ въ силу «безкровно-мирнаго» настроенія руководителей С.В.Р., такъ и ввиду отсутствія тѣхъ активныхъ силъ, на которыя могъ бы опереться Союзъ. Только впоследствии мы узнали отъ одного изъ руководителей ²⁾, что «группа радикальнаго офицерства въ Кіевѣ, опираясь на политическую поддержку лѣвыхъ организаций, рѣшила устроить переворотъ. Цѣлью его было сверженіе Скоропадскаго и передача власти кругамъ, группирующимся около Союза Возр., которые должны были координировать свою дѣятельность съ Уфимской директоріей...»

Тогдашній Кіевъ и Уфимская директорія! Нужно было обладать большой долей фантазій, чтобы стропить такія комбинаціи. Но С.В.Р. относился серьезно къ своей затѣѣ — настолько, что былъ даже намѣченъ составъ новаго правительства во главѣ съ Однимъ.

Станкевичъ, Одинецъ и другія лица вели какую-то тайную организацію офицерскихъ дружинъ, вѣрнее, матеріально поддерживали возникшія самостоятельно, на что тратились суммы изъ французской субсидіи. «Во мракѣ подполья и заговора — говоритъ Станкевичъ — политическіе контуры настолько терялись, что иногда послѣ долгаго разговора съ какимъ либо делегатомъ я вдругъ убѣждаюсь, что передо мной стоитъ не мой единомышленникъ, а лѣвый с. р. или даже большевикъ... Эти связующія нити Станкевичъ могъ бы легко обнаружить и въ другомъ направленіи — ведущія къ дружинѣ ген. Кирпичова ³⁾, полк. Винберга и даже къ союзу «Наша Родина». Ибо «радикальнаго офицерства» въ природѣ

¹⁾ Какъ извѣстно, только 7 ноября 1918 г. наступилъ полный переломъ въ нашу пользу, и только въ началѣ февраля окончилась Сѣверо-Кавказская операція.

²⁾ В. В. Станкевичъ. «Воспоминанія».

³⁾ См. ниже.

не оказалось: были лишь отдельные офицеры — радикалы, социалисты, даже большевики, были также люди, которым безразлично от кого получать деньги. В конце концов, вся военная мощь Союза покоилась в большинстве случаев на тех самых офицерских дружинах, которых гетманское правительство предназначало для защиты Украины от большевиков, Нац. Центр — для противодействия самостоятельной Украинѣ Винниченки — Петлюры, и Союз Возр. — для свержения гетманской власти.

Когда настало время действовать, у Союза Возр. не оказалось никаких сил.

19 септ., обсудивъ внѣшнее и внутреннее положеніе страны, украинскій советъ министровъ призналъ, что «внезапно возникшія международныя событія угрожаютъ независимости, самостоятельности и самому существованію Украинской державы». И потому постановилъ «немедленно приступить къ формированію украинской національной гвардіи».

Формированіе вооруженной силы, на что получено было гетманомъ разрѣшеніе германскаго правительства еще въ бытность его въ Берлинѣ, представляло, однако, непреодолимыя трудности. Всеобщій наборъ, на которомъ наставлялъ воен. министръ Рагоза, не обѣщала никакого усилія и, по мнѣнію гетманскихъ круговъ, могъ дать ярко большевизскій составъ. Формированіе классовой арміи — «вольнаго казачества» изъ добровольцевъ — хлѣборобовъ имѣло уже плачевный опытъ, въ видѣ почти разбѣжавшейся сердюцкой дивизіи. Составляемый въ генералы, штабѣ проектъ формированія національной гвардіи при ефечевой дивизіи, съ ея инструкторами, готовилъ явно вооруженную силу не для гетмана, а для У.Н.Ц. и Петлюры... Вообще всѣ формированія на національномъ принципѣ встрѣчали рѣзкій, бурный протестъ въ русскіемъ офицерствѣ, которое отнюдь не желало драться ни за гетмана, ни за самостоятельную Украину.

Ввиду такихъ настроеній, въ началѣ октября гетманъ отдалъ приказъ о формированіи «Особаго корпуса», подчиненнаго непосредственно ему, минуя правительство. Корпусъ этотъ предназначался «для борьбы съ анархіей въ пограничной полосѣ»; во внутренней своей жизни онъ долженъ былъ руководствоваться «положеніемъ бывшей русской арміи, существовавшимъ съ 1-го марта 1917 г.»; чинамъ корпуса присвоена была «форма бывшей русской арміи». Одновременно объявлена была регистрація всѣхъ офицеровъ и предупрежденіе о предстоящей мобилизаціи офицеровъ и сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ (до 35-лѣтняго возраста) по ихъ желанію въ украинскія войска или въ «Русскій корпусъ».

Первая комбинація — въ глазахъ офицерства — приводила къ утверженію украинской самостоятельности внутри страны; вторая — къ немедленному выходу на фронтъ для защиты ея же отъ внѣшнихъ посягательствъ. И офицерство не пошло никуда. Идеино — по убѣжденію, безпринципно — по шкурничеству. Въ той и въ другой средѣ начался сильный отливъ изъ Украины — однихъ въ районы русскихъ добровольческихъ армій, другихъ — въ тѣ края, гдѣ еще не было принудительной мобилизаціи, гдѣ можно было жить покойно, служить въ ресторанахъ, зарабатывать «на лоту» и спекулировать.

Ввиду молчаливаго провала правительственной организаціи и неудавшейся мобилизаціи, пришлось прибѣгнуть къ частной. По инициативѣ «Протофиса», «хлѣборобовъ» и Кіевской городской думы, при дѣятельномъ участіи проф. Шленко, гр. Гейдена и Дьякова, министръ внут. дѣлъ принялъ отвергнутое имъ ранѣе предложеніе — вступить въ соглашеніе съ существовавшими въ Кіевѣ офицерскими обществами самопомощи и дать имъ средства и полномочія для формированія «дружинъ»; эти части предназначались прежде всего для охраны спокойствія и порядка въ столицѣ. Такъ возникли дружины полк. Святотолкъ-Мирскаго, ген. Карпичова, Рубанова, Голембевскаго и др. — частью чисто офицерскія, частью смѣшаннаго типа, съ добровольцами — преимущественно изъ учащейся массы

жи, которая вообще откликнулась на призыв по разному: одни пошли в офицерские дружины, другие искали «больше демократических формирований», третьи — и их было не мало — заявили, что предпочитают советскую власть украинскому самостоятельности, и выжидали развития событий.

Численность офицерских дружин была незначительна, вряд ли превосходила 3—4 тыс.; организация далеко несовершенна: разбухшие штабы, неизбежные коварства-разведки и «отряды особого назначения» доминировали над «штыками». Расплодилось также многочисленное «вербовочное бюро» с громадными штатами, обширными реквизированными помещениями и автомобилями. Каждое из них формировало не менее, чем «армию», и имело в наличности 100—150 бойцов.

Кроме этих организаций в Киев существовало еще офицерское общество «Свист»¹⁾, стоявшее всецело на платформе Добр. Армии и взявшее на себя на условиях вольного найма охрану арсенала, артиллерийских и интендантских складов и полигонов.

Министерства военное и внутренних дел конкурировали друг с другом, организуя вооруженные силы, и оба не были твердо утверждены, к какой сторону повернуты будут их штыки.

ГЛАВА XXI.

Украина: последние дни гетманства.

1 ноября я был поражен представленной мне лентой телеграфного разговора: ген. Ломовский из Киева передавал начальнику моего штаба, ген. Романовскому:

«В местных газетах объявлен ваш приказ о подчинении всех войск на территории России генералу Деникину и мобилизации всех офицеров²⁾. Сейчас я был приглашен к гетману, который просил передать: сегодня командиры дружин и местных полков являлись ему и доложили о своем переходе в подчинение вам. В виду сложного и тревожного положения в Киев, осуществление этого может вызвать неурядицы. Необходимо выждать несколько дней до прихода сюда войск Согласия. Теперь здесь идут формирования дружин, и отлив офицеров может повредить делу. Мы находимся в области слухов, мало ориентированы».

Ген. Романовский: «Приказа такого главнокомандующий не издавал. Был приказ о мобилизации офицеров только на территории, занятой Добровольческой Армией. Само собой разумеется, что войска на этой территории подчиняются главнокомандующему. Таким образом, приказ, появившийся в киевских газетах, результат какого-то недоразумения».

И до сих пор не знаю автора этого приказа.

Через два дня получена была телеграмма укр. мин. ин. д-ла Афанасьева по тому же поводу, в которой он просил «разъяснить подлинный смысл («моего») приказа с сохранением авторитета власти гетмана... во избежание разрушения дисциплины в Украинской армии».

Положение мое было весьма затруднительным. Нарождающаяся киевская вооруженная сила решительно отказывалась идти под знаменем гетмана самостоятельной Украины. Для поддержания патристического подьема офицерства и сохранения края от вторжения большевиков до ожидаемого прихода союзников,

¹⁾ «Союз взаимопомощи интеллигентных воинов».

²⁾ В «России» была перепечатана выдержка из этого приказа из «Голоса Киева» (31 октября) в такой редакции: «Сего числа я вступил в командование всеми военными силами... Все офицеры, находящиеся на территории бывшей (?) России, объявляются мобилизованными». В том месте, где многоточие, по докладу «Азбуки», цензура выпустила фразу: «на Украину и в Крым».

я рѣшилъ дать кievскимъ формированiямъ флагъ Добровольческой Арміи. Поэтому я отвѣтилъ Афанасьеву: «Приказа въ редакціи, появившейся въ кievскихъ газетахъ, я не отдавалъ. Генерату Ломповскому — представителю Д. А. въ Кіевѣ — приказано объединить управленіе вѣщи русскими добровольческими отрядами Украины, причѣмъ ему вмѣняется въ обязанность всевѣрно согласовать свои дѣйствія съ интересами края, направляя всѣ силы къ борьбѣ съ большевиками и не вмѣшавшаяся во внутреннія дѣла края...»¹⁾).

«Приказъ главнокомандующаго — сообщала «Азбука» — произвелъ потрясающее впечатленіе. Все моментально, какъ по щучьему велѣнію, словно картина въ кинематографѣ, перевернулось. Тысячи людей сразу осмѣлѣли. Съ другихъ тысячъ людей сразу отлетала украинская одурь, и они вновь почувствовали себя русскими людьми... За всѣмъ этимъ — за приказомъ вырисовывалась вся мощь поддержки союзниковъ и весь колоссальный престижъ ихъ... Всѣ помыслы огромнаго большинства Малороссiи устремились на встрѣчу союзникамъ и Добр. Арміи.

Если въ нарисованной картинѣ краски и гущены, то нельзя отрицать, что весь этотъ эпизодъ далъ нѣкоторую опору и увѣренность русскимъ національнымъ элементамъ въ Кіевѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ послужилъ одною изъ причинъ дальнѣйшихъ серьезныхъ политическихъ событiй.

29 октября Германія приняла тяжкія условiя перемирія, продиктованныя побѣдителями, признавъ свое полное пораженіе.

26 октября французскій посланникъ въ Яссахъ гр. Сентъ-Олеръ высказалъ Коростовцу желаніе, чтобы гетманъ «чѣмъ нибудь проявилъ перемиіу германофильской политикѣ и согласіе (свое) поддержать работу союзниковъ во восстановленію порядка въ Россіи».

1 ноября кievскіе военные начальники заявили гетману, что войска ихъ выходятъ изъ его подчиненія, являясь поборниками обще-русскихъ интересовъ.

Эти событiя произвели окончательный переворотъ въ гетманской политикѣ, результатомъ котораго была «грамота ко всѣмъ украинскимъ гражданамъ и казакамъ», опубликованная 2 ноября. Въ ней говорилось:

«... Поесть пережитыхъ Россіей великихъ потрясеній, условiя ея будущаго бытiя должны несомнѣнно измѣниться. На нѣкихъ началахъ, на началахъ федеративныхъ должно быть возсоздано прежнее величіе и сила Всероссийской державы, и въ этой федерации Украинѣ надлежитъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ.

На этихъ началахъ, которыя — я вѣрю — раздѣляютъ и союзники Россіи — державы Согласія, которымъ и не могутъ не сочувствовать всѣ безъ исключенія остальные народы не только Европы, но и всего міра, должна быть построена будущая политика нашей Украины. Ей первой надлежитъ выступить въ дѣлѣ созданія всероссийской федерации, конечной цѣлью которой явится какъ восстановленіе Великой Россіи, такъ и обезпеченіе экономическаго и культурнаго преуспеванія всего украинскаго народа на прочныхъ основахъ національно-государственной самобытности.

... Вновь сформированному мною кабинету²⁾ я поручаю ближайшее выполненіе этой великой, исторической задачи».

Объ этихъ событiяхъ гетманъ бесѣдовалъ на другой день послѣ опубликованія «грамоты» съ В. Маркозовымъ, явившимся за боевыми припасами для Добр. Арміи.

«Въ грамотѣ я ясно высказалъ то, что давно хотѣлъ (высказать), но не могъ раньше — говорилъ гетманъ. — Вы знаете, что ови — «щирше» — хотѣли меня на дышъ арестовать, но я имъ сказалъ, что этого не стоить дѣлать, такъ какъ безпорядки отъ этого еще больше усугубятся; ови и оставили эту мысль. Вообще теперь очень тяжело. Я, собственно, не хотѣлъ еще перемѣны кабинета — хо-

¹⁾ Телеграмма 4 ноября 1918 г., № 446.

²⁾ Министерство Гербеля изъ лицъ россійской оріентаціи или воспринявшихъ такую» (Кистяковский).

тѣль дожидаться отвѣта отъ вел. кн. Николая Николаевича, но отвѣтъ задержался. А обстоятельства требовали на что-нибудь сейчасъ рѣшиться. Я ему писалъ¹⁾, что прошу и предлагаю принять верховное командование всѣми войсками бывшей Россіи и управление. И въ его лицѣ объединить всѣхъ насъ — генераловъ, а то мы только ссоримся. Когда онъ сдѣлается не только Верховнымъ главнокомандующимъ, но и Правителемъ, тогда я съ радостью немедленно передамъ бы ему всю власть. Къ полученію отвѣта хотѣлось приурочить и новый кабинетъ»²⁾.

Въ томъ же разговорѣ гетманъ съ горечью коснулся вопроса по поводу нежелания моего «съ нимъ сообщаться»... Я рѣшительно не могу, не могу и теперь стать на ту упрямую точку зрѣнія, которая разительную противоположность идеологій, стимуловъ и лозунговъ движенія претворяетъ въ «соры генераловъ». Гетманъ не желалъ понять, что между идеологіей «Единой, Великой и Недѣлимой Россіи» и той, которую до послѣднихъ дней исповѣдывалъ гласно онъ — гетманъ: «во всѣхъ взаимоотношеніяхъ, какъ съ нашими ближайшими сосѣдями, такъ и со всѣми другими мировыми государствами, мы стоимъ и будемъ стоять непоколебимо на почвѣ самостоятельной и независимой Украинской державы...»³⁾. Что между этими идеологіями лежитъ непреходимая пропасть, черезъ которую не переминуть мостика слухами, будто это лишь политическая игра, обманъ, средство, чтобы сквозъ узкую щель украинскаго шовинизма пролѣзть легче въ широкія ворота свободной россійской государственности.

До конца сентября гетманъ не дѣлалъ никакихъ шаговъ для сближенія. Только съ измѣненіемъ положенія центральныхъ державъ, 9 и 11 октября в. ст. гетманъ при посредствѣ своего адъютанта гр. Олсуфьева устроилъ встрѣчу съ представителемъ кievскаго Добровольческаго центра, полк. Неймиромъ⁴⁾, причемъ увѣрялъ послѣдняго въ своей русской ориентации, въ необходимости личной самостоятельности, какъ «единственной оппозиціи большевизму», и въ расположеніи своемъ къ Добр. Арміи. Неймирокъ не получилъ никакихъ указаній отъ моего штаба и велѣлъ бесѣду отъ себя лично. Въ началѣ октября въ Екатеринодаръ пріѣхалъ Шидловскій⁵⁾ и отъ имени гетмана предложилъ помощь оружіемъ и снаряженіемъ на условіяхъ отказа моего отъ союзнической ориентации и признанія «нейтралитета» въ отношеніи Германіи. Наконецъ, 21 октября, послѣ свиданія своего съ гетманомъ на станціи Скороходово, атаманъ Красновъ писалъ ген. Лукомокому, что гетманъ «предлагаетъ на этихъ дняхъ обратиться къ Добр. Арміи, Дону и Кубани, если возможно — къ Тереку, Грузіи и Крыму — выслать депутатовъ на общій съѣздъ. Цѣль... выработка общаго плана борьбы съ большевиками и большевизмомъ въ Россіи».

Всѣ эти попытки гетмана самостоятельной и враждебной въ отношеніи Россіи Украины я считалъ безцѣльными. Но когда мин. ин. дѣлъ новаго украинскаго правительства Афанасьевъ въ телеграммѣ ко мнѣ (3 ноября) заявилъ, что «Украинскія силы въ согласіи съ Дономъ и параллельно съ Д. А. направляются на борьбу съ большевиками и на возстановленіе единства Россіи», я отвѣтилъ тотчасъ же: «Разъ Украина стала на путь русской государственности, представляется необходимымъ войти въ соглашеніе по вопросамъ единого фронта, единого командованія — для борьбы съ большевиками и единого россійскаго представительства на международномъ конгрессѣ»⁶⁾.

Въ серединѣ ноября отъ донскаго правительствна получена была вторая телеграмма Афанасьева, повторяющая предложеніе гетмана о съѣздѣ въ Кіевѣ, причемъ цѣлью съѣзда ставилось: «установленіе общаго плана борьбы съ больше-

¹⁾ Или послалъ сказать — Маркозовъ точно не поминить.

²⁾ Изъ письма В. Маркозова ген. Драгомирову отъ 18 ноября в. ст.

³⁾ Изъ рѣчи, сказанной министрамъ 23 октября, т. е. за недѣлю до «грамоты» о федерации съ Россіей.

⁴⁾ См. т. III, гл. V.

⁵⁾ Бывш. членъ Госуд. Совѣта, харьковскій губерніальный староста.

⁶⁾ Телеграмма 4 ноября 1919 г., № 446.

визомъ... разрѣшеніе вопросовъ, касающихся... отношеній къ нейтральнымъ странамъ, къ державамъ Согласія, къ Германіи и бывшимъ ей союзникамъ и установленіе прочной государственной власти въ Россіи». Ген. Драгомировъ послалъ отвѣтъ о нашемъ согласіи участвовать въ съѣздѣ, по съ указаніемъ 1. что ввиду военной обстановки (къ Кіеву подступалъ Петлюра), какъ мѣсто съѣзда предпочтительнѣе Екатеринодаръ или Симферополь; 2. что Д. А. не имѣетъ никакихъ основаній пересматривать свои отношенія къ союзникамъ; и 3. что участіе грузинскаго правительства, враждебнаго къ Россіи и къ Добр. Арміи, недопустимо.

Эта телеграмма въ Кіевѣ не была еще очевидно получена, когда Афанасьевъ разослалъ третью — съ указаніемъ срока съѣзда на 5 декабря.

На этомъ нашъ сношенія пресѣлись, такъ какъ одновременно радио привнесло извѣстіе, что гетманъ отрекся отъ власти, и бѣлый Кіевъ агонизировать.

Последніе акты гетмана, знаменующіе полный разрывъ съ У.Н.С.¹⁾, имѣли весьма важныя послѣдствія.

2 ноября въ Кіевѣ по городу было расклеено воззваніе, призывавшее «гражданъ до зброи и до порядку» и объявлявшее о сверженіи гетмана, который «останнімъ зрадническимъ актомъ скасував самостійность Украинської Держави». Отъ имени «организованной украинской демократіи, видъ всего активнаго народнаго гражданства, яке обрало насъ» — было оповѣщено о переходѣ власти въ руки «Директоріи Самостійной Украинской Народной Республіки» съ «головою» Вишниценко и членами Петлюрой, Швецомъ и Андреевскимъ. Въ воззваніи предлагалось гетману и его министрамъ уйти «негаймо, без пролитія крови», а офицерскимъ организаціямъ сдать оружіе и выѣхать «куда хто охоча». Въ воззваніи выражена была также увѣренность, что «солдаты германскаго вызволеннаго народу поставятся до боротьбы пригнѣченнаго украинскаго народу».

Директорія переѣхала тайно изъ Кіева въ Бѣлую Церковь, гдѣ находились галиційскія сѣчевые части, собранныя тамъ для борьбы съ Польшей. Петлюра, посаженный въ свое время въ тюрьму Кіятковскимъ и выпущенный незадолго передъ тѣмъ «національнымъ» правительствомъ, принялъ званіе «головного отамана»; на лѣвобережной Украинѣ «главнокомандующимъ» войсками директоріи сталъ Болбочанъ. Въ ночь на 5 ноября полкъ Болбочана арестовалъ въ Харьковѣ штабъ Украинскаго корпуса, обезоружилъ офицерскія дружины и при полномъ попустительствѣ нѣмецкихъ войскъ объявилъ тамъ власть Директоріи.

Силы возставшихъ были не велики: два полка сѣчевыхъ стрѣльцовъ, остатки дивизіи сѣрожупанниковъ (б. нашихъ пѣхотныхъ) и гайдамацкихъ кошей, нѣкоторыя измѣнившія части гетманскихъ войскъ (б. дивиз. Натіева), формируемыя враскоря крестьянскія банды — всего вначалѣ не болѣе четырехъ — пяти тысячъ. Не ожидая накопленія и сосредоточенія своихъ силъ, съ имѣющимися подъ рукою отрядами, Болбочанъ изъ Харькова двинулся на Полтаву, которую и занялъ 14-го, а Петлюра изъ Бѣлой Церкви черезъ Фастовъ — къ столыову Кіеву.

Навстрѣчу ему двинуты были изъ Кіева нѣсколько ротъ дружины Святопольк-Мирскаго и сердюцкой дивизіи, которая между станицъ Мотовиловой и Васильковъ были разбиты и отошли къ Жулянамъ, въ 10 верстахъ отъ Кіева. Здѣсь, получивъ подкрѣпленіе изъ состава другихъ дружинъ, они заняли оборонительную позицію. Петлюровскія войска, продвинувшись къ Боярѣ, также приостановились, очевидно ввиду недоразумѣній съ германскими войсками: захватъ Фастовскаго узла прекратилъ совершенно эвакуацію нѣмецкихъ эшелоновъ, и въ тылу у петлюровцевъ на этой почвѣ начались вооруженныя столкновенія съ пѣтцами.

¹⁾ Впрочемъ, по свѣдѣніямъ Кіевского Нац. Центра, гетманъ не бросалъ попытокъ примиренія съ У. Н. С. до самаго своего паденія.

Противники стояли другъ противъ друга — оба съ ничтожными силами, и оба неуверенные въ своемъ успѣхѣ.

Германское правительство явно покровительствовало директоріи, хотя и объявило официально о своемъ нейтралитетѣ. «Мы сохраняемъ нейтральное положеніе — говоритъ приказъ нѣм. главнокомандующаго отъ 3 ноября — по отношенію къ внутреннимъ политическимъ событіямъ на Украинѣ; однако, спокойствіе и порядокъ въ странѣ неизбежно должны быть нами поддерживаемы силою оружія, дабы не было препятствія къ вывозу нашихъ войскъ. Надлежитъ особенно твердо сохранять за собой обладаніе путями сообщенія». Въ этомъ духѣ кievская гл. квартира старалась повліять на солдатскіе совѣты, чтобы побудить войска къ оказанію сопротивленія. 14 ноября ей удалось двинуть противъ петлюровцевъ изъ состава кievскаго гарнизона 3 батальона съ артиллеріей къ Фастову. Нѣмцы легко опрокинули передовыя части петлюровцевъ у С. Бѣлгородки, но вслѣдъ за симъ на другой день представители штаба и солдатскаго совѣта заключили съ ними перемиріе. По договору, подписанному 19 ноября, петлюровцы представляли безпрепятственно пользовавіе жел. дорогами нѣмцамъ и, кромѣ того, обязались: «Войска Директоріи, впредь до прибытія представителей Антанты на Украину и впредь до заявленія объ отказѣ отъ этого соглашенія, прекращаютъ всякія оперативныя дѣйствія въ мѣстностяхъ, еще не занятыхъ ими ко времени вступленія въ силу настоящаго договора, главнымъ образомъ приостанавливаютъ дальнѣйшее продвигеніе къ Києву».

Это постановленіе было обосновано отчасти и на рѣшительныхъ требованіяхъ Энно, вновь назначеннаго въ Кіевъ французскаго консула «съ особыми полномочіями». Энно изъ Яссъ прибылъ въ Одессу и оттуда, начиная съ 7 ноября обращаясь къ Кіевскому германскому штабу и гетманскому правительству съ рядомъ телеграммъ отъ имени Согласія¹⁾. Въ нихъ сообщалось во всеобщее свѣдѣніе: 1. «Державы Согласія признаютъ существующее сейчасъ украинское правительство. (Державляемое гетманомъ»²⁾); 2. «Рѣшеніе всѣхъ спорныхъ политическихъ и социальныхъ вопросовъ, въ особенности вопросъ о самоопредѣленіи національностей, будетъ детально рассмотрѣно послѣ того, какъ военныя силы державъ Согласія и ихъ политическіе представители придутъ въ Кіевъ»; 3. «всякое покушеніе противъ существующей власти будетъ строго подавлено»; 4. «Нѣмцы обязуются поддерживать и восстанавливать порядокъ въ Кіевѣ и во всемъ краѣ — до прихода союзниковъ»; 5. «Державы Согласія ни въ какомъ случаѣ не допустятъ вступленія войскъ Петлюры въ Кіевъ...»

Между тѣмъ, во всей Украинѣ развивалось съ необыкновенной быстротой движеніе — революціонное въ отношеніи гетманской власти, которую не хотѣлъ защищать никто, и безформенное въ своихъ политическихъ контурахъ: У.Н.С. шелъ съ молчаливаго согласія Москвы и при дружественномъ нейтралитетѣ германскаго командованія за самостоятельность Украины — противъ гетмана; крестьянство подымалось за обѣщанную директоріей «землю» — противъ помещиковъ и цѣмцевъ; сельская бѣднота («невозможна») и городской пролетаріатъ — противъ «буржуевъ» вообще, за совѣтскую власть; деревня шла на городъ съ цѣлью пожны... Наряду съ остатками гетманскаго «уряду» и органами, насаждавшимися петлюровскими отаманами, возникли, поэтому, повсемѣстно революціонныя комитеты и совѣды, а мѣстами и новыя формы самодовлѣющихъ, ни отъ кого не зависящихъ аппаратическихъ образованій.

Винниченко объявлялъ декреты совершенно большевnickаго характера о социализаціи, націонализаціи, изъятіи буржуазскихъ цѣнностей; эти призывы находили отзывчивую почву въ краѣ, еще не прошедшемъ всего круга большевnickаго

¹⁾ 7, 9, 14, 20 ноября.

²⁾ Сообщеніе это, въ связи съ § 2, имѣвшее по смыслу условное временное значеніе, въ официально гетманскомъ органѣ «Видрожденія» отъ 7 ноября было передано какъ окончательное признаніе Согласіемъ «Украинской державы», которая войдетъ въ федеративную связь съ Россіей.

опыта, и претворялись в жизнь погромами, пожарами, разбоями, убийствами. По-прежнему, как и в начале года, в движении, поднятом на Украине, рѣшительного не было национального момента. Директорія разжигала социальный пожар в цѣлях своего утверждения, безысильны потому локализовать его в цѣлях своего существования. Полубольшевизм Директории не удовлетворял никого и естественно катился по инерции въ сторону большевизма совѣтовъ. Люди, наблюдавшие жизнь Украины того времени, всё чаще осведомители — въ одинъ голосъ, задолго до переворота, предвѣщали правленію Директоріи участь краткаго и безславнаго этапа по пути къ большевизму, и по общему признанію этотъ этапъ, наконецъ осуществившись, носилъ наиболѣе анархическій характеръ изъ всѣхъ девяти «режимовъ», смѣнявшихся на Украинѣ.

Тревога нѣмецкой главной квартиры оказалась не напрасною: повсюду подымалась волна ненависти противъ нѣмцевъ, съ которой Директорія совладать не могла; петлюровскія и крестьянскія банды нападали на нѣмецкіе эшелоны, грабили, оскорбляли и обезоруживали ихъ; мѣстами нѣмцы оказывали сопротивление, и тогда происходили вынужденныя кровавыя столкновения.

Петлюровскіе атаманы не раздѣляли германофильства Директоріи. Григорьевъ, напримѣръ, говорилъ съ германскими властями такимъ языкомъ: «объявляю вамъ именованъ командующихъ мною рабочихъ войскъ, а также именованъ народа, возставшаго противъ буржуазіи, что вы не демократы, а предатели Россіи. Если въ теченіе четырехъ дней вы не покинете Николаева и Долинской, то ни одинъ изъ васъ не увидитъ своей родины: при первомъ же движеніи вы будете уничтожены безслѣдно, какъ мухи»¹⁾...

Стремясь стихійно домой и желая обезпечить себѣ свободный путь, нѣмцы, по частой инициативѣ мѣстныхъ комитетовъ или сохранившихъ авторитетъ военныхъ начальниковъ, помогали и вооружали то одну, то другую сторону. Такъ въ Харьковѣ они допустили занятіе города Болбочаномъ, а къ концу ноября заставили его отряды очистить городъ и вооружили организацію Добровольческаго центра; въ Бердичевѣ они вооружали повстанцевъ; въ Полтавѣ они не позволили германскимъ частямъ прервать путь двигавшимся изъ Харькова повстанцамъ, но черезъ нѣсколько дней разоружили овладѣвшія уже городомъ петлюровскія банды «независимаго селянства», принявшія явно большевистскій характеръ и угрожавшія изъ безонасности. Солдатскіе комитеты продавали оружіе и петлюровцамъ, и большевикамъ, и гетманцамъ, и Добровольцамъ. Солдаты зачастую отказывали въ повиновеніи начальникамъ, бросали фронтъ и охрану ж. д. и уходили самовольно въ ближайшіе центры.

Нѣмецкихъ начальниковъ многіе обвинили въ макіавелизмѣ и предательствѣ, но обвиненіе это было вердикто несправедливымъ: поведеніе нѣмецкихъ войскъ обуславливалось, кромѣ политики, разваломъ и стихійной тягой на родину.

Россійское офицерство было сбито съ толку, разсыяно, неорганизовано. Кой-гдѣ были отдѣльныя, иногда доблестныя, попытки сопротивленія, лишеныя однако общей идеи и растворившіяся безысильно въ картинѣ общаго хаоса. Такъ въ Харьковѣ, напримѣръ, въ теченіе одной недѣли произведено было три мобилизаціи: гетманская, петлюровская и Добровольческая... Въ Полтавѣ передъ приближеніемъ отрядовъ Болбочана состоялся многолюдный офицерскій митингъ, на которомъ громадное большинство участниковъ на призывъ гетманскаго военнаго начальства отвѣтило, что «готово сражаться исключительно съ большевиками, и только въ Полтавѣ, а противъ Болбочана не пойдутъ». Несомнѣнно на ряду съ «идеологіей» во всѣхъ такихъ выступленіяхъ не малую роль играло и «шкурничество».

Украинскій хаосъ какъ нельзя лучше характеризуется положеніемъ злосчастнаго Екатеринослава, о которомъ сводка къ серединѣ ноября сообщала: «Городъ

¹⁾ Телеграмма 18 декабря совѣту солдатскихъ депутатовъ г. Николаева и начальнику 15-й ландверной дивизіи.

раздѣленъ на пять районовъ. Въ верхней части укрѣпились Добровольческія дружины; въ районѣ городской думы — еврейская самооборона; далѣе — кольцомъ охватываютъ нѣмцы; Добровольцевъ, самооборону и нѣмцевъ окружаютъ петлюровцы и, наконецъ, весь городъ въ кольцо большевиковъ и махновцевъ».

Съ самаго начала на всемъ движеніи Винниценко - Петлюры лежала печать анархизма, которая не оставляла его до окончательнаго крушенія.

Петлюровско-нѣмецкое соглашеніе не нарушалось до конца ноября, давая Киеву нѣкоторую передышку и возможность собраться съ силами.

Одновременно съ обнародованіемъ послѣдняго акта гетманъ, порвавъ окончательно съ украинскими національными кругами, искалъ естественной опоры въ русскихъ организаціяхъ. На его попытки въ этомъ отношеніи откликнулись «Протофисъ», «хлѣборобы» и «монархическій блокъ». «Сов. гос. об.» не хотѣлъ себя, по видимому, связывать съ режимомъ, уже обреченнымъ, хотя устами Кривошеина доказывалъ, что «Скоронадекому можно все простить, даже оставить ему пожизненное гетманство, если онъ въ дальнѣйшемъ будетъ служить въѣрой и правдой единой Россіи». На соединенномъ засѣданіи бюро Московскаго («Всероссійскаго») и Кіевского Нац. центровъ, при участіи представителей Добров. организацій, 1 ноября подъ предѣлательствомъ профессора Новгородцева было рѣшено единогласно, что какія либо сношенія съ «измѣнникомъ гетманомъ» недонустимы и аморальны. Еще непримиримѣе, какъ мы знаемъ, была позиція «Союза Возрожд.», не оставившаго мысли о вооруженномъ переворотѣ, и тѣмъ же его стоящихъ организацій.

И гетманъ сдѣлалъ подлежащіе выводы: послѣдній мѣсяцъ его правленія провести подъ исключительнымъ и полнымъ вліяніемъ блока крайнихъ правыхъ, раздѣляемымъ до известной степени съ перемѣнившимся ориентациою мпш. вн. дѣль Игоремъ Кистяковскимъ.

Подъ вліяніемъ «монархическаго блока», 5 ноября была опубликована «грамота» гетмана:

«Въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, общее командованіе всѣми вооруженными силами, дѣйствующими на территоріи Украины, я вручаю Генерал-отъ-Кавалеріи графу Келлеру на правахъ Главнокомандующаго арміями фронта, съ предоставленіемъ ему сверхъ того правъ, определенныхъ ст. 28 Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время¹⁾. Всю территорію Украины объявляю театромъ военныхъ дѣйствій, а потому всѣ гражданскія власти Украины подчиняются ген. графу Келлеру».

Этимъ актомъ устранялось неудобство непосредственнаго подчиненія «украинскому гетману» російскихъ дружинъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднія косвенно выходили изъ распоряженія Добровольческаго командованія. Имя графа Келлера должно было привлечь новые контингенты монархическаго офицерства, а флагъ Добровольческой Арміи, который былъ весьма неприятенъ и гетману, и правому блоку, но сохранялся ими неукоснительно, долженъ былъ примирять съ фактомъ засилія правыхъ — умѣренную часть общественности и офицерства.

Но графъ Келлеръ понялъ свое назначеніе, какъ скрытую капитуляцію гетмана и передачу ему диктатуры — «всей полноты военной и гражданской власти на Украинѣ»²⁾. Сообразно съ этимъ, онъ образовалъ при себѣ «Совѣтъ обороны» — по составу своему — бюро Монархическаго блока — съ Безакомъ во главѣ; начальникомъ своей канцеляріи назначилъ ген. Спиридовича.

Стать явный переходъ власти къ «правымъ большевикамъ», какъ называла «Азбука» дѣятелей Протофиса и Монархическаго блока, еще болѣе возбудилъ про-

¹⁾ Статья эта предусматриваетъ известное подчиненіе мѣстныхъ органовъ исполнительной власти главнокомандующему на театрѣ войны.

²⁾ Телеграмма его мнѣ отъ 6 ноября, № 1.

твѣ готмана и украинскаго правительства прогрессивную и демократическую общественность.

Въ высокой степени достойный и храбрый генералъ, графъ Келлеръ, какъ политическій дѣятель, былъ прямо опасенъ: своими крайними убѣжденіями, вспыльчивостью и элементарной прямолинейностью. Уже на третій день по пришествіи въ власти онъ написалъ приказъ — призывъ о возстановленіи монархіи, отъ распространѣнія котораго его, однако, удержали. «Блокъ», считавшій такое обращеніе къ пылающей Украинѣ преждевременнымъ. Первые же шаги диктатора и «совета обороны» привели въ большое безпокойство украинское правительство. И 13-го ноября къ гр. Келлеру, по порученію правительства, явились министры Афанасьевъ и Рейнботъ и заявили ему, что онъ неправильно понимаетъ существо своей власти; ему не можетъ быть подчинена власть законодательная, какою до созыва Державнаго сейма является советъ министровъ. Что графъ Келлеръ въ своихъ воззваніяхъ говорить только объ единой Россіи, игнорируя вовсе Украинскую державу, тогда какъ правительство «стремится къ созданію Украинскаго федеративнаго государства и отъ этой своей программы для возсозданія цѣлой и недѣлимой Россіи отказаться не можетъ»¹⁾. Графъ Келлеръ предъявилъ ультимативное требованіе полноты власти и въ тотъ же день получилъ гетманскій приказъ о своей оставкѣ и о назначеніи его замѣстителемъ ген. кл. Долгорукова. Въ своемъ прошальномъ приказѣ Келлеръ объяснялъ свой уходъ двумя причинами: «1. могу приложить свои силы и положить свою голову только для созданія Великой, нераздѣльной, единой Россіи, а не за отдѣленіе отъ Россіи федеративнаго государства и 2. считаю, что безъ единой власти въ настоящее время, когда возстаніе разгорается во всѣхъ губерніяхъ, установить спокойствіе въ странѣ невозможно»²⁾.

И хотя по существу ничего не измѣнилось, такъ какъ у кормила власти остался тотъ же блокъ, возглавленный кл. Долгоруковымъ — председателемъ военной монархической партіи и товарищемъ председателя «блока», но политическая неразбериха усилчилась еще болѣе: графъ Келлеръ ушелъ потому, что не хотѣлъ бороться «за отдѣленіе отъ Россіи федеративнаго государства...» А вѣс командованіе?..

Ввиду быстро распространѣнія анархіи на Украинѣ и изолированнаго положенія Кіева, прямое сообщеніе съ нимъ Екатеринодара было нерегулярно, а съ 11 ноября прервалось вовсе; и мой штабъ получалъ только отрывочное и случайное освѣдомленіе кружными путями о происходившихъ тамъ событіяхъ. Взаимоотношенія моего представителя ген. Ломновскаго — номинальнаго начальника Добровольческихъ дружинъ — съ гетманскими властями было весьма неопредѣленнымъ. Какъ я уже говорилъ, гр. Келлеръ, въ качествѣ главнокомандующаго Сѣверной псковской арміей, 2 ноября призналъ свое подчиненіе Добровольческому командованію. Ставъ черезъ три дня главнокомандующимъ войсками Украиня, онъ далъ неопредѣленное объясненіе Ломновскому: «по вопросу объ установленіи общаго фронта и единаго командованія онъ держится своего прежняго взгляда; однако, Украина столь тѣсно связана съ Дономъ и столь зависима отъ него, что единое командованіе возможно только включая и Донъ». По плану, одобренному гетманомъ и Келлеромъ, предполагалось приступить къ формированію особой «Юго-западной арміи», безъ фактическаго участія Ломновскаго, для чего просили все же «флагъ Добровольческой Арміи». Ломновскій категорически отказался³⁾.

Тѣмъ не менѣе взаимоотношенія его съ Келлеромъ не нарушались. Ген. Ломновскій, имѣя отъ меня общее указаніе предоставить Добровольческіе отряды въ

¹⁾ Изъ приказа гр. Келлера отъ 14 ноября.

²⁾ Докладъ ген. Ломновскаго по прямому проводу 11 ноября.

оперативном отношении вышней украинской военной власти, в интересах борьбы и спасения Малороссии от большевизма, исполняя эту директиву с большой выдержкой, тактом и иногда самопожертвованіем. Эта позиция Ломновскаго подвергалась суровому осужденію кievск. Нац. центра, который считал, что при сложившихся обстоятельствах человекъ, обладающій большою волею, держаніемъ и авторитетомъ могъ бы недопустить экспериментовъ гетмана и взять у него падающую власть и все руководство обороной. На мѣсто Долгорукова и «монархическаго блока», по ихъ мысли, долженъ былъ стать Ломновскій и «кievскій Нац. центръ». Центръ явно преувеличивалъ свое значеніе и возможности, особенно принимая во вниманіе, что полное неприятіе имъ гетмана ставило вопросъ о власти въ прямую зависимость отъ внутренняго переворота.

Новый главнокомандующій, кн. Долгоруковъ съ первыхъ же шаговъ проявилъ враждебное отношеніе къ Добровольческому центру, стремясь устранивъ всякое вниманіе его въ дѣло формировація вооруженной силы. Его успія были направлены не по надлежащему адресу. Военный Кіевъ дѣйствительно представлялъ изъ себя крайне неорганизованное арміе: всевозможные штабы и бюро комплектованій Южной, Сѣверной, Астраханской армій, Особого корпуса, тайныхъ и явныхъ организацій политическихъ партій — пухлы, разрастались, конкурировали и враждовали другъ съ другомъ, способствуя распыленію силъ и легальному дезертирству. Ненормальность этого положенія была настолько очевидной, что въ осужденіи его объединились, казалось бы, совершенно антиподы: въ первый разъ во второй половинѣ ноября явилась возможность устроить въ Кіевѣ рядъ совѣщаній изъ представителей 1. Добровольческаго центра, 2. Монархическаго блока ¹⁾, 3. Сов. гос. об. ²⁾, 4. Нац. центра ³⁾ и 5. Союза Возрожд. Россіи ⁴⁾. На этихъ заздѣланныхъ вопросу объ упорядоченіи комплектованія въ однихъ рукахъ предпосланъ былъ вопросъ объединенія командоваія всѣми русскими вооруженными силами. Монарх. блокъ и Сов. гос. об. высказались за главнокомандующаго силами Украины, Нац. центръ и Союзъ Воз. Рос. — за главноком. Добров. Арміей. Соглашенія не состоялось.

Ген. Долгоруковъ рѣшилъ идти напроломъ: въ ночь на 23 ноября онъ вызвалъ къ себѣ ген. Ломновскаго и заявилъ ему:

— Въ дружинахъ Святопольк-Мирскаго и Рубанова бунтъ. Тамъ чуть ли не открыто говорятъ, что меня надо арестовать. Долгъ службы вынуждаетъ меня арестовать васъ. Я человекъ рѣшительный.

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла такъ излагается генераломъ Ломновскимъ ⁵⁾:

«Этотъ разговоръ происходилъ на ходу въ назначенную мнѣ комнату, гдѣ я былъ арестованъ съ приставленіемъ часоваго.

Спустя часъ ко мнѣ въ комнату вошелъ Пиленко, повидящему, крайне разстроенный. Онъ сталъ говорить о своихъ патріотическихъ чувствахъ и просилъ меня быть вполнѣ искреннимъ. Я завѣрилъ его, что на искренность мою онъ можетъ вполнѣ положиться, во сказать я ничего не могу, такъ какъ рѣшительно ничего не понимаю.

Тогда Пиленко сталъ говорить, что причиною всего — двойственное подчиненіе дружинъ и во имя общаго дѣла необходимо найти выходъ изъ создавшагося положенія. Я объяснилъ Пиленко, что суть дѣла совершенно не въ двойственномъ подчиненіи, такъ какъ дружины въ оперативномъ отношеніи вездѣ подчиняются мѣстному командоваію... а исключительно въ личностяхъ.

Пиленко сталъ опять говорить о крайне тягостномъ положеніи Кіева, что во имя общаго русскаго дѣла необходимо найти все же выходъ, разъ связь съ ген. Деникинымъ прервана. На это я возразилъ, что теперь, съ момъ арестомъ, выходъ самъ собою найденъ и для меня вопросъ не въ двойственномъ подчиненіи дружинъ, а въ недопустимомъ, неслыханномъ фактѣ ареста представителя главнокомандующаго русской Добровольческой Арміи.

¹⁾ Безакъ, Скаржинскій и другіе.

²⁾ Шляпко, Хрипуновъ и другіе.

³⁾ Демидовъ, Ефимовскій и другіе.

⁴⁾ Одпяецъ.

⁵⁾ Рапортъ отъ 24 ноября, № 182.

Между тѣмъ, въ домъ князя Долгорукова прибыли приглашенные имъ общественные дѣятели — графъ Гейденъ, кн. Голицынъ, Масленниковъ и ген. Шиллингъ. Возмущенные случившимся, они потребовали отъ Долгорукова немедленнаго освобожденія ген. Ломновскаго. На вопросъ зашедшаго къ нему Шиллинга, какъ онъ думаетъ поступить дальше, Ломновскій отвѣтилъ, что покинуть Киевъ вмѣстѣ съ чинами своего штаба. На это Шиллингъ сказалъ, что кн. Долгоруковъ не видитъ препятствій къ выѣзду. Но черезъ нѣкоторое время въ комнату Ломновскаго вошли всѣ перечисленные выше лица...

«Гр. Гейденъ, очень взволнованный, обратился ко мнѣ отъ имени общественныхъ дѣятелей, умоляя меня, ради спасенія въ Киевѣ общаго русскаго дѣла, въ которое вложена громадвая работа, не становиться въ непримиримую позицію и согласиться аккмулировать происшедшее; что отъѣздъ представительства Добр. Арміи изъ Киева можетъ повести къ ужаснымъ послѣдствіямъ — къ тому, что русскіе офицеры уйдутъ съ занимаемыхъ ими позицій, и Киевъ вновь будетъ отданъ во власть Петлюры и украинцевъ. Я отвѣтилъ, что общее русское дѣло мнѣ столь же дорого, какъ и имъ, и отдаю себѣ совершенно ясный отчетъ, къ какимъ чрезвычайнымъ послѣдствіямъ можетъ повести выѣздъ изъ Киева представительства Добр. Арміи, во не знаю, отдастъ ли себѣ ясный отчетъ князь Долгоруковъ, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести фактъ ареста представителя главнокомандующаго и отъѣзда представительства.

На это гр. Гейденъ сказалъ, что кн. Долгоруковъ глубоко сожалѣетъ о случившемся; что онъ погорячился, сказавъ, что не видитъ препятствій къ выѣзду, и считаетъ это совершенно невозможнымъ».

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ ген. Ломновскій заявилъ общественнымъ дѣятелямъ:

«Въ виду крайне неустойчиваго положенія въ Киевѣ и возможности перенесенія гражданской войны внутрь города; въ виду того, что вопросъ о недоушеніи повстанцевъ въ городѣ ставится чуть ли не всецѣло въ зависимость отъ полнаго подчиненія дружинъ, я рѣшилъ подчинить ихъ во всѣхъ отношеніяхъ мѣстному командованію съ тѣмъ, чтобы я былъ своевременно освѣдомляемъ о всѣхъ мѣропріятіяхъ, касающихся этихъ дружинъ».

Всѣ эти нелѣпыя тренія на верхахъ правленія и командованія становились медленно достойнымъ широкой публики и производили глубоко деморализующее впечатлѣніе среди защитниковъ Киева.

— Какая же въ сущности идея борьбы?

Консулъ Энно чуть не ежедневно присылалъ телеграммы, что союзныя войска идутъ, они уже близко, не сегодня — завтра будутъ въ Киевѣ. Тогда положеніе было: продержатся нѣсколько дней, а тамъ вопросъ разрешится союзниками — несомнѣнно въ пользу единой Россіи... Стоявшіе въ совершенно непримиримой оппозиціи къ гетману «Над. центры», подъ вліяніемъ смертельной опасности, угрожавшей Киеву, измѣнили нѣсколько свою позицію: «Всероссійскій центръ» согласался, что «до прихода русскіхъ и союзныхъ силъ — самое выгодное, если сохранится та власть, которая пока существуетъ, ибо всякій переворотъ явился бы новымъ условиемъ для усиленія большевическихъ настроеній»; «Кіевск. центръ» 7 ноября обратился къ русскимъ людямъ съ призывомъ — защищать порядокъ противъ бандъ Петлюры..

Но тотъ же Энно говорилъ о признаніи существующей власти гетмана. Добровольческое командованіе, отдавая дружины въ распоряженіе гетманскаго командованія, какъ будто присоединялось къ этому рѣшенію...

— Слѣдовательно защищать власть гетмана и Украинской державы?

Къ тому же въ первой телеграммѣ главнокомандующаго Добров. Арміи къ мнѣ. Афанасьеву говорилось о «борьбѣ съ большевиками» и «неумѣстельствѣ во внутреннѣмъ дѣлѣ края». И хотя Ломновскій пояснилъ, что обстановка съ тѣхъ поръ измѣнилась, что Директорія — это предтеча большевизма, но его понимали плохо:

— Слѣдовательно защищать гетмана отъ Петлюры?

Въ болѣе радикальныхъ кругахъ ставили вопросъ въ другой плоскости:

— Тамъ — «вся власть совѣтамъ»; здѣсь — «вся власть Протофису». Что лучше?

Эти и многие другие вопросы вызвали смуту въ умахъ и приводили въ уныніе офицерство и учащуюся молодежь — почти единственный контингент защитниковъ Кіева. Да и мудро было имъ разобраться въ украинской проблемѣ, когда въ средѣ значительно большаго политическаго кругозора — въ самомъ, напримеръ, ядрѣ Союза Воз. Рос. — возникли такіе педомыслие вопросы: «Кому помогать? Или социальной реакціи, воплощаемой Скоропадскимъ и защищаемой пѣмцами, или демократическому движению украинцевъ, идущихъ съ максимализмомъ не только социальнымъ, но и національнымъ, и открывающему дорогу максимализму настоящему (совѣтскому)?»¹⁾ Въ результатѣ Союзъ выпустилъ воззваніе противъ гетмана, требуя созданія «демократической объединенной власти на Украинѣ» и предостерегая отъ оказанія помощи гетману.

Среди защитниковъ Кіева эти вопросы для однихъ были, дѣйствительно, вопросами совѣсти и долга, для другихъ — вѣроятно большинства — благовиднымъ прикрытіемъ своему оппортунизму или малодушію.

И въ кіевскихъ казармахъ — обезжитіяхъ, и на позиціяхъ у Жулянь царил подавленное унылое настроеніе; люди жили въ области фантастики и нервирующихъ слухочъ. Это настроеніе усугублялось еще потрясающимъ неустройствомъ въ организаціи, снабженіи, довольствіи, особенно на позиціяхъ. Тамъ люди приходили къ сознанию своей полной заброшенности и безпомощности.

Вопросъ рѣшили пѣмцы.

30 ноября въ Казатинѣ между германскимъ командованіемъ и петлюровскимъ штабомъ былъ заключенъ второй договоръ, въ силу котораго пѣмцы обязались не препятствовать вступленію въ Кіевъ войскъ «Украинской народной республики»; взаимнъ этого имъ была обѣщана «взаимная дружественная работа», содѣйствіе ихъ эвакуаціи, въ частности 10 транспортныхъ поѣздовъ по тремъ направле-ніямъ — черезъ Плискъ, Сарны и Казатиня.

Удѣльный пѣс Директоріи, послѣ многихъ мѣсяцевъ сотрудничества, былъ хорошо известенъ пѣмцамъ. Но этотъ исходъ обѣщаль облегчить трудное положеніе нѣмецкихъ оккупационныхъ войскъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, создать большія затрудненія державамъ Согласія...

Когда нѣмецкіе батальоны, прикрывавшіе Кіевъ, прошли сквозь расположеніе кіевскихъ дружинъ, всѣ поняли, что наступилъ конецъ.

По инициативѣ Нац. центра общественныя организаціи, считая дѣло проигран-нымъ, обратились къ председателю правительства Гербелью съ предложеніемъ «поднять открыто надъ защитниками Кіева флагъ Добровольческой Арміи», передать командованіе ген. Ломповскому и разработать тотчасъ же вопросъ объ отходѣ изъ Кіева Добровольческихъ дружинъ. Гербель отвѣтилъ, что у него «все готово», что «Директорія пойдетъ вѣроятно на условія — разрѣшить выѣздъ всего правительства, всѣхъ желающихъ и Добровольческихъ частей на Донъ»...

— У меня все готово — не мѣшайте только довести дѣло до благополучнаго конца²⁾.

Теченіе событій не соответствовало официальному оптимизму.

Перваго декабря галицкіе сѣчевки Коповальца сбили кіевскія дружины и въ тотъ же день къ вечеру вошли въ городъ.

Гетманъ 1 декабря подписалъ актъ отреченія и скрылся въ Германію.

Правительство разсѣялось³⁾.

¹⁾ Станкевичъ. «Воспоминанія».

²⁾ Изъ доклада Московскаго Нац. Центра отъ 3 декабря.

³⁾ Въ Кіевѣ остался председателемъ Гербель и мин. юстиціи Рейяботъ, которыхъ Директорія три мѣсяца держала въ тюрьмѣ, предъявивъ имъ обвиненіе въ покушеніи на ниспроверженіе существующаго строя.

Кв. Долгоруковъ сдалъ войска на капитуляцію безъ всякихъ условий и отбылъ въ Одессу.

Трагически палъ на улицахъ Кіева генераль графъ Келлеръ, заколотый петлюровскими солдатами.

Дружинники разсѣялись по городу, и значительная часть ихъ, болѣе тысячи, засѣла въ зданіи педагогическаго музея подъ охраной германскихъ карауловъ. Благодаря заступничеству кіевскихъ организацій, консуловъ, телеграммамъ Энво — Директорія и мнѣ — главнокомандующимъ союзными арміями, правительство Вишинички пришло мѣры къ освобожденію части интернированныхъ и къ выѣзду остальныхъ въ Германію.

Поѣзда, слѣдовавшіе на югъ, увозили цвѣтъ російской эмиграціи и политическихъ партій на новый, третій по счету, этапъ, предназначенный имъ судьбою — въ Одессу.

Вся Украина была объята анархіей.

ГЛАВА XXII.

Национальная диктатура. Особое Совѣщаніе составъ и общее направленіе политики.

На югѣ Россіи, на территоріи, освобождаемой Добровольческой Арміей, безъ какой либо прокламаціи, самымъ ходомъ событій установилась диктатура, въ лицѣ главнокомандующаго.

Основною цѣлью ся было свергнуть большевиковъ, возстановить основы государственности и социальнаго мира, чтобы создать тѣмъ необходимыя условия для строительства земли соборной волею народа. Жизнь стѣсненнымъ напоромъ выбивала насъ изъ этого русла, требуя немедленнаго разрѣшенія такихъ коренныхъ государственныхъ вопросовъ, какъ національный, аграрный и другіе, окончательное разрѣшеніе которыхъ я считалъ выходящими за предѣлы нашей компетенціи. Худо ли, хорошо ли и что цѣлесообразнѣе — это вопросъ другой — по диктатурѣ и національной, къ осуществленію которой стремились на Югѣ, свойственные нынѣ задачи и нынѣ методы, тѣмъ диктатурѣ бонапартистской.

«Непрѣдрѣшеніе» и «уклоненіе» отъ декларированія принциповъ будущаго государственнаго устройства, которые до сихъ поръ вызываютъ столько споровъ, были не теоретическими измышленіями, не «маской», а требованіемъ жизни. Вопросъ этотъ чрезвычайно простъ, если подойти къ нему безъ предвзятости: всѣ три политическія группировки противобольшевизкаго фронта — правые, либералы и умѣренные социалысты — порознь были слишкомъ слабы, чтобы нести бремя борьбы на своихъ плечахъ. «Непрѣдрѣшеніе» давало имъ возможность сохранить плохой миръ и идти одной дорогой, хотя и въ перебой, подозрительно оглядываясь другъ на друга, враждя и тая въ сердцѣ — одна республику, другіе монархію; одна Учредительное собраніе, другіе Земскій соборъ, третьи «законопроектность».

Неужели спасеніе Россіи не стояло того, чтобы на время отложить эти споры?

Что касается лично меня, то такая постановка вопроса нисколько не смущала мою совѣсть и была вполне искренна уже потому, что я рѣшилъ твердо и говорить объ этомъ всъ разъ — что за формы правленія я вести борьбы не буду.

Личный элементъ въ вопросѣ о диктатурѣ — тема для меня вообще слишкомъ деликатная. Я коснулся одной только стороны ея.

Въ концѣ 18-го и въ началѣ 19 годовъ на роль диктатора в Верховнаго главнокомандующаго выдвигался, какъ извѣстно, опредѣленными кругами, преимущественно правыми, вел. кн. Николай Николаевичъ. Живя въ Крыму, въ Дюльберѣ, онъ оставался центромъ вниманія этихъ круговъ, изъ которыхъ къ нему обращались не разъ, первоначально — съ просьбой о возглавленіи арміи Украинской, Юж-

ной и Астраханской¹⁾). Все эти предложения великий князь отвергал, справедливо видя в этом явную авантюру. Другия группы правых, в томъ числѣ «Государствъ объединеніе», признавая въ принципѣ верховное возглавленіе вел. князя весьма желательнымъ, считали выступленіе его тогда на политическую арену несвоевременнымъ и въ мѣстномъ масштабѣ не соответствующимъ. Его авторитетъ прибегался ими до того момента, когда все четыре фронта — Колчака, Деникина, Юденича и Миллера — приблизятся къ Москвѣ... Оттого подчиненіе мое адм. Колчаку въ концѣ мая 1919 г., укрѣплявшее позицію всероссийскаго масштаба, занятому Верховнымъ правителемъ, встрѣчено было правыми кругами несочувственно. Что касается прочихъ политическихъ группъ, дѣйствѣ стоящихъ, тамъ къ возглавленію движенія великимъ княземъ относились отрицательно.

Я лично въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ великимъ княземъ не состоялъ. Въ Дюльберѣ его посѣтилъ официально ген. Лукомскій и встрѣтилъ тамъ весьма радушный приемъ. Вообще вел. князь держалъ себя въ отношеніи Южной власти съ величайшимъ тактомъ, стремясь не давать ни малѣйшаго повода къ какимъ либо политическимъ осложненіямъ.

Весною 1919 г., когда обозначилась прямая угроза Крыму со стороны наступающихъ съ сѣвера большевиковъ, мѣстопробываніе тамъ императорской семьи сдѣлалось невозможнымъ, о чемъ мною было сообщено въ Крымъ. Незадолго до отступленія нашихъ войскъ къ Акманю все липа императорскаго дома на англ. военномъ суднѣ выѣхали за границу. Вел. кн. Николай Николаевичъ поселился въ С. Маргерита, въ Италіи. Векорѣ послѣ вторичнаго овладѣнія нами Крымомъ до моего свѣдѣнія дошло, что онъ томится на чужбинѣ и сожалѣетъ, что не можетъ жить въ Россіи... По моему порученію ген. Лукомскій 7 іюля сообщилъ вел. князю, что въ данное время для него представляется полная возможность безопаснаго пребыванія на южномъ берегу Крыма. Въ началѣ сентября былъ полученъ отвѣтъ, что велик. князь «отказываеьт себѣ въ счастья вернуться на Родину, т. к. пріѣздъ его въ Россію неминуемо повлечетъ за собой всевозможныя толки о выступленіи его, какъ политическаго дѣятели, чѣмъ еще болѣе осложнится общее положеніе дѣлъ». Впрочемъ, имъ не исключалась возможность жить въ Крыму «частнымъ лицомъ на общихъ основаніяхъ по водвореніи южнаго порядка». Но въздъ въ Россію былъ обусловленъ «совмѣстнымъ рѣшеніемъ этого вопроса адм. Колчакомъ, ген. Денкинымъ и союзниками»... Мы получили отвѣтъ этотъ въ октябрѣ, когда на южномъ фронтѣ назрѣвала опасность, а на Восточномъ уже созрѣла, и вопросъ о переѣздѣ затихъ.

Прочія лица императорской фамилиі²⁾, находившіяся на Югѣ, въ политической жизни никакого участія не принимали. Вел. князь Андрей Владимировичъ обращался ко мнѣ въ ноябрѣ 1919 г., выражая желаніе «вступить въ ряды войскъ, борющихся за освобожденіе Россіи». Я вынужденъ былъ отвѣтить, что «политическая обстановка въ данное время препятствуетъ осуществленію его патриотическаго желанія». На службѣ состоятъ только герцоги Лейхтенбергскіи (младшіи) въ Черноморскомъ флотѣ, въ чинѣ капитана II ранга; былъ другенъ со Сладчевымъ, который хотѣлъ использовать его для своихъ особыхъ дѣлъ, до военнаго переворота включительно. Но безуспѣшно.

Особое Совѣщаніе функционировало первоначально примѣнительно къ утвержденному 18 авг. ген. Алексѣевымъ положенію и проекту нашей «конституціи», выработанной для установленія взаимоотношеній съ казачьими войска-

¹⁾ «Монархическій блокъ», «Союзъ Наша Родина», гетманъ—наканунѣ паденія и др.

²⁾ Владыствующая императрица жила въ Крыму до первой эвакуаціи его. Вел. князья Борисъ и Андрей Владимировичи, выреченные полковн. Шкуро изъ Кисловодска, и мать ихъ вел. княгиня Марія Павловна жили въ Аваѣ. Вел. княгиня Ольга Александровна жила также на Кубани въ одной изъ станицъ.

ми¹⁾. Жизнь раздвигала эти узкия рамки, облекая Особое Совѣщаніе всѣми функціями власти исполнительной и законодательной. Только 2 февр. 1919 г. было утверждено и опубликовано «Положеніе объ Особомъ Совѣщаніи при главнокомандующемъ В. С. Ю. Р.», въ основу котораго положено, въ извѣстной степени, совмѣщеніе круга дѣятельности совѣта министровъ и стараго Гос. Совѣта²⁾.

Ии этимъ положеніемъ, ии какимъ либо другимъ государственнымъ актомъ на опредѣлялось существо власти главнокомандующаго, и только косвенно неограниченность ея вытекала изъ сопоставленія отдѣльныхъ статей законоположеній. Точно также не предусматривался въ законодательномъ порядкѣ вопросъ преемства власти — ни гласно, ни тайно. Только осенью 1919 г., подъ вліяніемъ постоянныхъ настойчивыхъ свѣдѣній о готовящихся на мою жизнь покушеніяхъ, я счелъ себя обязаннымъ указать своего преемника. И составилъ «завѣщаніе-приказъ» вооруженнымъ силамъ Юга о назначеніи главнокомандующимъ — моего начальника штаба, генераль-лейтенанта Романовскаго. Этимъ актомъ я готовилъ ему тяжкую долю. Но его я считалъ прямымъ продолжателемъ моего дѣла и вѣрилъ, что Армія, хоти въ средѣ ея и было предъязто, мѣстами даже враждебное отношеніе къ Романовскому, послушается послѣдняго приказа своего главнокомандующаго. А признаніе Арміи — все. Приказъ этотъ въ запечатанномъ конвертѣ лежалъ въ моемъ несгораемомъ шкафу и о существованіи его знали, кромѣ меня, только два человека: самъ И. П. Романовскій и генераль-квартирмейстеръ Плюсковой-Плюшкѣ. Когда я сказалъ имъ объ этомъ обстоятельстве, Романовскій не проронилъ ни слова, и только на лицѣ его появилась скорбная улыбка. Словно подумалъ:

— Кто знаетъ, кому уходить первымъ...

Я вполнѣ увѣренъ, что оба они сохранили тайну. Но нѣкоторые поощренныя умы проникли пытливо за ея покровы. Такъ, когда въ концѣ октября былъ отданъ приказъ о назначеніи на должность одного изъ двухъ «помощниковъ главнокомандующаго» — генерала Романовскаго, неофициальная контръ-развѣдка отъ дѣла пропаганды, установившая тайное наблюденіе за главнокомандующимъ³⁾,

¹⁾ См. тт. XXXVI и XXXVII, томъ III.

²⁾ Важнѣйшія статьи «Положенія»:

1. При главнокомандующемъ, для содѣйствія въ дѣлахъ законодательныхъ и административныхъ, состоятъ Особое Совѣщаніе и нижестѣдующія вѣдомства (списокъ ихъ ниже).
3. Въ области управленія подчиненнаго Начальники Управленій, Управляющіе Отдѣлами Законовъ и Пропаганды пользуются правами Министровъ, примѣнительно къ Учрежденіямъ Министерствъ (св. Зак., т. I, ч. 2, изд. 1892 г.).
9. Въ области законодательства и Верховнаго Управленія, Особое Совѣщаніе является совѣщательнымъ органомъ при Главнокомандующемъ.
10. На обсужденіе Особого Совѣщанія поступаютъ: 1) всѣ законодательныя предположенія, за исключеніемъ касающихся тѣхъ предметовъ, кои предусматриваются статьями 96 и 97 Основныхъ Законовъ; 2) всѣ правительственныя мѣропріятія общаго государственнаго значенія; 3) всѣ предположенія о замѣщеніи высшихъ гражданскихъ должностей центральнаго и мѣстнаго управленія, за исключеніемъ должностей Начальниковъ Управленій...

Дѣла, подлежащія рассмотрѣнію Особого Совѣщанія, вносятся въ оное Главнокомандующимъ, Предсѣдателемъ Особого Совѣщанія, начальниками Управленія...

На внесеніе въ Особое Совѣщаніе законодательныхъ предположеній, Начальники Управленій... испрашиваютъ предварительное разрѣшеніе Главнокомандующаго.

11. Постановленія Особого Совѣщанія представляются Предсѣдателемъ его на утвержденіе Главнокомандующему.

Въ составъ Особого Совѣщанія входили еще по должности: 1) нач. штаба Главнокомандующаго; 2) Главныя начальники снабженій; и 3) Главныя начальники военныхъ сообщеній. Кромѣ того — безъ портфеля — нѣсколько государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Для разяргузки отъ маловажныхъ дѣлъ было образовано малое присутствіе, состоявшее изъ помощниковъ начальниковъ вѣдомствъ.

³⁾ Выяснилось впоследствии. Объ этомъ позже.

требовала от своего агента в Таганроге «развѣдать и быть все время au courant: какъ относятся къ назначенію ген. Романовскаго и какъ распрѣдѣляется этотъ шагъ въ политическомъ отношеніи въ кругахъ Ставки? Значитъ ли это, что ген. Р. будетъ замѣстителемъ Главкома?»

Слухъ пошелъ, и борьба, веденная противъ Романовскаго, усилилась.

Совмѣщеніе законодательныхъ¹⁾ и правительственныхъ функций въ лицѣ Ос. Совѣщанія, напоминавшее до извѣстной степени конструкцію Временнаго правительства, отвѣчая духу чистой диктатуры, имѣло и свои большія неудобства. Помимо естественнаго переплетенія закона и правительственнаго распорядка — переплетенія, ослабляющаго силу и устойчивость закона, это совмѣщеніе заключало всю законодательную работу въ четыре стѣны Совѣщанія, ослабляя связь ея съ общественностью, замѣняя трибуну «Освагомъ» и липша Совѣщаніе должнаго авторитета. Зачастую необходимость мѣропріятія и причины его вызванія оставались неясными для массы, вызывая безпричинную подозрительность, искажая его смыслъ и цѣли. Даже мѣры, уже принятія и осуществленные, ввиду техническихъ затрудненій, не скоро становились извѣстными въ странѣ. Та политическая борьба, которая свойственна парламенту и которая велась среди политическихъ организацій Юга, невольно врывалась съ стѣны Особого Совѣщанія, вмѣстѣ съ преніями по законодательству, претворяясь тамъ въ борьбу внутреннюю и поселяя рознь. А эту рознь въ превеличественномъ и извращенномъ видѣ разносила стоустая молва, возбуждала глухое недовольство въ обществахъ и въ Арміи. Наконецъ, работа законодательная и административная — въ общихъ и частыхъ засѣданіяхъ Совѣщанія, въ безчисленныхъ комисіяхъ и въ вѣдомственныхъ управленіяхъ — была непосильна для членовъ Совѣщанія. Она утомляла ихъ и терзала первы, приковывала къ мѣсту нахождения правительства въ отрывала отъ дѣйствительной жизни въ краѣ, отъ непосредственной освѣдомленности въ дѣлахъ подчиненныхъ органовъ.

Чтобы услышать «гласъ народа», приходилось не разъ важнѣйшія законодательныя предложенія, раньше утвержденія ихъ, давать въ печать. Насущная потребность связи со страной чувствовалась многими и вызывала въ свое время различныя предложенія²⁾. Я говорилъ уже о первой негласной попыткѣ Родзянко, еще въ маѣ 1918 г., воскресить 4-ю Государственную Думу, съ присоединеніемъ къ ней трехъ предшествовавшихъ составовъ. Въ ноябрѣ того же года онъ выступилъ уже гласно съ призывомъ «къ русскимъ людямъ» — создать «Национальный совѣтъ» въ составѣ всѣхъ четырехъ Думъ, Всероссийскаго церковнаго собора и Совѣта республики при Временномъ правительствѣ, какъ «сносящихъ символъ законнооборонныхъ государственныхъ учреждений». Въ качествѣ Национальнаго собранія предлагать свою организацію въ концѣ октября 1918 г. Совѣтъ государственнаго объединенія... Было и вовсе странное для настроеній Юга стремленіе «Юго-Восточнаго комитета членовъ учредительнаго собранія» поды главенствомъ Шрейдера провести въ качествѣ верховной власти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, законодательнаго органа — Уфимскій «Кюмучъ» (конецъ окт. 1918 г.).

¹⁾ По существу Особое Совѣщаніе было органомъ законосовѣдательнымъ.

²⁾ Любопытна историческая справка, данная проф. Новгородцевымъ: «Въ апрѣлѣ 1912 года, по прибытіи въ Ярославль, князь Пожарскій и всѣхъ чиновъ люди, съ нимъ бывшіе, отправили грамоты во городамъ, прося прислать ополченцевъ и средства для казны, а также «изо всякихъ чиновъ людей челоуѣка по два, по три» для «земскаго совѣта». Въ грамотахъ выражается просьба, чтобы города высказали мнѣніе, какъ бы въ такое трудное время не остаться безгосударными, какъ стоять противъ враговъ русской земли, какъ сослаться безъ царя съ иностранными государями и какъ устраивать впередъ государственный порядокъ.

Согласно изслѣдованіямъ проф. Платонова, такой «земскій совѣтъ» или «земскій соборъ» дѣйствительно состоялся въ Ярославль, и земскіе люди принимали участіе въ дѣлахъ государственныхъ, какъ по внѣшней, такъ и по внутренней политикѣ».

Всѣ эти комбинаціи были совершенно искусственны или носили узко политическій характеръ, не могли имѣть почвы и авторитета въ странѣ и не отражали бы ея мнѣнія. вмѣстѣ съ тѣмъ, принятіе какой-либо изъ нихъ еще болѣе затрудняло бы возможность нашего объединенія съ казачьими областями, на которое еще не была потеряна надежда.

Идея созданія особаго законосовѣщательнаго учрежденія имѣла своихъ послѣдователей и въ Ос. Сов. Такъ Н. И. Астровъ въ мартѣ 1919 г. сдѣлалъ заявленіе объ образованіи Совѣта изъ представителей мѣстныхъ самоуправленій; управляющій отдѣломъ законовъ, К. И. Соколовъ въ маѣ представилъ мнѣ записку объ учрежденіи такого же органа, но изъ лицъ по назначенію главнокомандующаго, причемъ Ос. Совѣщанію въ обоихъ случаяхъ оставались бы функціи совѣта министровъ.

Раздѣляя взглядъ на необходимость представительнаго законосовѣщательнаго органа, я предполагалъ создать его изъ выборныхъ представителей казачьихъ областей, горскихъ округовъ и освобожденныхъ отъ большевиковъ губерній; составъ его предполагалось дополнить членами по назначенію — изъ числа людей науки и практики, включая широко и видныхъ представителей такихъ демократическихъ учрежденій, какъ кооперативы, профессиональные союзы и т. д. Но до лѣта 1919 г. казачьи области не шли на государственное объединеніе; земское положеніе, могущее дать базу для выборовъ, все еще выработывалось, возбуждая безконечные споры; территорія, подчиненная командованію, была невелика и могла бы дать представительный органъ интеллектуально не выше губернскаго земскаго собранія... Когда же съ іюня наши предѣлы расширились до Днѣстра, Десны и Волги и, съ другой стороны, когда «конференція южно-русскаго союза»¹⁾ выходила какъ будто на путь соглашенія, въ духѣ монхъ предположеній былъ выработанъ коммисіонный проектъ «Высшаго совѣта», созывъ котораго зависѣлъ только отъ срока окончанія конференціи. А она затягивалась безнадежно. Я хотѣлъ было назначить созывъ, не дожидаясь соглашенія съ казаками; посовѣтовался съ Особымъ Совѣщаніемъ, которое отнеслось къ этому предположенію отрицательно.

Конференція спорила о духѣ, о формѣ, о словахъ — главнымъ образомъ саботировали ее кубанскіе делегаты во главѣ съ И. Макаренко — до тѣхъ поръ, пока армія не покатила отъ Орла къ Дону и далѣе къ Кубани, когда весь вопросъ потерялъ свое значеніе.

Что далъ бы намъ «Высшій совѣтъ» въ области устройства страны, не вѣдомо. Считаю и нынѣ образованіе его для того времени психологически и политически необходимымъ, я, однако, не увѣренъ — не прибавить ли бы онъ только лишняго звена въ той цѣли сборныхъ опытовъ, которая началась «Демократическимъ совѣщаніемъ» и «Совѣтомъ республики»... Тѣмъ болѣе, что три главнѣйшія теченія общественной мысли, представленныя на Югѣ — Сов. госуд. объедин., Нац. центромъ, и Союзомъ возрожд. Россіи²⁾, невзирая на усилія многихъ своихъ членовъ, не находили общаго языка, ни общаго пути³⁾.

¹⁾ Въ составѣ представителей командованія, Дона, Кубани и Терека. Исторія попытокъ созданія южно-русскаго союза — въ слѣдующемъ томѣ.

²⁾ Общество «Государств. объединенія Россіи» возникло въ Екатеринодарѣ въ мартѣ 1919 г. Предсѣдателемъ совѣта его былъ вначалѣ Н. Н. Львовъ, потомъ Кривошеинъ. Общество явилось какъ бы областнымъ отдѣломъ образовавшагося въ Кіевѣ «Всероссійскаго». Всѣ члены «Всероссійскаго сов. государства, объединенія», во время своего пребыванія въ Екатеринодарѣ, входили въ составъ мѣстнаго Совѣта.

«Всероссійскій нац. центръ» изъ Москвы перенесъ свою дѣятельность въ Кіевъ, а въ началѣ 1919 г. — въ Екатеринодаръ. Во главѣ стоялъ М. М. Федоровъ.

«Союзъ возрожденія Россіи» переходилъ послѣдовательно изъ Москвы въ Кіевъ, Одессу и Екатеринодаръ. Послѣ Одессы первое время организація эта разстроилась, представляя лишь немногочисленное общество отдѣльных видныхъ членовъ Союза — Мякотина, Титовъ, Рудневъ, Пѣшеховъ и друг.

³⁾ Для характеристики политическихъ группъ: Нац. центръ и Сов. госуд. объединенія прислали мнѣ списки лицъ, желательныхъ для назначенія въ Высшій со-

Особое Совѣщаніе никогда не пользовалось расположеніемъ русской общественности и навлекало на себя суровую критику и тогда, и теперь. При этомъ оно находилось всегда подъ двойнымъ обстрѣломъ — по обвиненію, съ одной стороны, въ «черноствѣствѣ», съ другой — въ «кадетизмѣ». Формулы одинаково сакраментальныя и «вины» одинаково непростительныя въ глазахъ разныхъ политическихъ группировокъ. Прежде всего было бы справедливымъ разложить историческую отвѣтственность Особого Совѣщанія. Давая въ свое время опредѣленные указанія по кардинальнымъ вопросамъ законодательства и управления и утверждая всѣ законоположенія, прежде всего раздѣляю эту отвѣтственность въ полной мѣрѣ я. Во вторыхъ, невзирая на отсутствіе парламентаризма, общественное начало было далеко не чуждо Особому Совѣщанію: всѣ важнѣйшія законоположенія, прежде чѣмъ попасть на разсмотрѣніе Совѣщанія, вынашивались въ вѣдрахъ двухъ основныхъ политическихъ организацій и въ группѣ кадетской партіи, по существу, впрочемъ, растворившейся въ Нац. центрѣ. Ихъ мнѣнія претворялись въ преніяхъ Совѣщанія, въ которомъ участвовали и видные представители организацій. Только Союзъ воз. не имѣлъ тамъ своего голоса, хотя ковенно принималъ извѣстное участіе въ обсужденіи дѣлъ путемъ рѣдкихъ, правда, собесѣдованій со мной и личныхъ отношеній съ руководителями Нац. Центра. И если въ общемъ направленіи политики Юга — въ той средней линіи — равно дѣйствующей политическихъ теченій, къ которой стремился я и которую, въ концѣ концовъ, съ уклономъ вправо, проводило Ос. Сов., организованная общественность по повинуна, то во многихъ важныхъ мѣропріятіяхъ и отвѣтственныхъ на значеніяхъ есть не малая доля ея участія. Теперь, послѣ всяческихъ переоцѣнокъ и превращеній соблюдается часто библейскій обрядъ умовенія рукъ, и прошлое какъ то забывается...

Личный составъ Особого Совѣщанія¹⁾ слагался по признакамъ дѣловымъ, а не политическимъ, поскольку это зависѣло отъ меня: по условіямъ своей жизни и военной службы, главнымъ образомъ на окраинахъ, я имѣлъ рабѣе очень мало соприкосновенія съ міромъ государственныхъ, политическихъ и общественныхъ дѣятелей и поэтому испытывалъ большое затрудненіе въ выборѣ людей на высшіе посты управления. Вначалѣ мною практиковалась такого рода провѣрка: когда предлагали кандидатуру «справа», я наводилъ справки «стѣва» и наоборотъ. Поэтому заторъ порядкомъ оформился, и всѣ предположенія о замѣщеніи своего состава и высшихъ постовъ были возложены мною на Ос. Сов., предсѣдатель котораго представлялъ мнѣ результаты выбора. Иногда мнѣнія раздѣлялись и мнѣ пред-

вѣтъ. Въ списокъ Нац. центра были включены, кромѣ дѣятелей, примыкавшихъ къ нему, представители торгово-промышленныхъ группъ и Союза возрожденія Россіи. Вообще, въ списокъ преобладали общественно—третій элементъ, политическимъ—кадеты и умѣренные социалисты.

Въ списокъ Государственного объединенія были исключительно государственные и общественные дѣятели праваго направленія. Въ обонхъ спискахъ фигурировали имена слѣдующихъ лицъ: Н. Н. Львова, П. Б. Струве и В. В. Шульгина.

¹⁾ Къ іюлю 1919 г. составъ Особого Совѣщанія былъ слѣдующій:

1. Предсѣд. ген. А. М. Драгомировъ — безпартійный, правый.
2. Нач. военнаго управл., ген. Лукомскій — безпарт., правый.
3. Нач. морск. управл., вице-адм. Герасимовъ — безпарт., правый.
4. Нач. штаба, ген. Романовскій — безпарт., либераль.
5. Главный нач. снабж., ген. Сампиловъ — безпарт., правый.
6. Главн. нач. воен. сообщ., ген. Тихменевъ — правый, членъ Сов. гос. объедин.
7. Испр. должн. нач. управл. иностр. дѣлъ, А. А. Нератовъ — правый, членъ Сов. государств. объединенія.
8. Нач. управл. ви. дѣлъ, Н. Н. Чебышевъ — правый, членъ Нац. Центра, впоследствии перешелъ въ Сов. государств. объединенія.
9. Нач. управл. юстиціи В. Н. Челитчевъ — либераль, чл. Нац. Центра.
10. » » земледѣлія В. Н. Колокольниковъ — правый.
11. » » финансовъ М. В. Бернацкій — безпарт., бывш. р. д.
12. » » торг. и пром. В. А. Лебедевъ — безпарт.
13. » » прод. С. Н. Масловъ — правый, окт.
14. » » нутев. сообщ. Э. П. Шуберскій — безп., членъ Нац. Центра.

лись различныя теченія, которыя смущали и разошлись по которымъ мы не хотѣли. Партийная дисциплина при бывшихъ условіяхъ конечно не могла существовать. У насъ состоялось соглашеніе о томъ, что въ Ос. Сов. мы не можемъ быть связаны мнѣніемъ малочислой группы к. д., собравшейся въ Екатеринодарѣ. Отдѣльные члены партіи въ Ос. Сов. и другихъ учрежденіяхъ (напр. Донецъ кругъ) дѣйствовали за свой страхъ и рискъ, за счетъ своего повиновенія слагавшимся условіямъ и собственной совѣсти.

Какъ бы то ни было, въ Ос. Сов. осуществилась та коалиція двухъ политическихъ направленій, въ созданіи которой послѣ октябрьскихъ дней стремились многіе, въ томъ числѣ Миллюковъ въ кievскій періодъ его дѣятельности. Эта коалиція соответствовала, какъ будто, соотношенію слагаемыхъ элементовъ бѣлаго движенія на Югѣ и, во всякомъ случаѣ, представляла предѣльный уклонъ «влѣво», допускаемый настроеніемъ Арміи и близкихъ ей круговъ. Видъ этой комбинаціи представлялись двѣ возможности: однородное и правое или однородное и либеральное правительство. Первое было бы спокойно принято Арміей, но еще больше недоброжелательно въ стражѣ, въ особенности въ казачьихъ областяхъ; оно имѣло бы въ своемъ распоряженіи вѣроятно элементы волевыя и признанное возглавленіе въ лицѣ Кривошеина. Но успѣхъ такого правительства и прочность его были весьма сомнительны, особенно принимаемая во вниманіе ту психологію и то игнорированіе огромнаго социальнаго сдвига, которыя проявляли до крушенія Юга даже умеренно-правые круги. Созданіе правительства второго типа было просто неосуществимымъ: въ силу настроенія офицерства, того натиска изъ правыхъ круговъ, который подрывалъ бы его существованіе и которому мирный, по природѣ своей, русскій либерализмъ противопоставитъ не могъ.

Я долженъ, однако, оговориться. Собственно офицерство политической и классовой борьбой интересовалось мало. Въ основной массѣ своей въ классовомъ отношеніи оно являлось элементомъ чисто служивымъ, типичнымъ «интеллигентскимъ пролетариатомъ». Но связанное съ прошлымъ русской исторіи крѣпкими военными традиціями и представляя по природѣ своей элементъ охранительный и, оно легче поддавалось вліянію правыхъ круговъ и своего сохранившаго авторитетъ, также црваго но преимуществу, старшаго команднаго состава. Не малую роль въ этомъ сыграло и отношеніе къ офицерству социалистическихъ и либеральныхъ круговъ въ наиболѣе трагическіе для офицеровъ дни — 1917 года и особенно Корниловскаго выступленія¹⁾. Эти вліянія въ нѣкоторыя моменты выводили изъ равновѣсія въ общемъ аполитичное наше офицерство.

Таковы предпосылки появленія на свѣтъ «коалиціи» и «средней линіи» въ политикѣ Юга.

Политика эта потерѣла крушеніе.

Помимо личнаго ошибокъ правительства и правителя, въ этомъ печальномъ исходѣ ясно обозначилась одна изъ причинъ его: возможная для мирнаго строительства въ условіяхъ нормальной жизни страны, полезная безъ сомнѣнія для организаціи противобольшевизма движенія и расширенія фронта его участниковъ, коалиція, въ качествѣ силы дѣйствительно, правящей, оказалась трудно примѣнимой въ дни революціи, въ дни борьбы.

Особое Совѣщаніе, состоявшее изъ лицъ, преданныхъ Родинѣ, но по разному понимавшихъ ея интересы, не могло работать съ должнымъ единодушіемъ.

Послѣ крушенія Воор. с. Юга, одинъ изъ правыхъ членовъ Особаго Совѣщанія подѣлился со мной своими мыслями о причинахъ неудачи, постигшей нашу политику, «своей критикой и самокритикой»:

«По составу Ос. Сов. дѣлилось на два политическихъ лагеря, въ немъ боролся два міросозерцанія.

Эта борьба прежде всего вліяла на подборъ лицъ, когда считалось не только съ технической подготовкой, но главнымъ образомъ съ политическимъ тяготѣ-

¹⁾ Объ этомъ я писалъ во II томѣ «Очерковъ».

Генералъ А. Драгомировъ, Председатель Особого Совѣщанія

Особое совещание.

нієм. Наружно для Васъ все было прикрыто государственными лозунгами, большинство знало закулисную сторону. Обѣ стороны (Совѣщанія) не свободны отъ грѣха.

Политика, проводимая аппаратомъ, заключающимъ элементы для внутренней грѣши, могла быть только компромиссной. Каждая изъ составныхъ частей Ос. Сов. при обсужденіи любого законопроекта социальнаго значенія стремилась отстаивать свое міросозерцаніе и, сознавая, что не въ силахъ провести его цѣлкомъ, пыталась убѣдить другую на избѣстныхъ уступки.

Наша политика была поэтому осторожна, но лишена творческаго авантюризма, рѣшительности и напора. Она казалась недостаточно демократичной однимъ и слишкомъ слабой противъ непомѣрныхъ домогательствъ черни — другимъ. Она не удовлетворяла ни одно изъ теченій, борющихся съ оружіемъ въ рукахъ.

Даже военная диктатура, для того, чтобы быть сильной и устойчивой, нуждается въ поддержкѣ могущественнаго класса, притомъ активнаго, способнаго за себя постоять, бороться. Наша же средняя линия вызвала опасеніе однихъ классовъ, недовѣріе другихъ и создала пустоту въ смыслѣ социальной опоры вокругъ.

Въ результатъ — диктатурѣ пролетариата и выпущенной изъ тюрьмы братни мы не смогли противопоставить диктатуры здороваго и достаточно сильнаго класса, а масса была еще апатична, не подготовлена, чтобы активно съ оружіемъ въ рукахъ встать на защиту своихъ идеаловъ.

Правда, надъ всѣмъ доминировала идея диктатуры, которая теоретически должна давать общую линію ионеденій и направленій. Но ясно, что Ос. Сов. могло эти указанія усилить или ослабить при проведеніи въ жизнь, мало того оно могло илгать и кліаловъ.

Дѣйствительно, «диктатура», проводя однѣ направляющія линіи прямо и непреклонно, въ другихъ — считалась съ мнѣніемъ Ос. Сов., самоограничивая путемъ такой «внутренней» конституціи свои неограниченныя права. Постановленія Совѣщанія служили, во всякомъ случаѣ, въ моихъ глазахъ мѣрломъ того, что можно было провести въ жизнь безъ потрясеній при тогдашнихъ условіяхъ и тогдашнихъ исполнителяхъ, при чемъ необходимо замѣтить, что ни одно особенно мнѣніе либеральной группы не было оставлено безъ вниманія. Впрочемъ, въ постановленіяхъ Ос. Сов. такіе эпизоды официального протеста, заявляемаго лишь частью группы, бывали не часто — обыкновенно находился компромиссъ. Иногда либеральная группа доводила до моего свѣдѣнія въ частномъ порядкѣ черезъ начальника штаба ¹⁾ о спорныхъ сторонахъ принятаго уже Ос. Сов. рѣшенія. Только нѣсколько лѣтъ спустя я узналъ о мотивахъ такой постановки вопроса, для меня совершенно неожиданныхъ:

«Мы избѣгали навязываемаго намъ положенія официальной оппозиціи и, лояльно поддерживая диктатуру, не хотѣли разводиться около нея внутреннею распрю. Первоначально мы дѣйствительно практиковали пріемъ подачи «особыхъ мнѣній». Эти особые мнѣнія оказались, однако, весьма опасными и возмѣли довольно неожиданныя послѣдствія. Часть ихъ была поддержана главнокомандующимъ. Въ результатѣ по всей правой линіи вспыхнуло рѣзкое раздраженіе. Положение оказалось опаснымъ — не для насъ, а для главнокомандующаго. Разлетѣлись слухи о томъ, что главнокомандующій идетъ по указкѣ кадета и въ частности двухъ кадетъ Ос. Сов. До насъ это злобное раздраженіе дошло въ видѣ зловѣщихъ слуховъ о возможныхъ покушеніяхъ на главнокомандующаго... Мы рѣшили прекратить систему особыхъ мнѣній и пріобрѣтать къ нимъ только въ экстремныхъ случаяхъ, что и дѣлалось».

Конструкція Ос. Сов. и соотношеніе въ немъ силъ дѣлали положеніе оппозиціи весьма труднымъ.

«Развивать въ немъ большую работу — ппшеть одинъ изъ членовъ оппозиціи — въ духѣ, не отвѣчающемъ правымъ устремленіямъ, было довольно праздымъ занятіемъ... Были ли мы, однако, безучастны къ этому явленію? Искали ли выхода? Утверждаю, что выхода искали, положеніемъ чрезвычайно тяготились...» Прежде всего «мы стремились внести нѣкоторое равновѣсіе въ Ос. Сов. и усилить въ немъ гражданскій элементъ, усилить вашу группу въ

¹⁾ Такъ какъ стѣны мнѣли глаза я унис, то эти посѣщенія становились достояніемъ молвы и въ глазахъ извѣстныхъ круговъ ставились въ большую вину ген. Романовскому.

Совещанія съ цѣлью выправленія его, какъ говорилось, «праваго крена»... Помню, какъ послѣ одного изъ засѣданій, наведенный пререканіями по одному изъ очерченныхъ спорныхъ вопросовъ и видя, что пререканія проистекаютъ изъ исключавшихъ другъ друга политическихъ живленіемъ, я обратился къ... (двумъ правымъ членамъ Совѣщанія) съ заявленіемъ: «кончимъ же это безплодно и вредно топтаніе на мѣстѣ. Берите на себя отвѣтственность, мы стоимъ и не будемъ больше пререкаться. Нужно, чтобы дѣло двигалось. Въ остальное его гибель. Нужно выбрать курсъ и дѣйствовать». Мои собесѣдники согласились, что положеніе тягостно, но отвергли мысль о томъ, что мы должны разойтись. Становилось все яснѣе, что для праваго большинства мы были пужы, какъ нѣкоторое прикрытіе...»

Въ концѣ концовъ, авторъ письма пришелъ къ рѣшенію: «мы не можемъ повліять на ходъ правой политики, которая все болѣе укрѣпляется въ Добрарміи. Это для меня ясно. Ставлю себя, однако, задачей хотя бы нѣсколько смягчать неизбежныя рѣзкости въ условіяхъ военнаго окруженія военной диктатуры въ пору гражданской войны. Знаю, что эта задача весьма неблагоприятная. Но уходить изъ Добрарміи не буду».

Коалиція была необходима, а элементы, ее составлявшіе — органически неродны. Въ этомъ былъ глубокой трагизмъ положенія.

И, наконецъ, отмечая первенство причинъ соціальнаго и политическаго характера въ неудачѣ движенія, третій весьма видный участникъ Ос. Сов. — правый, военный — говорить:

«Что касается того, какія теченія преобладали въ утвержденныхъ главнокомандующимъ рѣшеніяхъ Особ. Совѣщанія — это вопросъ спорный. Впрочемъ это и несущественно. Дѣло не въ правой или лѣвой политикѣ, а въ томъ, что мы совершенно не справились съ тѣломъ».

Какъ бы то ни было, тяжелей вѣсъ правленія шель въ гору по ухабистой дорогѣ и притомъ на тугихъ тормозахъ. Обѣ стороны выжили въ этомъ другъ друга.

Программа правительства не объявлялась. Двѣ рѣчи, сказанныя мною въ Ставрополѣ и на открытіи Кубанской рады, исчерпывали официальное изъясненіе нашей идеологіи и политическаго курса; онѣ служили темой для пропаганды, политическихъ дискуссій и экспорта за границу¹⁾.

Въ ихъ неопредѣленности и «непредрѣшеніяхъ» различныя секторы русской общественности, одни съ тревогой и подозрительностью, другіе съ признаніемъ и надеждой — видѣли маскировку, скрывающую «истинныя» побужденія и намѣренія. Изъ круговъ умѣренно социалистическихъ и либеральныхъ, изъ Крыма, Кіева, Одессы, отъ «русскаго политическаго совѣщанія» изъ Парижа шли все болѣе настоятельныя предложенія «раскрыть лицо Добровольческой Арміи». Между тѣмъ, «непредрѣшенія» являлись результатомъ столько же моего убѣжденія, сколько и прямой необходимости.

Въ самомъ дѣлѣ: «Борьба съ большевизмомъ до конца», «Великая, Единая и Недѣлимая», «автономія и самоуправленія», «политическія свободы» — вся эта цѣнная кладь могла быть погружена на государственный возъ при общемъ или почти общемъ (кроме федералистовъ и самостійниковъ) сочувствіи. Казалось, что съ одной этой кладью, подъ трехцвѣтнымъ національнымъ флагомъ можно будетъ довести его до Москвы, а если тамъ при разгрузкѣ произошло бы столкновеніе разномыслихъ элементовъ, даже кровавое, то оно было бы, во всякомъ случаѣ, менѣе длительнымъ и изнурительнымъ для страны, тѣмъ большевизмъ неволя... Но идти дальше этого было уже трудно: въ нѣкоторыхъ случаяхъ пришлось бы искривать разъядавшее насъ разномысліе.

¹⁾ Въ телеграммѣ Сазонову отъ 2 янв. 19 г. я писалъ: «Мы боремся за самое бытіе Россіи, не преслѣдуемъ никакихъ реакціонныхъ цѣлей, не поддерживаемъ интересъ какой-либо одной политической партіи и не покровительствуемъ никакому отдѣльному сословію. Мы не предпрѣшаемъ ни будущаго государственнаго устройства, ни путей и способовъ, коими русскій народъ объявитъ свою волю».

Однажды, осенью 1918 г. по поводу толков о необходимости декларации мои оба ближайшие помощника сказали мне, что работать под лозунгом Учредительного Собрания они считают для себя невозможным. Это было убеждение, широко распространенное в военной среде и правых кругах, где понятия «учредилка» и «учредилочки» встречали презрительное отношение. Но и в либеральных кругах в то время признание Учред. собр. было далеко не безоговорочным. На кадетском съезде в Екатеринбург мы слышали, например, из уст Милюкова такие слова: «Я против предвещения как форм, так и способов создания новой власти. Идея народоустройства и свободного волеизъявления народов будет больше чьим поколеблена... Необходима крайняя осторожность по отношению к Учред. собранию»...

Оставляя в стороне другие паллиативные решения, оставалось декларировать кому-либо «самозарождение» или «законопреемственность», чтобы в минуту порыва слагавшееся с таким трудом, весьма непрочное единство военно-общественного фронта.

Это отношение к идеям Учред. собр. под влиянием разнообразных причин современного начинается вновь меняться, вероятно не столько по убеждению, сколько по тактическим соображениям. Так, на заседании представителей Гос. об., Нац. центра, Союза возр. и бюро «Советовъ объедин. земствъ и городовъ Юга Россіи»¹⁾, представлявшем первую попытку объединения более широкого общественного фронта, возбужден был и этот вопрос; протокол заседания говорит:

«Учредительное собрание, как суверенный орган государственного строительства, возникающее на основе народного волеизъявления — признано приемлемым в принципе, но не по наименованию членами всех представленных организаций. Члены Земско-городск. объединения, Союза Возр. и Госуд. об. в лице Е. Н. Трубецкого²⁾ признают его категорически, оставляя и название. Член Гос. об. Маслеников считает неизбежным установление самого органа народного волеизъявления, но предвещая его названия. Член Нац. Цен. М. Федоров считает вопрос о наименовании несущественным, но предпочитает название «Народного Собрания», настаивая при этом, главным образом, на установлении того момента выборов, который дал бы уверенность в разумном ходе голосования»³⁾.

Пока мужи совета, таким образом, искали путей, чтобы обойти не то острые углы взаимных отношений, не то друг друга, в Армии эти трения находили также отклик, но гораздо более элементарный: одни проливали кровь, не мудрствуя лукаво, другие заявляли:

Мы за «учредилку» умирать не будем...

Поэтому и призывал Армию бороться просто за Россию.

Съ большими еще трудностями проходил другой важный вопрос — аграрный. После долгих мук, споров, взаимных уступок Ос. Сов. подошло, наконец, к основному его положению. В двадцатых числах марта 1919 г. состоялось заседание под моим председательством, окончательно установившие руководящие основания. Это было еще очень немного, но, по крайней мере, дело двигалось с мертвой точки. Когда возник вопрос — в какой форме

¹⁾ Бюро выдвинулось на Симферопольском съезде.

²⁾ Только его лично. В собрании присутствовали еще члены Сов. Гос. об. В. Бобрицкий, А. Хрипунов, Л. Маслеников.

³⁾ Из протокола заседания 3 января 1919 г. — Харьковское совещание партии Народной Свободы в ноябре 1919 года высказалось за «доведение страны до Всероссийского Представительного собрания», против «попытки немедленного объявления постоянной формы государственного устройства» и против немедленного свержения большевистской власти Учредительного собрания.

объявить о принятом решении во всеобщее сведение, один из членов Совещания высказал взгляд, что объявлять не следует вовсе; к нему присоединилась большая часть правых членов Совещания. Я выразил свое удивление и заявил, что принятые положения считаю обязательными, и они будут опубликованы в ближайший день. «Декларация», как результат этого обсуждения, составлялась в Нац. центр и принадлежит перу Н. И. Астрова. Я изменил ее редакцию, оставив сущность, и придал форму предписания на имя председателя Ос. Сов.). Оно гласило:

«Государственная польза России властно требует возрождения сельского хозяйства».

Полное разрешение земельного вопроса для всей страны и составление об-щого для всей необъятной России земельного закона будет принадлежать законодательным учреждениям, через которые русский народ выразит свою волю.

Но жизнь не ждет. Необходимо избавить страну от голода и принять неотложные меры, которые должны быть осуществлены немедленно. Поэтому Особому Совещанию надлежит теперь же притупить же разработку и составление положений и правил для местностей, находящихся под управлением главнокомандующего вооруженными силами Юга России.

Считаю необходимым указать те начала, которые должны быть положены в основу этих правил и положений:

1. Обеспечение интересов трудящегося населения.
 2. Создание и укрепление прочных мелких и средних хозяйств за счет казенных и частновладельческих земель.
 3. Сохранение за собственниками их прав на земли. При этом в каждой отдельной местности должен быть определен размер земли, которая может быть сохранена в руках прежних владельцев и установлен порядок перехода остальной частновладельческой земли к малоземельным. Переходы эти могут совершаться путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно за плату. За новыми владельцами земли, не превышающая установленных размеров, укрепляется на правах неизъемой собственности.
 4. Отчуждению не подлежат земли казачьи, надельные, леса, земли высокопроизводительных сельско-хозяйственных предприятий, а также земли, не имеющие сельско-хозяйственного назначения, но составляющие необходимую принадлежность горнозаводских и иных промышленных предприятий: в последних двух случаях — в установленных для каждой местности повышенных размерах.
 5. Всемерное содействие земледельцам путем технических улучшений земли (мелиорация), агрономической помощи, кредита, средств производства, снабжения с/мехами, живым и мертвым инвентарем и проч.
- Не ожидая окончательной разработки земельного положения, надлежит принять теперь же меры к облегчению перехода земель к малоземельным и поднятию производительности сельско-хозяйственного труда. При этом власть должна не допускать мест и классовой вражды, подчиняя частные интересы благо Государства».

В день отдачи предписания ген. Драгомиров передал мне просьбу председателя Сов. Гос. об. Кривошеина — поременить с выпуском его до представления проекта Гос. об., так как «такой государственной важности акт требует особого, подобающего случаю изложения». Ждать дольше я не хотел, и предписанию дан был ход. В полученном *post-factum* проекте Кривошеина пункт, касавшийся непосредственно аграрного вопроса, был изложен в такой форме:

- «6. Безотлагательная разработка мероприятий, имеющих главнейшую целью обеспечить интересы широких народных масс и быстрый рост производительных сил страны. В этих видах, между прочим:
а) в области аграрных задач — постановка земельного дела в начале децентрализации в соответствии с особыми хозяйственными условиями отдельных районов; всемерное содействие образованию и скорейшему развитию мелкой земельной собственности; отныне ограничить в правах распоряжения крестьянскими надельными землями; широкое поощрение добровольных со-

¹⁾ От 23 марта 19 г. № 45.

глашений о переходѣ земли въ крестьянскія руки; созданіе примирительныхъ земельных коммисій и принудительное, за справедливый выкупъ, отчужденіе земли во всѣхъ случаяхъ, когда государственныя интересы этого требуютъ».

Такъ или иначе, провозглашенъ былъ столь страшный для многихъ принципъ принудительнаго отчужденія.

Первымъ послѣдствіемъ изданія аграрной деклараціи было крупное столкновение между Гос. об. и Шац. центромъ. Я уѣхалъ въ Чечню, а декларація не появлялась въ печати цѣлую недѣлю. Задержка, повидимому, произошла потому, что въ это время въ совѣтскомъ засѣданіи обѣихъ группъ шель горячій споръ о цѣлесообразности и своевременности изданія деклараціи. Сов. гос. об. устами, главнымъ образомъ, Кривошеина доказывалъ: «неправильно успивать вновь рознь въ антибольшевизмскѣмъ лагерѣ, гдѣ и безъ того элементы мщениа играютъ большую и фатальную роль... Одни будутъ обвинять власть въ демагогіи, въ стремленіи ихъ ущемить въ угоду демократическимъ теченіямъ, будутъ доказывать антигосударственность и экономическую нецѣлесообразность мѣры, которую будутъ считать направленною противъ ихъ классовыхъ и личныхъ интересовъ. А такъ какъ вліяніе этихъ элементовъ въ Арміи и чпшовничествѣ значительно, то послѣдствіемъ будетъ будированіе противъ власти среди лагеря, на который она вынуждена опираться... Съ другой стороны официальные документы, который не можетъ обѣщать больше, чѣмъ уже дано большевизмскимъ декретомъ о землѣ, даетъ оружіе для агитаціи и пропаганды съ лѣвой стороны — соп.-реп. и тайныхъ агентовъ большевиковъ»... Представители Нац. центра возражали, что «съ одними офицерами воевать больше нельзя, что нужно привлечь на свою сторону солдата или сдѣлать его, по крайней мѣрѣ, не враждебнымъ... Необходимо немедленно парализовать агитацію, которую ведутъ большевики, будто новая власть идетъ возстановлявать старый режимъ, возвращать земли помѣщикамъ, метить и наказывать... Наконецъ, что нужны довѣріе и поддержка европейскихъ демократій»...

Обѣ стороны не пришли къ соглашенію и разстались еще большими врагами.

Появленіе аграрной деклараціи усилило тѣ настроенія, которыя были созданы подготовительной борьбой. Такъ напримѣръ, газета «Великая Россія», руководимая тогда Н. Н. Львовымъ, послѣ бурнаго засѣданія редакціонной коллегіи, на которомъ обсуждалось отношеніе къ деклараціи, въ концѣ концовъ напечатала ее въ рубрикѣ текущихъ дѣлъ («Въ Ос. Совѣщаніи») безъ всякихъ сопроводительныхъ комментариевъ. Сильно и убѣжденно высказался тогда М. В. Родзянко, остерегавшій меня «отъ опаснаго шага изданія земельного закона (мосей) единоличной властью»:

«Я отлично отдаю себѣ отчетъ — писалъ онъ мнѣ — что земледѣльческія крестьянскія классы въ Россіи должны быть надѣлены землей за счетъ крупнаго землевладѣнія... Но нельзя признать права за случайно собраннымъ Ос. Совѣщаніемъ превосходить права неизбежнаго будущаго Учредит. Собранія, которое одно только зправѣ коснуться наиважнѣйшаго права каждаго гражданина — права собственности... Связанныя съ законопроектомъ сложныя финансовыя мѣры могутъ вызвать окончательное разстройство въ нашихъ поколебленныхъ финансахъ... Наконецъ, если законодательство, касающееся земельной реформы, пойдетъ по такому пути, то необходимо окажется, что Армія Ваша, адм. Колчака, ген. Юденича, Стверная и др. могутъ его разрѣшить на различныхъ основаніяхъ, и тогда въ этомъ ягучемъ, набольшемъ вопросѣ страна будетъ заведена въ такой тупикъ, изъ котораго ее не выведетъ никакое Учредительное Собраніе...»

Эти взгляды, не слишкомъ, впрочемъ, противорѣчившіе духу деклараціи, раздѣлялись и Союз. возр., который также считалъ, что «окончательное разрѣшеніе аграрнаго вопроса можетъ послѣдовать лишь по воссоединеніи Россіи и только властью Учредит. Собр.», и что «нынѣ возможны только временныя мѣры для урегулированія земельныхъ отношеній». Но при этомъ Союзъ считалъ необходимымъ «предоставить крестьянамъ пользованіе той землей, которая находится въ ихъ фактическомъ владѣніи». Этотъ же взглядъ правительствомъ адм. Колчака былъ

проведеши фактически въ жизнь въ Сибири, гдѣ, правда, земельныя отношенія не имѣли вовсе той остроты, какъ въ Европ. Россіи¹⁾.

Не лишнимъ будетъ привести и тотъ взглядъ, который высказывало въ тѣ дни лицо, шедшее на смѣну власти. Въ концѣ марта ген. Еврагелъ говорилъ: «полагаю, что требованія части общества, обращенныя къ Арміи, о провозглашеніи ея программы, ошибочны. Армія по самой природѣ своей вѣдъ полптика. Политической программы у Арміи не можетъ быть. Мы должны завоевать порядокъ, при которомъ народъ, освобожденный отъ гнета и произвола, свободно выскажетъ свою волю».

Несравненно легче проходилъ рабочій вопросъ, не вызывая ни такой страстности, ни такого разномыслія, какъ аграрный. Въ тотъ же день, 23 марта на имя предсѣдателя Ос. Сов. было мною послано предписание:

«Русская промышленность разрушена совершенно, тѣмъ подорвана государственная мощь Россіи, разорены предприятия и лишены работы и хлѣба миллионы рабочаго люда.

Предлагаю Особому Совѣщанію праступить немедленно къ обсужденію мѣръ для возможнаго возстановленія промышленности и къ разработкѣ рабочаго законодательства, принявъ въ основу его слѣдующія положенія:

1. Возстановленіе законныхъ правъ владѣльцевъ фабрично-заводскихъ предприятий и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпеченіе рабочему классу защиты его профессиональныхъ интересовъ.

2. Установленіе государственнаго контроля за производствомъ въ интересахъ народнаго хозяйства.

3. Повышеніе всѣми средствами производительности труда.

4. Установленіе 8-часоваго рабочаго дня въ фабрично-заводскихъ предприятияхъ.

5. Примиреніе интересовъ работодателя и рабочаго и безпристрастное рѣшеніе возникающихъ между ними споровъ (примирительныя камеры, промысловые суды).

6. Дальнѣйшее развитіе страхованія рабочихъ.

7. Организованное представительство рабочихъ въ связи съ нормальнымъ развитіемъ профессиональныхъ обществъ и союзовъ.

8. Надежная охрана здоровья трудящихся, охрана женскаго и дѣтскаго труда, устройство санитарнаго надзора на фабрикахъ и заводахъ и въ мастерскихъ; улучшеніе жилищныхъ и иныхъ условій жизни рабочаго класса.

9. Всеобщее содѣйствіе возстановленію предприятий и созданію новыхъ въ цѣляхъ прекращенія безработицы, а также принятіе другихъ мѣръ для достиженія той же цѣли (посредническіе конторы по найму и проч.).

Къ обсужденію рабочаго законопроекта надлежитъ привлечь представителей какъ отъ предприятий, такъ и отъ рабочихъ. Не ожидая окончательной разработки и осуществленія рабочаго законодательства, во всѣхъ случаяхъ текущей жизни и административной практики, въ мѣрѣ возможности принимать эти основныя положенія и, въ частности, оказывать государственное содѣйствіе къ обезпеченію рабочихъ и ихъ семействъ предметами первой необходимости за счетъ части заработка».

«Рабочая декларация» была принята обществомъ и печатью также безъ особой страстности. Въ Екатеринбургскій періодъ борьбы торгово-промышленный классъ не имѣлъ въ кругахъ, близкакъ къ Арміи и Ос. Сов., такъжъ сторонниковъ своихъ интересовъ, какъ аграринъ.

Въ результатъ обѣихъ деклараций образованы были двѣ комиссіи: для разработки земельного вопроса — подъ предсѣдательствомъ вѣн. управ. земл. Коло-

¹⁾ «Всѣ, въ чемъ пользованіи земля сейчасъ находится, всѣ кто ее засѣять и обработать, хотя бы не были ни собственникомъ, ни арендаторомъ, имѣютъ право собрать урожай. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство принимаетъ мѣры для обезпеченія безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ и на будущее время, воспользовавшись въ первую очередь частновладельческой и казенной землей, уже перешедшей въ фактическое обладаніе крестьянъ. Въ окончательномъ же видѣ въковой земельный вопросъ будетъ рѣшенъ Национальнымъ собраніемъ». Изъ декларации Россійскаго правительства, выданной 5 апрѣля 19 года.

кольцова, и для разрѣшенія рабочаго вопроса — подъ предѣлательствомъ М. М. Федорова.

Постояннымъ пожеланіемъ о необходимости общей политической деклараціи правительства Юга для западной Европы приходили отъ русскаго политическаго совѣщанія изъ Парижа и отъ Елатеринодарскихъ иностранныхъ представителей. В. Маклаковъ подсаказывалъ и общія основныя начала ея: «временный характеръ военной власти, имѣющей цѣлью не возстановленіи единства и порядка обезпечить свободное выраженіе народнаго суверенитета (?) Въ земельномъ вопросѣ — правовое урегулированіе совершающагося стихійнаго процесса... Утвержденіе самобытнаго устройства и развитія народностей въ предѣлахъ органически единой Россіи въ формахъ автономіи или федераціи» и т. д.

Въ началѣ апрѣля предѣд. Ос. Сов. ген. Драгомировъ доложилъ мнѣ, что ген. Бриттъ настоячиво проситъ объявить декларацію, которая могла бы разрѣшить предубѣжденіе о реакціонности Южной власти, создавшееся въ демократическихъ кругахъ Европы, и дала бы возможность искреннимъ друзьямъ Добровольческой Арміи оказывать ей болѣе серьезную помощь. Ген. Бриттъ предложилъ и проектъ деклараціи, которая могла бы, по его словамъ, удовлетворить англійскую рабочую партію¹⁾. По существу почти всѣ положенія этого проекта были приемлемы и въ той или другой формѣ объявлялись командованіемъ; но внесеніе въ проектъ «Национальнаго Собранія» шло значительно дальше «непредрѣшенія»... И то обстоятельство, что оно не возбудило протеста въ правомъ секторѣ Ос. Сов., означало уже большой сдвигъ.

10 апрѣля была составлена въ нѣсколько измѣненной мною редакціи и послана англійскому, французскому и америкапскому представителямъ нота, подписанная мною и всеми членами Особаго Совѣщанія²⁾.

Врядъ ли эта декларація имѣла какое либо вліяніе на измѣненіе международныхъ положеній Юга. Въ отечественныхъ же политическихъ кругахъ она не удовлетворила никого. Органы важнѣйшихъ противобольшевнскихъ группировокъ

¹⁾ Проектъ Декларации.

1. Наши «враги» утверждаютъ, что мы реакціонная сила, ведущая борьбу для возстановленія стараго режима.

Это неправда.

Мы, главнокомандующій вооруженными силами Юга Россіи и члены Особаго при немъ Совѣщанія, имѣя въ виду опроверженіе возводимого на насъ обвиненія въ реакціонности, торжественно объявляемъ, что мы преслѣдуемъ нижеслѣдующія цѣли.

1. Уничтоженіе большевнцкой тирани и возстановленіе порядка.
2. Возстановленіе могущественной единой и недѣлимой Россіи.
3. Созывъ Национальнаго Собранія на основахъ всеобщаго и тайнаго голосованія
4. Установленіе ширokaго мѣстнаго самоуправленія въ областяхъ, которыя того пожелаютъ.
5. Немедленныя земельныя реформы въ соотвѣтствіи съ нуждами каждой мѣстности.
6. Гарантіи полной гражданской свободы и свободы вѣроисповѣданія.
7. Рабочее законодательство, обезпечивающее трудящіеся классы отъ эксплоатаціи ихъ капиталомъ или Государствомъ.

(Текстъ въ переводѣ съ англійскаго).

Повидимому этотъ проектъ былъ извѣстенъ заблаговременно французскимъ и американскимъ представителямъ. Въ англійскомъ текстѣ фраза «Народное собраніе» имѣла начертаніе «National Assembly»; во французскомъ — «Assemblée Nationale» — понятіе, имѣвшее совершенно опредѣленный смыслъ — Учредительнаго Собранія (1789 и 1871).

²⁾ О послѣднемъ просилъ усиленно Бриттъ.

«Прошу Васъ довести до свѣдѣнія Вашего Правительства о томъ, какія цѣли преслѣдуетъ Командованіе вооруженныхъ силъ Юга Россіи въ вооруженной борьбѣ съ совѣтской властью и въ государственномъ строителствѣ.

высказались сдержанно, но явно несочувственно. «Великая Россія» нашла, что объѣдлив дано слишкомъ много, и «исполненіе ихъ принадлежитъ самой жизни русской — такой бурной, такой взбаламученной, что нѣтъ никакой возможности предвидѣть, въ какомъ реальномъ размѣрѣ будетъ осуществлена эта декларация»... «Утро Юга» находило, что сказано слишкомъ мало и слишкомъ неопредѣленно, въ особенности, въ части, касающейся Народнаго Собранія, въ рамки котораго «можетъ вмѣститься даже Булыгинская дума»... А «Свободная Рѣчь» въ пысканьяхъ, по туманнымъ выраженіяхъ отдала преимущество «простымъ, но исполненнымъ патриотическаго одушевленія и не отравленнымъ партійнымъ буквобѣдствомъ» словамъ, сказаннымъ равнѣ¹⁾, въ сравненіи съ декларацией, «вызванной дружественной любознательностью союзниковъ». И успокаивала умы взыскующіе: «не припѣло еще время, не сложилась еще та обстановка, при которыхъ можно пустить въ обращеніе новыя, отличныя пытливымъ проникновеніемъ въ туманную даль — отчужденныя представленія».

Можно было подумать, что и тѣ, и другіе являются обладателями вѣрнаго средства спасенія страны, но таятъ его до времени подъ спудомъ, не желая открыть своей тайны непосвященнымъ.

Создавался понекому политическій туманъ, изъ котораго могли вывести только побѣды Арміи.

ГЛАВА XXIII.

Особое Совѣщаніе: гражданское управленіе и самоуправленіе; рабочее и аграрное законодательство.

Вопросъ о національностяхъ и связанный съ нимъ — о территоріальномъ устройствѣ Россійскаго государства разрѣшались въ полномъ единомысліи мною и всѣми членами Ос. Сов.: единство Россіи, областная автономія и широкая децентрализація. Наши отношенія къ западнымъ лимитрофамъ выражались только въ декларативныхъ заявленіяхъ; съ Украиной, Крымомъ, Закавказскими республиками и казачьими областями насъ связывали многочисленныя нити во всѣхъ областяхъ жизни, борьбы и управленія. Объ нихъ я говорю въ соответствующихъ главахъ. Эти взаимоотношенія были очень трудны и ответственны, а среди управленія Ос. Сов. не было органа, который могъ бы руководить ими: управ. пн. дѣлъ старалось всмѣрно уклониться отъ этого дѣла, полагая, что принятіе въ свое вѣдѣніе сношеній съ новообразованіями послужитъ косвеннымъ признаніемъ ихъ суверенитета; управ. внут. дѣлъ по всей своей структурѣ и психологіи было не приспособлено къ такого рода работѣ. Въ концѣ концовъ сношенія съ новообразованіями велъ лично я, совмѣстно съ предсѣдателемъ Особого Сов. при посредствѣ его канцеляріи и при содѣйствіи начальника штаба и нач. воен. управ. — въ части, касающейся военныхъ обстоятельствъ и военнаго представительства²⁾. На

1. Уничтоженіе большевицкой анархіи и водвореніе въ странѣ правоваго порядка.
2. Возстановленіе могущественной единой, недѣлимой Россіи.
3. Созаніе Народнаго Собранія на основахъ всеобщаго избирательнаго права.
4. Проведеніе децентрализаціи власти путемъ устанавленія областной автономіи и широкаго мѣстнаго самоуправленія.
5. Гарантія полной гражданской свободы и свободы вѣроисповѣданія.
6. Немедленный приступъ къ земельной реформѣ для устраненія земельной нужды труждающагося населенія.
7. Немедленное проведеніе рабочаго законодательства, обезпечивающаго трудящіеся классы отъ эксплуатаціи ихъ государствомъ въ капитализмъ.

¹⁾ «Непредрѣшенія» — рѣчь моя на открытіи Кубанской рады.

²⁾ Любопытно, что въ правительствѣ адм. Колчака этотъ вопросъ также вызывалъ сомнѣніе: онъ былъ разрѣшенъ вначалѣ возложеніемъ сношеній съ новообразованіями (въ томъ числѣ съ прав. Юга. Сѣвера и Юденичемъ) на мин. иностр. дѣлъ, а съ осеня 1919 г. — на мин. вв. дѣлъ.

Префект «Совета Госуд. общд.» А. В. Кривошеинь.

Префект «Национального Центра» М. М. Федоровь.

еженедельных заседаний Ос. Сов. под моим председательством, я знакомил членов его с принятыми мѣрами и зачастую обращался за совѣтомъ, не встрѣчая никогда сколько нибудь серьезныхъ расхождений¹⁾.

Областное автономное устройство предполагалось не только въ отношеніи территорій, населенныхъ инородцами, но и русскихъ. Въ январѣ 1919 г. по инициативѣ В. В. Шульгина возникла «комиссія по національнымъ дѣламъ»²⁾, бюджетъ которой былъ отнесенъ на счетъ В.С.Ю.Р. Цѣлью своей комиссія поставила сборъ и разработку матеріаловъ для защиты русскихъ интересовъ на мирной конференціи и для выясненія отношеній Россіи къ національнымъ движеніямъ, а также изслѣдованіе вопроса объ автономномъ устройствѣ ея, въ частности Юга. Работы комиссіи отразились на административномъ подраздѣленіи территорій В.С.Ю.Р. на области³⁾. Въ планѣ предстоящаго устройства страны намъ представлялась самостоятельная цѣль самоуправленій отъ селскаго схода до областныхъ думъ, снабженныхъ въ періодъ подготовительный расширенными значительно правами губернскихъ земскихъ собраний и получающихъ въслѣдствіи функціи мѣстнаго законодательства изъ рукъ будущаго Народнаго Собранія. Но линия фронта далеко еще не выражала предѣловъ фактическаго распространенія войны. Вся небольшая вначалѣ территория Добровольческой Арміи являлась по существу театромъ военныхъ дѣйствій. Это обстоятельство побуждало къ принятію исключительныхъ мѣръ для временнаго усиленія и централизаціи власти на мѣстахъ. Временныя положенія «о гражданскомъ управленіи и о государственной стражѣ», выработанныя Ос. Сов. по схемамъ Нац. центра и выпущенныя въ мартѣ 1919 г., должны были считаться съ этимъ обстоятельствомъ и поневолѣ ограничивать общественную инициативу. Трѣмъ ступенямъ административной лѣстницы — главноначальствующему, губернатору и начальнику уѣзда по принадлежности были предоставлены надзоръ за состояніемъ и дѣятельностью всѣхъ правительственныхъ установленій⁴⁾ и мирныхъ самоуправленій. Гражданская стража, имѣя полувоенную организацію, находилась въ двойномъ подчиненіи — мѣстнымъ гражданскимъ начальникамъ и, черезъ командировъ губернскихъ бригадъ, «командующему государственной стражей» — помощнику нач. упр. ав. дѣлъ, на котораго возлагалось высшее руководство дѣятельностью стражи по предупрежденію и пресѣченію преступленій. Главноначальствующій, кромѣ высшаго надзора за управленіемъ нѣсколькихъ губерній или области, имѣлъ въ своемъ подчиненіи войска и долженъ былъ согласовать дѣйствія военныхъ и гражданскихъ властей. Ему предоставлялись исключительныя права и принятіе чрезвычайныхъ мѣръ въ случаяхъ, угрожающихъ государственному порядку.

Съ возстановленіемъ и утвержденіемъ порядка и полного успокоенія въ губерніяхъ, съ начальствующими должны были быть сложены всѣ чрезвычайныя полномочія, и отпадало дѣйствіе исключительнаго положенія.

Это устройство, удовлетворявшее ярые и либеральные круги, вызвало жестокую критику въ революціонной демократіи. Она находила въ идеѣ такого управленія только «административное усмотрѣніе, полицейскую опеку и пронзоль»; мы видѣли въ немъ необходимую условія, обезпечивающую интересъ борьбы и Арміи. Она считала это реставраціей; мы — временной мѣрой, долженствующей расчистить путь для утвержденія покоя и нормальныхъ формъ самоуправления.

Въ концѣ концовъ центръ тяжести вопроса былъ не столько въ системѣ, сколько въ людяхъ...

¹⁾ Событія на Кубани осенью 1919 г., связанныя съ княземъ Калабухова, какъ увидимъ позже, протекали безъ участія Особого Совѣщанія.

²⁾ Предсѣдателемъ былъ избранъ В. В. Шульгинъ. Въ трудахъ комиссіи принимали участіе проф. И. А. Линниченко, М. А. Ляпуновъ, А. Б. Билимовичъ, П. И. Новгородцевъ и друг.

³⁾ Харьковская, Киевская, Новороссійская и Сѣв. Кавказъ.

⁴⁾ Для главн. нач. и губ. — за исключеніемъ судебныхъ мѣстъ и Контроля; для нач. уѣздовъ — за исключеніемъ, кромѣ того, учебныхъ заведеній.

Но жизнь перевернула вверх дномъ всё наши умозаключені , и не оправдала ожиданій: наше гражданское управленіе не внесло законности и порядка, возбудивъ большое разочарованіе въ населеніи.

На высшихъ ступеняхъ гражданской іерархіи въ должности главноначальствующихъ находились генералы, командовавшіе арміями въ данныхъ районахъ; это положеніе имѣло свои достоинства и недостатки, тождественные съ соответствительствомъ въ до-революціонное время должности генераль-губернатора и командующаго войсками округа. При нихъ были помощники по гражданской части и «совѣты» представителей вѣдомствъ. Имѣя функціи только высшаго надзора, дѣятельность главноначальствующаго проходила на виду и была доступна въ извѣстной мѣрѣ прямому воздействию центра. Но дальше, въ области практическаго управленія дѣло обстоило хуже, нося явнѣе признаки реставраціи. Управляющій вн. дѣлами Чебышевъ ставилъ губернаторовъ почти исключительно изъ числа лицъ, занимавшихъ эти должности до революціи, желая «использовать ихъ административный опытъ». Это были люди — нѣкоторые по крайней мѣрѣ — быть можетъ, вполне подготовленные, но по психологич. и мировоззрѣнію, навикамъ, привычкамъ столь далеки, столь чужды свершившемуся перевороту, что ни понять, ни подотти къ нему они не могли. Для нихъ все было въ прошломъ, и это простое они старались возродить и въ формахъ, и въ духѣ. За ними слѣдомъ потянулись низшіе агенты прежней власти — одни, испуганные революціей, другіе, озлобленные и мстители. Приходили они въ районы, для нихъ незнакомые, пережившіе уже не одинъ режимъ, съ населеніемъ, потерявшимъ уваженіе къ закону и власти и недовѣрчивымъ, съ жизнью, выбитой изъ колеи, насыщенной взаимными обидами и классовой враждой. Уѣзды кпшлись шайками «зеленыхъ», всевозможныхъ атамановъ и остатками разсѣявшихся красноармейцевъ, до крайности затруднявшими передвиженіе и общеніе губернскихъ и уѣздныхъ властей съ деревней. Управленіе вн. дѣлъ, какъ оказалось, централизовало въ своихъ рукахъ все формированіе отрядовъ государственной стражи, для особаго подбора ихъ, и даже назначенія вѣсныхъ полицейскихъ агентовъ, благодаря чему по многимъ недѣлямъ губерніи оставались безъ полицейской охраны. Катившіяся по краю - театру войны вилы ближайшему ей тылу войсковыя части и своевольные начальники нарушали распоряженія гражданскихъ властей. Жизнь гражданской администраціи, какъ и всего служилого элемента Юга, была неприглядной, благодаря нинейскому содержанию, и толкала на искушенія. Наконецъ, измѣчивость боевого счастья бросала цѣлыя территоріи изъ рукъ въ руки, и многимъ администраторамъ по было зачастую времени устроить свой районъ. Только Ставропольская и Черноморская губерніи были въ нашихъ рукахъ болѣе года; въ нихъ правила часто смѣнявшіеся военные губернаторы, въ назначеніи которыхъ управ. вн. дѣлъ не было повинно; но и тамъ дѣло обстоило также плохо, если еще не хуже.

— Пять людей!

Эта жалоба не сходила съ устъ интеллигенціи и со страницъ печати. В. Шульгинъ съ горечью писалъ о томъ явленіи, что «въ гражданскомъ управленіи выянилось русское убожество, передъ которымъ цѣпенѣтъ мысль и онсукаются руки... Ряды старыхъ работниковъ страшно порѣдѣли, а новыхъ нѣтъ какъ нѣтъ»... Съ нимъ соглашалась вполне «Своб. Рѣчь», но при этомъ добавляла: «нѣтъ людей... Но тамъ ли ихъ ищутъ, гдѣ надо? Пока о мѣстахъ и вліяніяхъ спорить люди, зараженные прошлымъ, будь то сановники или «самовлюбленные Шариссы общестственности», ничего путнаго получить не можетъ... Главное вниманіе должно быть обращено на болѣе молодую поколѣнія... Надо хотѣть и умѣть искать!»¹⁾...

Целью сказать, чтобы мы не искали.

Много разъ я обращался къ управл. вн. дѣлъ съ требованіями — замѣнить систему комплектованія гражданской администраціи, привлечь общественныхъ дѣятелей — земскихъ и городскихъ, мѣстныхъ людей, пользующихся уваженіемъ и

¹⁾ Августъ 1919 г.

авторитетом... Однажды летом, после повторного резкого напоминания, ко мне пришел Пильг, временно замещающий Чебышева, и доложить: ввиду моего приказа он обратил с письмом к лидерам либеральных организаций и к некоторым видным общественным деятелям, с просьбой указать лиц, могущих заместить открывающиеся посты начальников губерний. Прошло 2—3 недели в... не отозвался никто. Это было тем более странным, что и Чебышев, и сменивший его в должности начальника управл. вн. дѣл в июлѣ Носовичъ — оба были назначены по рекомендаціи либеральной группы, именно Нац. центра.

Положеніе создавалось довольно безотрадное.

Наши противники слѣва винили не только людей, но и систему. Въ прочтѣннѣе единоначаліе выдвигалась децентрализація власти путемъ передачи ей мѣстнымъ самоуправленіямъ или «полубуржуазнымъ совѣтамъ». Это расхищеніе власти имѣло уже мѣсто въ опытѣ Временнаго правительства, когда самозародившіеся «общественные», «революціонные» комитеты и «совѣты р. и с. децутатовъ» произвели полный захватъ въ управленіи, порвавъ всякія связи мѣстъ съ центромъ. Этотъ опытъ былъ повторенъ отчасти и съ такимъ же неуспѣхомъ самарскимъ «Комучемъ». Наконецъ, его же вела въ широкихъ размѣрахъ совѣтская власть съ первыхъ дней своего существованія и съ первыхъ же дней начала упорную борьбу противъ «самовласти мѣстъ», пока путемъ давленія, подлоговъ, подтасовокъ не обратила выборное начало въ фикцію, посадивъ на мѣстахъ своихъ послушныхъ и всесильныхъ агентовъ.

Такой опытъ въ районахъ съ колеблющимся настроеніемъ, гдѣ даже сама идея борьбы не пользовалась всеобщимъ признаніемъ, представлялся невозможнымъ.

Положеніе на мѣстахъ и общес. состояніе нашего тыла становилось, между тѣмъ, катастрофическимъ.

Въ силу указанныхъ раньше причинъ законы выходили изъ Ос. Сов. съ большимъ опозданіемъ.

Серію компромиссовъ между двумя крыльями Совѣщанія открыло Положеніе объ «упрощенномъ управленіи городскимъ хозяйствомъ» и такомъ же управленіи для земства. Впредь до новыхъ выборовъ дѣятельность земскихъ собораній и городскихъ думъ, возникшихъ себя и съ 1 января потерявшихъ юридическое право существованія, не восстанавливалась, и всѣ обязанности ихъ возложены были на управы въ составѣ послѣднихъ дѣйствовавшихъ, избранныхъ по закону Временнаго правительства. Но губернаторамъ предоставлено было право устраниать изъ состава ихъ тѣхъ лицъ, которыя будутъ признаны несоотвѣствующими своему назначенію. Такъ какъ послѣднія управы были почти сплошь социалистическаго состава, часто даже съ уклономъ въ сторону большевизма, то губернаторы довольно широко пользовались своею властью, переходя вѣроятно не разъ предѣлы государственной необходимости.

Законъ объ общественномъ управленіи городовъ, выработанный комиссіей Астрова, сохранялъ демократическіе принципы, былъ принятъ общественнымъ мнѣніемъ благожелательно и только въ средѣ лѣвыхъ социалистовъ вызвалъ обвиненіе въ стремленіи власти «урѣзать права органовъ самоуправления, стѣснить свободу общественной дѣятельности».

Законъ этотъ былъ утвержденъ мною въ мартѣ, опубликованъ только въ маѣ и, вследствие задержекъ, чинимыхъ управл. вн. дѣл, первые выборы въ городахъ происходили только въ сентябрѣ.

Земское положеніе постигла худшая участь. Никогда еще разннца двухъ мирозерцацій не была столь велика, какъ въ этомъ вопросѣ. Съ самого начала разсмотрѣнія вопроса въ комиссіяхъ Ос. Сов. между двумя крыльями его начался сильнѣйшій трепя. «Мы тратимъ время и нервы — говоритъ либеральный членъ Совѣщанія — на споры и отраженіе ожесточенныхъ натисковъ справа въ вопросѣ о

томъ, какимъ можетъ быть теперь Земство. Исходя изъ положенія «о культурномъ значеніи для деревни просвѣщеннаго помѣщичьяго класса», они требовали построения земскихъ учреждений съ этимъ элементомъ въ основѣ. На заявленія наши, что этого класса уже нѣтъ, что они разбиты въ процессѣ революціи, что земство въ новой эпохѣ должно быть неминуемо демократическимъ, наши оппоненты доходили до крайней степени раздраженія.

Волость являлась первоосновой государственнаго устройства новой Россіи, предрѣшающей составъ всѣхъ высшихъ представительныхъ органовъ страны, и тѣмъ социальнымъ базисомъ, на который должна была опереться временная власть въ періодъ борьбы. Помѣщичій дворянскій классъ въ силу неизбежныхъ историческихъ причинъ уходилъ... На кого же опереться? Либеральное меньшинство требовало принятія законопроекта, близкаго къ созданному Временнымъ правительствомъ. Правое большинство остановилось на куріальной системѣ выборовъ¹⁾. «Одни намѣчали будущимъ правящимъ классомъ — говоритъ одинъ изъ правыхъ членовъ Ос. Сов. — хозяйственнаго мужика и откровенно исповѣдывали это. Другіе же говорили откровенно о своемъ идеалѣ, но прямая, тайная и всеобщая подача голосовъ ведетъ къ господству пролетаріата и «лицъ либеральныхъ профессій». Вопросъ ставился ясно и грубо: Колупаевъ или Тимошенко?»²⁾. И въ зависимости отъ всей старой психологіи, выработанной десятиками лѣтъ предреволюціоннаго времени, отвѣтъ былъ ясенъ для каждой изъ сторонъ.

Ввиду полного расхожденія Ос. Сов. вопросъ былъ данъ въ согласительную комиссію подъ предѣлительствомъ Новосича и вышелъ изъ нея въ видѣ компромисснаго рѣшенія: куріальная система отвергалась, но вводился цензъ — уплаты минимальной ставки земск. сборовъ. Опасаясь, что введеніемъ прямого подушнаго обложенія земство можетъ расширить выборное право до всеобщности, правые категорически отклонили компромиссъ. Въ срединѣ августа я сдѣлалъ попытку примирить непримиримое и назначилъ засѣданіе подъ своимъ предѣлительствомъ, предоставивъ обѣимъ сторонамъ пригласить на него стороннихъ лицъ, но ихъ усмотрѣнію. На этомъ засѣданіи правое крыло было значительно усилено Кривошеинымъ, всецѣло поддерживавшимъ куріальную систему. «Съ проведеніемъ аграрной реформы Россія дѣлаетъ прыжокъ съ пятого этажа на мостовую. Надо подстлать соломку, чтобы не разбилась». Кривошеинъ коснулся и общаго направленія нашей политики, считая ся «лѣвый уклонъ» и непроизвольно въ свое время «единственно спасительныхъ лозунговъ», чреватыхъ опаснымъ послѣдствіемъ. Я отвѣтилъ болѣе рѣзко, чѣмъ полагалось для официальнаго засѣданія, что весной 1918 г. производилось сильное давленіе съ цѣлью провозглашенія этихъ лозунговъ и, славы это было сдѣлано тогда, то мы были бы побѣждены давно уже, а я не имѣлъ бы возможности бесѣдовать съ Кривошеинымъ въ Ростовѣ — о государственномъ устройствѣ Россіи.

Соглашеніе не состоялось. Споры продолжались. Я разрѣшилъ ихъ къ сожалѣнію слишкомъ поздно, утвердивъ законъ въ духѣ постановленія комиссіи Новосича:

— Ни Колупаевъ, ни Тимошенко, а иѣкто третій, чей обликъ не отразился еще ясно въ зеркалѣ бытія.

Съ апрѣля шли работы по составленію двухъ важнѣйшихъ социальныхъ законопроектовъ.

Комиссія М. М. Федорова къ іюлю разработала рядъ либеральныхъ законопроектовъ о профессиональныхъ союзахъ, рабочихъ комитетахъ, объ органахъ

¹⁾ 1-я курія — платящіе минимальную ставку земск. сборовъ; 2-я — лица, владѣющія двойнымъ надѣломъ 1861 г. или уплачивающія соответствующую сумму сборовъ. Вторая курія облегчала возможность проведенія въ земство помѣщиковъ.

²⁾ Тимошенко — извѣстный кубавскій демагогъ, соц.-рев., докатившійся до большевизма.

охраны труда, о 8-часовом рабочем дне, о примирительных камерах и страховых рабочих. В конце августа в Ростове было созвано совещание с участием представителей от промышленников и рабочих для рассмотрения этих законопроектов. Рабочая делегация тотчас после открытия заседания пожелала огласить резолюцию «Южн. сов. проф. союзов» — организации, всецело захваченной с. д. меньшевиками, отошедшим временно от чисто политической работы и перенесшим ее в область профессионального движения. Резолюция гласила:

«Лишь при режим демократической республики, лишь при последовательном проведении принципа всеобщего, равного и тайного избирательного права для рабочего класса и его организаций открывается возможность успешной борьбы как за ближайшие, так и за конечные цели рабочего движения, и создаются условия действительной охраны интересов трудящихся и защиты государственной властью интересов большинства населения.

Исходя из этих положений, рабочая делегация считает совершенно безнадёжной всякую попытку сколько-нибудь удовлетворительно разрешить сложные вопросы социального законодательства в обстановке непрерывной гражданской войны и полного отсутствия законодательных учреждений, признанных свободной волей населения».

На этой фразе Федоров прервал докладчика, лишив его слова, после чего делегация рабочих покинула совещание. Состоявшийся через несколько дней съезд профес. организаций Ств. Кавказа одобрил поведение делегатов — «товарищей, стойко стоявших на своем ответственном посту», и призывает всех «товарищей теснее сплотиться вокруг своих классовых организаций и не идти ни на какие ухищрения реакции — разбить единство рабочего класса путем подкупа части рабочих и фальсификации (?) их общественного мнения».

Было ясно участие в этих действиях и постановлениях Москвы. Оно подтвердилось впоследствии попавшей к нам инструкцией коммунистическим организациям Юга: «... Необходимо принять меры, чтобы соглашение между правительством и рабочими не состоялось, учитывая всю важность последствий для правительства Донкина, если бы этот первый шаг увенчался успехом. Данный случай является благодарной почвой для продемонстрирования классового антагонизма...»

Пришлось комиссии продолжать свои работы об устройстве судьбы рабочих без их участия. Работы эти протекали в обстановке вѣдомственных трений. При чем, по словам Федорова, «обнаружилась тенденция членов комиссии... к пересмотру законопроектов по существу... и ко внесению поправок, направленных к ограничению прав рабочих; и в этом отношении замѣчания представителей вѣдомств шли значительно дальше пожеланий промышленников».

В результате часть законопроектов была утверждена мною только в конце ноября, другая не была закончена до эвакуации Ростова. Рабочее законодательство постигла та же участь, что и многие другие наши начинания: они осуществились слишком поздно.

Комиссия Колокольцова приступила к разработке земельного вопроса, привлекая многочисленных свидущих людей и со стороны. В комиссии наметились сразу три течения: лѣвое с. р. типа, с определенным стремлением к полной ликвидации помещичьего хозяйства, крайне-правое, стремившееся выиграть время и отстаивать интересы класса, наконец, среднее, искавшее путей для введения стихийного процесса в русло государственных интересов. Повидному, вѣдомство Колокольцова принадлежало ко второму течению... Еще в процесс подготовки работы мне приходилось обращать внимание на внесение проектов, в корень расходящихся с духом декларации. «Правые — говорят один из участников комиссии — были идеологами и страстными, убежденными защитниками восстановления помещиков на их землях. Люди писали на бумаге свои чаяния и мечты, не считаясь с тем, что можно было сделать в новых усло-

вяхъ и чего сдѣлать было уже нельзя. Они представляли цифры и непроверяемыя данныя, касающіяся теоріи вопроса... Вотъ государственный интересъ — говорили они — и намъ вѣтъ никакого дѣла до того, что кто-то говоритъ о революціи. Революція пройдетъ. Россія останется. Наше рѣшеніе должно быть для Россіи, а не для революціи».

Колокольцовская коммисія закончила свои работы въ началѣ іюля. «Земельное положеніе», составленное ею, въ общихъ чертахъ имѣло слѣдующія основанія: помѣщичья земля свыше извѣстной нормы продается добровольно или отчуждается въ собственность крестьянъ — за выкупъ; норма не подлежащихъ отчужденію частновладѣльческихъ земель, въ зависимости отъ мѣстности, — отъ 300 до 500 десят.; пѣлый рядъ изъятій въ отношеніи культурныхъ и заводскихъ хозяйствъ еще больше уменьшалъ общую площадь переходящихъ къ крестьянамъ земель; отчужденію не подлежали земля городовъ, земствъ, монастырей, церковныя, духовныхъ учреждений, ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ. По мѣрѣ занятія отдѣльных мѣстностей должны были немедленно вступать въ распоряженіе своими угодыями казна, банки, церкви, монастыри, перечисленные выше учрежденія, а также, во многихъ случаяхъ, частныя собственники — какъ, напримѣръ, землями неиспользованными захватчиками, или нашедшимися въ чужомъ пользованіи въ теченіе времени не большого, чѣмъ необходимо для одного озимаго и одного ярового урожая»...

Наконецъ. Положеніе предусматривало, что земельные органы приступить къ отчужденію только по итеченіи трехъ лѣтъ со дня возстановленія гражданского мира во всей Россіи!..

Проектъ этотъ былъ мною отвергнутъ. Колокольцовъ оставилъ постъ. Проектъ передавъ на разсмотрѣніе новой коммисіи подъ предѣлательствомъ нач. управ. юстиціи Челищева.

Замѣчательно, что даже это твореніе — актъ отчаянной самообороны класса — вызвало смятеніе въ правыхъ организацияхъ. На проектъ Колокольцова, ставшій извѣстнымъ Совѣту Гос. Об., послѣдній отозвался немедленно письмомъ Кривошеина и постановленіемъ отъ 14 іюля: «... намѣчаемое законопроектномъ оглулюю принудительное перераспределеніе владѣнія возбуждаетъ серьезное опасеніе въ томъ, что проведеніе его въ жизнь породитъ тяжелыя продовольственныя послѣдствія для государства и экономическое обезиленіе его». Совѣтъ усюкивалъ себѣ только тѣмъ, что въ теченіе трехлѣтняго срока «непреложные законы экономическаго развитія укажутъ на правильные пути для будущаго русскаго сельскаго хозяйства». П. рекомендовалъ ограничиться возобновленіемъ дѣятельности Крестьянскаго банка и созданіемъ землеустроительной и землемѣрной организаціи, которыя «внесутъ въ деревню успокоеніе вѣрнѣе и скорѣе, чѣмъ самыя краснорѣчивыя обѣщанія!» А Совѣтъ всероссійскаго союза земельных собственниковъ утверждалъ даже, что «по свѣдѣніямъ, идущимъ изъ деревни, народъ сознаетъ нынѣ глубокую моральную разницу между своимъ и чужимъ, и относится къ захвату, какъ къ дѣйствию преступному и не могущему быть терпимымъ при возстановленіи законной власти».

Не видѣли или умышленно закрывали глаза?

Были впрочемъ и рѣдкія исключенія: въ Харьковѣ союзъ земельныхъ собственниковъ въ августѣ принялъ резолюцію о необходимости скорѣйшаго изданія земельного закона въ духѣ моей деклараціи, ввиду того, что дальнѣйшая проволочка можетъ вызвать опять броженіе среди крестьянъ.

Тѣмъ временемъ подходилъ сборъ урожая и необходимо было дать временныя нормы для надлѣжащаго его исползованія. Злополучный «третій съездъ», введенный еще въ періодъ нашего походнаго законодательства на клочкѣ Ставропольской губ. для урожая 1918 г., сохранился въ неприкосновенности. Въ Ос. Сов. былъ составленъ и мною утвержденъ рядъ положеній, вмѣвшихъ троичную цѣль: обезпеченіе сельско-хозяйственнаго производства, сохраненіе принципа собственности и по возможности меньшее нарушеніе сложившихся въ деревнѣ взаимоотношеній.

Законъ объ урожаѣ оставлялъ его за посѣявшимъ и требовалъ уплаты аренды владѣльцу въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ хлѣба, $\frac{1}{2}$ травъ и $\frac{1}{4}$ корнеплодовъ; законъ о посѣвахъ на 1919—1920 г.г. вмѣнялъ въ обязанность лица, «въ дѣйствительномъ пользованіи конхъ земля находится», пахать и сѣять, общая «обезпечить интересы засѣщниковъ при сборкѣ урожая»; законъ объ арендѣ предоставлялъ фактическимъ обладателямъ земли (захватчикамъ) продолжать пользованіе ею на 1920 г. по договору или безъ договора, ограничивая извѣстными предѣлами десятилетнюю арендную плату. Последующими законоположеніями уменьшались нормы натурального арендного взноса ($\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{10}$) и облегчалась возможность дальнѣйшаго пользованія землей, подводя подъ «право захвата» нѣкоторые юридически обоснованія.

Правый членъ Ос. Сов., одинаково уважаемый за прямоту и искренность обобщенныхъ флэшамъ, впоследствии говорилъ: «изъ всѣхъ мѣръ Ос. Сов. наиболѣ неудачной, наибольшей ошибкой были законы о хлѣбномъ налогѣ¹⁾ и «третьемъ слогѣ». Оба эти закона вышли изъ праваго крыла Ос. Сов. и воплотѣ на его совѣсти». Это вмѣстельство власти въ острые аграрныя взаимоотношенія не встрѣтило тогда достаточно сильнаго отпора въ несоціалистической общественности Юга. «Третій слогъ» вызывалъ въ буржуазной печати горячіе споры о нормахъ, о деталяхъ, но за рѣдкими исключеніями эти споры не колебали принципа. Не разъ, когда я приписывалъ въ Ос. Сов. свои мучительныя сомнѣнія о правильности такого нашего курса, я слышалъ не только справа, но иногда и слева совершенно безспорныя юридически и истинны, что отношеніе російскихъ законовъ къ захватамъ гораздо суровѣе и что колебаніе принципа собственности грозитъ большимъ потрясеніямъ... Наконецъ «демократическій» Донъ и сугубо «демократическая» Кубань въ своемъ законодательствѣ объ использовании урожая 1918—1919 г.г. придерживались тѣхъ же принциповъ, что и «реакціонное» Ос. Сов.²⁾...

А тѣмъ временемъ за войсками слѣдовали владѣльцы имѣній, не разъ насильно возмѣщавшіе, иногда при поддержкѣ военныхъ командъ, свои имущественныя права, сводя личные счеты и мести. И мнѣ приходилось грозить насильникамъ судомъ и напоминать властямъ ихъ долгъ — предупреждать новые захваты правъ, но не допуская самочиннаго разрѣшенія вопроса о старыхъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ уже наступило нѣкоторое успокоеніе, нѣкоторые земловладѣльцы возвращались въ свои помѣстья и вносили вновь элементы броженія пенимѣрнымъ вадутіемъ арендной платы...

Комиссія Челншева перерабатывала земельный проектъ при участіи новаго нач. управл. землед., проф. А. Билимовича, въ значительной степени подъ его влияніемъ. Но со времени подчиненія моего адм. Колчаку самая возможность изданія земельного закона стала спорной по существу.

Телеграммой отъ 28 августа, опредѣлявшей предѣлы моей власти, Верховный правитель увѣдомилъ меня, что «общее руководство земельной политикой принадлежитъ Россійскому правительству». На этой почвѣ между Ос. Сов. и Омскимъ правительствомъ завязалась переписка, въ результатѣ которой послѣдовала на мое имя въ особо секретномъ порядкѣ телеграмма адм. Колчака отъ 23 окт. № 1005:

«Телеграмма Нератова относительно предоставленія Вамъ самостоятельности въ земельномъ законодательствѣ заставляетъ меня съ полной искренностью показать возмущенію у меня опасенія. Я считаю недопустимой земельную политику, которая создается у крестьянства представителемъ помѣщичьяго землевладѣнія. Наоборотъ, для устраненія наиболее сильнаго фактора русской революціи — крестьянскаго малоземелья и для созданія надежной опоры порядка къ малообезпеченныхъ землею крестьянамъ, необходимы мѣры, укреплющія въ на-

¹⁾ См. ниже.

²⁾ Приказъ донскаго атамана отъ 5 іюня 1918 г. и Кубанскаго кравого правительства отъ 13 іюня 1918 г. Согласно послѣднему, напримѣръ, въ случаѣ, если запашка владѣльца, а сѣмена посѣвника, послѣдній получаетъ полъ урожая. Если то и другое владѣльца, то урожай цѣлкомъ переходитъ къ послѣднему, а незаконный посѣвникъ получаетъ оплату своего труда. Въ іюль 1919 г. донскимъ правительствомъ издано постановленіе, въ силу котораго захватчикъ уплачиваетъ владѣльцу земли «арендную плату, существовавшую осенью 1913 г.»

родѣ довѣріе и благожелательность къ новой власти. Поэтому, я одобряю всѣ мѣры, направленныя къ переходу земли въ собственность крестьянъ участками въ размѣрахъ опредѣленныхъ нормъ. Понимая сложность земельного вопроса и невозможность его разрѣшенія до окончанія гражданской войны, я считал единственно возможнымъ выходомъ для настоящаго момента по возможности охранить фактически создавшійся переходъ земли въ руки крестьянъ, допуская исключенія лишь при серьезной необходимости и въ самыхъ осторожныхъ формахъ. Глубоко убѣжденъ, что только такая политика обезпечитъ необходимое соучастіе крестьянъ въ освободительной войнѣ, предупреждая востанія, и устранить въ ономъ и ость разлагающей противоправительственной пропаганды въ войскахъ и населеніи. Основные принципы принимаемыхъ правительствомъ мѣръ одновременно Вамъ сообщаются. Конструкция изданныхъ здѣсь постановленій по земельному вопросу не всегда удачна и допускаетъ улучшенія и даже измѣненія, но я глубоко убѣжденъ въ необходимости твердаго соблюденія ихъ основныхъ принциповъ.

Обстановка, гдѣ нѣтъ остраго земельного вопроса, позволяетъ отнестись къ нему съ объективной спокойной стороны. Думаю, что ссылка на руководящія директивы, полученныя отъ меня, могла бы оградить Васъ отъ притязаній и совѣтовъ заинтересованныхъ круговъ.

Сердечно желаю Вамъ дальнѣйшихъ успѣховъ, какъ военныхъ, такъ и въ не менѣе важныхъ дѣлахъ гражданского и политическаго устройства.

Адмиралъ Колчакъ».

Съ тѣхъ поръ работа земельной коммисіи получила чисто академическое значеніе. Земельное положеніе было выработано въ началѣ ноября, и я приказалъ отдать его печати, чтобы подвергнуть критикѣ широкихъ общественныхъ круговъ. Положеніе отличалось отъ Колоколицовскаго лучшей юридической формулировкой, осторожностью и стираниемъ острыхъ угловъ, но основныя его мысли были тѣ же. Вотъ нѣкоторыя изъ его основъ: добровольныя сдѣлки въ теченіе двухъ лѣтъ; принудительное отчужденіе по истеченіи этого срока; оставленіе за частными владельцами усадебъ, лѣсовъ, открытыхъ недръ и земли отъ 150 до 400 десятинъ — на основаніи твердыхъ максимумовъ или особой прогрессіи; отчужденныя земли могли быть проданы неслучайно лицамъ, занимающимся земледѣльческимъ трудомъ, преимущественно мѣстнымъ; максимальныя нормы для покупающихъ землю были установлены отъ 9 до 45 (на сѣв.) десятинъ.

Проектъ Биллюнова - Челищова, при всѣхъ его спорныхъ сторонахъ, представлялъ попытку проведенія грандіозной социальной реформы и, если бы былъ осуществленъ до войны и революціи въ порядкѣ эволюціонномъ, законнымъ актомъ монарха, сталъ бы началомъ новой эры, безъ сомнѣнія предотвратилъ бы революцію, обезпечилъ бы побѣду и миръ и прибавилъ бы страну отъ небывалаго разоренія. Но съ тѣхъ поръ мятежныя народныя вожденія качнулись далеко въ сторону, и новый законъ не могъ бы уже оказать никакого вліянія на событія и, во всякомъ случаѣ, какъ орудіе борьбы, быть совершенно непригоднымъ.

Для характеристики общественныхъ настроеній могутъ послужить тѣ отзывы по поводу проекта, которыми полна была печать. Правые органы видѣли въ немъ «огубное уничтоженіе помѣщичьяго землевладѣнія», и Н. П. Чебышевъ, б. членъ Ос. Сов., писалъ въ «Великой Россіи»: «отнять землю отъ хозяйственно-образованнаго человѣка, любовно улесятриваемаго трудомъ и затратами производительности земли, и отдать ее невѣждѣ, развращенному бездѣльемъ, сельскому хулигану — тяжкая несправедливость, ничѣмъ не оправдываемый грѣхъ... И грозилъ, что «въ придачу къ Махно мы получимъ Дубровскихъ»...

«Свободная Рѣчь» признавала «общую схему», спорила о деталяхъ и рѣшительно уклонялась отъ моральной отвѣтственности: «намъ ясно, что силы будущей Россіи — это мелко-крестьянская буржуазія... Мы понимаемъ, что эти силы должны служить главной основой власти... Но... можно ли спасти хоть что-нибудь и что именно — это можетъ рѣшить только власть... Если она признаетъ, что во имя будущей Россіи пужно санкціонировать ликвидацию чуть не всего помѣщичьяго землевладѣнія — пусть будетъ такъ». Харьковскій съѣздъ партіи к. д. также уклонился отъ конкретнаго опредѣленія своихъ взглядовъ на земельную реформу.

Умѣренно социалистическіе органы видѣли въ проектѣ «стремленіе сохранить помѣщичье землевладѣніе и притомъ не въ видѣ исключенія, а какъ общее правило». И стояли твердо п р о т и в ъ проведенія аграрной реформы до Учред. Собр.

Только группы, стоявшія еще лѣвѣе, требовали немедленнаго и полнаго чернаго передѣла. Но они находились звѣ фронта противобольшевизмской борьбы — въ станѣ нашихъ враговъ или сохраняли дружественный нейтралитетъ къ совѣтской власти.

Достоиню удивленія, какъ мало вниманія удѣляла печать всѣхъ направленій, увлеченная этими теоретическими интеллигентскими спорами, настроеніямя подлинной жизни деревни, крестьянства, какъ мало она стремилась проникнуть въ замкнутый кругъ мужицкой стихіи... Только официальные освѣдомители съ упорствомъ вѣрующіихъ, или сильно хотящихъ, изо дня въ день твердили:

— Мужикъ хочетъ «хозяина» и «ещую бумажку» — нотаріальный актъ на купленную землю...

Такимъ образомъ, вся обстановка, создавшаяся на Югѣ Россіи въ 1919 г., психологія общественности, соотношеніе силъ и вліяній рѣшительно не способствовали проведенію въ жизнь въ молниеносномъ революціонномъ порядкѣ радикальной аграрной реформы. Не было ни идеологовъ, ни исполнителей. Все, что можно было — и вѣроятно должно — это соблюсти «непрерѣшеніе», отказатья вовсе отъ земельного законодательства, принявъ колчаковскую программу — узаконенія безвозмезднаго пользованія захваченной землей впредъ до рѣшенія Народ. Собр. — рискуя разрывомъ съ правыми кругами и, слѣдовательно, осложненіями въ Арміи.

Только Поворосіейская катастрофа, нанеся оглушительный ударъ бѣлому движенію, открыла многимъ людямъ глаза на тотъ геологическій сдвигъ, который совершился въ Россіи. Только тогда стало слагаться впечатлѣніе, будто «у многихъ землевладѣльцевъ зрѣетъ сознаніе необходимости жертвеннаго подвига...» Возможно. У однихъ, быть можетъ, искреннее, у другихъ — продиктованное безнадежностью положенія и поискамъ новыхъ, хотя бы «демагогическихъ», средствъ для продолженія борьбы.

Только послѣ этого несчастья у многихъ разверзались уста, и они свидѣтельствуютъ наперерывъ, что «звали», «предвидѣли», «предостерегали» — они, ничего не предвидѣвшіе, слѣпые и глухіе...

ГЛАВА XXIV.

Особое Совѣщаніе дѣятельность финансово-экономическая, юстиціи, просвѣщенія пропаганда. Царновъ.

Однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ вопросовъ, составлявшій огромный тормазъ всѣмъ начинаніямъ Юга, отражавшійся безъ сомнѣнія на нравственномъ обликѣ войскъ и на неудачахъ фронта — былъ вопросъ финансовый.

Хаосъ въ денежномъ обращеніи противобольшевизмскаго Юга слагался исторически, благодаря постояннымъ измѣненіямъ его политической карты. По мѣрѣ освобожденія новыхъ территорій, мы получали и новыя «наслѣдства», все болѣе усложнявшія вопросъ. Кромѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ ростовской экспедиціей, имѣли хожденіе деньги общегосударственныя («царскія» и «скеренскія»), совѣтскія («пятаковскія»), украинскія (харькованцы и гривны), крымскія; разнѣнные денежные знаки, выпущенные городскими самоуправленіями и въ разныхъ мѣстахъ Кавказа — совѣтской властью; гарантированные чеки отдѣльной Гос. банка, облиганціи старыхъ займовъ, краткосрочныя обязательства гос. казначейства и т. д., и т. д., вплоть до векселей, учтенныхъ финансовой комиссіей, состоявшей при полк. Шкуро во время его партизанскихъ дѣйствій въ районѣ Мьянральной группы.

Такое положение было явно нетѣпо и требовало тѣхъ мѣръ, о которыхъ говорили постоянно російская печать, финансовыя совѣщанія, съѣзды торгово-промышленниковъ и т. д.: объединенія системы денежнаго обращенія на всей территоріи освобожденной Россіи, унификація денежныхъ знаковъ, возсозданія единаго Государств. банка и единаго эмиссіоннаго права.

Къ этому мы стремились всемірно, но по условіямъ политическимъ — суверенности областей — достигнуть этого не могли.

Управленіе финансовъ принимало мѣры къ упорядоченію денежнаго обращенія съ извѣстной осторожностью, такъ какъ онѣ отражались сильно на интересахъ населенія, вызывая всегда неудовольствіе въ массахъ. Деньги мѣтнаго хожденія замѣнялись постепенно. Но обмѣнъ совѣтскихъ денегъ оказался не рациональнымъ и совершенно непосильнымъ. Когда послѣ занятія Харькова, въ цѣляхъ облегченія положенія немущаго люда, былъ произведенъ первый разъ частичный обмѣнъ «пятаковскихъ» денегъ, по 500 руб. на человѣка, это вызвало громаднѣйшія злоупотребленія. Деньги возили цѣлыми возами вслѣдъ за наступающей арміей даже изъ районовъ ранѣе освобожденныхъ. Управленіе финансовъ прекратило размѣнъ и аннулировало все совѣтскіе денежныя знаки, сдѣлавъ исключеніе лишь для нѣкоторыхъ выпусковъ мѣтнаго хожденія на Кавказѣ: въ отношеніи ихъ опредѣлены были краткій срокъ и нормы обмѣна.

Наши денежныя ресурсы долгое время находились въ полной и тягостной зависимости отъ Дона, такъ какъ добиться справедливаго распредѣленія эмиссіи ростовской экспедиціи управленіе финансовъ не могло. Какъ распоряжалось донское правительство выпускаемыми кредитными билетами, видно изъ слѣдующей справки:

Всего выпущено съ 1 января 1918 г. по 15 октября 1919 г.	9 202
въ милліонахъ рублей	
Изъ нихъ выдано:	
Крымъ	45
Терекъ	80
Кубань	601
Главн. командованіи	3 982 ¹⁾
Дону	4 493

Только къ осени 1919 г. управленіе финансовъ приступило къ выпуску своихъ денежныхъ знаковъ, оборудовавъ экспедицію въ Новороссійскѣ, потомъ — къ печатанію ихъ въ Кіевѣ, Одессѣ и Симферополѣ²⁾. Но, отчасти не желая колебать привычныя для населенія донскіе знаки, отчасти не справляясь съ техническими затрудненіями, финансовое вѣдство выпускало свои знаки въ размѣрахъ ограниченнѣхъ и, во всякомъ случаѣ, совершенно не удовлетворявшихъ текущей потребности.

И «донскія», и «добровольческія» деньги не имѣли за собой никакого покрытія и хожденіе ихъ основывалось исключительно на распоряженіи властей, ширинѣ и довѣрїи населенія. Золотой запасъ Россіи находился въ то время въ рукахъ адм. Колчака — 682 милл. руб., у большевиковъ — 147 милл. и въ Парижѣ у союзниковъ — 320 милл. За границей намъ бытъ открытъ адм. Колчакомъ небольшой кредитъ. Все усилія получить заемъ или кредитъ у союзниковъ были безуспѣшны. Правительственные круги Согласія, связанные своей социалистической демократіей, оказать намъ серьезную экономическую помощь не могли. Насколько можно было понять изъ частныхъ разговоровъ, иностранныя правительства, быть можетъ, и рискнули бы оказаніемъ намъ крупнаго кредита, но цѣною такихъ тяжелыхъ концессій, которыя, на мой взглядъ, сводились къ распродажѣ Россіи. Финансовыя круги странъ Согласія, независимыя отъ политическихъ партій, не при-

¹⁾ На содержаніе войскъ арміи, кромѣ Донской, и флота, и на 12 губерній и областей, находившихся къ осени въ составѣ нашей территоріи.

²⁾ Всего выпущено правительствомъ Юга и Донской экспедиціи до марта 1920 г. около 30 милліардовъ рублей.

ходили на помощь, не доверяя прочности положения Юга, и еще по одной причине, о которой один из наиболее крупных русских финансистов, и банковских деятелей писал из Парижа ¹⁾: «Представители русских финансов, промышленности и торговли не вмѣют не только общего плана работы, но даже желанія принести минимальную жертву своих узко личных интересов для блага родины... При такомъ положеніи руководящіе финансово-экономическіе круги Антанты предпочтительнѣе воздержаться отъ помощи, не имѣя увѣренности, будетъ ли ова оказана, кому слѣдуетъ и какъ слѣдуетъ».

При всѣхъ этихъ условіяхъ оздоровленіе денежнаго обращенія могло быть достигнуто только мѣрами штурвеннаго характера.

Тѣмъ временемъ освобожденная территория росла съ каждымъ днемъ, съ чрезвычайной быстротой росли и расходы. Вооруженныя силы поглощали огромныя средства; деньги нужны были и на содержаніе разоренныхъ городовъ и земствъ, и на возстановленіе промышленности. Станокъ выбрасывать все больше бумажныхъ знаковъ; въ странѣ, тѣмъ не менѣе, ощущался денежный голодъ, цѣны росли непомерно, а рубль все падалъ и падалъ.

Въ печати и специальной литературѣ, на совѣщаніяхъ и сѣздахъ шли горячіе споры по поводу необходимости денежной реформы. Существовали три главныхъ теченія въ этой области: 1. возстановленіе сдѣлокъ на золотую валюту съ сохраненіемъ обезцѣпеннаго бумажнаго рубля, 2. девальвація и 3. повышение внутренней стоимости рубля путемъ изытія изъ массенія излишнихъ денегъ мѣрами налогового обложенія. Начальникъ финансоваго управленія М. В. Бернадкій придерживался этой третьей системы, считая въ созданныхъ условіяхъ невозможнымъ коренную реформу. Его поддерживали въ этомъ направленіи многіе ученые экономисты, въ томъ числѣ академикъ Струве, профес. Мануйловъ, Вельшевскій и друг.; расхожденіе было только въ вопросахъ о предѣлахъ эмиссіи. На этой же точкѣ зрѣнія стояло дважды собранное финансовое совѣщаніе и совѣщаніе торгово-промышленниковъ (октябрь 1919 г.), которое, «признавая въ будущемъ неизбежность общей денежной реформы», предостерегало «отъ всякихъ преждевременныхъ и частичныхъ опытовъ въ этомъ направленіи».

И правленіе нажимало налоговой прессѣ: коммиссія Астрова создавала законы по принципамъ демократизма, облагая прямыми налогами умные классы, приростъ прибыли и предприятий, разницу старой и новой цѣны на недвижимости и т. д., законы — популярныя среди демократіи, вызывавшіе острые споры между двумя крыльями Ос. Сов., но давншіе мало дохода казнѣ по причинѣ общего оскудѣнія, малой законопослушности населенія и разстройствъ налогового аппарата. Въ то же самое время Бернадкій проектировалъ косвенные налоги — весьма непопулярныя, но сулившіе казнѣ существенныя выгоды. Бюджетъ 1920 г. нечислялъ доходныя статьи въ такыхъ предположительныхъ цифрахъ: отъ прямыхъ налоговъ и пошлинъ по миллиарду и отъ косвенныхъ налоговъ — 18 миллиардовъ.

Тѣмъ не менѣе, все время и особенно съ осени 1919 г. мы не выходили изъ крайне тяжелаго финансоваго положенія.

Трудно рѣшить, какая система была бы лучше. Поправила ли бы дѣло неограниченная эмиссія или, наконецъ, вся совокупность военно-политической обстановки включала возможность существованія иной финансовой политики и болѣе здороваго рубля. Но результаты нашего трагическаго безденежья — въ политическомъ и военномъ отношеніи играли роль констативъ роковую. Если еще въ районахъ, пользовавшихся болѣе продолжительное время миромъ, жизнь, вопреки всему, кое какъ приспособлялась къ такимъ условіямъ, то на территорияхъ, вновь занимаемыхъ арміями, она становилась невозможной.

Вотъ что телеграфировалъ мѣ главноначальствующій Кіевской области, ген. Драгомировъ, черезъ два мѣсяца послѣ занятія вашими войсками Кіева:

¹⁾ Сентябрь 1919 г.

«Въ Государственномъ банкѣ мы копѣяли. Всѣ военные заводы, предприятия сокращаютъ производство. Самыя неотложныя работы по заготовкѣ топлива для желѣзныхъ дорогъ прекращены, за отсутствіемъ денегъ и отказа рубчииковъ работать въ кредитъ. Задолженность войскъ громадная. Не получая денегъ, продовольствія, войска переходятъ на незаконныя реквизиціи... Посланныхъ мнѣ 150 милл. едва хватитъ на расплату со старой задолженностью... Если не получу до среды денегъ и не будетъ выслана новая порція въ 100—150 милл., буду вынужденъ объявить контрибуцію, что будетъ лучше, чѣмъ тотъ ужасъ, который мы переживаемъ отъ безденежья. Киевъ, 27 октября».

Конечно, кіевскій эпизодъ былъ явленіемъ исключительнымъ, но безденежье насъ давило всегда и во всемъ. Что касается собственно о безпѣи ен я рубля, то, сравнивая положеніе у насъ съ судьбой денежнаго обращенія центральныхъ державъ, пораженныхъ войной и революціей, и въ особенности — совѣтской Россіи, приходишь къ заключенію, что состояніе нашего рубля было еще не напхудшимъ. Если даже послѣ катастрофическаго отхода арміи за Донѣ, въ январѣ 1920 года, Новороссійская биржа опредѣляла курсъ франка въ 100—150 руб., а на внутреннемъ рынкѣ фунтъ хлѣба стоялъ тамъ 20 руб., то слѣдовательно инфляція далеко не достигла своихъ конечныхъ предѣловъ.

Струве высказывалъ взглядъ, что «никакая реформа денежнаго обращенія, взятая сама по себѣ, къ оздоровленію русскаго рубля не приведетъ»; что «лучшая денежная политика — это политика экономическая — восстановленіе нашей промышленности».

Эти двѣ области были тѣсно связаны между собой и съ общимъ политическимъ положеніемъ, взаимно вліяя и сковывая другъ друга, страдая общимъ недугомъ.

Лоскутность территорій возродила порядки средневѣковья, отгородивъ таможенными заставами другъ отъ друга всѣ новообразованія, и только «Россія», во образѣ управляемыхъ главнымъ командованіемъ земель, держала открытыми свои границы. Новообразованія вводили строгій товарообмѣнъ, устанавливали запретительныя мѣры, регистраціонныя и иные сборы, стремясь развить свою самостоятельную промышленность и торговлю, нарушивъ совершенно слагавшіяся многими годами торговля и экономическія отношенія и естественный товарообмѣнъ. На этой почвѣ возросли въ большихъ размѣрахъ спекуляція, дороговизна и взяточничество. Выявлялись случаи, что проходившіе черезъ Екатеринбургъ въ Новороссійскъ грузы должна была сопроводжать лонская команда, чтобы протолкнуть ихъ черезъ кубанскія заставы.

Въ теченіе цѣлаго года мы стремились къ экономическому объединенію Юга Россіи и къ снятію областныхъ рогадокъ, но безуспѣшно. Еще 14 дек. 1918 г. между представителями Добр. Арміи, Дона и Кубани былъ заключенъ договоръ о таможенномъ союзѣ, оставленный новообразованіями безъ исполненія; 27 апрѣля 1919 г. заключено было новое соглашеніе, съ присоединеніемъ къ нему Терека, о созданіи общаго совѣта для регулированія вышней торговли, но и оно не было одобрено Радой и Кругомъ; ввиду особенной непримиримости кубанскаго правительства, осенью 1919 г. управленію торг. и пром. вело отдѣльные переговоры съ донскимъ правительствомъ и также безуспѣшно.

Между тѣмъ, изъ мѣстностей, находившихся подъ управленіемъ главнаго командованія, свободно уходили ихъ произведенія безъ всякаго товарнаго эквивалента; установленіе нами ввозныхъ пошлинъ теряло смыслъ, благодаря донскимъ и кубанскимъ «отдушинамъ» — Ейску и Таганрогу. Наше регулированіе вывоза не достигало цѣли, такъ какъ Донъ вывозилъ за границу не только свои товары, но и тѣ запрещенныя для экспорта, которые онъ получалъ на территоріи Добровольческой Арміи. Донъ экспортировалъ аптрацитъ въ Константинополь, когда Одесса оставалась безъ воды и свѣта; Кубань заключала договоры съ враждебной

намъ Грузіи о поставкѣ ей хлѣба, когда рядомъ страдала отъ голода Черноморская губ.

Чтобы побудить казачьи правительства къ скорѣйшему упраздненію рогатокъ, осенью было отдано распоряженіе установить и у насъ таможенныя границы и поставить кордонъ въ Керченскомъ проливѣ. Эта мѣра, подчинивъ экспортъ новообразованій вѣдомствъ распределительныхъ органовъ Ос. Свѣдѣній и воспроизводившая только практику новообразованій въ теченіе цѣлаго года, вызвала большое возбужденіе въ казачьихъ правительствахъ и получила тенденціозное названіе «блокады Дона и Кубань». Кругъ и правительство Дона однако же пошли на объединеніе; южно-русская конференція 17 ноября рѣшила немедленно снять всѣ рогатки... Но законодательная рада и кубанское правительство послѣ страстныхъ дебатовъ, послѣ ожесточенныхъ нападокъ на Ос. Сов., вовлекавшихъ въ нашъ споръ станицы и кубанскія войсковыя части, заявило, что «запрещеніе вывоза и ввоза (вывозъ не ограничивался вовсе) заграничныхъ товаровъ оно считаетъ покусоніемъ на экономическую самостоятельность Кубанскаго края». И не считаетъ возможнымъ участвовать въ органѣ, регулирующемъ внѣшнюю торговлю, впредь до отмены всѣхъ запрещеній... Извурительная экономическая борьба съ Кубанью продолжалась, и внутреннія рогатки она были сняты фактически... только съ отступленіемъ арміи за рѣку Кубань.

Политика управленія торг. и пром., возглавленнаго Лебедевымъ, въ области внутренней торговли являлась вначалѣ продолженіемъ политики русскіихъ правительствъ въ періодъ мировой войны, ограничивая свободу торговли предметами, необходимыми для снабженія арміи, въ интересахъ борьбы. Точно также вѣдомство продовольствія оставляло въ силѣ хлѣбную монополію и твердыя цѣны на хлѣбъ. Въ началѣ августа 1919 г. всѣ эти ограниченія были отменены и восстановлена свободная торговля хлѣбомъ и всѣми продовольственными припасами. Для обезпеченія Арміи установлена была государственная хлѣбная повинность — по 5 пуд. съ десятины. Операция обставлена была весьма неудачно: установленныя цѣны ко дню сѣяпокъ оказались низкими, а очередной денежный кризисъ понудилъ управленіе финансовъ ограничить выплату наличными деньгами только одной четверти поставленнаго населеніемъ хлѣба, остальную часть — квитанціями.

Эта мѣра встрѣчена была деревней весьма враждебно и послужила предлогомъ для агитаціи противъ Добров. Арміи.

Возстановленіе свободы торговли въ значительной мѣрѣ тормазилось крайнимъ разстройствомъ транспорта. Въ іюнѣ на освобожденной территоріи было 4475 верстъ ж. д. путей, въ сентябрѣ ихъ стало 15678 в., почти $\frac{1}{4}$ всей русской ж. д. сѣти — дорогъ, разрушенныхъ большевизмомъ хозяйствомъ и гражданской войной. Для поднятія транспорта нужно было время, и въ тотъ срокъ, который давала стратегическая обстановка, вѣдомство путей сообщенія справиться съ этимъ не могло. Оттого, напримѣръ, къ августу на донскихъ копяхъ скопилось 90 милл. пуд. угля при наличіи общаго угольнаго голода въ странѣ; въ Батайскомъ узлѣ образовался заторъ во много сотъ цистернъ, парализовавшей большую добычу грозненской нефти и т. д.

Экспортная политика вѣдомства торг. и пром. покоплась на системѣ точнаго учета, регулированія и бронированія къ частному экспорту цѣлага ряда предметовъ сырья¹⁾. Эта политика имѣла цѣлью удовлетворить прежде всего снабженіе Арміи и насущную потребность страны, предупредить выкачиваніе изъ нея необходимыхъ предметовъ внутренняго потребленія и избѣжать спекулятивнаго вывоза. Но въ осуществленіи этихъ идей мы вѣроятно переходили предѣлы необходимости, задерживая въ странѣ тѣ запасы, которые нашъ транспортъ передвинути не могъ. Къ тому же вѣдомство стремилось, не ограничиваясь ролью регулирующаго начала, брать на себя скупку, извлеченіе и экспортъ забропированнаго сырья для созданія государственнаго валютнаго фонда. Кроме обивеніи въ

¹⁾ Хлѣбъ, шерсть, руда, желѣзо, сода, поташъ и друг.

крупных злоупотреблениях, ничто больше эта система не принесла. Только в конце ноября, после замѣлы главы вѣдомства Лебедева влж. Фениным, экспортъ разръшенныхъ къ вывозу предметовъ былъ переданъ частной торговлѣ, съ отчисленіемъ известной части вырученной валюты въ казну.

Ввиду большихъ нареканий на управленіе торг. и пром. и видя, что съ дѣломъ мы не справляемся, я пригласилъ на совѣщанію въ августѣ въ Ростовѣ видныхъ дѣятелей пром. и торг. — эконоометовъ и кооператоровъ, проживавшихъ на Югѣ. Я обратился къ присутствующимъ съ просьбой помочь правительству разръшить важный вопросъ восстановления промышленной жизни страны. Но къ удивленію моему я услышалъ, что собраніе въ основныхъ чертахъ раздѣляетъ попытку вѣдомства, а нападчей для поднятія промышленности и обезпеченія страны считаетъ льготы, казенныя субсидіи и широкій государственный кредитъ предпріятіямъ¹⁾. Эти положенія повторилъ съѣздъ торгово-промышленниковъ, собравшііся позднѣе въ Ростовѣ, выразивъ увѣренность, что «управленіе финансовъ приложить всѣ зависящія отъ него усилія, чтобы всѣ свободныя средства были направлены на финансированіе промышленности и торговли».

Что касается кооперации, эта форма хозяйственной организаціи не была надлежаче использована ни для совѣта, ни для дѣла. Нужно, однако, замѣтить, что нѣкоторое предубѣжденіе, сложившееся въ Ос. Сов. противъ кооперации, имѣло известное основаніе: кооперативы все болѣе удалялись отъ прямого своего назначенія хозяйственнаго обслуживания населенія; дѣятельность многихъ изъ нихъ носила все болѣе спекулятивный характеръ, и въ то же время, захваченныя социалистическими партіями, кооперативы, обладая крупными средствами, становились нерѣдко сильными аппаратами ихъ пропаганды. Что же касается украинскихъ организацій, которыя подъ именемъ «спілок», «споживчихъ товариствъ» и др. группировались вокругъ центральныхъ органовъ — «Днипросоюза» и «Украинбанка» — оны являлись почти повсемѣстно очагами самостійной и петлюровской агитаціи.

Это засиліе политики надъ экономикой отмѣчено было трезвыми голосами самихъ кооператоровъ на съѣздѣ въ Харьковѣ (въ октябрѣ) акціонеровъ Московскаго народнаго банка. Но, во всякомъ случаѣ, кооперативы въ основу своей дѣятельности клали частную инициативу и трудъ въ большой степени, нежели государственныя кредиты.

Какъ бы то ни было, ни внутренний, ни заграничный рынокъ не далъ сколько нибудь достаточныхъ средствъ для фронта, для борьбы, для созданія надлежащаго настроенія въ занимаемыхъ областяхъ.

Все наше финансово-экономическое положеніе, такимъ образомъ, было безотраднo — отчасти по вилѣ людей, а еще болѣе — стихійныхъ условий жизни. Значило ли это, что успѣхъ борьбы безнадеженъ? Отнюдь: по ту сторону фронта было неизмѣримо хуже и тягостнѣе.

Въ условіяхъ меньшаго общественнаго вниманія, хотя и столь же трудныхъ духовно и матеріально, протекала дѣятельность тѣхъ вѣдомствъ, которыя или мало, или вовсе не вовлекались въ политическую и социальную борьбу.

Управленіе юстиціи во главѣ съ Челішевнымъ бережно собирало и восстанавливало судебныя учрежденія. Личный составъ ихъ такъ же, какъ и въ военномъ вѣдомствѣ, подвергался провѣркѣ въ отношеніи его участія въ дѣятельности большевнцкихъ органовъ — не столько въ невольномъ сотрудничествѣ, сколько въ пріятіи большевнцкой идеологии и практики. Обслѣдованіе, веденное безъ нарушенія принципа несмѣяемости судей, не возбудило такого озлобленія, какъ это было въ военной средѣ, и дало въ общемъ весьма благоприятные результаты въ отношенія нравственной фізіономіи служащихъ русскаго суда.

¹⁾ Голоса кооператоровъ я или не слышалъ, или не помню.

Благодаря болѣе развитому чувству государственности въ правительствахъ Дона и Терека, явилась возможность осуществить на освобожденной территоріи единство высшей кассационной палаты и надзора за правительственнымъ аппаратомъ въ лицѣ «Донского» сената, преобразованнаго въ «Правительствующій»; точно также Новочеркасской судебной палатѣ были подчинены Ставропольскій, Владикавказскій и вновь образованный Черноморскій окружные суды. Только кубанское правительство и въ этомъ вопросѣ соблюло самостоятельную началу, воспротивившись объединенію, дѣлая попытку создать всѣ элементы суда въ предѣлахъ области и, вслѣдствіе оппозиціи этому чинивъ судебного вѣдомства, оставивъ край до самаго своего паденія безсуднымъ.

Вѣдомство юстиціи возстановило законъ, внося только необходимыя поправки въ нормы процессуальнаго и матеріальнаго права, вызванныя исключительной обстановкой. Не избѣгло оно все же вторженія «политики» въ вопросѣ большой важности: «объ уголовной ответственности участниковъ установленія совѣтской власти и лицъ, содѣйствовавшихъ ей распространенію и упроченію». Въ концѣ іюля состоялось постановление Ос. Сов. о введеніи указаваго закона. Законъ предусматривалъ смертную казнь для лицъ, «виновныхъ въ подготовленіи захвата государственной власти совѣтомъ народныхъ комиссаровъ», участниковъ и пособниковъ; прочіе — «виновныхъ въ содѣйствіи и благопріятствованіи совѣтской власти» — въ мѣрѣ вины законъ каралъ въ предѣлахъ отъ каторжныхъ работъ до штрафа въ 300 руб.; лица, виновныя въ преступленіи «вслѣдствіе несчастнаго сложившихся обстоятельствъ, опасенія возможнаго при нужденія или иной достойной уваженія причины», освобождались отъ ответственности вовсе.

Законъ по духу выражалъ суровое осужденіе коммунизму и коммунистамъ, какъ разрушителямъ русскаго государства. Для нихъ онъ былъ безопасенъ. Что касается массы населенія, такъ или иначе попадавшей въ круговоротъ волна или невольнаго сотрудничества съ большевиками, законъ давалъ возможность широкой и безболѣзненной ликвидаціи вопроса, ибо почти всю не коммунистическую часть населенія, почти весь милліонный кадръ «слесовъ» можно было подвести подъ третью категорию. И хотя практика судебно-слѣдственныхъ комиссій, руководствовавшихся равнѣ измѣненной 108 статьёй Уложения, и потомъ нормальныхъ судебныхъ учреждений была весьма гуманна — во всякомъ случаѣ гуманнѣе общественнаго настроенія — самый фактъ выхода этого закона считается многими, въ особенности теперь, большой политической ошибкой. Одинъ изъ тогдашнихъ законодателей, вспоминая прошлое, пришелъ къ убѣжденію, что такимъ путемъ «былъ упроченъ станъ красныхъ: люди, которые играли въ поддавки и сочувствовали саботажу, начали вести игру зъ крѣпкія, або въ игрѣ — они стали такъ думать — была ихъ голова»... Несомнѣнно редакция закона не правильна и давала пищу для кривотолковъ; впечатлѣніе онъ долженъ былъ произвѣсти неблагоприятное. Мнѣ кажется только, что это настроеніе невольныхъ сотрудниковъ совѣтской власти нѣсколько ступено: сомнительно, чтобы люди, привыкшіе къ юрисдикціи «народныхъ судовъ» и застѣйка «чрезвычайки», страшились очень нормально русскаго суда. Особенно, если принять во вниманіе, что июльскій законъ былъ опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе только въ концѣ октября, когда наше наступленіе кончилось, и онъ не могъ уже получить широкаго распространенія.

Дѣятельность лицъ судебного вѣдомства проходила въ обстановкѣ исключительно трудной, не давшей возможности оказать надлежащее вліяніе на изнанку жизни, на оздоровленіе тыла. Во всякомъ случаѣ, въ то время, когда мораль считалась предразсудкомъ и преступленіе явленіемъ зауряднымъ; когда преступники стали почти неуловимы изъ за разрушенія органовъ розыскныхъ и полицейскихъ, изъ за страха, сковывавшаго уста свидѣтелей, взъ за непроѣзжихъ дорогъ — въ силу багдизма и повстанчества; когда вся страна стала территоріей гражданской войны, съ ея извращеніями закона и права; въ обстановкѣ лихоты и лишений — дѣятельность судебного вѣдомства тѣмъ не менѣе стояла на должной высотѣ.

Вѣдомство народнаго просвѣщенія подъ управленіемъ Малинина и подъ руководствомъ проф. Новгородцева, не ломая основъ и уклада и не прокладывая новыхъ путей, работало упорно надъ восстановленіемъ русской школы и улучшеніемъ положенія учителя. Въ то бурное время оно почти не привлекало на себя общественнаго вниманія. Только однажды выступленіе управленія по украинскому вопросу, о чемъ будетъ изложено позже, вызвало большіе дебаты и приобрѣло большое политическое значеніе.

Въ сторонѣ отъ другихъ вѣдомствъ стояло одно — по существу безкровно-мирное, но призванное играть огромную роль, какъ средство борьбы: отдѣлъ пропаганды.

Въ сентябрѣ 1918 г. ген. Алексѣевъ учредилъ «Освѣдомительное отдѣленіе» при председателѣ Ос. Сов., поставивъ во главѣ его Чахоткина¹⁾. Задачи, поставленныя отдѣленію, заключались «въ освѣдомленіи командованія о политическомъ положеніи, освѣдомленіи населенія о работахъ и задачахъ Добровольческой Арміи и пропагандѣ ея идей». Первоначально отдѣленіе состояло изъ двухъ «бюро» — «початы» и «информационнаго». Свѣдѣнія добывались весьма примитивно — «путемъ опроса лицъ, учреждений и пріѣзжихъ изъ разныхъ мѣстъ, привлекаемыхъ въ бюро особыми плакатами»... Съ первыхъ же шаговъ учрежденію, разроставшееся ленинговѣрно въ своемъ составѣ, приняло несерьезный характеръ, обратившись вскорѣ въ убѣжище для безработной интеллигенціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ новый органъ контръ-развѣдки — только мелкой, чисто бытового масштаба. Во «внутренней информации» можно было, напримеръ, прочесть о томъ, что «Линцо, не желавшее называть себя, сообщило фамиліи слѣдующихъ лицъ, ведущихъ большевинскую агитацію въ станицѣ Смоленской (слѣдуетъ перечень)». Въ «информации внешней» встрѣчались довольно любопытныя свѣдѣнія о ходѣ мирныхъ переговоровъ (осень 1918 г.):

«Лансингъ передалъ отвѣтъ Вильсона на ноту Германіи... что для веденія переговоровъ необходимо: 1) гарантія превосходства союзныхъ войскъ на фронтѣ, 2) прекращеніе Германіей своихъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ, которыя названы «безчеловѣчными», и 3) сокращеніе до безсилія той власти, которая нарушила общій миръ и управляетъ Германіей...»

Что же касается агитаціи, то устная была въ то время до крайности элементарна, а графическая ограничивалась почти однимъ распространеніемъ листовокъ, которыя не разъ вызывали къ себѣ вмѣсто сочувственнаго отношенія насмѣшливое.

Къ началу 1919 г. Чахоткинское учрежденіе успѣло проявить свою несостоятельность въ полной мѣрѣ, и Ос. Сов. постановило учредить новый отдѣлъ пропаганды, отпустивъ на него весьма крупныя средства, чтобы съ первыхъ же шаговъ поставить широко это важное дѣло. Главная задача, возлагаемая на отдѣлъ, состояла въ распространеніи по всей территоріи Россіи и за границей правдивыхъ свѣдѣній, какъ о большевизмѣ, такъ и о борьбѣ, которая велась противъ него на Югѣ.

Постъ управляющаго отдѣломъ былъ предложенъ Н. Е. Парамонову — к. д., доносному дѣятелю, который соединялъ въ себѣ опытъ политической и издательской работы. Постъ большихъ дебатовъ внутри Совѣщанія и перспективъ съ донскимъ атаманомъ, центръ дѣятельности пропаганды былъ перенесенъ въ Ростовъ, какъ пунктъ, допускающій мощное техническое оборудованіе отдѣла.

Съ первыхъ же шаговъ дѣятельности новаго главы пропаганды начались его трени съ Екатеринбургомъ, главнымъ образомъ, изъ за его желанія «повернуть руль влѣво».

«Мнѣ лѣзла особенно необходима — писаль онъ — и я очень огорченъ, что у меня туго подвигается наборъ видныхъ сотрудниковъ, стоящихъ теоретически

¹⁾ Вслѣдствіи сталъ смѣловѣховцемъ.

Группа отдела пропаганды,
(на молебнѣ).

въ рядахъ социалистическихъ партій, но по своему настроенію и по кредиту въ широкихъ демократическихъ кругахъ могущихъ принести намъ большую пользу. Окруженіе себя сотрудниками изъ кадетовъ и направо будетъ коренной ошибкой. Привлеченіе видныхъ болѣе лѣвыхъ элементовъ — необходимое условіе успѣха.

Можно было говорить о необходимости «полѣвѣнія» политическаго курса, но самодѣльное полѣвѣніе пропаганды внесло бы еще большее расхожденіе между словомъ и дѣломъ и задуло бы окончателью и безъ того необыкновенно сложныя политическія взаимоотношенія, существовавшія на Югѣ.

Послѣ ряда треній, осложненныхъ раздѣльнымъ существованіемъ отдѣла пропаганды и центра управленія (Ростовъ — Екатеринодарь), которое препятствовало личному общенію и взаимному пониманію, Парамоновъ оставилъ свой постъ. Управленіе его продолжалось всего мѣсяць, причемъ большую часть времени Парамоновъ вынужденъ былъ удѣлять засѣдавшему тогда Донскому кругу, въ составъ котораго онъ игралъ видную роль, въ качествѣ лидера оппозиціи. И новый управляющій отдѣломъ К. Н. Соколовъ принял по существу наслѣдіе Чухотина.

Первыя же впечатлѣнія Соколова отъ знакомства съ «Освагомъ» были удручающія. Настолько, что возникалъ даже вопросъ — не лучше ли разрушить вовсе старое зданіе и построить новое... Соколову даны были большія средства и полномочія для реорганизациі учрежденія.

Отдѣлъ пропаганды тѣмъ не менѣе не поднялся.

Я не могу не признать, что и техника, и внутренняя цѣлность работы много выросли по сравненію съ первыми опытами Чухотина; что дѣятельность нашей пропаганды, въ особенности освѣдомительная, своими тщательно обоснованными оборонами оказывала помощь правительству; что въ рядахъ вѣдомства было не мало лицъ съ установившеюся высокой литературной репутаціей и честнымъ политическимъ стажемъ, что, наконецъ, не одинъ десятокъ смѣлыхъ сотрудниковъ пропаганды палъ на своемъ посту отъ руки большевиковъ... Но въ конечномъ результатѣ работа отдѣла пропаганды принесла больше вреда, чѣмъ помощи, прежде всего благодаря самому факту всеобщаго отрицательнаго отношенія къ нему и недовѣрія ко всему, что носило печать «Освага».

Я останавлиюсь на важнѣйшихъ только органическихъ причинахъ неуспѣха этого учрежденія.

Прежде всего, проповѣдью единства Россіи, оно пашло жесточайшихъ враговъ въ станѣ національнаго и областного сепаратизма и среди всѣхъ принципиальныхъ противниковъ правительства. Оно встрѣчало противодѣйствіе и осужденіе не только въ аналогичныхъ учрежденіяхъ новообразованій, но и въ нашихъ крупныхъ штабахъ и учрежденіяхъ, желавшихъ эмансипироваться отъ отдѣла пропаганды и вести свою агитацію, свое освѣдомленіе. Та официальная идеологія, съ которой шли за арміей органы пропаганды, вступала иногда въ большое противорѣчіе съ заявленными бойсковыхъ начальниковъ, вызывая разбродъ въ опредѣленіяхъ дѣлѣ борьбы и недовѣрія въ населеніи. Практика нѣкоторыхъ войсковыхъ частей, проходившихъ съ карами и местью, не вязалась съ проповѣdkю порядка и мира. Эти объективныя причины, не зависѣвшія отъ отдѣла пропаганды, далеко, однако, не исчерпывали вопросъ.

Личный составъ отдѣла часто не удовлетворялъ минимальнымъ условіямъ технической подготовки и полезности работы. Необходимость быстрого развитія сѣти учреждений пропаганды, недостатокъ людей, часто полная невозможность для руководителей дѣла ознакомиться съ политическимъ и моральнымъ багажомъ привлекаемыхъ работниковъ — приводили къ тому, что на общемъ полѣ дѣятельности встрѣчались элементы совершенно разнородные: почитаемый писатель, честный журналистъ, серьезный ученый и на ряду съ ними — продавецъ пера и мысли, будирующій противъ власти социальствъ - полубольшевикъ, крайній правый, неблагополучный по связямъ съ Распутнымъ, наконецъ шарлатанъ — «югъ» и «провидецъ», начинавшій ткать новую паутину вокругъ члеповъ дышастіи... Остовъ дѣйствующихъ лицъ пропаганды обросталъ всемогущимъ количествомъ вторыхъ

персонажей из ненаходивших другого применения своему труду представителей интеллигенции и бюрократии, бронированных от военной службы молодых людей, дам и дѣвиц, придававших сумбурный характеръ всему учрежденію. Усилія мои расчистить его встрѣчали упорное сопротивление: штатныя должности упразднились, но вырастали лештатныя — «секретныхъ сотрудниковъ».

Общая линия правительственной политики, если и выдерживалась вѣтше этимъ пестрымъ конгломератомъ работниковъ пропаганды, то во всѣхъ интимныхъ, трудно поддающихся оцѣлкѣ и контролю дѣйствіяхъ и отношеніяхъ ихъ — не разъ произвольно нарушалась и искажалась. Оттого дѣйствительность подносила такіе, напримѣръ, сюрпризы: въ одномъ изъ важнѣйшихъ узловъ нач. агит. отдѣла рекомендуетъ своимъ подчиненнымъ «проповѣдывать директорію», такъ какъ онъ «противъ диктатуры главнокомандующаго...» Изъ другого — но освобожденнымъ только что крупнымъ городамъ Малороссіи командирется для агитаціи адвокатъ Зарудный¹⁾, который, къ удивленію слушателей, ведетъ пропаганду въ пользу Керенскаго, возбуждавшаго тогда общественное мнѣніе Европы противъ бѣлыхъ армій и вождей, и почти въ оправданіе большевизма... Съ другой стороны, одинъ изъ секретныхъ отдѣловъ центрального вѣдомства пропаганды поддерживаетъ тѣсную связь и субсидируетъ негласными суммами «Союзъ русскихъ національныхъ общинъ»²⁾ — правую организацію, враждебную политикѣ командванія...

Это былъ не сплоченный общностью взглядовъ и идеологій органъ, а «парламентъ мнѣній», не достаточно связанный внутренней дисциплиной и сознаниемъ нравственной отвѣтственности.

Къ «Освагу» въ обществѣ привыкли относиться съ легкимъ пренебреженіемъ еще со временъ Чахотина. «Освагъ» не любилъ и потому не хотѣлъ замѣчать и нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ его дѣятельности; не прощали ему и промаховъ, всегда возможныхъ въ нервной обстановкѣ гражданской войны — въ особенности, когда эти промахи носили комическій оттѣнокъ. И то, чего не могли сдѣлать справедливые возмущеніе или наоборотъ — злоба и зависть, то довершила насмѣшка — это отточешное и ядовитое оружіе общественнаго мнѣнія.

Насмѣшка доконала «Освагъ».

Я очертилъ вкратцѣ правительственную дѣятельность, касаясь, главнымъ образомъ, важнѣйшихъ сторонъ ея, преимущественно тѣхъ, которыя имѣли прямое и непосредственное вліяніе на теченіе и исходъ борьбы. Въ этой сжатой схемѣ поневолѣ опущены положительныя стороны, существенныя детали тяжелой большой и полезной работы правительства и подчиненныхъ органовъ въ обстановкѣ исключительно тяжелой моралью и полной физическихъ лишеній. Власть тогда была не цѣлью, не удовлетвореніемъ, а подвигомъ.

И этотъ подвигъ очень многіе несли — по крайнему своему разумію — честно и безкорыстно.

Пронесшаяся надъ русской землей буря, задѣвшая всѣ основы челоѣческой жизни, не прошла беслѣдно и для православной церкви. Церковная жизнь настоятельно требовала устроенія. И передъ властью стали нѣкоторыя осложненія въ политическомъ (автокефалія украинской церкви) и бытовомъ отношеніи, выходящія далеко за предѣлы самой церковной жизни и не разрѣшимыя безъ нарушенія каноновъ. По иниціативѣ протопресвитера Шавельскаго, и обратился въ

¹⁾ Бывшій министръ юстиціи Времен. правительства, нынѣ совѣтскій служащій.

²⁾ На средства союза издавался въ сентябрѣ 1919 г. въ Ростовѣ еженедѣльный прогromный листокъ «Въ Москву», закрытый вскорѣ Донскимъ правительствомъ.

началъ марта къ православнымъ іерархамъ, проси ихъ созвать совѣщаніе, съ цѣлью разрѣшить вопросъ о высшемъ церковномъ управленіи. Послѣ долгихъ треній и колебаній, 20 мая въ г. Ставрополѣ состоялся, наконецъ, Помѣстный Соборъ изъ епископовъ, выборнаго духовенства и мирянъ, который утредилъ «Временное высшее церковное управленіе»¹⁾, принявшее на себя высшую церковную власть на Юго-Востоки Россіи «до установленія правильныхъ сношеній со Святейшимъ Патриархомъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Особомъ Совѣщаніи учреждено было управленіе исповѣданій, во главѣ котораго сталъ князь Г. Трубецкой, и въ сентябрѣ опубликована была декларация о взаимоотношеніяхъ церкви и государства:

«Въ твердомъ убѣжденіи, что возрожденіе Россіи не можетъ совершиться безъ благословенія Божія, и что въ дѣлѣ этомъ Православной Церкви принадлежитъ первенствующее положеніе, подобающее ей, въ полномъ соотвѣтствіи съ истинными навѣтами исторіи, признаю необходимымъ установить нижеслѣдующее:

Въ согласіи съ новыми началами, на которыхъ создается государственная жизнь Россіи, и въ соотвѣтствіи съ постановленіями Всероссийскаго помѣстнаго собора, Православная Церковь свободна и независима къ дѣламъ своего внутренняго распорядка и самоуправленія.

Впредь до выработки особыхъ по сему предмету законоположеній, учрежденному нынѣ временному управленію исповѣданій надлежитъ имѣть наблюденіе за соотвѣтствіемъ постановленій власти Православной Церкви въ дѣлахъ, сопрягающихся съ областю государственныхъ и гражданскихъ правоотношеній, съ существующими общими государственными законами. Черезъ его посредство осуществляется поддержка, оказываемая государственной властью Церкви въ ея матеріальныхъ и иныхъ нуждахъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ православному и повѣрному исповѣданіямъ, временное управленіе исповѣданій должно руководствоваться началами свободы совѣсти и вѣротерпимости, предоставляя каждому признанному въ государствѣ исповѣданію, въ полномъ соотвѣтствіи съ общими государственными началами, свободу самоуправленія въ дѣлахъ внутренняго, чисто религіознаго характера, не сопрягающихся съ областю государственныхъ и гражданскихъ правоотношеній. Въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, разрушающимъ начала государственности, всѣ эти исповѣданія призываются содѣйствовать среди своихъ представителей общей задачѣ оздоровленія и возсоднѣнія Россіи».

Соборъ обратился съ бодрящимъ словомъ къ народу, вождямъ и Арміи и съ утѣщеніемъ къ красноармейцамъ.

Но и въ этотъ вопросъ не преминула вмѣшаться политика: крайнія правы группы пытались придать этому патріаршій специфическій политическій оттънокъ. Послѣ неудачи, постигшей Пуркишенца и Востокова, которыхъ не допустили выступить на Соборѣ съ весьма боевымъ «синовнимъ обращеніемъ», эти группы охладѣли къ Собору и къ Высшему церк. управленію, огульно заледозрѣвъ его въ «кадетизмѣ». Что касается лѣвыхъ партій, онѣ отвесили также съ большой подозрительностью къ «поповской мобилизаціи» и къ «втягиванію духовенства въ политическую жизнь». Обвиненія эти были не основательны. Духовенство вовлекалось иногда въ политику, но не властью, а своимъ участіемъ въ политическихъ организаціяхъ. Церковное управленіе не разъ предупреждало проповѣдниковъ «отъ сколькихъ путей политическаго пропаганды», не разумѣя подъ этимъ, конечно, выступленій противъ гонителей вѣры и церкви — большевиковъ.

Присутствуя при открытіи Собора, въ своей рѣчи я высказалъ и свой взглядъ на задачи его и духовенства:

«Въ эти страшные дни, одновременно съ напоромъ большевизма, разрушающимъ государственность и культуру, идетъ пламенный борьба извиѣ и иллури противъ Христовой Церкви.

Храмъ оскверненъ. Рушатся устои вѣры. Разстроена жизнь церковная. Погасли свѣтильники у пастырей, и во тьмѣ бродитъ русская душа, одушевленная, ослепленная, охваченная смертельной тоской или тумнымъ равнодушіемъ.

Церковь въ плаѣну. Раньше у «приказныхъ», теперь у большевиковъ.

¹⁾ Изъ 7 членовъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Донскаго — Митрофана.

И тихій голос ея тонегъ въ дикой самостоляскѣ вокругъ сле живого гѣла нашей Родины.

Необходима борьба.

И я отъ души привѣтствую помѣстный Соборъ Юга Россіи, поднимающій духовный мечъ противъ враговъ Родины и Церкви.

Работа большая и сложная.

Устроение церковнаго управленія и православнаго прихода. Борьба съ безвѣріемъ, увнѣнемъ и безпримѣрнымъ нравственнымъ паденіемъ, какого, кажется, еще не было въ исторіи русскаго народа... Борьба съ растлителями русской души — смѣлымъ пламеннымъ словомъ, мудрымъ дѣяніемъ и живымъ примѣромъ... Укрѣпленіе любви къ Родинѣ и къ ея святынямъ среди тѣхъ, кто въ кровавыхъ бояхъ творить свой жертвенный подвигъ.

Къ сожалѣнію, невзирая на усилія многихъ достойныхъ пастырей, церковная проповѣдь оказывала мало вліянія на массы: сѣятели были неускусны, или шва чреамѣрно густо заросла плеведами...

ГЛАВА XXV.

Внѣшняя политика правительства Юга. Парижское военное и политическое представительство. «Русскій вопросъ».

Въ концѣ октября въ Екатеринбургъ прибылъ бывш. російскій мин. иностр. дѣлъ Сазоновъ и занялъ постъ начальника управл. иностр. дѣлъ въ Особомъ Совѣщаніи. Назначеніе его принято было общественнымъ мнѣніемъ сочувственно. Самостійные круги, хотя и будировали нѣсколько, но признавали авторитетъ Сазонова; не протестовали и умѣренно лѣвые, а «Утро Юга» привѣтствовало даже назначеніе Сазонова — подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы онъ опирался на «все-російскую демократическую власть».

Вопросъ замѣщенія этой должности имѣлъ большое значеніе для Юга, въ виду общаго стремленія къ объединенію російскаго представительства на предстоящей мирной конференціи. Мы жили иллюзіями, что голосъ нашъ будетъ тамъ услышанъ...

Отраженіемъ взглядовъ южной російской общественности на характеръ и задачи этого представительства является «Памятная записка», поданная правительству державъ Согласія черезъ екатериндарскихъ ихъ представителей⁴⁾. Главнѣйшія положенія записки заключались въ слѣдующемъ:

«1. Совѣтское правительство не только не имѣетъ права представлять Россію... но само существованіе этой банды убійцъ и разбойниковъ... не должно быть терпимо.

Россія проситъ союзниковъ поспѣшно придти ей на помощь... Мы надѣемся, что въ этой войнѣ за гуманность и справедливость будутъ со-вѣстно дѣйствовать союзныя и мѣстныя (русскія) войска.

Офмерзныя государственныя образованія... пріобрѣтшія мнимую независимость... не могутъ принимать участія въ процессѣ освобожденія и объединенія Россіи, пока они не откажутся отъ своихъ притязаній на отдѣльное существованіе. Они не должны претендовать на отдѣльное національное представительство.

Необходимо осторожно относиться къ притязаніямъ отложившихся областей, въ роѣ Украины, Дона, Литвы, Прибалт. губ., Кавказск. республик и даже Финляндіи, независимость которой не была признана Временнымъ правительствомъ... Будучи представлены отдѣльно, они усилятъ бы только элементы разложженія и слабости.

4. Настоящая Россія можетъ быть представлена только единой делегацией, объединяющей всѣ оставшіеся здоровыми, среди разрушенія, элементы.

Есть два центра объединенія ея силъ — на сѣв.-востокъ и юго-востокъ Россіи».

Преимущество записка отдавала второму — въ силу близости къ проливамъ, экономическихъ условій Юга, существованія тамъ Доброволь-

⁴⁾ Записку подписали: Астровъ, Винаверъ, Мьяжковъ, Степановъ и Шульгинъ.

ческой Армии и приюта «опытных» и солидных государственных людей... которые начинают уже образовывать составные части будущего правительства, способного сложиться в будущем путем добровольного соединения с другими действующими центрами...»

5. Не ожидая конца этого слияния, «наши бывшие послы... могли бы представлять Россию и ее интересы... Несколько других, лучше осведомленных о недавних событиях, присоединятся к ним в качестве представителей тех центров объединения, о которых упомянуто выше».

Таким образом, в вопросах внешнего представительства сходились довольно широкий фронт правый и либеральной общественности, не было в этом отношении и серьезного расхождения с умеренно-лѣвыми, наконец, и правительство Юга разделяло эти взгляды.

Съ дѣлю разработку вопросов, связанных съ предстоящей конференціей, въ ноябрѣ учрежденъ былъ при управл. шп. дѣлъ «Советъ по дѣламъ внешней политики», подъ предѣдательствомъ Сазонова. Въ Советѣ должны были принять участіе А. А. Нератовъ, М. М. Винаверъ, П. И. Новгородцевъ, Г. Н. Трубенкой и Г. А. Казаковъ; предложено было включить въ составъ его по одному представителю отъ Дона и Кубани, по обѣ «державы» уклонились, причемъ бывшій въ то время атаманъ ген. Красновъ, отнесся вообще отрицательно къ предложенію, требовалъ «паритета» для Дона и Кубани: «если бы я могъ согласиться на то, чтобы на шесть представителей Добровольческой Арміи явился одинъ представитель Донского войска, то Донскіе казаки (?) съ этимъ никогда не согласятся...»¹⁾. Времени для споровъ не было, и я поручилъ представительству Юга въ Парижѣ единолично Сазонову. По сообщенію этого рѣшенія новообразованіямъ, къ нему присоединились Крымъ и Донъ, причемъ атаманъ настаивалъ лишь на включеніи въ составъ парижской делегаціи, въ качествѣ совѣтниковъ, назначенныхъ имъ лицъ, что не встрѣтило препятствій.

Съ Кубанью вышло сложнее. На основаніи постановленія Ряды, правительство Быча накануне своего ухода въ отставку избрало заграничную делегацію «для широкой информации и защиты интересовъ края». Въ составъ ея вошли — самъ Бычъ, Савинскій, Намитковъ — всѣ члены «черноморской группы». Эта делегація пожелала взять на себя и представительство на мирной конференціи, независимо отъ правительства. Въ результатѣ препирательствъ и компромисса была послана въ Парижъ одна делегація «правительственная», но въ составъ ея были включены Бычъ и его спутники и добавлены еще два члена — докторъ Долгополовъ (отъ правительства) и Д. Фильмоповъ (отъ атамана). И хотя въ наказѣ, данномъ делегаціи, было указано, что она посылается «для содѣйствія общему представительству государства Россійскаго С. Д. Сазонову», но предварительныя пренія о наказѣ выяснили полную непримиримость Быча и его единомышленниковъ съ такою точкой зрѣнія²⁾.

Въ серединѣ декабря Сазоновъ уѣхалъ въ Парижъ, снабженный наказомъ, выработаннымъ въ Особомъ Совѣщаніи и утвержденнымъ мною. Этотъ наказъ касался исключительно внешнего положенія русскаго государства и основной задачей признавалъ восстановленіе status quo ante bellum въ отношеніи русскіхъ владѣній, за исключеніемъ земель, имѣющихъ отойти къ независимой Польшѣ.

¹⁾ Письмо къ ген. Драгомирову, отъ 30 ноября, № 060.

²⁾ Въ наказѣ были, между прочимъ, такіе пункты:

«3. Если, однако, вопросъ о государственномъ устройствѣ Россіи будетъ поставленъ на международной конференціи, то делегація должна настаивать на установленіи въ государствѣ Россійскомъ федеративной республики свободныхъ народовъ и земель, съ признаніемъ за Кубанскимъ краемъ право отдѣльнаго штата.

4. Если бы дѣло возроданія Россіи и борьбы съ большевизмомъ было признано задачей, не допускающей международнаго вмѣшательства, то въ виду своеобразія культуры и социального уклада Кубанскаго края, настаивать на установленіи действительныхъ международныхъ гарантій противъ нападенія и распространенія на Кубанскій край совѣтской власти.

Внѣшне обстановка складывалась какъ будто благопріятно. Въ началѣ января 1919 г. адмиралъ Колчакъ назначилъ Сазонова министромъ иностранныхъ дѣлъ Омскаго правительства и, такимъ образомъ, въ его лицѣ объединено было представительство Юга и Востока. Но, пріѣхавъ въ Парижъ, Сазоновъ засталъ тамъ уже существующее представительство, говорящее отъ имени Россіи, не признанное въ этомъ качествѣ союзниками и, въ частности, французскимъ правительствомъ, но персонально находившееся съ нимъ въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ. Это было такъ называемое «Русское политическое совѣщаніе въ Парижѣ», во главѣ съ кн. Львовымъ¹⁾.

Пріѣздъ Сазонова былъ встрѣченъ весьма несочувственно: въ парижскихъ про-большевйцкихъ газетахъ, подъ влияніемъ русскихъ лѣвыхъ круговъ, появились статьи по адресу «недобитаго царскаго министра» и «нежеланнаго гостя»; Клемансо уклонился отъ приема Сазонова; члены Политическаго совѣщанія стали настойчиво убѣждать его, что имя его одіозно для французской демократіи, что изолированное выступленіе его невозможно, такъ какъ съ нимъ никто изъ прѣвѣщихъ круговъ разговаривать не станетъ... И Сазоновъ уступилъ безъ борьбы, войдя рядовымъ членомъ въ составъ Политическаго совѣщанія, о чемъ я узналъ много позднѣе.

Въ перыхъ числахъ января состоялся обмѣнъ телеграммами Сазонова и Маклакова съ Омскомъ, въ результатѣ котораго адм. Колчакъ писалъ мнѣ: «согласно этимъ телеграммамъ, я отъ себя и отъ имени правительства, образовавшагося на территоріи Сибири и Урала, уполномочилъ представительство Россіи (на мирной конференціи) въ составѣ: Кн. Львова, Сазонова, Маклакова и Чайковскаго. Полагаю, что Вы не разойдетесь со мной въ этомъ важномъ вопросѣ²⁾». Я не противорѣчилъ.

Въ составъ Политическаго совѣщанія должно было войти также по одному представителю Дона и Кубани. Но, когда послѣ долгихъ блужданій появилась, наконецъ, въ Парижѣ делегация Быча, на соединенномъ засѣданіи донской и кубанской делегаций было рѣшено не входить въ составъ Совѣщанія по слѣдующимъ мотивамъ: «вступленіе въ составъ Совѣщанія связало бы делегацию въ ихъ выступленияхъ и переговорахъ съ союзниками или съ другими государственными образованиями; съ другой стороны — не дало бы практически полезныхъ результатовъ, ибо по собранымъ свѣдѣніямъ къ Совѣщанію со стороны демократическихъ сферъ установилось отрицательное отношеніе, а въ сферахъ правительственныхъ къ голосу Совѣщанія совершенно не прислушиваются. Донцы вскорѣ вернулись на Донъ, изъ состава кубанской делегации вышель, подавъ протестъ противъ ея рѣшенія, Долгополовъ, а Бычь со своими тремя товарищами³⁾ остался надолго въ Парижѣ, примкнувъ къ наиболѣ непримиримымъ и враждебнымъ Россіи самостоятельнымъ организациямъ. Въ первомъ же своемъ «меморандумѣ» державамъ Согласія делегация Быча заявила, что «наилучшей для себя помощью кубанцы считаютъ бы прекращеніе гражданской войны, но это невозможно, ибо совѣтская власть добровольно не откажется отъ притязаній на Кубанскій край» и что «кубанцы ведутъ войну исключительно оборонительную». Делегация просила «всякой амуниціи для своей арміи», а «прежде всего, главнѣе всего, моральной поддержки въ борьбѣ съ большевизмомъ какъ слѣва, такъ и справа (черносотенствомъ)...»

Совѣщаніе имѣло совершенно неопредѣленныя функціи. Выдѣленные изъ состава его четыре члена (кн. Львовъ, Маклаковъ, Сазоновъ и Чайковскій) только и имѣли по существу право представительства сибирскаго и екатериндарскаго

¹⁾ Въ составѣ его къ началу 1919 г. были: Маклаковъ (посоль въ Франціи), Гирсъ (посоль въ Италіи), Бахметьевъ (посоль въ Америкѣ), Извольскій (бывш. мин. иностр. дѣлъ), Чайковскій (предсѣдатель Архангельскаго правительства), Савицковъ, Коноваловъ, Иваговъ (соц.-рев.), Титовъ («Союзъ возрожд.»).

²⁾ Письмо отъ 11 января 1919 г., полученное мною въ мартѣ или въ началѣ апрѣля.

³⁾ Двое — Калабуховъ и Д. Фидимоновъ вернулись также осенью.

правительствъ. Обращения къ союзнымъ державамъ и Мирной конференціи под-
писывали иногда Сазоновъ и Чайковскій отъ имени трехъ объединенныхъ правя-
тельствъ, иногда всѣ четыре лица — отъ имени «Совѣщанія». Въ непосредствен-
номъ вѣдѣніи его находились «Экономическое совѣщаніе» (Рафаловичъ), бюро
прессы (Саблинъ), канцелярія и посольство.

Въ поддѣломственныхъ отношеніяхъ и въ финансовую зависимость отъ Полити-
ческаго совѣщанія стали также учрежденія ген. Щербачева, который взялъ на себя
представительство, кромѣ арміи Юга, еще и Восточной и Западной (Юденича).
Кромѣ штаба, его организація состояла изъ отдѣла заготовокъ и снабженій
(ген. Гермоиусть), отдѣла, вѣдаваго личнымъ составомъ русскихъ военно-плѣн-
ныхъ и бывш. во Франціи русскихъ бригадъ (адм. Погуляевъ), и военно-история-
ческаго и статистическаго комитета (ген. Палицынъ). Содержание этихъ учре-
жденій стоило Совѣщанію 125 тыс. франковъ ежемѣсячно, дѣятельность же по
многимъ причинамъ была весьма ограничена. Для Юга, по крайней мѣрѣ, мало
ощутима. Главная задача, которую поставилъ себѣ ген. Щербачевъ — формиро-
ваніе арміи въ Чехии и Сербіи изъ контингентовъ русскихъ военно-плѣнныхъ и
мѣстныхъ добровольцевъ, вслѣдствіе общихъ политическихъ условий, психологи-
ческаго состоянія нашихъ военно-плѣнныхъ и отсутствія средствъ¹⁾, не имѣла
никакихъ результатовъ.

Политическое совѣщаніе представляло изъ себя далеко не однородное цѣлое.
Объ общемъ характерѣ его одинъ изъ видныхъ участниковъ Совѣщанія говоритъ:

«Въ той работѣ, которая совершается здѣсь въ Парижѣ русскимъ центромъ,
нужно различать двѣ стороны: 1) отставаніе единства, цѣлости и суверенитета
Россіи, которые должны быть дороги всемъ русскимъ, независимо отъ ихъ по-
литическаго направленія, и 2) тенденцію, при помощи сильныхъ вѣвшихъ по-
кровителей, союзниковъ, спасти русскую «демократію» и русскую «революцію».
Такъ какъ союзники требуютъ отъ насъ «демократизма», а вѣкоторые русскіе
элементы здѣсь и всѣ инородцы только и дѣлаютъ, что носятъ союзникамъ
на «авты-демократизмъ» русскаго національнаго движенія и, въ частности, Па-
рижскаго Политическаго Совѣщанія, то мы всѣ, каковы бы ни были наши по-
литическія убѣжденія, вынуждены считатьъ съ этой атмосферой. Но для од-
нихъ это — вѣвшая неотвратима обстановка, въ которую въ силу историче-
скаго несчастья вдувнута дѣло возстановленія Россіи, для другихъ это — же-
ланная поддержка ихъ собственныхъ «плѣнныхъ» аспирацій, которая, какъ это
они не могутъ не чувствовать, потеряла позорное фiasco».

Практически это столкновеніе взглядовъ давало такую картинку работы (мартъ
1919 года):

«Три четверти времени уходитъ на бесполезную грызню между собой, запо-
дириваніе другъ друга въ злыхъ замыслахъ. Если это продлится еще нѣкото-
рое время и выйдетъ наружу, то мы совершенно погубимъ себя. И мы это здѣсь
понимаемъ, и въ послѣднюю минуту самые, казалось бы, непримиримые оста-
навливаются. Такъ, здѣсь назрѣвалъ и чуть не разразился большой конфликтъ
между Сазоновымъ и представителями общественнаго мнѣнія, которые нахо-
дили, что онъ слишкомъ отсталъ и недостаточно считается съ духомъ времени.
Всѣмъ стало ясно, что если вѣчто подобное разразится, если ссора между ру-
скими въ моментъ Мирнаго конгресса выйдетъ наружу, то всякое уваженіе къ
намъ пропадетъ и, можетъ быть, надолго».

Впрочемъ, рѣшенія, — говорить участники — вырабатывались почти всегда
«единодушныя, т. е. ... компромиссныя».

*

Парижъ и Западная Европа жили, главнымъ образомъ, тѣми готовыми умо-
заключеніями, которыя имъ подсказывала русская эмиграція и, прежде всего, ея
политическій центръ — Парижъ. По словамъ кн. Львова²⁾, общественное мнѣніе

¹⁾ Ген. Щербачевъ, совместно съ экономическимъ совѣщаніемъ Рафаловича, ис-
числили и представили французскому министерству финансовъ смѣту въ 69½ милл.
франковъ въ мѣсяцъ на финансированіе этихъ предпріятій.

²⁾ Письмо его ко мнѣ отъ 20 февраля 1919 г.

союзных держав «оценивало наши правительства в такой постепенности по демократизму»:

«Первым стоит Архангельское. Оно не возбуждает сомнений в реакционности, главным образом, благодаря Чапковскому и потому, что оно не сильно и не так существенно.

Затем Омское, которое после переворота Колчака, вызвало бурю негодования, но когда выяснилась позиция Колчака, опирающегося на демократическо-радикальные слои, все-таки с ним мирятся. Здесь нам в этом деле удалось развеять сомнения.

Что же касается Южного, то оно прямо считается реакционным. В доказательство приводится все, что угодно: приглашение вехов старого режима министров (?), наличие множества генералов, представительство Сазонова, отсутствие в составе правительства соц-дем., отношение к Донскому Кругу и Краснову, коего, как антитезу Добровольческой Армии, выставляют, как истинно-демократическое начало и, наконец, самое офицерство, которое кутить и поеть «Боже, царя храни».

Союзники терпелись в тех противоречивых до крайности мненьях, которые исходили от русской эмиграции. Среди той взаимной ненависти, непонимания, зависти и обличий друг друга в самых тяжелых, не только политических, но и уголовных преступлениях...

Наряду стать соборимеь политических дѣателей вѣхъ равгов и направленій, въ томъ числѣ людей особаго типа — коммивояжеровъ отъ политики, обивавшихъ все пороги со своими жалобами и проектами, со своимъ надутымъ орблепленнымъ самолюбиемъ, своимъ «я», доминировавшимъ надъ интересами борьбы и Родины...¹⁾

Революционная демократия в огромном большинстве вложила меч в ножны и ополчилась против реакции, которая «идет на штыках колчаковских и денкинских армий...»²⁾. К ним присоединились всецело представители многочисленных лимитрофов — непримиримые и озлобленные. Весь этот лагерь вел сильнейшую борьбу «против Колчака и Деникина», имея особенный успех среди социалистов Запада. Если бы, все же, эта реакция могла быть донесена до Кремля, насколько свободнее вздохнуть бы тогда русский народ!

В кругах, близких к Политическому совещанию, признавалась всецело идея «борьбы до конца». Но отношение их к борющимся силам было не одинаково. В нем обозначилось течение, ослаблявшее не раз позицию Юга и отозвавшееся, несомненно, на настроениях французов, косвенно на событиях в Одессе и Крыму: «за Колчака, против Деникина». К нему примкнули, повидимому, и оба наших представителя — Сазонов и ген. Шербачев. Казалося в высшей степени странным это привнесение со стороны — элемента борьбы и соперничества во отношения двух людей, отличавшаяся глубокой искренностью, единомыслием и стремлением к единению...

Думаю, что не малую роль в этом вопросе сыграли два обстоятельства: с одной стороны, признание Екатеринодаром руководящей роли за Политическим совещанием и, с другой — большие стратегические успехи Восточных армий в начале 1919 г., в то время, как Армия Добровольческая, покоящаясь в Северном Кавказе, только еще поворачивала ее тяжелыми боями на север. Во всяком случае, явном, с выходом Воор. Сил Юга России на московские пути, изменится и отношение Совещания, хотя общее направление политики Южного правительства не претерпит изменения.

Вообще, во внешних и внутренних взаимоотношениях главную роль играть успех.

Опираясь на представительство таких реальных сил, как Восток и Юг России, Совещание получало известный вес в общественном мнении, но само

¹⁾ См. книжки Маргулес, Марголина, Кирдецова и друг.

²⁾ Керенский, Милюк, Зензинов, Аргунов и друг. обратились даже с «манифестом» к демократическим правительствам Запада, приглашая их не оказывать поддержки адм. Колчаку и мя.

оно къ силамъ этимъ относилось съ нѣкоторымъ высокомеріемъ, какъ къ правительствамъ «принципальнаго масштаба». Считая себя органомъ всероссійскаго значенія, Совѣщаніе заняло самодовольщее положеніе и въ отношеніи иностранцевъ и въ отношеніи представляемыхъ имъ силъ, стараясь руководить дѣйствіями послѣднихъ. Не знаю, какъ отнеслось къ этому Омское правительство, но Южное отрицательно. Между прочимъ, въ самый разгаръ нашей борьбы съ кубанскими самостійниками, въ началѣ апрѣля, кн. Львовъ отъ имени Совѣщанія прислалъ мнѣ телеграмму съ рѣзкимъ осужденіемъ дѣятельности Южнаго правительства:

«Совѣщаніе считаетъ необходимымъ, учитывая критическое положеніе, создавшееся для дѣла спасенія Россіи, сообщить, что въ союзныхъ странахъ, какъ и вообще въ Европѣ, демократическія теченія чрезвычайно усилились, не спятъ съ ними ни одно правительство не можетъ... Тѣ свѣдѣнія, которыя поступаютъ съ Юга отъ официальныхъ представителей мѣстныхъ правительствъ, отъ общественныхъ дѣятелей самой различной политической окраски, отъ агентовъ союзниковъ о взаимоотношеніяхъ между мѣстными правительствами и Добровольческой Арміей, усиливаютъ позиціи тѣхъ, которые защищаютъ здѣсь большевиковъ, и ослабляютъ тѣхъ, кто можетъ и хочетъ намъ оказать помощь. Совѣщаніе безсилно чего-либо здѣсь добиться, если на мѣстахъ не будутъ учитывать указанной обстановки... Всякій слухъ о раздорахъ военныхъ властей съ мѣстными правительствами и выборными правительственными организациями, внесеніе политическихъ соображеній въ военное дѣло, а тѣмъ болѣе обнаруженіе реакціонныхъ симпатій, стремленій къ политической реставраціи, отобранію земель отъ крестьянъ, хотя бы со стороны отдѣльныхъ лицъ, близкихъ къ Добровольческой Арміи,—убиваетъ сочувствіе и довѣріе къ национальному движенію... Недостаточно только избѣгать подобныхъ ошибокъ, надо установить явно дружескія отношенія къ Краевымъ правительствамъ, имѣть въ составѣ правительства популярныя имена, возстановить и поддержать широкія политическія фронты и сдѣлать такъ, чтобы большевики были изолированы въ своей борьбѣ со всей Россіей».

О содержаніи этой телеграммы одновременно съ нами была поставлена въ извѣстность Парижемъ и Кубанская законодательная рада, помѣтившая ее на страницахъ газетъ самостійнаго направленія. Это обстоятельство заставило меня предать гласности и мой отвѣтъ:

Парижъ. Министру Сазонову.

«По поводу телеграммы № 669 Маклакова, передайте кн. Львову, что я интересуюсь политической обстановкой и отношеніями къ Россіи, установившимися въ Парижѣ. Виждѣть съ тѣмъ, признаю совершенно бесполезнымъ намѣреніе руководить дѣйствіями Екатеринодарскаго правительства со стороны лицъ, оторванныхъ отъ Россіи, не знающихъ и не понимающихъ вовсе той обстановки, въ которой совершается въ ней трудное дѣло государственнаго строительства».

Деникинъ.

Эта переписка ухудшила значительно отношенія русскаго Парижа къ Екатеринодару, но, во всякомъ случаѣ, привела ихъ въ полную ясность.

Мало по малу, стало выясняться, что правительство Юга, по существу, не имѣетъ въ Парижѣ и нѣ какого представительства. Ни въ смыслѣ защиты нашихъ интересовъ, ни въ осведомленіи Запада о дѣятельности и боевыхъ успѣхахъ арміи Юга, ни даже простого опроверженія тѣхъ вздорныхъ слуховъ и небыллицъ, которые распространялись нашими недругами.

Съ парижскимъ политическимъ совѣщаніемъ я не сношлся. Официальныя отношенія между управленіемъ иностр. дѣлъ Юга и Сазоновымъ, хотя и продолжались, но существеннаго значенія не имѣли. Реальная политика, касавшаяся не только интересовъ Юга и борьбы его, но и нѣкоторыхъ вопросовъ общегосударственныхъ, велась непосредственно въ Екатеринодарѣ. И такъ какъ до осени 1919 г. иностранныя державы держали при командованіи Юга исключительно военныя миссіи, то, естественно, многіе вопросы проходили мимо нашей дипломатіи, разрѣшаясь, главнымъ образомъ, мною, совместно съ предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія, и отчасти начальникомъ военнаго управления. Общее направленіе вѣшной политики, съ которымъ Особое Совѣщаніе ознакомилось специально на

засѣданіяхъ, въ моемъ присутствіи, не вызывало никогда розни среди его членовъ.

Наши ожиданія не сбылись: русское представительство не было допущено на Мирную конференцію ни съ рѣшающимъ, ни съ совѣтательнымъ голосомъ. Политическое совѣщаніе и делегация («четверка») по собственной инициативѣ, иногда по приглашенію столповъ конференціи, отзывались на животрепещущіе вопросы, связанныя съ судьбами русской державы, декларациями, записками, иногда личными неофициальными бесѣдами, но выступления ихъ встрѣчали вниманіемъ во многомъ больше, чѣмъ «манифесты» Керенскаго и «меморандумы» державныхъ лимитрофовъ.

Было бы ошибочно и несправедливо, однако, отрицать значеніе этой «декларативной работы» русскаго парижскаго представительства: среди разноязычной толпы могилщиковъ Россіи, для которой они изобрѣли эпитетъ «бывшей», среди громкаго гомона «настѣдниковъ», дѣйствующихъ живо ея риты, нуженъ былъ голосъ національнаго сознанія, голосъ предостерегающій, возстаивающій историческія перспективы, напоминающій о поправныхъ правахъ русскаго государства.

Это было важно психологически и не могло не оказать сдерживающаго вліянія на крутые уклоны руководителей мирной конференціи, на колеблющихся общественнаго настроенія Запада.

Объ этихъ настроеніяхъ русскій посолъ въ Парижѣ Маклаковъ писалъ на Югъ:

«Пять лѣтъ войны и напряженія всѣхъ силъ вызвали реакцію... Когда было заключено перемиріе, всѣ бросились отдыхать по своему: люди состоятельные стали одѣваться, раздѣваться и танцовать, забывая о всякихъ ограниченіяхъ; рабочій людъ сталъ требовать сокращенія рабочаго дня и повышенія заработной платы... Въ нѣкоторыхъ странахъ въ миниатюрѣ повторяется то, что происходитъ въ Россіи — рабочій трудъ не окупаетъ уже рабочей платы и рабочіе становятся пенсионерами государства... Вытѣсъ съ тѣмъ, политическія претензіи рабочаго класса и, вообще, шпрокнихъ демократическихъ массъ, какъ приняло у насъ выражаться, очень возрастаютъ. Вездѣ правительства, представляющія правящіе классы, чувствуютъ себя на вулканѣ, вездѣ противъ нихъ идутъ претензіи тѣхъ, кто хотѣлъ бы занять ихъ положеніе, смотреть съ завистью и предубѣжденіемъ, на всякое социальное неравенство и преимущество и, благодаря этому, къ нашему большевизму относятся съ нескрываемой симпатіей. «Конечно, — говорятъ они, — тамъ много дикости и глупости, но общая идея намъ нравится...»

Вездѣ, гдѣ демократія начинаетъ чувствовать свою силу, находятъ и демагоги; и вотъ здѣшніе демагоги, которые пока еще не побѣдили, но приобретаютъ сторонниковъ съ каждымъ днемъ, находятъ слишкомъ благодарную почву и въ медлительности мирныхъ переговоровъ, и въ безвыходномъ положеніи правящихъ классовъ передъ финансовыми затрудненіями и въ неуныніи ихъ вытѣизъ войны не поврежденнымъ...

Не въ этомъ настроеніи, но въ этой атмосферѣ можно создать что-нибудь прочное и шти надворять порядкомъ въ Россіи.

Заставить сейчасъ, послѣ заключенія перемирія ихъ войска (союзниковъ) сражаться за Россію — выше силъ какого бы то ни было правительства. А, главное, здѣсь сейчасъ называется такая кампанія — демагогическая, вызывающая къ желанію покоя и мира, изображающая всѣхъ анти-большевиковъ реакціонерами и реставраторами, что союзники правительства боятся дать сраженіе своимъ большевикамъ на непопулярномъ сейчасъ лозунгѣ интервенціи¹⁾.

Въ конечномъ результатѣ, все болѣе ясное пониманіе реальной опасности русскаго большевизма правящими классами и, съ другой стороны — равнодушіемъ или даже отчасти сочувствіемъ въ то время къ нему на Западѣ массъ привело къ непонятной, извѣстной и гибельной для насъ политикѣ державъ Согласія въ русскомъ вопросѣ. Первымъ ея послѣдствіемъ былъ отказъ отъ всѣхъ торжественныхъ общаиш и деклараций, провозглашенныхъ подъ вліяніемъ военной психо-

¹⁾ Мартъ — апрѣль 1919 г.

логич побѣдителей: по инициативѣ Вильсона, съ одобренія Ллойдъ Джорджа и при отрицательномъ отношеніи Клемансо, состоялось постановленіе Мирной конференціи, переданное намъ по радио 12 января:

«Союзные представители подчеркиваютъ невозможность заключенія мира въ Европѣ, въ случаѣ продолженія борьбы въ Россіи. Поэтому, союзники приглашаютъ къ 15 февраля сего года всѣ организованныя политическія группы, находящіяся у власти или стремящіяся къ ней въ Европейской Россіи и въ Сибири, не болѣе трехъ представителей отъ каждой группы, на Принцевы острова въ Мраморномъ морѣ, для предварительныхъ переговоровъ, гдѣ будутъ присутствовать и представители союзниковъ, Финляндіи и Польша, какъ автономныя единицы, въ переговорахъ не участвуютъ. Союзники считаютъ, однако, необходимымъ до переговоровъ — заключеніе перемирія между приглашенными группами и прекращеніе всякихъ наступательныхъ дѣйствій. Союзники увѣряютъ въ своихъ дружественныхъ чувствахъ къ Россіи и русской революціи».

Это былъ первый, серьезный ударъ національному русскому движенію, со стороны союзниковъ.

За послылку своихъ представителей на Принцевы острова высказались только совѣтъ комиссаровъ, Эстонія и... Одесса. Полагая, что терминъ «организованныя группы, стремящіяся къ власти», имѣетъ прямое къ нимъ отношеніе, одесскія буржуазныя и социалистическія организаціи (Сов. гос. обороны, Союзъ Возрожденія, Отдѣлъ Нац. Центра¹⁾, Земско-городское объединеніе и друг.) послѣ обсужденія вопроса въ рядѣ засѣданій и послѣ споровъ о числѣ мѣстъ, избирали уже своихъ кандидатовъ...

Почти всѣ остальные группы отнеслись къ предложенію рѣзко отрицательно. Въ Екатеринодарѣ ему вначалѣ просто не повѣрили. Также было и въ Омскѣ, гдѣ адм. Колчакъ, — по словамъ Гинса, — заявилъ иностраннымъ представителямъ, что предложеніе «несло по содержанию и искажено», а поэтому онъ, какъ правитель, «не будетъ вовсе на него отвѣчать», а въ качествѣ главнокомандующаго «отдастъ приказъ войскамъ, что разговоры о перемирії съ большевиками распространяются врагами Россіи и что оныя готовятся къ наступленію...» Съ осужденіемъ къ проекту отнеслась и большая часть англійской и французской печати. Наконецъ, перваго февраля Сазоновъ и Чайковскій отъ имени трехъ объединенныхъ правительствъ обратились къ Мирной конференціи съ меморандумомъ: «высоко цѣня побужденія, внушившія союзникамъ ихъ предложеніе», они вынуждены заявить, что «не можетъ быть рѣчи объ обмѣнѣ взглядами на сему новоду съ участіемъ большевиковъ, въ которыхъ совѣтъ русскаго народа видитъ только предателей... Между ними и національными русскими группировками не возможны никакія соглашенія...»

Подъ вліяніемъ почти единодушнаго въ этомъ вопросѣ общественнаго мнѣнія, проектъ «Принкипо» былъ быстро похороненъ. Керзонъ въ палатѣ лордовъ проводилъ его надгробнымъ словомъ: «Правительство не можетъ объявить войну большевикамъ, такъ какъ это вызвало бы необходимость содержать большую оккупационную армію. Оставить же Россію мы также не можемъ — это была бы политика эгоистичная. Вотъ почему иредложенъ на конференціи принципъ прекращенія военныхъ дѣйствій въ Россіи, но вовсе не признаніе большевническаго правительства. Разговаривать съ разбойниками — не значитъ признать разбой!»

Идея интервенціи отпадаетъ. Послѣднія неудачныя и немощныя попытки ея въ Одессѣ и въ Крыму вызвать въ русскомъ обществѣ рѣзкую перемену во взглядахъ на спасительность интервенціи вообще, ксенophobia и — въ извѣстныхъ кругахъ — возвратъ германофильскихъ симпатій. Державы Согласія ограничиваются матеріальной помощью, но и въ этой области не достигнуть единства: Америка отходитъ въ сторону, Франція оказываетъ помощь преимущественно лимитрофамъ, Англія — и лимитрофамъ, и бѣлымъ русскимъ арміямъ. Если пра-

¹⁾ Главныи комитетъ Нац. Центра въ Екатеринодарѣ отнесся съ полнымъ осужденіемъ къ предложенію «Принкипо», о чемъ послалъ свое постановленіе союзному командованію.

вительства въ направле́нн помощи руководствуются исключительно субъективно понимаемыми интересами своихъ странъ — спасеніемъ отъ распространенія бониствующаго большевизма, то западныхъ демократіи исходятъ изъ болѣе идиллическихъ соображеній: длиннымъ рядомъ лѣтъ инородцы и русскіе либеральные и социалистическіе круги заносили на Западъ свою психологію, свои обвиненія «царскаго» режима и возбуждали симпатіи къ «угнетеннымъ» имъ народамъ Россіи; теперь пресса, пропаганда, и личныя воздѣйствія представителей національных образованій еще болѣе подогрѣваютъ симпатіи къ «угнетеннымъ».

«Глубокая пропасть, — писалъ Маклаковъ, — образовалась между воззрѣніями той части русскихъ, которая, не ослабѣвая, продолжаетъ національную защиту Россіи, и настроеніями Запады — не только западныхъ враговъ, но и друзей Россіи. Если бы кто-нибудь здѣсь сталъ говорить, что Россія будетъ унитарна, что... мѣстная автономія отдѣльныхъ національныхъ территорій... будетъ дана сверху единымъ Учредительнымъ Собраніемъ и что предѣлы этой автономіи могутъ имъ измѣняться, то на него посмотрѣли бы, какъ на реакціонера и чудака».

Между тѣмъ, именно такъ смотрѣли на взаимоотношенія къ новообразованіямъ и Екатеринбургское, и Омское правительства. Парижское совѣщаніе пошло нѣсколько дальше, и отъ его имени, за подписью «четырехъ», представлена была Мирной конференціи декларация (май 1919 г.), въ которой державамъ предлагалось признать, что

«всѣ вопросы, касающіеся территорій Россійскаго государства въ его границахъ 1914 года, за исключеніемъ этнографической Польши, а также вопросы о будущемъ устройствѣ національностей, живущихъ въ этихъ предѣлахъ, не могутъ быть разрѣшены безъ согласія русскаго народа. Никакое окончательное рѣшеніе не могло бы, въ связи съ этимъ, состояться по этому предмету до тѣхъ поръ, пока русскій народъ не будетъ въ состояніи вывить свободу свою волю и принять участіе въ урегулированіи этихъ вопросовъ».

Что касается теоретическихъ взглядовъ «новой Россіи», декларация поясняла, что «она»

«не разумѣетъ своего восстановленія иначе, какъ на основѣ свободнаго существованія составляющихъ ее народовъ, на принципахъ автономіи и демократіи и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на условіяхъ взаимнаго соглашенія между Россіей и этими народностями, основаннаго на ихъ самостоятельности».

И эта формула оказалась непріемлемой. Новообразованія требовали немедленной и полной самостоятельности. Частныя сношенія отдѣльныхъ членовъ Совѣщанія и инородческихъ делегаций были рѣшительно безрезультатны; официально не установилось вовсе, такъ какъ новообразованія соглашались признавать Совѣщаніе только за представительство «Великороссіи». Лишь однажды представители Литвы и Бѣлоруссіи (?) приняли помощь государствѣддовъ Совѣщанія при опредѣленіи восточной границы Польши, оказавшую имъ въ цѣляхъ огражденія Россійской территоріи отъ польскаго захвата.

Узнавъ объ обмѣлѣ мнѣній между адм. Колчакомъ и Верховнымъ совѣтомъ въ дни, когда предлагалось признать, шесть «государствъ» — Эстонія, Грузія, Латвія, Сѣверный Кавказъ, Бѣлоруссія и Украина тотчасъ же успѣшили увѣдомить, что «всякія постановленія органовъ русской государственной власти не должны имѣть никакого отношенія къ нимъ». И кубанскія делегация не преминула обратиться также съ просьбой признать Кубань «независимымъ государствомъ», допустить представителей ея къ участію въ работахъ Мирной конференціи и принять «Кубанскую республику» въ число членовъ Лиги Націй.

Мирная конференція не взяла на себя разрѣшенія русскаго вопроса. Она признала лишь «неотчуждаемую» независимость всѣхъ территорій, входившихъ въ составъ бывшей Россійской имперіи — въ смыслѣ отказа Германіи отъ всякихъ притязаній на нихъ.

Изъ Парижа намъ писали часто: помощь союзниковъ недостаточна потому, что борьба Юга и Востока не популярна среди европейскихъ демократій; что для приобрѣтенія ихъ симпатій необходимо сказать два слова:

— Республика и Федерация.

Этихъ словъ мы не сказали. Но, если бы другая власть допустила такое вмѣшательство извнѣ въ русскія дѣла и вышла изъ рамокъ непредрѣшенія коренныхъ вопросовъ государственнаго устройства Россіи до народнаго — въ той или другой формѣ — волеизъявленія, что измѣнилось бы въ исторіи прошлаго? Сомкнули бы съ нами свои ряды искренно и безкорыстно арміи новообразованій, отравленныхъ сладкимъ ядомъ мечты о полной своей независимости? Пошли бы полки генерала Уокера на Царцынъ и стрѣлки генерала Анзельма на Кіевъ? Наконецъ, воспряли ли бы духомъ російскія арміи, идя въ бой за «Федеративную республику?»

Конечно, нѣтъ.

Но декларациямъ и формуламъ дано было повернуть колесо исторіи.

Balaton - Lelle

(Венгрія).

1924 г.

Содержание четвертого тома

Вооруженные силы Юга России.

Главы

I. Крушение Германии и его ближайшія послѣдствія для Россіи	
II. Внутреннее и военно-политическое положеніе совѣтской Россіи къ концу 1918 года	8
III. Эвакуація австро-германскихъ войскъ. Измѣненіе политической карты Россіи и организація противобольшевистскихъ силъ на западѣ къ концу 1918 г. Финляндія. Сѣверо-западная область. Эстонія. «Сѣверный корпусъ». Ген. Юденичъ	17
IV. Латвія. Группа ген. фонъ-деръ-Гольца. Литва. Польша. Идея объединеннаго «Сѣверо-западнаго фронта»	
V. Появленіе союзниковъ на Югѣ Россіи и ихъ первые шаги. Планы интервенціи	35
VI. Кубань: правительство Бича и Чрезвычайная рада	42
VII. Кубань: атаманъ Филимоновъ, правительство Сущкова и Законодательная рада	
VIII. Донъ: событія на Донскомъ фронтѣ въ концѣ 1918-го и въ началѣ 1919 г. Борьба за единство военинаго командованія на Югѣ	
IX. Донъ: трагедія Донского фронта. Объединеніе воор. силъ Юга Россіи. Уходъ атамана Краснова	71
X. Добровольческой Арміи и флотъ: силы, организація, снабженіе	80
XI. Моральный обликъ Арміи. «Черныя страницы»	90
XII. Борьба на Сѣверн. Кавказѣ лѣтомъ и осенью 1918 г.	96
XIII. Сѣверо-Кавказская операція Добр. Арміи	106
XIV. Терекъ въ 1919 году	113
XV. Терско-Дагестанскій край въ 1919 году. Междоусобная борьба. Меджлисъ и англичане	121
XVI. Наша и англійская политика въ Закавказьи. Патумское генераль-губернаторство. Юго-Западная республика	136
XVII. Грузія	148
XVIII. Азербейджанъ	163
XIX. Армения. Результатъ англійской политики	172
XX. Украина: измѣненіе политики съ паденіемъ Германіи. Борьба партій. Вооруженная сила	
XXI. Украина: послѣдніе дни гетманства	
XXII. Национальная диктатура. Особое Совѣщаніе: составъ и общее направленіе политики	
XXIII. Особое Совѣщаніе: гражданское управленіе и самоуправленіе; рабочее и аграрное законодательство	216
XXIV. Особое Совѣщаніе: дѣятельность финансово-экономическая, юстиціи, просвѣщенія; пропаганда. Церковь	
XXV. Высшійя политичка правительства. Парляментское военное и политическое представительство. «Русскій вопросъ»	

Слисокъ картъ и схемъ 4-го тома

Очерковъ Русской Смуты.

	Стр
Военное положеніе въ срединѣ ноября 1918 года	13
Военно - политическое положеніе на западѣ и югѣ Россіи	16
Сѣверный Кавказъ	97
Офверо - Кавказская операція, декабрь 1918 г.—февраль 1919 г.	107
«Интернаціональная» Владикавказская желѣзная дорога	120
Закавказье въ началѣ 1919 года	137
Черноморское побережье	155

